Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке Royallib.com
Все книги автора
Эта же книга в других форматах

Приятного чтения!

Долгие ночи

Часть первая. ВЫЖЖЕННАЯ ЗЕМЛЯ

ГЛАВА I. ВО ВЛАДИКАВКАЗЕ

(Вместо пролога)

Наше управление на Кавказе не было совершенно сообразно с местными потребностями и отношениями… И для того, чтобы после Шамиля не явился на сцену новый деятель или он не имел никакого успеха, нужно одно: чтобы вследствие гуманного и справедливого управления горные племена не нуждались более в подобных деятелях.

Н. А. Добролюбов

Беспокойство охватило генерал-лейтенанта Лорис-Меликова уже с утра. Смуглое, со смоляными усами лицо его хмурится. Он то садится за массивный стол и торопливым скрипом пера нарушает тишину кабинета, то подходит к раскрытому окну и подолгу глядит на бесконечные цепи гор, окутанные прозрачной синей дымкой, то вновь мерит шагами кабинет, неслышно ступая по мягкому персидскому ковру. Чем больше думает он о "кавказском вопросе", тем сильнее одолевают его тревожные мысли. Ведь если следовать мнению большинства русских политиков, то война на Кавказе закончилась, и нет причин для новых тревог и волнений.

Однако на деле все складывалось совсем не так, как виделось в далеком Петербурге. Мир и спокойствие края — еще только желаемый, а не свершившийся факт. На сей счет он, Лорис-Меликов, не заблуждался, нет… И поэтому его бесят верхоглядство и беспринципность людей, находящихся на государственной службе, упорно не желающих замечать действительного положения вещей, их тупость, доходящая до идиотизма.

— Нет, действительно, это самый настоящий идиотизм, — цедит сквозь зубы Михаил Тариэлович, все сильнее раздражаясь. И не разобрать, на кого он больше злится: на горцев, что никак не хотят покориться, или на тех, кто навязывает ему свою волю.

Скорее всего на свою беспомощность, бессилие что-либо изменить и предотвратить надвигающуюся грозу. Опасения его не беспочвенны — тишина в крае обманчива.

И года нет, как он управляет Терской областью. После покорения Чечни он здесь уже третий. Всего лишь за четыре года. А что сделали его предшественники? Ничего! Да и не могли. Теперь надежда на него, Лорис-Меликова. Государь надеется на его опыт, дальновидность, верит, что он наведет порядок в Чечне, и вот уже почти год ломает он голову, но тоже никаких сдвигов.

Что, если и ему придется уйти ни с чем, как и его предшественникам: графу Евдокимову и князю Святополк-Мирскому?

Михаил Тариэлович мерно шагает по кабинету. Руки за спиной, пальцы крепко сцеплены. Он словно слышит голос Великого князя, его напутственные слова:

— В самое пекло направляем мы вас, Михаил Тариэлович, — тоном задушевной беседы говорил Михаил Николаевич. Но в этом ровном мягком голосе чувствовался характер человека, привыкшего повелевать. — Да, в пекло. Каковым и является Чечня. Племя это долее прочих сохранило возможность к сильному сопротивлению.

И всегда оказывало его самым упорным образом. Первые экспедиции и наши столкновения с этим народом, в которых мы потратили столько средств, времени и доблести русского солдата, в сущности, мало возымели влияния на вопрос окончательного покорения его нашей власти. Мы на деле испытали всю бесплодность борьбы с чеченцами, которые пользовались закрытой местностью Сунженской долины и предгорий, чтобы наносить нам потери, избегая в то же время решительного боя.

Поэтому мы по необходимости прибегли к уже испытанной веками системе заселения окраин государства казаками.

— Ваше высочество, позвольте добавить, — вежливо перебил наместника начальник Главного штаба Карцов. — Земли, отнятые нами у чеченцев, не имеют важности ни в политическом, ни в военном отношении. Чеченцы сохранили за собой то положение, в котором они еще не скоро подчинятся нашей власти.

— Согласен с вами, Александр Петрович. Оставляя чеченцев в такой ситуации, не следует верить в скорое спокойствие на Кавказе. Четыре года назад мы стали считать край побежденным.

И до сей поры пребываем в этом заблуждении. А за это время чеченцы дважды восставали, и восстания не успели распространиться на равнину только потому, что тогда в области были сосредоточены сорок шесть батальонов пехоты, три донских полка и один драгунский. Но мы не можем удалить оттуда хотя бы треть воинских частей, поскольку Чечня все эти годы таит в себе грозную опасность. Словом, сегодня следует смотреть на чеченцев и правительство, как на две стороны, стоящие друг против друга, из коих победившая не пользуется плодами своей победы, а побежденная, сохранив оружие и силы, выжидает удобного случая для возобновления борьбы. Повторяю, дорогой Михаил Тариэлович, Его Величество поручает вам самый трудный, самый ответственный и болезненный участок империи. От ваших мудрых действий зависят мир и спокойствие на Кавказе. Пока у нас мирные отношения с западными державами. Но Бог знает, сколько времени они продлятся. В случае внешней войны, нам придется перебрасывать половину войск на другой театр действий. И нет уверенности, что Чечня не взбунтуется. Поэтому прошу вас, Михаил Тариэлович, в ближайшее время навести там порядок: Александр Петрович вручит вам копию инструкций по чеченскому вопросу, недавно представленную Его Величеству. По прибытии на место ознакомьтесь с ними и действуйте по своему усмотрению. Да поможет вам Бог.

"Бог здесь не поможет, — думает Михаил Тариэлович. — Как говорится, на Бога надейся, а сам не плошай. Нужны сила и хитрость. Кнут и пряник".

Да, правительство до сих пор не может вести себя в Чечне как победитель. Это больше чем кому-либо ясно Михаилу Тариэловичу.

Дело в том, что чеченцы прекратили сопротивление и якобы покорились на определенных условиях. От имени правительства фельдмаршал Барятинский заключил с ними своеобразный мир.

Наместник принял обязательство оставить им оружие, не брать в солдаты, сохранить за ними все земли, обычаи, традиции народа, не

притеснять веру.

После пленения Шамиля правительство решило, что покорение Кавказа завершилось, и приступило к созданию военно-колониального режима в Чечне. При этом оно совершенно забыло об обязательствах, принятых Барятинским. Горцам не только не вернули земли, ранее отнятые у них и отведенные под казачьи станицы и военные укрепления, но и вытеснили с оставшихся земель, загнав их в леса и бесплодные горы.

Отнятыми же у горцев землями наградили князей соседних племен, чеченских офицеров, духовенство и торговцев, помогавших усмирению края. Разоренный долголетней истребительной войной, а теперь и оставшийся без земли народ дошел до нищеты. Он не имел возможности ни вернуться к своей довоенной хозяйственной жизни, ни перестроить ее сообразно новым порядкам.

Доведенные до отчаяния люди восстали. Восстание началось в мае 1860 года в Ичкерии и быстро распространилось по всей нагорной части Чечни. Возглавили его шамилевские наибы[1] Бойсангур, Атаби и Умма. Им удалось нанести чувствительные удары по карательным отрядам. Отчаянное сопротивление восставших длилось девятнадцать месяцев. Однако многочисленные войска, направленные российскими властями, подавили его со всей жестокостью. В феврале 1861 года был схвачен раненый Бойсангур, после чего к Святополк-Мирскому добровольно явились Атаби и Умма. Бойсангура казнили в Хасав-Юрте, его семью и ближайших соратников сослали в Сибирь. К двум другим руководителям восстания отнеслись несколько снисходительнее, отправив на вольную ссылку: Атаби — в Порхов Псковской губернии, а Умму — в Смоленск.

И наступила тишина. Но тишина предгрозовая и недолгая.

Многолетняя война и деспотическая власть Шамиля и его наибов довели горцев до нищеты, почти до физического истребления.

Народ устал. А Шамиль, его наибы и духовенство постоянно призывали к газавату[2], обещая людям счастье в ином мире. Народ же мечтал о мире и спокойствии.

Именно в этот момент снова появился проповедник Кунта-Хаджи, изгнанный в свое время Шамилем. И вновь начал он распространять в Чечне ученье кадыри.

Кунта-Хаджи выступал против всякой войны и насилия, против кровной мести, призывал к нравственному совершенству, единству, братству, к полной покорности властям и терпению, запрещал курение и употребление хмельных напитков. Он утверждал, что мир и равенство на земле нельзя установить путем войн и кровопролитий, их может дать лишь всемогущий Аллах, а потому и следует положиться во всем на Всевышнего.

— Не слушайте самозваных шейхов и имамов, призывающих вас к войне, — говорил он, — не проливайте людской крови. Не поднимайте оружие против русского царя: он действует по воле Аллаха. Если вам велят носить крест — носите его. Ведь это лишь металл. Если вам прикажут посещать церковь — идите. Это же просто дом. Лишь бы в сердцах вы сохранили веру в Аллаха и пророка, а все остальное вам простится. За оружие беритесь только в крайнем случае, когда гяуры[3] затребуют для развлечений ваших женщин.

Учение Кунты-Хаджи шло вразрез идеологии "священной войны", которой придерживались сторонники Шамиля. Они проповедовали войну с иноверцами, а Кунта-Хаджи — классовый, национальный и религиозный мир, покорность властям. Окружение Шамиля стремилось к богатству и роскоши, а Кунта-Хаджи, выходец из народных низов, сам бедняк, призывал жить скромно, честным трудом. И измученные, изнуренные войной, доведенные до грани физического истребления, потерявшие надежду на возврат прежней жизни люди охотно примыкали к народному шейху, что могло стать серьезной угрозой идеологической основе имамата Шамиля. Имам стал всячески притеснять Кунту-Хаджи и, наконец, в 1859 году тот вынужден был отправиться в Мекку.

Первое время администрация края не мешала деятельности Кунты-Хаджи, поскольку он проповедовал мир, покорность царю и властям. Однако вскоре часть последователей Кунты-Хаджи объединилась в

крупную религиозную секту. Они использовали учение устаза[4] в своих корыстных целях. Среди них были и прославленные воины и военачальники Шамиля, в свое время выступившие против жестокости колониальной политики царизма;

без ведома Кунты-Хаджи они стали создавать из секты слаженную военную организацию, тщательно готовя ее к будущему восстанию.

Разделив Чечню на восемь районов и поставив во главе каждого по наибу, они практически установили свое, не зависимое от царской администрации, управление в аулах. Изготовлялись оружие и порох, под видом спортивных игр проводилось обучение молодежи военному делу. Волнения среди мюридов[5] кунта-хаджийцев делали обстановку еще более напряженной.

Верные царю муллы доносили о готовящемся восстании. Из Тифлиса Лорис-Меликову несколько раз напоминали о том, что начальство сочло бы за лучшее убрать Кунту-Хаджи с Кавказа. Но Лорис-Меликов не соглашался. Арест устаза, по его мнению, кроме неприятностей ничего не давал: во-первых, сам Кунта-Хаджи и его проповеди, в сущности, безвредны; во-вторых, уберешь его — и освободившееся место может занять другой, более деятельный и мятежный человек, что куда опаснее.

Верил ли Лорис-Меликов внешнему спокойствию, царившему в крае последние два года? Нет, не верил. Ведь из донесений лазутчиков ему было известно о брожении умов в Чечне. И получив сообщение о том, что во время своей последней поездки в Мекку Кунта-Хаджи якобы встретился с чеченскими, черкесскими, кабардинскими и осетинскими эмигрантами и вступил с ними в тайный союз, он отдал приказ арестовать Кунту-Хаджи.

Возмущенные мюриды немедленно отправились к Шалинскому редуту и потребовали освобождения устаза.

Опасаясь, что эта мирная манифестация может вылиться в восстание, в Шали спешно отправили генерал-майора князя Туманова с шестью батальонами пехоты при четырех орудиях и с четырьмя сотнями казаков. Орудийные залпы рассеяли толпу, оставив на земле сто шестьдесят четыре убитых, среди которых оказались и шесть женщин.

Этими мерами Михаил Тариэлович не ограничился. Спустя неделю в крепость Грозную собрали наибов и наиболее уважаемых людей Чечни. От них потребовали немедленно выдать зачинщиков шалинского дела и всех тех, кто ранее был намечен для отправления в ссылку, а также запретить зикр[6]. За проступок одного человека отвечал целый аул. На исполнение требования отводился недельный срок. В противном случае Лорис-Меликов грозился уничтожить все аулы. По его приказу войсковые подразделения были приведены в полную боевую готовность.

По личному указанию Лорис-Меликова наиболее авторитетные муллы и кадии[7] подготовили проповеди, содержание которых было согласовано заранее, и в сопровождении особых приказов разослали их по аулам и мечетям. Для поддержания порядка пришлось перебросить в Чечню новые воинские части с Кубани.

Чечня созрела для взрыва. Горцы прекрасно знали о взаимоотношениях России с западными державами и о событиях в Польше. Сотни чеченских офицеров и переводчиков, ежедневно общаясь со ссыльными поляками, служившими в области, жадно ловили рассказы последних и несли их в народ. Чтобы обуздать и удалить непокорных из края, Михаил Тариэлович предложил Тифлису набрать из чеченцев полк и отправить его на подавление польского восстания. Но из этой затеи ничего не вышло.

* * *

"Переселить бы их всех в Турцию, — подумал Михаил Тариэлович. — Счастливчик же граф Евдокимов. Сумел вырваться из этого осиного гнезда и осесть в Кубанской области. Да еще отделаться от всех этих шапсугов, бжедухов, убыхов и прочих дикарей, выпроводив их в Турцию. Хитрая бестия, что и говорить!"

Переселение горцев в Турцию поощрялось еще при Ермолове. Таким образом царское правительство стремилось сократить численность горского населения, одновременно заселяя освободившиеся земли казаками.

На переселение ушло года два. Михаил Тариэлович вспомнил совещание в Тифлисе, на котором присутствовали Великий князь Михаил Николаевич, князь Барятинский, князь Орбелиани и граф Евдокимов. Вопрос тогда стоял так: либо горцы переселятся на бесплодную и болотистую равнину, либо в Турцию.

— От этого зависит дело окончательного покорения восточного побережья Черного моря. Я думаю, горцы отдадут предпочтение Турции, — высказал свое мнение Михаил Николаевич.

— Надо переселить их туда, — добавил фельдмаршал Барятинский.-

Не теряя времени и сколько возможно. Очистив край от них, мы утвердим свое положение навсегда.

— Я поддерживаю мнение Его Сиятельства, — сказал граф Евдокимов. — Переселение горцев в Турцию, несомненно, — важная государственная мера, способная закончить войну в кратчайший срок и без большого напряжения с нашей стороны. Эта мера даст нам возможность свободно развивать колонизацию в предгорьях.

— А согласится ли турецкое правительство принять их в пределы своей империи? — засмеялся Великий князь.

— Я думаю, их примут с большой радостью.

Все было ясно и просто. Так просто, словно горцев отправляли на свадьбу. В Константинополь, на переговоры с турецким правительством о приеме переселенцев в Оттоманскую империю, решили послать его, Михаила Тариэловича.

В 1860 году вместе с русским поверенным в Константинополе А. Б. Лобановым-Ростовским ему удалось добиться согласия турецкого правительства принять триста тысяч татарских и ногайских переселенцев из Крыма и три тысячи кавказских горцев.

Для начала это был большой успех. Крым сразу покинули двести тысяч жителей. Вслед за ними потянулись ногайцы. Но с горцами

возникли осложнения — их пришлось принуждать к переселению.

Турки хотели расселить их вдоль русско-турецкой границы, как настойчиво советовали им хитрые англичане, но русское кавказское начальство было категорически против. Особенно Евдокимов.

— Если турецкое правительство расселит их вдоль нашей южной границы, то там появится тот же неприятель, с которым мы никак не можем окончить войну на Северном Кавказе! — возмущался он.

10 мая 1862 года состоялось высочайшее утверждение постановления Кавказского комитета о переселении горцев.

И началась величайшая трагедия в истории кавказских горцев.

После усмирения Чечни и Дагестана, видя бесполезность сопротивления, заявили о своей покорности и закубанские горцы.

Но правительству этого было мало. Горцы оказались перед выбором: или переселиться к Кубани, безусловно, подчиняясь колониальному управлению, или переехать в Турцию. Но оставить свои плодородные земли ради бесплодных равнин Причерноморья и болотистых низменностей Большой Лабы было для горцев равносильно смерти. Племена, отказавшиеся принять ультиматум, вытеснялись войсками шаг за шагом с равнины — в предгорья, из предгорий — в горы, с гор — на берег моря. И полмиллиона западных горцев, перенесших все ужасы истребительной войны, страшные лишения, голод, повальные болезни, очутившись на берегу, вынуждены были искать спасения в Турции.

Горцы уходили с обжитых мест, покидали свои жилища, оставляли скот и запасы хлеба, а иногда и неубранные нивы. Не многим удавалось продать за бесценок свое имущество. Почему за бесценок? А как же может быть иначе, если несколько сотен тысяч людей продают его одновременно! Цены упали. Особенно на оружие и скот, которые турецкое правительство запретило горцам брать с собой в чужие земли.

Очевидцы рассказали Михаилу Тариэловичу об ужасном положении переселенцев, месяцами ожидавших на берегу судов для

перевозки в Турцию. Наступление холодов, почти полное отсутствие средств к существованию и вспыхнувшие эпидемии тифа и оспы сделали положение горцев невыносимым. Прямо на берегу моря лежали растерзанные одичавшими собаками трупы детей, женщин и стариков. Измученные голодом и болезнями переселенцы, едва передвигавшие ноги, заживо становились легкой добычей таких же голодных псов. Турецкие шкиперы обращались с горцами, нанимавшими их посудины, чтобы добраться до берегов Малой Азии, как с грузом: при малейшем признаке болезни людей без всякой жалости бросали за борт. Волны выносили трупы несчастных к берегам Анатолии.

Царская казна выделила горцам около трехсот тысяч рублей.

Большая часть денег была истрачена на оплату проезда переселенцев, а часть осела в карманах вороватых чиновников, и только крохи достались самим репатриантам.

Ходили слухи, что у многих барок, перевозивших горцев, были заранее пробуравлены днища. Выходя в море, барки тонули, а оставшиеся беспризорными деньги также попадали в карманы чиновничества.

Многие переселенцы погибали в волнах Понта Эвксинского, рассказывали очевидцы Михаилу Тариэловичу. Грустная участь…

Но она все-таки менее достойна сожаления, чем участь достигших турецкого берега. Гордые орлы кавказских гор от голода и неустроенности тысячами гибнут на улицах турецких городов.

Но самым трагическим и безнравственным было то, что кое-кто старался извлечь иезуитскую выгоду из горя людей. Царское правительство из военно-стратегических соображений стремилось очистить край от свободолюбивых, воинственных, непокорных горцев для его более широкой колонизации. Порта же хотела привлечь горцев в Турцию, чтобы впоследствии использовать их при подавлении национально-освободительного движения внутри самой Оттоманской империи, а также в случае военных действий против России. В этом турок поддерживали европейские державы, ибо горцы в глазах Европы были лишь средством для противодействия России, и при

использовании этого средства ни Европа, ни Турция не проявляли даже намека на жалость.

Содействовали переселению горцев даже местные феодалы и духовенство. Напуганные крестьянской реформой в России, они заспешили в Турцию, увлекая за собой подданных им крестьян, видя в деспотическом строе Турции идеал того политического и религиозного устройства, при котором и они могли сохранить собственные феодальные права и привилегии.

Действительно, в то время как переселенцы массами гибли по пути в Турцию и в самой Турции, феодалы и духовенство сумели устроиться неплохо. Многие из них впоследствии получили высокие государственные, военные и религиозные должности и стали жить даже лучше, чем на покинутой родине.

Да, уж кто-кто, а Михаил Тариэлович хорошо осведомлен о судьбе горских переселенцев. И он искренне, чисто по-человечески жалел их. Однако интересы империи были для него превыше всего, даже человеческих чувств. И ради империи он готов был отправить на чужбину вслед за чеченцами и остальных горцев.

Но сомнения не покидали его. Сколько, например, труда вложил он в переселение закубанских горцев, а награды достались другим. Это было тем более неприятно, что счастливчиком оказался Евдокимов. Выскочка. Тупой солдафон…

А здесь левый фланг, где никогда не было мира. И не будет.

До тех пор, пока всю Чечню не поставят на колени. Так пророчески предсказал еще А. П. Ермолов почти полвека тому назад.

"Эти чеченцы — сильнейший и опаснейший народ — писал он.-

Сверх того, ему вспомоществуют и соседние народы. И не потому, что они любят чеченцев и ненавидят нас, а из боязни, что чеченцы, попав под власть русских, повлекут и их за собой под тяжелую русскую ладонь. Что там Кабарда? Конечно, кабардинцы под своими несносными шалостями вызывают на бой, но я их должен пока терпеть, ибо занят гораздо опаснейшими злодеяниями — чеченцами.

При укусе змеи жало комаров не так уж и чувствительно. Спокойствие и безопасность в крае могут быть тогда, когда будут заняты земли по правому берегу нижнего течения Терека. Это они, чеченцы, возмущают весь Кавказ.

Проклятое племя! Общество у них не так многолюдно, но чрезвычайно умножилось в последние несколько лет, ибо принимает к себе дружественных злодеев всех прочих народов, оставляющих землю свою после совершения каких-либо преступлений. И не только. Даже наши солдаты бегут именно в Чечню. Их привлекает туда совершенное равноправие и равенство чеченцев, не признающих в своей среде никакой власти. Эти разбойники принимают наших солдат с распростертыми объятиями!

Так что Чечню можно назвать гнездом всех разбойников и притоном наших беглых солдат. Я этим мошенникам предъявлял ультиматум: выдать беглых солдат или мщение будет ужасным.

Нет, не выдали ни одного солдата! Приходилось истреблять их аулы. Сего народа, конечно, нет под солнцем ни гнуснее, ни коварнее. У них даже чумы не бывает! Я не успокоюсь до тех пор, пока своими глазами не увижу скелет последнего чеченца".

Также рассуждал и преемник Ермолова фельдмаршал Паскевич, направленный на Кавказ Николаем I с предписанием "усмирить навсегда горские народы или истребить непокорных".

"Нет сомнения, что мелкие владельцы скорее могут быть покорены обещанными им выгодами, — жаловался он императору. — Но покорение вольных племен, ни от какой власти не зависящих, представляется большой трудностью. Одна лишь мысль — лишиться дикой вольности и быть под властью русского коменданта — приводит их в исступленное бешенство".

Да, у проконсула Кавказа Алексея Петровича Ермолова была поистине мудрая голова. Жаль только, что государь отозвал его, сделав вдобавок ему выговор за чрезмерную жестокость, а то бы он своей беспощадной рукой давным-давно смирил бы проклятую Чечню.

Евдокимову в Кубанской области повезло. Прижал он горцев к морю. Михаилу Тариэловичу вспоминались лицемерные строки из

донесения Евдокимова на имя наместника: "Задача кавказской армии идет к концу. Горцы, согнанные нами на узкую полоску вдоль моря, при дальнейшем наступлении наших войск окажутся в безвыходном положении. Немногие из них захотят оставить величественную природу родного края, переселиться в прикубанскую степь. Поэтому наше человеколюбие и желание облегчить задачу нашей армии заставляют нас открыть им другой путь: переселение в Турцию".

Прочитав эти строки, кавказское начальство прониклось жалостью к горцам.

Всякое противодействие намерению горцев удалиться из Отечества, — сказал тогда исполнявший обязанности наместника князь Орбелиани, — при том крайнем положении, в которое они поставлены действиями наших войск, было бы по отношению к ним только излишней жестокостью. Надо графу Евдокимову позволить горцам переселиться в Турцию. Не знаю только, как эта многотысячная масса переправится за море?

Выход нашел начальник Главного штаба Карцов:

— Поскольку переселение проходит согласно нашим видам и может ускорить окончательное покорение и колонизацию всего Кавказа, мы должны всеми средствами облегчить им выселение. Думаю, не стоит препятствовать турецким судам приставать к любому пункту берега, населенного горцами, а также не останавливать их, если на обратном пути они будут забирать переселенцев.

— Но не кажется ли вам, Александр Петрович, что одних турецких судов будет недостаточно?

— Подключим суда нашего торгового и военного флота.
А может, и западные державы помогут.

— Вполне возможно, — согласился Григорий Дмитриевич. — Ведь они не меньше нашего заинтересованы в этом.

К счастью Евдокимова, все складывалось как нельзя лучше. Не только турки, но и англичане, французы, итальянцы и греки предоставили свои суда. Живыми ли, мертвыми ли, но Евдокимов удалил полмиллиона горцев! А он, Михаил Тариэлович, не может отправить за кордон даже и двадцати тысяч чеченцев.

Нет, везет Николаю Ивановичу! Поистине, он родился под счастливой звездой. Сын фейерверкера, рядовой солдат, затем Койсубулинский пристав, человек малограмотный, но хорошо знающий обычаи, быт горцев, он быстро сделал карьеру, дослужился до генеральского чина и графского титула.

Конечно, царь потому и отмечал Евдокимова. Когда войска не смогли силой оружия сломить сопротивление горцев, Николай Иванович с еще большей жестокостью возобновил всеми забытую ермоловскую военную тактику. Алексей Петрович работал в Чечне топором, а Евдокимов — огнем. Сначала делая набеги, а потом, шаг за шагом продвигаясь все дальше в глубь Чечни, он сжигал все, что попадалось ему на пути, — аулы, сады, леса… Если что-то мешало угнать скот, то его просто истреблял.

Девиз Евдокимова "выкурить горцев" стал такой же программой, как некогда девиз Ермолова "вырубить леса".

— Не вступайте с чеченцами в бой, — наставлял Евдокимов своих офицеров, — наоборот, избегайте этого. Уничтожьте аулы, леса, зерно, урожай, пастбища, скот и отступите. Голод и холод рано или поздно заставят их сдаться. Огонь, огонь и еще раз огонь!

В последние годы войны Евдокимов все больше внимания уделял лазутчикам. Он разработал систему оплаты предательства:

столько-то за информацию, столько-то за побег от имама, за выступление против имама, за нейтралитет, за сданную пушку…

Одним словом, граф Евдокимов создал для горцев своеобразную школу морального разложения. Что ж, графу удалось сделать в этом направлении определенные успехи. По словам Барятинского, граф был неплохим учителем, хотя и не без греха: нечистым на руку, да к тому же взяточником.

В конце концов Михаилу Тариэловичу стало стыдно за себя: до чего дошел — завидовать карьере какого-то беспринципного, жестокого и вороватого солдафона!

Нет, Михаил Тариэлович, потомственный дворянин, не опустится до такого. Евдокимов работал грязными руками, но не головой.

А Михаил Тариэлович себя еще покажет.

…Михаил Тариэлович стоит у окна, наблюдая, как пенятся снежные облака на вершинах гор. В густой листве тополя воркуют голуби. С гор веет прохладой. Он поднимает плечи и встряхивает головой, как бы отгоняя от себя мрачные мысли "Хорошо бы в тень, под дерево…" Но в ту минуту открывается дверь и входит начальник штаба полковник Свистунов. Лорис-Меликов невольно залюбовался его стройной фигурой.

— Пакет из Главного штаба, ваше превосходительство.

— Положите на стол, — кивнул Лорис-Меликов. — Что сообщают из Чечни?

— Имеются донесения начальников Ичкерийского и Аргунского округов.

— Ну и что нового?

— Все то же. Неспокойно в Нагорной Чечне. Если судить по сообщениям, в народе зреет восстание. К счастью, возмущение поддерживает только молодежь. Старшее поколение не уверено в успехе.

— Было бы логичнее, если идея исходила от старшего поколения.

Значит, молодежь верит в успех, любезный Александр Павлович?

Это опаснее.

Оба с минуту молчат.

— Будут ли какие указания?

— Нет, благодарю вас.

Когда за полковником закрывается дверь, Михаил Тариэлович подходит к столу, покрытому блестящим черным лаком, и грузно опускается в глубокое мягкое кресло с высокой спинкой.

Медленным движением он срывает сургучные печати, перочинным ножом разрезает конверт и листает сложенные вчетверо листки бумаги. Протерев чистым батистовым платком стекла очков в золотой оправе и водрузив их на длинный, мясистый нос, он бегло просматривает вступление, а затем внимательно читает:

"… Надо отметить, что не все части Восточного Кавказа одинаково нам враждебны и одинаково для нас опасны;

следовательно, не все они требуют одинаково строгих мер предосторожностей. В западном отделе Терской области разноплеменность населения, давняя привычка к русскому управлению, а частью и разность религий населения делают власть нашу почти упроченной; тут возможны только частные, мелкие беспорядки. В округе Кумыкской — и свойственно местности, повсюду ровной, и быт народа, достигшего под нашим управлением весьма значительной степени благосостояния, также устраняют опасность восстания.

Дагестан же находится в ином положении, искони воинственное и фанатичное население его ненавидит нас, может быть, более, чем кто-нибудь другой. Скудная, суровая природа страны подает мало надежд на развитие материального быта населения и на смягчение нравов его. Но эта же природа и сложившийся быт народа облегчают нам управление данным краем и позволяют удерживать его в повиновении. Природа приучила дагестанцев к труду. Здесь, на скалистых горах, каждый клочок земли, способный к обработке, добытый потом и кровью поколений, передается из рода в род и составляет единственное средство обеспеченного существования семьи. По всем этим причинам, никак не рассчитывая на преданность нам дагестанского населения, мы можем, по крайней мере, надеяться, что восстание в Дагестане не произойдет.

К сожалению, ни один из трех факторов, которые упрочивают нашу власть в Дагестане и в двух крайних отделах Терской области, не существует в среднем отделе последней, населенном чеченским племенем. Тут, наоборот, все против нас: и характер народа, и быт его, и местность. Продолжительная война, которую чеченцы вели, не возвысила и не улучшила их характера; поставленные между ударами наших войск и деспотической властью Шамиля, не имея сил ни защищаться от нас, ни свергнуть шамилевское правление, чеченцы в течение 20 лет старались только увертываться от грозивших опасностей, употребляя свое оружие и разные ухищрения то против одной, то против другой стороны, и всегда друг против друга. В этой странной двойной войне и непрекращающейся междоусобице они утратили почти всякое понятие о долге, об уважении к собственности, о святости данного слова. Привычка к опасностям и хищничеству развилась в них до такой степени, что сделалась почти потребностью. В течение 20 лет ни один из чеченских аулов не был уверен в том, что он останется на месте до следующего дня: то наши войска уничтожали их, то Шамиль переносил на другие места по мере наших движений. Благодаря необычайному плодородию почвы народ не погиб от голода, но утратил всякое понятие об элементарных удобствах жизни. Демократизм у них всегда был доведен до крайних пределов: они не имели не только понятия о сословиях и наследственной власти, но и понятия о какой бы ни было власти вообще. В языке чеченцев нет слова "приказать…"

— Написал бы короче: сумасшедший народ, — глубоко вздыхает Лорис-Меликов. — И только могила его исправит…

"…При таком характере и полном отсутствии общественных связей чеченцы занимают и местность, наиболее благоприятную ко всякого рода беспорядкам и мятежам. В течение продолжительной войны мы отняли у них много земли, но такой, которая теперь не имеет важности ни в политическом, ни в военном отношении. Они владеют всеми лесистыми ущельями Черных гор, имеющими значение крепостей, горными трущобами Аргунского и Ичкерийского округов и через них выходят на непосредственную связь с Дагестаном. Здесь находят

безопасное убежище все их абреки. Сознавая опасность такого положения Чечни, граф Евдокимов вслед за покорением Восточного Кавказа предложил отделить ее от гор линией станиц и укрепленных штаб-квартир, расположенных у выходов из ущелий Черных гор".

— Ну и ну! — качает головой Михаил Тариэлович. — Все самые хорошие замыслы Карцов приписывает себе и графу Евдокимову…

"…Чеченцы поняли, к чему склонились эти меры, и решили им противодействовать силой — произошло восстание в Ичкерии и Аргунском округе: во всех лесах появились значительные шайки абреков. Но восстания эти были подавлены, наиболее виновные в них общества Аккинское и Беноевское поселены на равнину;

карабулакцам приказано было переселиться в Малую Кабарду. Нет сомнений, что энергичное продолжение принятой системы действия привело бы к цели, хотя и не без затруднений, может быть, немаловажных. Но, к сожалению, граф Евдокимов, по причине назначения его командующим войсками Кубанской области, не мог лично заняться исполнением предложенных им мер. Назначенный вместо него командующий войсками Терской области генерал-лейтенант князь Святополк-Мирский не разделял его убеждений: он полагал, что уже настала пора действовать в Чечне мерами кротости и что для того, чтобы прекратить навсегда их замыслы, достаточно внушить горцам доверие к нам.

Он, отклонив малокабардинцев от переселения в Турцию, объявил чеченцам, что дальнейшее заселение станиц отменяется, что земли, которые для станиц предназначались, останутся их собственностью: аккинцам и карабулакцам позволил возвратиться на прежние места. Эти меры князя Мирского поставили и чеченцев, и казаков 2-го Владикавказского полка в такое положение, в котором ни те, ни другие долго существовать не могут. Начав приводить свой план в исполнение, граф Евдокимов, как выше сказано, выселял чеченцев из гор на равнину…"

— Опять вранье! Выселение их на равнину происходило не при графе Евдокимове!

"…Земли же, оставшиеся свободными, занял казачьими станицами в намерении выдворить чеченцев в Кабарду. Но так как кабардинцы остались, то теперь все население Чеченского округа теснилось на пространстве 70 квадратных миль. При такой местности не только развитие сельского хозяйства, но даже существование народа не может считаться обеспеченным. Теперь не проходит весны, чтобы аулы во время начала полевых работ не начинали споров между собой из-за двух-трех десятин, споров, кончавшихся всегда схватками и убийствами. Многие из нуждающихся в земле тайком уходят в горы и устраиваются в трущобах, откуда были выселены, и приходится вновь изгонять их оттуда силой оружия".

— Выходит, что и здесь все успехи мы добыли благодаря Евдокимову, — усмехнулся Лорис-Меликов. — А меня отодвигает в тень. Если Евдокимов действительно имел те замыслы, которые приписывает ему Карпов, то почему же он назначил Кундухова начальником Чеченского округа? Правдоподобнее допустить, что восстание Аргунского и Ичкерийского округов встревожило его, и назначением Кундухова граф пожелал угодить чеченцам.

"…Чтобы выйти из этого неопределенного, но тяжелого для нас положения, представляются два способа действий: первый — решительный, ведущий прямо к окончательному уничтожению возможности восстания в будущем, заключается в переселении всех чеченцев на левый берег Сунжи и Терека, а также в Малую Кабарду, а станиц 1-го и 2-го Сунженских полков на места чеченцев, чтобы занять всю линию предгорий от Верхней Сунжи до Качкалыкского хребта, и таким образом отделить Чечню от горных округов Терской области и Дагестана. Исполнив это, мы окончательно и навсегда успокоили бы себя не только в Терской, но и в Дагестанской области. Отрезанный от продовольственной базы Чечни Дагестан не посмел бы никогда восстать против нас.

Но, чтобы исполнить этот план, нужно быть готовым встретить и преодолеть отчаянное сопротивление. Второй путь — это по мере возможности постепенное переселение чеченцев в Турцию.

Исполнение всех этих предложений потребует не менее пяти или шести лет при непременном условии, чтобы в течение этого времени мы имели в Терской области достаточное число войск, во всякую минуту готовых к действию, и чтобы в течение этого времени не было внешней войны. Но и при таких условиях нельзя ручаться, что не произойдет вспышки от каких-либо случайных непредвиденных обстоятельств. В таком случае уже достоинство нашей власти и поддержание ее в глазах других кавказских народов требуют решительных мер, и на подобный случай необходимо предоставить главнокомандующему право привести в исполнение первое предложение, то есть переселение всех чеченцев на Сунжу, чтобы раз и навсегда положить предел возможности восстания…"

"Теперь все это мне известно лучше, чем вам всем вместе взятым, — подумал Михаил Тариэлович. — Заселили казаков, понастроили военных укреплений где попало, не заботясь о последствиях. Надо было тогда думать, милостивые государи.

Заселение казачьих станиц сделано для достижения частных военных целей. Главная же цель оказалась упущенной. Вот и вышло, что русское население беспорядочно смешалось с туземным и не может оказывать того решительного влияния, какого от него следовало бы ожидать. Теперь придется все менять. А этого нельзя сделать без кровопролития. И все беды и заботы свалились на мою голову…"

Михаил Тариэлович складывает вчетверо послание и нервно сует его в казенный конверт. Ладно, утро вечера мудренее, — бормочет он, пряча конверт в стол.

ГЛАВА II. НЕЖДАННАЯ ПОМОЩЬ

Доказано безумие тех, кто воображает, что при помощи власти, которой они облечены, можно помешать потомству узнать об их поступках…

Корнелий Тацит

Топот копыт по мостовой прервал мысли Михаила Тариэловича. Он выглянул в окно: шестеро всадников въезжали в открытые ворота.

Приглядевшись, узнал их. Впереди — стройный генерал-майор Кундухов, чуть поодаль — его старший брат Афако, высокий, неуклюжий, постоянно сопровождающий Кундухова во всех поездках. Сзади — свита.

Вошел адъютант Золотарев и доложил, что прибывший Кундухов просит принять его.

— Пусть войдет, — бросил Лорис-Меликов и нахмурился.

Оба они, и Кундухов, и Лорис-Меликов, были не только кавказцами, но и людьми одного круга. Однако Лорис-Меликов недолюбливал этого преуспевающего красавца и в душе тешил себя надеждой, что в скором времени им придется расстаться: либо всех этих горцев, а с ними заодно и Кундухова переселят в единоверную Турцию, либо его, Лорис-Меликова, переведут служить в Петербург. Пока же приходилось терпеть и лицемерить…

— Муса Алхазович, дорогой, каким ветром? — лицо Михаила Тариэловича расплылось в широкой улыбке; раскинув руки, он поспешил навстречу гостю, подвел его к мягкому креслу, сам уселся напротив — Рассказывайте, милый, что нового? Не скучаете в своем Скут-Кохе?

— Какие новости могут быть в горах? Они к нам приходят отсюда, из Владикавказа. Лучше вы расскажите, Михаил Тариэлович, как

обстоят дела?

— Да о чем говорить-то! Неполный год — слишком короткий срок для больших дел. Планы, это да. А говорить о чем-то реальном рано.

— Государь доверил вам самую трудную на Кавказе область. Это надо ценить, Михаил Тариэлович.

Беспокойные мысли, тревожившие все утро Михаила Тариэловича, вновь овладели им, теперь уже с еще большей силой: "С чего так поет этот скользкий и хитрый Кундухов?"

— Не скрою, мне приятно доверие государя. Однако трудно приходится, чертовски трудно! Чеченцы — упорный народ, чрезвычайно упорный. Считают, что война окончена. Но вы-то хорошо знаете, что это не так. Непокорность чеченцев фанатична. Все соседние племена покорились нашей власти, приняли наше подданство, платят нам налоги и несут повинность.

А в Чечне ничего подобного не произошло. — Лорис-Меликов поднялся. — Вы простите, Муса Алхазович, не могу спокойно говорить об этом.

— То, что Чечня — крепкий орешек, ваше превосходительство, пора бы давно всем понять, — сказал Кундухов, поглаживая пышные черные усы. — Покорение закавказских и датских племен шло проще. Там мы заменяли прежние власти новыми, а вопрос о территории не имел значения. Занятием русскими нескольких поселений не нарушался баланс прежнего хозяйственного строя народа. В Кубанской области, где казачьи поселения явились тактической необходимостью, дело обстояло несколько иначе, хотя тоже без осложнений. Местные племена, уставшие от борьбы с нами, но имевшие под боком море, предпочли просто покинуть этот край, освободив для колонизации огромную территорию.

Незначительные же остатки тамошних племен, лишенные жизненных корней, со временем исчезнут бесследно, растворятся среди преобладающего русского населения, тем самым избавив от новых забот русское правительство. — Кундухов помолчал, а затем продолжил: — Совершенно с другими обстоятельствами и с иными

условиями приходится сталкиваться при наведении порядка и спокойствия в Чечне. С одной стороны, стесненность территории после переселения в область ста тысяч казаков поставила большую часть чеченцев перед полным крахом их хозяйственного уклада и быта. С другой, замкнутость края, лежащего между безводной степью и снеговым хребтом, не дает возможности удалить за пределы области беспокойные и неспособные к принятию гражданственного устроения чеченские племена. И вся беда в том, что, уступив нам почти половину земель, притом земель лучших, они сумели сохранить за собой хоть и небольшую, но важную в стратегическом отношении территорию.

— Да, Муса Алхазович, — ответил Лорис-Меликов, — оставляя чеченцев в настоящей ситуации, не следует верить в будущее спокойствие. Хотя безвыходных положений не бывает. Мы навели порядок по всему Кавказу. Наведем его и в Чечне.

— Только план начальства, Михаил Тариэлович, переселить чеченцев в Малую Кабарду, неосуществим, — заметил Кундухов.-

Разделить Чечню на две части — это все равно, что снова завоевать ее.

— Добровольно они, конечно, свои земли не оставят, — согласился Лорис-Меликов. — А что делать? Ваше мнение?

Кундухов уклонился от прямого ответа командующего.

— Бог поможет, — двусмысленно улыбнулся генерал-майор. — Вряд ли нам удастся покорить их одной лишь силой оружия. Здесь нужен другой прием.

— Подкуп?

— Не совсем. На деньги клюнет лишь ничтожная часть чеченцев.

К тому же у них нет ханов и князей, значит, нет и властных, честолюбивых структур для подкупа. Да, своеобразное племя. Что конь необъезженный — узды не любит.

— Оно, может, и к лучшему, что у них не было и нет этих самых ханов и князей, — задумчиво покачал головой Лорис-Меликов.-

Вспомните, в каких изуверов превратились те же дагестанские ханы. Тарковский Шамхал бил своих крестьян палками, выкалывал им глаза, бросал на погибель в сырые зинданы[8]. Кюринский Аслан-хан провинившихся крестьян пытал каленым железом, отрезал уши, прокалывал языки шилом, бритые их головы обливал кипящим маслом. Крестьянских девушек меняли у чеченцев на лошадей. Я считаю, что российская культура навсегда и с корнями вырвала и уничтожила у них столь дикие нравы.

Кундухов криво усмехнулся.

— Но не забывайте, что в самой-то России крестьян и сегодня держат в не менее рабских условиях. Вы извините меня, ваше превосходительство, но я с вами как кавказец с кавказцем буду откровенен до конца. Когда Ермолов освобождал дагестанцев, русский мужик находился во сто крат худшем положении. Разве помещики не обменивали своих крестьян на гончих и борзых, разве газеты не пестрели объявлениями о том, что у каких-то помещиков имеется в продаже столько-то крепостных душ? Это в просвещенной-то России! Что же можно спрашивать с темных дагестанских феодалов? Смешно, парадоксально, но дикарями-то оказываемся мы с вами.

Ошеломленный Лорис-Меликов внимательно слушал излияния, столь не свойственные Кундухову, который, казалось, потерял всякий контроль над собой.

"Однако не все выкладываешь, не до конца. Мне-то видно, какие ты мысли оставляешь при себе. — Командующий прикрыл глаза.-

Верна поговорка, сколько волка не корми — он все в лес смотрит".

— Значит, вы не одобряете нашу политику по отношению к местным племенам? Иначе говоря, вы против высочайшей воли Его Величества? — спросил он, вперив острый взгляд в собеседника.

— Я всегда был и остаюсь верен государю императору и принятой присяге. Но хочу, чтобы и на нас смотрели, как на людей. Ведь как бы

преданно мы ни служили, какие бы подвиги ни совершали, даже в глазах русского унтера я и подобные мне выглядят лишь прирученными дикими зверями, проливающими кровь своих собратьев за чины и деньги.

Лорис-Меликов неторопливо подошел к Кундухову и слегка потрепал его по плечу.

— Милый мой, вы слишком горячитесь. Договоримся: вы ничего не говорили, я ничего не слышал. Но поостерегитесь то же сказать кому-то другому. И будет гораздо лучше, если вы вообще выкинете из головы свои мысли. Что касается меня, то я с вами в корне не согласен. Нельзя судить о России по делам отдельных личностей. Россия — страна просвещенная. Согласны вы или нет, но горские племена в своем развитии страшно отстали от других народов. Они ведут полудикую жизнь. И я горжусь тем, что именно России выпал жребий вывести их из темноты к свету цивилизации. Но сие свершится не скоро. Потребуется, ой как много времени и труда на это. И жертв… тоже… Будьте дальновидным. И терпеливым тоже…

— Прошу прощения за несдержанность, — перебил его Кундухов.-

Во мне течет кровь горца и сердце тянется к своим. Я не могу оставаться равнодушным к судьбе чеченцев, хотя они и из другого племени. Уверен — они не покорятся. И у меня нет никаких сомнений в провале вашего плана. Он неприемлем. Более того, чреват непредсказуемыми последствиями. Если мы начнем переселять чеченцев силой, то они немедленно возьмутся за оружие. А это уже новое кровопролитие. Вернемся к сороковому году. Думаю, если бы тогда мы постарались найти общий язык с чеченцами, то войны с ними, возможно, удалось бы избежать.

Неужели мы снова повторим ту же ошибку? Не берите пример с генерала Пулло, ваше превосходительство!

Сегодня Кундухов удивлял Лорис-Меликова. Командующий то и дело поглядывал на него, словно сомневался, а тот ли самый человек сидит сейчас перед ним? Небывалое дело! Начал заступаться за горцев, чеченцев жалеет. Но разве не он, не Кундухов, пролил столько

чеченской крови? Разве не он отличался при этом особой жестокостью в Ичкерии?

— Хитрость, осторожность выжидания — вот наши надежные союзники в этом деле, — добавил Кундухов. — В противном случае не миновать беды. В Чечне появится новый Шамиль.

— Второго Шамиля не будет, — отрезал Лорис-Меликов.

— Да, справедливо. Великие люди рождаются раз в сто лет.

— Вы меня неправильно поняли, Муса Алхазович, — покачал головой Михаил Тариэлович. — Я говорю не о личности Шамиля. Признаю, что он, бесспорно, был мудрым и смелым человеком, талантливым организатором, в духе горцев. Но военные победы были результатом действия его лучших наибов. И еще вы забыли, дорогой мой, что великим Шамиля сделали чеченцы. Ведь в 1839

году не без помощи самих же дагестанцев мы его почти похоронили в Ахульго, после чего он с семерыми товарищами, скрываясь в горах Дагестана, всеми преследуемый, добрался до Чечни, где нашел приют и убежище. На его счастье и к несчастью нашему — в этот период восстала Чечня. Так что стечение обстоятельств, игра случая вознесли Шамиля на вершину тех событий. Как в свое время французская революция — Наполеона.

Двадцать лет Шамиль опирался на Чечню, которая поставляла ему военную силу и была его продовольственной базой. Собственно, почти вся война-то и проходила там. Кстати, чеченские военачальники составляли большую и наиболее талантливую часть его командования. Короче, в анналы истории Шамиль навечно вписал свое имя острием чеченских сабель. Но теперь нет и прежней Чечни. Она потеряла всех своих талантливых вождей и храбрых воинов, а оставшихся Шамиль разложил морально.

— Мы тоже не сидели сложа руки.

— Еще раз повторяю: теперь нет той прежней Чечни и никакому новоявленному Шамилю не выстоять против нас. Хотят они или нет, но все малые и отсталые народы должны подчиняться более сильным,

более развитым. В своих собственных интересах. Тому учит многовековой опыт истории.

— Что верно, то верно, — согласился Кундухов. — Время рыцарей ушло. И Чечне не стать прежней. Как вы справедливо соизволили выразиться, ее разложили морально. В течение последних двадцати лет она металась между двух огней: с одной стороны — деспотия Шамиля, с другой — мы.

Разговор прервался. Вошел капитан Золотарев и положил перед командующим папку с официальными бумагами. Лорис-Меликов бегло просмотрел их, подписал и вернул. Капитан вышел.

— Да, хитрым и коварным оказался Шамиль, — сказал Лорис-Меликов. — Если бы не его политика "разделяй и властвуй", с Чечней пришлось бы еще долго возиться. Чтобы убить у чеченцев патриотизм, дух вольности, уничтожить родовые связи, народные традиции и обычаи, превратить их в преданных рабов, отменив адат[9], Шамиль силой насаждал в Чечне шариат. Дошел до того, что, не доверяя чеченским муллам, обучавшим детей в медресе, заменял их дагестанскими, оплел население Чечни сетью соглядатаев и шпионов. Я думаю, не появись Шамиль со своими проповедями газавата, горцы давно помирились бы с русскими.

— До Шамиля были шейх Мансур, Бейбулат, Кази-Мулла.

— Благодаря дикому фанатизму горцев.

— К вашему сведению, Михаил Тариэлович, наши горцы, тем более чеченцы, абсолютно ничего не имели против русских. Когда над кавказскими народами нависла угроза оказаться под властью одной из трех могущественных держав — Турции, Персии или России, — все народы отдали предпочтение России. И не потому, что правление в России было более демократичным, чем в двух других, а потому, что здешние народы симпатизировали русскому народу, по природе своей простому, доброму, мужественному, хотя тоже бесправному и угнетенному. Более того, наше российское правительство золотом, чинами и подарками купило горских феодалов, переманив их на свою

сторону. И скажу вам, Михаил Тариэлович, первым из народов Кавказа, пожелавшим установить дружеские связи с Россией, был буйный, неугомонный народ Чечни. Не из страха. Чеченцы занимают безопасную территорию Северного Кавказа, а потому их не касались и не пугали разорительные набеги турков и персов. — Кундухов перевел дыхание. — Некогда сильный и многочисленный народ, живший в горах, обескровленный вековой борьбой с татаро-монгольскими завоевателями и полчищами Тимура, но так и не покорившийся им, стал впоследствии подвергаться систематическим набегам полчищ кабардинских, черкесских, калмыцких, ногайских и дагестанских феодалов. А что же правительство России? Да, наше правительство не только поощряло набеги, но и постоянно оказывало их участникам военную помощь. Порой чеченцам удавалось изгонять со своих земель феодалов-захватчиков. Но наши же русские войска совершали карательные экспедиции в Чечню, и, подавляя сопротивление чеченцев, теперь уже властью правительства вновь сажали им на шею столь ненавистных соседних феодалов. Видя происходящее, чеченцы, тем не менее, не вступали в конфликт с Россией, продолжали верить ей и уважать русский народ. По моему личному мнению, в этом немалая заслуга терских казаков, которые лет двести жили бок о бок с чеченцами. Чеченцы и казаки были добрыми соседями, и по своим соседям чеченцы судили о русском народе в целом. Общественный строй, характер тех и других были сходны. Они перенимали друг у друга лучшие обычаи и традиции. Жили мирно и дружно, даже роднились между собой. И не думали ни о каких ссорах. Но мы-то с вами знаем политику нашего правительства. Вот тогда в Чечне появился знаменитый чеченский пастух Ушурма, прозванный шейхом Мансуром, после него — широко известный чеченский вождь Бейбулат Таймиев, затем — Кази-Мулла и, наконец, Шамиль.

Политика России, бездумная жестокость наших генералов, чиновников и породили существующую сегодня вражду между горцами и русским народом. В том немало и нашей с вами вины, милостивый государь.

Все сказанное Кундуховым не было открытием для Михаила Тариэловича. Рассказ генерала напомнил ему историю и его предков, которые в XVI веке владели городом Лори в Грузии.

Из-за набегов персидских войск город часто подвергался разорению. То он оказывался во власти персов, то вновь завоевывался грузинскими царями. В 1602 году Лорис-Меликовы вынуждены были принять ислам, а когда город вновь вошел в состав грузинского царства, вернулись в лоно христианской церкви. Так что в прошлом Лорис-Меликовым, чтобы спасти свое состояние и свою жизнь, приходилось менять не только подданство, но и веру. Но они преданно служили и тем, и другим. Так же преданно стали затем служить и русскому царю, за что тридцать лет назад император пожаловал Лорис-Меликовым русское дворянство.

— Скажу вам еще, Михаил Тариэлович, — продолжал между тем Кундухов, — и может быть, это мое личное мнение, но мне кажется, что во враждебном настроении горцев против России, в данном случае чеченцев, далеко не последнюю роль сыграли офицеры иностранного происхождения, которые служили в русской армии. Мне кажется, многим из них судьба России была и остается совершенно безразличной, как и судьба ее народов. Им что нужно — только чины да награды. Первыми русскими отрядами, которые столкнулись с чеченцами, командовали всякие там Кохи, Фрауендендорфы, де Медемы, Кеки, Рики, Пьеры и другие иноземные легионеры-наймиты. Именно они расправились с чеченцами, когда те восстали против владычества кабардинских и кумыкских князей. А свою жестокость прикрыли именем русского правительства, которое, кстати, закрывало глаза на их деяния.

Они-то и довели чеченцев до всеобщего восстания во главе с шейхом Мансуром.

Но и правительству уже невозможно было отступать. На карту были поставлены честь русского государства и слава русского оружия! Думали покончить с чеченцами одним ударом, но те и не помышляли о покорении силе. Одна жестокость порождала другую.

Вот так из года в год между горцами и Россией углублялась пропасть, которую рыли наши генералы и чиновники. Вместо того, чтобы провозгласить мир между горцами и русскими, они натравливали их друг на друга. Потом уже более умные и дальновидные спохватились, но было поздно. Уверен: если бы в свое

время наше правительство прислушалось к трезвым советам дипломата Грибоедова, генерала Раевского и, наконец, нынешнего военного министра Милютина и добивалось успокоения края не штыком, а путем добрососедства, развития торговли, ненавязчивого распространения русской культуры, то не было бы ни Мансура, ни Бейбулата, ни Шамиля.

Лорис-Меликов терпеливо выслушал собеседника, а когда тот закончил, снисходительно улыбнулся.

— Так-то оно так, мой милый Муса Алхазович, но прошлое уже не вернешь. Возможно, и поэт Грибоедов, и генералы Раевский и Милютин по-своему правы. Но путь, предложенный ими, был долгим и на том этапе ненадежным. Ведь на Кавказ зарились не только Турция и Иран, но и западные державы, в первую очередь -

Англия и Франция. Мы же не могли, просто не имели права допустить, чтобы столь богатый и стратегически важный край попал в руки врагов России. Они и сегодня продолжают ту же политику захвата края любыми средствами. Но мы не уступили и не уступим его никому. И тот факт, что делается это в интересах не только России, но и самих же горцев, подтвердит будущее. Все идет по своим естественным законам. Ничего не поделаешь, дорогой мой друг!

Кундухов глубоко вздохнул и покачал головой.

— Вы меня не переубедили, Михаил Тариэлович. Будущее горцев можно было устроить совершенно иным, мирным путем. Учитывая их традиции, быт, характер, общественный строй, следовало постепенно, осторожно, десятилетиями вводить у них российское правление. Правительство же решило сделать это одним махом.

В результате такого необдуманного шага — долголетняя, взаимоистребительная война, вражда и недоверие, посеянные на многие годы между русским и горскими народами. Чеченцев лишили самого дорогого — доброй половины плодороднейших земель.

Насколько мне известно, в одном только Сунженском отделе у них отобрали около четырехсот тысяч десятин, передав их казакам.

Всего же на их землях основали более двадцати станиц и возвели столько же военных укреплений. Почти все западные горцы уходят в

Турцию…

— Ничего, Муса Алхазович, — равнодушно махнул рукой Лорис-Меликов. — Зато оставшиеся будут покорны, как овцы. Между прочим, генерал, а почему все вы, когда поднимают земельный вопрос, ссылаетесь лишь на казаков? Да, правда, львиная доля земель передана им. Но ведь не только казаки стали владеть землями горцев. Вот вы-то сами, лично вы, милый Муса Алхазович, сколько землищи к своим рукам прибрали?

Кундухов смутился.

— Ну, чуть более двух тысяч десятин… Только не чеченской земли…

— Какая разница? Речь идет о горцах вообще. Хорошо, будем говорить лишь о чеченских землях. Скажите, князья Таймазов, Бекович-Черкасский по сколько себе отхватили?

— Кажется, по шесть с половиной тысяч каждый.

— Ага! Вот где собака зарыта! Князья Алхазовы имеют две тысячи восемьсот, Турлов — две тысячи, княгиня Эльдарова — тысячу четыреста. А чеченские офицеры Чермоев, Шамурзаев, Курумов и десятки других прибрали от двухсот до семисот десятин каждый.

Не хочу говорить уже о таких мелких сошках, как торговцы, муллы и прочие, которые владеют всего двумя сотнями десятин.

Следовательно, в бедах горцев виноваты не только казаки.

Они-то оправдание имеют, поскольку их насильно пригнали на чеченские земли. А вот вы-то сами, Муса Алхазович и вся эта компания? Вы-то как смогли без всяких угрызений совести прибрать к рукам земли своих собратьев? Думаете, чеченцы только на казаков смотрят, как на врагов? Ошибаетесь, любезный. Если бы чеченцам удалось одержать верх, они в первую очередь дали бы пинка и вам, и всей вашей милой компании! И потеряли бы вы не только свои обширные поместья, но и свои дурацкие головы, простите меня за грубость. Только умная голова подобные речи, направленные против основ государства российского, не произносит вслух.

Лорис-Меликов тоже умел играть и скрывать свои чувства. На его месте другой бы сейчас кричал, стучал кулаком по столу, грозил виселицей. А Михаил Тариэлович говорил спокойно, насмешливо, и могло показаться даже, что он просто шутит.

— Значит, чеченцев вам жаль? — продолжал он с улыбкой. — А сами-то, батенька, вы их сколько уничтожили? А-а, счет не вели… Ну что ж, раз вы сочувствуете безземельным чеченцам, раз лично вы так гуманны, то и уговорите и самого себя, и всех вышеназванных князей да новоиспеченных помещиков вернуть чеченцам украденные земли. Таким образом, вы вполне можете обеспечить землей пятьдесят тысяч чеченских семейств.

Кундухов хотел ответить, но генерал-лейтенант повелительным жестом остановил его. Сложив руки за спиной, Лорис-Меликов мелкими мягкими шажками несколько раз прошелся по комнате, потом остановился около Кундухова и тихим, доверительно-ласковыми голосом произнес:

— Вы, Муса Алхазович, отличный генерал, но никудышный политик. — Помолчал и продолжил резко, словно на строевом плацу:- Безусловно, наше правительство совершило целый ряд крупных ошибок в процессе покорения края. Но в целом политика нашего правительства верна и покоится на надежной и прочной основе. Проводится она в державных интересах, в целях сохранения, укрепления и расширения Российской империи.

Правительство просто не могло допустить автономного правления ни в Чечне, ни в других вновь приобретенных областях. Иначе такой же автономии захотели бы и малороссы, и поляки, и белорусы, и грузины, и финны, и другие народы. Но в первую очередь, захотели бы сами русские мужики, к чему их и без того толкают разные там революционеры-демократы. И ваш Грибоедов в том числе. А что потом? Потом русские потребовали бы свержения монархии и провозглашения республики. А это уже мы проходили во Франции. По тем же причинам не можем мы допустить и сближения народов, населяющих империю. Все, что делается правительством, в том числе и заселение окраин русскими колонистами, делается для того, чтобы

раз и навсегда укрепиться повсюду. Не можем мы поступиться национальными и государственными интересами ради каких-то там чеченцев или адыгейцев. А тем более — ради отдельных личностей. Пусть даже и великих, и гениальных…

* * *

Конечно, генерал Кундухов знал, о чем говорил, и во многом был прав.

Летом 1839 года тридцатитысячный отряд генерала Граббе, с тридцатью орудиями и с почти пятитысячной Дагестанской милицией начал осаду укрепления Шамиля — аула Ахульго. После двухмесячной героической обороны Ахульго пал. При штурме были убиты сестра Шамиля, его жена и малолетний сын. Самому имаму вместе с семерыми товарищами чудом удалось спастись и пробраться в Чечню.

Чечня с 1785 года вела непрерывную борьбу против царских войск. Сперва ее возглавлял шейх Мансур, затем известный Бейбулат, позднее восточная часть Чечни признала Кази-Муллу.

В первые пять лет имамства Шамиля царские генералы не тревожили Чечню, решив не трогать этого самого опасного противника в горах Кавказа, пока не покончат с Дагестаном, но после падения аула Ахульго русское командование решило, что пришла пора браться и за Чечню.

В начале сороковых годов в ней начали устанавливать военно-колониальный режим. Население обложили податью: от каждых десяти дворов — по ружью, от каждых десяти человек — по одному заложнику. Возводились военные укрепления, аулы переселялись под жерла крепостных орудий.

В Чечне началось всеобщее восстание. Но восставшему народу требовался вождь. И хотя в самой Чечне было немало людей, достойных стать предводителем, выбирать кого-либо из них народ не хотел. Чеченцы видели бесправную тяжелую жизнь соседних народов под властью местных феодалов, поэтому они страшно боялись

возвышения соплеменников, дабы потом не лишиться своей относительной свободы. Вот тогда-то и вспомнили о Шамиле, который скитался по аулам Нагорной Чечни. Ему и решили предложить руководство восстанием, рассуждая примерно так:

покончим с царскими войсками — прогоним и Шамиля, ведь он не свой.

Шамиль принял предложение с радостью. Он уже давно вынашивал мечту возглавить столь воинственный народ. Теперь у него появилась возможность отомстить и царским генералам, которые разбили его наголову, и некоторым своим землякам, бросившим его в трудный час и перешедшим на сторону врагов.

Царские войска терпели в Чечне крупные поражения. Здесь с каждым годом все ярче и ярче сияла звезда Шамиля. Пришла пора покорять свои собственные дагестанские общины.

Преследуя тонкий расчет, Шамиль всячески поощрял чеченцев, подчеркивал их численное превосходство, воинственность, героическое прошлое, и тем самым возбуждал и разжигал в них честолюбие и этнический национализм.

Когда Шамиль стал повелителем и Чечни, и Дагестана, он тут же почувствовал опасность со стороны чеченцев. Поэтому он прилагал все усилия, чтобы разрушить их родоплеменные связи и взамен адатов упорно насаждал среди них шариат, что позволяло ему укрепить здесь свою абсолютную власть. Скоро от руки кровников и в боях погибли наиболее авторитетные и просвещенные чеченские предводители: Джават-хан. Умха, Шоип-Мулла, Соиб, Саид-Мулла, Эльдар, Ших-Абдулла, Оздамир.

К закубанским горцам отправились Магомед-Гирей, Магомед-Хаджи, Сулейман-Мулла, Магомед-Эмин. Только в 1847 году, после гибели одних и изоляции других, Шамиль осмелился объявить свое право на передачу власти по наследству. Но этому воспротивились Хаджи-Мурат и чеченские наибы.

Хотя Чечня была продовольственной базой и главным источником военной силы армии Шамиля, а чеченские наибы составляли наиболее

преданную часть его генералитета, политический и идеологический аппарат имамата состоял из дагестанских наибов и дагестанского духовенства.

С конца сороковых годов в верхах имамата сложились своеобразные "политические партии", которые были настроены не только друг против друга, но и против самого Шамиля. Эти партии объединили представителей султанских и бекских фамилий, а лидерами их стали Даниэл-бек Елисуйский, Кибит-Магома Каратинский и Хаджи-Мурат Хунзахский. К партии Даниэл-бека примыкал его зять, сын Шамиля, Гази-Магома. Правда, он чаще всего был занят тем, что мирил отца и тестя.

Каждый из лидеров преследовал свои цели и вел тайные переговоры с царскими генералами, пытаясь даже путем предательства возвратить себе привилегированное положение.

Даниэл-бек, например, надеялся вернуть Елисуйский султанат и чин генерал-майора. Хаджи-Мурат стремился выкупить у царя Аварское ханство, Кибит-Магома жаждал имамства.

Чеченские же наибы в придворных интригах и антишамилевских заговорах не участвовали. Если Даниэл-бек, Хаджи-Мурат и другие надеялись выторговать у царского правительства прежние привилегии, то у чеченских наибов подобных надежд не возникало. Ведь все чеченские наибы возвышались не по сословному положению и богатству, а благодаря личной отваге.

Так что примирение с царским правительством для них означало потерю всего, без приобретения чего-либо. Тем не менее, именно их-то Шамиль и боялся больше всего. Точнее, он вообще боялся чеченцев; ему внушали опасения их численность, их независимость от других народов, потенциальные возможности их края, их политические и экономические силы. Понимал Шамиль и то, что чеченцы будут до последнего бороться с царскими колонизаторами за свою самостоятельность, и если уж им придется решать вопрос о выборе наименьшего зла при примирении, то, наверняка, этим меньшим злом он, Шамиль, никак не станет.

Истребительная война, навязанная русским правительством, и его антинародная национальная политика привели к тому, что в последние годы имамата между издревле братскими народами Чечни и Дагестана, которые веками поддерживали друг друга в борьбе против чужеземцев, родилось недоверие.

Враг торжествовал!

* * *

В распахнутое окно, пробиваясь сквозь густую листву, вползали багряные отблески заходящего солнца. К вечеру город словно пробудился от дневной дремы, зашумел, загудел, заволновался.

В комнате было слышно, как спутники Кундухова о чем-то спорили между собой на своем отрывистом гортанном языке, переговаривались с солдатами, временами их голоса прерывались громким смехом.

Оба генерала не прислушивались к жизни улицы: каждый думал о своем.

— Итак, — чуть подавшись вперед, нарушил затянувшееся молчание Лорис-Меликов, — будем считать, что экскурс в историческое прошлое завершен. Но, дорогой Муса Алхазович, ведь не ради прошлого вы нанесли мне визит. Ну-те-с, что у вас на душе и в сердце, выкладывайте.

— Даже не знаю с чего начать.

— Лучший способ — начать от печки, — улыбнулся Лорис-Меликов.

— Мне думается, ваше превосходительство, мы уже пришли к единому мнению.

— В чем именно?

— В том, что чеченцы побеждены, но не покорены. Раз не покорены, то они не смирились. Пламя пожара сбито, но под пеплом и

золой остались раскаленные угли. Их жар мы с вами ощущаем постоянно.

— В этом я с вами полностью согласен.

— Позиция наша, прямо скажем, крайне неопределенная и неустойчивая. Чтобы положить конец такой зыбкости, вы хотите переселить часть жителей предгорий на левый берег Сунжи и Терека, часть — в Малую Кабарду, а освободившиеся земли заселить казаками.

— Совершенно верно.

— И вы рассчитываете, что чеченцы, повинуясь приказу, покорно снимутся с насиженных мест?

— Не захотят миром — заставим силой.

— Но ведь это повторение сорокового года.

— Сороковой больше не повторится. Я же сказал, что той, прежней Чечни уже не существует.

— Но силы-то сохранились. Они будут драться.

— Тогда мы окончательно разобьем их. Сегодня другие времена, а значит, и другие обстоятельства. На правом берегу Сунжи и Терека — казачьи станицы, в Нагорной Чечне — десятки военных укреплений. Как видите, большая сила. И в каком бы уголке Чечни ни вспыхнул очаг войны, он будет ликвидирован максимум в течение двух-трех недель.

— В том случае, если чеченцы построятся в боевые линии и примут сражение по всем правилам классической военной науки.

Тогда, разумеется, и двух-трех недель много. Но они не примут открытый бой. Нет. Они скроются с семействами в горах и будут вести обычную для себя малую войну, скрытую, партизанскую, в которой они уже не раз и не два проявили себя непревзойденными мастерами.

При таком раскладе едва ли будет возможно сладить с ними и за три года.

— У нас иного выхода нет.

— У них и подавно. Чечня потеряла не только лучшие земли, но и половину своего мужского населения. Чеченцы не могут вернуться к своему довоенному общественному строю, примитивному хозяйственному быту, но они не смогут и жить под одной крышей с победителями. Они не в силах выдворить нас. Как видите, ваше превосходительство, это тупик, из которого и чеченцы сегодня ищут выхода. У них два пути: либо погибнуть в неравной борьбе, либо по примеру закубанских горцев отправиться в Турцию.

— Какой же, по-вашему, путь они изберут?

— Если правительство попытается осуществить намеченный план, они выберут первый. А это — новая война.

— Что же вы предлагаете?

— Попытаться переселить их в Турцию. Добровольно.

— Вы серьезно? — усмехнулся Михаил Тариэлович. — Мне кажется, что вы и сами не верите в реальность своих слов, генерал.

— Отчего же, верю.

Михаил Тариэлович выжидающе посмотрел на Кундухова:
"Любопытно. Как же ты собираешься осуществить такое?"

— Используем старый, веками испытанный способ, — подкуп, — проговорил Кундухов. — Соблазним деньгами наиболее влиятельных лиц. Поручим им распространить среди населения прокламации от имени турецкого султана. Подобных образцов у нас хватит. Пусть в Тифлисе их переделают на чеченский лад. Уверен, многие
"клюнут".

— Сомнительно. Весьма сомнительно, — разочарованно протянул Лорис-Меликов. — Не уверен, что наши любезные чеченцы согласятся на переселение в Турцию.

— Думаете, выберут Малую Кабарду?

— Туда переселить их будет значительно легче. Кабарда-то недалеко от их родных краев. Близость родины — серьезный психологический фактор.

— Вы забыли, что Турция — мусульманская страна, а это тоже многое значит. Ведь добровольное присоединение закавказских народов к России произошло главным образом благодаря религии.

И те же балканские славяне доброжелательно относятся к России, опять-таки из-за единоверия. Когда мы в Закавказье создали Эриванскую область, то в нее из Турции и Персии переселились десятки тысяч армян. В период же нашей войны с Турцией в Россию хлынула масса болгар и сербов. Если говорить о западных горцах, то они переселились в Турцию именно потому, что имеют одну веру с турками. В любом деле важна не только сила, но и хитрость. Я уверен, убежден, что мы сможем переселить чеченцев в Турцию, скрыв участие в этом нашего правительства.

— Если вы уверены в успехе, то кто же возьмется за организацию сего дела? Ведь здесь нужен будет такой человек, который был бы верен правительству, с одной стороны, но которому и доверяли бы чеченцы — с другой.

— Такой человек сидит перед вами. Я генерал русской армии и присягал на верность царю, но чеченцы, тем не менее, верят мне.

— Да, знаю. У чеченцев вы пользуетесь большим авторитетом…
Так что же вам потребуется?

— В первую очередь, тысяч десять рублей для начала переговоров с влиятельными лицами. Затем письма, в которых султан приглашал бы чеченцев в свою страну, и тексты ряда других его обещаний; поручительство нашего правительства по оказанию помощи

желающим переселиться. И, наконец, полное сохранение в глубокой тайне участия в разработке и организации этого предприятия как самого правительства, так и меня лично, в первую очередь.

Командующий задумчиво разглаживал усы.

— А примет ли чеченцев турецкое правительство? Ведь наши закубанские горцы уже буквально наводнили Турцию. Турки и по сей день никак не могут разобраться с ними, устроить их жизнь и быт. Борясь за выживание, горцы гибнут, занимаются грабежами, вступают в стычки с местным населением. Чеченцы не могут не знать об этом и не опасаться аналогичной собственной участи.

— Я лично поеду в Константинополь и улажу все эти дела. При дворе султана у меня хорошие связи. Надеюсь, что разрешу все вопросы.

"Уж что-то больно подозрительна забота о чеченцах, которую он проявляет, — мелькнула мысль. — Интересно, какие же личные цели он преследует?"

— Скажите, вам-то, собственно, какая от всего этого польза?
— не выдержал в конце концов Лорис-Меликов.

— Никакой, клянусь вам! — воскликнул Кундухов, не опуская глаз под пристальным взглядом начальника области. Ему нечего скрывать и стыдиться, он ведет честную игру. Так, во всяком случае, казалось ему тогда. — Если мне удастся выполнить задуманное, то предотвращу готовящееся восстание. На пользу и чеченцам, и правительству. Чеченцев я спасу от гибели, правительство — от новой войны. И не свершится еще одно кровопролитие.

"Врешь, лиса. Ой, врешь! На твоей совести столько чеченской крови, что не тебе жалеть ее".

— И все-таки, дорогой Муса Алхазович, лично для себя вы ничего не требуете?

— Лично себе — ничего. Если же говорить об интересах дела…

Допустим, я сам повезу в Турцию людей, недовольных нашими порядками, и тем самым окажу немалую услугу правительству. Но чтобы увезти их туда, я должен стать во главе переселенцев.

Более того, сам вместе с семьей отправиться в Турцию… Исходя из этого, просил бы правительство разрешить мне переселение и заодно решить вопрос с моим имением…

"Что-то явно задумал этот хитрец. Какая же темная душа. Ну да черт с тобой! Если тебе удастся убрать с моей шеи хотя бы тысячу чеченских семей, а вместе с ними убраться и самому, то ничего страшного не произойдет. Только спасибо скажу и вздохну свободнее".

— Много у вас земли? — спросил Лорис-Меликов, хотя сам был отлично осведомлен об имении Кундухова.

— Две тысячи восемьсот десятин. Дом и постройки каменные.

— Сколько же вы хотели бы получить за свое имение?

— Ну, если оно стоит примерно тысяч сорок пять… А это, как минимум…

"Тоже, нашел дурака. За твое имение в базарный день дадут не более пятнадцати тысяч".

— И еще прошу, ваше превосходительство, разрешить отправиться в Турцию вместе со мной осетинам, тем, кто изъявит желание.

— А много таковых найдется?

— Тысяч пять семейств наберется.

"Поистине, Бог милостив. Если его затея выгорит, моя область очистится от многих отъявленных разбойников!"

— Ну что же, Муса Алхазович, о вашем предложении я напишу наместнику. И приложу свое положительное мнение.

Оба генерала встали и, высказав друг другу самые дружеские чувства, вежливо расстались.

Настроение Михаила Тариэловича было приподнятым.

"Ради такого дня не грех и рюмочку-другую пропустить", — подумал он, направляясь к дому по тенистой аллее.

Спустя десять дней после описанной выше встречи Лорис-Меликов получил телеграмму следующего содержания:

"Телеграфу Владикавказа. Из Поти. Телеграмма № 198. 17 мая 1864 года.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ

Владикавказ. Командующему войсками. Великий князь согласен на предложение К. Желаю успеха. Чем дальше, тем лучше.

Карцов.

ГЛАВА III. МИРНАЯ ВЕСНА

Наша цель — свобода, ради нее мы готовы на всё.
Сенека

Весна…

Радуется земля, облачаясь в весенние, яркие наряды, тянется земля, чтобы грудью своей припасть к теплому солнцу, впитать в себя его живительные лучи. Тысячи звонкоголосых ручейков, слившись в мощный хор, без устали поют ей свою здравицу, свой благодарственный гимн. И птицы славят весну. Едва заметное в прозрачной синеве неба, в зеленой дымке распускающихся деревьев, кустов и трав разноголосое пенье их доносится отовсюду.

Весна…

Прислушайся, как гудит земля, как шуршат в ее глубине корни деревьев. Посмотри, как старая яблоня в саду пытается выпрямиться, вдыхая теплый, напоенный весенним ароматом воздух крохотными почками, как несутся с гор потоки бурных рек. В них полнота жизни, размах и удаль после зимнего сна, полудремы.

Но одновременно есть и что-то зловещее, угрожающее и непредсказуемое в их стремительном порыве, в их необузданной ярости, хотя люди, привыкшие ежегодно в эту пору видеть их такими, верят и знают, что, как только растают в горах снега, реки утихнут, утолив талой водой земную жажду. Вот и Аксай пока мчится, вздыбив над собой белопенные крылья, несет в своих мутных водах вывороченные с корнями деревья, ворочает огромные камни и злобно рычит, недовольный тем, что с обеих сторон высокие и крутые берега.

Да, природа разыгралась и одновременно засветилась всеми своими красками. И так происходит весной из века в век, из года в год. Что природе до человека, до его забот, радостей, горестей, бед и несчастий! У природы и у весны, в частности, свои законы, а если

люди разучились радоваться их проявлениям, то они сами в том повинны, заслонив их от себя спорами, враждой, пролитой кровью, словно не хватает места под бескрайним небом, под по-матерински ласковыми лучами солнца.

Люди сами для себя развязали войну, которая длится уже тысячелетия, то затихая на время, то вспыхивая с новой силой.

Впрочем… Вот уже вторую весну не грохочут пушки и не трещат ружья. Но стала ли жизнь от того иной, более спокойной и радостной? Нет, не стала.

Война… Сколько принесла она несчастья. Нет сегодня в ауле крыши, под которой не ночевало бы горе. На месте сгоревших домов еще не успели отстроить новые; обугленные стволы деревьев никогда не обрастут зеленью, а молодые саженцы только-только успели пустить корни. Аул сегодня напоминает лес, над которым пронесся страшный огненный смерч. Смерч войны.

Али смутно помнит те времена, когда Гати-Юрт утопал в зелени, когда в каждом окне горел свет и веселые звуки дечиг-пондара[10]

звучали на улицах до глубокой ночи. А сейчас только от грустных песен о войне щемит души людей ее переживших.

Пять лет прошло с тех пор, как пленили великого Шамиля, три года — как казнили храброго беноевского Бойсангура. Царские слуги взяли Атаби Атаева и Умму Дуева. Сегодня неизвестно, где они и живы ли. Ведь расстрелял же прошлой зимой генерал Туманов в Шали вообще ни в чем не повинных людей. И тем не менее в Чечню пришла вторая весна относительного покоя и мира.

Но и эта весна не принесла краю счастья.

"Что поделаешь, значит, Аллаху так угодно. Время унесло с собою отцов, братьев и сестер. А что оставило нам взамен?

Ничего. Только горем заполненные сердца". Такие вот думы одолевают Али. И не чувствует он, как теплые лучи солнца ласкают его тело, не слышит птичьего гомона и охрипшего голоса жены, погоняющей быков, и не замечает, что валится она уже от усталости.

Идет он за деревянной сохою и смотрит неподвижными глазами, как железный сошник со скрежетом врезается в твердую землю.

Айза то и дело поглядывает на мужа. Она-то ладно, а вот быки от длительного напряжения уже еле-еле передвигают ноги. Но не осмеливается она сказать о том мужу, прервать ход его мыслей.

— Да проклянут тебя потомки, русский царь! Стране твоей, говорят, края нет, а богатства и сосчитать невозможно. Так для чего тебе понадобились бедные горы и мы сами? Что мы сделали тебе плохого? — думал Али, не замечая, что произносит это вслух.

— О чем ты? — удивленно спросила жена.

Али не ответил.

— Харшчу, харшчу![11] — крикнул он. — Осторожнее, жена! Не очень-то погоняй Чориного быка, видишь, как бока у него ввалились.

— Может, отдохнем немного? — с надеждой в голосе спросила жена.

— Еще круг сделаем и передохнем.

Айза бросила быстрый взгляд туда, где под тенью ветвей дикой груши спали дети, и прикрикнула на быков. Когда крик не подействовал, взмахнула хворостиной и ударила по спинам одного и другого.

Несмотря на раннюю весну, солнце палило нещадно. Али торопился. Еще несколько таких жарких дней, и земля совсем высохнет. Пока не ушла влага, нужно успеть засеять все поле.

Поднимаясь на вершину, Али каждый раз посматривал вниз, и лицо его при этом хмурилось, а на лоб набегали морщины — многие участки земли оставались нетронутыми: некому было пахать.

Словно отвечая его мыслям, раздался протяжный напев Чоры, чей участок находился по соседству, по другую сторону невысокого холма:

Тонкий стан, стянутый ремнем,
Повязать кушаком велит царское войско!
Тело, одетое в черкеску синего сукна,
Нарядить в долгополое платье велит царское войско!
Голову, покрытую круглой папахой,
Накрыть картузом велит царское войско!
Богатырское оружие, завещанное нашими дедами,
Без боя на тоненький прутик сменить велит
Царское войско!
О ты под ногами, черная земля!
Сделавшись пушечным порохом,
Взорви царское войско!
Ты над головою, синее небо!
Превратившись в пушечный снаряд.
Разнеси царское войско…

Любимая песня Чоры. И люди, занимаясь своими делами, внимали грустной мелодии. Дойдя до вершины, Али остановился. Пахари распрягали быков. Готовились к обеду. Одни уже совершали полуденный намаз, другие только готовились.

— Айза, — обратился Али к жене, — я распрягу быков, а ты бы нарвала черемши. Хорошо бы, конечно, крапивы, но соли у нас, кажется, маловато?

— Подорожала, как золото. За герку[12] соли Хорта просит гирду[13] кукурузы.

— Чтобы она ему кремнем поперек горла встала, — зло проговорил Али. — Люди голодают, а он последнее зернышко отбирает у них.

Торгаш паршивый. Сходи все же нарви крапивы, я детей посмотрю.

Освободив быков, Али не спеша направился к детям, которые спали крепким сном: Усман — в люльке, а Умар — в качели под

деревом. Али согнал муху с лица старшего сына, бережно укрыл его черкеской, склонился над младшим, Усманом. Ребенок во сне улыбался. Лицо его сияло, щеки порозовели, наверное, что-то хорошее виделось ему во сне. "Что тебя ждет? Будешь ли ты счастлив? Аллах, помоги ему…" Захватив глиняный кувшин, Али направился к роднику. Сполоснул холодной водой ноги, лицо, руки, помолился и вернулся с полным кувшином родниковой воды.

Айза уже хлопотала над обедом. Она выбрала удобное место, расстелила платок для еды.

— Усман, наверное, видит во сне тебя, видишь, как улыбается — сказала Айза.

Али бросил кошму на землю и прилег.

— Мне даже во сне не пришлось увидеть отца. В тот день, когда я родился, его привезли мертвого.

— Не нужно, не вспоминай, — тихо попросила Айза, не глядя на мужа. — Садись и поешь. — Пододвинула к нему миску с натертой сочной крапивой.

Али заметил, что почти всю еду она поставила ближе к нему, оставив себе совсем немного.

— Недосолила я, пожадничала, соли-то на вечер приберегла.

— Ты сама больше ешь, тебе ведь кормить ребенка.

Али к еде не притрагивался.

— Надо позвать Чору, — сказал он.

— Знаю, только что мы им сейчас подадим? Вот вечером сварю галнаш[14], тогда и позовем.

— Неудобно без них.

Чора и его жена Ковсар продолжали работу. Чора неторопливо шагал по пахоте, чуть позади держалась жена. Чора втыкал кол в мягкую землю — и лунка готова. Ковсар бросала в нее кукурузное зерно и заравнивала землю ногой. Вот так и ходили они один за другим с утра до позднего вечера. Работа сама по себе, может, и не очень трудная, но кропотливая.

Обед у Али был без разносолов. Но ему казалось, что нет ничего вкуснее твердого чурека и сочной крапивы, особенно, если запиваешь их ледяной родниковой водой. Впрочем, таким обедом мог похвастаться каждый, кто был сегодня в поле. Иного обеда никто не мог себе позволить. За исключением разве что Шахби и Хорты, да еще нового старосты Исы. Шахби и Хорта — купцы.

Они сами не пашут, нанимают для этого работников, а вот их-то тоже держат полуголодными.

Поев, Али прилег отдохнуть, Айза помолилась и тоже собралась было присесть, но тут проснулись дети и она подошла к ним.

"Несчастная доля женщины, — думал Али, наблюдая, как жена возится с детьми, — ни днем, ни ночью нет ей покоя".

Умару Айза дала кусок чурека, маленького Усмана стала кормить грудью. Оба успокоились. Усман, обхватив крохотными ручонками белую как снег, с синими, чуть заметными прожилками полную грудь, давился, торопливо глотая материнское молоко. Айза молча глядела на сына и не чувствовала, как капельки пота бегут по ее обветренному лицу. Толстая черная коса, достающая почти до пят, струилась у ее ног, большие темные глаза счастливо улыбались. Впрочем, они улыбались даже и тогда, когда Айза грустила.

"Хорошая жена у меня, — думал Али, — стройная, красивая, работящая. Рядом с ней забываешь о горестях и бедность не так ощущаешь. Сыновья растут. Бык, хотя и один, но в хозяйстве имеется. Здоровье Аллах дал. Чего еще нужно? Хватит. Благодарю тебя, Аллах. Но Арзу… Арзу до сих пор одинок".

— По дороге сюда я встретила Эсет, — донесся до него голос жены.

— Что за Эсет? — спросил Али, удивленный, что она почти угадала его мысли.

— Будто не знаешь. В Гати-Юрте одна Эсет. Другой нет.

— Ты говоришь о жене Гати?

— Шли, говорили о том, о сем, и между прочим вспомнили брата.

— Ей-то какое дело до Арзу?

— Они до сих пор любят друг друга.

— Эсет замужем. Арзу не имеет права ее любить. Каждый человек обязан уважать себя.

— Не надо так…

— Стыд-то какой!

— Легко тебе рассуждать. Ты женился на той, которую любил. Они пожениться не смогли. Разве тебе не жаль их?

— Значит, не суждено было. Да и чем им теперь поможешь?

Усман незаметно уснул. Айза накрыла колыбель своей старой шалью и присела около мужа.

— Она готова на все, и если он…

Да, Али знал, что его старшему брату давно пора обзавестись семьей. Когда б не война… И не потому дожил он до тридцати пяти лет холостяком, что девушки не любили его или он не мог найти себе достойную. Нет. Арзу и Эсет любили друг друга. Люди советовали ему жениться, но Арзу стоял на своем: только после войны. Война ему

мешала. Боялся оставить Эсет вдовой. Тем более, что в последние дни войны погиб отец Эсет — Билал…

— Думаю, что Арзу так никогда и не женится.

— Почему? Разве ему не нужна жена?

— Чора мне рассказывал как-то, что Арзу доволен тем, что у меня есть сыновья, которые продолжат наш род. Ему же семья станет лишь помехой. Он дал клятву…

— Клятву? — Айза подняла на мужа испуганные глаза.

— Да. Всю жизнь бороться за свободу народа.

— Аллах, опять война! — воскликнула она со слезами в голосе.- Хоть бы о детях подумали!

— Мы и думаем о них. — Он вдруг разозлился. — И не твое это дело! Лучше приляг, отдохни. — Али отвернулся и вскоре задремал.

* * *

Али решил вернуться домой пораньше.

— Завтра к обеду закончим, — сказал он жене. — Собирайся. В голосе мужа Айза почувствовала нотки беспокойства и, зная его натуру, внутренним чутьем уловила, что оно вызвано заботой о ней. Айза не умела притворяться, а тем более скрывать свою радость.

— Я не очень устала.

— Нет, пойдем. Возможно, Арзу уже приехал.

Али редко отпускал старшего брата одного, старался всегда быть с ним. Но сегодня Арзу уехал в Шали с Маккалом, и Али беспокоился: власти недолюбливают Арзу, а в некоторых аулах на него косятся

богачи. Нет, он обязан быть рядом с братом, кто знает, где может подстеречь его беда.

Как и предчувствовал Али, Арзу дома не оказалось. Тревога все сильнее овладевала им. Он несколько раз обошел двор, осмотрел огород, заглянул в сарай, снова вернулся в дом. Айза, занятая приготовлением ужина, не обращала на него внимания, и он, не найдя, к чему бы приложить руки, решил навестить Чору.

— Пожалуй, схожу к Чоре, приглашу его на ужин, — сказал Али, обернувшись с порога.

— Возвращайся скорее, — предупредила Айза. — Ужин скоро будет готов.

Выйдя на улицу, Али немного успокоился. Солнце давно зашло, и его последние лучи тускло догорали на западе. С гор повеяло прохладой. Вечерний воздух наполняли привычные звуки аула.

Слышался людской говор, блеянье овец, мычанье коров, кто-то кого-то звал, лаяли собаки, носилась шумная ватага мальчишек.

— Продай мне свой участок, зачем он тебе? — услышал вдруг Али чей-то голос во дворе своего соседа Васала и остановился. "Да ведь это юртда[15]… Зачем он здесь?" — удивился Али.

— Не могу, — ответил Васал. — Земля мне и самому нужна. — Что ты с ней будешь делать?

— То, что все люди делают.

— Люди заботятся о ней, пашут, сеют, а твой участок весь бурьяном зарос.

— Я засею.

— Чем? — не отставал Иса. — Надеешься, Аллах поможет?

— Как-нибудь… — обреченно выговорил Васал.

— Да у тебя не то что быка, даже кошки нет, а говоришь "как-нибудь…"

— Люди помогут.

— Можно подумать, людям других забот мало.

— Нет. Не могу продать.

— Подумай, я дам за него полный мешок кукурузы.

— Пойми, дети мои должны жить. Им нельзя без своей земли. А люди не помогут, что ж… Если в прошлом году не пахал, то и в этом году тоже ничего страшного не случится.

— Тогда верни долг!

— Долг? — голос Васала прозвучал растерянно.

— Да, за тобой мешок кукурузы.

— Мы же договорились, я осенью верну…

— Я не намерен ждать. Или верни долг сейчас, или делай, как хочу я. Одно из двух.

— Ради Бога, Иса! Потерпи до осени! Чем я буду кормить детей? Они умрут с голоду!

— Может быть, ты мне прикажешь заботиться о них? Не можешь сам прокормить семью, не плоди детей, как поросят.

Встревоженный Али решил зайти во двор к соседу. Заметив его, Иса поспешил удалиться.

— Ассалам алейкум! Добрый вечер, Васал!

— Ва алейкум салам! Вечер добрый и тебе, Али, — ответил Васал, протягивая искалеченную руку.

— Как чувствует себя Мархет, лучше ей?

— Все так же, — Васал тяжело вздохнул. Чувствовалось, разговор со старшиной выбил его из колеи. — Ты рано вернулся сегодня.

Закончил пахать?

— Завтра к обеду, думаю, управлюсь.

— Почему так долго? Твой участок и за день можно вспахать.

— На такой паре не разгонишься.

— Чей второй бык?

— Чоры.

Васал помолчал немного.

— Не знаю, Али, как мне быть. Замучил меня Иса. Все уговаривает, чтобы продал я ему свой участок. Упрекает, что уже который год не пашу землю. Правду говорит, а ни к Хорте, ни к Шахби не могу обратиться. Они словно сговорились с Исой сжить меня с земли.

— Не горюй, Васал, — Али похлопал соседа по плечу, — успокойся.

С твоим участком что-нибудь придумаем. Бог поможет, да и люди не оставят в беде.

— Мархет о тебе спрашивала, — беспомощно проговорил Васал. Ему стало стыдно за минутную слабость. Но что делать, бедность угнетала, приводила в отчаяние. — Зайди к ней, а я постою на воздухе, — сказал он, видя, что Али нерешительно топчется у дверей.

В передней было темно. Али толкнул другую дверь и неслышно переступил порог.

В доме было сумрачно; единственное окно, от времени перекосившееся на бок, еле пропускало отблески вечера. Али не однажды бывал у соседа, но только сейчас по-настоящему ощутил всю бедность, всю убогость этого дома. Здесь не было ничего, что могло бы порадовать глаз.

"Аллах, чем они провинились перед тобой? — невольно подумал он. — Помоги им".

— Кто там? — послышался слабый голос.

— Это я, — ответил Али, осторожно продвигаясь ближе к окну, у которого на глиняных нарах лежала Мархет.

— Али…

— Как себя чувствуешь? Тебе не лучше? — Али опустился на скамейку у изголовья больной.

На мертвенно-бледном лице Мархет мелькнуло что-то похожее на улыбку.

— Нет, Али, не жить мне больше на этом свете. Только вот смерть моя задержалась где-то в пути. Зову ее, а она не приходит. Я же знаю, как тягостно со мной, всем уже стала обузой.

— Не говори так, Мархет! Ты еще поправишься. Бог всемогущ, он поможет.

— Бог поможет, если скорее призовет к себе… Расскажи, как у тебя-то дела?

— Думал, сегодня закончу пахать, да не успел. Несчастные мы люди. Бьешься-бьешься на своем клочке, ухаживаешь за ним, как мать за младенцем, а из нищеты никак выбраться не можешь.

— Прости меня, Али. Я спросила потому, что ты долго не заходил. Как Айза, дети?

— Слава Богу, пока все хорошо.

— Да поможет вам Бог! А мы, видать, и в этом году не сумеем засеять свой участок. Я не о себе беспокоюсь. Мне уже ничего не надо… Мне… детей жаль…

— Минувший год был трудным для всех, — успокоил Али. — Как освобожусь, вспашу и ваш участок.

В противоположном углу, где спали дети, начался плач. Все громче и громче… Тринадцатилетняя старшая Хоза изо всех сил старалась успокоить младших братишек. Но на голодных детей слова не действовали. Наконец, она что-то сунула им в руки.

Маленькие затихли, потом спрыгнули с нар и, шлепая босыми ногами по глиняному полу, выбежали на улицу.

— Мархет, чего бы ты хотела поесть? — спросил Али.

— Я грушу сегодня ела…

— Нет, ты не стесняйся, ты скажи, чего бы хотела, мы достанем…

— Спасибо, Али. Мне ничего не нужно. Хоза, — чуть громче обратилась она к дочери. — Пойди-ка, присмотри за детьми…

Когда за дочерью захлопнулась дверь, Мархет тяжело вздохнула, закрыла глаза, и бескровные губы ее задрожали. Али молчал.

Ждал, что скажет Мархет. Каждое слово ей давалось с трудом.

— Али, мы живем по соседству не один год и не один год знаем друг друга. Ты знаешь, я сирота. В час моей смерти мать не сядет у моего изголовья, не заплачет родная сестра, не устроят тезет[16] братья. А конец близок. Мне недолго осталось жить. Тебя и Арзу я всегда считала своими родными и в последние дни страшилась умереть, не повидав вас.

— Не наговаривай. Не все больные умирают. И ты еще поживешь.

Мархет качнула головой.

— Не надо пустых слов. Что со мной будет, я знаю. И у меня просьба к тебе и Арзу. О бедности нашей говорить не буду, но я сохранила кое-что от отца и матери. Это золотые серьги и кольцо. Думала оставить их дочери, но не судьба. Так вот, пусть они пойдут мне на похороны. И если Маккал не побрезгует нашим домом, то пусть семь ночей подряд читает по мне Коран.

А вы с Арзу сразу не уходите, подождите, пока не кончится тезет. И еще просьба… Как и раньше… будьте добры к Васалу.

Он такой беспомощный. И одинокий. Ведь из-за нас он разлучился со всем, что ему дорого. И с родиной тоже. Вот и все, Али. Это я и хотела тебе сказать.

Стараясь не выдать своего волнения, Али ответил:

— Да пошлет Бог тебе здоровья, Мархет. Ради твоих детей. Их у тебя шестеро… Но коли судьба… Все сделаем… И за Васала не беспокойся. Он наш брат. Мы его не оставим.

— Спасибо, Али. Теперь иди. Я и так тебя задержала.

Когда Али вернулся, ужин был готов, но Айза не притрагивалась к еде, ждала его. Пряный запах чеснока щекотал ноздри. Умар бросился навстречу отцу, потом опять забегал вокруг котла, держа в руках маленькую деревянную вилку, которую отец вырезал специально для него.

— Отложи несколько галушек детям, а остальное отнеси семье Васала.

Айза удивленно взглянула на мужа.

— Иди. Дети у него голодные.

Айза подняла котел и, не говоря ни слова, вышла. Но вскоре вернулась с красными от слез глазами.

ГЛАВА IV. НОВЫЕ ХОЗЯЕВА АУЛА

Да, наконец, кто такие здесь участковые приставы? Это те же становые, только с более широкой властью и с большей фанаберией, с большим нахальством и с большим невежеством. Умственное развитие их крайне ничтожно, нравственных понятий не имеют никаких. Неудивительно, что они назначают старшинами просто отребье горских обществ.

Я. Абрамов

В аулах редко кто засиживается допоздна. Чуть стемнеет, и гаснут одно за другим крохотные окна глинобитных лачуг. Люди укладываются на ночь, и кто-то засыпает сразу, с тайной надеждой на будущее, другие беспокойно и долго мучаются бессонницей на жесткой постели. Но и тех и других во сне одолевают одинаково тяжелые думы: как выжить, как не умереть голодной смертью. Ибо каждое новое утро не сулит им ничего хорошего, кроме новых тревог.

А вот из окон дома сельского старшины Исы льется яркий свет.

Всего несколько человек в ауле имеют такие вот дома, крытые черепицей и с застекленными окнами. Ими владеют Шахби, Хорта, Товсолт и старшина Иса.

Сегодня у старшины гостят упитанный коротышка Шахби и сухой, длинный, как жердь, кади Товсолт. Все трое чинно восседают на глиняных нарах, застланных пестрым войлоком. Посредине стоит деревянный поднос с остывшими кусками баранины. Гости, кажется, уже и наелись досыта, а все бросают жадные взгляды на горку чепалгаш[17] в масле.

Где бы ни появлялся мулла Шахби, он всегда имел привычку рассказывать легенды из жайнов[18], касающихся жизни святых. В глазах верующих мулла Шахби и сам стал чуть ли не святым, ведь он самый набожный и, пожалуй, самый ученый человек не только в Гати-Юрте, но и во всей долине Аксая. Но среди своих единомышленников, в их узком кругу, например как сегодня, о Боге он вспоминает лишь

дважды: до и после трапезы. И сейчас, глотая ароматный калмыцкий чай, заправленный маслом и молоком, он рассказывает сотрапезникам не о святых, а о своих юношеских приключениях с девушками. — Наш мулла имел двух жен, — Шахби провел тыльной стороной ладони по жирным губам. — О первой не стоит говорить, а вот вторая… Вторая была — огонь! Ясно, конечно, какие радости можно ждать от старого козла, потому молодуха и позволяла себе разные вольности с мужчинами. В бойкости и в остроте языка мне нельзя было отказать, да и лицом и фигурой я выделялся среди своих товарищей и часто посещал дом муллы. Вел себя с молодухой непринужденно, разные там шутки-прибаутки, но рукою до нее не дотрагивался. Боялся, а вдруг прознают — позора не оберешься, а еще того хуже — убьют. Но вот однажды пришел я в дом муллы, когда хозяин отсутствовал, о чем меня заранее известила его молодуха.

Прихватил с собой жайны, на случай, если мулла вдруг вернется.

— Хитрец, чисто волк, и все тут, — засмеялся Товсолт. — Ведь и правда, мулла ничего не заподозрит: пришел человек со святыней под мышкой, ну и что? Ладно, рассказывай дальше!

— Так вот, молодуха дома одна. "Что у тебя под мышкой?" — спрашивает. "Это то, — отвечаю, — чем старые муллы обманывают народ, а молодые обманывают женщин".

В тот день она вела себя особенно вольно. Все хохотала, строила глазки. Потом уселась на край кровати, хлопнула себя по бедрам и говорит мне: "Иди сюда, милый, садись ко мне на колени".

— Так и сказала? — разинул рот Товсолт. — А ты что сделал? -

А что мне оставалось? До сих пор вспоминаю мягкую нежность ее крутых бедер. Только когда садился, руки я засунул в карманы бешмета…

Дверь приоткрылась, вошла хозяйка дома Рабихат. Шахби, увидев ее, вытаращил глаза, будто подавился костью.

— Еще принести еды? — спросила она.

Товсолт замахал руками.

— Не нужно ничего. Иди, не мешай!

Женщина по веселым лицам догадалась, что разговор идет не о небесных, а о земных радостях, молча покачала головой и прикрыла за собой дверь.

— Ну, продолжай, продолжай, Шахби, — попросил Иса, сгорая от нетерпения. — Что дальше-то было?

— Разве трудно догадаться? Так она крепко обняла меня, что дух захватило. И долго она ласкала меня да целовала, как ребенка.
А я не мешал ей и не противился.

Товсолт хихикал, дергая себя за жидкие усы.

— Однако только не понял, Шахби, почему ты, сев к ней на колени, засунул руки в карманы?

Шахби, не торопясь, словно он делал что-то очень важное и ответственное, вытер полой бешмета мокрые от пота лоб и шею, сделал несколько глотков чая и только после этого промолвил:

— Все очень просто, Товсолт. Если кто из вас попадет в аналогичную ситуацию, не забудьте своего друга Шахби. Он плохие уроки не дает. Ведь ничего предосудительного в моем поведении не было. Собери, хоть тогда, хоть и сейчас, в одну кучу даже девять Коранов, я все равно могу поклясться на них, что руками-то до нее я не дотрагивался. Руками… Они же были в карманах… Ну, а чем другим… Об этом не спрашивали.

— Остопиралла!1 — одновременно вырвалось у обоих слушателей.
— Какую же голову надо иметь, чтоб такое придумать!

1 Остопиралла! — покаяние перед Аллахом. Дословно: "Прости, Аллах" (арабск.). Чеченцы используют это слово и как возглас крайнего удивления.

— Ох, и плуты же вы все, — заливался смехом Иса. — А с тобой что-нибудь подобное приключилось, Товсолт?

— Куда мне до Шахби!

— Верно, такая жердь, как ты, женщинам не нужна. Им нужен такой бугай, как я!

— Ва-ха-ха-ха! Жердь! Метко сказано! — держась за живот, продолжал закатываться Иса.

Слова Шахби задели Товсолта за живое.

— Говорят, что плохая порода берет свое начало от жирного жеребца и худой кобылы. Ведь узнай кто о твоих делишках, ты, может, и выхода не нашел бы. А когда со мной приключилось нечто, я вышел чистеньким…

— Ладно, ладно. Тебя-то мы тоже хорошо знаем!

— Ради всего святого, расскажи нам, Товсолт, о своем приключении.

— Рассказывать особо нечего. Просто пришили мне грех с одной женщиной…

— Ты что, сказки собираешься рассказывать? — засомневался Иса.

— На это он мастер, — подмигнул Исе Шахби.

— Ваше дело, верить или нет. Но я говорю правду. Так вот, свою вину в грехе я отрицал, и вечером меня куда-то должны были повести на клятву. Перед этим, выпроводив жену и детей из комнаты, я втиснулся в детскую люльку. Когда выбрался из люльки, то позвал свою старушку и лег с ней на нары. И уже после этого со спокойной душой пошел на очищение. Мне протянули Коран: на, мол, поклянись, что ты до нашей женщины не дотрагивался.

— И ты поклялся?

— А что ж тут такого — конечно, поклялся. Я во весь голос заявил, что с той поры, как покинул колыбель, ни к какой женщине, кроме своей жены, не прикасался.

— Вах-вах-вах!

— Кхи-кхи-кхихк! Вот это да! Чтоб вам пусто было на том свете, шайтаны! Не бывать вам в раю! Один я из всех нас достоин быть там. А ведь тот, кто вас не знает, думает, что вы святые…

Товсолт перетрухнул не на шутку.

— Ты, дурак, смотри, не вздумай болтать.

— Да брось ты, все это когда-то было, сколько воды после этого утекло, — успокоил Товсолта Шахби. — А теперь пошутили и посмеялись.

Лицо Исы приняло обычное выражение. Пригладив обеими ладонями обожженные табаком пышные усы и повернувшись к Товсолту, он сказал:

— Ладно, шутки шутками, кенти[19], но прежде, чем разойтись, мы должны обсудить одно дело.

Оба гостя приосанились и, откинув головы, уставились на Ису, ловя каждое его слово. В недобрых глазах Исы загорелась ничем не прикрытая алчность.

— Как вам известно, я расширил свои земли и прикупил кое-какие участки. Так что почти все урочище Арчхи теперь мое. Но вот что меня беспокоит. У Васала имеются в нем два надела. В прошлом году он их не вспахал, не пашет и в этом. Но продать наделы отказывается. Подскажите, как лучше забрать у него эти земли?

Гости задумались.

— Нужен какой-то повод, — тихо промолвил Шахби.

— За поводом дело не станет. Васал еще с прошлой зимы остался должен мне один гали[20] кукурузы.

— Какой же еще повод нужен? — Товсолт вяло махнул рукой, — Если долг он тебе не вернет, возьми да и вспаши его земли.

— А если дело дойдет до шариатского суда, сумеете выиграть дело?

— О том и речи не может быть, — коротко бросил Шахби — Васал стал мусульманином недавно, а надел ему достался от тестя…
Дело это плевое.

Товсолт согласно кивнул. Иса счел свой главный вопрос решенным.

— Теперь, второе, — произнес он немного погодя. — Вы знаете, куда поехали Арзу и Маккал?

— Я не знаю, — покачал головой Товсолт.

— Мне говорили, что подались они в сторону Мичика, а вот в какой именно аул, сказать точно не могу, — пожал плечами Шахби.

— Прошлой зимой поговаривали, что после праздника уразы они начнут войну с русскими. Месяц уразы прошел, но все спокойно и ничего не слышно. Начальник округа беспокоится, не зная точно, что держат они на уме.

— Всех основных главарей шайки арестовали, многие сами откололись и замирились, — сказал Шахби. — Так что эти двое погоды не сделают, они и подготовиться-то как следует ни к чему не успели.

— Да нет. Сдается мне, они все же что-то затевают. А вот что именно? Это-то мы и обязаны разузнать.

Шахби глубоко вздохнул.

— Чего так тяжко вздыхаешь? — спросил старшина.

— Уволь меня от этого дела.

— Почему?

— Ты же знаешь, они на Коране поклялись не щадить предателей и доносчиков. А мне, хоть я уже и стар, но жить еще не надоело.

Товсолт тоже согласился с Шахби. Иса вспыхнул было, но сдержался.

— Пусть волк и медведь дерутся, а кувшин с маслом достанется нам, — процедил он сквозь зубы. — Нет, так не бывает.

Шахби держался со старшиной более уверенно. Он не боялся его, как Товсолт.

— Есть золотые слова: "не видел", "не знаю". Следуй такому принципу. До сей поры он был твоим ангелом-хранителем. Будет и теперь, коли ты совсем не потерял голову. Народ озлоблен и церемониться с тобой не станет.

— Хорошо. Так я и передам начальнику округа. Он вас назначал, перед ним вам и ответ держать. Но когда мулла и кади отказываются помогать устанавливать порядок в ауле, то их, как правило, заменяют другими.

Гости приуныли. Каждый из них был третьим лишним. И этот третий-то и мешал договориться.

Возражать хозяину стало опасно, гости умолкли. Такое время, что родному брату не доверишься, а уж Исе и подавно. Ему все равно кто — отец, брат или кровное дитя. Любого пошлет на виселицу. Но те еще страшнее Исы и его покровителей. Лучше, конечно, когда можно и нашим, и вашим. Угождая тем и другим, легче собственную шкуру сохранить… Только надо же при свидетеле задавать такие вопросы…

Гости растерялись и молчали. Выручил их громкий лай собаки, неожиданно раздавшийся во дворе. Иса поднялся и вскоре вернулся с Хортой, который, еще не переступив порог комнаты, с досадой сказал:

— Никак твоя собака не хочет привыкнуть ко мне. Не выйди ты вовремя, она, наверняка, растерзала бы меня. Ого, да у тебя гости? Ассалам алейкум!

— Ва алейкум салам!

Шахби и Товсолт слегка приподнялись. На Хорте были атласные шаровары и бешмет. Он уселся рядом, скрестив ноги, снял папаху, обнажил лысую голову.

— Как у вас, все благополучно? — обратился он к Шахби и Товсолту.

— Алхамдулилла, Аллах милостив. Ты когда вернулся?

— Только что. И прямо к Исе.

— Правильно сделал. Мы не помешаем?

— Нет-нет, хорошо, что я вас всех вместе застал.

— Расскажи, что произошло в Брагунах?

Иса налил в чашку чая, сдобрил его молоком и маслом и протянул Хорте. Тот, выпятив толстые губы, подул на чай и шумно, со свистом, сделал большой глоток.

— Ничего похожего на то, что мы слышали. Обыкновенное происшествие. Муталимы[21] из медресе муллы Мидальша возвращались из окрестных аулов, куда они ходили собирать подаяние. На мосту между Гудермесом и Брагунами им повстречались двое казаков, идущих с рыбалки. Среди муталимов был всего один взрослый, остальные — дети. Казаки остановились и подняли муталимов, одетых в нищенскую одежду, на смех. Потом один из

казаков взял да и подставил ногу муталиму. Тот растянулся на мосту. Старший муталим подбежал к обидчику, схватил его за ворот. Казак, недолго думая, заехал ему кулаком в ухо. Муталим ответил тем же. Второй казак вытащил кол из ближайшего плетня и сзади ударил муталима по голове. Бедняга упал на колени, из раны полилась кровь. Разъяренный муталим выхватил кинжал и ранил одного казака в руку, другого в ногу. Те стали звать на помощь. В станице поднялась суматоха. Послышались крики:

"Наших режут!" Прибежали к мосту кто с чем: с вилами, с топорами, с ружьями. Муталимы в испуге разбежались. Казаки бросились за ними, поймали и нещадно избили. А потом привезли избитых в станичное правление. Старший муталим умер. У многих его товарищей переломаны ребра. С теми двумя казаками ничего страшного не случилось. Их раны были не опасными, оба поправляются.

Подобные стычки часто происходили в Грозном, куда на местный рынок съезжаются со своим товаром горцы из окрестных аулов, что не по душе казакам из соседних станиц и местным торговцам.

Их недовольство усугубляется еще и давней враждой между русскими и чеченцами. Ни один базар не проходит без столкновений. Недавно Шахби сам был свидетелем такой стычки, которая завершилась громадным побоищем. Как обычно, началось с пустяка. Один чеченец обменял свои дрова на арбузы, часть которых лежала на телеге, другая — возле нее. Чеченец стал грузить все арбузы, полагая, что они все его. Хозяин арбузов ударил его кулаком в лицо.

Стоявший рядом другой чеченец — товарищ или знакомый обиженного горца — в свою очередь ударил горожанина. К месту драки бросились и чеченцы, и русские. Началась общая свалка. И только энергичное вмешательство полиции и чеченца, полковника Чермоева, усмирило дерущихся, предотвратив кровавые жертвы.

— Да накажет Аллах этих безбожников!

— Ваши сыновья тоже были с муталимами?

— Да.

— Они не пострадали?

— Так, слегка.

— Это тебя, Хорта, Всевышний наказывает. Я бы с большим удовольствием пожертвовал своим богатством, если бы тебе перепало столько ударов, сколько тому бедному муталиму.

Хорта скрипнул зубами и потемневшими от злости глазами уставился на Шахби. Тот спокойно полулежал, облокотившись на подушку, закинув ногу на ногу и скручивая седые кончики усов, словно собираясь продеть их в ушко иголки. На толстых губах его играла презрительная улыбка, в прищуренных глазах мерцали недобрые огоньки.

— Ты на меня не пялься, — сказал он пренебрежительно, — своих мальчиков ты не отдал ко мне в медресе, а почему-то повез их в Брагуны. Или Мидальш-Мулла умнее меня? Сколько бы ты ни крутился, я знал, что рано или поздно ты все равно придешь к порогу моего дома!

От раздражения Хорта забыл, что чай горячий, сделал глоток и тут же скривился от ожога. Через минуту он пришел в себя, разгладил крашенные хной усы и процедил:

— Если мне не изменяет память, ты все тот же Шахби?

У тебя хорошая память, Хорта. Я не изменился и этим горжусь.

— Рано радуешься. Все равно, что раздеться, не дойдя до реки.
В одном я могу тебя заверить наверняка: пороть задницы моих мальчиков тебе не придется. — Хорта с победным видом оглядел толстую фигуру муллы. — Мои дети более не переступят порога медресе. Не те сейчас времена, уважаемый. Не хочу вашими жейнами и Кораном забивать головы своим сыновьям. В народе говорят, нужно подпевать тому хозяину, на чьей арбе ты едешь.
А поскольку я сижу на русской арбе, я и буду петь русскую песню.

Никто еще не догадывался, куда клонит Хорта, и потому все внимательно его слушали. А он уже ровным голосом продолжал:

— Будучи по торговым делам в Солжа-Кале[22], я встретил приятелей, которые рассказали, что там для наших детей открыли русское медресе. Русские называют это школой. В ней учат разным наукам. На старшего, Асхаба, надежды мало. Хоть в Мекку, хоть в Петербург пошли — ученый из него не получится.

Его место рядом со мной, в лавке. А вот своих младших я и отдам в школу. Что ты на это скажешь, Иса?

— Были бы у меня малолетние дети, я ни минуты не держал бы их дома. Ты правильно решил, Хорта. Пусть мальчики учатся в русской школе.

Шахби все это время шептал молитву, привычно перебирая четки короткими пальцами. При последних словах он резко выпрямился, забрал в кулак зерна четок и исподлобья, как бык, ступивший на деревянный мост, уперся горячим взглядом в переносицу Хорты. Подрагивание окладистой бороды, пышно лежащей на груди, тоже выдавало его волнение.

— Сам ты давно уже стал безбожником! — закричал он на Хорту. — Теперь ты хочешь, чтобы ими стали и твои сыновья? Какой настоящий мусульманин отдаст своего ребенка в руки гяуров?

— Шахби, едко бросил Хорта, — я у тебя совета не просил. Сиди и помалкивай.

— Если не просил, то только по собственной глупости. Я отвечаю перед Аллахом за чистоту веры и шариата в нашем ауле. Кто тебя обмоет и похоронит, как не я?

— Глупец! Ты и меня решил пережить? — засмеялся Хорта. — Да ты за два аршина сукна и головку сахара обмоешь и похоронишь свинью!

Видя, что разговор принимает столь серьезный оборот, вмешался Товсолт:

— Шутка шуткой, Хорта, — сказал он примирительно, — но Шахби с одной стороны прав. Недаром говорят: паршивая овца все стадо портит. Шахби опасается, как бы твоего сына не испортили на стороне. И тогда он, действительно, может стать гяуром, забыть веру, забыть наши обычаи. Ты на Шахби не обижайся, он не хочет тебе зла.

— Вот именно. А потому и говорю: русские — наши враги. Никогда не было мира между мусульманином и христианином. И не будет.

Как можно доверять воспитание детей нашим злейшим врагам?

Убийцам наших отцов, сестер, братьев, душителям ислама!

Наконец хозяин дома счел необходимым сказать свое слово:

— Ты не прав, Шахби, — он слегка дотронулся рукой до его плеча.

— Вникни в слова Хорты, и тогда ты многое поймешь. В свое время я перешел на сторону русских и помог им смирить свой народ. Почему я так поступил? Из любви к русским? Нет. Я их и тогда ненавидел, а сейчас еще более. Но их — тьма, и они — сила. Нам их никогда не одолеть, а значит, с нашего горба они никогда не слезут. Как только они двинулись в горы, я смекнул, что сила-то на их стороне, и стал им служить. Хочешь жить — пляши под нужную дудку. Тот же, кто этого не понял, тот круглый дурак. Так вот, если говорить откровенно, Шахби, то душа у тебя нечистая, гнилая. Дай Бог, чтобы когда-нибудь это не вышло тебе боком. И не говори потом, что я тебя не предупреждал. Вы все для меня не только односельчане, но и родственниками мне доводитесь. Представьте, что будет с вами, если завтра русские уйдут из этих мест. Наши единоверные братья съедят вас живьем, немедленно. — Иса перевел дух.-

Поэтому не болтайте зря и не ссорьтесь. Ведите себя умнее, коли послушаетесь меня, то мы будем править аулом и люди будут послушны нам, как стадо. В противном случае, они запрягут нас.

— Клянусь Аллахом, не пойму, что от меня хочет Шахби? — обиделся Хорта. — Ребенок мой, и я волен поступать с ним, как хочу.

Искалечу, убью — никому до того дела нет. Я один в ответе за него и перед Богом, и перед совестью, но не перед людьми. Чья власть — русская или еврейская — мне все равно.

Лишь бы от нее была польза. Допустим, отдам я мальчика в медресе. Пятнадцать лет он будет зубрить Коран, изучать жайны.

И все это лишь для того, чтобы сделаться муллой в ауле! Чтобы мой сын, как нищий, ходил по дворам, собирал милостыню, обмывал покойников? Нет, этого я не допущу! Учась же в русской школе, он может стать офицером. Тогда всем нам будет опорой.

Следует смотреть вперед.

— Тише, тише, Хорта! — замахал руками Иса. — А ты, Шахби, если ты такой уж прыткий, то почему ни разу не выстрелил из ружья по врагу?

— Стреляют воины. Мое дело проповедовать шариат.

— Нет, Шахби, ты просто двуличный человек. На словах печешься о народе, а на самом деле ты его предаешь при каждом удобном случае. Говоришь, что люди умрут с голоду, но в амбарах у тебя полно хлеба, а в загонах овцам нет счета. Да тебе ли говорить о земле, о бедности? Нет, уважаемый, не будет так, чтобы все люди купались в крови, а ты один — в молоке. Ты проповедуешь шариат, вот и проповедуй его. И говори людям то, что советует тебе власть. Иначе твой длинный язык загонит тебя в Сибирь, а оттуда тебя не вернут ни Аллах, ни шариат.

Шахби не стал возражать. Он счел за лучшее смолчать. Правда, внутри у него все кипело. Но и высказать все, что лежало на душе, не хватало мужества. Да, он как щенок виляет хвостом перед русскими властями, но он ненавидит этих безбожников и никогда не примирится с ними. Неверные указывают ему путь, а он не смеет сопротивляться. Да, они платят хорошо, и покорность — путь к богатству. Но вот если бы они не лезли в дела религии! Довольно и того, что произошло у Шали. Многим те события открыли глаза, многих образумили. Нет, какая бы хорошая власть ни была, но она — власть неверных. А христиане — самые непримиримые враги ислама.

Арестовали его шейха Кунту-Хаджи, убили или заточили в тюрьмах лучших векилей[23] устаза. Нет, не будет он другом неверных и тех, кто с ними заодно. Огонь ненависти жжет ему грудь. Это все, что ему осталось, на что-то большее он просто не способен.

Так был испорчен весело начавшийся вечер. Они посидели еще немного, пытаясь наладить разговор, но ничего не вышло, да и на дворе стояла уже глубокая ночь. Пора было прощаться с хозяином, что гости и не замедлили сделать.

ГЛАВА V. ИСА — СЫН МИЦИ

А ведь сорокатысячным войском и встарь Приходил ты к нам сардар-полуцарь. Но чеченцы разбили войска твои в прах, Ты все пушки оставил в чеченских лесах.

Магомед-бек Аварский

Имя Исы, сына Мици, осыпают проклятьями не только в родном ауле, но и по всей Ичкерии. Сколько крови и черных дел на его совести, сколько горя принес он людям! Не понимают гатиюртовцы, почему Аллах терпит такого человека. Он, как Даджал, что явится перед страшным судом, сеет вокруг себя только зло. Черное сердце и злобный характер Исы люди узнали давно…

В те времена и Кази-Мулла еще не был имамом, и в Чечне не было ни одного шейха. Но вот однажды вверх по Аксаю поднялся таинственный человек в сопровождении трех чеченцев. Роста человек был высокого, розовощекий и, несмотря на свои пятьдесят лет, довольно энергичный и бодрый. Никто не знал, кто он и откуда родом. Говорил он на кумыкском и, как утверждали его проводники, хорошо владел турецким. И еще они говорили, что человек этот святой, послан самим Аллахом, чтобы утвердить правоверный ислам в Чечне.

Гатиюртовцы поверили незнакомцу, приютили его. Они молча внимали его проповедям и втайне гордились тем, что такой святой человек впервые появился именно в их ауле. Да и как было не признавать его, если каждая сура[24], которую он мягким, бархатным голосом читал наизусть, говорила о святости его, что ослушников ждет кара на том и на этом свете. Он говорил, что русский царь десятки лет пытается захватить наши земли, чтобы отнять у нас свободу, силой обратить нас в христианство. Тот же, кто хочет сохранить свободу, правоверный ислам, пусть станет под его знамена против войск неверного царя.

— Люди, — призывал в свою очередь Иса, — кого вы слушаете?

Бродягу в широких шароварах? Нищего без роду и племени? Он обманывает вас. Гоните его прочь!

Но люди думали иначе. Десятки лет войска падишаха топтали их родную землю. В Амер-Аджи-Юрте, Таш-Кичу и совсем близко, в Герзеле, стояли солдаты с грозными пушками. Суровый генерал Ермолов сжег почти все равнинные аулы. Дым пожарищ и сейчас стелется по Сунже. Откуда ждать помощи? Темные гатиюртовцы не находили ответа. Они уповали на Аллаха, ждали, что он пошлет им спасителя. И верили, что таким спасителем и станет таинственный пришелец в широких шароварах.

Ташав-Хаджи не забыл наглой выходки вероотступника Исы, не простил его. Ночью со своими сторонниками он пробрался в урочище Ахмат-Тале и подпалил пшеничную скирду Исы. Тогда рассвирепевший Иса уехал в Малую Чечню и сколотил там небольшой отряд из верных ему людей. Но к тому времени, когда он вернулся с твердым намерением покончить с Ташав-Хаджи, того уже в Гати-Юрте не было. Ташав-Хаджи заблаговременно уклонился от встречи с мстительным Исой, покинув село вместе со своими сторонниками, и обосновался на возвышенности Саясан-Корт.

Угрозы сыпались то с одной, то с другой стороны, однако до решительных действий дело не доходило. Обе противостоящие друг другу партии выжидали, не решаясь первыми начать активные действия. Время работало на Ташав-Хаджи. Не прошло и двух лет, как он стал предводителем нескольких тысяч воинов, а Иса к тому времени, по существу, остался совершенно один.

В Гимрах, в бою с царскими войсками, героической смертью погиб славный сын аварского народа Кази-Мулла. Тускло промерцав на небе Дагестана, исчезла во мраке ночи и звезда имама Гамзата.

Но Ташав-Хаджи ни на минуту не прекращал борьбу за свободу.

Он оказывал решительное сопротивление войскам падишаха, наступавшим на Чечню.

У войны свои законы. И удар острого кинжала в грудь ненавистнику во имя правого дела не порождает кривотолков и ненужных пересудов, обычно присущих мирному времени. Этому

способствуют сами обстоятельства: жестокость, и смерть не воспринимаются так остро и легко забываются под свист пуль при виде еще большей крови. Не удивительно, что именно в это смутное время Ташав-Хаджи и вспомнил о своем давнем враге. Но не таков был Иса, чтобы беспомощной овцой лечь под нож противника. Звериным нюхом учуял он, что оставаться в Гати-Юрте небезопасно, и вместе со своей семьей перебрался в крепость Таш-Кичу под защиту русских штыков.

Обладающему природным даром быстро сходиться с людьми Исе не стоило особых трудов войти в доверие к гарнизонному начальству. Сблизиться же с ним было просто необходимо, поскольку Иса нуждался в поддержке, а сила была на стороне русских. Иса чувствовал, что близится тот долгожданный день, когда он, наконец, сможет отомстить Ташав-Хаджи. Дагестанские общества одно за другим отходили от Шамиля, и его поддерживали лишь несколько чеченских предводителей — Ташав-Хаджи, Удди-Мулла, Домбай, Оздемир, Магомед-Гирей.

Иса прослышал, что его заклятый враг Ташав-Хаджи строит крепость в урочище Ахмат-Тале, где некогда этот бездомный бродяга сжег его пшеничную скирду. Это было открытым вызовом, которого Иса, как чеченец, стерпеть не мог. Он сам напросился в поход в горные аулы и с личного дозволения генерала Граббе был зачислен в отряд проводником.

9 мая 1839 года отряд выступил в поход. Иса хорошо знал родные места и вывел солдат точно в назначенное место. Разбив укрепившегося в Ахмат-Тале Ташав-Хаджи, отряд двинулся к Мескетам. Вскоре аул окутался дымом пожарищ. Был сожжен и родной аул Исы — Гати-Юрт. На этом бы и успокоиться, но зверь, впервые познавший вкус крови, уже жаждал большего.

С падением Ахульго, казалось бы, пришел конец Кавказской войне. Однако в 1840 году Чечня поднялась вновь, и в нее опять были направлены еще более кровавые экспедиции. Тем не менее, повстанцы одержали несколько крупных побед: особенно неудачным был поход

генерала Граббе в Восточную Чечню в начале июня 1842 года, во время которого он потерял 66 офицеров и 1719 солдат.

Во всех походах царских войск в Восточную Чечню их проводником неизменно оставался Иса, сын Мици.

У Исы было много родни. Два его брата проживали в Гати-Юрте, пятеро сыновей находились вместе с Исой в Таш-Кичу.

Предательство Исы стало большим позором для братьев. И они ничего так не жаждали, как смерти. Ни у одного из них не дрогнуло бы в руке ружье, но как достатьИсу за стенами русской крепости? Да и в боях ни разу не представился случай свести счеты с отступником. Не видя иного выхода, братья предложили племянникам — сыновьям Исы — убить своего отца. В противном случае им будет отрезан путь в родной аул. В доме Исы поселилась вражда. На одной стороне отец, на другой — его сыновья. Уговоры на отца не действовали. На убийство родного отца ни у одного из сыновей не поднималась рука. Все пятеро вернулись в Гати-Юрт ни с чем.

При очередном набеге царских войск Иса вновь сжег Гати-Юрт.

Когда отряд ушел, скрывавшиеся в лесах жители вернулись в аул.

Вернее к тому, что от него осталось. Догорали останки последних лачуг. Удушливый дым стлался по земле, воздух был наполнен криками, плачем, стонами раненых и ревом обезумевшей скотины. То здесь, то там натыкались люди на трупы павших в неравном бою, женщины рвали на себе волосы, оплакивая близких.

Но аул сгорел не весь. Остались нетронутыми дома двух братьев и четырех сыновей Исы (младший, Дакаш, не был женат и не имел еще над головой собственной крыши).

Люди молча стояли, опустив головы. Им было больно и стыдно.

— Мажи, — крикнул Дакаш, обращаясь к старшему брату, — долго ли мы будем терпеть отца-предателя?

Голос его сорвался. Он застонал, словно его только что ранили.

Люди, не сказав ни единого упрека, ушли, оставив сыновей и братьев Исы одних. Но вскоре запылали и их дома, К ним поднес факел Миди, брат Исы.

— Нет, Иса, не быть по-твоему. Чтобы твои братья и сыновья смеялись, а все остальные сельчане плакали? О Аллах, помоги мне только добраться до него!

* * *

Крайне неудачная военная операция графа Воронцова в горах Чечни в 1845 году вошла в историю Кавказской войны под названиями "Сухарная экспедиция" или "Даргинский поход". Но никто не знает, что его отряд, попавший в окружение, спас от полного разгрома и позорного плена Иса, сын Мици.

В поход Воронцов тогда снарядил пять отрядов, среди которых были: Чеченский, под командованием генерала Лидерса, Дагестанский — князя Бебутова, Самурский — генерала Аргутинского-Долгорукова, Назрановский — под началом генерала Нестерова. В походе участвовали знаменитые генералы Пассек, Викторов, Клюге фон Клюгенау, Граббе, Барятинский, Фок, Белявский, Меликов, Бенкендорф, Гурко, Дондуков-Корсаков, Миллер-Закомельский, Гейдель.

Словом, горцы, даже не побывав в Петербурге, могли лицезреть чуть ли не весь цвет воинства императорского двора.

План наступления, разработанный до мельчайших деталей, был примерно таков: два отряда — Чеченский и Дагестанский, пройдя через Дагестан вверх до Анды, с юга поворачивают на Чечню, и, заняв резиденцию Шамиля, аул Дарго, и тем самым полностью довершив разгром Восточной Чечни, выступают по направлению к Шали. Одновременно с запада двигался отряд Нестерова.

Кроме основных сил, отправлявшихся в горы, в крепости Грозной оставался резервный отряд генерала Фрейтага. Все отряды, завершив операцию, должны были встретиться у селения Шали.

31 мая Воронцов прибыл в Чеченский отряд, находившийся у крепости Внезапной, и вместе с ним выступил на Хуббару, откуда, соединившись с Дагестанским отрядом, двинулся в горы.

В состав отрядов входили двадцать один батальон пехоты и девять рот, четыре саперных и три стрелковых роты, десять сотен казаков и две сотни грузин, тридцать восемь орудий и четыре мортиры. Кроме того, в одном из отрядов находилась тысяча грузинских милиционеров.

Учитывая, что противник свои основные силы нацелил на Чечню, Шамиль оставил здесь ядро своего войска — чеченцев. Чеченские наибы во главе с Талгиком Шалинским должны были защищать Малую и Большую Чечню, а наибам Эльдару и Уллуби поручалась защита Ичкерии. Не доверяя андийцам, Шамиль захватил с собой шесть тысяч воинов и выехал в Дагестан навстречу Воронцову.

Сведения, поступившие из Дагестана, были тревожными. Наиб Хаджи-Мурат после первой же неудачи ушел в горы и скрылся.

Шамиль, опередив Воронцова, прибыл в горы. Тут и подоспел Воронцов. Бой на горе Анчемир был коротким и закончился поражением Шамиля. Имам спешно отступил в Анды, а андийцы тем временем готовились встретить Воронцова хлебом-солью. Шамиль вызвал андийских наибов и заставил их поклясться, что они не изменят ему. Однако в тот момент, когда на поле боя показался отряд Воронцова, андийцы связали своего наиба и отказались впустить имама. Рассвирепевший Шамиль приказал отрубить трем андийцам головы и насадить их на колья. Андийцы возмутились, попросили помощи у Воронцова. Войско имама стало разбегаться.

Дело довершила налетевшая конница генерала Пассека. Горцы бросились наутек. Они бежали по бездорожью, не обращая внимания на бурные реки и крутые берега. Отступая, Шамиль сжигал все андийские аулы, что лежали на его пути. С оставшимися малочисленными войсками он отступил в Дарго.

Вслед за ним к Дарго двинулся Воронцов, имевший восемь тысяч штыков, тысячу двести сабель и двадцать две пушки. Шамиль встретил Воронцова в укреплении на подступах к Дарго. Первой бросилась на штурм столичная молодежь во главе с братом

императрицы, немецким принцем Гессенским. Окончательно довершили дело пехотинцы генерала Белявского, вынудившие Шамиля отступить в Дарго. Имам сжег резиденцию и скрылся в лесах.

Захватив Дарго, Воронцов успокоился. Одержать такую победу и притом с малыми потерями! Он легко сделал то, что не смогли сделать его предшественники. Но как бы граф ни тешил себя иллюзиями об окончательной победе, до нее было еще очень далеко. Об этом хорошо знал генерал Граббе, который чудом спасся два года назад, когда Шоип Центороевский разбил его наголову. Почтительно склонившись к Воронцову, генерал Граббе заметил:

— Торжество наше преждевременно, ваше сиятельство. Чечня — это большое осиное гнездо. Мы только растревожили его. Вся опасность еще впереди.

Генерал оказался прав. Хотя Воронцов и стоял в Дарго, но это уже не утешало. Шамиль без сожаления сжег свою резиденцию и, видимо, готовился к решающему сражению. А отряд Воронцова тем временем нес потери. Был смертельно ранен генерал Фок. Всего же более графа волновало отсутствие продовольствия. Обоз находился все еще в Андах с князем Бебутовым. Двигаться вперед? Опасно. Возвратиться в Анды? Это, конечно, выход. Но весенний лес стал прибежищем для воинов имама, к которым уже присоединились воины Талгика Шалинского, ученика Шоипа Центороевского, знаменитого мастера лесных боев в ночных условиях.

Положение отряда стало тяжелым. Голод давал о себе знать.

Появились заболевшие дизентерией. Лес таил опасность. Ушедшие за ягодами не возвращались. Чеченские всадники группами внезапно появлялись из леса и, обстреляв лагерь, так же стремительно скрывались в чаще.

Наступило 10 июля. Пушечный выстрел, донесшийся со стороны Анд, возвестил о том, что князь Бебутов стал лагерем на хребте Речел. Но как добраться до обоза? Воронцов выслал навстречу половину своего отряда во главе с фон Клюгенау, командование авангардом было возложено на генерала Пассека. Именно этого и ожидал противник. На

отряд неожиданно налетел Талгик. Бой был жестоким. Долгие двенадцать часов обе стороны дрались с яростью обреченных. В течение всего этого времени в самой гуще боя находился Талгик. Худощавый, ловкий, в изорванной в бою черкеске, он неожиданно появлялся там, где требовалась искусная рука бойца. Он будто не знал ни страха, ни усталости.

Бой закончился полным поражением фон Клюгенау. Сам генерал поздно ночью пробился в Дарго. Он стоял перед Воронцовым в изорванном мундире и докладывал о потерях: в этом бою отряд не досчитался тысячи семисот солдат и офицеров. Был убит генерал Викторов, не нашли труп Пассека, которому все предвещали большое будущее. Погибли полковники Рожневский и Кривошеин.

Оставаться на месте было равносильно смерти. Воронцов принял решение двигаться вниз по Аксаю до крепости Герзель. Этому движению он хотел внешне придать вид наступления на противника. Незадолго до того Бебутову был выслан приказ полностью снять этапные пункты в Андах и отступать к Темир-Хан-Шуру[25].

Все надежды граф Воронцов возлагал на Левый фланг Кавказской линии. Но как сообщить генералу Фрейтагу о драматическом положении отряда? Были посланы пять гонцов. Одним из них и оказался Иса, сын Мици из Гати-Юрта.

13 июля в четыре часа дня Воронцов снялся с Дарго. Чтобы облегчить движение, всем было приказано уничтожить тяжелые личные вещи. Воронцов первым подал пример, освободившись от дорогого багажа.

Молодой, с худощавым продолговатым лицом, с орлиным носом, наиб Талгик Шалинский бдительно следил за каждым шагом отряда.

Поначалу он думал, что отряд двинется в сторону Майртупа, и занял позицию у аула Цонторой. Однако он ошибся. Воронцов двигался по невысокому хребту вниз. Стало ясно, что он стремится в Герзель. Тогда Талгик, опередив его, укрепился на балке Кожелк-Дук, что между Шуани и Турти-Хутором. Другие наибы — Иса

Гендергеноевский и Саиб Эрсеноевский — шли по пятам отступающего отряда, причиняя ему немало беспокойства:

никто не знал, откуда и когда ждать нападения.

Воины Талгика встретили отряд дружным залпом. В бою были смертельно ранены Бенкендорф, Гейдель, де Балмен, Эристов, барон Дельвиг, полковник Бибиков, Завалийский.

Но граф Воронцов получил и радостные донесения: у противника пали видные чеченские наибы Саиб Эрсеноевский и Эльдар Веденский.

Много забот доставляли раненые. К каждым носилкам были прикреплены шесть солдат. Кроме того, изматывала и отнимала последние силы дизентерия, распространившаяся в отряде.

Командующий часто появлялся в арьергарде, старался добрым словом, острой шуткой приободрить солдат. Но все было напрасно. Ни Лидере, ни Белявский не могли прорвать окружение.

Адъютант докладывал Воронцову об этих неудачах, сообщал, что у господ офицеров одно желание: спасти жизнь командующего и под охраной небольшого числа оставшихся здоровых людей выйти в безопасное место. Граф с возмущением отклонил такое предложение.

Выхватив из ножен кривую турецкую саблю, старый генерал бросился в сторону чеченских завалов. Солдаты все, как один, поднялись и пошли за ним. Отчаянный бросок удался. Но слишком дорогой ценой: Кожелк-Дук был буквально устлан трупами солдат.

Остановились на подступах к Шовхал-Берды. До Герзеля, казалось бы, рукой подать, но путь к крепости преграждали аулы Шовхал-Берды, Мескеты, Гати-Юрт, где жили самые отчаянные воины Ичкерии. А вконец обессилевшие люди уже не могли двигаться дальше. Оставалась одна надежда — Фрейтаг. Но от него по-прежнему не было никаких вестей…

Жаркий июльский день уходил в горы. Солдаты с тоской глядели на догорающий закат: удастся ли увидеть хоть еще один восход солнца? Израненные, измученные, они надеялись только на чудо.

Призрачная надежда не утешала, а лишь вызывала еще большую тревогу и беспокойство.

Место, где расположился лагерем отряд, было хорошей мишенью для артиллерии противника: на отлогом берегу Аксая площадью менее квадратной версты скопилась большая масса людей. Палатка командующего стояла на самом краю берега, по соседству с нею разместились штабные палатки.

Бездеятельность отряда играла на руку горцам. Талгик, хорошо понимая это, занял позицию на противоположном берегу и из трех пушек в течение двух дней беспрерывно обстреливал лагерь.

Отвечать ему было нечем: кончились снаряды. Солдаты опасались собираться большими группами. Офицеры просили графа перенести палатку в более безопасное место. Граф не поднимался с походной кровати, не обращал внимания на свист неприятельских гранат и ядер, пролетавших над ним, и преспокойно читал английские газеты. У входа в палатку стоял его фамильный значок.

Наконец наступил долгожданный день, 18 июня. В полдень над Мескетами появилась ракета, послышались частые выстрелы и пушечный грохот. Бой в Мескетах и Гати-Юрте продолжался до позднего вечера. Только на второй день к девяти часам утра Фрейтаг занял Шовхал-Берды и соединился с Воронцовым.

Так закончилась "Сухарная экспедиция" генерал-адьютанта графа Воронцова. В чеченских лесах пало четыре тысячи солдат, сто восемьдесят шесть офицеров и четыре генерала, не считая взятых в плен и пропавших без вести.

Горцы захватили всю артиллерию и обоз.

Так вот, от полного истребления отряд спас не кто иной, как Иса, сын Мици из Гати-Юрта. Из пяти горцев, посланных графом Воронцовым, лишь он один уцелел и смог добраться до Герзеля.

Уроженец этих мест, он знал каждый кустик, умел прятаться, а где это невозможно было сделать, прибегал к хитрости. Большую часть

пути до Герзеля он проплыл под водой реки Аксая с камышинкой в зубах.

Хотя "Даргинский поход" и завершился позорным поражением, император Николай I наградил графа Воронцова титулом сиятельного князя и сделал его шефом Куринского полка, а Иса за свою верную службу получил медаль.

* * *

Набеги царских войск на чеченские аулы не прекращались.

Непосредственное участие в них принимал и Иса, сын Мици. Он с похвальным усердием нес службу, невидимо, не зря в народе говорили, что по его просьбе и настоянию царские генералы предпринимали набеги на аулы горцев. Молва есть молва, она могла быть и неправдой. Но одно было точно известно, что когда набеги совершались на аулы, лежащие по берегам Аксая и Яман-Су, Иса неизменно оказывался в первых рядах нападавших.

Уверовал ли он в то, что он никогда не вернется к своему народу, или по другой, не известной никому причине, но он безжалостно мстил чеченским аулам. В каждом бою Иса видел своих братьев и сыновей. Одного из сыновей он любил особенно преданно и слепо, как зверь своего детеныша, — младшего Дакаша.

Он любовался им издали, и каждый раз, наблюдая, как его любимец безрассудно рвется в бой, высоко подняв саблю над головой и припав к гриве коня, он хотел крикнуть: "Остановись, ведь убьют же тебя!" Но крик, так и не вырвавшись, комом застревал в горле, и он тихо молился за всадника на белом коне. Стройный, широкоплечий, с голубыми ясными глазами, всегда веселый, никогда не унывающий Дакаш был гордостью отца. Об остальных Иса не думал. Убьют ли их, нет ли — его нисколько не тревожило. Судьба их была для него судьбой чужих людей: ни любви, ни жалости в душе он не ощущал…

В Гати-Юрте играли свадьбу. Иса об этом знал. Знал и то, что женился его любимый сын Дакаш. Заранее наметив этот день для набега, Иса с отрядом выступил из крепости Внезапной и прошел вверх по Ауховской балке, что между Аксаем и Яман-Су. Миновав Мини-Тугай, отряд поднялся на хребет. Отсюда, как на ладони,

виднелся Гати-Юрт. Свадьба была в разгаре. Играла зурна, кто-то искусной рукой отбивал такт на бубне, хлопали в ладоши, раздавались характерные возгласы, подбадривающие танцоров, палили в воздух из ружей. Иса молча наблюдал за свадьбой. Не пройдет и часа, как она прекратится, а люди сядут на коней и переедут Аксай. Но Иса был спокоен. Среди них не будет Дакаша, ведь он еще не имеет права показываться на глаза старикам.

Таков был вековой обычай, и никто его до сих пор не нарушал.

А значит, и Дакаш не примет участия в сегодняшнем бою.

Но что это? Иса не поверил своим глазам. Отряд всадников спускался к Аксаю, а впереди — белый скакун. "Нет, этого не может быть. Он не нарушит обычая, даже если другие нарушают".

Но это был Дакаш. В то время, когда отряд царских войск приближался к Ауховской балке, свадьба была в разгаре. Правда, праздновали скромно: ни яств, ни вин. Ведь свадьбы, крепкие напитки, табак и веселье Шамиль людям запретил. Все обязаны были носить траур. Но люди, в любом горе верные своему веселому нраву, забывали о запретах. Вот и сегодня, отбросив все мрачное, они веселились на свадьбе молодого воина. Аул гулял, хотя все вооружены, а кони стоят на привязи. Они привыкли, что опасность может возникнуть в любую минуту. И всегда готовы к этому. Придерживая руками оружие, лихо отплясывала молодежь. Девушки, окидывая молодых джигитов жгучими взглядами, плавно ходили по кругу. В круг влетел высокий белокурый молодой человек. Широко раскинув руки и устремив голубые глаза на девушку, он двигался легко и свободно. Одет был танцор в старый мундир Куринского полка, на ногах — сапоги с высокими голенищами. Это молодой русский солдат, недавно перешедший к чеченцам, друг Дакаша Василий Лопухов. Молодежь подбадривала его криком, но он никак не мог совладать с незнакомым танцем. Тогда, пристегнув шнур кивера, он пустился в лихой русский пляс. Девушка, танцевавшая с ним, не зная что делать, вышла из круга. Все стоящие вокруг били в ладоши.

— Хоросо!

— Кант ву, Васал!

— Хорош!

— Очшан хорош!

Старики, войдя в азарт, выхватили из-за пояса кремневые пистолеты и стреляли в воздух. С крыши, спрятавшись за кукурузными снопами, счастливыми глазами глядел на них Дакаш.

О многом думал Дакаш, наблюдая за своей свадьбой. Свадьба закончится ночью, потом мулла обвенчает его с Маликой и они, наконец, станут мужем и женой. Вдвоем с Маликой построят дом, купят пару быков, корову, будут, наверное, и дети…

Но не знал Дакаш, что его отец уже поднимался по Ауховской балке, ведя сюда отряд. Неведомо было это и девушкам, что пели на свадьбе. Через час многие из них станут сиротами и будут плакать над трупами близких.

Дозор на Ауховской балке зажег сигнальные огни. Значит, приближалась опасность.

— Кенти, все на площадь! — донесся голос с минарета мечети.
— Женщины, бегите в лес!

В одно мгновение тревога охватила аул. Но все делалось быстро, без суеты и паники. Женщины знали свои обязанности, мужчины — свои. Даже детей закалила война. Они отвязывали коней и подводили к воинам. Девушки улыбались, подбадривая идущих в бой, но сердца их разрывались от горя.

Опустел двор Дакаша. Раньше всех свадьбу покинули братья Мажи, Самби, Ловда и Лулу. Вслед за ними отправились дяди Мили и Муса. Все ушли. Один Дакаш да женщины остались.

Дакаш уже не прятался, а в полный рост стоял на крыше. Нет, он не сомневался, он знал, кто виновник сегодняшнего несчастья. "Хороший подарок приготовил ты своему сыну, отец, — с болью в сердце думал

он. — Ах, как полюбилось тебе проливать родную кровь. Что ж, отец, ты проедешь в горы, но только через мой труп".

Дакаш легко спрыгнул с крыши, вывел из конюшни уже оседланного белого скакуна. С минуту он постоял в нерешительности, затем как человек, принявший окончательное решение, твердым шагом направился в дом, где находилась невеста в окружении четырех снох. Завидев его, они молча удалились.

Дакаш сжал горячие руки невесты в своих ладонях.

— Малика, — сказал он тихо, прямо и открыто глядя в ее лицо, — где ты хочешь видеть своего мужа в этот страшный день? Здесь, дома, около тебя, или там, где гибнут от рук врага наши люди?

А что она могла ответить, если в горле застрял готовый вырваться крик, если грудь ее сдавили боль и тревога?

— Почему ты не отвечаешь. Малика? Неужели я ошибся, выбирая себе жену? Что скажут люди? Что Дакаш был молодцом, пока не женился? Это тебе будет приятно? Или ты по-прежнему хочешь видеть меня мужчиной?

— Не говори так, мой храбрый Дакаш, — тихо зазвучал срывающийся голос Малики. — Поезжай. Разве у тех, кто сейчас там, не остались дома любимые? Я хочу, чтобы ты всегда был таким.
Другого Дакаша мне не нужно.

— Ты настоящая жена воина! — воскликнул Дакаш, сжимая в объятиях невесту. — А теперь подай мне оружие!

Малика сняла со стены наборный ремень, сама стянула его на талии жениха, поправила саблю. Дакаш первый раз в жизни коснулся поцелуем своей невесты и выбежал во двор. Через секунду он был уже на коне, а у Малики, услышавшей удаляющийся топот копыт, глаза наполнились слезами…

Дакаш прискакал на площадь, где собрались все старики аула.

Те, кому он не должен был показываться, почитая их старость.

Один из них, Аба, самый прославленный воин, увидев подъехавшего Дакаша, одобрительно кивнул головой.

Спешившись, Дакаш подошел к аксакалам.

— Пусть Аллах почитает ваши седины и бережет от позора.

Простите меня за то, что нарушаю обычай, но сидеть дома с женщинами и детьми я не могу…

— Ты поступаешь как настоящий мужчина, Дакаш, — промолвил старый Аба. — Да и не такие нынче времена, чтобы затевать традиционные игры в скромность. — Голос старика окреп. — Кенти, трогайте. Пусть нам поможет Аллах! — и Аба плетью послал своего коня в галоп.

Белый скакун Дакаша несся, как ветер, вниз по склону Аксая.

Дакаш проскакал не через брод, а по узкому мостику, перекинутому через реку. Василий тоже нахлестывал своего гнедого, стараясь догнать Дакаша. Менее чем за полчаса отряд достиг Ауховской балки. Вот здесь-то отец и сын и посмотрели друг другу в лицо.

— Не сбыться твоим подлым мыслям, отец! — крикнул Дакаш, выхватывая саблю, и ринулся в гущу врагов.

…Поздним вечером тело Дакаша, укрытое черной буркой, лежало в комнате молодоженов. Юная Малика, не успев стать женой, женщиной, сменила наряд невесты на вдовьи одежды…

* * *

Прошли годы. В Гунибе был пленен Шамиль. Вместе с Дакашем война унесла и обоих братьев Исы. Еще не успел остыть пепел на пожарищах, как в ауле установилась новая власть. Вот тогда Иса и вернулся в родной Гати-Юрт, став с этого момента старшиной аула.

Однако с пленением Шамиля война не окончилась, как это казалось и царским генералам, и Исе. Бойсангур Беноевский, прорвав плотное кольцо царских войск в Гунибе, вернулся в Ичкерию. Неукротимый наиб имама поднял новое восстание. И вновь лилась кровь, горели аулы, плакали женщины. Но на сей раз Иса не взял в руки оружие, а занялся укреплением новой власти в ауле.

Вел себя тихо, затаенно, словно зверь, насытившийся на время обильно пролитой кровью. Кто знает, что происходило в его душе и в его жестоком сердце: переживал ли он смерть любимого сына и двух братьев или стал испытывать страх перед надвигающейся старостью. Во всяком случае, в последние два-три года он уже не был похож на прежнего Ису. Но все равно примирения между ним и аульчанами не состоялось. Его сторонились. Более того, произнося его имя, люди непременно добавляли: "подлая собака".

Ненавидели отца и его собственные сыновья. Давно бы рассчитались они с Исой, да страшила их даже сама мысль о том, чтобы стать отцеубийцами. Лишь горячий и несдержанный Самби то и дело напоминал отцу, по чьей вине погиб Дакаш, тем самым заставляя Ису просыпаться среди ночи в холодном поту и в леденящем душу страхе. Отец читал в глазах Самби не только ненависть к себе, но и открытую угрозу кровника. Иса не сомневался, что при любом удобном случае Самби, и только Самби отомстит ему за кровь своего брата. Вот почему Иса, когда после подавления восстания Бойсангура отряд царских войск ворвался в Гати-Юрт, сделал донос и на собственного сына, на Самби.

Самби этапом отправили в Сибирь, и с той поры в ауле о нем больше не слышали.

ГЛАВА VI. СУДЬБА СОЛДАТА

…Мирные аулы чеченцев сделались разбойничьими гнездами и притонами для наших беглых солдат.

А.П. Ермолов

Хорошо в лесу. Тихо. Ветка ли треснет, мышь ли зашуршит в прошлогодней листве, белка ли встрепенется в дупле над головой, — все слышно. Вот и дятел приостановил свою звонкую работу и замер, словно тоже внимал голосу леса. Васал встретился с его настороженным взглядом, усмехнулся и прошел мимо. Общение с лесом дарило душе радость и утешение.

Но вот смешанные деревья и кустарники остались позади, и Васал ступил под сень чинарового[26] леса. Белые гладкие стволы стройных чинар напомнили ему березовые рощи далекой родины.

Сразу исчезла радость, и почему-то вокруг словно потемнело.

В памяти всплыло детство. Вернее, один день того неповторимого и далекого прошлого. Был точно такой же яркий воскресный день.

Только не чинары шумели тогда над ним, а березы. И рядом была мать, и его ласкали нежные и мягкие материнские руки. Виделось поле ржи с тополями на окраине, куда он убежал на то время, пока отец и мать работали в поле. Потом, набегавшись вдоволь, он возвратился и позвал мать. Она подошла к нему, взяла на руки и заглянула в глаза.

— Устал?

Он не ответил. Только сильнее прижался к теплому плотному телу матери и засмеялся.

— Ну, ты чего? — спросила мать и сама залилась таким же неудержимым смехом. — Родненький ты мой… Золотце ты мое…

Иди, покличь тятю. Полдень уже.

Мать ушла на речку. Искупалась, простирала платье и вскоре вернулась. Отец лег отдохнуть. А он примостился около матери, обнимая ее, спросил: — Ты у меня самая-самая хорошая?

— Наверное, сыночек.

— И тятя тоже?

— И тятя.

— А я хороший?

— Ты у нас самый лучший, — ответила она, расчесывая свои мокрые золотистые волосы.

Васал стиснул зубы. Он даже замедлил шаг, чувствуя, как горячая волна ярости охватывает его. Потом прислонился к дереву, пытаясь отогнать навязчивое видение, но сделать это ему не удалось. Слишком глубоко врезалось в память все случившееся потом.

Васал и сейчас слышал грубые окрики человека, пинавшего носком охотничьего сапога в бок отца, который со сна ничего не мог еще сообразить.

— Ванька! Вставай, скотина! Вставай!

Мать испуганно поднялась, прижав дрожащие руки к груди. Она с ужасом глядела на барина, лицо ее побелело. Отец стоял, понурив голову.

— Быстро в деревню! За вороным!

Отец не тронулся с места.

— Кому говорят!

— Смилуйтесь, барин, — заговорил отец. — Я же день зазря потеряю. Нешто можно так, коли рожь осыпается. Ведь пропадет совсем…

— Ты мне перечить будешь? — барин побагровел и теперь уже не заорал, а зашипел:- А ну, бегом, пока не спустил на тебя свору. Да передай Захару, чтобы всыпал тебе хорошенько, — крикнул он вслед уходившему отцу.

За все это время мать не проронила ни слова. Она все так же стояла, дрожа всем телом, и ее испуг передался ему, Васятке.

Барин шагнул к матери и молча поманил в сторону леса. — Не надо, барин… — А ну, не теряй времени… Он сделал к ней шаг. Она отступила.

— Пощадите, ради всего святого… Вы меня взяли в первую ночь.

Разве недостаточно?.. И сын уже вон какой. Он ведь все понимает. Хоть его-то постыдитесь…

Лицо барина расплылось в похотливой усмешке.

— То было давно… Посмотрим, какая ты теперь… Такая же сладкая? Ну, ну, будь паинькой… Ты же меня знаешь, — цепкими руками он схватил ее за плечи и притянул к себе.

— Нет, не бывать больше этому! — закричала мать, вырываясь из рук барина.

Окончательно взбешенный помещик схватил мать за волосы и бросил на землю.

— Вас-я-я! — истошно закричала она. — Не смотри, сыночек, уйди!

И тогда Васятка бросился ей на помощь. Он подскочил к барину и укусил его за руку, но тут же жестокий удар сапогом в живот отбросил его прочь, сознание его померкло…

Когда он очнулся, то увидел склонившееся над ним исцарапанное, заплаканное лицо матери. Рядом сидел и беззвучно плакал отец.

На его оголенной согнутой спине змеились кроваво-красные полосы — следы плети…

* * *

Васал выбрался из леса и направился домой. Тропа вела мимо кладбища. За плетеной оградой белели памятники, расписанные арабской вязью. Васал прошептал молитву и прошел за ограду.

Калитка за ним закрылась с протяжным и жалобным, похожим на стон, звуком. Он подошел к одной из могил, погладил заросший холм. Сколько здесь таких? И под каждым лежат его боевые товарищи, его друзья. Он всех их знал в лицо, всех, с кем сражался бок о бок. Они погибли в один день, в тот день, когда генерал Николаи взял Арчхи. Сегодня лишь развалины да обуглившиеся деревья указывают место уничтоженного, стертого с лица земли аула.

Не была счастливой и судьба Васала. Много горя выпало на его долю. От зари до зари гнула спины на полях помещика семья Лопухова, шесть дней отдавались барщине, и лишь один день недели имели право использовать на собственные нужды. То засуха уничтожала посевы, то земля не давала всходов. А коли и случался урожай, то нередко и он пропадал либо под осенними дождями, либо в огне.

Только гораздо труднее было переносить издевательства барина.

В детстве они еще не так ощущались, хотя случай с матерью, свидетелем которому он стал, запомнился на всю жизнь. И ему пришлось испытать унижение со стороны помещика. Была у Васала любимая девушка. Веселая, звонкоголосая Маринка. Мечтали они пожениться. Но и на старости лет не избавился барин от своей похоти. Обесчестил Маринку, а затем обменял ее у соседского помещика на двух охотничьих собак. И чтобы обезопасить себя от затаившего ненависть парня, отдал здоровенного Василия в рекруты.

У солдата жизнь не легче, чем у крепостного. К тому же в любую минуту мог угодить он под пулю чеченца. А разве можно без конца выносить солдатскую муштру, походную жизнь, побои?

Солдата наказывали беспощадно за малейшую провинность.

Не случайно пели по вечерам в казармах горькую песню:

Лучше в свет не родиться,
Чем в солдатах находиться.
Этой жизни хуже нет,
Изойди весь белый свет.
Я отечеству защита,
А спина всегда избита,
Я отечеству ограда,
В тычках, в пинках моя награда…

Через год солдатчины получил Васал известие о смерти матери.

Вслед за ней скончался и отец. Жизнь потеряла для него всякий смысл. Не было на свете ни одного уголка, где бы его ждали, где могли бы его приютить и обогреть. Не было ни единой души, ради которой хотелось бы ему жить. Он часто слушал солдат, рассказывавших о Чечне, о ее народе, который живет свободно и независимо. В душе он жаждал воли, а солдаты утверждали, что у чеченцев нет помещиков, что там каждый сам себе хозяин, что там в почете не богатство, а мужество и храбрость. Не одну ночь думал Василий. Как быть? Нелегкое это дело — расстаться с родиной. Допустим, волю он получит, но обретет ли покой?

Найдет ли вторую родину? Так и мучился, взвешивая все "за" и "против", пока на помощь не пришел случай.

Однажды Василий возвращался с поста в крепость. У ворот, словно поджидая его, стоял поручик Косолапов.

— Следуй за мной, — приказал поручик.

Они отошли от крепости и углубились в рощу. Там, убедившись, что их никто не подслушивает, поручик шепотом заговорил:

— Знаю, Василий, ты человек верный и умеешь держать язык за зубами. Служба солдатская тебе опостылела, это я тоже успел заметить. Но задумывался ли ты, как можно избавиться от нее?

В первую минуту Василий был так ошарашен, что и вымолвить ничего не мог. Ведь поручик высказал вслух его самые потаенные

мысли.

Косолапова перевели сюда из Петербурга. Среди солдат ходили слухи, что молодой поручик участвовал там в каких-то тайных обществах, направленных против царя и помещиков. В крепости он избегал общества офицеров, больше общался с солдатами, как-то старался облегчить их горькую службу. Солдаты уважали Косолапова, считали даже своим человеком. Но вечное недоверие к офицерам-дворянам как всегда взяло верх, и в голове Василия мелькнуло: "А уж не на пушку ли меня хочет взять господин поручик?"

— Подумай, Василий, — продолжал между тем Косолапов. -

Отслужишь свое. Четверть века — срок немалый. Вернешься, если чеченская пуля минует. Но куда, спрашивается? Назад, к тому же барину, тянуть все ту же лямку? Бежать там некуда будет.

А здесь, у чеченцев, артиллеристы в большом почете…

Теперь Василий не сомневался в искренности поручика. Но молчал, осторожничал. Торопливость в таком деле могла повредить.

— Понимаю, ты не веришь мне, — с грустью в голосе заключил поручик. — Дело твое. Что же до меня, то я решился. Завтра вечером ухожу. Если ты согласен — уходим вместе.

Следующей ночью они вместе бежали из Куринской крепости. На Качкалинском хребте беглецы наткнулись на чеченский разъезд, и начальник отряда, сотник Арзу, под конвоем двух горцев отправил их к наибу Соаду.

Один из конвоиров, молодой чеченец по имени Дакаш, пришелся по душе Василию. Между ними завязалась дружба. Понравился ему и Арзу. Василий попросил оставить его в отряде. Но Арзу решительно покачал головой — никак, мол, нельзя. Василий — артиллерист, а артиллеристами распоряжается сам Шамиль. И Шамиль строго-настрого предупредил, чтобы всех беглых и пленных русских артиллеристов направляли к старшему наибу Талгику. Арзу же может только просить разрешения у наиба, чтобы оставить Василия при себе. Но для этого необходимо либо лично явиться к наибу, либо написать

ему. Чернилами и бумагой, к счастью, выручил Косолапов. По прибытии в Шали Дакаш явился к Талгику, который удовлетворил просьбу Арзу. Василия отправили обратно в отряд, а Косолапова Талгик оставил при себе.

Дорожки беглецов разошлись. Косолапов стал ближайшим нукером Талгика, а затем и начальником его артиллерии. И однажды с Косолаповым произошел следующий случай…

Чтобы остановить продвижение противника в глубь Чечни, Шамиль приказал Талгику укрепить и защитить окоп на Шалинской поляне.

В день штурма подоспела и помощь: чеченская конница под предводительством наибов Гойтемира, Батуко, Сайдуллы, Эски, а также аварская конница и пехота Хаджи-Мурата и Лабазана.

Васал, состоявший в прославленном конном отряде Арзу, оставленном на время в резерве, хорошо видел оба войска, расположившиеся друг против друга. Худощавый всадник в черной бурке на ослепительно белом коне скакал по фронту чеченских отрядов, отдавая последние приказы и распоряжения. Это был знаменитый Талгик. Глядя на развевающиеся полы его бурки, можно было подумать, что всадник не скачет, а летит по воздуху, словно огромная черная птица. За ним неотступно следовал статный горец, сжимавший в вытянутой руке черный значок, прозванный русскими "артиллерийским". Васал узнал в горце Косолапова, которому чеченцы, после его перехода на их сторону, дали новое имя — Жабраил. Рядом с Косолаповым-Жабраилом скакали двое сыновей Талгика. Грозный наиб осадил коня перед батареей, стоявшей на валу, проверил готовность орудий и, оставив на батарее Косолапова, поднялся на холм, чтобы оттуда руководить сражением.

Однако генеральному сражению, к которому Талгик так тщательно и долго готовился, не суждено было состояться. Случай, один из тысячи, перечеркнул его труды. Первая же граната, пущенная противником, попала в пороховой склад.

Раздался оглушительный взрыв. Из завала поднялись в воздух огромные глыбы земли, камни, бревна. Вместе с ними взлетели кони, люди. Все это кружилось, а потом падало на землю.

Зрительная память Васала сохранила фигуру человека на коне, выброшенного взрывной волной и летевшего по воздуху с черным значком в руках так, словно он возносился на небо с победной хоругвией. Васалу не пришлось напрягать зрение, чтобы различить, кого же это вознесло в небеса…

После взрыва русские пошли на штурм. Но случившееся расстроило все планы Талгика. Он отступил. И русские без боя овладели окопом.

Васал мысленно навсегда простился с другом. Каково же было его удивление, когда спустя год, во время сражения на Мичике, рядом с Талгиком он увидел чеченца — двойника Косолапова.

Васала охватил суеверный страх: разве может мертвый воскреснуть? Ведь в том, что Косолапое погиб, Васал нисколько не сомневался. Да и как тут не умереть, если человек сначала взлетел, а потом грохнулся с такой высоты. От него, скорее всего, и костей-то не осталось. А похожий на Косолапова чеченец вдруг оглянулся, заметил Васала, уставившегося на него остекленевшими глазами, и, раскинув руки, бросился к нему. Да, это был Косолапов, он же Жабраил! Живой и невредимый!

После боя Косолапов поведал приключившуюся с ним историю. Нет, Васал не ошибся: тем человеком, что вознесся к небу, был именно он, Косолапов. Но по счастливой случайности он остался жив. Русские подобрали его с тяжелыми ранениями. Пришел он в себя в лазарете.

— Русские приняли меня за чеченца, — рассказывал Косолапов. -

Они знали, что я — ближайший помощник Талгика. Но на их вопросы я не отвечал. Стоило мне заговорить, и они сразу раскусили бы, что перед ними беглый россиянин. Поэтому и молчал. Однажды в палатку вошел офицер и спросил, правда ли, что я русский. Оказывается, лазутчики донесли, дескать, я — беглый офицер. Но я упорно молчал.

Хитрее оказался один солдат. Пришел, посмотрел на меня и говорит: "Если обрезанный — значит, басурман, если нет — значит, православный русский". Офицер приказывает мне спустить шаровары. Я молчу. Кинулись на меня солдаты и… все раскрылось. Повел я себя тихо, как человек, покорившийся своей участи. А вскоре, было это уже зимой, в одном больничном халате, через окно отхожего места, я сбежал вторично…

Потом Васал и Косолапов встретились еще раз. Уже в аварских горах. Ту встречу Васал запомнил на всю жизнь, особо…

В июне 1859 года, когда царским войскам покорился последний аул Восточной Чечни, Шамиль направился в Гуниб, к своему последнему убежищу в Дагестане.

С поспешно отступающим имамом из числа чеченских наибов оставались только двое: Бойсангур Беноевский и Осман Мичикский. И лишь немногие чеченские воины не захотели бросить имама в трудные для него дни. В основном это были бойцы небольшого отряда Арзу, в котором состоял и Васал.

В Чечне не осталось ни одного беглого русского солдата. Все они отступили с Шамилем в Гуниб, дабы сражаться там до последнего, ибо иного пути у них не было. Знали, что их ждало, доведись любому из них попасть в руки царских генералов.

Потому и решили дорого продать свою свободу, которую приобрели ценой потери родины. И все они пали героической смертью в горах Дагестана.

Василию вспомнилось последнее совещание у Шамиля, состоявшееся в летний знойный день, когда отступающие в Гуниб устроили короткий привал в одном аварском ауле. Василий стоял на часах у дверей дома, где остановился имам. В приоткрытую дверь он видел Шамиля. За последние два месяца Шамиль постарел, поседел и сгорбился. На его бледном, как никогда, лице четко выделялись веснушки, похожие на густо разбросанные просяные зернышки. Сидел он на пестром войлоке — истанге, по-восточному скрестив ноги, с

беспомощно опущенными плечами. Имам напоминал Василию узника, брошенного в подземную тюрьму.

Долго сидел так Шамиль. И кто знает, о чем думал старый имам?

Может быть, он с первой до последней страницы перелистывал книгу своей жизни, до краев полную и радостями, и горестями, победами и проигрышами сражений. В ней много героических страниц, но столько же и трагических. Да, вся жизнь его — это драматический парадокс сильной и противоречивой личности.

Шамиль, сын бедного аварца Донага-Магомы, стал имамом Дагестана. Потом, после целого ряда ощутимых поражений, соотечественники прогнали его, и он вынужден был искать кров и защиту в Чечне. И вот на исходе последние двадцать лет его бурной жизни и деятельности…

Как переменчива судьба! Сегодня ты радуешься и смеешься, а завтра — плачешь. Сегодня у тебя почет и слава, люди превозносят тебя, как пророка, а завтра, когда ты становишься жертвой бедности и несправедливости, те же самые люди готовы поносить тебя и плевать в лицо… Вот точно так же и земляки носили его на руках в первые годы. А потом… потом начали преследовать, словно дикого зверя, пока не вынудили его оставить родные горы.

Чеченцы избрали его имамом Чечни, а через год с их же помощью он стал и имамом Дагестана. Он сделался известным человеком не только в Чечне и Дагестане, не только в горах Кавказа, но и в весьма далеких странах. Люди почитали его как пророка.

Одни — потому что нуждались в нем, другие — потому что верили ему, а многие просто из боязни его крутого нрава. Чеченцы объявили его даже святым шейхом и клялись его именем. В Дагестане его называли не иначе как "великий эмир Шамиль", а сына его, Гази-Магому, "сыном великого имама". Двадцать лет Шамиль держал в узде Чечню и Дагестан. И слава его была не меньше, если даже не больше, чем слава других могущественных падишахов мира. Да и богатство он накопил достаточное. В крайнем случае хватило бы даже правнукам. Накопил честным путем. Из причитающейся по шариату пятой части военной добычи — хумс. Но он никогда не думал использовать его в

личных целях. Откладывал на черный день для имамата, чтобы использовать накопленное в его интересах. Много денег из своей личной казны он раздавал бедным, инвалидам войны, сиротам, вдовам, престарелым. И никогда не позволял своей семье роскошью выделяться среди рядовых горцев.

О, если бы Аллах дал ему силу победить гяуров! Неужели столько трудов и жизней затрачено зря? Неужели рухнет с таким большим трудом созданное им свободное, независимое государство горцев!

Он просил Бога лишь об одном: даровать ему еще одну победу над гяурами, пусть последнюю, но чтобы она хоть на несколько лет продлила его власть. Для того чтобы смог он передать ее сыну, сделав свое имамство наследственным. Говорят, сладка власть, позволяющая свысока смотреть на людей, словно на муравьев.

Видеть, как такие же люди, созданные тем же Аллахом, кланяются тебе, ползают перед тобой на коленях, лебезят… Когда правитель может одним словом, одним взглядом уничтожить, бросить в бездну, втоптать в грязь благородного, мужественного и честного. Равно, как может возвеличить и приблизить к себе труса, злодея или хама. Но Шамиль никогда не испытывал подобные чувства. Годы его правления горскими народами были для него самыми тяжкими и горестными. Ведь на самом деле он не был таким правителем, как прочие падишахи. Шамиль был вождем и руководителем освободительной борьбы горцев, но в то же время и ее рядовым воином. В этой борьбе он потерял жену, двух сыновей и дочь. Если рядовой воин отвечал только за свою жизнь, то Шамиль отвечал за всех подвластных ему людей. Потому он преждевременно поседел и сгорбился. И что ждет его впереди?

Только Аллах это ведает…

Еще десять лет назад он хотел передать имамство своему сыну Гази-Магоме. Тогда исполнилось ровно пятнадцать лет с того момента, как Шамиль возглавил борьбу горцев против всесильного русского царя за свою свободу и независимость. За эти пятнадцать лет Шамиль не знал ни сна, ни отдыха. Он постарел и устал. А Гази-Магома был молод, умен и отважен. И, что самое главное, чеченцы уважали и почитали его, пожалуй, даже больше самого Шамиля. И тем не менее

эти же самые чванливые чеченцы вместе с Хаджи-Муратом воспротивились наследственной передаче имамства от отца к сыну. Сегодня Шамиль, а завтра уже Гази-Магома захочет передать власть уже своему сыну. Тот — своему. Нет, такому не бывать! В Чечне никогда не было наследных князей, и создать их никто не намерен. Если по воле Аллаха жизнь Шамиля окончится на этой бренной земле, то новым имамом станет тот, у кого более острая сабля. По наследству же пусть переходят конь, оружие, деньги…

Теперь всему конец. Пала Чечня, а вместе с нею разбилось и его сердце. Не успел он еще ступить на землю Дагестана, как соотечественники ограбили его до нитки. И кто же начал? Его самый верный сподвижник и соратник Даниэл-бек со своими килитлинцами…

Это они разграбили его имущество и в Гумале, и в Урату. Это они не только не оказывают сопротивление гяурам, а наоборот, встречают их музыкой, словно не враги идут к ним, а предки, воскресшие из мертвых…

Шамиль позвал со двора Маккала и приказал вызвать своего секретаря Мухамед-Тахира аль Карахи. Скоро на совещание собрались все визири, улемы[27] и наибы имама.

Гази-Магома привел с собою Бойсангура. Тот прошел на середину круга и замер, опершись на саблю. Единственный черный глаз на его обезображенном шрамами худом лице презрительно уставился на имама. На тонких губах появилась зловещая улыбка.

Гази-Магома понял, что Бойсангур собирается сказать имаму что-то резкое и неприятное.

Бойсангур вдруг рассмеялся. Сначала тихо, почти беззвучно, а потом все громче и громче. Брови сурового имама удивленно сдвинулись, образовав на лбу узел морщин.

— Чему ты так радуешься, мой смелый Бойсангур? — спросил он, не повышая голоса. — Постоянно прощая тебе дерзости, за которые

жестоко карал других, я испортил тебя. Но знай, моему терпению тоже есть предел!

Вдоволь насмеявшись, Бойсангур наконец перестал.

— Кто я такой, чтобы задумываться над тем, убивать или не убивать меня, — сказал он, усаживаясь на полу. — Однорукий, одноногий и одноглазый пень. Вот, кто я такой. Ты же кормил и ласкал тех, кого надо было обезглавить немедля. Ты спрашиваешь, чему я смеюсь? Отвечу. Когда тебя прогнали из Дагестана, мы тебя приняли, сделали имамом и двадцать лет носили на своем горбу! Двадцать лет мы служили тебе верой и правдой. Двадцать лет чтили тебя наши наибы. Но в течение этих двадцати лет ты не посадил на свой диван[28] ни одного нашего наиба или улема. Самые бедные из них — я и Осман — впервые удостоены такой чести. Так разве это не удивительно?

Разве это не смешно?

— Хватит шуток, Бойсангур! — прикрикнул имам. Но Бойсангур опять рассмеялся. И смех его вызвал дрожь. Все подняли головы и с каким-то суеверным страхом смотрели на него. Они знали, что имам почитает этого наиба. Знали, что это единственный человек в горах, перед которым преклоняется сын имама Гази-Магома. Но знали они и крутой нрав имама. В минуты гнева он мог убить даже самого близкого человека. Для таких случаев рядом с ним неотлучно находился палач с огромным кинжалом.

— О Аллах, неисповедимы твои пути! — не унимался Бойсангур. — Известные своим умом и ученостью Юсуф-Хаджи, Сулейман, Атаби! Известные своей смелостью Шоип, Талгик, Эски, Гойтемир, Батуко, Сайдулла, Дуба! Видели бы вы сейчас эту картину, и у вас глаза полезли бы на лоб. Ведь вам никогда не приходилось видеть таинства этого святилища! Но и Шамиль знал крутой, неукротимый нрав и характер Бойсангура. Не было в мире силы, что сломила бы его. И нечем было запугать его. Чем больше будешь противоречить ему, тем больше он будет распаляться. А поэтому Шамиль дал возможность выговориться.

— Где же твои верные советники, которых ты выслушивал на совещаниях дивана, а нас не допускал даже к дверям? — продолжал он присыпать солью сердечные раны имама. — Где твой слепец Кер-Моххумад? Твой тесть Джамал-Эддин? Амирхан?

Дибир-Хаджи? Метлик Муртаз-Али? Яхья-Хаджи? Или твои наибы Кибит-Магома, Даниэл-бек, Албаз-Дибир?

— Уж не спешишь ли и ты в объятия гяуров вслед за вашими чеченскими наибами! — не выдержал имам.

— Не трогай наших! — вскочил Бойсангур. — Одно дело — вероломно перейти на сторону врага, другое дело — сложить оружие перед врагом, когда иссякли силы. Это не одно и то же, не путай, имам. Наши наибы сдались с дымящимися ружьми и саблями, на которых еще не высохла кровь гяуров. Из них только двое, Дуба да Сайдулла, направили свое оружие против тебя. А как поступили твои дагестанские наибы, которых ты лелеял, отталкивая наших? Они бросили тебя, вероломно изменили тебе, более того, они помогают твоему врагу! На второй же день, как только ты оставил Чечню и ступил на землю Дагестана, тебя общипали, как мокрую курицу. И кто? В первую очередь — твой любимый Кибит-Магома. Наши аулы сдавались лишь тогда, когда их превращали в сплошной пепел. В Чечне не осталось и вершка земли, не удобренной этим пеплом и не политой кровью нашей и кровью гяуров. А что происходит здесь? Все аулы без единого выстрела, наоборот, с музыкой встречают врага. И склоняются перед ним, высунув языки и виляя хвостами!

…Лицо имама нахмурилось. Он опять вспомнил несколько трагических дней своей жизни: бегство в Чечню после падения Ахульго. С ним тогда было семь самых верных мюридов: Юнус, Салих, Мохмад, Химатил, Нур-Али, Муса и Муртади… Они с боем прорывались из Ахульго, через тройное кольцо окружения. Ранили Шамиля. Солдатский штык, предназначенный Салиху, вонзился в ногу подростка Гази-Магомы, которого нес на себе Салих… Они бежали по горам, куда глаза глядят. За ними гнались отряды Хаджи-Мурата и Ахмет-хана. Надо было перейти через узкое, глубокое ущелье, на дне которого, в безмерной глубине, пенилась бурная Койсу. Моста не было,

но перейти на другую сторону нужно было обязательно. Иначе всех ждала смерть.

Перекинули через ущелье толстое бревно. Шамиль побоялся пройти по нему с раненым сыном. Боялся не за себя, за сына. И обратился к мюридам с просьбой перенести Гази-Магому. В ответ его верные мюриды отвернулись. Раненому Шамилю пришлось самому переносить сына…

Они бежали на запад, опасаясь приближаться к аулам, страдая от голода и жажды. А по пятам гнались нукеры Хаджи-Мурата и Ахмет-хана.

Шли, разделившись на три группы. В первой группе Салих нес на себе Гази-Магому. К счастью, Шамилю удалось по дорогой цене выторговать у пастухов полный кувшин воды. Кувшин передавали из группы в группу. Когда передняя группа остановилась на привал, Шамиль нагнал ее. Гази-Магома сидел в стороне, на камне. Лицо искажено гримасой страдания. Шамиль спросил: "Что, нога болит?" Сын заплакал. Оказывается, мюриды всю воду выпили сами, не дав ему ни глотка, а пустой кувшин бросили в пропасть…

Шамиль никогда не забывал вероломства некоторых своих соотечественников. И когда чеченцы провозгласили его своим имамом, он приказал в первую очередь убивать любого дагестанца, который покажется в Чечне. Но со временем голос крови победил. Как бы они ни поступали с ним, все же они были его соплеменниками…

…Шамиль тяжелым взглядом окинул своих земляков. Каждый, на ком останавливались глаза имама, опускал голову. Только изгнанники, пришедшие сюда из других краев, Ибрагим ал Черкесы, Хаджи-Насрулла ал Кабири и Осман ал Мичики смело выдержали его взгляд.

Шамиль закрыл глаза и тихим голосом печально запел на арабском языке импровизированную песню:

У меня были братья,
которых я считал панцирями.

Но они стали моими врагами.
Я считал их меткими стрелками.
Но они были таковыми -
только в моем сердце.

— Что ж, ты прав, смелый Бир-кез[29],- сказал Гази-Магома примирительно, обращаясь к Бойсангуру. — Но от того, что мы будем осуждать друг друга, дела не поправятся. Имам, мы готовы выслушать твой приказ.

Неистовый Бойсангур буквально деморализовал и без того удрученного имама. Все, что он собирался ранее сказать улемам и наибам, теперь казалось ему мелким и незначительным.

Невыдержанный и горячий Бойсангур был единственным человеком, который имел доступ к имаму без предварительного разрешения и мог высказывать ему прямо в лицо все, что думает. Бойсангур не знал, что такое страх. За его мужество и преданность ему прощалось все. Но сейчас он оказал имаму не лучшую услугу.

— Вы знаете не хуже меня, каковы наши дела, — начал имам. -

Чечня пала. Теперь все свои силы русские сосредоточили против Дагестана. Наступая нам на пятки, идет Уч-кез[30]. Из Салатави в Темир-хан-Шуру навстречу ему движется генерал Врангель. И из Грузии, вниз по течению Койсу, наступают большие силы.

Войска идут на нас с трех сторон, их кольцо сжимается. Но сейчас меня не столько беспокоят гяуры, сколько тревожит тот факт, что местные аулы не только не оказывают им сопротивления, а откровенно переходят на сторону русских. Не успел я выехать из Дарго, как андийцы, ашильтинцы, согратлинцы, гимринцы, унцуклинцы, гоцатлинцы, хунзахцы, дародахойцы послали к гяурам своих представителей с заверениями о покорности. Кибит-Магома восстановил против меня тилитлинские и карахские аулы. Даниэл-бек — своих легзинцев.

Одним словом, во всем Дагестане сейчас редко встретишь аул, который был бы мне верен. Не успел я ступить на их землю, тотчас

разграбили нашу казну и мое личное имущество…

— Не торопись, имам, как только ты пойдешь дальше, с тебя уже снимут штаны, а в конце концов отрубят тебе голову и продадут ее гяурам за горсть кукурузной муки!

Имам гневно посмотрел на Бойсангура, который сидел, подперев голову единственной рукой, но, стиснув зубы, сдержался, а потом как-то сник: ему нечего было возразить Бойсангуру.

— Нам остается один путь — в Гуниб, — устало произнес имам.

— Хорошо, уедем в Гуниб, а что дальше? — спросил Бойсангур.

— Что будет дальше, ведомо только Аллаху, Бир-кез, — невесело ответил имам и тяжело вздохнул. — Если срок, отпущенный нам свыше, закончится там, значит, там и умрем. Если же нет, то…

— То в Гунибе сразимся до последнего вздоха, — громко сказал Дибир ал Хунзахи.

Посыпались реплики:

— Разве в течение двадцати дней мы бежим в поисках места сражения?

— Гуниб — хорошая крепость против врага.

— А Согратли? А Ахульго? А Гергебил? Чем они были хуже Гуниба?
Но, может быть, мы идем туда, чтобы и его сдать врагу без боя, как и те? — сверкнул глазом Бойсангур.

— Бойсангур, если ты не хочешь идти с нами, то можешь уже сейчас отделиться от нас вместе со своими чеченцами, — бросил Дибир ал Хунзахи.

— Я не жду твоего позволения!

— Тогда чего же ты хочешь?

— Я хочу, чтобы никто и никогда не сказал, что Бойсангур покинул своего имама в черный для того день.

— Просто у Бойсангура нет другого пути, потому он и следует за нами, — усмехнулся стоявший в дверях Дибир ал Хунзахи. — В свое время не сбежал, а теперь поздно — назад путь отрезан.

— Ничуть не поздно, — возразил Бойсангур. — Разве не ваши улемы и наибы ежедневно перебегают к гяурам? Однако в Гуниб с вами я пойду. Хоть погляжу, как вы будете умирать за газават. Или я ошибаюсь: может, сдадитесь гяурам? А потом, Дибир, я вернусь в свои леса. Пока жив, я не сдамся. Буду биться до конца. Да и не привык я бегать. А вот вам всем это не впервой.

Взаимные обвинения, приводившие нередко к открытым ссорам, стали в последние годы обычным явлением в отношениях между чеченцами и дагестанцами. Первые обвиняли последних в неумении или нежелании воевать в чеченских лесах и в бездарности их наибов, которых Шамиль назначал в Чечне. Но и дагестанцы не оставались в долгу, заявляя чеченцам об их открытой измене, особенно в последние месяцы, когда чеченские аулы один за другим стали покоряться царским властям.

Обвиняя друг друга, чеченцы и дагестанцы не понимали, что ни те, ни другие не уступали друг другу в мужестве, смелости и благородстве. Они не понимали, что вражда между братскими народами Чечни и Дагестана, которые издревле вместе делили горе и радость, вместе защищали горы от гуннов, хазаров, татаро-монголов и полчищ Тимура, от персидских шахов, вырастала вследствие бесчеловечной политики могущественных держав, многолетней истребительной войны, которую царизм вел на Кавказе…

— Хватит, Бойсангур! — повысил голос имам. — Довольно твоих излияний. Пора трогаться в путь…

Десятитысячная регулярная царская армия плотным кольцом обложила последнее убежище Шамиля — крепость Гуниб. Имам остался один. Его прославленные чеченские наибы не разделили с ним последний час: кто погиб, кто перешел в стан русских.

Только храбрый Бойсангур Беноевский да Осман Мичикский отправились вместе с ним в аварские горы. В небольшом его отряде находилось несколько воинов Арзу да беглые русские солдаты, которые покинули Чечню с твердым намерением сражаться до последнего. У них теперь было одно желание — как можно дороже отдать свои жизни, что они и сделали в последнем сражении.

Перед Васалом вновь во всех подробностях встали события того рокового дня.

…Шамиль вышел из сакли. Он решил сдаться. Крови пролито много, так зачем проливать ее вновь, когда борьба уже бессмысленна? Да и что сможет сделать горстка храбрецов, даже во главе с таким отчаянным предводителем, как Бойсангур?

Ничего! Только погибнуть, теперь уже напрасно. У русских огромные силы. Князь Барятинский стоит внизу. Он пообещал своим солдатам десять тысяч рублей за голову имама. Офицеров, отличившихся в последней схватке, ждали повышения в звании и награды. И солдаты упорно карабкались в гору в надежде получить обещанную награду. Главнокомандующий лично вручал по десять рублей каждому раненому солдату.

Последние воины Шамиля гибли в неравном бою. Один отряд возглавила жена наиба Юнуса, еврейка Зайнап. Она первая бросилась в бой, увлекая за собою остальных. Всего четыреста мюридов осталось в живых. С четырьмя орудиями. А вверх по отвесной скале по длинным лестницам, с помощью веревок и железных крюков уже лезут солдаты Апшеронского полка. И защитники крепости обречены — им неоткуда ждать помощи: все аулы Дагестана смирились без боя, а наибы перебежали в лагерь противника. Мюриды же требовали мира.

Шамиль призвал к себе Юнуса Черкеевского и Хаджи-Али Чохинского и передал им короткую записку, приказав вручить ее лично самому Барятинскому.

"Сардару князю Барятинскому, — писал имам. — Да будет мир человеку, следующему по истинному пути. Если вы с дорогими мне людьми разрешите отправиться в Мекку, между нами состоится мир, в противном случае — нет".

Барятинский принял условия мира. Князь послал к Шамилю двух полковников — Лазарева и Касума Курумова.

Трагичным был для имама этот день. Васал будто воочию вновь увидел высокую, чуть сгорбленную, но не потерявшую еще своей былой мощи и силы статную фигуру Шамиля. В белой черкеске, перехваченной в тонкой талии наборным ремнем, с кинжалом на боку, в белоснежной чалме он медленно переступил порог сакли, сделал несколько шагов и остановился. В ту же минуту к нему подскочил Бойсангур.

— Что ты делаешь, имам?! — воскликнул наиб. — Одумайся! Ты позоришь не только нас, живых, но и мертвых!

Шамиль многое прощал этому храбрейшему из своих наибов, но сейчас он потупился.

— Так нужно, Бойсангур. Люди просят мира. — Ему стыдно было признаться перед своим наибом, что и сам он пришел к такому же решению.

— Просят не люди — трусы! А с каких это пор ты стал прислушиваться к голосам трусов?

— Мужчина не тот, который громче всех кричит. Не горячись, Бойсангур. Сопротивляться бесполезно. Ты же сам видишь, сейчас люди гибнут зря.

— Ах, вот оно что! — вскричал Бойсангур, сжимая единственной рукой рукоять кинжала. — Значит, и раньше люди гибли зря?

Десятки, сотни тысяч людей! Посмотри на Чечню. Не ты ли клялся ей в верности? Не ты ли говорил, что не оставишь ее, пока жив?

Забыл свои слова? И в тяжелый момент хочешь поднять руки, спасая свою жизнь? Ты считаешь, что это достойно мужчины? Мы шли за тобой и верили тебе, как Богу. Вся Чечня покрыта могильными холмами. А разве лежащие под ними не хотели жить?

Но они не пощадили себя и погибли за святое дело!

— Твои слова — правда, Бойсангур. Все эти годы я держался благодаря твоему народу. Ваши наибы были верные и смелые. Но и они покорились русским, когда поняли, что силы Чечни на исходе. И только ты, мой храбрый Бойсангур, остался со мной до конца. Дагестанские же наибы почти все продались гяурам и теперь воюют против меня.

— Умоляю тебя, имам! Не делай этого. Ведь ты говорил, что лучше погибнуть, нежели отдать родные горы гяурам! Значит, и ты, и твои улемы обманывали нас? Они первыми разбежались, словно куры, завидевшие ястреба, а теперь и ты хочешь бежать следом за ними? До сих пор ты был героем, имам. Если ты сдашься, горы проклянут тебя!

— К чему эти бесплодные разговоры, Бойсангур? Я потерял Чечню и остался без рук и без ног… Ты же видел, мой верный Бойсангур, как сегодня я целый день призывал воинов драться до последнего. Что я первым брошусь на штыки врагов гяуров.

Ведь молчали же все. Нет, не молчали. Все требовали мира с гяурами. Даже мой любимый сын Гази-Магома. Народы устали…

обескровились… Зачем ненужные жертвы? В жертву я принесу себя и свою семью… Может быть, тогда генерал пощадит народ… Прости меня, Бойсангур! Прости.

И старый, усталый, но по-прежнему великий Шамиль, сгорбившись, шагнул вниз. Шамиль больше не поворачивался к Бойсангуру, ибо знал, что в спину Бойсангур не выстрелит…

А Бойсангур, одноглазый, однорукий, одноногий Бойсангур, в последний раз смотрел на своего любимого имама, на одного из самых великих людей, которые родились в этих седых горах.

Смотрел до тех пор, пока тот не скрылся за скалой.

И тогда старый Бойсангур, которого ничто не могло сломить на земле, отбросил ружье, издал крик отчаяния и рухнул на камни…

К Шамилю подвели любимого белого скакуна. Двое солдат придержали стремена, третий помог имаму сесть в седло.

Подбежавший полковник Лазарев потянул коня за узду, и конь, как и его седок, покорился чужой воле и покорно пошел за незнакомым ему человеком.

Аул остался позади. С высоты склона Шамиль видел ряды русских войск и среди них отряды дагестанцев. Близ князя Барятинского стояли его вчерашние наибы — Донаго-Магома, Даниэл-Султан Елисуйский, его бывший ученик, друг и советник — Амирхан.

Шамиль нахмурился и остановил коня.

— Уберите дагестанцев! — попросил он. — Иначе к сардару я не пойду.

Касум Курумов побежал вниз. Все наибы, а также отряды дагестанских добровольцев и ханских нукеров были немедленно удалены.

Бойсангур сидел на земле, все еще ошеломленный поступком имама. Потом он попросил посадить себя на коня и крепко привязать к седлу.

— Братья! — обратился он к воинам. — Я отступал вместе с имамом не для того, чтобы спасать свою жизнь. Мы не смогли отстоять свободу и независимость, нам не хватило для этого сил. Но никто из нас не посрамил честь наших предков. До последней минуты все мы были верны долгу, защищали родную землю и свою веру. Я не желаю сдаваться на милость гяурам. Я твердо решил — либо умереть, либо прорваться и тогда в родных лесах вновь продолжить борьбу. Кто смел, пусть идет со мной.

У кого заячья душа — пусть шагает за имамом. Да поможет нам всем всемогущий Аллах!

— Лучше смерть, чем позорный плен! — крикнул стоявший рядом с Васалом Косолапов и выхватил шашку.

В ту минуту поручика невозможно было узнать. Лицо его побелело, глаза метали молнии, он исступленно кричал что-то, размахивая шашкой. Это был подарок имама, и надпись на клинке гласила, что владелец шашки — "герой, искусный в войне и бросающийся на неприятеля, как лев".

Воздух задрожал от гортанных криков уцелевших воинов:

— Умрем, но не сдадимся!

Один лишь Арзу оставался спокоен и не высказывал своих чувств.

На широкой груди его блестели два ордена — "Имам Шамиль награждает этого храброго воина высшим орденом" и "Храбр и мужественен". Орлиный взор Арзу был устремлен вниз, на неприятельские позиции. Он выбирал наиболее уязвимое место для прорыва. За его спиной стоял Али.

— Кенти! Погибнем храбрецами или вырвемся на свободу! — загремел громоподобный голос Бойсангура, который с поднятой в единственной руке шашкой ринулся вниз. За ним бросились оставшиеся воины. Казалось, лавина покатилась с горы, и никакие преграды не смогут остановить ее, настолько неожиданным, неудержимым и стремительным был этот отчаянный бросок горстки храбрецов. Но лишь немногим посчастливилось прорваться сквозь плотное кольцо врагов. Среди проскочивших был и смертельно раненый Косолапов.

Перейдя вброд бурную речушку и убедившись, что неприятель их больше не преследует, воины остановились на короткий отдых.

Косолапов умирал.

— Не падай духом, Жабраил, — сказал Бойсангур. — Всем нам рано или поздно предстоит испить эту чашу.

— Я горжусь своей смертью, храбрый Бойсангур, — с трудом выговорил Косолапов.

— Может, у тебя есть какая просьба? Скажи.

— Если сможете, не оставьте без внимания семью. А сыну расскажите, как жил и как умер его отец…

— Будь спокоен, Жабраил. Пока хоть один из нас будет жив, семья твоя не будет нуждаться ни в чем. И сын узнает о тебе все.

Взгляд умирающего остановился на Васале.

— Ты хочешь поговорить с Васалом? — спросил Маккал.

Он нежно погладил холодеющий лоб боевого товарища. — Я знаю, как трудно человеку умирать вдали от родины, от родной речи.

Но все люди созданы единым Богом, и хотя поклоняются ему по-разному, все они перед ним одинаковы. Не стыдись и не жалей, что переменил ты веру. Давай, поговори с Васалом, раскрой ему душу. Может, мы мешаем? Если так, то отойдем…

— Оставайтесь, Маккал. Мне нечего скрывать от вас. Я чист перед людьми, перед Богом, перед своей совестью. — Косолапов мужественно переносил боль, но говорил торопливо, боясь, что смерть оборвет его. — Ты прав, Маккал, нелегко умирать вдали от родины. Там мои братья и сестра. Там — родина. И этим все сказано. Может быть, в глазах своих соотечественников я и изменник. Но я… Нет, я не был им никогда. Я любил свой народ… свою землю… свой дом… Так же полюбил я и ваши горы. А проливая кровь своих соотечественников, искал не личной выгоды… Человек рожден, чтобы жить вольным… Нас же пригнали на вашу землю, чтобы мы отобрали ее… Когда я это понял, то и решился… Васал… Василий… Вася… Знаю, что и в твоем сердце, как и в сердце каждого беглого… солдата, не гаснет тоска по родине… Я не раскаиваюсь, что позвал тебя с собой в ту ночь. Мы пошли не против нашего народа, Василий, а против тех, кто обесчестил твою мать, твою невесту, кто менял людей на собак…

Косолапов умолк и задышал тяжело, с натугой. Потом застонал, силясь еще что-то сказать, но глаза его потускнели, и он затих.

Василий припал к его груди и разрыдался…

…Дакаш привез Василия в Гати-Юрт. Его приняли в аульскую общину и выделили участок земли. В доме Дакаша состоялся мовлад[31] по случаю принятия Василием мусульманства. Затем Дакаш во всеуслышание объявил, что "с этого дня Васал, сын Лапи, и на этом, и на том свете является его кровным братом, братом его сестер и братом его братьев. И тот, кто нанесет обиду Васалу, будет иметь дело с родом Дакаша".

К сожалению, смерть вскоре унесла Дакаша, и Васал тяжело переживал новую потерю. Братья Дакаша не оставили его в одиночестве, помогли поставить дом, женили. Но, видно, родился Васал не под счастливой звездой. Сколько он ни трудился, как ни бился, а прочно встать на ноги ему не удавалось…

ГЛАВА VII. СМЕРТЬ ИСЫ

…Не то жалко, что человек родился или умер, что он лишился своих денег, дома, имения, все это не принадлежит человеку. А то жалко, когда он теряет свою истинную собственность — свое человеческое достоинство.

Эпиктет

Васал вышел из-за ограды кладбища, но не пошел домой, а свернул на свое поле. Небольшим был этот участок, но в нем заключалась вся его жизнь. Вот только бы вовремя засеять. А то уже один вид этого несчастного клочка приводит в уныние:

земля потрескалась и заросла бурьяном. Ничего не поделаешь, нужно просить помощи, самому не справиться.

Со всех сторон доносились крики пахарей. Люди работали от зари до зари, торопились засеять свои участки, пока стоят погожие дни.

А вот как ему выйти из трудного положения? Проклятая нищета!

Из России она шла за ним по пятам и здесь, наконец, отыскала.

Кровожадный двуглавый орёл, от которого Васал хотел скрыться, долетел и сюда. Меч и крест держит он в своих когтях. На каждом шагу — могилы, развалины, сожженные сады, вырубленные леса, осиротевшие дети… Повсюду звучит грубая брань — царские чиновники не обходятся без крепкого слова. Хотел спастись Васал от всего этого на Кавказе, да видно, не судьба.

И сюда пришли беззаконие и жестокость, которые вынудили его покинуть родину. Родина… Не выкинешь ее из памяти. Потому-то во сне и разговариваешь на родном языке. И хочется иногда, чтобы такие сны тянулись бесконечно!

Васал заглянул на участок Мачига. Мачиг, чтобы обработать свое поле, впряг в плуг корову и четырехлетнего бычка.

Пятнадцатилетний сын Кюри изо всех сил тянул за налыгач, старшая дочь сорвала голос, погоняя животных, но

противоестественная упряжка слушалась плохо. Мачиг навалился всем телом на соху, ибо почва затвердела настолько, что ее почти невозможно было пахать.

— Ассалам алейкум, Мачиг, — приветствовал его Васал. — Да пошлет тебе Аллах обильный урожай!

— Ва алейкум салам! Да не оставит Аллах и тебя, Васал. Кюри, остановись. Пусть скотина передохнет. Ты какими судьбами здесь, Васал?

Мачиг вытащил соху из земли, подошел к Васалу и протянул ему руку.

— Бродил по лесу. Дикий мед искал.

— Нашел?

— Нет, не повезло.

— А что нового дома, дети здоровы? Как чувствует себя Мархет?

Честное слово, Васал, за последние дни я никак не мог выбрать время, чтобы навестить ее, столько дел! Ты уж прости меня.

— Понятно, время-то весеннее. Дети, слава Богу, живы-здоровы.

Младший, правда, как-то заболел малярией, но теперь поправляется. А Мархет по-прежнему мучается. — Васал наклонился, набрал горсть земли. — Я смотрю, дела у тебя идут неплохо.

Мачиг махнул рукой.

— Разве это пахота? По бурьяну соху катаю. Похоже, что поле куры расцарапали. Толку от такой земли мало. На ней урожая так, наверное, никогда и не будет. Еще ни разу не собрал и двух мешков кукурузы с этого поля. А детей полон двор. Будь проклят Хорта, которому я должен. Вон Иса хочет прибрать к рукам твой участок. Так однажды и Хорта заберет у меня этот клочок. Но пока я жив, не бывать тому! — Иса скорее свой затылок увидит, чем мое поле! Мачиг удивленно

взглянул на Васала. — Ты что, разве не знаешь, что он уже своих пахарей послал туда?

— На мое поле?

— Да, на твое поле…

…Допоздна не мог заснуть Али, лежал в потемках и все прикидывал, как лучше помочь Васалу. Конечно, многим приходилось в этом году туго. Но у других-то хоть родственники есть. А Васалу на кого опереться? Ни родных у него, ни близких. Одинок, совсем одинок. Семья большая, а как прокормить ее мужчине-калеке?

В прошлом году поле Васала осталось невспаханным. Впрочем, разве только у него? Не более десятка дворов отыщется в ауле, где в хозяйстве имеется пара волов или буйволов. Хотя теперь вроде бы и полегче. Уж по одному-то буйволу или волу имеет почти каждый. Горцам теперь можно свободно ездить в русские станицы. Мир с ними принес пользу. Кто раньше в ауле знал, что такое железный плуг или борона? А теперь они в ауле есть.

Правда, лишь у Исы и Хорты. Однако новинки послужили примером.

По их подобию стали мастерить самоделки, например, соорудили бороны на свой лад: в деревянные балки вбили острые железные зубья, и ничего, работают.

Ахмед, сын Акбулата, живет в нижней части аула. Он один из тех, кто имеет пару быков, и к нему Али может обратиться с просьбой. Нет, не родственник он ему и даже не друг. Но Али уважает его за редкое мужество, за щедрость. Лет десять назад в одном из сражений Ахмед спас Али от гибели, хотя сам подвергался смертельной опасности. Тогда ему покалечило правую руку, но Ахмед справился и с этой бедой и научился владеть левой рукой так же свободно, как и правой.

Наутро Али отправился к Ахмеду, но дома его не застал. Жена сказала, что муж еще на заре выехал в поле.

На обратном пути Али повстречалась арба, груженная домашним скарбом, поверх которого восседала детвора. Али узнал пару волов, принадлежащую Жантемиру. За арбой, привязанная веревкой, упираясь, тащилась рябая корова. Жантемир и два его взрослых сына уже на ходу в последний раз махали руками соседям, что вышли проводить их.

— Ты далеко собрался, Жантемир? — спросил Али после взаимных приветствий.

— Уезжаем из аула, Али, — грустно ответил Жантемир.

— И куда же?

— За Терек.

— Как же так, вроде вы никогда и не говорили об этом? — удивился Али.

— Говорить-то говорили. И говорили давно. А вот к единому мнению пришли только на днях.

Грустно стало Али. Людей в ауле мало. Мертвые уже не воскреснут, так хоть бы живые оставались на насиженном месте.

— А вы подумали, куда едете? — с упреком сказал Али. — Где же ваша гордость? Свои земли уступили казакам да офицерам, а теперь к ним же нанимаемся батраками? Или свою же землю берем в аренду?

Жантемир слушал спокойно. Упрекни его кто-нибудь другой, Жантемир, конечно, возмутился бы. Но Али он знал как человека честного, бескорыстного, и слова его всегда шли от чистого сердца.

— Что же делать, Али? — глубоко вздохнул Жантемир. — Не только Аллаху, всем известно, что не от хорошей жизни мы уходим туда.

Покидаем родной аул, уезжаем от добрых людей. Кому же это легко? Но ведь есть на то причина. Посуди, как здесь прокормить их

всех? — Жантемир указал на детвору. — У обоих сыновей дети. А наш надел ты видел? Его же буркой можно прикрыть. В прошлом году я с сыновьями ездил за Терек, хоть кое-что, но заработал. Вот и теперь решили мы побыть там до зимы, купить хлеб и вернуться обратно.

— Вам виднее. Человек сам решает, что ему делать. Пусть мирным будет ваш путь, а труд принесет счастье. — Они обнялись. — Да исполнит Аллах ваши желания и вернет живыми и невредимыми.

— Спасибо на добром слове, Али. Прощай. Будет на то воля Аллаха — увидимся.

Жантемир не был родом из Гати-Юрта. Приехал он сюда не то из-за Терека, не то из-за Сунжи, где царские войска сожгли его аул, а на свежем пепелище основали казачью станицу. Лет двадцать назад он перебрался в Ичкерию и прижился в Гати-Юрте.

Таких семей в Ичкерии было немало. Местные горцы испытывали двойственные чувства. Земли и самим им не хватало, а тут еще пришлые. Их потеснили.

Пришельцы же надеялись, что война окончится победой, и они вернутся на свои земли. А раз так, то зачем строиться и обзаводиться хозяйством? Они и держались-то особняком, даже не пытаясь сойтись поближе с коренными жителями аула. В годы войны к ним относились с сочувствием и даже помогали, чем могли. Считали их временными гостями. А гость, как известно,

— дар Божий. Потому гостей надо принять и уважать. Вот кончится война — и они уедут. Но война окончилась победой русских, и казаки навсегда обосновались в притеречных и Сунженских аулах. Пришельцам же суждено было навсегда осесть в Ичкерии.

Жизни их нельзя было позавидовать: во время передела общинной земли им не выделяли наделов, на аульском сходе они не имели права голоса. Размышляя обо всем этом, Али пришел к выводу, что грех осуждать таких, как Жантемир, за то, что они вынуждены батраками возвращаться на свои земли. Как им жить здесь? Тем более теперь, когда вся земля перешла либо в казну, либо в частную собственность отдельных семей. Из-за межей каждую весну вспыхивают ссоры,

нередко заканчивающиеся кровными драками. Раньше-то как было? Надумал сын отделиться от родителей — ему выделяли надел или, вырубив лес, очищали участок. Теперь же и лес рубить запрещено, потому что стал он казенным…

Жену Али оставил дома: в поле сегодня он и сам управится.

Основная работа сделана, сев закончен. Осталось лишь разбить крупные ссохшиеся комья, да разровнять землю. И теперь они до самой прополки будут свободны. Али решил сначала закончить дела в поле, пользуясь утренней прохладой, а уже потом пойти к Ахмеду.

У родника Арчхи Али совершил утренний намаз. От чистой прохладной воды почувствовал себя свежим и бодрым, легкую усталость сняло как рукой. Али шел вдоль лесной опушки широким легким шагом, нигде не останавливаясь, на ходу перекидываясь с работавшими на полях аульчанами короткими приветствиями и шутками.

Покончив с делами на своем поле, Али направился к участку Ахмеда. Ахмеда он застал лежащим в тени под грушей. На краю поля виднелась брошенная борона. Распряженные быки паслись возле леса.

— Ассалам алейкум! Да пошлет тебе Аллах обильный урожай!

— Ва алейкум салам! Да благословит и тебя Аллах! — Ахмед встал и пожал руку Али.

Они сели рядом — сначала Али, затем Ахмед. Али расспросил его о здоровье, поинтересовался, как поживает семья, родственники, и только потом приступил к делу, которое привело его к Ахмеду.

— Пришел, Ахмед, попросить у тебя быков на один день.

— Но ведь ты уже засеял свое поле? Для чего же тебе быки?

— Ты прав, Ахмед. Но я прошу их не для себя.

— Для кого же?

— Нужно помочь Васалу. Ты знаешь, у него шестеро детей. И жена вот уже сколько времени прикована к постели. Не уверен, доживет ли она до завтра. Сам Васал — калека. В доме у него ни зернышка. В прошлом году не смог он вспахать свой участок, а если не вспашет его и в этот год, то семью его ждет верная смерть. Я долго думал, к кому лучше обратиться, кто сможет помочь. Конечно, и кроме тебя есть в ауле люди, имеющие по паре быков, но к ним на поклон я не пойду, они мне чужие. Ты же единственный из тех, кто чужое горе воспринимает как свое…

Ахмед сидел молча. Али тоже молчал. Он был уверен, что Ахмед не откажет его просьбе, но тем не менее ждал его ответного слова.

— Я знаю положение семьи Васала, — проговорил наконец Ахмед.-

И я тоже думал о ней. Но их поле залежалось, заросло бурьяном и кустарником. Паре быков не под силу вспахать его.

— А мы впряжем еще одну пару быков — моего и Чорина.

— Тогда другое дело. Когда начнем?

— Как только твои быки освободятся.

— До вечера я закончу.

— Значит, завтра?

— С Божьей помощью.

Ахмед снял с ветки перекидные сумы, вынул оттуда сискал[32] и сыр.

— Сейчас мы с тобой и пообедаем вместе. Одному не хотелось, ждал, не появится ли кто, с кем приятно разделить хлеб-соль.

— Ты ешь, я уже пообедал.

— Ничего с тобой не случится, Али, если ты и со мной еще раз пообедаешь. Давай, подвигайся поближе. Бери сыр, не стесняйся.

Хотя Али и не был голоден, но при виде сыра у него невольно разыгрался аппетит.

— Вот мы отсеялись, Али, а я теперь опасаюсь, как бы засуха не уничтожила наши посевы, — задумчиво сказал Ахмед, глядя в знойное небо. — Который уж день ни единой тучки.

— Аллах не допустит. Все в его воле. Но даже своего хлеба нам все равно не хватит, придется закупать. У кого есть скот, тому, конечно, волноваться нечего. А как быть тем, у кого его нет? Вот, что меня беспокоит.

— По-моему, Иса и Хорта оказались дальновиднее. Они посеяли озимую пшеницу. Хорошие на их полях всходы. Может быть, и нам следовало перейти на озимь?

— Они могут рисковать, мы — нет. У кого земли много, тому не страшно. А что будет со мной, если я на своем клочке посею пшеницу, и она не даст урожая? Пшеничный хлеб — это не кукурузная лепешка. Притом, пшеница дает во много раз меньше урожая, чем кукуруза.

— Посмотрим, что получится у Исы и Хорты.

— Да, я знаю, я уверен, что у них все будет хорошо, посей они даже камни. Щедр и милостив Аллах к этой троице — Исе, Хорте да Шахби.

— Только рая им не видать, как своего затылка.

— Как сказать, — усмехнулся Али. — Устазы сажают их рядом с собой, власти их тоже уважают. А вот нам, беднякам, в этом мире не везет, да вряд ли повезет и на том свете. Ты знаешь, что недавно Иса приходил к Васалу и требовал, чтобы он продал ему свой надел?

— Да ты что! — возмутился Ахмед. — В своем ли он уме? Грабить такого бедняка! И что же, Васал согласился?

— Нет.

— Ах, какая собака этот Иса! — Ахмед положил кусок сискала на салфетку. — Думает, все продается и покупается. По себе равняет. Давно бы его следовало прикончить, да никто не хочет марать свои руки.

— Самое страшное, что Васалу некуда деваться. Зимой он занял у Исы мешок кукурузы до осени. А Иса теперь требует или немедленно вернуть долг, или отдать ему взамен долга землю.

— Остопиралла! И Бога не боится, и людей не стесняется. Ни стыда у него, ни совести.

Али взял глиняный кувшин, вытащил из горлышка затычку из листьев лопуха, протянул Ахмеду.

— Будешь?

— Спасибо, Али. Пей сам на здоровье. — Ахмед слегка приподнялся в знак благодарности.

По пути к Ахмеду у Али возникла еще одна мысль, и теперь он мучительно обдумывал, как бы ее изложить поделикатнее.

— Васал в тупике: он не в состоянии вернуть долг, но и с наделом расстаться не может. Однако если дело дойдет до властей или шариатского суда, выиграет Иса. Уж это точно!

— Что ты предлагаешь, Али? — спросил Ахмед.

— Семье Васала, кроме нас, помочь некому. Без нас она просто погибнет. Я сам видел, как его голодные дети лизали языком кукурузную муку с ладошек. Ты, наверное, не забыл, что Васал безродный. Правда, он побратим с сыновьями Исы, которые всенародно объявили, что он член их семьи и тот, кто его обидит, будет

иметь дело с ними. Только из сыновей-то Исы в живых сегодня осталось всего лишь трое. Мы с Чорой уже думали, как вернуть Исе долг, а значит помочь Васалу достойно выйти из этой кабалы. Но мы с ним даже гирду муки не наберем. Вот если бы каждый дал хоть понемногу… Эх, будь сейчас дома Арзу с Маккалом, они бы нашли выход. Но вернутся они еще не скоро, а назначенный Исою срок истек вчера.

Ахмед встал.

— Али! Пойди и успокой Васала. Вечером я поговорю с людьми.

Помогут они — хорошо, нет — так свой хлеб отдадим, весь, до последнего зернышка. Но на сей раз я не позволю Исе торжествовать после очередной подлости.

Али простился, а Ахмед постоял некоторое время в раздумье и тоже решил было идти домой, но вовремя вспомнил, что обещал назавтра дать быков для вспашки Васалова поля.

"О, Аллах, какими же жадными ты создал некоторых людей!

Неужели мы столько лет боролись и гибли для того, чтоб на наши шеи сели такие вот кровопийцы? Столько крови пролить — и остаться рабами! Теперь, о Аллах, такие кровопийцы засели в каждом ауле. Одни с четками в руках, другие — с погонами на плечах. Неужели такова твоя воля, Аллах?!"

Ахмед торопливо запряг быков и погнал их по полю. Нужно было как можно скорее закончить работу здесь и перейти на участок Васала. Это Ахмед считал теперь своим долгом.

* * *

Покинув Ахмеда, Али не пошел сразу же домой, а решил осмотреть участок Васала: твердая ли там земля, много ли бурьяна.

Хотелось знать, какую землю завтра придется пахать.

Почти все аульчане работали на своих участках. Али останавливался, приветствовал каждого, спрашивал о здоровье и

домашних делах, просто перекидывался несколькими фразами, выполняя долг вежливости. Все без исключения пахари орудовали деревянными сохами. О глубокой пахоте не могло быть и речи.

А раз так, то достаточно было малейшей засухи, чтобы пропал весь их труд. А вот участки Хорты выделялись среди других.

Вспаханные железным плугом, хорошо отборонованные — ими можно было любоваться. Один участок — под кукурузой, другой — под пшеницей. А где-то у Хорты и участок с ячменем. В достатке живет Хорта. Не в нужде. Вот недавно целый гурт принадлежащего ему скота наемные пастухи отогнали на летние пастбища. Только принесет ли счастье добро, нажитое обманом! Ведь когда люди воевали и гибли, он торговал, менял, заключал сделки, пользуясь общим горем. Но власти ему препятствий не чинили, и он всегда находил с ними общий язык. Хорту хорошо знали и в крепости Грозной, и в Кизляре, откуда он постоянно привозил дешевые товары, перепродавая их здесь во много раз дороже.

Еще издали Али приметил быков на поле Васала. Кто-то пахал уже его участок. "Нашлись же добрые люди, что раньше меня пришли ему на помощь, — подумал Али. — Да вознаградит их Аллах!" Но когда на другом конце надела он разглядел Ису верхом на коне, до него дошла, наконец, истина.

Он подошел к пахарям и остановил быков.

— Это поле принадлежит Васалу, а не Исе, — пояснил он. — Вам никто не давал права пахать чужое поле без разрешения хозяина.

— Мы не знаем, конах[33], чье это поле. Нас сюда привели и приказали пахать его. Вот мы и пашем…

— Хозяин этого поля еще больший бедняк, чем вы. Забирайте плуг и уходите отсюда сами, пока дело не дошло до большой беды.

Пахари растерялись.

— Мы-то здесь причем? Это ты вон ему скажи, — кивнули они в сторону Исы. — Он нас нанял, с него и спрос.

Почувствовав неладное, Иса погнал коня рысью.

— Почему остановились?! — закричал он на пахарей.

— Потому, что это поле не твое, Иса, а Васала, — твердо произнес Али.

— Погоняйте быков! — Иса даже не взглянул на Али. — Это поле я купил у Васала за мешок кукурузы. Все поняли?

Али встал перед быками и положил руку на ярмо.

— Васал по доброй воле продал тебе землю, или ты вынудил его?

— А ты-то кто такой, чтобы я перед тобой отчитывался? Он, что, брат тебе? Кем он приходится твоему роду? Какое твое дело до его земли? И почему ты всюду суешь свой нос?

— Если понадобится, и я стану ему братом!

Услышав громкие голоса спорящих, люди с соседних участков оставили свои дела и столпились на поле Васала. Многие с ненавистью поглядывали на Ису, но пока молчали, словно прикидывали, как и чем может обернуться все это дело. Лишь два довольно состоятельных аульчанина попытались решить все миром.

— Оставь ты его, Али. Ведь не твое же это поле, в самом-то деле. Иса и Васал сами уж как-нибудь разберутся. — Касум-Хаджи потянул Али за рукав черкески.

Неожиданно в круг аульчан с обнаженной шашкой и пистолетом за поясом влетел на неоседланном коне Ловда. Он спрыгнул с коня и подбежал к Али.

— Что здесь происходит?

— Спроси у своего отца! — резко ответил Али и ткнул пальцем в сторону Исы.

Ловда изменился в лице.

— От тебя я ждал более вежливого ответа, — сказал он, оскорбленный грубым тоном Али.

— Ты спрашиваешь, что здесь происходит? А то, что твой отец совсем обеднел. Своей-то земли у него нет, вот он и решил отобрать ее у "богача" Васала.

Ловда резко обернулся к отцу. Иса же, криво улыбаясь, старался смотреть в сторону, словно все происходящее не имело к нему никакого отношения.

— Почему ты пашешь чужую землю? — тихим срывающимся голосом спросил Ловда. — Разве своей земли тебе не хватает?

Иса не счел нужным ответить сыну. Он просто не замечал его.

— Я тебя спрашиваю, отец, почему ты пашешь поле Васала? — громко, чтобы слышали все, переспросил Ловда и сделал несколько шагов к сидящему на коне Исе.

— О чем ты, парень? — сделал удивленное лицо Иса. — Что-то я тебя не пойму.

— Я еще раз тебя спрашиваю: почему ты пашешь чужое поле?

— А потому, дорогой мой сын, что это поле теперь мое. Я купил его. За мешок кукурузы. Теперь тебе понятно? — издевательски протянул Иса. Но тут же сбросил маску и заорал: — Убирайся прочь, сосунок!

Ловда не двинулся с места.

— Не ври, Иса! Хоть раз в жизни скажи правду, — заговорил Али.-

Ну, хорошо, раз сам не можешь, тогда я объясню все твоему сыну. Видишь ли, Ловда, в прошлую зиму Васал попросил у твоего отца до осени мешок кукурузы. Теперь же, не дожидаясь осени, Иса требует

вернуть долг. Но где же найдет Васал сейчас мешок кукурузы? Ты не хуже меня знаешь, Ловда, как бедствует его семья. Только твоему отцу нужна не кукуруза, — ее у него вдоволь. Просто он решил прибрать к рукам поле Васала. Уж больно случай-то удобный. Он даже просил Васала уступить ему участок и готов был добавить за него еще один мешок кукурузы.

Но каково бедняку остаться без клочка земли? Это все понимают.

И Васал, конечно, не согласился. Вот тогда Иса и потребовал от него: либо — долг, либо — поле. И дал ему всего три дня сроку. Вчера вечером срок истек, и уже сегодня утром Иса привел пахарей обрабатывать захваченное поле. Так ведь, Иса?

Я не ошибся?

Иса зло рассмеялся:

— Коль ты такой праведный, Али, так и помоги Васалу возвратить мне долг.

— Иса, побойся хоть Аллаха! Твоя же семья не умирает с голоду.

Ну подожди до осени.

— Допустим, потерплю я до осени, а что потом? Где он возьмет кукурузу, коль уже второй год даже не пытается пахать землю?

— Я верну тебе его долг! Только убери с поля плуг и не позорь нас! — выкрикнул Ловда, узнав всю неприглядную правду о поступке своего отца.

— Тебя еще я не спросил! Прочь с моих глаз! — вновь заорал Иса. — Эй, Бача, погоняй!

Сам подъехал к быкам и плетью яростно ожег среднюю пару. Но стоявший рядом Али удержал рванувшихся было быков. Ловда схватил за поводья коня отца.

— Уезжай, отец, не позорь… и не выводи меня из терпения…

Последние слова его прозвучали чуть слышно. Словно сам испугавшись сказанного, Ловда просящим взглядом посмотрел на отца снизу вверх.

— Отпусти поводья, щенок!

Иса поднял плеть, но люди оттеснили Ловду и отвели в сторону.

— Вам нечего держать меня, — спокойно и насмешливо проговорил вдруг Ловда. — Мой отец ударит меня, не чужой!

Его отпустили, и он снова подошел к Исе.

— Прошу тебя, уезжай. Ты уже и так опозорил всех нас. Из-за тебя мы теперь не можем смотреть людям в глаза. Из-за тебя вся наша семья преждевременно состарилась. Оставь нас в покое. От себя нас ты давно отлучил, сделал чужими, не отлучай же нас от людей. По твоей вине погиб Дакаш. Самби ты отправил в Сибирь. Думаешь, мы, три оставшихся брата, все забыли? Нет, не забыли! И не простили! Но тебе и этого мало, и теперь ты толкаешь нас на преступление. Хватит! До сегодняшнего дня мы просто молчали, сносили твои выходки. А теперь я требую, чтобы ты ушел отсюда. Васал — наш побратим, не забывай!

Иса уже не владел собой. Слова сына привели его в бешенство.

Он выхватил пистолет, проверил кремень и порох, грозно глянул на сына и на Али.

— Прочь от плуга! Кто остановит его, того уложу на месте!

Стоявшие вокруг аульчане оцепенели. Грозный и решительный вид Исы на какое-то время словно парализовал их волю. Никто не ожидал, что дело примет такой оборот, хотя и знали, что Иса не из тех, кто легко откажется от задуманного.

Али посмотрел на дорогу, ведущую в аул, в надежде, не помнятся ли на ней двое других сыновей Исы. Но вместо них увидел Васала,

бежавшего через поле с топором в руке. Сейчас появление его здесь не предвещало ничего доброго. Али бросился ему навстречу.

— Не надо, Васал. Успокойся, не горячись!

Но Васал, по-видимому, и не искал ссоры. Он вытер потное лицо полой черкески, отдышался и только тогда подошел к Исе.

— Подумай, Иса, что же ты хочешь сделать? Ты хочешь шестерых детей лишить куска хлеба. Они же умрут с голоду! О себе и о жене я не говорю.

— Если ты настолько беспомощен, то не спи с женой и не прикасайся к ней. А я не обязан заботиться о твоих поросятах.

После этих слов Васал уже не мог сдержать себя.

— Даже звери не убивают собственных детей! — бросил он в лицо Исе. Намек был достаточно ясен и понят собравшимися.

— Заткни глотку, оборванец! — бешено зарычал Иса. — Или я заткну ее тебе сам!

— Паршивый ты пес! Тварь, без стыда и без совести! Убери немедленно плуг!

Васал выхватил из чьих-то рук кол и бросился к быкам. Пахари разбежались в стороны. Иса рванул коня и вскинул руку над головой Васала. Свистнула тяжелая плеть.

— Остановись, отец! — закричал Ловда. — Остановись, или будет поздно!

Удар пришелся Васалу прямо по лицу и оставил кровавый след.

Люди попытались встать между Исой и Васалом.

Глаза Исы горели безумием. Он поднял коня на дыбы и направил на Васала пистолет. Но прежде чем он успел спустить курок, прогремел выстрел. Иса вдруг откинулся назад, потом медленно стал

заваливаться на правый бок и, наконец, упал на растрескавшуюся землю. Пуля пробила голову Исы насквозь.

Конь захрапел и бросился было прочь, но потом медленно подошел к мертвому хозяину.

Ловда отбросил в сторону еще дымившийся пистолет и, даже не глянув на труп отца, медленно и тяжело побрел к лесу…

ГЛАВА VIII. ДРУЗЬЯ

Слава синим горным кручам,
Подо льдами скрытым!
Слава витязям могучим,
Богом не забытым!
Вы боритесь — поборете!
С вами правда, с вами слава
И воля святая.

Т.Г. Шевченко

Теплым весенним днем Арзу и Маккал выехали из Шали. В небе ярко сияло солнце. По обеим сторонам дороги тянулись поля, где шалинцы обрабатывали свои клочки, готовя их к севу. Прозрачный воздух был полон звуков, словно над землей разнеслась ликующая мелодия единственной и неповторимой песни весны. Арзу невольно и незаметно оказался во власти радостного чувства, которое вызывает вид всеобщего обновления, извечного, как сама жизнь, и неизбежного. Лошадь его шла неторопливым шагом, и ему казалось, что сейчас он слышит дыхание земли, купающейся в горячих лучах солнца.

Но вот до его чуткого уха донеслись и другие звуки, звуки протяжные и тоскливые: кто-то из пахарей высоким голосом затянул песню, полную грусти и боли. Арзу вздрогнул, очнулся от приятного дремотного состояния и бросил взгляд на Маккала.

Тот тоже ехал молча, но по выражению его лица нетрудно было понять, какие тяжелые думы завладели им. А ведь, действительно, хорошего было мало. Восстание, которое они усиленно готовили на протяжении этих двух лет, оказалось обезглавленным. Верные люди, готовые в любую минуту вместе со своими отрядами явиться в назначенное место, были либо арестованы, либо убиты. Поводом к тому послужило шалинское событие, которое нанесло чувствительный и невосполнимый ущерб военной организации. Арестовали Кунту-Хаджи, вслед за ним взяли его векилов, а ведь некоторым из них

предстояло возглавить восстание в отдельных районах Чечни. Но суть дела-то даже не в потерях, а в том, что арест Кунты-Хаджи и его сподвижников посеял семена разочарования и сомнения в душах людей. Вот это-то и могло обернуться непоправимой бедой.

И кроме того, царь именно сейчас, именно в эти дни нагнал в Чечню новые войска… И видится в этом не просто случайное совпадение. Сложившаяся обстановка не предвещала ничего хорошего так удачно начатому делу.

Вот с такими думами и ехали друзья вверх по течению Бассы, на Эгишты. И кони, казалось, разделяли их горе, шли тяжело, опустив головы! Рядом с ними, шлепая босыми ногами по дорожной пыли, бежал Болат, сын Данчи.

Всадники въехали в долину Убитого быка, и их взору открылся Шалинский редут, где прошлой зимой пролилась кровь их товарищей.

— Вот там салти[34] стреляли! — закричал Болат, показывая рукой на то место, где стояли тогда солдаты. — Я сам видел. А вы были здесь?

— Было бы лучше, если бы вообще никто не приходил сюда, — грустно ответил Арзу.

— А я был! — с гордостью заключил мальчишка. — И Соип был. Ты знаешь Соипа? — спросил он, обращаясь уже к одному Арзу. — Сына Далхи?

— Вот познакомлюсь, тогда и узнаю, — ответил Арзу, чтобы молчанием не обидеть чересчур разговорчивого мальчишку.

— Как же ты не знаешь Соипа? Он мой большой друг. Да ведь ты должен был его видеть, он же сегодня забегал к нам. Мы с ним ходили сюда с самого первого дня. Народу собралось сколько! И даже женщины пришли, они целых два дня инарла[35] упрашивали, чтобы он вернул им Киши-Хаджи[36]. И все два дня инарла давал им такие обещания, а на третий день сказал, что без разрешения царя не может

вернуть устаза, что его увезли далеко, в Сибирь. А люди не верили инарле, говорили, что Киши-Хаджи в Солжа-Кале сидит, в набахти[37].

— А что это такое набахти? — спросил Болат Маккала, хватаясь за стремя его коня.

— Плохое место, Болат. Темница такая, куда бросают людей. -

— А зачем?

— Чтобы они не мешали властям.

— Разве Киши-Хаджи мешал?

— Раз арестовали, значит, мешал.

— Что же он им сделал?

— Потерпи немного, Болат. Вот подрастешь и сам во всем разберешься. Пока же тебе трудно еще кое-что понять.

Мальчик обиженно замолчал. Но не надолго. И вновь принялся за свой рассказ:

— Наступил уже третий день. Все верили и ждали, что вот-вот выдадут Киши-Хаджи. Но он не появлялся. Тогда люди пошли вон к той крепости. Мороз был в тот день. Старики говорили, что даже они не помнят такой холодной зимы. Одни держали в руках саваны, другие — Коран. Завели зикр и пошли к крепости. Мы с Соипом от толпы не отставали. Кто же знал, чем все это кончится! Правда, увидев у стен крепости салти, Соип струхнул.

А когда они, держа штыки наперевес, пошли на нас, то стал дергать меня за рукав и просить, чтобы мы вернулись назад. В это время кто-то крикнул: "Не бойтесь гяуров! Их порох превратился в землю. Аллах сам карает их. Заслужите газават, кенти!". Но тем временем конники инарла поскакали в обход, окружая нас. "О устаз! Киши-Хаджи!" — кричали люди. А салти подошли уже совсем близко, и тогда все

выхватили кинжалы и бросились на них. Мы с Соипом испугались и побежали назад.

Страшно было. Потом затрещали ружья, загремели пушки. Люди заметались, а сколько мертвых осталось там! Много, так много, что земли не видать. И раненые лежали рядом с мертвыми.

Раны на сердце заживают долго, и время от времени напоминают о себе нестерпимой болью. Многое воскресил в памяти Арзу и Маккала сбивчивый рассказ мальчишки. Вспомнился спор на совете в Автурах вскоре после ареста Кунты-Хаджи, когда Солта-Мурад Беноевский, Залма Зумсоевский и Вара Атагинский предлагали немедленно, не откладывая ни на день, начать восстание. По их мнению, арест устаза — самый подходящий повод для этого.

Только вот руководили ими не столько решимость и вера в успех восстания, сколько чувство мести, желание во что бы то ни стало отомстить за кровь. Это весьма опасное чувство могло погубить все дело. И это хорошо понимали молодые вожди готовящегося восстания — Берс, Маккал, Арзу. Ведь цель восстания — не только освобождение Кунты-Хаджи, а то неизмеримо большее, за что сложили свои головы на поле брани их отцы и деды, за что боролись они сами, не жалея собственной жизни, — свобода! Вот цель, к которой обязан был стремиться каждый, кто взял в руки оружие!

Но молодые вожди понимали и то, что люди пойдут сейчас за Солта-Мурадом, Залмой и Варой, пойдут на штыки, на пушки и примут газават. В отчаянии человек способен на все. Но что это им даст в результате? Да ничего, кроме горя и несчастья.

Просто увеличится и без того немалое число напрасных жертв.

Народ возбужден, это верно, однако векилы Кунты-Хаджи настроены мирно, они, как и устаз, против насилия. Они предлагают молитву вместо шашки. Они предлагают пойти к русскому генералу с просьбой отпустить устаза. И народ к ним прислушивается.

Вот почему восстание при таких условиях становилось равносильно самоубийству. Разве у истерзанной маленькой Чечни хватит сил для того, чтобы вступить в единоборство с могущественным царем? Конечно, не хватит. А потому следует

набраться терпения и ждать момента, когда он начнет войну с другой державой, считал Берс. Или же, дополнял его Маккал, восстания русских крестьян. Все трое были твердо убеждены, что просьбами вымолить свободу у царя невозможно, а мирное шествие к стенам крепости не только погубит дело, но и непременно завершится кровопролитием.

— Имеем ли мы право из-за одного Кунты-Хаджи посылать столько людей на верную гибель? — спрашивал тогда Маккал, и сам же отвечал: — Нет, не имеем! Кунта-Хаджи действовал по воле Аллаха, значит, и арест его свершился по воле Всевышнего.

Потому и не следует нам выступать против деяний Аллаха. Мы не ставим перед собой задачу утвердить ислам. Народу нужны земля и свобода. Поэтому не следует святое дело борьбы за интересы народа связывать ни с арестом Кунты-Хаджи, ни с газаватом.

Арест Кунты-Хаджи ни в коем случае не должен явиться поводом к восстанию. Мы не готовы к этому. Что же касается мирного обращения к властям, то я скажу так: не попрошайничеством, а только оружием можно добыть себе землю и свободу!

Солта-Мурад и даже Залма согласились с их доводами. И большинство, в том числе и набожный Вара, приняли сторону Кахарма-Хаджи. Разногласие и привело к тому, что зимой здесь, у Шалинского редута, вновь пролилась кровь невинных людей.

Кроме того, были заключены в тюрьмы значительная часть предводителей будущего восстания и многие духовные лица, на чью поддержку они рассчитывали. После этого оставшиеся на свободе решили отойти в сторону, так как были слишком напуганы шалинскими событиями.

И вот теперь все предстояло начинать заново…

Друзья-единомышленники даже не заметили, как проехали долину и, преодолевая крутой подъем Беса-Берд, углубились в лес. И все время бежавший рядом маленький Болат продолжал тараторить.

Арзу строго взглянул на мальчика.

— Хватит, Болат, — сказал он. — Придержи язык. Лес кругом. А если нас кто подслушивает? Вот ты говорил, что дважды был в горах. Но, глядя на тебя, никто этому не поверит. Видно, старый Залма плохо учил тебя бдительности.

Болат мучительно покраснел, как будто его уличили в самом что ни на есть постыдном.

— Не обижайся, джигит, на горькие слова. Но это хорошее лекарство. Показывай, где нам ждать.

Ободренный дружелюбными словами Арзу, Болат воспрянул духом.

Он остановился и показал рукой вниз, в овраг.

— Вон, две чинары видите? Под ними бьет родник. А рядом есть лужайка. Место там удобное. Пусть кони пока пасутся. Если же кто-то появится, вы его обязательно заметите. — И совсем по-взрослому добавил: — Ждите меня там. Я долго не задержусь.

Он снял войлочную шляпу, скомкал ее в руке и побежал по тропинке назад. Арзу смотрел ему вслед, пока он не скрылся в лесу.

* * *

Болат одним махом преодолел лесистый склон и остановился под огромной развесистой чинарой. Осмотрелся, немного отдышался, затем легко, словно белка, взобрался по гладкому стволу и юркнул в густую листву. Отсюда ему хорошо были видны и родник, рядом с которым расположились Арзу и Маккал, и другая тропа, сбегавшая по склону. По ней должен был пройти Берс. Болату предстояло встретить его и провести к друзьям.

Мальчик сидел тихо, но вскоре безделье ему наскучило. Болат вспомнил о пистолете, спрятанном под бешметом, достал его и протер войлочной шляпой, хотя пистолет и без того был начищен до блеска. Проверил остроту кремня и стал целиться, выбирая мишенью то ствол

дерева, то крохотный листочек. Все это время он не забывал поглядывать на тропинку и родник.

Томился Болат недолго. На тропинке показался всадник, который, бросив повод на шею коня, ехал неторопливым шагом. Голову всадника обматывал башлык с узкой щелкой для глаз, на плечи была накинута черная бурка. Но как Болату не узнать гнедого коня с белой звездочкой на лбу и в белых "чулках". Это же конь Берса! Болат отломил от ствола кусочек коры и проворно перебрался на нижнюю ветку. Дождался, пока Берс проедет под чинарой, прицелился и бросил кору в спину всадника. Мальчик и глазом не успел моргнуть, как черная бурка слетела на круп коня, а в руках всадника блеснули пистолеты со взведенными курками.

— Испугался? — звонкий смех нарушил хрупкую тишину леса. — Это же я!

— Болат! Ах, шайтан! Кто же так шутит? Да еще в лесу? А если бы я тебя, как ворону, сбил с дерева? Данча бы лишился сына, а я — друга и племянника. И на одного воина у нас стало бы меньше. Знаешь, что полагается за нарушение воинской дисциплины?

Болат невольно почесал затылок.

Берс негромко рассмеялся.

— Испугался? Впредь будь умнее. Где гости? У родника? Ну, иди вперед. Только смотри, без фокусов…

— Все, больше не буду…

— Ты давно меня ждешь?

— Нет, совсем мало. — Убедившись, что гроза миновала, Болат повеселел, к нему вернулась прежняя словоохотливость. — Не знаю, ваши[38], каким ты был офицером, а вот абрек из тебя никудышный.

Берс опять засмеялся.

— Это кто же абрек? Я?

— Ну не совсем, конечно… Ведь не каждого, кто скрывается, назовешь абреком. Только тебя можно было бы уложить одним выстрелом или взять голыми руками.

— Что-то я не пойму.

— Не понимаешь? У такого человека, как ты, слух должен быть, как у кошки, глаза, как у барса. Ты должен знать всех: и птиц, и зверей, различать их следы, изучать их повадки. Почему здесь было тихо, а? Потому что птиц на дереве не было. Я там сидел, и они меня боялись. Кружились и улетали обратно. И ехал ты какой-то сонный. Голову в башлык завернул, буркой укутался.

Ружье висело под буркой дулом вниз. Свет бы перевернулся, пока ты его вскидываешь. Ружье нужно всегда держать дулом вперед или класть перед собой поперек седла. Даже в самый сильный мороз уши, глаза и нос должны быть открыты. Постой здесь, я погляжу, не идет ли кто по дороге.

Болат побежал вперед и, убедившись, что там никого нет, махнул рукой, подзывая Берса.

— Болат, — сказал Берс, — вообще-то я знал, что ты откуда-нибудь наблюдаешь за мной, потому так и ехал. Но все твои замечания справедливы. Спасибо за науку. Но кто же научил тебя всем этим премудростям?

— Залма Зумсоевский, — гордо ответил Болат. — Я два раза выезжал с ним в верховья Орги[39]. Летом и зимой. За два месяца он меня многому научил. И не только меня. Нас, мальчишек, было не меньше сотни. Красиво на Орге, особенно летом: всюду густые леса, родники, птицы, звери. Оргу ни с чем не сравнишь. Река стремительная, грозная, холодная, словно лед. Мы учились переплывать ее и в одиночку, и на коне. Плавать я научился быстро, а вот перейти реку вброд, да при этом перенести на голове одежду, оружие, продукты и не намочить их — вот что было действительно трудно. Залма даже мелочей не прощал, строг был! Еще он учил нас

вязать плот из бревен, крепя их лозой дикого винограда, учил переправляться на нем через реку. Но самым приятным для меня занятием была охота на зверей. Из их шкур мы делали бурдюки.

— Бурдюки? Разве там было вино?

— Да нет, не для вина. Надуем пять-шесть бурдюков, свяжем их, и, пожалуйста, переправляйся на другой берег. Это куда легче, чем вязать плот из бревен. Да, лето — самая лучшая пора. И еды вдоволь, и спи где угодно. Вот зима — дело другое. Зимой еду брать с собой нам не разрешали, как и корм лошадям. Все самим нужно было добывать. Зимой бывало очень плохо. Морозы, голод, снежные заносы, обвалы, ледники. Чуть поскользнешься — считай, пропал. Хотя так было только поначалу. Потом мы всему научились: и корм лошадям добывать, разгребая снег, и охотиться на диких животных. А вот сискала не было. Но мы терпели. На войне еще не такие трудности будут.

Берс внимательно слушал мальчика. То, о чем он рассказывал, было ему интересно и в будущем могло пригодиться. Правда, от русских офицеров он и раньше слышал о физическом воспитании чеченских детей. Одно время эта своеобразная спартанская школа прекратила было свои занятия, но в прошлом году вновь начала действовать. И предводителям будущего восстания поручили возить мальчиков от десяти до шестнадцати лет в горы для прохождения курса этой суровой жизненной школы. Берс однажды побывал там в качестве военного инспектора и сейчас с большим удовольствием слушал Болата.

— И это все, чему вас там учили?

— Совсем нет! Еще нас учили метко стрелять, рубить шашкой и кинжалом, джигитовать на коне, лазить по скалам, ледникам, деревьям, ходить на лыжах. Тебя тоже этому учили?

— Нет, не этому, — с откровенной грустью в голосе ответил Берс.

— Я так и понял. На тебя смотришь, сразу видно, что ты кое в чем совсем ничего не смыслишь.

— И все же, Болат, было бы здорово, если бы все наши дети учились в той школе, в которой учился я.

— Да ни за какие деньги!

— Почему?

— Из русских школ безбожники выходят. А они рабы гяуров, своих презирают.

Берс покачал головой.

— Беда, что мы неграмотны. Образование — это гораздо больше, чем богатство, Болат. Из тех школ не только одни офицеры выходят. Там и многому другому учат.

Но до мальчика слова Берса не доходили. Он знал другие примеры, а они-то и служили ему лучшей характеристикой при оценке как окружающей его действительности, так и поступков людей.

— Вон, Арзу. Он нигде не учился, а десятка генералов стоит.
Разве не так?

— Да, Болат, Арзу храбрый и умный человек. Но он неграмотный.

— Зачем так говорить? — Болат махнул рукой. — Арзу не как все.
Дада[40] его очень любит. И меня Арзу многому научил. Сегодня он мне вот этот пистолет подарил. Правда, замечательный?

Болат вытащил из-под полы бешмета пистолет и протянул его Берсу. Берс, чтобы не обидеть мальчика, взял оружие, осмотрел и вернул.

— Оружие под стать храброму воину.

— А как Маккал, он тебе нравится? Но мне кажется, что языком он владеет лучше, чем оружием.

— Маккал — человек особенный. Он пятнадцать лет учился в медресе. Второго муллы с таким образованием нет во всей Чечне.

Болат, широко раскрыв от удивления глаза, посмотрел на Берса.

— Вот тебе на! Я считал его совсем маленьким муллой! Но если он такой большой мулла, почему же он не носит турецкую феску, длинный халат и четки? Всем русским, например, нравятся мулла Идиг, Махмуд-Мулла или Мустапа-Кади. А Маккал на них совсем не похож. Почему?

— Потому, что те верно служат царю. Они и помогли в прошлую зиму расстрелять людей в долине Убитого быка. Они и подобные им — наши враги. Маккал же не делит людей на христиан и мусульман. Для него главное, чтобы человек сам по себе был достойным. Но ты здорово ошибся, Болат: Маккал также мастерски владеет оружием, как и языком.

— Правда? Вот так-так! Но все-таки Арзу лучше всех, даже лучше тебя, — заключил Болат. — Ты только не обижайся.

— И не обижаюсь, и не спорю, — улыбнулся Берс — Он воевал, а я учился в школах.

"Конечно, мальчик прав, — подумал Берс — Мне далеко до Арзу.
Эх, если только к его мужеству мудрости добавить и знаний! Из него тогда вышел бы настоящий полководец".

Польщенный тем, что даже такой умный человек, как Берс, согласился с его мнением, Болат решительно подтянул видавшие виды штаны и сдвинул набекрень свою серую войлочную шляпу.

До родника оставалось совсем немного, а мальчику еще хотелось и Берса послушать, и самому рассказать о многом. Когда еще другой такой случай выпадет! Берс к ним никогда один не приезжает. А сейчас

словно сам Аллах организовал такую встречу и такую беседу. И вот-вот она прервется.

— Люди говорят, что царь дал тебе два ордена. Это правда?

— Правда.

— А за что же он их тебе дал? Разве и ты его слуга?

— В одной далекой стране живет народ. У него был свой царь, который притеснял этот народ. И народ восстал. Царь той страны обратился за помощью к русскому царю. Так уж повелось на земле, что когда народы восстают против своих царей, то все цари сразу объединяются против непокорных. Ну вот и русский царь послал в ту страну свои войска, среди которых был и я…

— Я видел офицеров. Все они носят свои ордена на груди. А почему ты их не носишь?

— Я бросил их в Мичик[41].

— Нехорошо ты поступил, ваши, — расстроился Болат. — Спрятал бы дома.

— Дома-то у меня нет. Где же прятать?

— Мог бы мне отдать.

— Не знал я тогда, что живет на земле мальчик по имени Болат.

Только скажу тебе откровенно, что глядишь иной раз на ордена и кажется, что с них кровь людская капает.

— А много людей живет на земле?

— Много.

— И всем живется так же плохо, как и нам?

— Большой разницы нет. Почти всюду сильный слабого поедает.

Но в других странах люди более образованные, знают, что им делать. Твой отец никогда не учился, ты тоже. Потому-то все мы, как слепые, плутаем в потемках и любому легко нас одурачить.

Мальчику очень хотелось расспросить Берса о школах. Медресе он видел, в Шали их несколько. А вот что такое школа? Один Берс знает. Но они уже подошли к роднику, и Болат не успел задать новые вопросы.

* * *

Друзья обнялись. После первых общих расспросов перешли, наконец, к делу. Берс, которому больше всех не терпелось услышать о новостях, подсел поближе к Маккалу.

— Ну, выкладывай, как дела в Ичкерии?

Маккал качнул головой.

— Утешительного мало. Последние события нарушили все наши планы. Бильтинцы Шахбулат и Нуркиши затеяли двойную игру. От нас еще не отреклись, но перед начальством хвостом виляют.

Шахбулат и судебный заседатель Самби — близкие родственники.

Оба выходят из дела. Герзельский Хасу еще в прошлом году стал доносчиком. Правда, про нас пока не заикается, мстит только Шахбулату и Самби. Но все равно он предался властям и нам больше не товарищ. Хату Мамаев крепко держит гендергеноевцев, а Чомак Ойшиев — своих гордалинцев…

Трава у родника была мягкая, жаркое солнце согревало землю.

Берс откинулся на спину, заложил руки под голову. Молчал, глядя на вершины деревьев, сквозь листву которых просвечивала бездонная синь неба. В этой сини плавно кружил ястреб. Берс внимательно следил за полетом хищника, выбравшегося на охоту.

Мгновение — и ястреб камнем упал вниз. Через секунду он снова появился и с добычей в когтях медленно полетел к горам.

— Я никогда не верил ни тому, ни другому, — сказал Берс. — Ради спасения своей шкуры они способны продать родную мать. Таков же и Шахбулат. А Нуркиши смотрит ему в рот. Знаю, мулла Багало ненавидит русских, а это еще хуже. Стоит ему кинуть подачку, как тут же потеряет голову. Я говорил раньше и повторяю сейчас: большинство наших бед произошли по вине целого ряда представителей духовенства. И я нисколько не сожалею, что прошлой зимой многих из них отправили в Сибирь.

— Ты не совсем прав, — возразил Арзу. — Народ верит в Бога, а раз так, то только духовенство может организовать народ и повести его на борьбу.

— Ошибаешься. Духовенство, газават уже привели нас почти что к гибели. Так разве можем мы доверить теперь судьбу народа этим людям? Практически они понятия не имеют о том, что происходит в мире! Они оторваны от жизни. Их знания и мировоззрение покоятся на молитвах. Они могут звать лишь к газавату или к примирению с властями. Причем и в том, и в другом случае они преследуют одну цель: лишь бы им самим было тепло и сытно.

— Тогда военное дело мы возьмем в свои руки, а духовенство пусть занимается укреплением религии и законов шариата. Шариат — это дисциплина. А народу без дисциплины не обойтись. Но в наши ряды может встать любой, безразлично, какого он племени или веры.

Берс засмеялся.

— Арзу, ну разве допустят нечто подобное все твои муллы и хаджи? Плохо ты их знаешь! Ведь благодаря им наш народ и считает христиан виновниками всех своих несчастий, а значит, и олицетворением зла.

— Э нет, ошибаешься! Знаешь ли ты, сколько беглых русских солдат сражались вместе с нами против царских войск? Да как сражались! Дай Бог так каждому из нас! Отступили вместе с нами в Гуниб и бились там до последнего вздоха. — Арзу все больше

распалялся, чувствуя за собой верх в споре. — Разве не русские солдаты учили нас стрелять из пушек, а? Что ты на то скажешь?

Ведь приняли же этих солдат-иноверцев.

— Хорошо, пусть будет по-твоему. Возможно, в чем-то ты и прав, — устало согласился Берс. — Но назови мне хотя бы одного муллу из равнинных аулов, который от чистого сердца пойдет вместе с нами. Причем чтобы народ ему поверил. Да не найдешь ты таких. Власти нагнали на них страху.

Арзу замялся.

— Тут подумать надо, — сказал он. — Сразу вот так и не ответишь…

— То-то… И я долго думал. Но представь себе, напрасно. Люди, особенно с прошлой зимы, в любого муллу потеряли веру. А сколько, по-твоему, нам их потребуется?

— Восемь, не менее.

— Вот видишь. А что, если мы объявим тебя шейхом? — рассмеялся Берс, хлопнув по плечу Маккала.

— Ты шутишь, а у меня такая мысль давно уже вертится в голове,
— серьезно сказал Арзу. — Чужих шейхов у нас было предостаточно. Пусть теперь свой будет.

— Да перестаньте! — махнул беспалой рукой Маккал. — До шуток ли сейчас.

— Какие же тут шутки, — заговорил серьезно Берс — Ты и будешь нашим духовным лицом, коль уж обойтись без них невозможно.

Совершишь паломничество в Мекку, купишь там десятиаршинную чалму, зеленый халат, по пути прихватишь и турецкую феску. Вот ты и готовый шейх. Насчет денег можешь не беспокоиться.

Как-нибудь дорогу оплатим. Что скажешь, Арзу?

— Да я согласен продать свои последние шаровары и дать Маккалу денег на дорогу.

— Смейтесь, смейтесь, — скривил губы Маккал. — Виноваты в том, к несчастью, мы сами. После шейха Мансура и Бейбулата у нас никого из своих не было. Приходит кто-то чужой: вор ли, нищий ли, мы его чуть не на руках носим. Делаем их шейхами, имамами… Но самое страшное, что это по вине некоторых из них погибли наши люди. Причина? Наша общая глупость…

Маккал всегда возмущался, когда речь заходила о духовных отцах, но таким непримиримым Арзу видел его впервые. Берс, чувствуя правоту Маккала, одобрительно кивал головой.

— Только уточним, Маккал. — Поднял руку Берс — В борьбе против угнетателей нельзя делить людей на племена и нации. Кто верен делу свободы — нам друг, кто за рабство — враг. Какой бы веры он ни был, к какой бы национальности ни принадлежал.

Помнишь, я рассказывал тебе, что когда венгры поднялись на борьбу за свою свободу, с ними оказались почти все народы Европы?

— Это другое дело, Берс. Мы тоже не делили людей ни по национальной, ни по религиозной принадлежности. Мы принимали, как родных братьев, всех угнетенных, всех изгнанных со своей родины: русских, грузин, осетин, кабардинцев, черкесов и многих других. Но я-то имею в виду совсем иное. Я говорю о честолюбивых людях, которые не думают ни о нашем народе, ни о своих народах. Они ищут таких глупцов, как мы. Они знают, что мы не уважаем себя, а потому приходят и садятся к нам на шеи. А мы? Мы даже помогаем им сесть поудобнее.

— Сами себя не уважаем, — повторил еще раз Маккал. — Другие это видят и используют нас, прости за сравнение, как стадо баранов. Любого проходимца мы принимаем за шейха только потому, что он знает наизусть короткую суру из Корана. И вот уже мы его кормим, поим, одеваем, лелеем, носим на руках. А что мы сделали со своим Мансуром?..

— Нельзя, нельзя, друзья мои, всех загонять в одну саклю.

Среди них были и честные люди, которые искренне боролись вместе с нами за дело народа, как против самого царя, так и против того же Шамиля.

— Мало их было, — сказал Маккал. — А было бы больше, если бы мы сумели уберечь их. Повторяю, мы не научились еще уважать друг друга. В нас укоренились низкая зависть, вражда. Если бы народ наш был сплоченным или если бы у нас были мудрые, всеми уважаемые вожди, мы давно положили бы конец всей этой неопределенности и либо сбросили эту несправедливую власть, либо примирились с ней. А у нас ни то и ни другое.

— Нам не оставалось ничего другого. Так воспитало нас последнее столетие. Народ уже потерял счет годам, в течение которых воюет с чужеземцами. Волей-неволей приспосабливаешься к условиям. Каждый старается выжить, причем не особо разбираясь в средствах. Лишь бы выжить.

— Согласен с тобою, Маккал, — сказал Берс. — Наша внутренняя вражда, вражда внутри нас, не позволяет нам ни примириться с русскими, ни свергнуть власть царя. Почему нет имамов или шейхов в Осетии или Кабарде? В чем причина? В сознании, в уровне развития. Просвещение — свет, а на свету и жульничать труднее.

Неподалеку послышался стук топора, и вскоре с той стороны потянуло гарью, а небо застлал густой дым. Это рубили и сжигали старый высохший лес, освобождая для посева еще один клочок земли.

— Нам бы грамотных людей побольше, по-настоящему грамотных, — задумчиво проговорил Маккал. — Ведь чему учат в медресе?

Только молитвам, покорности судьбе да непримиримости к иноверцам. Заставляют зубрить тексты на непонятном чужом языке, в то время когда нам нужен свет. А путь к нему лежит через науку. Но мы этого не понимаем. Каждый считает себя князем, хотя одет в лохмотья и есть ему нечего. Но туда же:

он — пуп земли!

— Рассказывают, что жил в горах один человек. Его уважали и почетали все, даже седовласые старики. За советами к нему приезжали из Осетии, Кабарды и Черкесии. Один из князей соседнего народа захотел увидеть этого человека, своими глазами посмотреть на его знатность и богатство. Приехал он в аул, поглядел вокруг, но не увидел ни дворца, ни даже порядочного дома. Спросил князь, где же живет знаменитый мудрец? Ему показали лачугу, ничем не отличавшуюся от остальных построек-развалюх. Подъехал он к ней, гостя встретили благородный старик и его статные сыновья. Приняли и угостили князя, как следует. Но видит он: в доме бедность.

И удивился. Когда князь поел, хозяин поинтересовался, чем он может быть полезен знатному гостю? "Ответь мне, старик, почему ты почетаем не только в родном ауле, но и далеко за пределами своих гор?" — спросил князь. И старик ответил: "Я любил и уважал свою жену, и она отвечала мне тем же. Я любил и уважал своих детей. Дети это видели и тоже стали любить и уважать меня. А потом и соседи, и весь аул. С уважением стали относиться ко мне люди нашего племени, потом и всех других горных аулов. Но уважение началось с моей семьи". Но история подтверждает, что не умеем мы уважать самих себя. Не зря говорил Шамиль, что у чеченцев нет возвышений, на которые они поднимают своих героев, и ямы, куда бросают своих преступников.

— И все-таки, Берс, наш народ был свободнее своих соседей. Ни князей, ни ханов не было у нас никогда. Мы не склоняли головы перед иноземными ордами, перед царем, всегда сражались до последнего.

— Слепой ты человек, Арзу, — возразил Маккал. — У нас всегда были богачи, которые диктовали нам свои условия. Добавь к ним и пришлых князей, правивших нами в прошлом столетии и дравших с нас по семь шкур. Правда, богачи соседних народов владеют людьми, как скотом, мы же испокон веков оставались свободными и относительно независимыми. Каждый человек защищал себя сам от любых посягательств на свою честь, на свою свободу. И адаты нашего народа стояли на защите личности человека. Только какая же польза от этой свободы самому народу? Народу бедному, темному и невежественному? Не отрицаю, князья соседей бесчеловечно угнетали

свои народы. Эти же князья без сопротивления, добровольно перешли на сторону русского царя.

— Скажи прямо: продались ему со всеми потрохами за чины и деньги, а заодно продали и свои народы.

— Конечно, это само собой разумеется. Но, тем не менее, своим переходом на сторону русского царя эти князья спасли подвластные им народы от бесполезных жертв, от долголетней истребительной войны. А теперь у них грамотных людей больше, да и живется им лучше.

— Лучше, чем нам, конечно, им не жилось и не живется. Мирно и спокойно — это другое дело, с этим я согласен.

— Не виноват наш народ в том, что он темный и отсталый, — сказал Берс задумчиво. — И не его вина в том, что вел он долголетнюю войну с русскими. Наш народ испокон веков жил мирно и дружно со всеми. Глубоко уважал и русских. И в вину ему ставят то, что он любит свободу и не терпит неволи, защищает свободу как может и как умеет. И обвиняет нас в этом проклятая царская власть. Она умышленно вбивает клин между нами и русскими, натравливает нас друг на друга. Не будем сейчас вспоминать старые обиды и распри. Нам следует все свои силы направить на то, чтобы восстановить с русскими прежнюю дружбу и взаимное уважение.

— Короче, ты предлагаешь смириться с рабством?

— Вовсе нет! Сблизиться с русскими, жить с ними в мире и дружбе — вовсе не значит прекратить борьбу за свою свободу.

Но бороться за нее надо вместе. За общую свободу, против общего врага. Ведь жизнь крепостного русского мужика сладкой тоже не назовешь.

Берс, измерив взглядом тень от чинары, указал на нее товарищам.

— Время, друзья мои, время. Пора заканчивать, — сказал он. -

Но давайте вернемся к делам сегодняшним. Вот Арзу советует привлечь мулл. Что ж, лично я не против.

— Признаться, я не очень-то им доверяю, но без них нам, пожалуй, не обойтись. Это единственное, что поможет нам объединить людей, поднять их. Слава Аллаху, все мы еще верны ему.

— В одной руке сабля, в другой — Коран? — едко бросил Берс.-

Что получается из этого, ты можешь судить по горькому опыту Шамиля… Духовенство должно заниматься религией, очищением души человека, а не вмешиваться в политику и войны.

— Шамилю сопутствовал и успех…

— Но в конце концов он остался один на один со своим газаватом, — не выдержал Маккал. — Важен-то результат. А сколько пролито крови, и ради чего? Ради того, чтобы у нас отняли последнее, что еще могли иметь? Я уверен: если бы не газават, было бы больше надежды на победу. Мы нашли бы поддержку в Грузии, Осетии и даже в России. Но газават обрек нас на одиночество, не оставил нам пути ни к примирению, ни к объединению с иноверцами. Когда же я сказал об этом открыто, все муллы и хаджи ополчились на меня. Они называют меня не иначе как мунапик[42].

— Что вы, в самом деле, — возмутился Арзу. — Я же не зову вас к газавату. Да, нам нужны муллы, но муллы, преданные делу народа.

— Где ты таких возьмешь?

— Один сидит рядом с нами, — Арзу кивнул в сторону Маккала.-

И еще найдем.

— Тогда ищи их сам!

— Почему же я? Маккал ведь к ним ближе. Он знает лучше меня, чем дышит каждый мулла.

— Что ж, Маккал, давай, выкручивайся, как можешь. Ты пока у нас единственный. Где ты остальных найдешь, одному Аллаху известно. Во всяком случае, на равнинных не надейся. Многие из них уже верой и правдой служат падишаху[43] и за шалинскую бойню успели

получить подарки и награды. Но не доверяй и тем, кого власти лишили должностей. Они во всем покаялись и теперь бьют поклоны генералу Туманову.

Берс подозвал к себе Болата, который стерег на поляне лошадей.

— Данча ничего не велел передать мне?

— Нет, — покачал головой мальчик.

— Тогда возвращайся, солнце уже вот-вот сядет.

Болату хотелось побыть со взрослыми, но ослушаться Берса было невозможно и он нехотя поплелся домой.

— Берс, о каких наградах ты говорил? — спросил Маккал.

— Наградили тех, кто помогал генералу Туманову расстреливать мюридов. Короче, на равнинные аулы надежд мало. Там купцы, землевладельцы и офицеры размножаются, как саранча. Притом на равнине не так остро ощущается недостаток земли. Аулы окружены крепостями, станицами. Все надежды на Ичкерию и Чеберлой.

— Как быть с изменниками?

— С ними никаких сношений. И строго-настрого предупредить всех их, что если начнут мешать нам, то придется им расстаться с жизнью.

— Только заменить их пока некем, — задумчиво проговорил Арзу.

— Ладно, дня через два мы с Маккалом будем у Солта-Мурада, с ним еще посоветуемся.

— Это на ваше усмотрение. Подбор людей по-прежнему остается твоей обязанностью, Арзу.

— Берс, давай-ка ты теперь выкладывай свои новости.

Берс усмехнулся. Что ж, настало время рассказать друзьям о самом главном, ради чего они приехали сюда.

— Вчера стало известно, что власти приняли решение расселять на наших землях казаков.

— Что? — до ошеломленного Арзу не сразу дошел смысл сказанного.

— Решено очистить подножия Черных гор и Качкалыкского хребта: часть населения переселить на левый берег Сунжи, другую часть — в Малую Кабарду, а на освободившихся землях от Владикавказа до Хасав-Юрта расположить казачьи станицы.

Маккалу сразу стали ясны истинные цели подобного решения.

— Опыт у властей в этом деле уже имеется. Когда-то такой же линией они отделили нас от наших братьев-ингушей. И во время войны ингуши не смогли ни объединиться, ни помочь нам. И сейчас — та же самая политика. Только теперь уже Чечню разделят на несколько частей.

— Если, конечно, мы позволим им сделать это, — решительно возразил Арзу.

— Все правильно. Власти хотят отделить равнинную Чечню от нагорной, — продолжал Берс — Но и это еще не все.

Предполагается также вдоль новой линии по ущелью Аргуна и по дороге на Ведено заложить новые укрепления, отремонтировать старые и усилить их гарнизоны. Таким образом новые укрепления разделят Чечню на три части, и весь наш край окажется отрезанным от Дагестана. О последствиях догадаться не трудно.

— Когда они все это решили? — спросил Маккал.

— Прошлым летом Лорис-Меликов написал об этих планах наместнику, но ответа пока не получил. Однако есть сведения, что наместник утвердил планы.

Некоторое время все трое молчали. Арзу и Берс полулежали, Маккал ходил около родника. Берс чувствовал себя относительно спокойно, он уже принял решение. Правда, ни с кем не согласовав его. Поэтому он пока молчал и давал друзьям время обдумать принесенные им новости.

Солнце уже скрылось, но было еще сравнительно светло. Люди возвращались из лесу с вязанками дров. Берс знал, что несут они дрова не для домашних очагов, что сейчас они направятся в крепость. Те же, кто везет дрова на арбе, завтра поедут в Грозную. Вязанки дров — это хоть и небольшие, но деньги.

Жить-то людям на что-то нужно.

Пришло время прощаться.

— Да, чуть не забыл, — сказал Берс, опускаясь на корточки, — О польских делах Данча ничего не слышал? Так вот, с поляками покончено.

— А как дела в России? — спросил Арзу.

— Там все по-старому. Крестьянские волнения утихают. На них мы надеяться уже не можем.

— Наш конец предсказать не трудно, — грустно сказал Арзу, обеспокоенный слухами о переселении. — До сих пор мы еще на что-то надеялись. Но царь ни с кем так и не начинает войну.

Теперь возьмется за нас. Готовы ли мы к отпору? Нет. А рассчитывать на счастливый случай нельзя.

— Что же ты предлагаешь? — спросил Берс.

— Будет лучше, если мы создадим военный совет из пяти или семи человек. Конечно, кто-то должен стать главным и исполнять волю большого совета. Поэтому просто необходимо в течение этого месяца созвать общий совет представителей всех аулов и общин для окончательного решения. Если начнется переселение, то мы немедленно начнем восстание.

— Да, мы начнем восстание, если власти действительно начнут переселять нас. Но не иначе. И еще. Я начисто отвергаю первоначальный план.

— Почему?

— Бесцельная борьба всегда приводит к напрасным жертвам.

Прежде всего мы должны определить ясную и точную цель нашей борьбы. Скажите откровенно, сможем ли мы своими силами свергнуть царскую власть в Чечне?

— Конечно, нет, — глубоко вздохнул Арзу.

— Вот видите. Потому мы и ждем внешней войны России, — продолжал Берс — Возможно, тогда, воспользовавшись моментом, мы и одержим победу, хотя и это сомнительно. Но внешняя война России кончится для нее либо победой, либо поражением. Не вечно же будет продолжаться война. И тогда правительство опять обрушится на нас.

— И раздавит нас, как мух.

— Допустим, нам удастся свергнуть власть царя. Но что же мы будем делать дальше? Вернемся к довоенной жизни, к временам шейха Мансура и Бейбулата? Это невозможно. Во-первых, с тех пор мы лишились половины мужского населения и половины наших земель. Во-вторых, равнинные аулы, расположенные по-соседству с городом и станицами, примирились со своей судьбой, они почти свыклись с новыми порядками. В-третьих, появилась новая прослойка, на которую и опирается царская власть: офицеры, купцы, духовенство, мелкие торговцы, писари и так далее.

— Значит, Берс, возврата к прежней жизни нам нет? Остается только одно — привыкать к новым порядкам? — спросил Арзу.-

Иначе говоря, к нищете, бесправию, оскорблениям и унижениям?

— Народ, как и человек, Арзу, с годами должен расти. И физически, и духовно. Наша попытка вернуться к временам шейха Мансура привела бы нас к новой войне, а чем это грозит, не мне вам

объяснять. К прежним временам нам возвращаться нельзя. Это равносильно тому, как взрослого зрелого человека перенести в детство. Установить же у себя какой-то новый порядок правления нам пока не под силу.

— Так что же ты предлагаешь, Берс?

— Навсегда связать свою судьбу с судьбой других народов России и идти с ними в ногу.

— Но положение нашего народа намного тяжелее, чем других народов той же России. Лучше уж погибнуть, чем терпеть всю жизнь ненавистный порядок. Я считаю, что это и есть самый достойный выход из положения.

— Нет! Он самый сомнительный, вернее даже, самый безнадежный.

Я уверен, народы, находящиеся под царским гнетом, одержат победу только тогда, когда поднимутся против царизма все вместе. И есть люди, которые учат народы мира, как им бороться за новую жизнь. Я уже рассказывал, что лет пятнадцать назад над Европой пронеслась грозная буря народного гнева. Она пронеслась и над Россией, хотя коснулась ее в меньшей мере.

Она не смогла уничтожить власть угнетателей. Но над Европой и Россией вновь собираются грозные тучи, и скоро грянет новая буря.

— Ты подводишь нас к мысли, что наше восстание следует отложить?

— Другого выхода нет.

— А если нас начнут переселять на левый берег Сунжи и Терека, в Малую Кабарду? Так мы уступим и остальные земли?

— Тогда, конечно, возьмемся за оружие. Однако переселение наших аулов и переселение на эти земли казаков — вопрос очень сложный. Во всяком случае в течение ближайших двух-трех лет решить его правительству вряд ли удастся. Наша задача — усиленно

готовиться к восстанию. Подбирать и учить людей. Но нужно быть осторожными. Солта-Мурад, Вара, Залма, Шоип Майртупский — люди мужественные. Однако мужество — это еще не все. Одной лишь храбростью нам не победить. В этом мы уже убедились на своем же горьком опыте. Торопиться с созывом совета, по-моему, тоже не следует. Собирать его в летнее время опасно. Собраться следует зимой. Ну, а теперь давайте совершим вечерний намаз[44] и разойдемся.

— Берс, я не совсем понимаю действия Вары, — сказал Маккал.-

Он грабит на больших дорогах, убивает офицеров и чиновников.

Но сам-то он скрывается, а расплачиваться за его действия приходится ни в чем не повинным людям. Передай ему, что мы решительно осуждаем его тактику. Она приносит не пользу, а только вред.

— Вара — человек вообще-то странный. А после шалинского дела он просто стал похож на дикаря. Ни во что не верит — ни в Бога, ни в черта. Я ему говорил то же самое, что и ты, но он и слушать ничего не хочет.

— Слушать не хочет? — вспыхнул гневом Арзу. — Тогда с ним разговор будет короткий. Предупреди его, что, если по его вине пострадает кто-нибудь из наших, ему не сносить головы. Он вместе со всеми клялся на Коране, а потому обязан подчиняться.

Что получится, если каждый начнет своевольничать? — горящие глаза и суровый тон Арзу служили грозным предупреждением, что его слова — не шутка.

— И еще. У нас к тебе вот какая просьба, Берс, — Маккал говорил так, словно просил извинения. — В Гати-Юрте случилось несчастье. Собака Иса застрелен собственным сыном.

Он коротко пересказал случившееся:

— Вчера в Гати-Юрт прибыл пристав, арестовал Ловду и Васала.

Оба они, по сути, не виноваты. Ловду спасти практически невозможно, но Васала в их руках нельзя оставлять. С ним, как с беглым солдатом, расправа будет короткой, а в доме у него куча детей,

и жена вдобавок при смерти. Кроме того, мы просто обязаны его оберегать как беглого солдата. Потому и обращаемся к тебе за помощью.

— Что же я должен сделать? — Маккал пожал плечами. — Мы с Арзу, конечно, могли бы силой освободить Васала и направить его в лес к абрекам. Но что тогда станет с его семьей? У меня вот какая идея. На днях Касум Курумов приезжает в Шали. А он — большой друг генерала Туманова. Мне думается, что начальник округа полковник Головаченко послушается Касума. Переговори с ним.

Берс долго молчал.

— Смогу ли я? — произнес он наконец. — С Курумовым мы близко не знакомы.

— И все же общий язык с ним найти сможешь только ты один.

— По мелочам мы не стали бы тебя беспокоить, — вмешался в разговор Арзу. — Дело в суд еще не передано. Поговори с начальством?

Берс с сомнением покачал головой.

— Особенно надеяться, конечно, не стоит, но я попробую, постараюсь помочь.

После намаза друзья простились. Берс подался в лес, Арзу и Маккал направились в сторону Ведено.

Не только три друга искали выход из сложившегося положения.
Искал его и командующий войсками Терской области.

"Милостивый государь Александр Петрович, — писал он.-
С нетерпением ожидаю возвращения генерала Кундухова и решения вопроса о переселении в Турцию, выполнение которого он берет на себя. Скорое уяснение этого дела совершенно необходимо.

Окончательный и прочный успех наш на Западном Кавказе не мог не вызвать тревожных ожиданий у населения Чечни. Как бы ни старались мы маскировать намерения наши, масса населения вследствие ли неестественных отношений к нам или же по общему убеждению, существующему как в среде местных войск, так и лиц приезжих, предвидит, что в весьма близком будущем правительство захочет стать в крае более твердой ногой.

Поэтому в последнее время усилились здесь разные толки и предположения, воспрепятствовать которым местной власти весьма трудно и едва ли возможно.

Граф Евдокимов передал мне прокламацию турецкого эмиссара, приглашающего западных горцев в Турцию. Содержанием своим прокламация эта подходит близко к экземпляру, доставленному мной Вашему превосходительству в бытность мою в Коджарах. Хотя и трудно ожидать, что можно было бы возбудить охоту к переселению в наших добрых чеченцах одной, собственно, прокламацией, но все-таки не мешало бы прислать мне еще несколько экземпляров для распространения их среди населения.

Об этом будет писать Вам и граф Евдокимов с просьбой перевести прокламацию на правильный турецкий язык в Тифлисе…

М. Лорис-Меликов.
18 июля 1864 г.".

ГЛАВА IX. ТАЙНАЯ ВСТРЕЧА

Все дела, как ты видел, переменчивы: кого радовало какое-нибудь время, того же опечалят другие времена.

Салих ар Ронди

Берс торопился в Шали. Обычно, когда он приезжал туда, его зять Данча посылал ему навстречу своего сына Болата. Но сегодня Данча встретил его сам. Он предупредил Берса, что в село прибыл майор милиции Давлетмирза Мустафинов со своим отрядом, причем прибыл отнюдь не с добрыми намерениями. Данча шагал впереди, за ним, шагах в пятидесяти, Берс. На улицах Шали — этой своеобразной столицы Чечни — было спокойно. Ярко горели окна только канцелярии пристава, где непрерывно хлопали двери да слышался топот множества ног. Берс и Данча пробирались закоулками. За заборами лениво лаяли собаки, в узких окнах тускло мерцали светильники.

Бодрствовали сегодня и в доме Данчи. В гостиной было светло.

На глиняном полу разостлали широкий войлочный ковер. Сухощавый пожилой человек сидел на деревянном стуле, зажав меж колен дарственную золотую саблю с надписью "За храбрость". Свет лампы, поставленной в нишу стены, освещал золотые погоны на его плечах, ордена и медали на груди.

Время от времени человек зевал. Казалось, что он уже изучил все углы, все стены, почерневшие от дыма и сажи. На секунду взгляд его задержался на мальчике, словно застывшем у порога.

Мальчик глядел на него, не мигая; его быстрые и колючие, как у волчонка, глаза ловили малейшее движение гостя. Встретившись с ним взглядом, офицер потупился. Ему подумалось, что мальчик смахивает на огородное пугало. Такое сравнение вызывал рваный бешмет, первоначальный цвет которого почти невозможно было определить, надетый на мальчишку. Тонкую, как былинка, талию стянул узкий ремешок, спереди висел маленький кинжал, а сбоку за ремешок был

заткнут кремневый пистолет. Правая рука мальчика лежала на рукоятке кинжала. Весь его вид должен был показать всякому, что он имеет дело с уже вполне взрослым мужчиной.

Офицер в душе рассмеялся. "Однако, — подумал он, — повстречайся я ему где-нибудь на узкой тропе, ухлопает и глазом не моргнет.

Здесь же, под крышей своего дома, умрет, защищая меня".

Гость вытащил из внутреннего кармана кителя небольшой лист бумаги, сложенный вдвое, развернул его и поднес к свету. Это была небольшая записка, написанная красивым убористым почерком на чистом русском языке. Офицер вновь перечитал ее:

"Господин полковник!

Прошу Вас, ради нашего общего дела, не объяснять никому, тайно прибыть в назначенное место, которое укажет Вам податель сей записки. Он же гарантирует Вам безопасность".

Подпись отсутствовала.

Гость через хозяина пытался узнать имя автора, но безуспешно.

Однако полковник был убежден, что автор записки далеко не глуп. И вдобавок очень осторожен. Ведь записка могла попасть и в чужие руки, но никто бы не догадался, кто ее автор и кому она адресована. Получив ее, он довольно долго пребывал в нерешительности: идти одному было опасно, отказаться же — значило проявить трусость. Но ведь он в тот памятный день находился рядом с князем Тумановым, когда расстреливал невинных людей, а такое не забывается. Однако полковник был не из робкого десятка, вдобавок ко всему хозяин дома поручился за его жизнь.

Полковник вновь сложил записку и спрятал ее в карман. Вытащил часы: время приближалось к одиннадцати, и уже более часа прошло с того момента, как хозяин оставил его на попечение мальчика.

Непривычная тишина, царившая в доме, задержка хозяина, этот мальчик со жгучими глазами, бедное убранство дома — все вызывало в нем глухое недовольство и нагоняло непонятную тоску.

От лая собаки во дворе он вздрогнул и машинально схватился за рукоять сабли. Увидев это, Болат прыснул в кулак. Полковник смущенно убрал руку и невольно закашлялся. В передней раздались шаги, и по разговору, донесшемуся оттуда, он догадался, что вернулся хозяин, и не один. Но голос его спутника был полковнику незнаком.

Болат стоял у порога все в той же позе и даже не обратил внимания на шум в передней, где его мать Хеди стряпала ужин и где находилось двое мужчин. Время шло, полковник начал выказывать беспокойство.

* * *

Берса же задержала Хеди, которая доводилась ему двоюродной сестрой. Они не виделись почти год, и она бросилась ему на шею, заливаясь слезами. Берс как мог успокаивал ее, Данча молча стоял у двери. Он-то знал, как они были привязаны друг к другу и как при встречах заново переживали горе, связанное с потерей родных. И потому Данча не мешал им и не торопил Берса.

Наконец Берс бережно отстранил сестру и шагнул в кунацкую.

— Ассалам алейкум, добрый вечер, полковник!

Полковник медленно встал, шагнул навстречу и, сняв белую перчатку, пожал протянутую руку.

— Ва алейкум салам, добро пожаловать!

Пристальный взгляд полковника не мог разглядеть лица пришельца. Оно было обмотано башлыком, но его выправка и четкая речь говорили о том, что человек этот долгое время служил в русской армии.

Берс снял с себя башлык и передал его Данче. Затем опустился на ковер, по-восточному скрестив ноги.

— Касум, как ваше здоровье? Здоровы ли семья, родственники? -

Берс умышленно не называл полковника по имени и отчеству, как это было принято в кругах только что вылупившейся чванливой чеченской знати.

— Хвала Аллаху, все хорошо. А как у вас?

— Бог милостив. Прошу заранее простить меня, что сам не пришел к вам, как к старшему по возрасту и чину. Но дело, по которому я вас потревожил, неотложное, и другого выхода у меня просто не было.

— Ну зачем же так? Никаких извинений и не требуется, — полковник не сводил с него глаз. — Сдается мне, мы где-то уже встречались?

— Возможно.

— Только тогда, мне кажется, вместо черкески был военный мундир. Точнее — гусарский мундир. А на плечах — капитанские аксельбанты.

— Возможно.

— На груди, — продолжал полковник, — сверкали орден Святой Анны и Георгиевский крест.

— Может быть, и так.

— Тогда напомни мне свое имя, капитан! — в голосе полковника прозвучала неприкрытая ирония.

— Прошу прощения, господин Курумов, — Берс сделал ударение на последних словах. — Вот уже шесть лет, как я лишил себя этого звания, я просто чеченец Берс, сын Рохмада Барзоева.

Полковник пропустил мимо ушей явную грубость Берса.

— Да, да. Теперь припоминаю! Ты тот самый капитан Барзоев, который служил в отряде генерала Лидерса, когда фельдмаршал Паскевич подавлял венгерский мятеж. И если мне не изменяет память, то именно там ты заслужил и свои боевые награды, и чин капитана. Мы и с отцом твоим были близко знакомы. Как же, как же! Купец третьей гильдии, всеми уважаемый человек! Но ты забыл о своем сыновнем долге, Барзоев. Я видел тебя в Грозной, когда ты только что вернулся из России. А перед Герменчугским боем ты уже дезертировал…

— Если быть точным, то перешел на сторону народа, что бы искупить свою вину перед ним.

Курумов удивленно качнул головой.

— А я-то ломал голову, кто же мог написать мне записку на русском языке? Оказалось, старый знакомый. Но что мне не понятно и даже обидно — сын такого уважаемого отца, человек с прекрасным европейским образованием, которого ждала блестящая карьера, и вдруг оказывается здесь… — полковник обвел взглядом комнату, помахал рукой и брезгливо поморщился, — среди оборванцев.

— Фридрих Второй сказал как-то, что и самый последний нищий в его государстве — тоже человек. Я чеченец, им я и останусь.

Нищий ли он, в лохмотьях ли он, но это мой народ. И если он нищий и темный, то не его в том вина.

И Курумов, и Барзоев старались по возможности не сбиваться с тактичного и вежливого тона. Но порой это плохо им удавалось.

Уж слишком велика была разница в их взглядах. Наконец Курумов, видимо устав от спора, вынул из кармана позолоченную трубку, набил ее душистым табаком, раскурил, сделав глубокую затяжку, сказал:

— Нет, ты не прав, Барзоев. Чеченцы сами виноваты в своем горе. Как можно тягаться с такой могущественной державой, коей является Россия? Это же наивно! Убивают офицеров, убивают чиновников.

Начальство вынуждено ездить в сопровождении целого отряда солдат. Зачем вы напрасно проливаете кровь человеческую?

— А что вы прикажете им делать? Ведь у них отняли все, загнав в леса и бесплодные ущелья. Как вы прикажете им поступить? Что им делать, если их не считают людьми? Ведь не так уж многое им и нужно, чтобы они жили мирно: хлеба да минимум уважения к их человеческому достоинству.

Курумов, немало повидавший на своем веку, до сих пор спокойно слушал Берса. Но сейчас он не выдержал.

— Не горячись, Берс. Вы хотите силой вырвать у правительства хлеб и уважение? Но это-то как раз и невозможно, пока Чечня не разделит участь других народов. Пойми, Россия несет цивилизацию, с помощью которой можно за короткий срок добиться того, чего не могли добиться и за тысячу лет.

— Знаю, Касум. Прекрасно знаю. Наш народ даже не представляет себе, на каком богатстве сидит. Знаю, что с помощью просвещенной России наш край может сделаться цветущим, где будут и заводы, и фабрики, и железные дороги, и телеграф. Но хотят они того или нет, господам придется создавать здесь школы, в которых будут учиться горцы. Ведь для промышленности требуется квалифицированная рабочая сила. Но в итоге всем богатством края будет владеть шайка дворян и буржуазия. Как в самой России, как в других странах мира.

— Тем не менее, Россия принесет в горы и свою, и европейскую культуру, которая изменит патриархальный быт и натуральное хозяйство горца. Вырвет его из темноты и невежества. Об этом-то нельзя забывать. Ты согласен?

— Все это было бы хорошо, Касум, если бы эту культуру не несли нам на штыках. Ведь я больше любого из вас люблю русский народ и его высокую культуру. Да и весь наш народ столетиями тянулся к союзу с Россией. Но вся беда в сущности российского строя, который ненавистен и самому русскому народу. Его передовым людям. Ты говоришь о культуре. А что на самом деле творит шекспировская и

байроновская Англия в Индии, в Америке, на других континентах? А Франция, которая считает себя центром мировой культуры, что она творит в Алжире? Думаешь, бесчеловечная жестокость правителей этих стран вершится с согласия английского и французского народов? Или русский народ одобряет действия царя и правительства на Кавказе? Нет, господин Курумов, я еще раз повторяю, что люблю русский народ, преклоняюсь перед его культурой, но, увы, Пушкинский гений не защищает чеченцев от солдатских пуль, а свободолюбивые стихи Лермонтова не спасают их от голодной смерти. Прежде всего им нужны насущный хлеб и уважение их как людей.

Курумов, выкурив трубку, поискал глазами, куда выбросить пепел. Берс взял у него трубку, выбил ее в углу и вернул хозяину.

— Ты, Берс, стал на путь всех этих якобинцев, владимиреску, нана-сахибов и прочих. Но у них один конец — либо эшафот, либо виселица. А ведь они были просвещенными людьми. С мировым именем. Ну, и с кем же ты надеешься совершить революцию? На кого будешь опираться? На Умму, Атаби, Солта-Мурада или на фанатичное духовенство? Но все они совершенно невежественные люди, — говорил между тем Курумов. — И я молю Аллаха, чтобы он избавил тебя от столь губительного заблуждения.

Берс не намеревался затевать с полковником спор. Не для этого он добивался встречи с ним. Но уж если разговор обернулся такой стороной, то отступать было не в его правилах. Он чувствовал свою правоту, и это придавало ему уверенности.

— Кто из нас заблуждается — покажет время, Касум. Я прекрасно знаю, что чеченцы лишь одной своей силой победы не добьются.

Рано или поздно, но в России сбудутся мечты декабристов, Герцена и Чернышевского, Добролюбова и Некрасова. Народы разрушат эту огромную тюрьму, а на ее обломках построят республику. Поостерегитесь, господин полковник! Чеченцы тоже начали задумываться. Они пока еще ненавидят только Чермоевых, Мустафиновых, Ипполитовых. Но уже похаживают в гости к Иванам,

и их приглашают к себе. Через несколько лет их водой не разольешь. Курумов смотрел на Берса, как на сумасшедшего.

— И ты в это веришь?

— Уверен в этом.

— Нет, это выше моих сил! — Курумов покачал головой. — Вроде бы умный человек, но не хочет понять простых вещей. Братство народов! Вот ведь как! А ты подумал, что такое война? Сегодня — война, а завтра — братство? Это же утопия, молодой человек!

Война — это смертельная схватка двух враждующих народов, причем они не выясняют — кто из них прав, кто виноват. Не разбираются в национальной принадлежности врага, какой он веры, расы, беден он или богат, каковы его идейные убеждения.

Они видят друг в друге только своего смертельного врага, ружейную мишень, лозу для своей шашки. У каждого только одна цель — убить другого, одно желание — выжить самому, победить.

Ненависть наполняет не только сражающихся солдат, но и мирных граждан и того, и другого народа. Ведь на войне дерутся и убивают отцы, сыновья, братья и мужья тех самых мирных граждан. И каждому из них хочется, чтобы его отец, сын, брат, муж победил, остался в живых и вернулся в родной дом. И посылают проклятия противнику. Вот совсем недавно кончилась у нас долголетняя, кровопролитная война, которая унесла десятки тысяч жизней горцев и русских мужиков. Но спросите у чеченца или у русского мужика, кто убивал их отцов, братьев, сыновей и мужей? Они не скажут, что их убил Иван или Ахмед, одни скажут — русские, другие скажут — чеченцы. В двенадцатом году французы совершили нашествие на Россию. В те годы французский солдат для каждого русского был заклятым врагом.

А как же могло быть иначе, если он пришел с оружием в руках завоевать Россию, поработить ее народ.

— К сожалению, русские как-то забыли, что до того их царь и правительство всеми своими силами помогали подавлять французскую революцию и восстанавливать свергнутые монархии в Европе.

— Ну, это естественно. Я, например, не знаю в истории ни единого случая, чтобы какой-либо из народов признал себя виновным в тех или иных войнах. Каждый находит собственное оправдание. Так вот, во время войны с теми же турками всех турок считают убийцами и басурманами. Турки же считают русских завоевателями, угнетателями, гяурами.

— Хотя и турок, и русских мужиков гонят на войну, на смерть насильно, ради интересов султана и царя, а также и их разбойничьих шаек!

— Ну-у-у! Такое понимание для их умов недосягаемо.

— Как же, как же. Ведь печать, церковь и мечеть пичкают их головы дурью. Да и попробуй думать иначе — сразу к стенке поставят.

— Мы отвлекаемся от главной темы. Вернемся к горцам и русским мужикам, которых ты хочешь сделать братьями. В течение восьмидесяти лет они проливали кровь друг друга. Допустим, по вине царя и правительства. Но ты спроси их, могут они назвать истинного виновника войны? И никто не назовет. Казаки скажут, что они воевали с чеченцами потому, что те совершали набеги и разоряли их станицы, чеченец же ответит, что казак, мол, захватил у него землю. Да, кровопролитная война кончилась. На финише ее горец оказался побежденным, а казак — победителем.

Первый потерял землю, второй — приобрел. И ни тот, ни другой не успокоились. Горец мечтает вернуть свои земли, а казак хочет защитить приобретенное. У того и другого в сердце сохраняется ненависть друг к другу. А ты хочешь, чтоб она прошла уже через день, чтобы люди стали братьями, когда свежи еще могильные холмы, еще дымят сожженные аулы, а люди носят траур по погибшим…

— Со временем они поймут…

— Возможно. Если кто-то поможет им понять. Но произойдет это после смены нескольких поколений, а не через десять или двадцать лет, как думаешь ты. И потом, назови мне того, кто бы стремился

уничтожить эту вражду, сплотить и объединить народы, — таких нет. Наоборот, есть те, кто ее разжигает.

Ответь мне, если горцам не вернут их земли, если их не уравняют в правах с русскими колонистами, заживут их раны? -

Нет.

— Правильно. Вот поэтому-то правительство и не сделает ни того, ни другого. И никогда, ни одно правительство не делало этого в своих колониях. Поэтому всюду между метрополией и колониальными народами существует непрекращающаяся вражда, зреют недоверие и ненависть. Они необходимы колонизаторам, которые стремятся сохранить свое господство, в то время как народ полон желания скинуть его. Такая борьба идет в Азии, Африке, Америке. Она будет длиться веками, а потому твои мечты о дружбе и братстве народов — чистая утопия. Сила — вот единственный двигатель истории. Сильный всегда, во все времена подчинял себе слабого и угнетал его. Так было и так будет. Это один из законов природы.

Спор прервал Болат, вошедший с медным тазом, кумганом и чистым полотенцем. Вслед за ним показалась хозяйка, неся на вытянутых руках деревянный поднос, на котором дымились жирные куски баранины и аппетитно желтели галнаш из кукурузной муки.

Посередине стояла деревянная чашка с чесночным соусом.

Чтобы не обидеть отказом, Курумов съел кусочек мяса, запил его бульоном и вытер полотенцем руки. Берс, хотя и был голоден, посчитал неприличным есть после того, как гость закончил трапезу.

— Ну что же, Барзоев, — сказал Курумов, передавая полотенце Берсу. — Мы уже откушали хлеб хозяев и можем перейти к делу.

Я же понимаю, что ты позвал меня не для этой дискуссии.

— Согласен, Касум, оставим бесполезный сейчас спор. Время рассудит нас. У меня же есть к тебе действительно огромная просьба.

Берс подробно изложил последние события в Гати-Юрте, но скрыл, что Васал — беглый солдат.

— Меня послали к тебе просить за Васала.

— Решение подобных вопросов не в моих функциях, — решительно отрезал Курумов. — На то есть окружной начальник, пристав, мировой судья. Как они решат, так тому и быть. Кроме того, я слышал, что Васал — беглый солдат. То есть ваш Васал — дезертир. А власти дезертиров разыскивают и строго наказывают.

— В том-то вся сложность, Касум. Только нельзя довести дело до суда. При желании, ты можешь освободить его. Князю Туманову и Лорис-Меликову ты свой человек. Одно твое слово — и полковник Головаченко отпустит Васала. Весь Гати-Юрт просит тебя об этом. Васал — их человек.

Берс чуть не сказал: "Ведь твои предки, Касум, тоже пришли когда-то к шалинцам[45] и были ими приняты", — но вовремя спохватился.

— Положение у него крайне тяжелое, — продолжал он. — Жена, неизвестно, доживет ли до вечера. Полный дом детишек. А если его отправят в Сибирь? Дети останутся беспризорными, никому не нужными сиротами.

Курумов сидел молча. "Кто знает, как может повернуться судьба?
— думал он. — Не лучше ли застраховаться на всякий случай? К тому же отец этого мятежника — богатый человек. Если его сын одумается, то пойдет далеко. Тогда отец и мое добро не забудет. Да и сын тоже".

— Хорошо, Берс, — твердо сказал он. — Ради моей дружбы с твоим отцом обещаю сделать все, что в моих силах. Он, правда, просил меня, чтобы я помирил тебя с властями. Но об этом потом.
Завтра же я переговорю с полковником о Васале. Надеюсь, он мне не откажет.

— Не знаю, как благодарить тебя, Касум. Если когда-нибудь мне выпадет случай отплатить тебе таким же добром, я буду счастлив.

Когда все вышли во двор, Курумов наклонился к Данче.

— Данча, — сказал он тихо, — знаешь, я пришел сюда, чтобы не прослыть трусом. И мне хотелось бы…

— Понимаю, Касум, понимаю, — поспешил успокоить его Данча. — Ни одна живая душа не узнает о твоем посещении.

— Прежде чем расстаться, Берс, мне бы хотелось сказать тебе вот о чем, — произнес Курумов, доверительно взяв Берса за руку.

— Ты молод, горяч. Пойми, и мне хочется видеть наш народ счастливым. Но принесут ли ему счастье фанатичные муллы и отсталая Турция, которой они поклоняются? Нет и еще раз нет!

Чечня должна ориентироваться на цивилизованные европейские государства, а точнее на Россию, которая во всех отношениях к ней ближе всех остальных.

— Но пока в лице России, вернее, в лице ее правительства, народ видит лишь грабителя, — прервал его Берс.

— Не все сразу. На все требуется время. А что, при Шамиле, разве при нем народ был счастлив? Или мог стать счастливым…

в перспективе? Да что мне объяснять тебе: Шамиль и его окружение еще более жестоко подавляли в народе самые сокровенные чаяния. Грабили его со средневековым варварством.

Сам имам накопил немалое богатство. При нем неотлучно находился палач со всегда окровавленным кинжалом, а в каждом ауле колы плетней украшали отрубленные головы. Но и это все пустяки по сравнению с ущербом, который был нанесен культуре чеченского народа. Шамиль и его духовенство запретили чеченские песни и музыку, ввели чуждый, не понятный народу арабский язык. Подумай, Берс, вот где настоящее варварство и порабощение. Я чувствую, несмотря на все твои слова, что в душе ты веришь: только Россия даст народу Чечни свет, мир и покой.

Отрицать сказанное Касумом было бы глупо. Действительно, какой бы деспотичной ни была власть России, но более развитый и цивилизованный русский народ не может не оказать положительного влияния на горцев.

— В этом я согласен с тобой, Касум; но ты тоже пойми, власть не даст мирно жить ни тем, ни другим. Ты сам это утверждал час назад. И она уже вбила клин между ними, отобрав у горцев лучшие земли и передав их казакам.

— Знаю, наш народ не хочет мириться с новыми порядками. И все-таки он рад, что освободился от Шамиля и его наибов. Когда после взятия Ведено в Чечню прибыл Барятинский, а я был в числе тех, кто сопровождал его от Грозной до Ведено, то жители аулов, еще вчерашние непримиримые враги, выбегали навстречу и криками радости приветствовали Барятинского и его окружение.

В эти-то минуты чеченцы и осознали глубину нищеты, в которую их повергло продолжительное владычество Шамиля. До свиданья!

— Я провожу тебя до центра.

— Нет, не стоит. Заметят нас вместе, начнутся толки… После ухода полковника все почувствовали себя свободнее. Берс снова сел за стол. Хеди подогрела мясо. Поев и поблагодарив хозяев, Берс тоже начал собираться в дорогу.

— Я был в Солжа-Кале и встретил Рохмада, — сказал Данча, помогая ему одеться. — Он очень скучает по тебе.

— Ему что-нибудь нужно?

— Да нет. Просто хотел повидаться с тобой. Как-никак ты у него единственный сын. Ты, Берс, должен об этом помнить. Кстати, на днях он приедет в Шали…

— Не будем тратить время, Данча. Отрезанный кусок не приклеишь обратно… До свидания, Хеди. Спокойной ночи. Даст Бог, увидимся…

* * *

Выйдя на улицу, Берс прикрыл лицо башлыком и быстрым широким шагом направился в сторону Автуров. И тут же чуткий слух

его уловил чьи-то торопливые шаги за спиной. Берс метнулся к плетеному забору, прижался к тутовому дереву. При лунном свете он ясно увидел маленькую фигурку… У тутового дерева Болат остановился.

— Думаешь, ты спрятался? — лукаво засмеялся мальчик. -
Посмотри на свою тень. Она же ложится прямо поперек дороги.

— Ах ты, шайтан! Куда несешься?

— За тобой.

— Зачем?

— Провожу тебя.

— И далеко ты меня собираешься провожать?

— Мы вместе пойдем в Автуры.

— Это, конечно, ты сам решил?

— Сам, не сам, какая тебе разница?

— А куда же ты потом пойдешь?

— Останусь у тетки.

— Скажи мне, только честно, для чего тебе понадобилось это ночное путешествие?

— Такие вопросы, ваши, не задают даже дети. Ладно, отвечу.
Чтобы подольше побыть с тобой.

— Ты у отца отпросился?

— Конечно.

— Тогда я молчу.

По кривым проулкам они вышли к крайнему дому, где Берс оставил своего коня. Они выбрались из Шали и достигли правого берега Бассы, где вошли в густой лес.

— Ваши, о чем вы говорили с Касумом?

— А зачем тебе знать?

— Так… Может, когда-нибудь пригодится.

— Тебе знать о том не положено. Проболтаешься.

— Это я-то проболтаюсь?

— Не я же.

— Ваши, некрасиво оскорблять младших.

— И не думал.

— А девчонкой кто меня обозвал?

— Не знал я, что ты еще и брехун.

— Опять?

— Ты что, каждое слово за оскорбление принимаешь?

— Слова бывают разные. Но на тебя я не обижаюсь: ты долго жил среди русских и забыл некоторые наши обычаи.

— Какие, например?

— Почему ты меня назвал болтуном? Болтают только девчонки да женщины. А брехун? Это же еще хуже! Клянусь устазом, не будь ты моим дядей, я всадил бы в тебя пулю!

Берс от души расхохотался.

— С тобой, Болат, опасно шутить. Того и гляди, даже родного дядю ухлопаешь!

— Если будешь оскорблять меня, я за себя не ручаюсь.

— Не пошли, Аллах, кому другому такого племянника.

Болат обиделся и замолчал. Берс слышал его недовольное сопение. Но обиды хватило ненадолго.

— Так про что же вы говорили? Я слышал все, но не все понял.

— Выходит, подслушивал? Можешь всадить в меня пулю, но скажу прямо, ты уподобился худшей из женщин.

— Касум — враг, а подслушать разговор с врагом позором не считается.

— Да, если он не твой гость и не сидит под твоей крышей.
Человек доверился твоему отцу, твоему дому. Ты же шпионил за ним.

— Полковник Касум — враг моего отца, враг моего народа.

— Он был гостем твоего отца, он ел хлеб, испеченный твоей матерью.

— Врага и обмануть не грех.

— Я еще раз повторяю: он был твоим гостем. Он тебе враг, но лишь вне твоего дома.

— Виноват.

— Да, очень виноват! Запомни хорошенько — человек со всеми должен быть честен. И по отношению к врагу, и по отношению к другу. Иначе друзья тебя бросят, а враги станут презирать.

В ясном небе медленно плыла луна, разливая повсюду нежный голубоватый свет. Болат не упускал ничего, все ловил своим острым взглядом, слышал каждый шорох вокруг. Он замечал, как пугливый заяц метнулся через дорогу, как отскочила в сторону хитрая лиса, как ночная птица выпорхнула прямо из-под ног.

Мальчик шел следом за Берсом, ведя на поводу его коня. — Мне показалось, ты защищал русских, а Касум их ругал.

— Не совсем так. У него свои русские, у меня — свои. Каждый защищал своих.

— Что-то не пойму.

— Тебе трудно сейчас понять. Вот когда выучишься, тогда поймешь.

— Я умею читать Коран.

— Это совсем другое. Надо учиться в русской школе.

— Ты расскажи мне о русской школе. Я тогда, ну помнишь, на пути к роднику, не успел тебя попросить об этом.

— Помню, Болат. Все помню. Ты тогда еще сказал, что в русских школах горцев учат презирать свой народ.

— Правильно.

— Почему ты так решил?

— Да это сразу видно.

— Ну, например?

— Погляди на Касума, Боту…

— Но я тоже учился в русской школе.

— Ты — это другое дело.

— Почему?

— Брат моей матери не может быть предателем.

Мальчик рассуждал, как взрослый. Чистая душа его запечатлевала все то, что он видел своими глазами и глазами старших, слышал сам и услышал от других. И разве он не прав в том, что многие чеченские офицеры с самого начала помогали царизму в покорении Чечни? Потому у мальчика сложилось свое собственное мнение и о русских, и о тех, кто служил им. Но мнение ошибочное и даже вредное.

— Послушай, Болат, что я тебе скажу, — серьезно заговорил Берс — Ты уже становишься взрослым. Я уверен, ты будешь в рядах борцов за свободу нашего народа. Борьба — это великое и святое дело. Но прежде чем ступить на такой благородный путь, нужно твердо знать, кто твой друг, а кто враг. В нашем деле нельзя быть слепым. Вайнахи[46] думают, что все без исключения русские — гяуры, а значит, наши враги. Это ошибка, это наша беда. Так думать нельзя. Нет плохих народов, есть плохая, несправедливая власть над ними, есть отдельные плохие люди. Кто такие русские? Это мирные, честные, добрые и отзывчивые люди. Но бывает так, что поведение людей, их поступки зависят от тех, кто стоит у власти. Так вот, русский царь и его приближенные крепко держат в руках свой народ. И я видел, Болат, как живут русские мужики. Ничуть не лучше нашего. И у них кругом бесправие и нищета. Мужики живут на землях помещиков.

— Это еще кто такие?

— Как тебе объяснить попроще? Ну, они вроде Касума или того же Боты, или Довлетмирзы. Но наши помещики только еще появились, а русские существуют уже много десятков лет. Земля, а также все богатства принадлежат им, переходят по наследству от отца к сыну. И крестьяне тоже, как скот. Так вот, крестьяне эти от зари до зари гнут спину на помещика. Года два назад помещик еще имел право избить и даже убить мужика, продать его или сослать в Сибирь. Теперь уже такого права у него нет. Но мужику легче не стало. Поднимался он

против царя и помещиков не раз. Но ничего у него не получалось. Вот того-то мужика и гонят на войну царь и помещики, чтобы для них мужик завоевал земли и покорял другие народы. Мужик гибнет, а царь и помещики наживают богатство.

— Почему же мужики не откажутся?

— Попробуй только! Немедленно посадят в тюрьму или сошлют в Сибирь, а то вообще — повесят или расстреляют.

— Но царь же один; да и богатых, наверное, не так уж и много.

— Да, но у них войска, тюрьмы, на их стороне закон.

— Ты говорил, что войска царя состоят из мужиков. Разве они смогут пойти против своих же отцов и братьев?

— Нет, свои в своих не стреляют. Это делается чужими руками.

Не знаешь еще ты, насколько хитрые люди стоят у власти, как натравливают они друг на друга народы, сеют между ними вражду и тем самым вынуждают их хватать друг друга за глотку.

Думаешь, одни только мы боремся? Нет, мой мальчик! В России много разных народов, и все они, как мы, хотят жить свободно.

И в первую очередь — русские. Идут народы войной на своих притеснителей, но поодиночке, а потому всех их бьют. Но если сумеют они объединиться, тогда придет конец и царю, и помещикам. Вот в это, Болат, я твердо верю. Еще одно. Много у царя офицеров, но и они не все одинаковы. Некоторые не захотели воевать против нас. Например, тот же генерал Раевский.

— Первый раз слышу о нем. О Ярмоле слышал, о Баклане, о Сипсо, о Рангеле, о Миккале[47]… А вот о Ра… Раевском ничего не знаю.

— Этот генерал был очень богатым человеком. Русские же офицеры решили убрать царя. Так вот, несмотря на богатство, среди них были и родственники Раевского.

— Они победили?

— Нет. Руководителей повесили, остальных сослали в Сибирь и к нам, на Кавказ. А называли их декабристами. Ссыльные сами теперь увидели, как мы воюем и за что воюем. Им было жаль горцев, но они все равно вынуждены были стрелять в нас. Потому что их заставляли. Генерал же Раевский отказался и написал царю письмо, доказывая, что горцы защищают свой край, свои дома и что несправедливо и даже позорно проливать за это их кровь.

— Хороший инарла. Он уехал домой?

— Да. И он убеждал всех, что не стрелять нужно в горца, а торговать с ним, учить его в школе, помогать ему добывать богатства, лежащие в наших горах.

— Царь не послушался его?

— Ни его, ни других. А если бы ты знал, мой мальчик, как много значит для нас учеба в школе. В медресе ты зубришь арабский язык, учат тебя любить Бога, уважать шейхов и мулл. Я не против этого. А вот как жить, как строить дома, обрабатывать землю, лечить больных, то есть как обеспечить жизнь человека, сделать ее лучше, богаче, красивее — тому в медресе не учат.

Это можно узнать только в русской школе. Пытались для нас кое-что сделать. Русские генералы Бартоломей и Услар с помощью чеченского офицера Кеди и муллы Янгулби составили, например, для нас азбуку, чтобы мы могли читать хотя бы русские жейны.

Два года назад чеченские друзья Услара открыли в крепости Грозной школу на родном языке.

— И дети в ней учатся?

— В ней теперь никто не учится. Через две недели школу закрыли.

— Почему?

— Царь и его хакимы[48] не желают, чтобы у нас была своя школа, да еще на родном языке. Ведь темных неграмотных людей легче обманывать и держать на привязи, как быков.

— А правда, что русскую школу для чеченцев и ингушей открыли в Буру-Кале[49]? Соип и я решили пойти в нее.

— Вас в нее не пустят.

— Разве мы хуже других?

— Не в том дело. В школе в Буру-Кале могут учиться только дети богатых. Чтобы там учиться, нужно и платить много денег. У твоего Данчи много денег? Нет? Вот видишь, а ты собираешься там учиться? Кроме того, отец твой не очень-то предан властям.

Об этом знают. В школу же берут детей надежных родителей, чтобы воспитать из них преданных царю людей.

— Ну вот, я об этом и говорил. А ты меня оборвал.

— Я и сейчас с тобой не согласен. Не все из тех, кто учится в русских школах, становятся рабами царя. Ты сам знаешь, что даже от одной матери рождаются разные сыновья. Поэтому у русских есть поговорка: "В семье не без урода". Один ради своей шкуры на любую подлость пойдет, а такие у властей в почете, потому что с их помощью они управляют покоренной страной. Другой же — честно служит народу. А знания помогают ему идти по верному пути, быть настоящим борцом за народное счастье. Честного человека знания делают еще более убежденным, а подлеца, наоборот, еще коварнее и хитрее.

Они вышли на широкую, залитую лунным светом, лужайку. Берс пустил коня пастись, а сам выбрал место получше и расстелил бурку. Сел и рядом посадил мальчика.

— Расскажу я тебе, Болат, о людях, родившихся с чистой, благородной душой и оставшихся такими на всю жизнь. Еще при шейхе Мансуре, когда войска царя захватили аул Алды, солдаты взяли

в плен двух мальчиков. Обоих увезли в Россию, и один из них очутился в семье того самого генерала Раевского. Мальчика полюбили, воспитали его, как родного сына. Он окончил военную школу, а когда началась война с французами, стал генералом.

Его знают теперь все, потому что он является одним из героев русской армии.

— Как его звали?

— Настоящего имени никто не знает. А русское его имя -

Александр Чеченский. До самой смерти помнил он родные горы и свой аул Алды. В другой раз, уже при Бейбулате, когда генерал Ермолов, или как ты его называешь, Ярмол, брал аул Дада-Юрт, солдаты нашли возле убитой женщины ее маленького сына. Один из солдат пожалел ребенка и взял его с собой. Потом двоюродный брат генерала Ермолова забрал мальчика и увез сначала в Грузию, а потом в Россию. Мальчик воспитывался в русской семье, а когда вырос, стал известным художником-портретистом, то есть он рисовал людей. И всю свою жизнь художник тосковал по родным горам.

— Он жив?

— Нет, Болат, он рано умер.

— Болел, наверно?

— У него была чахотка. А я думаю, что все-таки он умер от тоски по родине. Это самая страшная болезнь. Я тоже перенес ее. Ведь мне пришлось жить среди русских, учиться, а потом и воевать в разных местах. Только свои горы, свой народ я не забыл и не разлюбил. Наоборот, чувства мои стали еще сильнее.

Почему я тебе рассказываю все это? Чтобы ты понял, насколько разными бывают люди, если даже они носят одну и ту же форму.

Например, тот Раевский, который отказался воевать против нас, вырастил для нашего народа героя-генерала. А взять двоюродных братьев Ермоловых? Один — нас убивал и сжигал наши аулы, другой же воспитал мальчика-чеченца, ставшего благодаря ему великим художником. А сколько про нас пишут русские поэты! Я хочу, чтобы

ты понял, Болат, что ни об одном народе нельзя сказать, дескать, это плохой народ, а это хороший. Сказать так можно об отдельных людях. А народ — это совсем другое. И никто не вправе ни осуждать его, ни оскорблять. Ну, а теперь веди коня и тронемся в путь.

Берс посадил мальчика позади себя, и они не спеша поехали дальше.

— Как звали второго мальчика? — спросил Болат.

— Который художником стал?

— Да.

— Петр Захаров. Но он подписывался обычно так: "Петр Захаров, из чеченцев". Вот что значит, Болат, русская школа. Это тебе не медресе. Наши потомки забудут всех мулл, а Петра Захарова — никогда. Я уверен, они будут благословлять и тот день, когда солдат подобрал мальчика, и самого солдата, и генерала, воспитавшего мальчика, прославившего наш народ. Понимаешь, Болат, судьба как будто умышленно взяла и вырвала из мрачных гор двух мальчишек, забросила их в Россию. Забросила, чтобы доказать всем, что наш народ вовсе не дикий. Один из них стал знаменитым генералом, другой — великим художником. Может быть, если тебя и твоего друга Соипа обучать не в медресе, а в русской школе, вы тоже станете великими людьми?

— Я хотел бы стать большим генералом, чтобы уметь водить в бой большие войска.

— Зачем тебе это?

— Как зачем? Чтобы изгнать из Нохчичо[50] всех чеченских кровопийцев и предателей, а вместе с ними генералов и русских хакимов.

— Вообще-то твои мысли неплохие. Но я думаю, что прогонят их не генералы, а такие же простые горцы, как твой отец Данча.

Но их нужно изгнать не только из Чечни. Их нужно уничтожить всюду. В России, Грузии, везде. А для этого всем народам и нужно будет объединиться.

— О-о, доживу ли я до тех времен!

— Может, и доживешь. Кто знает? Но когда-нибудь так все равно будет! Верят этому большие и мудрые люди и в России, и в других странах. Ах, мой мальчик! Если бы наш народ знал, что творится на земле! Что ни в коем случае нельзя бороться так, как он боролся до сих пор! К сожалению, этого не знают и многие другие народы…

Болат молчал. Видимо, любопытство его было удовлетворено. Во всяком случае, вопросов он больше не задавал.

Мысленно Берс вернулся к спору с Курумовым. Да, с ним Берс во многом согласился. Но вот в оценке Шамиля… В своем отношении к нему Курумов не совсем прав. Вот он говорил о жестокости Шамиля. Да, он был жесток, по-восточному жесток. Но Берс знает и другое. Бывают в истории моменты, когда даже самые гуманные вожди во имя благородных целей, во имя спасения народа и защиты отечества, прибегают к самым крайним, к самым суровым мерам по отношению к тем людям, которые предают интересы народа. Так, наверное, предстоит поступать и впредь.

Под знаменем Шамиля горцы сражались за священное дело — дело свободы. Однако оказалось, что новая верхушка имамата на деле лишь прикрывалась священными идеями в целях достижения, укрепления и удержания своей власти, в целях личной наживы.

Но нельзя оспаривать и тот факт, что среди военных руководителей имамата, не говоря уже о рядовых горцах, было немало настоящих патриотов, бескорыстно сражавшихся за свободу и независимость своего народа, не желавших мириться ни с царской, ни с турецкой деспотией.

Величие же Шамиля уже в том, что он объединил и сплотил десятки разноязычных горских народов, отличавшихся друг от друга характером, традициями и обычаями, и ровно двадцать пять лет

возглавлял их героическую борьбу против одной из самых могущественных империй мира. Не имея ни собственной промышленности, ни прочной экономической базы, не получая военной и политической поддержки извне. Его наибы вели успешные военные действия против могущественной армии, оснащенной самым современным оружием и возглавляемой опытными полководцами. И нередко одерживали блестящие победы над ней.

Поэтому, как бы ни был жесток Шамиль, Берс преклонялся перед этим великим человеком.

ГЛАВА X. СДЕЛКА

Ненасытное честолюбие помрачает ум человека, и он не замечает грозящих ему опасностей.
Эзоп

Скут-Кох, что по-осетински означает "Отделившаяся роща" или "Оторванная роща", было имением тагаурского алдара[51] Мусы Кундухова.

В центре аула, над многочисленными хозяйственными постройками, возвышался большой каменный дом, где жил сам хозяин, которому принадлежали и обширные земли вокруг аула, и крестьяне, которые обрабатывали эти земли.

А ведь еще совсем недавно владения Кундуховых были не столь обширны. И даже то немногое, что осталось после смерти отца, Мусе пришлось разделить со старшим братом Афако. Но, видимо, Муса родился в рубашке. Ему, человеку, одаренному от природы, неизменно сопутствовало счастье. Обычно молодые люди, выходцы с Кавказа, выбирали один путь в жизни: военную службу. Так поступил и Муса Кундухов, поступив в военное училище. Обладая такими ценными качествами, как ум, смелость, красота, он быстро продвигался по службе. Впрочем, тогда это было не столь уж трудно. Он хорошо знал свой край, быт, нравы и характер горцев, и поэтому стал для кавказского командования просто незаменимым человеком. И нет ничего удивительного в том, что его награждали, повышали в чинах и наделяли землями, отобранными у земляков. В итоге Муса Кундухов стал владельцем двух тысяч восьмисот десятин.

Но жизнь его все время протекала вдали от дома: двадцать лет шла Кавказская война, кроме того, он принимал активное участие в подавлении Венгерской революции. После пленения Шамиля, когда царизм стал вводить в Чечне свое управление, Кундухов был назначен

начальником Чеченского округа… Теперь, слава Богу, он дома. Третий год он начальник Осетинского округа.

Сегодня, проснувшись довольно рано, Кундухов почувствовал себя как никогда бодрым и свежим. "Так, наверное, чувствует себя перед генеральным сражением полководец, который знает, что предстоящий решительный бой закончится его победой", — думал он, отдавая распоряжения слугам.

Ему и в самом деле предстояло тяжелое сражение, и уж если он твердо знал, что непременно выиграет его, то для такой уверенности у него имелись весьма серьезные основания.

Дело в том, что на сегодня у него была назначена важная встреча. Он ждал к себе в гости своих чеченских друзей -

Сайдуллу Успанова и Алихана Цугова. Дружба с ними зародилась еще в бытность его начальником Чеченского округа, и он дорожил ею, уверенный, что когда-нибудь извлечет из нее немалую пользу. Одному из знаменитых наибов Шамиля — Сайдулле Успанову — за переход на сторону русских был пожалован чин майора. Его сделали наибом Малой Чечни, а штабс-капитана Алихана Цугова — карабулакским наибом.

Облачившись в белую черкеску, что делал лишь в исключительных случаях, опоясавшись дорогим оружием, Кундухов легко сбежал с крыльца. Вороной жеребец уже стоял оседланный, готовый принять на себя хозяина. Кундухов без помощи слуги, одним махом, вскочил в седло и, дав знак Афако и сопровождающим следовать за ним, медленным шагом выехал за ворота.

Две недели прошло уже с тех пор, как Кундухов вернулся из Константинополя. Миссия его закончилась успешно. Для генерала разницы между Петербургом и Константинополем не было никакой.

И там, и там он чувствовал себя своим человеком и имел влиятельных друзей, на поддержку которых мог рассчитывать в трудную минуту. Но в этот раз не обошлось без осложнений.

Закубанские переселенцы нагнали на турок такой ужас, что они даже и слушать не хотели о том, чтобы принять еще и чеченцев!

О бедственном положении ранее переселенных в Турцию горцев Кундухов знал многое: он получал сведения из официальных источников, да и те, кому чудом удалось вырваться и возвратиться из уготовленного им ада, распространяли в горах ужасную правду.

Но если быть откровенным до конца, то о многом он просто не догадывался, пока своими глазами не увидел полуголых, истощенных и доведенных до полной нищеты горцев. Он просто не представлял себе весь ужас происходившей трагедии и на какое-то время потерял веру и в себя, и в успех своего предприятия. Он не рассчитывал на друзей и не полагался на прежние связи. Но неожиданно помог русский посол в Стамбуле генерал-адъютант Игнатов, получивший из Петербурга подробную инструкцию по поводу переселения чеченцев. От имени своего правительства граф обязался "небольшими партиями, сухопутно, вместе со скотом и домашним скарбом, передать Турции живыми и здоровыми пять тысяч чеченских семейств". Министр иностранных дел Порты Али-Паша в конце концов согласился принять их и разместить на территории между Соганлукским хребтом и озером Ван. Получив согласие в главном, Кундухов изложил далее Али-Паше и свои личные планы. Изложил откровенно и достаточно цинично. Конечно, не ради государя императора, не ради России и не ради спасения чеченцев пошел он на столь огромный риск. Лорис-Меликову он просто бессовестно лгал.

Кундухов как человек достаточно умный и в то же время эгоистичный предвидел, что с окончанием войны на Кавказе он лишится своего прежнего положения. Господство Российской империи на всем Северном Кавказе станет прочным и непоколебимым. А раз так, то осетинские алдары потеряют все привилегии и то значение, которое они имели во время войны.

Ведь уже имелся аналогичный пример. Власти оберегали грузинских и абхазских дворян до тех пор, пока надобность в них не исчезла, а затем попросту выставили их вон. И где гарантия, что подобным образом власти не поступят и с ним, Кундуховым? Что с того, что он генерал? Ну и останется он генералом. Останется без перспектив и твердых гарантий на будущее. В России отменили крепостное право. То же самое происходит сейчас в Закавказье. Скоро

такой же закон войдет в действие и в его Скут-Кохе. А что представляет собой алдар без крепостных? Да грош ему цена! Кто тогда будет обрабатывать его обширные земли? И где гарантия, что крестьяне не возьмут и не разделят между собой его поместья? В России-то такое случалось. Правда, потом крестьян наказывали, но что толку в наказании, коли они уже вышли из повиновения?

Вот почему многие дальновидные закубанские феодалы ушли заранее за кордон вместе со своими крепостными. И он, Кундухов, последует их примеру, но при этом не сжигая за собой мосты. Чтобы в случае чего иметь возможность и право беспрепятственно вернуться назад. Вот почему он разыгрывает весь этот спектакль. Он уходит вместе с чеченцами и тем самым оказывает императору неоценимую услугу. Но перед этим следует как можно дороже продать свое имение.

Что далее? Далее он переселится в Турцию со своими крепостными крестьянами. Но их мало. Ему же, человеку военному, для исполнения своих истинных планов понадобятся уже закаленные и испытанные в сражениях воины. А такие воины как раз и имеются в Чечне. Вот тогда в Турции перед ними откроются желанные двери. С двумя полками чеченцев он станет там знаменитым пашой! Не исключено, что ему удастся собрать и дивизию! Одна дивизия чеченской кавалерии стоила бы целого гвардейского корпуса! Какой бы славой сумел он покрыть себя!

Ему нашлось бы немало дел на Балканах и в Малой Азии. А если Турция вступит в войну еще с кем-нибудь… Тогда вместе с чеченцами он, Кундухов, дойдет до Месопотамии, Аравии и Египта! Не вечен мир и с Россией… И здесь все карты в руках у него — командующего дивизией чеченцев, которые смертельно ненавидят русское владычество, в совершенстве знающего русскую военную науку, знающего Кавказ и самих кавказцев. Это ли не залог успеха? О Боже, если бы еще ему удалось увести вместе с собой бывших чеченских наибов Шамиля — Батуко Аргунского, Сайдуллу Гехинского, Сааду и Эски Мичикских, Эдала Веденского!

И если бы по его, Кундухова, милости не был казнен Бойсангур Беноевский, если бы не умер Талгик Шалинский, а Умму и Атаби не сослали в Сибирь!

А для начала только бы заманить чеченцев в Турцию! Любыми средствами! Порта с большой радостью даст ему чин паши.

Ничего, на первый случай достаточно и такого чина. Главное — сделать первый шаг, преодолеть первую ступеньку. Дальше он пойдет сам. Его смелость поможет продолжить дорогу к тем высотам, о которых он мечтает!

Совесть не мучила Кундухова, но зато его грызли сомнения, а вдруг чеченцы в самый последний момент возьмут да и откажутся?

Хотя все условия обговорены и с ними, и с правительствами двух стран. Однако главное впереди: само переселение. Как еще за него агитировать? Если ему удастся сегодня договориться с Сайдуллой и Алиханом, то через них он сможет подкупить еще нескольких влиятельных лиц из Чечни. На бывших же наибов, за исключением Сайдуллы, рассчитывать не приходилось. Не желая мириться с новыми порядками, они затаились и ждут удобного случая.

Сегодня должен решиться вопрос: быть или не быть будущему Кундухова. А если быть, то каким? Поднявшись на холм, он увидел двух всадников, медленно спускавшихся по склону противоположного хребта.

"Вот, Сайдулла, опять наши пути сошлись, — подумал Кундухов, следя за всадниками. — Прошли времена, когда твой вороной вихрем пролетал по полям битв. Прошли и унесли с собой и твою славу, и твою свободу, и твой почет. За них тебе дали чин майора. Но этот чин похож на обглоданную кость, которую бросают собаке за верную службу. Для правительства мы с тобой уже перестали быть талантливыми военачальниками и вновь превратились в прежних туземцев. И ими останемся, если будем дураками. Мне хорошо известна твоя скрытая нелюбовь к гяурам, но если бы знал ты всю глубину моей ненависти к ним! Турция — вот где теперь будет определяться наша с тобой судьба. Но добраться туда мы сможем только по спинам твоих соплеменников.

Что же делать, так устроена жизнь, что согнутые горем спины одних служат ступенями к счастью других. Если ты со своим стальным сердцем и острой саблей встанешь рядом со мной, то я, вооруженный

лишь своей хитростью и своим умом, приведу и тебя к такой славе, о которой ты и мечтать-то не смеешь".

Когда он вместе с гостями вошел в дом, стол был накрыт.

Кундухов задался целью превзойти все представления о гостеприимстве. На столе, среди чесночных соусов, зелени и сладостей, громоздились три больших блюда жирной дымящейся баранины. Напротив места, где должен был сидеть самый почетный гость, стояло четвертое блюдо, на котором искусной рукой повара были разложены бараньи головы, грудинка и курдюк.

Многочисленные бутылки цинандали и роги звали гостей не терять времени зря. Но гости не могли нарушать традиций. Они неторопливо совершили полуденный намаз и только тогда сели за стол.

В горах существует неписаное правило гостеприимства: дай сначала гостю поесть и отдохнуть, и лишь потом спрашивай, что привело его в твой дом. Соблюдая это правило, Кундухов молчал;

к тому же следовало каким-то образом подготовить гостей к серьезному разговору, вернее даже, к тому результату, к которому ему предстояло прийти.

Гости чинно восседали за столом и с аппетитом ели сочную свежую баранину, запивая ее золотистым вином. Но пить вино без тостов не позволял тот же обычай, правила этикета. Гости произносили тосты по очереди, за здоровье хозяина, за здоровье его семьи, за дружбу между осетинами и чеченцами…

Муса поднял наполненный до краев рог и жестом попросил внимания.

Гости отложили куски мяса. Сайдулла вытер платком вспотевший лоб, лицо и толстую шею.

— Говори, Муса, мы ждем твоих слов.

Оба гостя замерли в нарочито почтительных позах.

— Дорогие гости, дорогие друзья мои и моего скромного дома!

— В знак особого уважения Кундухов встал и продолжил тост стоя. — Сначала я обращаюсь к тебе, Сайдулла, ты старше Алихана, и мы с тобой более давние друзья. Впервые я увидел тебя шестнадцать лет назад в Урус-Мартане на поле брани. Не знаю, слышал ли Алихан об этом сражении, но думаю, что слышал.

Что я хочу сказать? Бой этот запомнился мне на всю жизнь. Я находился в тот день в лагере вашего противника и в тот день, действительно, был врагом для вас. Давайте вместе вспомним ту историю. Она нам пригодится сегодня. Тогда против нас выступил дагестанский наиб, бездарный Абкар-Дибир, по воле Шамиля назначенный на место Талгика. Мы закладывали укрепление в Урус-Мартане — в середине Малой Чечни. Талгик старался помешать нам, но не смог, за что вспыльчивый и нетерпеливый имам лишил его наибства, назначив на его место недотепу Абкар-Дибира, чем, надо сказать, оказал нам существенную услугу. Мы мысленно благодарили имама за его ошибку. Ведь если даже сам Талгик был бессилен помешать нам, то что мог сделать Абкар-Дибир? Последний это понял и позволил чеченцам самим решать свою судьбу. Пожалуй, это был самый мудрый поступок Абкар-Дибира со дня его назначения наибом Малой Чечни! Как только чеченцы поняли, что они получили возможность сражаться по собственному усмотрению, в них пробудилась неукротимость и свирепая ярость предков. От отчаянной защиты они перешли к нападению. И в тот момент, когда, можно сказать, на нашу сторону стала склоняться победа, появился ты, Сайдулла. Ты, назначенный на место Абкар-Дибира! И ты разбил нас наголову.

Это было настолько неожиданно, что не укладывалось в нашем сознании. Мы не могли опомниться. Наши генералы были ошеломлены твоей смелостью, быстротой и непредсказуемой логикой действий. Ты одолел нас и вырвал из наших рук победу.

Кто не помнит твоего удивительного вороного коня? Уже один только вид его вызывал панику у всего Левого фланга Кавказской линии. Помню, как ты на нем под свинцовым ливнем наших цепей спокойно и хладнокровно разъезжал вдоль опушки леса. Позволь, Сайдулла, я подниму этот полный рог за тебя. Да сохранит тебя Аллах от измены, да не лишит он тебя дарованного им мужества!

— Аминь!

Выпили. Сайдулла протянул пустой рог Афако, чтобы тот вновь наполнил его вином. Теперь встал он.

— Муса! — начал он торжественно, приняв из рук Афако наполненный до краев рог. — Благодарю тебя за хорошие и добрые слова в мой адрес. Такая оценка является для меня, ты это знаешь, высшей наградой. Но несправедливо возносить меня выше Талгика. Мозгом наших войск был Талгик, мы же, наибы, были лишь его руками. Рядом с ним можно поставить только Шоипа Центороевского да и Хаджи-Юсупа Алдинского, упокой Аллах их души. Поэтому предлагаю выпить по одному рогу за покойного Талгика и молодого Батуко.

— Прошу простить меня, Сайдулла, коли по недомыслию своему я обидел тебя, — сказал Муса. — Но, клянусь честью, у меня и в мыслях не было унизить Талгика. И если ты хочешь услышать от меня правду, то я скажу ее тебе. Да, Талгик был мозгом ваших войск. И не только ваших. Всему миру известно, что героем Шамиль стал благодаря вам, чеченцам. Вы воскресили его, похороненного у Ахульго, а ваши наибы — Шоип Центороевский, Хаджи-Юсуп Алдинский, Гойтамир Ауховский, Зеки и Сааду Мичикские, Батуко Аргунский, Бойсангур Беноевский и многие другие смелые и мужественные сыны гор во главе с мудрым полководцем Талгиком Шалинским — возвысили его. И я, принимая твой тост, с большим удовольствием и уважением пью за них!

Еще задолго до того, как прибыли гости, Кундухов распорядился никого не принимать, а тем более впускать. Разговор предстоял долгий и трудный, и никто не должен был помешать его течению.

Даже от слуг отказался Кундухов, возложив их обязанности на Афако.

— Да, умный человек был Хаджи-Юсуф Сафаров, земляк бессмертного Мансура! — продолжал Муса. — Мы близко узнали его, когда он пришел к нам. Он отлично понимал современную военную науку и отлично владел ею. К тому же знал турецкий, арабский и еще

добрый десяток языков. Будучи начальником генштаба и премьер-министром Шамиля, он ввел в его имамате административное управление по европейскому образу. Ему принадлежала идея создания регулярных войск и строительства всех горных крепостей. Но неблагодарный имам сумел оскорбить и унизить столь замечательного человека перед своими невежественными наибами.

Афако наполнил роги, и Сайдулла снова встал.

— До тех пор, пока стоят незыблемо наши горы, а из сердца их льется бурный Терек, — голос его звучал так, словно он произносил клятву, — пока день сменяется ночью и пока на земле будет жив хоть один человек, пусть рождаются и живут среди нас такие храбрые, умные и мужественные люди, о которых ты, Муса, говорил сейчас! Пусть ни одна мать не родит неверного, трусливого и вероломного сына. А если он и родится, пусть не доживет до первого же восхода солнца. Пусть вечно сопутствует удача тому, кто бесстрашен в бою, пусть задохнется тот, кто, убегая с поля брани, спасает жизнь свою! Да вознесет Аллах павших в сражениях, отстаивая свободу родных гор, и да придет счастье к тем, кому не предписала судьба пасть вместе с ними.

— Аминь!

— Да поможет нам всемогущий Аллах! Да будет между нами мир и согласие!

— Аминь!

Рог нельзя ставить или класть на стол, не осушив до дна. Уже привыкший к винам Муса справлялся с наполненными рогами легко, труднее приходилось Сайдулле, а еще хуже — болезненному Алихану. Но они продолжали пить наравне с Мусой. Иначе нельзя:

тост произнесен и отказаться выпить за него означало бы проявить неуважение и к тосту, и к тому, кто его произнес, и ко всем сидящим за столом.

Сайдулла вытер полой черкески усы и исподлобья, который уже раз, бросил быстрый испытующий взгляд на Мусу. К чему такие сладкие речи? К чему он клонит? Ведь не случайна же сегодняшняя встреча. Что же, можно и подождать немного.

Развязка наступит. Рано или поздно…

— Что и говорить, славное время было, — продолжил он разговор, начатый Кундуховым. — Били мы царских генералов. Били… Но победа не приносила радости. Ведь отступая, они уничтожали все: и живое, и неживое. Подло заваливали колодцы трупами лошадей.

— Но и ты не оставался перед ними в долгу, дорогой Сайдулла, — возразил Кундухов. — За одно срубленное дерево брал по одной их жизни.

— Какой толк даже от такой мести? — с горечью проговорил Сайдулла. — За какие-нибудь два-три часа генералы огнем и топором уничтожали то, что создавалось на протяжении веков не одним поколением нашего народа. В конце концов нас лишили собственной земли и загнали в горы. А счастье улыбается сегодня предателям, тем, кто верно служит царю. Говорят, есть такой зверек — нечто среднее между мышью и кошкой. Если зверек оказывается среди кошек, он объявляет себя кошкой, если среди мышей — то мышью. Люди, подобные этому зверьку, спасая свою шкуру, шли против своих соотечественников.

— Тогда выходит, что и ты тоже иногда уподоблялся ему, — мягко, чтобы не слишком обидеть товарища, произнес Кундухов, но в голосе его прозвучало некоторое злорадство.

Чувствительный к любому неприятному ему слову Сайдулла вспыхнул и, с трудом сдержав гнев, воскликнул:

— Нет, дорогой Муса, никогда я не предавал своего народа! А если и перешел на сторону русских, то только для того, чтобы предотвратить напрасную гибель людей, когда наше сопротивление было уже бесполезным. Притом гораздо раньше меня перешли к генералу Эски, Батуко…

— Затем Талгик, Умалат, Эдал, Дуба… Я же все помню и все понимаю. Однако вы потеряли доверие своего народа, но и у властей тоже не в почете. А Чермоевы и Курумовы, которые и ногтя вашего не стоят, вознесены и купаются в богатстве…

— Знаю.

— И тебя такое положение устраивает?

— Я не гонюсь за чинами.

— Выходит, тебе нравится быть в подчинении? Да еще у людей весьма сомнительных? Я, например, предпочитаю ездить на других и никому не позволяю сесть себе на шею.

— Строптивая речка не дойдет до моря, говорят у нас. Спешка приводит к гибели, терпение — к победе. Рано или поздно наступит день, когда мы сможем освободить свой народ и вздохнуть полной грудью.

— Значит, надо ждать нового восстания? — внешне почти равнодушно спросил Кундухов, сдерживая ликование. Но радость его была преждевременной.

— Может быть, кто-то его и начнет готовить со временем, — спокойно ответил Сайдулла, — Жизнь покажет…

В комнате повисла тишина.

Кундухов собирался с мыслями. И без того малоразговорчивый Алихан, прикрыв глаза, глядел куда-то поверх голов сидящих за столом. Сайдулла погрузился в размышления. Упрек Мусы всколыхнул ему душу и воскресил в памяти последние годы войны.

И, в частности, тот злополучный день, когда он, оставив Шамиля, перешел к русским.

…Чечня горит, охваченная пожаром. Царское правительство, не полагаясь на ум и военное мастерство своих генералов, предпочитает

более варварское, бесчеловечное, но зато надежное и не раз уже испытанное средство ведения войны. Огонь становится единственным оружием царских генералов, пожар пришел на смену сражениям. Огонь был эффективнее самых мощных пушек и был неутомимее солдат. Обман, запугивание, подкуп и подстрекательство к измене приобретают самые широкие масштабы.

Начинают входить в практику войны похищения и убийства из-за угла видных деятелей Чечни. Чечню уничтожали физически и разлагали морально. Грабеж стал фактически узаконенной мерой.

Грабить разрешалось всем: и казакам, и солдатам, и отрядам перебежчиков, даже мирным горцам.

В результате покорилась Малая Чечня. Хаджи-Юсуф Сафаров из аула Алды, некогда служивший в Каире у Магомед-паши Египетского, человек во всех отношениях достаточно сведущий и грамотный, перешел к Барятинскому и выдал ему все сведения относительно укреплений имамата. По-видимому, что-то произошло между имамом и Хаджи-Юсуфом. Поговаривали, будто имам ненавидел Хаджи-Юсуфа за образованность и поэтому даже хотел умертвить его.

Три месяца подряд, не утихая, бушевал пожар в равнинной части Чечни. Горело сено в стогах на Гелдигенской поляне, горели запасы кукурузы в Курчалое, пылали хутора на Мезанской поляне.

Громадные, густые клубы дыма ветер сносил к Черным горам, и они, и без того мрачно возвышавшиеся на горизонте, выглядели еще страшнее и угрюмее, окутанные сплошной дымовой завесой,

1858 год. Теперь Барятинский действует уже в Большой Чечне.

"Не увлекайтесь сражениями, — напутствует он солдат, — гоните горцев с полей, жгите и вытаптывайте их запасы, захватывайте и режьте скот, разрушайте жилища!" За четыре месяца огонь и жестокость расчистили огромное пространство и у Гельдигена, в центре Чечни, куда лет пятнадцать не ступала нога противника, Барятинский принимал парад победы.

Женщины Чечни перестали рожать детей. Скот не успевал плодиться. Сады зарастали. Поля отвыкли от жатвы — посеянный хлеб не доживал до уборки. Чечня умирала. Умирала, но не сдавалась.

Чеченцы жили от сражения до сражения, а не от урожая до урожая. Даже признанные герои гор оказывались бессильными при подобных методах борьбы перед могущественной империей. Влияли на горцев и изменения социальных отношений, которые несла с собой русская армия.

Шамиль, разъяренный, стоящий на грани краха, носился из аула в аул, призывая народ к активному сопротивлению. Он понимал, что гибель Чечни — это и его гибель, его конец, конец его славы и начало бесчестия. Поэтому он требовал, угрожал, приказывал. Потом вдруг, словно опомнившись, резко менял стиль отношений и рассылал письма чеченским наибам:

"От повелителя всех мусульманских народов Шамиля душевному другу моему наибу Талгику. Желаю тебе вечного мира! Именем Всемогущего Бога призываю вас на брань с неверными…

Действуйте против неприятеля так же хитро, как лисица, и не отступайте от обычаев наших славных предков. Положитесь на Бога, он не допустит, чтобы нанесли вам новые обиды.

Ничтожный раб Божий Шамиль".

"От имама Шамиля братьям моим Атаби, Сайдулле, Дубе, Талгику.

Желаю вам мира и предписываю собрать всю чеченскую кавалерию к будущему четвергу в Шали. Вы должны быть там с партиями до моего прибытия. Если Бог позволит, я в тот же день буду и сам в Шали".

"Душевному другу моему Талгику. Да будет милостив к тебе Всемогущий Аллах. Предлагаю тебе завтра быть на условленном месте…"

Имам менял тон. Теперь он не приказывал, а просил.

Но чеченские наибы уже мобилизовали свои последние силы. В июне закипели бои. Окружив разбросанные отряды царских войск, горцы повели энергичное наступление. 13 июня конница молодого наиба Батуко атаковала Тенгинский полк, порубила стрелковую роту и вызвала панику в авангарде всего отряда. Однако, получив тяжелую рану, Батуко приказал отступить. Бои не стихали. Чеченцев упорно продолжал теснить генерал Евдокимов.

Между тем восстали ингуши. Поручив войска Евдокимова заботам наиба Талгика, имам с отрядом чеченцев поспешил к Назрани.

Прямо с марша, без отдыха, он атаковал генерала Мищенко и ворвался в Ингушетию. Однако Шамиль упустил момент. Ингуши не выдержали огня и отступили, помешав чеченской коннице развить атаку. Потеряв в этой операции четыреста человек, Шамиль вернулся в Ведено.

Евдокимов же прорвал кольцо, проник в Шатоевскую долину и немедленно сжег несколько аулов, за всю свою историю никогда не видевших здесь русских солдат.

Тяжелое положение усугубилось начавшимися распрями между чеченцами и дагестанцами. Постепенно они переросли в открытую вражду и военные столкновения. Особенно обострились отношения после того, как Шамиль, пообещав женить сына Гази-Магому на дочери Талгика, почему-то вдруг изменил своему слову и женил его на дочери Даниэл-бека Елисуйского. Затем самого Талгика он снял с должности бессменного наиба Большой Чечни, а на его место назначил Гази-Магому, чем оскорбил и унизил всех без исключения чеченских предводителей, представлявших большую и наиболее талантливую часть командного состава войска Шамиля.

Теперь равнинные аулы один за другим прекращали военные действия и переходили на сторону противника. Тогда имам приказал своему сыну захватить аманатов[52] из всех чеченских аулов. Одновременно он сместил чеченских наибов, назначив на их место дагестанцев. После таких его шагов переход к русским принял массовый характер.

Но Шамиль все еще не терял надежды, фанатично продолжал верить в победу. Притесняя и унижая чеченцев, он в то же время не стеснялся обращаться к ним с нижайшими просьбами. Так, осенью он созвал всех чеченских военачальников и наиболее авторитетных проповедников-улемов на поляне у Шали, и обратился к ним со следующей речью:

— Не бойтесь русских! Из Ахулъго я сбежал к вам с семью товарищами и с вашей помощью стал грозным имамом. Не думайте, что я вас оставлю и скроюсь в горы! Нет, я умру здесь, на вашей земле! Храбрее и смелее вас нет народа в мире. Будьте спокойны и ничего не бойтесь. Русские тратят бесчетные деньги и губят сотни тысяч солдат, чтобы, как только будет завоевана ваша земля, брать вас в солдаты, а ваших жен заставить забыть обычаи. Они отберут у вас оружие и не позволят вам иметь даже ножи. Всех ваших почетных людей сошлют в Сибирь, и вы станете русскими мужиками. Подождите немного, и вы станете русскими мужиками. Подождите немного, и вы увидите, что будет после.

Вы жестоко раскаетесь, будете кусать себе пальцы, но ничем уже не поможешь…

Но долголетняя и изнурительная Кавказская война шла к своему неизбежному концу. Генералы действовали огнем и золотом.

В эти трудные дни шатоевский кади Суреп-Мулла явился к Евдокимову с изъявлением покорности всего Шатоевского общества. Генерал, в свою очередь, назначил его верховным правителем этого общества. А уже через день и старшина чантинцев Дуга пришел к Евдокимову с просьбой поддержать его группу против имама. Чечня разваливалась. И ее жгли теперь все, кому не лень. Сквозь огонь невиданного пожара в крепость Грозную прорвался раненый, в обгоревшей черкеске, наиб Батуко и сложил свое оружие к ногам Евдокимова. Генерал милостиво вернул ему оружие и оставил в звании наиба Шатоевского общества, а кадия Суреп-Муллу назначил судьей. Так генерал подкупил одного из способнейших чеченских командиров и поманил в свои сети остальных.

Наконец-то сбылись мечты Евдокимова. Его дипломатия — дипломатия подкупа, предательства, шпионажа и диверсии, проводимая им среди горцев, дала ожидаемые положительные результаты, а распри, возникшие между чеченцами и дагестанцами, лишь довершили дело. У Евдокимова один за другим появлялись чеченские наибы. Вслед за Батуко явился Сайдулла.

Явился не с пустыми руками. Он сам, не прибегая к помощи царского командования, поднял восстание против имама и привел к присяге более двадцати пяти аулов.

Евдокимов ликовал: самые смелые и способные чеченские наибы, включая Талгика, теперь были с ним. Он искренне почитал храбреца Сайдуллу и даже познакомил его с офицерами, которых он разбил в Урус-Мартане. Генерал поручил Сайдулле выкурить абреческую вольницу из лесов Фартанги и Ассы. Через месяц в лесах наступили спокойствие и тишина.

Обессилевшие чеченские аулы сдавались царским генералам. Но еще билось сердце этой долголетней войны: Ичкерия продолжала сражаться. Прорубая просеки, уничтожая леса и аулы, генерал Евдокимов продвигался в глубь Ичкерии.

1 апреля 1859 года после двухнедельной героической обороны пал аул Ведено — столица имамата. Барятинский объявил приказ по войскам:

"Господь Бог за великие труды и подвиги наши наградил нас победой, неодолимые доселе преграды пали. Ведено взят и завоеванная Чечня повергнута вся к стопам Великого Государя.

Слава генералу Евдокимову!

Спасибо храбрым сподвижникам его!"

В ознаменование победы над Чечней главнокомандующий приказал отсалютовать сто одним залпом из орудий Метехского замка.

Шамиль же не захотел расставаться с Чечней даже после падения Ведено и Дарго. Теперь он пригласил чеченцев в Эрсеной и в который уж раз обратился к ним с горячей речью:

— Чеченцы! Нет в мире мужественнее вас народа! Вы — светочь религии, опора мусульман! Вы восстановили ислам, после его упадка. Вы много пролили русской крови, пленили знатных гяуров. Сколько раз вы заставляли трепетать их сердца от страха. Знайте, что пока я буду жив, я ваш товарищ и постоянный гость. Ей-богу, я не уйду отсюда в горы, пока останется хоть одно дерево в Чечне!

Чеченцы же, понимая бесполезность его призывов, молча расходились. И 12 мая вся Ичкерия, за исключением лишь беноевских аулов, прекратила сопротивление.

25 августа 1859 года в три часа дня седая голова имама Шамиля склонилась перед князем Барятинским, всего лишь через пятьдесят пять дней после того, как Шамиль ушел из Чечни и укрепился в Гунибе…

…Пока шла война, Барятинский жаловал и заботливо оберегал перешедших к нему наибов. Но как только смолкли выстрелы и установился мир, его бывшие помощники превратились в никому не нужный балласт. Правда, формально они еще числились наибами, но у них уже не было ни власти, ни почета. Да и доверие к себе они утратили тоже…

— Нет, не упрекай меня, Муса, — повторил Сайдулла, все еще находясь под властью нахлынувших воспоминаний. — Видит Аллах, я не предавал свой народ, я просто не хотел лишней крови.

— Если я нечаянно обидел тебя, прошу меня простить — ответил Кундухов.

— Нет, Муса, на такие слова ты имеешь право, право победителя.

Ты — царский генерал, на твоей стороне сила и богатство. Пять тысяч чеченских семей, вместе взятые, окажутся беднее тебя одного… Ты говоришь, что я предатель… Подожди, Муса, не перебивай, дай мне сказать, что я думаю. Так вот, я согласен оставаться нищим всю оставшуюся жизнь, нежели владеть богатством, пахнущим кровью своего народа.

Алихан испуганно толкнул его в бок.

— Опомнись, Сайдулла! Мы же у него в гостях!

— На сердце каждого чеченца много ран. У меня они вот здесь,
— он ударил себя кулаком в грудь. — И нельзя каждый раз бередить эти раны. Хозяин, как никто другой, должен знать об этом.

"Да, в своих предположениях я оказался прав, — подумал Кундухов, глядя на разволновавшегося гостя. — Ему не верит его собственный народ, а власти тем более. Значит, если умно повести дело, то его можно будет склонить на свою сторону. Но лев что-то слишком разъярился. Надо его успокоить".

Он подошел к Сайдулле и обнял его за плечи.

— Не сердись и не обижайся, друг! Мы — горцы, а значит, братья. Что из того, что я генерал? Царю теперь никто из нас больше не нужен. Времена изменились. Кстати, мне верят даже меньше, чем тебе. Только и я не бесчувственное дерево, и меня по ночам преследуют кошмары из-за того, что на мне кровь ваших соотечественников. Я боюсь Божьей кары и буду искать прощения и спасения. Я люблю и уважаю ваш народ и думаю, что нет надобности объяснять это. Так вот, я готов пожертвовать собой, чтобы хоть как-то облегчить его участь. При этих словах Сайдулла резко поднял голову и в упор, долгим и внимательным взглядом посмотрел в лицо Кундухову. Муса спокойно выдержал этот пронизывающий взгляд и ничем не выдал себя.

Подозрительный Сайдулла успокоился.

— Говори, Муса, я тебя слушаю, — глухо проговорил он. — Ты был жестоким, но никогда не был трусливым.

Кундухов поднял ладонь, словно закрывая ему рот и приказывая замолчать, и жарко выдохнул:

— Поймите меня, я такой же горец, как и вы!

— А раньше?

Кундухов вздрогнул, глаза его сверкнули, но огромным усилием воли сдержал себя.

— Мужчинам не подобает горячиться. — Он взял Сайдуллу за руку.-

Успокойся. А ты, Афако, налей-ка нам всем вина… Сайдулла, Алихан, вы оба должны выслушать меня. Вопрос очень важный, и от того, какое мы примем сегодня решение, будет зависеть будущее ваших соотечественников…

Кундухов замолчал. От внутреннего напряжения на лбу его выступила испарина. Опустившись в кресло, он вытер лицо платком.

Алихан и Сайдулла молча ждали, что хозяин скажет дальше. О чем будет идти речь, они не подозревали, но по поведению генерала, по всему его виду догадывались, что им предстоит услышать что-то весьма неожиданное и важное.

— Все, что будет мною сказано, — донесся до них голос хозяина, — должно оставаться в строжайшей тайне, в противном случае меня немедленно уничтожат.

— Ты хочешь, чтобы мы поклялись на Коране?

— В этом нет надобности. Но закрепить наш союз следует. — Он поднял рог. — Да поможет нам Бог!

— Аминь!

— Аминь!

Кундухов вытер усы и перевел дыхание.

— Друзья, в ваших глазах я всего лишь царский генерал. Да, я не нуждаюсь в вашей доброте и не боюсь вашего зла. Хотя сам в силах сделать вам и то, и другое. Успокойся, Сайдулла!

Наберись терпения и выслушай меня. Я выразился подобным образом, потому что знаю все ваши тайны.

— У меня нет тайн, Муса, сын Алхаза! — вскипел Сайдулла. — Я воин и все делаю в открытую!

— А готовящееся восстание?

— Еще раз говорю: я о нем ничего не знаю! И если оно действительно готовится, то я против него, ибо кроме новых жертв оно ничего не принесет.

— Хорошо, мягко сказал Кундухов. — Верю тебе. Но речь сейчас не об этом. Мне хочется узнать и понять, на что вы надеетесь?

Вы думаете, царь даст прежние права? Или вернет вам ваши земли? Не надейтесь! Не мне вам объяснять, в каком сейчас положении находятся чеченцы…

Со двора донеслись шум, фырканье лошадей и приветственные возгласы. В комнату заглянул слуга и доложил, что прибыл офицер от Лорис-Меликова.

— Афако, пойди и побудь с ним, — сказал Кундухов, обращаясь к брату. — Ко мне его не пускай, скажи, что у меня гости.

— Говори, Муса, что еще придумал для нас русский царь? — угрюмо спросил Сайдулла, когда дверь за Афако закрылась.

— Это — государственная тайна. Открыв ее, я совершу преступление, — словно не решаясь на откровенность, тихо и

медленно проговорил Кундухов. — Но и молчать я не могу, друзья мои…

Кундухов долго и подробно излагал им план Лорис-Меликова по переселению чеченцев в Малую Кабарду и заселению казаками освободившихся земель.

— Таким образом, — закончил он, — вы становитесь чужестранцами на своей же родной земле.

Алихан молчал, пораженный услышанным.

— Такого не может быть! — вскочил Сайдулла. — Значит, плохо они знают нас, если рассчитывают, что мы, подобно стаду баранов, пойдем туда, куда нас погонит пастух. Да я сам первый встану во главе восстания и докажу народу, что остался ему верен до конца.

Вот и наступил тот решающий момент, когда Мусе предстояло ринуться в атаку. Сейчас должно свершиться то, что не давало ему покоя, что заставляло метаться между Константинополем и Тифлисом.

— Ты, Сайдулла, и ты, Алихан, действительно ли вы хотите счастья для своего народа?

Оба гостя удивленно взглянули на хозяина.

— Так вот, восстание, как бы тщательно оно ни было подготовлено, ничего не даст, — твердо сказал Кундухов. — А раз так, то перед вами три пути: либо восстать и погибнуть в неравной борьбе, либо переселиться на указанную властями землю, либо… уйти в Турцию. Я не хочу и не буду принуждать к выбору. Сделайте его сами, исходя из того, что вам больше по душе.

Да, было над чем поразмыслить Алихану и Сайдулле! Алихан гладил преждевременно поседевшие усы, то и дело бросая беспомощные взгляды на Сайдуллу. "Я не могу, нет у меня сил, чтобы ответить!" — так и хотелось крикнуть ему. Не выдержав, он встал и, хромая на левую ногу, отошел к окну.

— Но мы же не имеем права вдвоем говорить от имени всего народа, — прервал затянувшееся гнетущее молчание Сайдулла.

— Если вы действительно желаете ему добра, то такое право у вас есть.

— Опять повторяю: строптивая речка не дойдет до моря. Не торопись, Муса. Прежде чем дать ответ, я должен кое с кем посоветоваться.

— Нет, Сайдулла, это уже не мужской разговор. Я открыл вам тайну, за которую меня могут повесить, а потому жду немедленного ответа. Решать вам.

Сайдулла перебирал варианты и мучительно искал выход:

"Восстание? Нет, слишком рано! В Малую Кабарду? Расселиться среди неверных? Народ совсем потеряет свое лицо. Что же остается? Турция?" Ему казалось, он задохнется. Он стремительно заходил по комнате. "Алихану легче. Он молод, а с молодого какой спрос?"

— А как бы поступил ты? — спросил он вдруг в упор, останавливаясь перед Кундуховым и глядя ему прямо в глаза.

— Ушел бы в Турцию.

— Чтобы уподобиться адыгам?! — вскричал Алихан.

Вот этого-то и боялся больше всего Кундухов. Но он предвидел, что такой вопрос ему будет задан, а потому заранее подготовил ответ.

— Адыги в Турции были незваными гостями. Они шли туда толпами, и султан лишь из жалости вынужден был принимать их. Вдобавок ко всему он и его страна не были подготовлены к приему своих единоверных братьев, поэтому адыги оказались в бедственном положении.

— А нас что, ждет там накрытый стол?

— О вас султан даже слишком наслышан. У него сложилось мнение о чеченцах, как о храбрых защитниках ислама. Я ездил в Стамбул к визирю Абдул-Межида Али-паше, к моему хорошему другу. Я встречался и говорил с султаном, поведав ему о трудном положении, в котором вы находитесь. Он очень печалился и обещал чеченцам свою помощь. "Передайте моим братьям по вере, — сказал он мне, — что я не потерплю стонов мусульман под игом гяуров". И просил передать, что если вы согласитесь переселиться в Турцию, то он примет вас с радостью, выделит хорошие земли и окажет помощь в благоустройстве.

Все это звучало слишком неправдоподобно. Да разве султан когда-нибудь помогал чеченцам? Никогда! Не доверяя ни единому слову Кундухова, гости переглянулись.

— Вижу, сомневаетесь! — сказал Кундухов, вставая. — Я понимаю вас.

Он подошел к сейфу, стоящему напротив небольшого письменного стола, и достал из него прокламацию, напечатанную по просьбе Лорис-Меликова в Тифлисе.

— Вот, — сказал он, передавая прокламацию Сайдулле, — читайте сами, что пишет вам турецкий султан.

Сайдулла долго вчитывался в арабский текст, походил по комнате в глубочайшем раздумье и еще раз перечитал прокламацию.

— Твое мнение, Алихан?

— Если верить Мусе и этой бумаге, то Турция, я думаю, явится для всех нас лучшим да и единственно возможным выходом.

— Видит Аллах, я сказал истинную правду, — пожал плечами Кундухов.

— И все же, не так-то просто уйти в Турцию, — не сдавался Сайдулла. — Во-первых, согласятся ли наши люди? А во-вторых,

пойдет ли на это царское правительство?

Кундухов рассмеялся.

— Царь ночами не спит, думая о том, что с вами делать. Чеченцы для него, что кость в горле. — Генерал двумя пальцами разгладил пышные усы, что было явным признаком хорошего настроения. — А люди… Они поймут, что иного выхода для них просто не существует. Если даже усомнятся, то их нужно убедить. Пять-шесть тысяч семей все равно удалят из Чечни.

Мне, например, известно даже о решении правительства переправить Кунту-Хаджи и его мюридов из мест его нынешней ссылки в Турцию. В любом случае многим придется распрощаться с родиной. Ведь и шалинское дело еще не закончено. И не следует тешить себя надеждой, что с арестом нескольких главарей оно будет прекращено. Нет, друзья, Турция может дать нам многое. Она позволит сохранить свой язык, веру, обычаи.

Знаю я и то, что правительство уже решило всех мюридов Кунты-Хаджи и малопослушных людей вместе с семьями выселить из Чечни или в Сибирь, или в Малую Кабарду. Куда именно, еще не уточнили.

— В России наши дети станут христианами, — с горечью произнес Алихан.

— Мне почему-то кажется, что власти даже окажут вам помощь.

Ведь ваш уход в Турцию будет добровольным. И для них это будет как бы избавлением от многих забот и неприятностей. О лучшем они и мечтать не могли бы.

— Мне кажется, Сайдулла, — болезненное лицо Алихана исказилось, — что Муса действительно желает нам добра. Я согласен!

— Согласиться не трудно, — неуверенно произнес Сайдулла. — Но речь идет не об одном человеке, а о многих тысячах голодных и оборванных людей. Но поймите, это ведь только бумага! — вдруг выкрикнул Сайдулла. — Бумага! Но где настоящая гарантия тому, что нам здесь обещано? Где?

— Такая гарантия есть.

— Где она, я спрашиваю?

— Разве лично я, Муса Кундухов, не достаточная гарантия для всех вас?

— Ты?

— Да, я!

— Не понимаю. Объясни…

— Я беру на себя личную ответственность за судьбы тех, кто твердо решит переселиться в Турцию. Всех сразу, конечно, переправить мы не сможем. Переправляться придется небольшими группами. Пусть люди берут с собой все имущество, весь скот.

Двигаться будем по суше, через Грузию. Конечно, я не могу защитить людей от смерти и от бед, ниспосланных Аллахом, но довести их до Турции и поселить на выделенных им землях — это в моих силах.

Еда на столе давно остыла, но к ней никто и не прикасался.

Хозяин не настаивал, а гостям было не до еды.

Кундухов продолжал вкрадчиво убеждать и даже уговаривать Сайдуллу. Нет, на легкую победу в своем замысле он не рассчитывал. Но даже сейчас, когда Кундухов пустил в ход все свое красноречие, Сайдуллу еще нельзя было считать окончательно побежденным. И крайне недоверчивый, во всем сомневающийся бывший наиб Шамиля начал уже раздражать генерала своим упрямством. Он словно читал какие-то мысли Кундухова, и они вновь и вновь заставляли его обдумывать каждое слово генерала.

Глаза их встретились.

— Муса, ты сможешь ответить на мой вопрос правдой? — негромко спросил Сайдулла.

Кундухов молча кивнул.

— Считал ли ты, сколько пролито тобой чеченской крови, скольких чеченцев по твоему приказу повесили, расстреляли и отправили в Сибирь?

— Знаю, Сайдулла, много.

— Тогда ответь мне, как мужчина мужчине, почему вдруг ты стал проявлять такую трогательную заботу о нас?

"Тот же самый вопрос задавал мне сначала Лорис-Меликов, теперь и этот. Но отвечать на него мне надо".

— Вы оба вправе задать мне этот вопрос, — с не свойственной его голосу искренностью заговорил Кундухов. Лицо его стало грустным. — Да, на войне я действительно был жесток и на моей совести действительно немало крови многих ваших соотечественников. Вы знаете об этом даже лучше, чем я.

Нетрудно догадаться, что руководило тогда мною: молодость, честолюбие, жажда славы. И было у меня вполне объяснимое оправдание. Поступали приказы, и я их исполнял, и ослушаться их не мог. Но все дело-то в другом. Верите или нет, но я не думал тогда о Боге. Я не простирал рук к Аллаху. Я ни в его, ни в чьей-либо помощи тогда вообще не нуждался. Но годы, годы берут свое. Мертвые стали преследовать меня по ночам. Крики женщин, плач детей и кровь, кровь… Нескончаемые потоки крови. Я стал вскакивать среди ночи и зажигать свет. Я стал бояться темноты, ибо она походила на мое кровавое прошлое. Как избавиться от всего этого наваждения, от воспоминаний? Как искупить свою вину перед Богом и своими соотечественниками?

И тогда пришло решение помочь им избавиться от новых страданий…

Эта исповедь тронула сердце Сайдуллы. Но все же на окончательный ответ он решиться не мог. Его душу терзали сомнения. Чужой народ, чужая страна. Покинуть родину не так-то просто. Перебраться в Турцию — это не переехать из Гехи в Гойты. Разве он,

Сайдулла, имеет право вести людей в неизвестность? Это все равно, что с завязанными глазами пойти по самому краю пропасти.

— Верю, Муса, что ты говорил от чистого сердца, верю, что ты искренне хочешь нам помочь, — сказал Сайдулла. — Но ни у меня, ни у Алихана в Турции нет знакомых, не знаем мы и чуждого нам языка. Пока чеченцы на родной земле, султан может говорить им самые сладкие речи. Но верить им у нас нет оснований.

— Вы поедете не одни! Вместе со всеми вами уеду и я, — генерал бросил на стол свой последний и решающий козырь. — С первой же партией переселенцев я отправлю свою семью, с последней поеду сам.

Слова его прозвучали, как гром. Всего ожидали от него гости, но о таком и думать не могли. Генерал царской армии вместе со своей семьей уезжает вместе с ними в Турцию? Было от чего прийти в изумление.

Сайдулла даже привскочил.

— Как? — почти шепотом переспросил он. — Ты тоже едешь с нами?

— Да, я решил это окончательно и бесповоротно.

— А свое богатство куда ты денешь?

— Тебя же, как преданного генерала, русские очень и очень ценят, — вставил Алихан, тоже еще не пришедший в себя от слов Кундухова.

— Ну и что? — возразил Кундухов. — Я не только в Турцию, в отшельники пойду, лишь бы искупить свою вину. Часть имущества раздам бедным, а чин — это так, пустое. Никто не спросит меня завтра, на том свете, до какого дослужился звания. Все мы одинаково будем держать ответ за земные грехи. Аллах предопределил наши судьбы… И мы поступаем так, как повелевает он… Не надо сомневаться. Я помогу вам устроиться.

Чин паши позволит мне сделать это.

Последний гвоздь в мост, ведущий к сердцу Сайдуллы, был вбит.

Сайдулла Успанов размечтался. Он снова видел себя на вороном коне и в расцвете своей славы. Разве не унизительна роль царского шута, пусть даже и в чине майора, для бывшего наиба Шамиля? Такую роль отвели ему здесь, в России. А там, в Оттоманской империи, он снова станет прославленным воином.

Острая сабля и стальное сердце вновь приведут его к счастью.

— В Турции храбрость и мужество ценятся высоко, — словно читая его мысли, разжигал честолюбие гостя Кундухов — И, возможно, когда-нибудь во главе султанских войск мы сможем прийти сюда и освободить свои горы от гяуров.

— Может, возьмем с собой в Турцию лишь несколько сотен смельчаков? А там посмотрим…

Кундухов нахмурился. Ему снова пришлось доказывать Сайдулле необходимость массового переселения. Даже с точки зрения материальной помощи со стороны султана. Иначе незачем и ехать.

— Когда начнем выступать? — по-военному спросил Сайдулла. -

С началом весны.

Сайдулла снова надолго погрузился в молчание.

— Ну, давайте, друзья, решайте: да или нет? — не выдержал Кундухов.

— Сначала надо узнать, что думают люди, — снова протянул Алихан.

— Не думаю, что они откажутся. Тем более, когда узнают, что султан Абдул-Межид ассигновал на организацию переселения десять тысяч рублей. Сумеете сами, вдвоем организовать это дело — деньги достанутся вам двоим. Если найдете подходящих добровольцев, желающих содействовать вам, то поделитесь деньгами с ними.

— Муса, вот с этого и следовало тебе начать, — первый раз в голосе Сайдуллы прозвучали веселые нотки, а мрачное выражение на

его лице сменилось улыбкой. — За то, что мы добровольно покинем ад, нам еще и деньги заплатят? Ты слышал, Алихан?

— Этот ад — наша родина, Сайдулла, — тихо проговорил Алихан.- Свой ад, наверное, милее, чем чужой рай.

— Не надо скулить, Алихан, — веселое настроение теперь уже не покидало Сайдуллу. — Кто знает, может, мы действительно вернемся, чтобы освободить свою родину! Ради такой высокой цели не грех на время и покинуть ее!

— Так вы согласны? — спросил Кундухов.

— Да!

— Я смогу положиться на вас?

Сайдулла вскинулся:

— Не забывай, что перед тобой мужчины…

Кундухов вытащил из сейфа резной ларец с серебром, поставил его на стол. Затем с Кораном в руках подошел к гостям.

— Решение принято. И его следует скрепить клятвой. — Коснувшись правой рукой Корана, Кундухов стал торжественно и медленно произносить слова клятвы:- Я, Муса, сын Кундухова Алхаза, перед Богом, при свидетелях — Сайдулле, сыне Успана, и Алихане, сыне Цуги, — клянусь на этом Коране, что все, сказанное мною, — правда, с первого до последнего слова. И я не нарушу своей клятвы. Если же нарушу, то присутствующим здесь людям я заранее прощаю свою кровь.

— Мы же не требовали от тебя клятвы, — сказал Алихан.

— Вы и не могли от меня ее потребовать, ибо многого не знали.

Но теперь и я обязан попросить вас сделать то же, что и я, — сказал Кундухов. — Возьмите, Сайдулла и Алихан, Коран и оба поклянитесь в том, что тайну, которую я раскрыл вам, не передадите

никому другому, что отныне вы будете беспрекословно повиноваться мне до той поры, пока я не освобожу вас от вашей клятвы.

Сайдулла смотрел не на Коран, а прямо в глаза Мусе.

— Подожди, Муса, — отстранил он рукой протянутый ему Коран,-

Насколько я понял, ты сказал, что собираешься переселиться в Турцию вместе с семьей. Так вот, это тоже необходимо заверить твоей клятвой. Раз ты не веришь нам, почему же мы должны слепо верить тебе?

Кундухов пристально посмотрел на Сайдуллу.

— Хорошо, Сайдулла, будь по-твоему, — спокойно ответил он и вновь положил руку на Коран. — Я еще раз клянусь, что в случае перехода в Турцию пяти тысяч чеченских семей, вместе с ними я отправлю свою семью, клянусь, что уеду туда сам и не вернусь, пока там останется хоть один чеченец из числа доверившихся мне. Теперь ты удовлетворен?

— Да. — Сайдулла широко улыбнулся. — Но твою тайну нам придется приоткрыть народу, ведь призывая его к переселению, мы будем опираться на твое имя.

— Я разрешаю вам говорить о моей поездке в Стамбул, о моих переговорах с султаном и с визирем, а также и о том, что я собираюсь вместе со всеми вами переселиться в Турцию. Теперь очередь за вами, Сайдулла, Алихан.

Сайдулла взял в руки книгу, раскрыл ее и, убедившись, что это действительно Коран, сказал:

— Я, Сайдулла, сын Успана, перед Богом и при свидетелях клянусь на Коране не разглашать тайну Мусы, сына Алхаза, беспрекословно выполнять все его указания, если эти указания не будут посягать на мою честь и не оскорбят меня, клянусь сохранять верность товарищам, и если я нарушу клятву, то пусть постигнет меня Божья кара, а если

мои товарищи не сдержат слова, то клянусь отомстить им, совершив над ними справедливый суд.

Такую же клятву произнес и Алихан.

— Теперь о деньгах. Вот они, — сказал Кундухов, открывая ларец. — Здесь пять тысяч рублей. Остальные получите потом, когда двинется наше дело. Возьмите с собой и обращение к чеченцам султана Абдул-Межида. Да поможет нам Аллах!

— Аминь!

Часть вторая. НАЧАЛО КОНЦА

ПОСРЕДСТВОМ ВОЙНЫ ЦАРИЗМ СТРЕМИТСЯ УВЕЛИЧИТЬ КОЛИЧЕСТВО УГНЕТАЕМЫХ РОССИЕЙ НАЦИЙ, УПРОЧИТЬ ИХ УГНЕТЕНИЕ И ТЕМ ПОДОРВАТЬ БОРЬБУ ЗА СВОБОДУ И САМИХ ВЕЛИКОРОССОВ.

В.И. Ленин

ГЛАВА I. В ТБИЛИСИ

(Вместо пролога)

Прогресс в условиях эксплуататорского строя всегда осуществлялся ценой тяжелых лишений трудящихся масс, а порой и гибели целых народов.

В.И. Ленин

Последний месяц осени выдался на славу: теплые дни и ясное безоблачное небо. Хотя снег лежал еще только на вершинах гор, чувствовалось, особенно по ночам, что вот-вот ударят холода.

Опасно стало ездить в Тифлис по Военно-Грузинской дороге. С тревогой думал об этом Михаил Тариэлович, собираясь в путь.

Путь же ему предстоял не из легких. Но он готов был проделать его по скалам и ущельям, лишь бы хоть на время вырваться из этой проклятой страны. Чечня в последнее время напоминала ему бочку с порохом: достаточно одной искорки, и она взорвется.

Разумеется, не только страх перед готовой взорваться Чечней гнал его в Тифлис, давно и покорно склонивший свою царственную голову перед всесильным двуглавым орлом. Нужно было во что бы то ни стало решить один крайне важный вопрос, связанный с переселением чеченцев в Турцию. Генерал Кундухов, посланный для тайных переговоров с турецким правительством, месяц назад вернулся из Константинополя, где обе стороны пришли к обоюдному согласию. Русское правительство отпускало чеченцев в Турцию, турецкое правительство соглашалось принять их и поселить на специально отведенных землях. Таким образом, судьба чеченцев была уже почти решена. Об истинных целях, которые преследовали обе стороны, Михаил Тариэлович не мог не знать. Но именно здесь-то и допустили промашку и генерал Кундухов, и русский посол Игнатьев. Министр иностранных дел Порты Али-паша буквально обвел их вокруг пальца. Лорис-Меликов сначала хотел выразить свое мнение в записке

Александру Петровичу. Однако из-за бездорожья почта могла задержаться, да и к самой записке Великий князь, возможно, отнесся бы холодно. Поэтому, отложив все свои дела, Лорис-Меликов мчался в Тифлис.

Какое счастье снова побывать в отчем доме! Сколько с ним связано воспоминаний, радостных, а порой и печальных, но все равно близких сердцу.

Переночевав в родительском доме на Баронской улице, Михаил Тариэлович утром отправился на прием, приказав кучеру ехать через азиатскую часть города, по базарным площадям, которые вновь напоминали ему далекое детство. Кажется, ничего и не изменилось здесь с тех давних пор. Те же нескончаемые ряды дощатых и кирпичных, больших и малых лавок, которые тянутся параллельно через весь базар. Здесь всегда шумно и говорливо, здесь никогда не бывает безлюдно.

Взгляд Михаила Тариэловича невольно задержался на новых постройках, выполненных совершенно в ином стиле. "Европа, — усмехнулся он. — Европа, елки-палки".

Глазу новые постройки непривычны: точь-в-точь яркие заплатки на старом рубище скряги, который может, но не хочет расстаться с ним, дабы не тратить денег, а заодно не менять и своих стародавних привычек.

Самым оживленным местом была и осталась верхняя часть базара, где шла торговля фруктами. Над базаром царила разноголосица призывов торговцев:

— Ай, яблук, ай, виноград, ай, персик!

— Вав-ва-ва! Дашов оддам!

— Пожалуй, барин! Ай, киняз, здес хороши!

На одних и тех же весах взвешиваются без обертки и персики, и сыр, и масло, и изюм… И ничего, никто не в обиде…

Всякий люд снует меж рядами. Здесь же стоят караваны верблюдов и вереницы ослов с перекинутыми через спины корзинами и тюками. Прямо на тротуаре полыхают углями жаровни, бьют в нос и глаза дымом и ароматом шашлыков.

Миновав Армянский базар, фаэтон выехал на Татарскую площадь, тесную, сжатую со всех сторон обветшалыми постройками. Кругом грязь, лужи. Под ногами валяются гнилые фрукты, старая обувь, тряпки. Татарский базар похож на дом, где никогда не делали уборку. Но весь базар кишмя кишит народом. Тесня людей, сквозь толпу медленно и важно шествует верблюд, из широкой ноздри которого тянется веревка к персу-поводырю. Поводырь дергает веревку, и верблюд, послушно мотнув головой, сначала опускается на колени, а потом, выгнув шею, ложится и начинает равнодушно озираться вокруг.

Взору Лорис-Меликова предстают типичные лики азиатского мира.

Вон идет грузин. Шелковый архалук[53] его обшит позументом, широкие атласные шаровары при каждом шаге шуршат, как опавшие осенью листья. Шаровары заправлены в низкие сапоги с загнутыми носками. Мимо фаэтона важно прошествовал земляк — дородный купец-армянин в кавказской черкеске, но с русским картузом на голове. Живот выдается вперед, нос смахивает на баклажан, усы коротко подстрижены. Идет медленно, погруженный в свои мысли.

За ним семенит носильщик-имеретинец с набитой шерстью подушкой за спиной. Края его шляпы свисают лоскутками, закрывая половину лица. А вот — длиннобородый перс с накрашенными ногтями, в аршинной папахе и широком кафтане, поверх которого на плечи накинута аба[54]. Он подпоясан желтым шерстяным платком, из-за которого торчит рукоять кинжала. Поверх толпы озирается длинный черкес с черной бородой, в круглой каракулевой шапке.

На его ремне кинжал и пара пистолетов, ноги обуты в красные сафьяновые чувяки. В стороне застыл курд в красной куртке, расшитой синими и желтыми шнурами. Синие шаровары заправлены в тяжелые

красные сапоги, вокруг головы повязана пестрая чалма, на боку висит кривая турецкая сабля.

Покрывая гортанными призывами базарный шум, тулухча-водовоз ведет лошадь, навьюченную двумя огромными кожаными мехами с водой. Медленно пробираются сквозь толпу женщины в белых чадрах. В толпе нетрудно различить русских бородатых мужиков и неуклюжих казачек. То здесь, то там мелькают форменные сюртуки солдат. Лавочники сидят у открытых дверей, заманивая прохожих. Из сапожных мастерских доносится стук молотков, из оружейных — тонкий визг напильников.

Плоские кровли домов облепили женщины и дети. Из внутренних дворов доносятся звуки зурны и ритмичные удары бубна.

Навстречу тащатся разномастные арбы. Вот грузинская — тяжелая, неповоротливая, ибо неуклюжие колеса у нее вертятся вместе с осями. На ярме сидит оборванный мальчишка, погоняющий буйвола длинной хворостиной. Немилосердно скрипят саженными колесами осетинские и лезгинские арбы…

Наконец и долгожданный поворот: фаэтон въехал на Эриванскую площадь. Всего-то десять шагов, а совершен скачок из Азии в Европу! Открылась широкая улица с высокими красивыми домами, извозчичьими дрожками, колясками, в экипажах и на тротуарах пышно разодетые дамы и щеголеватые мужчины. Но и здесь грязь, как и в старых районах улица не вымощена, вся в выбоинах и ухабах. На бревнах, сваленных прямо на площади, примостились горожане-туземцы, пересказывая друг другу последние новости или просто сплетничая о знакомых.

В зданиях, окруживших площадь, размещались Главный штаб Кавказской армии, городское управление, управление дежурного генерала, военно-топографический отдел, управление генерал-квартирмейстера, семинария и ресторан "Опера".

За семинарским домом Михаил Тариэлович сошел с фаэтона, легкой поступью военного направился к парадному подъезду

резиденции главнокомандующего.

Давнишний друг его, Александр Петрович, встретил Лорис-Меликова радушно. Осведомившись о здоровье семьи, поговорив о домашних проблемах, перешли к делу.

— Ну, Михаил Тариэлович, что там насчет наших милых чеченцев?

На смуглом лице Лорис-Меликова мелькнула чуть заметная улыбка.

— Пока все идет отлично, дорогой Александр Петрович. Наши люди славно поработали. Иные даже перестарались, как, например, Сайдулла.

— Поподробнее, Михаил Тариэлович, поподробнее. Великий князь не далее как вчера потребовал доклад по данному вопросу. — С удовольствием, Александр Петрович! За этим я и примчался к вам.

Лорис-Меликов закинул ногу на ногу и сложил на коленях руки.

— Недавно я сам лично объехал Чечню и прямо скажу: остался доволен. Стремление к уходу в Турцию достаточно сильно. Число желающих уже в настоящее время весьма значительно, более того, оно с каждым днем возрастает. Уезжать собираются целые аулы, как, например, Шали, Элисхан-Юрт. Об этом сообщили мне Туманов и Кундухов. Князю Туманову я дал соответствующие указания.

Вопрос-то довольно щекотливый, если не сказать больше. Здесь важно посредничество самих местных жителей, на которых мы можем положиться. Ведь горцы ни в коем случае не должны даже подозревать, что мы имеем к этому делу хоть какое-то отношение. Иначе все пропало. Узнают, упрутся — и тогда уже никакая сила не сдвинет их с места. Поэтому мы же со своей стороны сейчас, наоборот, будем отговаривать их. Для этого я откомандировал в аулы полковника Муравьева, чтобы он и проводил эту линию. Мне думается, Александр Петрович, действуя подобным образом, мы ведем беспроигрышную игру: чем активнее мы уговариваем остаться, тем сильнее становится желание уехать. Я изучил их дурацкую натуру: они же все делают

наоборот, ведь они нам не доверяют. Таким образом, переселение будет происходить якобы без нашего участия. Туманов писал мне, что Сайдулла вроде бы сказал чеченцам, что земля, на которой они живут, им уже не принадлежит и после их изгнания будет передана русским. Вот это Сайдулла сделал напрасно. Такие слухи не просто вызывают беспокойство и приводят в тревожное состояние население, а ведут к открытому озлоблению. Ипполитов также доносит, что агент Сайдулла, встав на такой путь, может подтолкнуть народ не к переселению, а скорее к восстанию. Но Кундухов сей факт в отношении Сайдуллы отрицает. И все же я приказал Туманову утихомирить Сайдуллу и предупредить, что в результате своих "стараний" и болтливости он вместо Турции может оказаться в Сибири.

Карцов недовольно поморщился.

— Чувствую, этот наиб весьма опасен. Или он глуп, или играет какую-то роль, — сказал он, покачивая головой.

— Во всяком случае, при таких его действиях он не может быть для нас полезным. Мне кажется, его как можно скорее надо отправить либо в Турцию, либо… подальше в Россию…

— Совершенно с вами согласен. Подозрителен мне и Кундухов. Что хотите делайте, а не нравится мне его поведение. Он успокаивает нас, заверяя, что переселение пройдет мирно, спокойно, но в то же время берет под защиту Сайдуллу, открыто подстрекающего народ. А не готовит ли восстание сам Кундухов, чтобы встать во главе его?

Лорис-Меликов отрицательно покачал головой.

— Не думаю. При теперешних обстоятельствах с его стороны это было бы верхом безумия. Честолюбив он непомерно, это правда.

Но ему гораздо выгоднее возглавить переселение, чем стать халифом на час. Тем более, он во всеуслышание объявил о своем намерении оставить службу и переселиться с семьей в Турцию.

— И все-таки, Михаил Тариэлович, подумайте и примите-ка надлежащие меры, рассчитанные на самые непредвиденные случаи.

— Непременно, Александр Петрович! Непременно! Иначе нельзя.

Я хорошо знаю этих головорезов. Будь на их месте другое какое-либо племя, можно было бы не волноваться и не сомневаться. Но кто знает, что им может взбрести в голову завтра? Страшно впечатлительный народ, и… непредсказуемый в поступках своих. Поверьте, они могут собраться и даже распродать все свое имущество, но вследствие чего-либо непредвиденного, взять да и отложить отъезд. Здесь нужна бдительность, нужен скрытый контроль. Любой обнищалый эмигрант, вернувшись из Турции, какой-нибудь краснобай, старшина или мулла, сказавшие не то, что надо, могут не только повредить нашему делу, но и даже сорвать его. Поэтому, я думаю, наша главнейшая задача сейчас и должна заключаться в том, чтобы зорко следить за столь напряженным переходным моментом и быть готовыми к самому неожиданному исходу. Туманов доносил, что его агенты и агенты Муравьева ведут в Чечне тщательный надзор, постоянно сообщают обо всех толках, о настроениях и намерениях жителей.

— В каком состоянии войска?

— Все инженерные и дорожные работы прекращены, кроме самых необходимых. Полки и батальоны стянуты к штаб-квартирам под предлогом обучения, а в первых числах мая я полагаю собрать и еще два отряда под видом летних лагерей. Подобная акция с нашей стороны убивает сразу двух зайцев: она или ускорит переселение, или предупредит беспорядки, возможность которых мы исключать не имеем права.

— Меры своевременные. Думаю, Его Высочеству приятно будет узнать такие новости.

— Скажите, Александр Петрович, вы получили ответ в бытность вашу в Петербурге на свою записку военному министру? — спросил Лорис-Меликов.

— Вот только что.

— Одобряют они наше предприятие?

— Я распорядился, чтобы вам срочно выслали копию рапорта генерал-адъютанта Милютина. Но, видимо, сделать этого еще не успели. В таком случае прошу ознакомиться. — Карцов открыл лежавшую перед ним на столе папку, нашел в ней документ и протянул Лорис-Меликову.

"Его Императорскому Высочеству
Главнокомандующему Кавказской армией
Великому Князю
Михаилу Николаевичу.

1864 год, 3 ноября, № 190

Из переданной мне Начальником Главного штаба Кавказской армии записки, относительно настоящего положения на Кавказе, видно, что для устранения возможности беспорядков и волнений в Чечне представляется два способа действий: решительный — т. е.

переселение всех чеченцев силой оружия, если окажется необходимым, на левый берег Терека и Сунжи с водворением на их места станиц 1-го и 2-го Сунженских казачьих полков…"

Лорис-Меликов недоуменно пожал плечами и, не скрывая своего удивления, спросил:

— Ваше превосходительство, разве я говорил в записке, что нам необходимо выселить всех чеченцев со своих земель?

— Это моя приписка. Ничего страшного. Имея готовое решение от государя, мы ничем ведь не рискуем.

Лорис-Меликов продолжал читать:

"… или же более медленный — постепенно ослабляя чеченское население в горах добровольным выселением его на равнину и поощрением переселения в Турцию…"

— Выходит, что мы и в дальнейшем будем придерживаться той же тактики?

— Для чеченцев существуют лишь два пути: либо на левый берег Сунжи и Терека, либо в Турцию.

"…По всеподданнейшем о том докладе, Государь Император, имея в виду, что насильственное переселение чеченцев произведет неприятное нравственное впечатление на все горское население Кавказа и потребует значительных расходов, высочайше соизволил выразить желание, чтобы вопрос успокоения Чечни разрешился, по возможности, мирным путем — добровольным переселением…"

— А добровольно ли пойдут?

— Читайте дальше.

"… Но так как подобный исход дела зависит от случайности и в известную минуту, которую заранее невозможно предвидеть, Кавказское начальство может быть поставлено в необходимость прибегнуть к предполагаемым в записке крутым мерам, то на случай подобного оборота дела Государь Император высочайше представляет Вашему Императорскому Высочеству действовать по собственному Вашему усмотрению, не отступая в крайнем случае и перед необходимостью выселить всех чеченцев на левый берег Сунжи и Терека.

Военный министр Генерал-адъютант Милютин".

— Государь император предлагает нам, — сказал Лорис-Меликов, возвращая рапорт Карцову, — если я правильно понял…

— Поняли совершенно верно! — воскликнул Карцов, не дав ему договорить. — Не пожелают добром — заставим штыком. — Глаза его блеснули, как у разгоряченного бегом скакуна, и, весело барабаня пальцами по столу, он откинулся на спинку кресла.-

Так-то, милостивый государь!

Оба некоторое время молчали. Наконец Лорис-Меликов сказал:

— Александр Петрович, но я никак не могу согласиться с результатами переговоров генерала Кундухова с турецким правительством. Считаю своим долгом высказать личное мнение, ради чего я и прибыл сюда.

— Каковы же причины?

— Чрезвычайно важные.

— Могу ли я узнать?

— Мне бы хотелось вместе с вами пойти к Великому князю.

Александр Петрович недовольно покачал головой.

— Не думаю, что у него найдется время выслушать вас. Он вот-вот должен уехать на отдых в Каджару.

— Но дело, по которому я прибыл, неотложно. От его ответа зависит, когда начать переселение. Ведь случись что, дорогой Александр Петрович, ответ держать придется нам с вами, как инициаторам этого переселения. Чеченский вопрос, повторяю, исключительный. Ждать опасно.

— Сколько времени потребуется вам на аудиенцию?

— Думаю, одного часа достаточно.

* * *

Великий князь уже был готов к отъезду, однако Лорис-Меликова он принял, хотя особого удовольствия при встрече не выказал.

— Как видите, милостивый государь, Михаил Тариэлович, я собрался в путь, а потому прошу быть как можно более кратким, — предупредил он.

Лорис-Меликов торопливо стал излагать суть дела, не забыв напомнить, что выехать из Чечни и проделать столь долгий и опасный путь побудило его исключительно лишь беспокойство о престиже России. После этого он заявил о своем несогласии с результатами переговоров. Заметив, как недовольно поморщился Великий князь, Михаил Тариэлович смешался, но тут же оправился и твердым голосом спросил:

— Позвольте продолжить?

Великий князь молча кивнул.

— Генерал Кундухов по возвращении из Константинополя спросил разрешения начать подготовку к переселению чеченцев в Турцию.

Но поскольку я не согласен с итогами переговоров относительно конечных мест переселения чеченцев, я не разрешил ему предпринимать каких-либо шагов, пока не поговорю с вами. — Я слушаю.

— В моих личных докладах вам и представленных записках я постоянно выражал убеждение, что удаление из малоземельной, густонаселенной Чечни хотя бы даже и малой части населения, воспитанного в полувековой борьбе с нами, стало бы огромным шагом на пути к решению чеченского вопроса, а следовательно, к прямому умиротворению Терского края и установлению в нем гражданственности. Но предложение турецкого правительства о поселении туземцев в сопредельных нашим владениям областях азиатской Турции — Топрак-Кале и Мелизгерте, от Патноса до озера Ван, — придает данному вопросу совершенно новый вид, побуждающий меня войти в рассмотрение абсолютно невыгодной для

нас стороны означенного дела. За время последней войны, а так же в бытность мою начальником Карской области я имел возможность изучить пограничные с Россией территории азиатской Турции. И поэтому беру на себя смелость высказать личное мнение Вашему Императорскому Высочеству о том, какое значение для нас в военное и мирное время имело бы поселение пяти тысяч чеченских семейств на территории, указанной турецким правительством генералу Кундухову.

Великий князь молча кивнул, то ли одобряя, то ли разрешая продолжить.

— В данных местах проживают турецкие курды и армяне, племена, скорее приверженные нам, нежели враждебные: армяне — по единству религии и особенностям характера, курды — по единоплеменности с нашими курдами, — продолжал Лорис-Меликов, чувствуя, что заинтересовал Великого князя.

— Курдское племя имеет мало общего с османским и исстари враждебно ему. Курды для турок, по сути, то же, что чеченцы для нас. Любая мера турецкого правительства, сила которой распространялась бы и на курдов, никогда не приводилась в исполнение без противодействия с их стороны. Враждебны, хотя и менее опасны туркам и армяне — несториане или айсоры, живущие в стороне Вана и Мосула. И курды, и армяне не могут терпеть господства османского племени. Потому-то в готовности названных племен при любом столкновении русских с турками принять нашу сторону и заключается одна из главнейших причин наших успехов в упомянутой местности. Используя враждебность к туркам и существующие родственные связи между вождями наших и турецких племен курдов, нам удалось в последнюю войну склонить большую часть пограничного населения на свою сторону.

Уже через три месяца после начала кампании часть турецких курдов состояла в рядах нашей армии, в то время как другая сохраняла нейтралитет, оставаясь бесстрастными наблюдателями за всем происходящим между нами и турками.

— Вы совершенно правы, — согласился Михаил Николаевич, теперь уже глубоко заинтересованный выкладками Лорис-Меликова.-

По-моему, лишь верное понимание характера края и его населения, а также умение использовать его можно отнести к заслугам генерала князя Бебутова в последней кампании, но отнюдь не его военное мастерство.

— Совершенно верно, Ваше Императорское Высочество, — слегка кланяясь и прижимая руку к сердцу, воскликнул Лорис-Меликов.-

Но такой оборот стал возможным для нас только при нынешнем составе населения азиатской Турции. Появись там ранее хотя бы тысяч пять семейств, вышедших из Чечни, и наши дела в Турции приняли бы, без сомнения, иной характер. Глубоко враждебное нам племя чеченцев стало бы грозным орудием в руках турок при борьбе с Россией. Более чем всякий другой народ приспособившиеся к малой войне чеченцы, разбившись на небольшие шайки для мелких набегов, постоянно угрожали бы нашим путям сообщения, заставили бы нас раздробить наши силы на великое множество небольших отрядов и таким образом практически полностью парализовали бы действия нашей армии как единого целого. Кроме того, чеченцы сумели бы привлечь к действиям против нас и ранее нейтральное курдское население.

По крайней мере, любыми средствами не допустили бы в сторону России поворота курдских вождей, как то происходило в последнюю войну. Но и в мирное время столь близкое соседство выселенных чеченцев опасно не менее: уже одним тем, что их близость заставила бы нас удвоить, если даже не утроить силы наших кордонов. Так что, уже одно заселение азиатской Турции чеченцами, согласно турецким планам и предложениям, принесет нам неприятностей больше, нежели вся турецкая армия. Вот чего добивается турецкое правительство. И подписав подобный договор, граф Игнатьев и генерал Кундухов допустили очень большую политическую и стратегическую ошибку. Однако исправить ее можно, и сделать это не поздно.

Михаил Николаевич поднялся и, заложив руки за спину, стал медленно прохаживаться по кабинету. Время, отпущенное Михаилу Тариэловичу на аудиенцию, давно истекло, жена Великого князя уже волновалась в ожидании отъезда, но Великий князь прощаться не спешил. Слишком серьезным оказывалось дело.

— Да, доводы ваши вески и заслуживают внимания. Каково же ваше окончательное мнение, Михаил Тариэлович?

— Считаю своей обязанностью доложить, что разрешение означенного вопроса в настоящее время может идти лишь по двум вариантам, коль мы уже согласились на выселение чеченцев в места, обещанные турецким правительством Кундухову, то есть в сопредельные нам области азиатской Турции, то следует вновь войти с ним в сношение по вопросу, не согласится ли оно водворить означенных переселенцев на Эрзерумском пашалыке к Арзингану, Диарбекиру и далее, где эти племена уже не смогут быть для нас столь опасными. А коль такого соглашения достичь теперь же нам не удастся, то сам вопрос о переселении отложить до более благоприятных времен.

— Вполне согласен с вами, — сказал Михаил Николаевич. — Только прошу изложить все это письменно, в записке.

— Ваше Высочество, такую записку я составил и принес с собой. Вот она.

— Благодарю вас, Михаил Тариэлович. А к вам, Александр Петрович, у меня просьба, — обратился главнокомандующий к Карцову, — напишите письмо графу Игнатьеву и изложите доводы и предложения графа Лорис-Меликова. Прошу сделать это немедленно. Еще раз повторяю: к востоку от названных городов не должно быть ни одного чеченца.

— Ваше Императорское Высочество, какое распоряжение прикажете дать генералу Кундухову?

— Разрешите ему начать дело. Но мы добьемся переселения чеченцев в те места, которые предопределили мы. Не позже декабря я получу ответ от графа Игнатьева. Я почти уверен в том, что все получится по-нашему.

— А что ответить генералу Кундухову по поводу приобретения правительством его земель, дома и построек? И если мы приобретем

их, то разрешим ли ему уехать в Турцию?

Михаил Николаевич ответил не сразу. Он вновь несколько раз молча прошелся по кабинету, задержался на миг у массивного стола и, бросив быстрый взгляд на Лорис-Меликова, отошел к окну.

— Дело сложное. Увольнение генерал-майора Кундухова и окончательное поселение его в Турции при его способностях при знании края, связях и той популярности, которой он пользуется у туземного населения, в случае войны сможет существенно вредить нашим интересам, во всяком случае, сможет дать повод к серьезным опасениям за сохранение внутреннего спокойствия Терской области. При предстоящем разрешении вопроса о переселении чеченцев в Турцию желательно было бы избежать возможностей серьезных затруднений на будущее, сопряженных с уходом генерал-майора Кундухова в Турцию.

— Я пытался отговорить генерала Кундухова от ухода в Турцию, — торопливо заговорил Лорис-Меликов. — Но советы и увещевания мои были безуспешны. Не могу не признать, что доводы, приводимые генералом Кундуховым в защиту необходимости его личного ухода, имеют под собой основания. Он убежден, и весьма справедливо, что недоверчивые чеченцы и лица, во главе их стоящие, даже несмотря на свое теперешнее желание скорейшего ухода в Турцию не двинутся с места, пока Кундухов не отправит во главе переселенцев свое собственное семейство. Кроме того, наиб Сайдулла и главный карабулакский старшина Алихан Цугов присягнули на Коране, что уйдут в Турцию тоже, если только Кундухов покажет пример. К сожалению, Алихан Цугов несколько дней назад умер. Но дело продолжает его племянник Шамхалбек Цугов.

— Хорошо, Михаил Тариэлович, коли так, отпустим его. Но в том случае, ежели вместе с его семьей поднимутся еще пять или шесть тысяч чеченских семейств. Теперь насчет денег. Мне помнится, я разрешил вам израсходовать десять тысяч рублей для негласного вознаграждения тех, кто будет содействовать успеху переселения чеченцев в Турцию?

— Да, Ваше Высочество, такое разрешение я получил и уже распорядился выдать генерал-майору Кундухову означенную сумму.

— Однако за свой дом и земли деньги он должен будет получить в следующем порядке: когда его семья выедет из Владикавказа в Турцию, ему выплатят пять тысяч рублей, а остальные сорок тысяч — когда вместе с семьей Сайдуллы оставят Чечню и выступят в путь еще не менее полутора тысяч чеченских семейств.

— Но генерал Кундухов просил меня войти в ходатайство к Вашему Императорскому Высочеству, чтобы сорок две тысячи рублей из означенной суммы ему выдали золотом.

— Хорошо, разрешаю, — сказал Михаил Николаевич.

Уловив чуть заметное раздражение в голосе главнокомандующего, Лорис-Меликов счел за лучшее откланяться, хотя было еще множество вопросов, требовавших своего решения.

— Уверен, Михаил Тариэлович, что дело переселения чеченцев в Турцию, организованное тремя такими выдающимися умами — вашим, Александра Петровича и Кундухова, завершится успешно, без ущерба для нашего правительства. Обещаю вам по завершении дела сказать о вас моему царственному брату похвальное слово.

Лично вас, Александр Петрович, попрошу дать Михаилу Тариэловичу официальное письменное распоряжение по тем вопросам, которые мы сейчас решили. Думаю, что до нашего отъезда, Михаил Тариэлович, мы еще увидимся.

— С Божьей помощью, Ваше Императорское Высочество! Прошу передать мой нижайший поклон глубокочтимой Ольге Федоровне.

Желаю Вашему Императорскому Высочеству и драгоценной Ольге Федоровне отличного отдыха в Каджаре!

— До свидания, Михаил Тариэлович!

ГЛАВА II. В СТАМБУЛЕ И ЛОНДОНЕ

Народы покупались и продавались, разделялись и соединялись, исходя только из того, что больше отвечало интересам и намерениям их правителей.

Ф. Энгельс

Министр иностранных дел Оттоманской империи Али-паша беспокойно ходил по кабинету. Кальян, который он час назад приказал принести, стоял нетронутым. Али-паша вот-вот должен был неофициально принять Чрезвычайного и Полномочного Посла России графа Игнатьева. Но для того чтобы говорить с хитроумным графом, требовались чистая голова и ясное сознание.

Переговоры с генералом русской армии Кундуховым, состоявшиеся прошлой весной, были оценены высоко и подняли авторитет Али-паши в глазах султана. То, о чем мечтали и к чему стремились все турецкие султаны еще со времен Абдул-Хамида, но достичь не могли, достиг, наконец, он, Али-паша. И теперь появилась реальная возможность закрепиться на Кавказе.

С Дагестаном у Турции всегда имелись достаточно крепкие связи.

Впрочем, наладить их не составляло особого труда, ибо во главе дагестанских племен стояли могущественные ханы и не менее могущественные шейхи. Но у султанов не было возможности использовать для своих целей самое многочисленное на Северном Кавказе чеченское племя. Да, чеченцы всегда просили помощи, оружия и прочего, но хотели получать все задаром. Нет, турки не требовали с них денег, они требовали их территорий. Но чеченцы не намеревались делать их соседями, а уж тем более сажать турок на свою шею. Жили вольно, независимо и даже турецких эмиссаров не подпускали к себе. Кто же таким станет помогать? А от сладких речей и обещаний в кармане не убывало.

Обещали шейху Мансуру, обещали Бейбулату и самому Шамилю.

Однако за все восемьдесят лет чеченцы не получили от турок даже гвоздя. "Обещать будем и в будущем. Обещать, но не давать. Это и есть политика, дипломатия, — размышлял Али-паша в ожидании графа Игнатьева. — Теперь в чужие двери стучатся, просят впустить. Почему же не впустить, впустим. Империи нужны кавказские мусульмане. Неспокойно на Балканах, волнуются гяуры. Уже отделились Греция, Сербия и дунайские княжества.

И все это происки заклятого врага империи — России. На очереди — отделение Болгарии. Александр II для нее ничего не жалеет.

А Кавказ? Его же русские, можно сказать, прямо из рук у Турции вырвали. А теперь русские стремятся присоединить к себе турецких грузин и армян[55]. Пытаются оказывать на них свое вредное влияние, подстрекают против нас, разжигают вражду. Но я знаю, как поступить. Первые кавказские эмигранты не случайно были поселены в Болгарии. Правда, их оказалось ничтожно мало.

Огнем и мечом изгнанные русскими с того берега, они, беспорядочно переправляясь сюда, почти все погибли. Я видел все своими глазами…".

Устав от бесцельной ходьбы, Али-паша подошел к мягкому дивану, опустился на него. Перед глазами вновь ожили картины, которые он видел во время поездки в Ач-Калу и Сары-Дари, в лагеря кавказских эмигрантов. В беженцах уже не было ничего человеческого. Из людей они почти превратились в трупы, исторгавшие жуткое зловоние…

* * *

Турецкая Порта добивалась расселения горцев в пограничных с Россией районах, что, между прочим, настойчиво советовал сделать британский посол в Константинополе. Но расселения, растянутого военными колониями вдоль всей границы с Арменией, превращенного таким образом в пограничную стражу для охраны границ с Россией.

Горцы для Турции и Европы были лишь средством для противодействия России, а при использовании таких средств ни Европа, ни Турция не проявляли никакой жалости.

Но если раньше английские и турецкие агенты всячески провоцировали и поощряли эмиграцию горцев в Турцию, делали все возможное, чтобы не допустить отток приморских черкесов на Кубань, где царское правительство отводило им земли, теперь политики действовали наоборот. Европейские дипломаты решительно требовали от султанского правительства отказать кавказцам в "убежище". Ибо уход горцев с Кавказа лишал европейские державы могучей поддержки в борьбе против России, позволял ей полностью и единолично колонизировать Кавказский край и закрепиться там навсегда. Английские, французские, итальянские агенты, направленные на Кавказ, прилагали все силы, чтобы удержать горцев, отговорить их от переселения.

В самой же Турции дипломаты и всевозможные агенты западных стран усиленно внушали горским переселенцам мысль о скорейшем возвращении на родину для продолжения борьбы, обещая им в таком случае свою полную и щедрую поддержку.

В целях прекращения переселения горцев с Кавказа европейские дипломаты и агенты ввели санитарную инспекцию во главе с врачом французского посольства в Турции Бароцци. Посетив лагеря переселенцев в Самсуне, Трапезунде и Варне, Бароцци потребовал от турецкого правительства установления немедленного и жесточайшего карантина между обоими берегами Черного моря, практически прекращавшего переселение горцев с Кавказа.

"На каждом шагу встречаются нам больные, — писал Бароцци, — умирающие и трупы лежат у городских ворот, перед лавками, посреди улиц, в скверах, в садах под деревьями. Всякий дом, всякий угол улицы, всякий сад, занятый эмигрантами, превратился в гнездилище заразы".

Европейским дипломатам удалось добиться лишь пятнадцатидневного карантина. Но он был чистейшей фикцией.

Приостановились лишь перевозки горцев с кавказского побережья, в остальном же между двумя берегами поддерживалось обычное

сообщение. А вот самим горцам карантин причинил ни с чем не сравнимые дополнительные страдания и мучения. Приставшие к турецким берегам суда с переселенцами не принимались, в то время как на другом берегу скапливались в ожидании своей очереди на переправу десятки тысяч людей. Людская масса день ото дня росла. Начались эпидемии. Тиф и оспа распространились, несмотря на карантин, по обоим берегам.

До ужасающих степеней разрасталась работорговля. Ребенка одиннадцати-двенадцати лет можно было купить за тридцать-сорок рублей. Местные феодалы покупали самых красивых девушек всего за шестьдесят-восемьдесят рублей. Нередко можно было видеть целые партии из сорока-пятидесяти молодых женщин, принадлежащих одному хозяину. Трапезундский генерал-губернатор Эмин Мухлис-паша отправил в Константинополь своего зятя для сопровождения ста тридцати черкесских невольниц, предназначенных в качестве подарков влиятельным лицам в столице Турции.

Дочь английского консула так описала один из лагерей для черкесских эмигрантов, созданный в Турции в 1864 году:

"Я имела возможность наблюдать черкесов в различные периоды их пребывания в Турции. Весь этот жалкий люд лежал скучившись, больные валялись рядом с умершими, живые, как тени, бродили среди них, ни о чем, больше не помышляя, кроме того, как раздобыть деньги. Когда мы приблизились к зараженному лагерю, группы мужчин и женщин обступили нас, ведя за руку своих детей и предлагая купить их всякому, кто пожелает. Несчастные маленькие создания, по-видимому сами желали разлуки с родителями, лишь бы получить кров и пищу.

Эти черкесы представляли собой два класса, относившиеся друг к другу с ненавистью — класс господ и класс рабов. Господин пытался требовать от раба той же униженной покорности, которую привык видеть от него на родине, раб же, со своей стороны, сознавая перемену, которая произошла в их общем положении и в его положении, в

частности, готов был отстаивать собственные права против своего господина.

Между горскими феодалами и их рабами по прибытии в Турцию происходили частые столкновения, иногда переходившие в настоящие побоища".

Провоцируя переселение горцев в Турцию, султанское правительство пыталось использовать их как против России, так и для подавления национально-освободительного движения нетурецкого населения внутри империи. В первую очередь — против христианского населения, при этом в расчет турецкого правительства отнюдь не входило расселение горцев большими массами, что могло бы создать серьезную опасность для общественного порядка и для самой государственной власти. В результате подобной политики горцев расселили в странах Балканского полуострова от устья Дуная до Боснии, в Герцеговине, Сирии, Иордании, Ливане, Месопотамии и Египте.

В этих местах, особенно в балканских провинциях империи, создали военные колонии, напоминавшие казачьи станицы, на базе которых формировалась черкесская милиция для защиты пограничных линий. Поселения горцев глубоко врезались, вклинивались в славянские массивы; таким образом образовывалась "живая изгородь" из мусульман между славянами.

Уже в процессе переселения турецкие власти, пользуясь безвыходным положением горцев, которым, кстати, было обещано на двадцать лет освобождение от военной службы, формировали из "добровольных охотников" черкесские кавалерийские полки и черкесскую гвардию султана. За короткое время в турецкую армию вступило до трех тысяч горцев. Чтобы подогреть "желание"

поступить на военную службу, турецкие власти запретили продавать мужчин. Поскольку же в рекруты брали лишь неженатых, многие горцы продавали своих жен и детей, чтобы поступить на военную службу.

Величайшая трагедия в истории кавказских горцев завершилась гибелью половины переселенцев от различных эпидемий и лишений в пути. Из числа уцелевших до пятнадцати процентов женщин и детей оказались проданными в качестве рабов. Избежавшие этой участи рассеялись в Малой Азии, на Балканах, в Месопотамии и даже в Северной Африке.

Академик А. Берже, оказавшийся невольным свидетелем трагедии западных горцев, писал:

"Никогда не забуду я того горестно-давящего впечатления, какое произвели на меня горцы в Новороссийской бухте, где их собралось на берегу около семнадцати тысяч человек. Позднее, ненастное и холодное время года, почти совершенное отсутствие средств к существованию и свирепствовавшие среди них эпидемии тифа и оспы, сделали их положение отчаянным. И действительно, чье сердце не содрогнулось бы при виде, например, молодой черкешенки, лежавшей на сырой почве, под открытым небом с двумя малютками, из которых один в предсмертных судорогах еще боролся за жизнь, в то время как другой искал утоления голода на груди уже окоченевшего трупа матери. И подобных сцен встречалось немало…"

Свои же собственные слова почтенному академику показались слишком крамольными, поэтому далее этот ученый-монархист добавил:

"…Император Александр II, гуманнейший из венценосцев XIX века, был слишком далек от политики Филиппа III, знаменитого своим королевским повелением от 22 сентября 1609 года, которым он нанес смертельный удар маврам, безжалостно выброшенным им из Испании на пустынные берега Африки. Исполнителем своей державной воли он избрал графа Евдокимова, который в своих воззрениях на интересы государства стоял значительно выше герцога Лермы или какого-нибудь Дон Жуана-де-Рибейры".

Попав в невероятно тяжелые условия, став жертвой чуждой им политики и интересов, горцы стремились вернуться обратно на родину. Но турецкие и царские власти не для того заманили и загнали их в этот ад, чтобы выпустить обратно живыми. Горцы и их потомки навсегда потеряли родину. И сегодня здесь, под сводами великолепного дворца, два правительства вновь готовили точно такую же участь еще одному народу. На сей раз — чеченцам…

Горцев принуждали покидать родину, не оставляя им выбора. Но от произвола царских властей и помещиков уходили из России и другие народы и народности: русские, украинцы, белорусы…

Уходили, куда глаза глядят, на все четыре стороны света, в поисках хлеба, счастья и несуществующей справедливости…

Али-паша закончил вспоминать неприятные страницы истории и перешел к выводам и обобщениям.

"Погибали, погибают и будут погибать еще! Что из того? Не моя же мать их родила! Трусливые нищие скоты! Бежали, отдав свою землю гяурам! Зато выжили лишь сильные и смелые, которые несут службу, наводят порядок в болгарских селах. С их помощью мы усмирили и армян, и грузин. Еще бы укрепить границу с Россией!

Расселим чеченцев вдоль нее между двумя морями и тогда можем быть спокойны. Они быстро укротят местных жителей, не разрешат больше курдским вождям переходить на сторону русских, а возможно, даже сделают их своими единомышленниками. Конечно, чеченский народ дикий и своеобразный. Но вольнолюбивый. Жили горными орлами, теперь увидели, что их загоняют в железную клетку, и бегут. Нет, никогда у них не было мира с русскими и не будет. И все же здесь, в Турции, им придется почувствовать, что такое неволя. Мы не собираемся их кормить даром. Их ремесло — воевать. А другого от них мы и не требуем.

И они будут драться. Особенно, коль начнется война с Россией.

Не только они, но и их потомки. А какие из них получатся разведчики для засылки в кавказские провинции России! С их

помощью можно поднять все горские народы. Одним словом, они будут у нас и сторожевыми и гончими псами…

Только переселятся ли? Чеченцы отличаются особой привязанностью к родине. Они замучены, утомлены длительной войной, но все же не перестают сопротивляться! Да поможет Аллах Мусе-паше, который дал слово привести вместе с собой пять тысяч семей из числа самых ярых и непримиримых врагов России. А это, как минимум, пять тысяч воинов. Да каких! Нет, теперь мы знаем, как принимать горцев: в теплое время года, небольшими партиями, не по морю, а по суше…

Придут пять тысяч храбрых чеченцев, закаленных в длительной войне с неверными, во главе с одним из лучших генералов русской армии Мусой-пашой и знаменитым наибом Сайдуллой!

Говорят, Великий князь против расселения чеченцев на землях, прилегающих к границам России. Но это не его голова додумалась, а того хитрого и проницательного гяура-армянина[56].

Не беда, пусть попробуют не согласиться. Инициатива-то переселения исходит от них…"

* * *

Не прошло и месяца после поездки Лорис-Меликова в Тифлис, как роскошный дворец министра иностранных дел Оттоманской империи вновь стал местом встречи дипломатов двух держав. Здесь, под сводами просторного зала, и должна окончательно решиться судьба первых пяти тысяч чеченских семей. Обеим сторонам нужна выгода. Ради этого дипломаты готовы на все и пускают в ход любое оружие, будь то лесть или обман, клевета или ложь, хитрость или угроза. Лишь бы выиграть! Но прошло уже столько дней, а дело нисколько не продвинулось.

Али-паша сидит в мягком кресле и внимательно слушает, что говорит ему русский. А русский говорит много, очень много.

"Проклятый гяур решил усыпить мою бдительность. Опять о своих условиях. Напрасно, граф. Этих разбойников мы разместим там, где нам угодно, и так, как было решено с генералом Кундуховым.

Почему? О, это государственная тайна, граф. Знаю, знаю, чеченцев вы боитесь. Здорово боитесь. А раз так, то вам придется многократно укреплять границу между нами. Это нам на руку… Что? Кавказское начальство не согласно? Но куда само-то оно денет чеченцев? Пусть оно молится на нас, что мы согласились принять их варваров… Не мы же их зовем, они сами просятся…"

— В противном случае ни один чеченец не покинет пределы России! — отчеканил граф Игнатьев.

Эти слова, камнем упавшие откуда-то сверху, вернули Али-пашу в действительность. По тому, как резко дернулась полусогнутая рука Али-паши, на которую он опирался, Николай Павлович понял, что удар рассчитан и нанесен точно, что единственный его козырь, который он берег до последнего, возымел действие, сыграл! И он, предчувствуя победу, уже торжествовал в душе.

— А почему мы должны принимать ваши условия? — спросил Али-паша после небольшой паузы.

О целях каждой стороны не было сказано ни слова. Они их знали.

И тем не менее каждый все же надеялся обмануть другого. Но Игнатьев чувствовал себя более уверенно. Ему было доподлинно известно, какие планы вынашивают турки, соглашаясь принять чеченцев. К тому же он, по-видимому, сумел убедить Али-пашу в том, что Турция является далеко не единственным местом, куда можно переселить чеченцев. Если учесть, с какими трудностями будет связан вариант Кубани, то путь Россия — Турция для них наилегчайший…

Али-паша, наоборот, убедился в том, что русские чудом сумели пронюхать о тайном его сговоре с Кундуховым, и потому себя хозяином положения не чувствовал. Его покинула решительность, и он уже не выказывал своего превосходства, а только пытался упорствовать, ни на что, собственно, не надеясь.

— Вы знаете, во что нам обойдется наше великодушие? Нет, дорогой граф, мы и так приютили полмиллиона оборванцев из Кубанской области. Хватит с нас! И слышать больше не хочу об этих разбойниках-чеченцах. Да еще о том, чтобы поселить их в западных провинциях! Да они же кровавые следы оставят за собой вдоль всего своего пути. Вам не кажется несколько странным, что вы даже не просите, а просто диктуете свои условия. Как это еще можно расценить, дорогой граф, если не как прямое вмешательство в наши внутренние дела?

"Как же ты боишься! Ох, как боишься, что мы не допустим к вам чеченцев!" — наблюдая за турецким министром, подумал Николай Павлович, а вслух примирительно сказал:

— Чеченцы — ваши единоверные братья. Нам-то, собственно, все равно, примете вы их или нет. Мы пошли им навстречу, решили не препятствовать их желанию переселиться в нашу страну.

Европа клевещет на нас, распространяя слухи, будто мы хотим избавиться от горцев, чтобы завладеть их землями. Но вы-то сами, рейс-эфенди, человек умный и отлично понимаете, что это вовсе не так. Пустующих земель у нас достаточно, для чеченцев во всяком случае хватит.

— Например?

— Боже мой! У нас столько незаселенных земель!

— В Сибири?

— Зачем везти людей так далеко? У нас и на Кубани, и на Ставрополье свободных земель хватит.

На губах Али-паши появилась усмешка.

— Нет, ваше сиятельство, этого вы не сделаете по иным причинам.

— По каким же?

— Вы слишком могущественны, чтобы бояться силы. Но вы побоитесь проклятия народов мира. Если вы переселите чеченские племена на Север или Сибирь, они там погибнут. Но это станет чувствительным ударом по престижу вашего государства. Кроме того, вы понесете большие расходы. Проанализировав ситуацию, вы решили, а не лучше ли препроводить их сюда, к нам?

Граф растерялся.

— Ошибаетесь, рейс-эфенди! Европа не оставила нам ни одного такого преступления, которое мы бы могли совершить и при этом устыдиться. Если бы мы просто хотели освободить страну от чеченцев, то есть избавиться от них, мы бы их переселили на Кубань и на Ставрополье. Но наша гуманность…

— Не надо! Не надо! — расхохотался Али-паша. — Зачем же так, дорогой граф? Если ваше правительство и впредь станет продолжать традиционную для русских завоевательную политику и избавляться от неугодных вам народов вот такими, как вы их называете, гуманными методами, то, действительно, свободных земель у вас всегда будет в избытке. А о гуманности…

Честное слово, не стоит!

В словах турка сквозила явная издевка. Игнатьев нахмурился и сурово заметил:

— Ваши единоверцы пожелали переселиться к вам. Мы их силой не принуждаем.

— Не принуждаете? — подхватил Али-паша. — Возможно! Но куда им прикажете деться? Броситься в море? В пропасть? Нет, гуманная, просвещенная Европа не докатится до такого варварства! Она найдет, как говорите вы, русские, козла отпущения — кровожадную Турцию. Турки ведь всегда были известными варварами, коварными, вероломными. Мы и сегодня только и слышим: "турки-завоеватели", "турки проливают кровь и истребляют наших христианских братьев". На земле одни изверги — турки! Видите, граф, как дорого нам обходится наше человеколюбие? Но посмотрите на

себя. Тогда поймете, что не следует искать соринку в чужом глазу. Вы, европейцы, далеко не ангелы. Наш Вельзевул и тот не сможет потягаться с вами.

Может быть, это не вы разрушали города и порабощали народы?

Может быть, христианские радетели никакого отношения не имели к Америке, Африке, Азии, Австралии? Мы управляем своими народами так, как считаем нужным. Порой бываем жестоки по отношению к ним. Но как иначе прикажете властвовать? Однако слава Аллаху, мы не уничтожили и не выгнали из своей страны ни одного народа, подобно вам, европейцам. Подобное же сотворили испанцы в 1609 году, вышвырнув мавров на пустынные берега Африки. Подобно им вы теперь хотите поступить с горцами Кавказа…

— Мавры были завоевателями. — Чуть заметная улыбка тронула губы Игнатьева. — Испанцы совершили справедливый акт возмездия, очистив от них свою страну.

— Теперь акт возмездия настиг горцев Кавказа? Тогда позвольте, граф, немного примеров из истории. Когда цивилизованные наихристианнейшие европейцы сжигали на кострах иноверцев, мы, варвары, приютили в стране около ста тысяч испанских евреев…

Когда вы подавляли казачьи бунты, мы приняли несколько тысяч беглых казаков. Потомки тех и других и поныне продолжают жить в нашей стране. Когда европейские монархи расстреливали и вешали европейских революционеров, кровожадные турки предоставляли убежище революционно настроенным французам, венграм, австрийцам, полякам и немцам. И происходило это уже в те годы, когда ваше правительство вероломно отдало европейским властям на расправу польских революционеров.

Преследуемый вами поэт Адам Мицкевич искал убежище во всех западных странах и вместе с другими польскими повстанцами получил приют только у варваров-турок. Он и умер здесь у нас, в Стамбуле.

Али-паша помолчал, задумчиво провел ладонью по лбу, потом продолжил:

— Теперь о вас. Сначала вы предложили нам принять двадцать пять тысяч горских семей Западного Кавказа. Мы не отказали.

Но вслед за ними в нашу империю беспорядочно ринулась полумиллионная масса нищих, обездоленных горцев. Мы не захлопнули двери и перед ними! Однако сейчас вы просите нас принять пять тысяч чеченских семей, но теперь уже диктуете условия, куда и как их нам расселять! Поистине, уже со средних веков наша страна превратилась в настоящий Ноев ковчег, в котором спасаются все гонимые: и христиане, и иудеи, и мусульмане, и просто еретики. Какое же право имеют после всего этого европейцы выставлять себя защитниками христиан от наших зверств? На самом же деле они оказываются гораздо большими варварами, нежели мы. Ваше правительство и вы сами, дорогой граф, никогда не забудете Чечню, которую, как кость собаке, вы швырнули нам. Ведь им потребуются земля, кров, пища! Может быть, скоро и тюркские племена из Средней Азии постучатся в наши двери? Ведь вы взялись уже и за них? Мой совет: раз вас так тянет на чужое, помиритесь с народом. Иначе у вас ничего не получится. Нельзя так: земли — вам, народы — нам. Нет, не пойдет, дорогой граф. Мы не примем ваших головорезов-чеченцев.

Аллах знает, что они могут натворить у нас здесь!

В зале наступила гулкая тишина. Али-паша удовлетворенно откинулся на подушку и закрыл глаза.

— Не будем ворошить прошлое и анализировать историю, — заговорил первым граф. — Не одни мы виноваты в несчастиях горцев. Вы тоже потрудились в этом изрядно. И раз взялся за гуж, не говори, что не дюж.

— Нет, граф, вы не в то ушко хотите нитку вдеть. Разве мы сжигали аулы, топтали нивы, убивали скот и людей, заставляя целые народы, до последнего человека, покидать родные горы?

— Зато вы неплохо натравливали их на нас. Тех же чеченцев. А потом, когда они выдохлись, выступили в роли искусителя и своими прокламациями заманили к себе.

— Неправда! Никаких связей с чеченцами мы не поддерживали!

— Не как с западными горцами, но поддерживали!

— Давая обещание, мы имели в виду только незначительную часть чеченцев, но не массовое их переселение.

— Прежде чем открыть шлюз, нелишне взглянуть на уровень воды.

— Послушайте, вы же пошли на открытый обман, сочиняли фальшивые прокламации от турецкого султана!

— Против истины мы погрешили немного. Не сочиняли, а перепечатали с настоящих. Признайтесь, рейс-эфенди, если бы не ваши призывы, разве горцы решились бы на переселение?

— Мы не призывали их и не поощряли. Мы просто не стали закрывать перед ними двери. Однако если бы черная тень вашего орла не легла на горы, горцы никогда бы не покинули свои сакли.

— То же самое я могу сказать об армянах и балканских славянах, которые, спасаясь от вас, массами переселялись в Россию.

— Но многие потом возвратились назад!

— Горцы тоже возвращаются в Россию.

— Разница в том, что мы своих христиан, пожелавших вернуться, принимаем, а вы своих мусульман обратно на родину не пропускаете. Сколько бы с вами ни спорили, граф, я твердо убежден, что нам, туркам, учиться варварству нужно у европейцев.

— Пусть так, — устало ответил Игнатьев, тем самым положив конец весьма нежелательному повороту в переговорах.

Наступила пауза.

"Не переборщил ли я? Ведь они, действительно, вполне могут и отказать, — засомневался вдруг Али-паша. — Что тогда? Прощай, Кавказ? Нет, ни в коем случае… Ради него стоит пойти на уступку. Да и почему бы сегодня не согласиться, а завтра, когда чеченцы уже будут здесь, на месте, не сделать по-своему?

Оправдание? Где нам выгодно, там и размещаем!"

Али-паша покинул свое мягкое кресло и беспокойно заходил по залу, сцепив руки за спиной. Его прямая, стройная фигура военного человека, красиво закрученные черные усы, чуть крупноватый нос на узком сухощавом лице и тонкие сжатые губы, наверное, привлекали внимание не только женщин. Быстрый, подвижный и даже порывистый, Али-паша нравился людям. Игнатьев знал, что соперник его не отличался притворством, хотя и слыл неплохим дипломатом. Али-паша не торопился высказать свое окончательное решение, взвешивал каждое слово, возможно потому речь его звучала убедительно и в ней не чувствовалось фальши, подвоха.

"Неужели не примут… чеченцев? — вертелась в голове графа одна и та же навязчивая мысль. — Неужели я провалю первое же возложенное на меня поручение в этой стране… Хорошее начало, нечего сказать. Что подумают в Петербурге? Нет, нужно еще раз попытаться… Либо пан, либо пропал".

Граф поднялся. Склонил голову в поклоне.

— Благодарю за беседу. Ваш ответ я доведу до Его Императорского Величества, — сказал он. — Глубоко уверен, что ни он, ни кавказское начальство никогда не пойдут на ваши условия. Покорнейше прошу извинить меня за беспокойство и за допущенные резкости…

Али-паша сдался.

— Хорошо, — сказал он. — Так и быть, мы принимаем ваши условия.

Но с одним уговором: чеченцы едут к нам со всем своим имуществом, скотом и оружием, не морем, а сушей!

"Еще лучше! — обрадовался Игнатьев. — Пусть заберут все свое оружие вплоть до кухонного ножа". Он еще раз склонил голову.

Теперь уже в знак согласия.

— Да поможет нам Аллах! — ответил рейс-эфенди. Таким образом, сделка была заключена.

В тот же день в далеком Лондоне, в одном из домов на Грин-стрит тоже шел оживленный разговор и тоже о внутренней и внешней политике России.

В те годы, пожалуй, на всем земном шаре не было другого человека, который бы с таким же пристальным вниманием и сочувствием следил за событиями на Кавказе, как этот пышноволосый жилец четырехэтажного дома на Мейтленд-парк Род.

Казалось, его зоркие черные глаза видели все происходившее в царских дворцах, дипломатических корпусах, генеральных штабах, в бедных лачугах мастерового, землепашца. Курчавые, некогда темные густые волосы сплошь покрыл иней седины. Массивные плечи его были чуть опущены, словно их придавила какая-то огромная незримая тяжесть…

В тот день, как, впрочем, и во все предыдущие, он засиделся допоздна. Тусклый свет лампы скупо освещал заваленный книгами стол, ворохи исписанных бумаг, чуть склоненную набок голову.

Тишину в комнате нарушал лишь торопливый скрип пера. Но вот человек откинулся на спинку стула и устало потер виски. Встал, закурил папиросу и отошел к окну. Отодвинув двойную раму, он некоторое время стоял неподвижно, глядя в серый туман Лондона.

Потянуло сырым холодным воздухом. Он поспешно задвинул раму и вернулся к столу.

"…Бесстыдное одобрение, притворное сочувствие или идиотское равнодушие, с которым высшие классы Европы смотрели на то, как Россия завладевает горными крепостями Кавказа и умерщвляет героическую Польшу огромные и не встречающие никакого сопротивления захваты этой варварской державы, голова которой в Санкт-Петербурге, а руки во всех кабинетах Европы, указали рабочему классу на его обязанности — самому овладеть тайнами международной политики, следить за дипломатической деятельностью

своих правительств и в случае необходимости противодействовать ей всеми средствами, имеющимися в его распоряжении. В случае же невозможности предотвратить эту деятельность — объединяться для одновременного разоблачения ее и добиваться того, чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами и в отношениях между народами…"

Шесть дней и ночей писал Карл Маркс Учредительный Манифест и Временный Устав I Интернационала. И каждый день, при любой погоде, непременно отправлялся сюда, в двухэтажный дом на Грин-стрит, где заседал генеральный Совет Интернационала.

Маркс осунулся, забыл о еде и отдыхе. Вот и сейчас товарищи упрашивали его пойти домой и отдохнуть, но Маркс остался в доме и после их ухода, так как ждал намеченной встречи с Фридрихом, вместе с которым он должен был обсудить проекты манифеста и устава.

Услышав легкий скрип двери, Маркс поднял голову. Но вошел не Фридрих, а незнакомый человек в широкополой шляпе и с тростью в руках.

— Дорогой Карл! — голос человека был под стать его росту. Он протянул могучую руку. — Неужели, не узнаешь? — рокотал он радостно, веселыми глазами глядя на Маркса.

— Бакунин! — Маркс горячо пожал протянутую руку. — Какими судьбами? Какая буря занесла тебя в туманный Лондон?

— Ветер странствий, — отвечал Бакунин, не переставая улыбаться.

— Ну, идем, голубчик, идем вот сюда, здесь посидим. — Маркс подвел его к столу у окна. — Очень рад видеть тебя попрежнему живым и здоровым. Слышал обо всем, слышал, но, увы, — он беспомощно развел руками, — помочь не мог. Присаживайся, рассказывай!

Кресло жалобно скрипнуло под тяжелым Бакуниным.

— Спасибо, Маркс, от всей души спасибо. Правду сказать, я уж было попрощался с белым светом. Три тирана с равнодушием палача делали все, чтобы я больше не увидел вас, своих товарищей. А ты, дорогой Карл, — Бакунин внимательно приглядывался к нему, — стал почти белым. Где же твои черные кудри, которым я так завидовал?

Нелегкими были эти годы для Маркса. Смерть детей и постоянная материальная нужда еще одним тяжким бременем легли на его плечи. Но он не стал об этом говорить.

— Тюрьма… она повсюду, Михаил… Люди страдают не только за железными решетками. — Он вынул из кармана пачку папирос, положил на стол — Вся Европа стала огромной тюрьмой. Шесть лет прошло с тех пор, как мы виделись в последний раз? Время немалое. А работы по горло. Ну, чему тебя научили твои
"учителя"?

— Еще какие учителя! — вскричал Бакунин, разглаживая пышные усы. — Как драгоценную реликвию передавали с рук на руки.
Потерять боялись.

Буйный характер Бакунина чувствовался во всем: и в громовом басе, и в богатырском росте, и в лукаво прищуренных глазах.
С широким лицом и пышной бородой, спускавшейся на мощную грудь, он походил на ярмарочного кулачного бойца.

В тридцатые годы Бакунин примкнул к революционным демократам, а в сороковые стал непримиримым врагом русского царя. Царизм заочно приговорил его к лишению всех прав на состояние и к ссылке на каторгу. В Россию Бакунин не вернулся. В дни германской революции он был одним из активных руководителей восстания в Дрездене. После подавления восстания Бакунина поймали, и саксонский суд приговорил его к смертной казни, замененной позже пожизненным заключением. Затем саксонцы передали его австрийскому правительству, которое, в свою очередь, тоже приговорило его к смертной казни, тоже заменив ее пожизненным заключением. Теперь уже австрийцы передали Бакунина в руки

русского императора Николая I, который поначалу заключил бунтаря в Шлиссельбургскую крепость, а затем сослал в Сибирь. Три года назад Бакунин бежал оттуда и через Японию и Америку добрался до Лондона.

По возвращении в Англию Бакунин некоторое время жил в доме Герцена, и Маркс не смог с ним встретиться. Несмотря на анархические взгляды Бакунина, Маркс искренне любил его, и сегодняшняя встреча была ему очень приятна и желанна. Хотя царизм и явился крепкой и надежной опорой международной реакции, Маркс все же верил в будущее России и предвидел, что туда рано или поздно сместится центр международного революционного движения. Поэтому для него много значила связь с русскими революционерами.

Маркс предложил Бакунину закурить.

— Кури, — и сам сделал глубокую затяжку. — Надолго к нам?

— Немного побуду.

— Может, останешься здесь совсем?

— Мы с женой выбрали Италию.

— Как долго думаете пробыть там?

— Пока трудно сказать, но с годик проведем. Надо силы восстановить.

Маркс с минуту молчал, глядя на огонек папиросы.

— Ну, а в России что нового?

— Тебе лучше знать. Разве твоим корреспондентам нечего сообщать?

— Сообщают. Дела не ахти. И все же тебе больше известно о своей родине, дорогой Михаил. Польское восстание потоплено в крови. Покончено и с кавказскими горцами. Полмиллиона черкесов прогнали

за море, в Турцию. Русского мужика, недовольного реформой, усмиряют огнем, шпицрутенами и розгами. Короче говоря, русский царизм достиг своих вершин. Где ты думаешь найти себе применение? Бакунин ответил не сразу.

— Мне по душе ваша организация, — сказал он. — Я с большой охотой в нее вступлю. После польских событий я твердо решил присоединиться к социалистическому движению.

Маркс долго и испытующе глядел на своего собеседника.

— Намерение похвальное, — проговорил он без особого энтузиазма. — Мы с Энгельсом были бы только рады, если бы вы с Герценом вошли в Интернационал. Но… — Маркс сделал паузу, как бы раздумывая о чем-то, — нам нужны только интернационалисты.

Бакунин с силой вдавил недокуренную папиросу в пепельницу, закинул ногу на ногу.

— Это что же получается? Мы с Герценом не интернационалисты?

— В некотором смысле… не интернационалисты, — Маркс сделал ударение на последнем слове. — Герцен от начала до конца панславист. И ты, дорогой Михаил, недалеко от него ушел.

— В этом смысле я, кажется…

Маркс покачал головой, не дал ему договорить:

— Нет, Бакунин, заблуждаешься. Твои призывы к славянам о том, чтобы сблизиться с немцами и венграми, не делают тебя интернационалистом. Ты не принимаешь во внимание революционные силы и гегемонию пролетариата. Твой "крестьянский социализм"
— утопия чистейшей воды. А твой лозунг о создании славянской федерации не только плох, но и просто вреден.

— Почему? — удивился Бакунин.

— Невозможно создать славянскую федерацию, не стерев с карты Европы Турцию, Венгрию и половину Германии. Отторгнутые от них территории пришлось бы присоединить к России.

— В этом видится двойная выгода, — возразил Бакунин.-

Во-первых, освобождение славян от турецкого и австрийского ига, во-вторых, ослабление Австрии и Турции.

— А последствия? — Маркс встал и оперся обеими руками о край стола. — Ты подумал о них? Ведь тогда во главе славянской федерации встанет царская Россия. Значит, силы ее удесятерятся. Добившись же такого результата, панславизм не сможет обеспечить своего будущего иначе, как путем покорения Европы. Ведь панславизм из символа веры превратился теперь уже в политическую программу и, имея в своем распоряжении восемьсот тысяч штыков, ставит Европу перед альтернативой:

либо ее покорение славянами, либо полное разрушение центра ее наступательной силы — России!

Бакунин внимательно слушал.

— Мне очень обидно, — продолжал между тем Маркс, — что все вы закрываете глаза на события, которые происходят у вас на родине, и не придаете им должного значения.

— Герцен и я, — живо отозвался Бакунин, — сделали все возможное, чтобы помочь Польше. Постарались обнажить и показать всему миру истинное лицо внутренней и внешней политики царизма.

Думаю, это кое-что означало для революции?

— Знаю и благодарю вас за это. Но Кавказ? Разве то, что происходит сейчас там, вас не интересует? Дорогой мой, самыми серьезными событиями в Европе с 1815 года я считаю польское восстание и завоевание Кавказа.

— С поляками понятно, — сказал он. — Но зачем сюда впутывать наших кавказских горцев? Смешно было бы ставить их в один ряд с просвещенными поляками.

Маркс от души расхохотался:

— Эх, головы! По-вашему выходит, все революционеры должны иметь университетское образование? Как тебя прикажешь понимать? То давай одних только образованных, то строишь социализм силой одних лишь русских крестьян. Не кажется ли тебе самому, что все это, как бы выразиться поточнее, несколько странно выглядит?

— А революционное сознание народа?..

— Не понимаю тебя. Неужели ты в самом деле считаешь, что вольные, свободолюбивые горцы менее сознательны, чем русские крепостные крестьяне, которых помещики тоже веками держали в темноте и невежестве?

Бакунин хмыкнул:

— С тобой невозможно спорить. Карл. У тебя, как у врача, на все готовы рецепты.

Лицо Маркса стало серьезным и немного печальным.

— Михаил, дорогой мой, у вас, у русских революционеров, один общий недостаток: вы интересуетесь только своими, чисто русскими делами, а уже потом — делами славян и прочих…

— Начинать-то нужно со своей избы. Все сказанное тобой, Карл, я не могу отнести на свой счет. Я участвовал в нескольких европейских революциях.

— За это я и признателен тебе. Никто не спорит, что человек ты незаурядный, смелый, мужественный и глубоко преданный революции. Все это верно. Но идейные ошибки, дорогой мой, идейные ошибки могут дорого обойтись. Хочется верить, что со временем ты их и сам увидишь. Но не опоздаешь ли? И уж поскольку речь зашла о России, а ты заявил о своем решении включиться в социалистическое движение, то и давай вернемся к этим вопросам. Конечная цель коммунистов — построить коммунистическое общество, дать счастье

всем народам. Но чтобы достичь этой цели, народам мира, а в первую очередь — мировому пролетариату, необходимо объединиться. Только в единении он сможет уничтожить реакционную силу. А к этому и призывает девиз коммунистов: "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" И ни коммунисты, ни социалисты просто не имеют права делить народы по расам и вероисповеданиям, работать лишь с одним крестьянством или с одними промышленными рабочими!

— О том же и я говорю. Только нужно сперва навести порядок в своем доме.

— Постой, постой, — Маркс движением руки остановил его. — Дойдем и до этого. Как известно, Россия — страна, стремящаяся к завоеваниям, и она была ею в течение целого столетия, пока движение 1789 года не породило ее грозного противника, я имею в виду европейскую революцию. Начиная с этого времени, на европейском континенте существуют фактически только две силы:

с одной стороны — Россия и абсолютизм, с другой — революция и демократия. Победа русского царизма неизбежно повлечет за собой поражение революции, и наоборот, поражение царизма — это наша всеобщая победа. Борющиеся кавказские горцы в течение многих лет отвлекали на себя значительные силы царизма. Россия постоянно держала на Кавказе минимум триста тысяч солдат. А ведь это огромная помощь и европейской революции, и русским крестьянам, которые борются за свои человеческие права. Вот почему вы, революционеры, должны приветствовать, поддерживать любые силы, выступающие против русского царизма.

— По-моему, дорогой Карл, все мы от души желали поражения русскому царизму в Польше и Венгрии.

— Не спорю. Однако опять-таки суть проблемы не в этом. Я хочу сказать, что отношение к революции, а точнее, само понятие о революции у вас какое-то однобокое. Не всегда вы за поражение русского царизма. Взять хотя бы последнюю войну, русско-турецкую. Она с обеих сторон носила неприглядный характер, но все же я от всей души желал поражения именно России. Как я сказал, победа ее — это

победа непримиримого врага революции и демократии. Слава богу, этого не произошло.

Но как восприняли поражение России вы, русские революционеры?

Да стали воспевать отличившихся генералов! Удивительное дело, вы, верные сыны своей родины, сочувствуете мужикам, беспощадно клеймите крепостное рабство, поднимаете голос в защиту славян, поддерживаете восставших греков, болгар и сербов. Почему? Да потому, что они одной с вами веры и восстали против Турции, давнишнего врага России. Слушай, слушай внимательно, Бакунин.

— Маркс устало провел рукой по лицу. — И что же происходит далее? А далее получается парадокс. Форменный Парадокс. Вы равнодушно взираете, хуже того, приветствуете каждую победу русского царизма над кавказскими горцами. Ведь вы, в сущности, оправдываете варварство. Или ты не согласен со мной? Я что-то не слышал слова русских революционеров в защиту горских племен, уже изгнанных и вот опять вновь изгоняемых в Турцию.

Не ошибусь, если скажу почему. Да потому, что они не вашей крови, потому что они другой веры. Они — азиаты. А потому и относиться к ним следует, как к азиатам и по-азиатски. Нет, Бакунин, твои революционные взгляды, ох, как далеки от коммунистических идей! Ох, как далеки!

Их беседу прервал вошедший Энгельс.

— Ого! Бакунин здесь? Вот это хорошо!

Не подав руку Бакунину, Энгельс повесил свою шляпу и трость на вешалку, сел в свободное кресло.

— Разве вы виделись? — спросил Маркс.

— Да. В полдень мы нос к носу столкнулись с ним на улице, — ответил Энгельс. — Вижу, уже здорово спорили? О чем?

— Карл недоволен мной. И не только мной, а и всеми русскими революционерами. Пожалуй, и всей Россией он недоволен.

Энгельс взглянул на друга.

— Такого у меня и в мыслях не было. С чего он взял… — покачал головой Маркс — Я очень высоко ценю и Россию, и русских революционеров.

Бакунин удивился:

— Ты же только что меня убеждал в том, что силой крестьян в России построить социализм невозможно!

— Я повторю это. Силой одних крестьян невозможно ни революцию совершить, ни социализм построить. Чтобы повести к этим целям, нужна другая сила — пролетариат.

— И поскольку в России пролетариата нет, наша борьба бесплодна?

— Ничуть. Колесо истории вертится, и ничто не может остановить его.

Энгельс вмешался в их разговор:

— Просто, Бакунин, ты не видишь или не хочешь видеть тех изменений, которые происходят на твоей родине, — сказал он. -

Причина в том, что ты давно оторвался от нее. Да, сегодня Россия пока еще чисто крестьянская страна, но она уже ступила на путь капитализма. И я убежден, что Россия в самом ближайшем будущем станет играть наиболее важную и значительную роль. Уже до войны она находилась в состоянии банкротства. В общем, мы имеем налицо все элементы русского 1789 года, за которым неизбежно последует 1793 год. Там зреет революция, и вспыхнет она довольно скоро. Вот эта революция и потащит за собой крестьян, тогда вы увидите такие сцены, перед которыми побледнеют сценки девяносто третьего года. А раз дело дойдет до революции в России — значит, меняться и лицу всей Европы.

Бакунин отрицательно покачал годовой:

— Не надо! У царизма огромная сила, дорогой Фридрих. Ее еще надолго хватит.

— Она прогнила изнутри. Что делать, старая Россия была до сих пор огромной резервной армией европейской реакции. И неизменно играла эту роль почти во всех революциях. Но те же революции породили в Европе грозные силы, направленные против нее. Вот с ними царизму уже не справиться. Не только в Европе, а в своем доме, у себя, в России. Избежать революции русское правительство будет просто не в состоянии, даже если ему и удастся задержать ее на год или два. И русская революция будет означать уже нечто большее, чем простую смену правительства в самой России. Она ознаменуется исчезновением огромной и неуклюжей военной державы, которая со времен французской революции стала становым хребтом объединенного европейского деспотизма. Словом, она ознаменует такое изменение во всем положении Европы, которое рабочие всех стран будут приветствовать с радостью, ибо это будет гигантский шаг на пути к их общей цели — к всеобщему освобождению труда.

— Слава Богу! — облегченно вздохнул Бакунин. — Хоть тогда, возможно, с нас снимут позорную кличку европейского жандарма!

— Ускорение процесса зависит от вас самих.

— Опять мы! — пожал плечами Бакунин. — Нас же обвиняют и в угнетении народов России. Но мы же не несем и не можем нести ответственности за преступления правительства!

— Я же не сказал, что в России, кроме угнетения нерусских народов, ничего не делают полезного для прогресса, — сказал Энгельс — Кстати, об ответственности народа за политику своего правительства. Натравливать народы друг на друга, чтобы таким образом продлить существование абсолютной власти, — вот к чему сводилось и сводится искусство и деятельность всех существовавших и существующих доселе правителей и их дипломатов. Особенно отличалась в этом отношении Германия. За последние семьдесят лет, если не углубляться в более отдаленное прошлое, она за английское золото предоставляла британцам своих ландскнехтов для войны с

североамериканцами, боровшимися за свою независимость. Когда вспыхнула первая французская революция, опять-таки именно немцы дали натравить себя, как свору бешеных собак, на французов. Это они в свирепом манифесте герцога Брауншвейгского грозили, что не оставят от Парижа камня на камне. Это они вступили в заговор с эмигрировавшими дворянами против нового порядка во Франции, получив за то мзду от Англии под видом субсидий. И когда у голландцев впервые за последние два столетия мелькнула разумная мысль о том, чтобы положить конец безумному хозяйничанию Оранской династии и превратить свою страну в республику, палачами свободы голландцев выступили опять-таки немцы.

Швейцария тоже могла бы немало порассказать о соседстве немцев, что касается Венгрии, то она очень нескоро оправится от бедствий, принесенных ей Австрией и германским императорским двором. Даже в Грецию посылались банды немецких наемников для поддержания там крохотного трона любезного Отто, даже в Португалию посылали немецких полицейских. А конгрессы после 1815 года, походы Австрии в Неаполь, Турин, Романью, заточение Ипсиланты, поработительная война Франции против Испании, затеянная под давлением Германии, поддержка, которую Германия оказывала дон Мигелу, дон Карлосу, ганноверские войска, служившие орудием реакции в Англии, расчленение Бельгии и ее термидоризирование в результате немецкого влияния! Даже в самой глубине России немцы являются оплотом самодержавца и мелких деспотов! Короче, вся Европа, да и Россия тоже наводнена кобургами!

Энгельс не мог сидя выплеснуть весь накипевший гнев. Он встал и, заложив руки за спину, начал быстрыми шагами ходить по комнате.

— Польша ограблена и расчленена с помощью немецкой военщины, ею же предательски задушен Краков. Ломбардия и Венеция порабощены и доведены до полного истощения с помощью немецких денег и немецкой крови. Освободительное движение по всей Италии раздавлено при прямом или косвенном участии Германии, с помощью штыков, виселиц, тюрем, галер. Перечень грехов немцев гораздо длиннее, и лучше прекратим зачитывать его! Но вина за все эти гнусности, совершенные с помощью Германии в других странах, — падает не только на немецкие правительства, а в значительной степени и на немецкий народ. Не будь его ослепления, его рабского духа, его готовности играть роль ландскнехтов и "благодушных" палачей, служить орудием господ

"божьей милостью", не будь всего этого, и слово "немец" не произносилось бы за границей с такой ненавистью, с такими проклятиями, а порабощенные Германией народы давно бы достигли нормальных условий свободного развития. Германия станет свободной в той же мере, в какой предоставит свободу соседним народам. Невозможно осуществлять демократическую политику вовне, когда внутри демократия скована по рукам и ногам. Таким образом, дорогой

мой Михаил, кто пытается снять с народа ответственность за преступления, совершенные его правительством, глубоко ошибается.

Воцарилась глубокая тишина.

— Вы правы, Фред, — сказал Маркс — В истории человечества существует нечто вроде возмездия, и по закону исторического возмездия его орудие выковывает не угнетенный, а сам угнетатель. Первый удар, который был нанесен французской монархии, исходил от дворянства, а не от крестьян. Восстание в Индии начали не измученные и обобранные до нитки англичанами райяты, а одетые, сытые, выхоленные, откормленные и избалованные англичанами сипаи. Колонизаторы сами себе роют могилы в своих колониях. Что же касается немецкого народа, то, боюсь, ему еще не раз придется расплачиваться за свое ослепление и рабский дух.

— Ничего не поделаешь, друзья! — Бакунин протянул руку. — У каждого свои идеи, свои принципы. Как говорится, каждому — свое. Однако переучиваться никогда не поздно. Исправлюсь!

— Будем рады. Возможно, до отъезда нам не придется свидеться. Так позволь пожелать вам с супругой счастливого пути.

— Спасибо. Передайте от меня большой привет семьям.

Когда Бакунин вышел, Маркс грустно покачал головой:

— Хороший, бедный Бакунин. Его только могила исправит…

ГЛАВА III. ЗИМА ПЕЧАЛИ

Чтобы судить правильно о характере и уме какого-либо народа, нужно знать, что терпел его чувствующий организм в былые годы, какие ужасы и нравственные потрясения пришлось ему пережить и что затупляло его мысль и чувство.

Н. Шаргунов

В доме Шахби полно гостей. Во дворе в трех огромных чугунных котлах варится мясо. Запах его разносится по всему аулу, голодные собаки сбегаются сюда со всех сторон в надежде полакомиться хоть чем-нибудь. Сейчас они грызутся меж собой в саду, где днем резали бычка-трехлетку. Оттуда студеный ветер и доносит их злобное рычание.

Дети же сгрудились вокруг котлов, не спуская нетерпеливых и жадных глаз с жирных кусков мяса, которые то показываются на поверхности, то вновь исчезают в кипящей воде. Позволь им старший у котла, они бы за мясом в кипящий бульон полезли. Но тот, под устремленными на него молящими взглядами, спокойно собирает и сбрасывает накипь, пробует, определяя, сколько времени мясу нужно еще вариться, подбрасывает поленья в огонь.

Нет-нет, да и сжалится он над детьми и кинет им тощий кусок.

Они же, голодные, в считанные секунды разрывают его на мелкие кусочки и долго с наслаждением жуют. Конечно, потом всех их накормят по случаю такого события, но это еще когда будет! Да и наешься ли досыта…

Обычно в это время в ауле тихо. Окна почти не светятся.

Впрочем, и ярких-то окон почти не найдешь, и если смотреть с другого берега Аксая, то едва ли насчитаешь больше десятка.

Но сегодня особенный день, сегодня в доме Шахби окна горят ярче всех, сегодня в доме Шахби мовлад.

Комната для гостей и сени до отказа забиты людьми. Любопытные облепили даже окна, прильнули к ним, не обращая внимания на пронизывающий холод. Из полутемной комнаты в открытые двери бьет теплая волна воздуха, перемешанного с горько-кислым запахом пота. Там, в гостиной муллы, собрались сегодня все гатиюртовские мюриды Кунты-Хаджи. И старые и молодые. Среди них есть и несколько женщин.

— Уллилах!

— Уллилах!

Зикр только начался. Мюриды, в исступлении кидаясь то вправо, то влево, медленно бегут друг за другом. Со стороны кажется, что это не они кружат по комнате, а комната вертится вокруг них. Совершается за кругом круг, мюриды сбрасывают с себя шубы, черкески, бешметы. Пот ручьями течет по лицам, рубахи на спинах взмокли, хоть выжимай, но сами мюриды словно и не замечают этого.

— Уллилах!

Среди зикристов особо выделяются два гостя: один своей тучностью — это мичикский Мада, другой — билтинский Нуркиши, своей худобой. Вытянутым бледным лицом и острым взглядом выцветших карих глаз он похож на отощавшего козла. Дородному Маде не под силу совершать столь головокружительные движения.

Он тяжело дышит и, мысленно обращаясь к небу, просит Всевышнего дать ему силы. Нуркиши, наоборот, кружит легко. Ему до усталости еще далеко!

— Уллилах!

Круг начал обратное движение.

— Уллилах!

Молодые мюриды, не уместившиеся в кругу, стоят у дверей, раскачиваются в такт зикра.

— Уллилах!

Один из стоящих во дворе вошел в экстаз и побежал по двору, описывая большой круг и оставляя глубокий след на рыхлом снегу. Его примеру последовали другие, теперь уже и во дворе образовался новый вращающийся круг. Мюриды, стоявшие в сенях, выбежали на холод и вошли в людское кольцо.

— Изгнанник Киши!

— Хаджи Киши!

— Приди на помощь!

Где уж тут устоять женщинам! Подоткнув полы длинных платьев, и они влетают в круг.

— Уллилах!

— Громче, братья!

Весь двор и дома дрожат от неистового топота. Из-за игры света, льющегося из окон, и отблесков костров во дворе кажется, что прыгают не люди, а чьи-то зловещие тени. Дети порой испуганно жмутся друг к другу, глядя на исступленные движения взрослых. А ведь, действительно, впечатляющая картина. И все это на морозе, под свист ветра, крики мужчин и стоны женщин.

Все мюриды: и те, кто во дворе, и те, кто в комнате, одновременно прерывают бег. Но они еще очень долго не могут прийти в себя, стоят, раскачиваясь, и хрипло повторяют как во сне:

— Уллилах!

Устали мюриды, охрипли, измучились. Бороды взмокли. Пот стекал с них, застилая глаза. У разных лиц — разные глаза: злые, с кровавыми прожилками; беспомощные и покорные, с мольбой устремленные в небо, усталые, с бессильно опущенными веками.

После зикра сам Аллах велел подкрепиться. Молодые мюриды расставили пищу, появились дымящиеся куски мяса, глиняные кувшинчики с вкусной гурмой[57]. Все это от костров и котлов до комнаты, где расположились мюриды, передавалось из рук в руки.

То и дело слышалось:

— Янарка, подай гурму.

— Ахмед, передай ложки.

— Сискал принесите.

Наконец-то дождался своей очереди и Мачиг. Долго и терпеливо он ждал. Но продлись эта карусель еще немного, и он упал бы без сил. Да простит его Аллах всемогущий за то, что мысли его и глаза во время зикра были обращены в сторону котлов, откуда так вкусно пахло. Да и то сказать, желудок пуст, ничего в нем за два дня не побывало, кроме горстки муки из сушеных груш.

Но какая это еда, разве она успокоит душу? Не зря же во время молитвенных поклонов он чувствовал что-то странное в желудке, что вызвало резкую боль, от которой временами темнело в глазах. Но он тогда тешил себя надеждой, что зикр в конце концов кончится, и тогда он сможет сытно поесть. Мачиг забывался и кружил так, словно в него вселился злой бес.

И Мачиг, и его ровесники не попали в комнату для почетных гостей, не посадили их и с более молодыми, а поместили совершенно отдельно, в холодной кладовой. Мачиг вошел первым, остановился посередине, окинул быстрым взглядом помещение, где ему предстояло отужинать, и остался доволен. Именно такая комната ему была нужна: полутемная, отдельная, без любопытных глаз. Коптилка с фитилем, сделанным из смоченной в животном жире тряпки, светила еле-еле, зато дымила вовсю. Осторожно переступив через деревянные чурки, которые должны были служить вместо стульев, он пробрался в дальний, самый темный угол и, довольный собой, стал ждать. Вскоре перед ним появился шун[58], в середине которого стояла большая глиняная миска с гурмой, обложенная кусками сискала. Над миской

вился густой горячий пар, щекотавший ноздри острым ароматом душистых трав. Но, пожалуй, больше всего волновали Мачига куски мяса в гурме.

Все тело, все клеточки его истощенного организма требовали пищи, но Мачиг до нее не дотрагивался: начинать трапезу должен старший, хотя это старшинство могло и всего-то быть в нескольких днях. Таков обычай, и нарушать его не вправе никто.

Иначе потом что только о тебе не станут говорить люди.

Ославишься на весь аул, а то и на всю Чечню, не допусти того Аллах!

Наконец самый старший, Гойтемир, протянул руку и сказал:

"Бисмилахи рахмани рахийм", — разрешая тем самым приступить к еде. Но и теперь Мачигу приходилось сдерживаться. Некрасиво, когда человек сразу и жадно набрасывается на еду. Взял кусок сискала, неторопливо откусил твердую обгорелую корку, не прожевав как следует, запил гурмой. О том, как голоден Мачиг, можно было судить по его готовности проглатывать сискал огромными кусками. Но еда застряла у него в горле, когда он вдруг вспомнил детей, которые ничего сегодня не ели, кроме такой же муки, от которой он невыносимо страдал…

Мачиг оглядел товарищей. В их глазах он прочел ту же грусть.

Мачиг подумал, а не спрятать ли ему несколько кусков за пазуху? Нет, нельзя, увидят, лучше не позориться. Но ведь и оставлять детей голодными на ночь — тоже большой грех! Правда, у него уже есть кусочек пшеничного хлеба, который достался ему после зикра. Но он такой маленький, что даже ребенок может его проглотить сразу за один раз. А дома у него шестеро… "Что останется, то спрячу и отнесу домой", — решил Мачиг и успокоился.

Однако еды на столе становилось все меньше, и каждый из его товарищей, бравший со стола очередной кусок, стал вызывать в нем глубокую злобу и даже ненависть. Он сам пошарил в миске, надеясь отыскать хоть несколько кусочков мяса, — не нашел.

"Наверное, принесут еще", — подумал он.

— Ты почему не ешь, Мачиг? — спросил Гойтемир, видя, как он насупился. — Небось, не нанесем большого урона Шахби, если сегодня хорошенько поедим. Ведь не часто приходится нам угощаться в доме нашего муллы. Эй, кто там, Янарка, принесика еще что-нибудь.

Янарка как раз проходил мимо, держа обеими руками большой кувшин с гурмой. Он вновь наполнил их миски и принес новый сискал. Воспрянувший духом Мачиг с новой энергией принялся за еду: "Теперь уж останется. Не смогут же они съесть все".

Однако сердце его не успокоилось до тех пор, пока товарищи не поднялись, сказав: "Алхамдуллила, да не оставит Аллах без пищи ни мусульманина, ни христианина".

Он незаметно спрятал за пазуху три куска сискала, а затем отправил туда же и оставшееся мясо. Мясо было горячее и жгло голую грудь, но Мачиг терпел. Теперь ему не стыдно будет посмотреть детям в глаза. Скорее бы только люди начали расходиться, чтобы можно было спокойно пойти домой. Мачиг набрался терпения и стал ждать.

* * *

После мовлада в доме Шахби остались только мюриды Кунты-Хаджи.

Хотел было уйти и Мачиг, но любопытство взяло верх, и он решил задержаться. Слухи-то носятся по аулам один страшнее другого.

Чего только люди не говорят. Одни утверждают, что с наступлением весны всех мужчин заберут в солдаты, и там их будут кормить свининой и сделают гяурами. Другие доказывали, что всех скоро сошлют в Сибирь, а на их землях расселят русских. И ведь не случайные люди разносили все эти слухи, а всем хорошо известный Сайдулла, сын Успана. И еще он зовет всех в Турцию. Туда же собирается и осетинский князь Муса Алхазов и орстхоевец Алихан, сын Цуги. Собираются со всеми своими родственниками. Нет, они не хотят есть свинину и пить водку, не хотят, чтобы их женщины были наложницами у гяуров.

Эти слухи очень волновали Мачига, и он чутким ухом прислушивался к каждому слову в доме Шахби, где сегодня собрались

весьма знающие люди. Вот почему остался Мачиг, пожелавший послушать, о чем они поведут речь.

Вон толстый Мада из Мелчхи — самый близкий векил устаза. Рядом с ним сидит известный в Ичкерии оратор Нуркиши Бильтинский.

Неспроста же они прибыли в Гати-Юрт! Народ толпился у дверей в соседней комнате, каждый старался глянуть на гостей, все вытягивали шеи или поднимались на носки. Длинный же Мачиг на сей раз имел преимущество: он хорошо видел всех собравшихся.

— …и в день смерти твоей в узкую лахту[59] к тебе явятся Мункир и Некир. И спросят они: "О, раб Аллаха, сын Адама, где ты был и что ты делал, когда на земле правоверных страдала вера Бога?" Что ответишь ты им? Сознаешься в бессилии своем против неверных? А они спросят тебя: "О, раб Аллаха, сын Адама, почему не удалился ты в другие земли, свободные от неверных, и там не исполнил заповеди Бога, подобно пророку Мухаммаду?"

И Божий суд пощадит только тех, кто, оставив дом, покинет места, где угнетается вера, кто же ослушается, тот будет гореть в аду…

Умный человек Нуркиши, хорошо говорить умеет и красиво. В глазах у Нуркиши горе и отчаяние. И скорбь в глазах у Нуркиши.

Настоящая скорбь. Это хорошо видит Мачиг, а потому и верит каждому его слову…

— И когда наступил такой день, адыгейские племена, все до одного, с семьями, отправились в Хонкару[60]. Только мы не поехали. Потому что поверили в нашу силу, в нашу храбрость, в неприступность наших гор и лесов. И что же получилось? Нашу страну разорили. Кто думает, что земля, на которой мы ютимся, принадлежит нам, тот заблуждается. Нет, братья мои, теперь эта земля не наша. Увели неизвестно куда устаза Киши-Хаджи и всех славных защитников ислама. Власти решили с наступлением весны выслать нас в Сибирь, а на наших землях разместить неверных, которые осквернят могилы наших предков. А в Сибири, если не дети наши, то наши внуки

станут христианами, забудут родной язык и обычаи отцов. И теперь у нас есть только два выхода:

подняться на газават и погибнуть или же уйти в Сибирь…

Какая-то женщина всхлипнула за спиной Мачига, кто-то громко кашлянул.

— Так что же нам делать? — с притворным отчаянием воскликнул Товсолт. — Допустим, те, кто может держать в руках оружие, погибнут. А останутся еще дети, старики, женщины.

Им-то куда же деваться? Кто их защитит от гяуров?

— Мы их уничтожим своими руками, а сами погибнем в бою, — раздался чей-то голос.

— Чтобы поднять народ на газават, нужны вожди. А мы остались без головы. Кого убили, кого сослали в Сибирь, кто сам перешел к гяурам.

Нуркиши спокойно выслушал всех, затем возобновил свою речь:

— Всемогущий Аллах через своего пророка Мухаммада, да будет Аллах милостив к нему, в священном Коране сказал: "Не лишайте созданных мною жизни, если есть возможность сохранить их".

А разве у нас такой возможности нет? — седые брови Нуркиши поднялись вверх. Чуть наморщив высокий лоб, он вопрошающе оглядел сидящих вокруг. — Создатель всего живого и неживого, всемогущий Аллах говорит: кто последует примеру пророка Мухаммада, тот в завтрашний день предстанет перед ним с чистой душой, а он окружит его райскими почестями. Однако, говорит Аллах, кто, обманувшись в этом бренном мире (все равно когда-нибудь ты покинешь его), но испугавшись смерти (все равно тебе не миновать ее), покорится гяурам, того он накажет…

Молчавший до сих пор Мада свернул четки, спрятал их в карман бешмета и, держа руки ладонями вверх прямо перед собой, вполголоса пропел:

— Во имя Аллаха милосердного и милостивого… — и, слегка коснувшись руками лица, важно погладил пышную бороду. — Аминь!

Братья! Я хочу указать вам третий путь, — торжественно, будто с минарета, начал свою речь Мада — Аллах обязывает нас, улемов, говорить только истину. Если мы вам не расскажем сегодня, то завтра Аллах спросит нас, почему мы не исполнили его волю. Поэтому мы объявляем вам, что спасение наше в Хонкаре, где падишах — правоверный мусульманин, где полная свобода исламу. Мы никого не принуждаем, а только призываем последовать примеру других. Как вам известно, вместе со своими семьями собираются в Хонкару Сайдулла, Алихан, улемы Боташ, Хадис, Жабраил и многие другие. Люди известные и почитаемые во всей Чечне. Они переселяются не потому, что бедствуют. Нет, они побогаче нас с вами. И не потому, что терпят насилие со стороны властей: они у них в почете. Они переселяются, потому что предвидят страшное будущее своих братьев, сестер и детей.

Туда переезжает и брат Киши-Хаджи, Мовсар. По воле Аллаха в Хонкару отправляют Киши-Хаджи и всех его векилей, ныне сосланных в Сибирь вместе со своим устазом. Переселяюсь и я, и Нуркиши, которого вы видите перед собой. Многое из того, что сообщили Нуркиши и Мада, не было известно гатиюртовцам. Слухи, правда, доносились, но кто поверит слухам? Мало ли их ходит по аулам. А вот сегодня в правдивости их убедились воочию.

Улемы не могут обманывать, ибо не имеют на то право слуги Аллаха.

— Вы-то поедете, Мада, а что делать нам, беднякам, у которых нет ничего? — невольно вырвалось у Мачига. — Дети наши ложатся спать голодными. Дома ни зернышка. Мало ли что в дороге случится, да еще и одеться нужно, обуться.

— И что будет с нами потом, если и доберемся мы туда? — поддержал Мачига стоявший рядом Ибрагим.

Мада открыл было рот, чтобы ответить, но Шахби его опередил:

— Оставайтесь! Вас никто не неволит! Разведете свиней.

Работать, чтобы купить жене шаровары, ведь русские матушки шаровары не носят, вам уже не нужно будет, сыновей своих отправите в солдаты, дабы избавиться от лишних ртов. Живите спокойно.

Мачиг оскорбился от слов Шахби, собрался было дать достойный ответ, но вовремя сдержался, вспомнив, где он находится. Шахби — хозяин, и он, Мачиг, только что встал из-за его стола.

— Это тебе смешно, Шахби, нам же не до смеха, — упрекнул его тем не менее Мачиг. — Мы хотим услышать настоящий совет.

— Знаю! — продолжал Мада. — Обманывать вас я не стану и не собираюсь. Действительно, беднякам придется очень трудно.

Возможно, труднее всех. Но могу заверить в одном: тому, кто доберется до Хонкары, раскаиваться не придется. Падишах считает нас своими братьями по вере и готов нам помочь. Вот, у меня есть письмо от него, — Мада достал из внутреннего кармана бешмета сложенный вчетверо лист бумаги и протянул его Шахби.

Шахби письму не удивился. Вероятно, он его уже держал в руках и даже читал. Развернул, быстро пробежал глазами, передал одному из аульчан. Тот, увидев арабский текст, торопливо прошептал: "Бисмиллахи рахмани рахийм", долго и внимательно разглядывал печать внизу, потом так же молча передал письмо дальше. Письмо переходило из рук в руки, пока опять не вернулось в карман бешмета Мади.

— В этом письме падишах Хонкары Абдул-Межид зовет нас к себе вместе с семьями. Он уже распорядился выделить для нас земли, наши братья по вере уже начали строить для нас дома. Советует, чтобы мы тронулись в путь с наступлением весны. Первое время нам не нужно будет беспокоиться о зерне, он обещает дать его безвозмездно. Он также обещает помогать нам и не облагать нас налогами, пока не станем на ноги…

Мада говорил долго и нудно, по несколько раз повторял одно и то же, словно боялся, что смысл письма дойдет не до всех.

Когда он, наконец, умолк, послышался голос Ибрагима:

— Я не уверен, Мада, можно ли верить этой бумаге. Бумага, она и есть бумага. Но даже поверив ей, как можно отправляться в такую даль? Страна-то чужая… Не знаю, Мада… Может, я что не так говорю… Только все адыги, переселившиеся туда в прошлом году, умерли от голода и болезней. Такое может и с нами случиться.

— С адыгами совершенно другое дело, — вмешался Нуркиши -

Во-первых, прижатые русскими войсками к морю, они бежали огромной и беспорядочной массой. В Хонкаре их, естественно, никто не ждал, а потому их и не смогли встретить как следует.

Представьте, к нам, в нашу страну неожиданно врываются сотни тысяч голодных, оборванных, больных людей. Среди них в основном женщины, дети, старики. Что можем мы сделать сразу?

Войдем в положение падишаха Хонкары. Конечно, он мог и хотел помочь, но не успел. А про нас он уже знает. В прошлом году Кундухов Муса съездил в Хонкару и обо всем договорился с падишахом. И как вы только что сами слышали, Абдул-Межид прямо говорит, что наши братья по вере там уже готовятся встретить нас. Кроме того, по словам Сайдуллы, для помощи беднякам, не имеющим достаточных средств для переселения, падишах Хонкары прислал деньги. Есть надежда, что и русский царь окажет нам помощь.

Поднялся шум. Говорили, отводя душу, прикидывали, сомневались:

— Ну сказали же, сам он пишет… Чего тебе еще?

— Сначала развяжи мешок, а потом увидишь, что в нем.

— Так я и поверил!

Один Мачиг молчал. Душу терзали сомнения. Что делать? Как оставить родной аул, родную землю…

Он не слышал, как мюриды снова начали зикр, не заметил даже, как очутился на улице. Очнулся от всех этих тяжелых дум, лишь когда почувствовал, как лютый мороз забрался под рваную черкеску. Тогда-

то и услышал Мачиг свирепый вой ветра, а оглянувшись вокруг, понял, что такая вьюга утихнет не скоро.

ГЛАВА IV. ГОСТИ

Иногда удается дурачить народ, но только на некоторое время; дольше — часть народа; но нельзя все время дурачить весь народ.
А. Линкольн

Быки, почувствовав близость жилища, двигались торопливо. Из-за редкого кустарника уже виднелись крыши домов. Еще полчаса — и они будут в родном Гати-Юрте. Свежевыпавший снег скрипел под тяжестью, когда в него по колено проваливались и быки, и люди.

Тишину нарушали лишь шуршание шагов, скрип полозьев да шумное и тяжелое дыхание уставших быков.

Три дня провели они на строительстве дороги. На трех санях с утра до позднего вечера возили лес. И вот сегодня, наконец, возвращаются домой. Но настроение от этого не стало лучше. Кто знает, что таится на уме у нового старосты Хорты, назначенного после смерти Исы. Может, завтра он возьмет и снова пошлет возить лес. От него всего можно ожидать. Подлая натура у человека. Чтобы выслужиться перед начальством, из шкуры лезть готов. Иса слыл жестоким и безжалостным, но в смелости ему отказать было нельзя. Он разговаривать с начальством умел, не заискивал перед ним и держался с достоинством. А если требовалось, то и свое слово поперек мог сказать. Хорта же, наоборот, только головой кивает да поддакивает. Задабривает начальство. Прикажут ему всего-то трех человек выделить, а он рад стараться, вдвое больше пошлет. А работа на строительстве дороги очень трудная. Все время на холоде, все время в снегу.

В прошлый раз, когда он послал шесть человек, все шестеро обморозили себе ноги. Среди них, к несчастью, оказался и Васал.

Али отодвинул до отказа плетеные ворота, и быки, не дожидаясь возвращения хозяина, сами тронулись с места и легко вкатили груженные дровами сани. Остановились в глубине двора, зафыркали, задирая мокрые морды и пуская клубы пара из горячих ноздрей.

— Новость! У нас новость! — Айза выскочила из дома в одном платье и побежала навстречу мужу.

— Что случилось? — спросил Али, глядя в веселые глаза жены.

— Дай сначала откупную!

— Что же я тебе дам?

— Просто так я не согласна.

"Неужели Арзу женился? — радостно екнуло сердце. — Нет, вряд ли. Может, корова отелилась или кобыла… Да и того быть еще не должно, рано…"

— Скажи, глупышка, что произошло?

— Э, нет…

— Вот я весь перед тобой. Бери меня.

Айза взяла из рук мужа налыгач и, полуоткрыв улыбающиеся полные губы, потянулась к нему.

— И что за новость? — Али двумя пальцами зажал ей губы. — У нас гость!

Только сейчас заметил Али коня под навесом и узкий санный след к сараю.

— Кто приехал?

— Сам догадайся.

Сгорая от любопытства, Али пошел к дому, оставив быков на попечение жены. Но в доме все было как обычно. Умар, занятый своей игрой, даже не повернулся в сторону отца. Усман спокойно спал в люльке. Али удивил лишь необыкновенный порядок в комнате и чистота. Нары были застелены украшенной разноцветным орнаментом

войлочной кошмой, которую жена доставала только в праздники и в исключительных случаях. В печке весело потрескивали дрова, в чугунном котле варились куры. Такое в доме Али случалось нечасто. Он уже стал думать, что гость, возможно, вышел по своим делам, но в эту минуту почувствовал, как кто-то крепко обхватил его сзади за шею одной рукой и прикрыл глаза ладонью другой.

Али попытался вырваться, но безуспешно. Он лишь сумел коснуться жесткой бороды гостя. Али стал перечислять имена всех своих знакомых. Гость молчал.

— Сдаюсь, — сказал Али наконец. — Не могу узнать!

Гость отпустил его, повернул к себе и крепко обнял.

— Добрый день, дорогой ты мой! — услышал Али русскую речь.

— Андри! — вскричал Али, обнимая друга.

— Эх, Али, Али! — говорил Андрей. — Как тебя такого земля только носит. Столько лет не давать о себе знать! Я уж думал, не случилось ли что. Как увижу человека из ваших краев — обязательно о тебе спрашиваю.

Али с трудом стянул оледенелую шубу из овчины, повесил на деревянный гвоздь, вбитый в стену возле дверей.

— Бедный человек — что мертвый, ему не до друзей, не до знакомых. Каким бы он умным и смелым ни был, его жизнь и гроша ломаного не стоит. Присаживайся, не стой. Как нежданно и как хорошо, что ты приехал!

— Не сокрушайся, Али. Богатство — на день, а доброта — на всю жизнь. Главное — быть человеком. Состояние — дело наживное.
Нам ли к лицу горевать о нем? — Андрей присел на край нар.

Али снял кожаные поршни[61], поставил их у печки.

— Так-то оно так, разве я этого не понимаю. Только не справедливо все же устроен мир. Одни гнут спины, другие празднуют… Только разве я мог забыть про вас, забыть все, что вы сделали для нашей семьи! Мы, чеченцы, никогда не забываем ни добра, ни зла. Я всегда помнил о вас, но вот проклятая нужда пригнула к земле и не дает выпрямиться. Ты, Андри, приехал один?

— Нет, со мной товарищ. Помощник, Яков. Ты его не знаешь, он со мной работает недавно.

— А как поживает Наташа? Она здорова? Часто вспоминаю ее вкусный хлеб.

— Просила всем передать поклон. На тебя обижена, говорит, что ты совсем забыл.

Али покачал головой.

— Нет, она не права, — оправдывался он. — Помню, но, ей-богу, времени не хватает. Столько дел: то дрова возить, то дорогу расчищать, то еще куда-нибудь пошлют. Только подумаешь: ну, наконец-то хоть сегодня отдохну, как власти придумывают новую повинность. Вместо налогов и штрафов. Заплатить нечем — значит, отрабатывай.

— Да я шучу, — рассмеялся Андрей, видя, как серьезно воспринял Али его слова. — Старуха и сама прекрасно понимает, как вам здесь нелегко.

— А Ванька чем занимается?

— Повзрослел. В прошлом году женили.

— Женили? И не дал нам знать? А еще говоришь — кунак. Разве, Андри, так друзья поступают?

— Умышленно, Али, не сообщил я тебе.

— Да пропади оно все пропадом, обязательно бы приехали. Что ты, такое событие!

— Нет, мой друг, — серьезно сказал Андрей. — Нельзя было приезжать в то время.

— Почему? — не понял Али.

— Свадьба совпала с шалинскими событиями. Вся станица была на ногах. Ложились в постель, а с оружием не расставались. Как мог я пригласить вас к себе? Случись беда с вами, что мне делать? Тягаться с властями? Ты сам понимаешь, таким, как мы, это не под силу. Разве ты забыл тот случай, когда приезжал к нам с Айзой?

В дом вошла Айза, и разговор мужчин прервался.

— Ну, откупная полагается мне? — спросила Айза.

— Конечно! — согласился Али и рассмеялся. — Что делать, Андри?

Сообщила радостную весть и теперь покоя не дает, требует откупную.

— Айза у тебя молодец, — сказал Андрей, кивнув головой. — Только жаль, не понимаем мы с ней друг друга. Пока тебя не было, мы как немые объяснялись. Она говорит по-вашему, а я глазами хлопаю, понять не могу. А вот с Умаром общий язык нашли сразу.

Особенно понравился ему Яшка. Уже подружиться успели. Айза, между прочим, изменилась. Наши женщины с возрастом полнеют, ваши же — наоборот.

— Толстушки у нас — редкость. — Али вдруг хлопнул себя по лбу.

— О самом главном спросить забыл. Корней-то как там? Семья его здорова?

— Тянет лямку потихоньку. То там кусочек урвет, то здесь.

Завел дружбу со здешними абреками.

— Не окажись он тогда на площади — не сидеть мне сегодня с тобой. Храбрости его можно позавидовать. Пусть во всем ему

сопутствует удача.

Айза помешала в котле, попробовала, сварились ли куры, и принялась стряпать галнаш.

— Надо второго гостя позвать. Обед почти готов.

— Куда твой помощник пошел? — спросил Али у Андрея. — За разговорами не спросил о нем.

— Вышел аул посмотреть.

Али снова натянул поршни, накинул на плечи шубу и вышел на улицу.

Айза и Андрей остались вдвоем. Андрей молча глядел на жену друга. Говорить они не могли: она не понимала по-русски, он — по-чеченски. Впрочем, и Али-то изъяснялся не ахти как, хотя его понять все же можно было.

Айза замесила тесто и, склонившись над широким деревянным подносом, проворно работала. Оторвет кусок теста, прижмет его пальцами к ладони другой руки — галушка готова. И все это так быстро, что не уследишь.

Андрей позвал Умара, посадил его к себе на колени.

— Во, мужчина! А ну скажи "кхинкх", так-так. Мы сейчас это дело платочком, вот так, теперь с носом у нас полный порядок.

Настоящий абрек! Вылитый отец! Вырастешь, родителей кормить будешь? Будешь, а?

Мальчик ничего не понимал, но доверчиво кивал головой. Он догадывался, что незнакомый дядя спрашивает его о чем-то хорошем. А раз о хорошем, то нужно кивать.

В это время проснулся Усман, и Айза, продолжая стряпать, ногой стала качать люльку. Андрей пододвинул люльку к себе.

— Оставь, я покачаю, — сказал он.

— Айзу смущало то, что она не может занять гостя, потому отсутствие мужа казалось ей бесконечно долгим. И когда двое мужчин появились на пороге, она облегченно вздохнула.

— А где Арзу пропадает? — поинтересовался Андрей. — Уехал куда?

— Не знаю. Меня же три дня не было дома. Не успел спросить у жены.

Яшка скинул с себя шубу, стянул тяжелые яловые сапоги.

— Садись вот сюда на койку и качай люльку, — сказал ему Андрей. — Умар тебе поможет, как надо. Правильно я говорю, абрек?

Мальчик кивнул, спрыгнул на пол и встал около Яшки.

— Слышал я, этим летом у вас засуха была?

— Лучше не спрашивай, — махнул рукой Али. — Страшно было глядеть. Земля потрескалась от жары. Чем мы прогневили Бога?!

Все посевы суховеем смело. Муллы говорили, что это наказание за грехи наши. И люди, бедняги, только и утешались молитвой.

Землю нам оставили такую, что на ней и в дождливую погоду урожая не собрать. Да, страдают люди.

После войны многие с берегов Терека и Сунжи переселились сюда, в горы. Они — наши люди, и их нельзя было оставлять в беде.

Теперь пошел слух, что к весне нас прогонят и отсюда. А на наше место поселят русских. Многие собираются ехать в Турцию.

Об этом разговоры на базаре, на улице, в поле, дома. Стоит кого-либо повстречать, и он сразу заговорит с тобой о Турции, о переселении. Толком, правда, никто ничего не знает. Слухи ползут один страшнее другого. Поневоле растеряешься.

— К чему бы это? Объясни мне, я, лично, не понимаю.

— Что тут объяснять? Почти всю нашу плодородную землю отдали казакам, одарили прислужников царя. А на той, что оставили нам, и бурьян не прорастет, не то что семена. Но нам самим очень нужна земля. А коли так, то разве два врага уживутся в одном доме? Власти нам землю добровольно не вернут. Значит, и миру между нами не бывать. Все наше богатство-то ведь — земля. Оторви нас от нее, и мы погибнем. Нищету как-нибудь переживем, лишь бы земля была у каждого. Плохая ли, хорошая.

Да ведь и ту хотят отобрать. Даже маленький начальник и тот поступает с нами, как ему вздумается. Царь крепко вцепился чеченцу в горло и с каждым днем все сильнее сжимает когти.

Понастроил крепостей, в них полно солдат. Завтра утром скажут:

идите, чеченцы, сдавайте свое оружие и свои души. Так будет.

А потому бегут люди, сами не зная куда, но бегут.

Андрей молчал. Али говорил правду. Как живут чеченцы, он сегодня посмотрел. Всюду увидел запущенность и нищету, убогие хижины, в окнах которых вместо стекла бычьи пузыри. Двери прохудились, выгнулись от времени голые стены. Полураздетые, дрожащие от холода дети. В их станице бедная семья не знала такой нужды. Видя жизнь чеченцев, он сегодня почти физически ощутил свою вину перед этими людьми, которые попадались навстречу, когда он ехал по улице. Буквально каждый встречный останавливал их, здоровался за руку, приглашал в гости отведать хлеб-соль, отдохнуть с дороги. Они, живущие в голоде и нищете, тем не менее протягивали руку помощи. Так было и в разгар войны. Любого русского, пришедшего к ним с миром, они принимали с почетом и провожали его, чтобы гость не опасался за свою жизнь. Время-то опасное. Но они не щадили тех, кто шел к ним с оружием. Все солдаты были для них врагами. И как им понять, что воюют солдаты не по собственной охоте, что они так же, как чеченцы, втянуты в эту чуждую им бойню.

…А тот случай произошел на второй год после окончания войны, когда Али и Айза только что поженились и еще обзаводились хозяйством. Ни арбы своей, ни коровы, ни вил, ни лопаты они не имели. Особенно дорого тогда ценились железо и соль. Али заготовил

несколько мешков древесного угля, а Айза набрала в лесу диких груш. Попросили у людей быков и арбу, погрузили свою поклажу и поехали в Орза-Калу, как именовали тогда горцы станицу Червленую, бывшую в те времена неофициальной столицей Терского казачества. В ней бывали генерал Ермолов, князь Гагарин, великий князь Михаил Николаевич, знаменитый Дюма-отец, Лев Толстой.

Червленая — одна из самых богатых станиц. На каждую казачью семью в ней приходилось в среднем по сто десятин земли. И самая крупная — владения ее простирались почти на двести верст.

Чем ближе подъезжал Али к станице, тем сильнее охватывало его беспокойство. Может быть, лучше повернуть назад? Но он не подавал виду, что боится, Айза же, завороженная красотой мест, не замечала его состояния. "А-а, будь что будет, — решил Али, — все в руках Аллаха".

Война эти места обошла. Между станицей и виноградниками у южной околицы они увидели качели, ровные дорожки, пруд с чистой родниковой водой. Под раскидистыми деревьями были расставлены скамейки для отдыха, стояли беседки. По парку прогуливались нарядные люди. Все мужчины — в черкесках, у каждого из-под барашковой шапки, сдвинутой на самый затылок, свисал, почти закрывая лоб, длинный чуб. Все мужчины были вооружены. Женщины носили рубахи с широкими рукавами, нарядные кафтаны, шелковые платки и сорочки, плотно облегающие грудь, дорогие "грязевые" пояса с массивными серебряными пряжками, позолоченные застежки в два ряда на узких кафтанах.

Айза не могла оторвать глаз от этой красоты. Все было как в сказке. Ведь только в сказках люди живут весело и счастливо.

В жизни же она не встречала еще людей, которые бы не испытывали нужду и не плакали от горя. Али думал о своем:

"Кому нужны здесь наши груши и мушмула? Зря мы сюда приехали".

Не успели они еще въехать в станицу, а об их появлении уже знали почти все. Только они приблизились к южным воротам, как стоявший

там мальчишка исчез, и вместо него появился казак.

Их пропустили. Со всех сторон сбежались ребятишки, и в их окружении арба медленно тащилась к центру станицы. Али казалось, словно его пропускают сквозь строй. Перекликаясь с соседями, женщины и мужчины выбегали из калиток на улицу, показывали на арбу пальцами и что-то говорили друг другу.

Дорога вывела на центральную площадь, где высился двухэтажный дом полкового командира. Рядом виднелась гауптвахта, у дверей которой стоял казак с обнаженной шашкой. По соседству — дом полкового правления, тут же висел вечевой колокол. На площади было довольно многолюдно. Любопытные и просто праздно шатающиеся окружили арбу и молча рассматривали сидевших на ней Али и Айзу. Али старался не выдать своей тревоги. Ведь и он впервые оказался в казачьей станице. Хотя старики-чеченцы и говорили очень тепло о былых взаимоотношениях между чеченцами и терскими казаками, теперь наступили совершенно иные времена, и между тем прошлым и сегодняшним настоящим пролегла огненная грань долголетней войны. Что из того, что когда-то предки чеченцев и казаков жили как друзья и братья? Царь-то их потомков превратил во враждующие стороны. И может быть, среди этой вот толпы стоят те, у кого от чеченской пули погиб отец, брат или сын? Может, кому-нибудь из них взбредет в голову мысль отомстить за погибших? Ведь повсюду сейчас находятся сумасбродные головы, всегда готовые на любое преступление.

Да ведь и власти ныне подстрекали чеченцев и казаков к столкновениям, разжигали вражду между ними. Подогревали эту вражду и муллы, объявляя всех христиан непримиримыми врагами правоверных мусульман. Благодаря тем и другим образовалась такая глубокая пропасть между чеченцами и казаками. А ведь жили же их предки дружно и мирно. И могли жить так и дальше, если бы кому-то не было выгодно натравливать их друг на друга.

Али не ошибся. Среди добродушных лиц и любопытных глаз нет-нет, да и сверкали злые, враждебные взгляды.

Сквозь толпу протиснулся здоровенный рыжий детина, засучил рукава черкески, оголив мускулистые руки и толстую шею, и

вперевалку, словно медведь, медленно подошел к арбе.

— Братцы! Да ведь он лазутчик! Пришел добычу высмотреть! — заревел детина, скрипя зубами. — Бей его!

Али отступил к арбе, прикрыв спиной Айзу. Руки невольно потянулись к пистолетам, заткнутым за пояс под буркой. Но раздумал. Терпение… Самое главное — терпение! Эх, не было бы с ним сейчас Айзы. Ведь она беременная…

Все это пронеслось в голове за какие-то доли секунды. И в эти же доли секунды из толпы вдруг рванулись крики:

— Назад, сволочь!

— Позоришь станицу?

— Фролов, назад, кому сказано!

Из толпы выскочил другой казак и, встав перед Али, загородил собой его и Айзу.

— Подними-ка свою рыжую морду, фроловская сука! — Казак тоже засучил рукава черкески. — Подними, подними! Я ее сейчас отделаю!

— Прочь с дороги, босяк! — Лицо Фролова исказилось бессильной злобой и ненавистью. — Не из твоих ли он ночных дружков?

— Да дай ты ему в рыло, Корней!

— Не шибко храбрый нашелся?

— Людей нужда погнала, а он, боров, бить их собрался!

Пока из толпы неслись возгласы, оба казака, видимо, не уступавшие друг другу в силе и ловкости, переминались на месте, готовые сцепиться в драке.

— Други мои, позорно бить друг другу морды из-за вшивого чечена! — завопил какой-то низкорослый казак.

— Заткни пасть. Не быть по-вашему! — Ринулся к нему другой.

— Босяки!

— Кровососы!

Толпа разделилась на две враждебных половины. И по решительности, с какой произошло такое разделение, стало ясно:

потасовки не миновать. Но тут на крыльце правления появился станичный атаман — полковник Беллик.

— Что здесь происходит? Почему базар? — выкрикнул он грозно, хмуря седые брови. Заметив Али, стоявшего около арбы с пистолетами в руках, спросил:- А это еще кто таков?

— Ваше благородие, чечен он, приехал, видимо, торговать. По бедности своей… — выступил из толпы казак. — А наши, вон, сговорились избить его… Да ведь позор, ежели такое случится.

Позор, ваше благородие, и нашей станице, и всему терскому казачеству. У нас подобного отродясь не было. Чеченцы бы так подло, ваше благородие, с нами не поступили ни в жисть…

— Это ты верно говоришь, Пантелей, — согласился Беллик.-

Невелика храбрость всей станицей напасть на одного. Всем запомнить: они не только наши гости, они подданные Его Императорского Величества, как и любой из нас. Война кончилась, нам с ними жить в мире! Кто начал приставать?

— Знамо, Фролов.

Беллик погрозил рыжему пальцем:

— Некрасиво, Фролов, для твоей фамилии. Не к лицу. Отныне строго буду наказывать всех, кто обидит чеченцев, пришедших к нам с

мирными делами. Корней, позаботься о нем, — Беллик кивнул в сторону Али. — Все! Разойдись!

— Погоди, паршивец! — скрипел зубами Фролов. — Припомню я тебе этот день. И Никифорычу не забуду.

— Господи, напугал как! Сам же не веришь в то, что болтаешь.

— Пантелей презрительно сплюнул. — Моя сабля остра, разрубит любую шею. Хочешь сохранить голову на плечах, не лезь на рожон, сиди и сопи себе…

— Гони, кунак, арбу за мной. — Корней подошел к Али. — Не бойся.

В станице волоска с ваших голов не упадет.

Они отъехали от центра, и вдруг Корней начал извиняться, будто это он был виноват в случившемся.

— Обо всех плохо не думай, кунак. Подлые люди всюду есть — и у нас, и у вас. Разжирели на наших хлебах… Какой резон нам враждовать с вами. Жили же наши деды мирно, друг к другу в гости ездили по-родственному и по-кунакски. Война все перемешала.

— Ты спас меня. Теперь моя жизнь — твоя жизнь.

Корней отмахнулся:

— Не я один заступился за тебя. Заступились многие. Да ладно тебе. За что благодарить? За пустяк… Ну и башка у меня!

Болтаю-болтаю, а имени у своего кунака не спросил.

— Меня зовут Али. Из Гати-Юрта я, что в Ичкерии. Это чуть выше Герзель-аула на левом берегу Аксая. Там у меня есть и брат, Арзу.

— У меня много друзей среди чеченцев. Теперь и ты в их числе.

Что тебя привело в нашу станицу?

— Женился я, Корней. Семья теперь. А как жить, если быков нет, коровы тоже, арба — чужая. В горах ничего нет, а у вас можно купить

хоть из старенького: и вилы, и лопату, и косу…

— А что же у тебя в арбе?

Али смутился:

— Древесный уголь, дикие груши, мушмула…

Корней покачал головой:

— Товар, извини, неходовой, неважнецкий.

— Я сразу понял, как приехал.

Корней сел на передок, взял из рук Али хворостину и погнал быков.

Чем больше удалялись они от площади, тем грустнее становился Корней. Он раскурил ореховую трубку и молча дымил, видимо, думая о чем-то своем… Неожиданно проговорил:

— Видишь вон ту покосившуюся лачугу? Это и есть моя изба.
Полна детьми, так что сесть негде. Как же получше принять вас?
Вот ведь беда какая…

Али понял, почему задумался Корей.

— Не надо говорить так, — ответил он. — Ты хороший человек, это и есть твое богатство.

— Нет, к себе я вас не поведу, — стоял на своем Корней. — Но у меня есть друг. Андреем звать. Только он и сможет помочь вам. Поедем к нему.

Вот в тот памятный день и познакомился Али с добродушным Андреем. Он и жена его Наташа встретили гостей с таким искренним радушием, словно знали их давно и давно ждали в гости. Эту ночь Али с Айзой провели у них, а назавтра вернулись домой.

* * *

…Наступила зима. Морозным вечером в станицу въехали двое всадников, закутанные в башлыки. Они рысью проскакали центральную улицу, достигли окраины и остановились у дома Корнея. Хозяин не спал, к нему часто приезжали чеченские наездники, но чтобы вот так открыто, а тем более и в столь раннее время, никогда такого не было раньше, да и деловые встречи до сих пор назначались вне станицы.

Корней вышел к калитке, но не сразу признал всадников, чьи лица закрывали покрытые инеем башлыки, только глаза и были видны.

— Салам алейкум, Корней, — приветствовал тот, что был пониже ростом. Он легко спрыгнул с коня и, подойдя к хозяину, спросил:- Примешь гостей?

— Али, вот молодчина! — Корней бросился обнимать друга.-
Значит, жив, буйная голова? Думал, совсем ты забыл своего кунака.

— Нет, Корней, нет.

Корней с любопытством посмотрел на его спутника.

— Это мой брат, Арзу, — представил его Али. — Приехали отблагодарить и тебя, и Андрея.

— Ну что ты говоришь, Али! Какие благодарности? За что?

В ту морозную ночь в домах Андрея и Корнея в знак вечной дружбы братья оставили два великолепных кинжала, специально сработанные оружейниками из аула Дарго…

* * *

Гости поели. И лишь после того Али поинтересовался, что привело их в эти края и может ли он чем-нибудь помочь?

— Ничего особенного. Хотим повидать друзей. А если будет возможность, то и подработать немного.

— В самый раз приехали! — обрадовался Али. — Дело к весне, многие в Турцию собираются, готовятся в дорогу. Работы кузнецу хватит. Своего-то нет, приходится бегать за десяток километров. Вот железа, к сожалению, у нас маловато. Вернее даже — нет его.

— Немного мы захватили с собой. На первых порах, надеюсь, его хватит. А потом что-нибудь придумаем. Если ты не против, Али, может, выйдем, посмотрим аул?

— Раз вы хотите?

— Где-то тут был наш мешок. Попроси Айзу, пусть принесет, я не заметил, куда она его поставила. Мне надо переодеться.

Айза принесла мешок. Андрей развязал его и вытащил новую черкеску и папаху. Отложив одежду в сторону, достал сверток и протянул Айзе.

— Возьми, Айза. Эту шаль Наташа для тебя вязала. Носи на счастье! А вот эти сапожки Иван просил передать Умару.

Али, старушка моя и тебя не забыла. Помнит, как ты восхищался ее хлебом. Держи оба каравая. Бери-бери, не стесняйся!

Айза то накидывала шаль на голову, то вертела разглядывая, и не могла наглядеться. Ведь забыла уже, когда в последний раз и держала-то в руках такую красивую и дорогую вещь. И не замечала, как слезы, заполнив глаза, текли по ее лицу. Да она и не старалась скрыть слезы благодарности! Очень хотелось закутаться в шаль и посмотреться в зеркало. Но сдерживалась, ждала, пока уйдут мужчины. Соседям эту шаль покажет она потом, а когда к роднику пойдет, то всем станет рассказывать, какую красивую обнову подарила ей русская подруга.

Не менее счастливый Умар важно расхаживал по комнате, поскрипывая новыми сапогами…

…Вечерело. Солнце уже наполовину спряталось за дальним хребтом, последние неяркие лучи его мягко скользили по холмам, по крышам домов, по верхушкам деревьев. Сухой мороз иглами колол лицо, щипал щеки и мочки ушей. Отовсюду доносился вечерний шум. По кривым улицам гнали скот к водопою.

Мерзляки-буйволы, напившись студеной воды, спешили обратно к теплу. Женщины с кувшинами на плечах, несмотря на мороз, неторопливой походкой шли к роднику. На поляне перед мечетью группами стояли старики, а матери семейств задерживались у чужих калиток, чтобы поделиться новостями, услышать что-то новое, посудачить о своем, женском…

Гости остановились на возвышенности, откуда как на ладони был виден весь небольшой аул. Аксай яростно боролся с крепчавшим морозом. Стиснутый высокими берегами узкого ущелья, он с шумом и грохотом катил свои беснующиеся воды к просторам равнины, где его ждало некоторое успокоение. Неподалеку резвились мальчишки, катались на санках, боролись и кувыркались на снегу.

Андрей впервые наблюдал сегодня мирную будничную жизнь чеченского аула.

"Как немного нужно человеку для счастья, — думал он. — А мир для них — уже счастье".

— Суровые, но красивые у вас места, — сказал он Али. — Жил бы здесь да жил. Вам, поди, за нуждой и полюбоваться некогда.

— Такова участь, — отозвался Али.

Послышались выстрелы. Али изменился в лице. Выстрелы приближались. Али напряженно обшаривал глазами те дороги, откуда доносилась стрельба.

— К дому! — почти приказал он. — Пули не отличают друга от врага.

Внезапно на дороге, пересекавшей балку, показались всадники.

Узнав гнедого коня Чоры, Али перевел дыхание и радостно воскликнул:

— Это наши!

Группа всадников, не переставая стрелять в воздух, галопом промчалась по оврагу. В группе было не более пятнадцати человек. Их бурки развевались по ветру. Хорошо виднелось их снаряжение: перекидные сумы, лопаты, длинные веревки, крюки, горные лыжи.

Когда звуки выстрелов долетели до аула, люди растерялись. Но лишь на миг. Бросив взгляд в сторону мечети, Андрей заметил, как мгновенно рассыпалась толпа. Те, у кого было оружие, заняли позицию за каменными стенами. Суматоха еще не успела улечься, как всадники подъехали к мечети. Кто-то забрался на минарет и дал три выстрела из ружья, что означало: аулу не грозит беда. Отовсюду стали раздаваться ответные выстрелы, приветствующие всадников. Непосвященному показалось бы, что в ауле идет ожесточенный бой.

— Так что же это за люди? — переспросил Андрей, когда выстрелы, наконец, прекратились.

— Наши ребята!

— Откуда они примчались?

— С гор.

— А что они делают в горах? Да еще зимой?

— Как бы тебе объяснить… — Али сдвинул на затылок папаху.-

Видишь ли, практически жизнь наша всегда в опасности. Война, конечно, кончилась, но мира нет. Власти готовятся отнять у нас землю, а мы готовимся дать отпор. По давней традиции у нас юноши проходят специальную подготовку, учатся военному делу.

Ежегодно на два месяца зимой и весной мы отправляем их в горы.

Занимается с ними самый отважный и искусный воин аула. Юноши учатся стрелять, ездить верхом, владеть саблей, кинжалом и многому

другому.

— Но для этого не обязательно отправляться в горы.

Али покачал головой.

— Здесь не те условия. В горы они не берут с собой ничего. Ни продуктов, ни даже корма для лошадей. Живут под открытым небом. Все необходимое добывают сами.

— Так и замерзнуть недолго.

— Надо закаляться. Уметь терпеть холод и голод, находить выход из любого положения. Вот для их обучения и выбирают самые трудные места, где на каждом шагу ледники, сугробы, бурные реки…

— Жалко мальчиков.

— Жалко. Но что поделать: сегодня им трудно, а завтра в бою будет легко. Уже темнеет, Андрей, пора домой.

Они повернули обратно. Когда подошли к калитке, Яшка спросил:

— А тому, кто их обучает, что-нибудь платят?

Али недоуменно взглянул на него.

— Аул общий. Охранять его должны все. Зачем же мы будем ему платить? Лишь по хозяйству его семье помогаем во время его отсутствия.

Незаметно подкралась ночь. Чистое небо тускло мерцало точками холодных звезд. Гости устали, им пора было отдохнуть.

— И вы еще вновь собираетесь воевать! — неожиданно воскликнул Яшка. Он уже устроился спать, но, видимо, этот вопрос продолжал его беспокоить.

— Говорят, и мышь кусается, когда ее убивают, — невесело усмехнулся Али.

"Вот бы нашим мужикам поучиться у чеченцев. Ох и всыпали бы мы богатеям перцу…" — думал Яшка, совсем уже засыпая…

ГЛАВА V. СУДЬБЫ

Лишь те друзья не на словах,
На деле,
Кто наши кандалы
И на себя б надели.
Хисроу

После смерти Исы многое изменилось в ауле. На третий же день в Гати-Юрт нагрянули стражники во главе с помощником пристава подпоручиком Чомак Ойшиевым и увели Ловду с Васалом в Ведено.

Васала, неделю продержав на гауптвахте, отпустили. По всему было видно, без помощи Курумова не обошлось. Казалось, Васалу оставалось только радоваться свободе. Но, напротив, у него было такое чувство, будто кто-то сыграл с ним злую шутку. И от сознания того, что из-за него, возможно, страдает другой, совершенно невинный человек, на душе было мерзко и горестно.

А Ловду приговорили к десяти годам и сослали в Сибирь. Еще раньше в Сибирь угнали Самби, второго побратима Васала; там он и пропал без вести. Из пятерых братьев в ауле осталось только двое. Ах, Ловда! Увидит он, Васал, Ловду еще живым?

Разве по нему суровый климат Сибири? Человеку, выросшему под южным солнцем, тот край становится могилой. Редко кто из горцев возвращался оттуда живым.

Еще до суда Васал во что бы то ни стало решил оправдать Ловду.

Потому и старался всю вину взять на себя. Если вдуматься, то он же и есть убийца. Не будь его, Васала, разве Ловда поднял бы руку на родного отца? Нет, не поднял. Так что же тут рассуждать, ему, Васалу, и лежала прямая дорога в Сибирь. Но как убедить в этом Ловду? Какие слова сказать, чтобы он понял доводы и согласился с ним? Васал делал все, что мог. Ловда же не менял свою позицию ни в какую и стоял на своем. Тогда Васал решил разделить его участь.

И вновь возник спор. И вновь Ловда одержал верх. "При чем тут ты, Васал, если родного отца убил его сын? — говорил он. — У тебя малые дети и больная жена. Умрет она, что станется с детьми? И что изменится в моей судьбе, даже если ты, Васал, разделишь ее вместе со мной. Ничего! А потому, не трать попросту время и иди домой. Я пролил кровь своего отца, мне отвечать за то перед Богом и перед людьми".

Скоро год, а от Ловды так никаких вестей и нет. На прощание говорил, что если не умрет, то убежит. Да, видать, случилось что-то недоброе. Не так просто вырваться оттуда: если не догонит пуля, то замерзнешь в пути. И как бежать Ловде, не зная языка? Он же сразу выдаст себя. "Где ты? Где ты, мой побратим? — часто думал Васал. — Жив ли ты? Или уже давно покоишься в мерзлой земле?"

Говорят, беда не приходит одна, всегда находит себе спутника.

Васал не успел вернуться, как умерла Мархет. Видно, арест мужа унес ее последние силы.

Умерла она, как жила, молча. Арзу, Маккал и Али точно выполнили завещание. Семь дней не уходили со двора, стояли рядом с Васалом, принимали соболезнования жителей Гати-Юрта, других соседних и дальних аулов. Семь ночей Маккал читал Коран в доме Васала, по вечерам все трое подолгу задерживались у друга, стараясь беседой облегчить горечь его утраты.

Айза вместе с другими женщинами носила в его дом еду, кормила тех, кто приезжал из дальних аулов.

Но и траур не вечен. Люди постепенно разъехались и разошлись, и Васал остался один на один с детьми. Горцы говорят: "Горе, что останется снаружи закрытой двери, — не горе". Все сочувствовали Васалу, но рано или поздно всем им приходилось возвращаться к своим семьям.

Как бы ни тяжела была рана, но и она в конце концов как-то заживает. Постепенно рубцевалась она и на сердце Васала…

…День стоял ясный и солнечный, в воздухе уже чувствовались запахи близкой весны. На склонах таял снег. Вот-вот придет пора, о которой Васал мечтал, наверное, больше и чаще всех.

Конечно, она не приносит новых радостей в дом, но все же хоть как-то облегчает жизнь бедняка. Хотя бы уже тем, что дети могут теперь бегать босиком. Появляется черемша, потом крапива, разные съедобные травы, начинают созревать ягоды. С трудом, но все же можно дотянуть до урожая ячменя. А там и кукуруза поспеет.

С наступлением весны Васал вместе с такими же отчаявшимися бедняками совершал ночные рейды за Терек, в богатые казачьи станицы, где у них имелись друзья, которые всегда могли помочь и выручить из беды. Зимой Васал и Мовла из Мескетов угнали лошадей Хорты и Шахби и передали их Корнею. Тот в долгу не остался, тем более, что в станице Червленой богатеев хоть отбавляй. Только вот не зимнее это дело — ночные поездки.

Васал и его друзья подобны голым соколам. А голому соколу под отрытым небом и летом не переночевать. Ни Арзу, ни Али не одобряли вылазок Васала. Нет, им не жаль было ни чеченских, ни казачьих богатеев, обобрать их совсем не грех. Просто и они, и другие добрые люди боялись за Васала: а вдруг власти схватят его или он угодит под казачью пулю? Ведь дети вообще тогда круглыми сиротами останутся. Васал прислушался к совету:

месяц назад он в последний раз попытал счастья, и теперь у него были верховая лошадь и корова, а детишки уже не голодали.

Мать им заменяла старшая дочь Хозу. Подрастал и Юсуп, которому уже шел тринадцатый год. Скоро станет помощником отцу… Дети наелись кукурузной каши и разбежались кто куда. Дом словно опустел, ни крика, ни шума. Одна Хозу продолжала хлопотать по хозяйству. Как удивительно походила она на мать. Глянет на нее Васал и тотчас вспоминается ему его Мархет, которая стала его подругой в самую трудную минуту. Вместе влачили нищенскую жизнь, вместе шли сквозь пламя войны, любили друг друга, и даже ее смерть их не разлучила: Мархет продолжала жить в его сердце.

На душе было так тоскливо, что Васал просто не находил себе места. Он не знал, откуда шла эта тоска, но порой она захватывала его

полностью. Может, именно так пыталась подобраться к нему старость? Только, вроде бы, рано подкрадываться старости — ему не было еще и пятидесяти. Так-то оно так, если, конечно, подходить к понятию о старости из количества прожитых лет, а не из прожитой жизни. Из такой жизни, какую и врагу не пожелаешь…

Васал окинул взглядом кривую улицу. К кому бы сходить? Он любил бывать у Али и к своему закадычному другу Мачигу часто заглядывал. И у них всегда чувствовал себя, как дома.

Так и не приняв определенного решения, Васал опустился на большой камень у плетеного забора, заняв свое излюбленное место. Часто он сиживал теперь здесь и все чаще уносился мыслями в прошлое. Васал извлек из кармана бешмета широкий замусоленный кисет, медленно развернул его, насыпав на клочок бумаги щепотку душистого самосада, ловко свернул цигарку, зажег кресалом трут и, закурив, глубоко затянулся. Глядя на корявую алычу и стройную грушу на другой стороне улочки, он с той же непонятной тоской и болью в душе вспомнил березовые рощи, золотые нивы, голубые озера и речушки своей далекой родины.

Как мало нужно человеку, думал Васал, опершись локтями о колени, и как мало ему дано. Как коротка жизнь: оглянуться не успел — и уже нет человека. Но сам он не замечает, как наступает старость, как близится его последний час. Все копошится, все трудится без устали, как муравей, словно для жизни ему отпущена вечность. Ничто не останавливает его, даже смерть близких не убеждает в бренности собственной жизни.

Потому он порой и глух к горю других. И кажется ему, что сам он никогда не умрет. Пусть он даже глубоко несчастен, но он всегда живет надеждой на счастливый завтрашний день. Живет мечтой, не оглядываясь по сторонам, не замечая вокруг никого и ничего. Живет лишь для себя, для своей семьи. Только перед смертью он словно пробуждается и начинает осознавать, как сильно был связан с родиной, со всеми людьми, даже с теми, кого он всегда ненавидел и презирал, с кем всю жизнь ссорился, кого обижал и оскорблял, и кто, в свою очередь, отвечал ему тем же. Да, человек меняется близ смертного

одра. Он начинает листать книгу своей жизни, пристально всматривается в прошлое и осмысливает весь пройденный путь. Где он ошибался и где спотыкался? В чем он был прав и в чем несправедлив? И только теперь видит он около себя и своих близких, и соседей, и друзей, и товарищей. Оказывается, что всех тех, кого он не замечал раньше и даже избегал, он любил. И теперь на глаза его набегают слезы при виде их. Значит, он всю жизнь смотрел на них незрячими глазами, и только теперь, когда жизнь прошла, он прозрел… А как милы ему ветки яблони под окном, бесконечное чириканье непоседливого воробья, теплые лучи, что проникают через крошечное окно и желтыми полосками ложатся на рваное одеяло. Да, теперь он хочет слышать все и видеть все.

Даже ту старую бездомную дворняжку, что свернулась где-то под плетнем…

Перед глазами вереницей проходят люди, давно покинувшие эту бренную землю, и из потухших глаз катятся слезы… Если бы все начать снова, если бы повторить прожитую жизнь!

Еще тяжелее и безутешнее человеку, оторванному от родины. Его словно точит какая-то непонятная, неведомая болезнь. И он стареет уже не по годам, а по часам. Седина окутывает голову, морщины бороздят лицо, серый тусклый туман заволакивает глаза, и горбится спина от какой-то неземной тяжести. А мысли…

мысли только о ней, о родине…

По улице проходили женщины. Одни несли вязанки дров на спине, другие шли с пустыми или наполненными водой медными кувшинами.

Пробегали уже босоногие мальчишки… Мимо текла жизнь…

Подошел Мачиг. Примостился рядом на камне, молча сунул руку в карман Васала, вытащил кисет, смастерил себе цигарку и возвратил кисет на место. И только тогда произнес:

— Берс приехал.

— Когда?

— Сегодня ночью.

— Где он остановился? У Али?

— Да.

— А что еще нового?

Непонятно было, какими путями доходили до Мачига аульские новости, но узнавал он их первым.

— Аул собираются обложить новым штрафом.

— За что же?

— Разве ты не слышал, что у Хасавюртовской слободы угнали лошадей?

— Значит, следы привели к нам?

— Привели и здесь же затерялись. Кто бы это мог сделать…
Ты-то не знаешь?

Васал мысленно перебрал всех своих дружков, покачал головой:

— Нет, не наши. Ни один из наших не накличет беду на свой аул.

— Кто же тогда?

— Кто, кто? Нетрудно догадаться. Да сами же казаки. Казаки!
Вот кто! У них конокрадов хватает. Не все они сродни Корнею, который никогда не сделает нам зла.

— Значит, от штрафа не уйти.

— Значит, так. Власти не станут утруждать себя поисками воров.
Им бы только найти повод, чтобы обобрать нас. А тут такая зацепка. Разве они ее упустят? Но ты-то откуда обо всем этом узнал?

— От Янарки. А он от Ахмеда. Хорта, говорит, — что бык разъяренный, землю ногами роет. Пообещал, если, дескать, не выдадим вора в течение трех дней, то весь аул выплатит двести рублей.

Васал даже присвистнул:

— Это сколько же увели лошадей?

— Всего пару.

— Вот идиоты, — только и нашелся сказать он.

На Терскую область не распространялись законы общеимперских судебных уставов, их заменяли разработанные здесь же местные административные правила, но применялись они к горцам и казакам по-разному. Ответственность горцев определялась совершенно особыми началами, сводившимися к двум пунктам.

Первый: всякий раз, когда совершалось какое-либо преступление в области, в каком бы месте оно ни произошло, предполагалось, что оно совершено горцами. Второй: за всякое преступление отвечают все горцы, живущие вблизи от места совершения преступления. Как в случае, когда истинный виновник преступления не открыт, так и тогда, когда он установлен, но средств для возмещения причиненного им убытка не имеет.

В случае воровства из казачьих станиц и с полей скота или другого имущества, когда следы доводят до какого-либо аула, старшина последнего обязан принять следы и вести их дальше.

Если же виновник не найден, то все без исключения жители этого аула обязаны уплатить полную стоимость украденного. За кражи из станиц отвечают и окрестные аулы, последние расписаны по группам с обозначением, какие аулы за какие поселения колонистов несут ответственность. В случае, если виновный обнаружен, взыскание всех причиненных им убытков обращается на его имущество, а если его стоимости окажется недостаточно, то взысканию подлежит имущество и ближайших родственников вора. А уж в случае и их несостоятельности, взыскание налагается на весь аул, где, по подозрению, проживает виновник.

Поскольку след привел к Гати-Юрту, а виновник обнаружен не был, то аулу и придется расплачиваться за пропавших лошадей.

А то, что стоимость их завысили в три-четыре раза, стало привычным делом.

Все новости были уже пересказаны, друзья еще некоторое время поговорили о том, о сем, а затем вместе направились к Али -

Там всегда найдется тема для беседы.

Во дворе Али, под навесом, Андрей устроил что-то вроде передвижной кузницы, где с утра до вечера кипела работа и сновал народ. Люди тащили старые топоры, сошники, плуги, ободья колес, заказывали косы, вилы и прочий инвентарь. Но со многих Андрей денег не брал.

В последнее время Васал крайне редко заглядывал к Али, хотя всей душой тянулся к единокровным братьям, готов был и днем и ночью слушать родную речь. Да вот только не знал, как к его частым посещениям отнесутся аульчане, что подумают о нем, если он десять раз на дню станет бегать к своим соплеменникам. А ведь в любое время, стоит ему лишь выйти на улицу, как ноги сами несут его к ним. Он и говорил мало, и вопросы задавал редко, зато с каким вниманием слушал родной язык, а уж послушать что-нибудь о родине было для него настоящим радостным праздником.

Но, к удивлению Васала, сегодня со двора не доносилось привычного стука молотка и ударов кувалды. Под навесом сидели Андрей, Берс, Яшка, Арзу и Маккал, в руках Берс держал раскрытую книгу.

Поздоровавшись со всеми за руку, Васал и Мачиг облюбовали для себя место у старой арбы. Васал справился у Берса о здоровье.

— Жив-здоров, брат, — весело отозвался Берс — Знаешь, Васал, на днях я нашел интересную книгу о Шамиле. Написал ее капитан Руновский, некогда специально приставленный к нашему имаму.

И написал он довольно-таки любопытно. Мы вот все удивлялись, почему, мол, имама не убили, как шейха Мансура, и не повесили, как Бойсангура. Оказывается, он нашел общий язык со своими вчерашними врагами, и ему живется неплохо! И о чеченцах отзывается далеко не лестно…

— Вранье! — воскликнул Арзу — Не верю! Шамиль не может клеветать на наш народ, который был ему верен все двадцать лет войны!

— А сам ты веришь написанному Руновским? — спросил Андрей у Берса.

— Но если ты хочешь узнать всю правду, Андрей Никитич, то, скажу откровенно, после прочтения этой книги голова у меня пошла кругом. Да, Шамиль был жесток. Как все прежние и нынешние правители. Я даже полагаю, что этому горцу можно простить его жестокость, ибо он делал то же, что тысячелетиями творили и продолжают творить даже цивилизованные европейские правители. Добавлю к этому, что если Шамиль и бывал иногда излишне жесток и несправедлив, то исключительно по своей невежественности, но… во имя свободы и справедливости. Да, написанное господином Руновским в этой книжке, частично соответствует правде. Еще раз подчеркиваю, частично! Ибо, мне думается, что многое в ней он сгустил и даже выдумал, чтобы унизить и оскорбить этого великого горца, приуменьшить славу и авторитет Шамиля с целью продолжить сеять вражду между горскими народами. Короче, Андрей Никитич, теперь, в наше очень сложное и противоречивое время, еще труднее разобраться, что в книге правда, что ложь.

— Мне думается и другое, — сказал Яков, внимательно слушавший разговор. — Ваш Шамиль и его наибы по жестокости даже уступали нашему царю и нашим помещикам. Последние-то, вдобавок ко всему, еще и развратны…

— Будь его воля, он бы всех их передушил, — засмеялся Андрей, взглянув на своего помощника. — Как увидит богатея, так глаза кровью наливаются, словно у зверя.

— Откуда же у него такая ненависть? — спросил Берс.

— Долгая история… — замялся Яша. — Когда-нибудь я расскажу вам ее… На досуге…

Арзу и Маккал вспомнили разные интересные истории из боевой и личной жизни шамилевских наибов и мулл, рассказали, как ловко они обирали народ и при этом жестоко расправлялись с недовольными, затем разговор незаметно перешел к настоящему, к сегодняшнему дню, к несправедливости новых властей и притеснению народа, к наложенному на аул штрафу.

— Иногда воровали и мы, — признался Васал. — Что правда, то правда. Но разве одни только мы? А сами станичники? Сами же крадут, а на нас сваливают.

— Кто этого не знает, Василий, — махнул рукой Андрей.

— Вот я один случай расскажу. Ездил я как-то в станицу Калиновскую. Вдруг среди ночи шум, гам. Палят из ружей. Ну, думаю, не иначе на станицу напали. Спрашиваю, в чем, мол, дело? Объясняют, чеченцы, дескать, скот угнали. Но они одного вора все же поранили. Наутро пошли по кровавому следу, а он их привел в дом своего же станичника. Тот вынужден был сознаться в краже, выдал и остальных своих дружков. А вот, что произошло в Сунженской станице. Задумал воровство разводчик ночных секретов. Ну и не выставил дозор в одном месте. Казаки видят, что не везде дозор поставлен, стали стеречь это место сами. Вор явился туда, увидел казаков, бросил скот, пустился наутек. И был убит наповал. В убитом казаки признали своего разводчика. Так вот, в обоих случаях лишь случайно соседние чеченские аулы избежали обвинения в воровстве и непосильного, незаслуженного штрафа. Ваши воры только одного боятся — как бы не поймали на месте, иначе все потом станут сваливать на чеченцев. Так уж повелось: как искать воров, то ищут только в чеченских или ингушских аулах.

— Причем ловко этим пользуется разная сволочь, — горячо заговорил Яков. — Мне один казак по секрету поведал, как его родственник из соседней станицы взял да и запалил свою полуобвалившуюся избенку, а указал на соседей. Ему поверили и с того аула взыскали сумму, в десять раз больше стоимости сгоревшей развалюхи; на эти деньги он и отстроил себе новую избу.

— И здесь клин вбивают, чтобы мира между нами не было, — вздохнул Андрей. — Вот ты, Мачиг, любишь русских?

Мачиг замотал головой, ударил обеими ладонями по тощим коленям:

— Ей-бох, один урус сапсем-сапсем палахой, один урус сапсем-сапсем хороши.

— А ты — диплома-ат, — протянул Берс и невольно рассмеялся.

Мачиг обернул все шуткой:

— Корней хороши, Яшка хороши, Андрей хороши…

— Русских миллионы, — перебил его Васал. — Все они, как деревья в лесу, разные. Но многие думают, раз власть русская, то и все русские — сволочи. Но власть-то с народом не советуется… А за ее действия расплачивается он.

— При чем тут народ, Василий? Зачем всему народу ответ держать? Лишь богатеям и шкурникам. Вот кому.

— Кабы так, — протянул Васал, сворачивая цигарку — Только у нас стригут всех под одну гребенку. Трус, он кто? Самый что ни на есть вредный и опасный человек. Что та скотина, которая не мычит и не телится. Из-за таких власти, что хотят, то и делают, и будут делать, пока он, как квочка кудахчет и за свою шкуру дрожит.

— Мужик не единожды поднимал косы и вилы, забыл? А Степка Разин, а Емелька Пугачев? И теперича, нет-нет да пустит красного

петуха.

— Это мы только в своей избе такие герои, — не сдавался Васал.-

А коснись инородца какого, так то не наше дело, будто он и не человек вовсе. Оставляем его волкам на растерзание. Вот тебе, Никитыч, и по-божески!

— Ты что же предлагаешь?

— Встать за инородцев. Всем миром!

— Будто не знаешь, в каких нас тисках держат?

— Ежели бы не знал, не перешел на сторону чеченцев.

— Не все так могут.

— А им какая преграда?

— Спутаны по рукам и ногам.

— Да нет, Никитыч. Была бы охота, а помочь завсегда можно. Вот тебя возьмем. Последним, можно сказать, делишься. А разве мало таких? Немало. Но где ж они, когда нужно? Не видно. Потому как попрятались все и молчат. Но я тебе скажу, домолчатся! Русский барин сегодня чеченца забижает, завтра за своих примется.

— Да с нас уж и так испокон веку по три шкуры дерут.

— Поделом. Потому как безголовые. Кто в лес по дрова, а кто в поле за сеном. Вместе никак не можем. То общая беда.

Остальные молчали и слушали, не перебивали, не вмешивались.

Только Яков порывался что-то сказать, да знал, что неприлично встревать, когда говорят старшие. Наконец наступила пауза, и Яша не замедлил ею воспользоваться.

— Все это будет, когда черт помрет, а он еще и не хворал. Эх, дядя Вася! — Яшка ударил себя кулаком в грудь. — Вот тут горит.

Все нутро. Ты не забыл, как гнул спину на барском поле? -
Забудешь, как же…

— Так вот, все одно, что наша доля мужицкая, что чеченская.

Я даже дяде Андрею не рассказывал, как на Терек попал. Почему?

А потому, вспомнишь — мороз по коже… Ежели кто прознает, то мне один путь-дорожка выпадет — на каторгу или на виселицу.

Вот и боялся, потому и рот на замке держал крепко. Теперича, кажись, можно. Люди вы ничего, хорошие. Вам, пожалуй, рассказать можно…

* * *

— За что нас дядя Вася упрекает? За терпение, — начал рассказ Яша. — Что верно, то верно, русский мужик терпелив. Говорят, за терпение Бог дает спасение. А уж коль разойдется когда — не одна хозяйская голова летит с плеч. Когда невмоготу, то и сырые дрова загораются. Думаете, царь-батюшка по своему хотению крепостное право отменил? Мужик его принудил. Народ.

Вот кто. Верно, дядя Вася, нас миллионы. Но мы, как слепые котята, идем и сами не знаем куда. Мужик — он темный. Всяк его обманет, обведет вокруг пальца. Ну вот, объявил нам царь свободу. Барин и говорит: плати выкуп и иди на все четыре стороны. А на кой черт мне такая свобода, когда землицы у меня нету? Опять же покупай ее у барина! А где деньги взять? Да и отрежет он тебе самый что ни на есть плохой кусок. Вот тогда и подумали мы, что царь-батюшка, дескать, освободил нас с землей, а помещики это скрыли от нас. По соседству с нами имелась деревня Бездна. И жил в той деревне грамотный мужик Антошка Петров. Библию всю наизусть знал. Святым человеком слыл. Вот и пошел слух, что, мол, царь ему вручил грамоту и велел идти в народ и объявлять всем царский указ. Говорили, что в той грамотке царь отписал землю и леса мужикам, а ежели помещики добром не станут отдавать, отбирать силой. Прослышали наши мужики о таком деле и пошли к барину требовать, чтобы он волю царя-батюшки исполнил. Само собой, барин погнал мужиков со двора. Тогда порешили мы делить меж собой землю и имущество барина. Сказано — сделано. Давай барское добро грабить!

Да недолго погуляли. Солдат пригнали в Спасский уезд. Мы, конечно, решили драться. Схватили топоры, вилы, косы и миром пошли за село, на войско. Но многие, как увидели солдат, извиняюсь, в штаны наложили. Один, другой назад повернул, глядь, за ними и все побежали.

— Вояки, — рассмеялся Васал. — Сразу драпака дали!

— Что же нам оставалось делать? — Яков укоризненно посмотрел на Васала. — У церкви пушки стояли, у солдат — ружья, от одного их вида оторопь брала. Ими офицеры командовали, а у нас и сверховодить как надо некому было.

— Ну-ну? И что же дальше? — спросил Берс. Рассказ его явно заинтересовал.

— Дальше? Назавтра, как и раньше, работали на барина. Думали, авось и обойдется. Ан нет. Не таковским был наш барин. Не простил. На второй же день согнали народ на церковную площадь, окружили солдатами. Поначалу принялись бить зачинщиков. Били нещадно. Мой черед настал. Я портки уже было скинул, да барин вдруг и заступился. Мужики сразу же смекнули в чем дело. У меня невеста была красавица, на загляденье всем. Марфой ее звали. Лицо белое, глаза голубые, чистые, ясные, что тебе утренняя роса, волосы густые золотистые, и вся она, как тополек стройный. Любили мы друг друга. Я три года деньги на свадьбу копил. Лез перед барином из шкуры; а как иначе, если он решал нашу судьбу? Накопил немного деньжонок и решил попросить у барина дозволения на женитьбу. Как раз случай такой представился: конюх заболел, так меня на его место поставили. Пришел барин коней поглядеть, я и выложил ему все.

"Хорошо, — сказал он, — но прежде должен я посмотреть на невесту и узнать, согласна ли она пойти за тебя. Завтра веди ее ко мне". На другой день мы с Марфой пошли к барину. Он стоял на крыльце. Мы молча, не смея поднять глаза, застыли перед ним.

— Как тебя зовут? — обратился он к ней.

— Марфой, — еле слышно ответила она.

— Красивую девушку ты нашел себе, Яшка. А ты, Марфа, согласна выйти за него?

— Да.

— Ну и прекрасно. До весны еще два месяца. А за это время поработаешь в барском доме служанкой.

— Воля ваша, барин.

— Вот и поладили… Я не против вашего брака.

Мы бросились перед ним на колени и чуть ноги ему не целовали.

Барин нагнулся, поднял Марфу и долго смотрел на нее. Но смотрел, будто раздевал. "Да нет, это мне показалось, — подумал я. — Барин стар, у него жена и взрослые дети".

Стала Марфа работать в доме барина. Однажды пришла, пожаловалась, что барин проходу ей не дает, заигрывает и что она боится его. Что мне делать? Силой отвадить барина от нее не смогу. Забрать Марфу оттуда? Кто же мне ее отдаст? Хозяин — барин, все в его воле.

— Потерпи, родная, — утешал я. — Бог не допустит надругательства.

— Чует мое сердце, опозорит он меня, — заливалась она горькими слезами.

— Коль хоть пальцем тронет, — говорю, — убью его! Так и передай барину.

Утешал ее, а у самого сердце холодело. И не напрасно.

Надругался над нею барин, и она повесилась. Только мать успела спасти ее, и никто о том деле не прознал. Барин, видать, денег отвалил родителям Марфы, те и смолчали. Даже мне о том не сказали. И Марфа скрыла. Может, боялась, что я действительно убью барина, может, отец застращал. Как-то барин вызывает меня и говорит:

— Слышь, Яков, зачем ждать весны, женись на своей крале. Я ответил, что рано еще, денег пока не хватает.

— Сколько же не хватает?

— Три червонца.

Барин достал десять червонцев.

— На тебе сто рублей. Да поторопись с женитьбой. С родителями Марфы все сам улажу. Не тяни, слышишь?

Вскоре мы обвенчались, сыграли свадьбу. А в первую же ночь все открылось. Что я ей мог сказать? Она же не виновата. И руки на себя наложить пыталась… Говорила же она мне раньше, предупреждала… Сам я виноват был перед ней. Ее еще и запугали: меня, мол, в Сибирь сошлют, а она будет ходить опозоренной. Так нашептывали ей барин и родители. Ночь я не спал, а с рассветом пошел в конюшню, взял топор и, затаившись среди лошадей, стал ждать. Наконец появился барин. При виде его я аж затрясся. Кинулся к нему, поднял топор, но старый кобель оказался не по годам ловок. Увернулся, выхватил из кармана маленький пистолет и на меня направил.

— Не горячись, Яшка, — спокойно так говорит. — Ты еще молод. Это дураки расстаются с молодой красивой женой после первой же ночи.

Злоба меня душила, а он на топор все смотрит. И пустил я его со всей силы в злодея. И опять мимо. Успел он наклониться, и топор врезался в столб за его спиной. Тут приказчик откуда-то появился.

— Зови мужиков! — кричит ему барин, — Свяжите его и бросьте в подвал.

Очутился я в подвале, по рукам и ногам связанный. Вечером ко мне спустился барин.

— Как себя чувствуешь? — спрашивает, словно промеж нас ничего и не было.

Я зубами заскрипел. А он глаза сощурил:

— Глупый ты мужик! Поднял на меня руку. Тому свидетель есть.

Да и без свидетелей я тебя в гроб загоню. Тебя ждет каторга, лет на десять. Там и сдохнешь, как паршивая собака. А хочешь, отдам тебя в солдаты? Через двадцать пять лет вернешься. Но Марфе ты будешь уже не нужен. Зачем ей старик? Выбирай, подлец: на каторгу или в солдаты? Когда надумаешь, не забудь вернуть мне долг.

— Креста на тебе нет, окаянный! — прохрипел я.

Он расхохотался мне прямо в лицо:

— Баран, ну сущий баран! Что случилось с твоей Марфой? Убыло от нее, что ли? Нет! Ну, и провел я с ней первую ночь. Что с того? Тебя же, дурака, освободил от лишнего труда. Сладкую ли, горькую, но ты потерял всего одну ночь. Зато все остальные будут одинаковы. Давай, помиримся, а она пусть еще месяц в доме у меня поживет… Потом забирай ее. Ты еще сосунок, не знаешь, что всякая женщина скоро надоедает. Ну как, договорились?

Я не ответил. А он не нуждался в моем согласии. Я же молчу, а сам прикидываю: "Как отомстить? В Сибирь погонят — пропадай месть, в солдаты упекут — то же самое. Нет, надо сделать вид, что покорился".

В ту же ночь меня из подвала выпустили, да жизнь стала хуже каторги: ни сна, ни покоя. Жду, когда же удобный случай подвернется. Но не иначе как барин в рубашке родился. Укатил в Петербург, а как вернулся — мы тот самый бунт и затеяли.

Когда меня от плетей освободили, все смекнули, почему:

пожалел… А вернее — откупился. И вот это меня еще пуще взбесило. В тот же день мы с Марфой переехали в Бездну.

— Так и не прирезал эту свинью? — спросил красный от возмущения Маккал.

— Терпение, добрый человек, терпение, — зло усмехнулся Яков.-

Я же в Бездну уехал, думал, оттуда мне будет легче скрыться.

Там мужики бунтовали. Туда солдат нагнали. Народ у них посмелее оказался, не разбежался, как в нашей деревне. Все у дома Антошки собрались. Улицы заполнили, дворы, на крышах и заборах сидят. Много народу. Приехал сам генерал Апраксин. К народу обращается, просит выдать Антошку и разойтись по домам.

Обругали его. Батюшка пришел. И его по матушке покрыли. Снова заговорил генерал. Не помогло. Стоят мужики на своем: "Отдайте нам царский указ! — кричат. — Мы за батюшку-царя". Тогда генерал и приказал стрелять. Залп — попадали люди. Но остальные с места не тронулись! Снова залп. Снова упали. А народ стоит! После каждого залпа генерал упрашивает мужиков, и все больше и больше убитых и раненых. Потом уже говорили, что с полтыщи полегло в тот день. И люди не выдержали…

Бросились кто куда. А из лесу на выстрелы бежали женщины и дети. Их там попрятали мужики, вроде бы от греха подальше.

Вдруг крик: "Выдадим! Выдадим!" Пальба прекратилась, и из избы вывели бедного худого Антошку. Идет он, а сам грамотку царскую над головой держит. И забрал генерал Антошку. Вот так и закончилась наша борьба за царскую правду! Дайте закурить, дядя Вася.

Васал протянул кисет Якову. — Что же дальше?

— Убитых похоронили. Раненые по избам лежали. Остальные снова лямку тянули…

— А с барином-то как? Так и не отомстил ему?

— Не убил. Но имение его спалил в ту же ночь. А сам с Марфой убежал на юг. Рассказывали, что здесь, дескать, много пустых земель и люди живут свободно. Ан нет. Врали. Везде все одинаково. Повсюду господа сидят на мужицком горбу. Но добрых людей немало встретили. В позапрошлом году мы с Марфой приехали на Терек. Голодные, оборванные, за душой ни гроша.

Дай Бог здоровья Андрею Никитичу и Наталье Кузьминичне, приютили нас. Сейчас живем ничего: крыша над головой есть, хлеба в

достатке…

— А куда же ваш баччи[62] потом делся? — спросил Али.

— Кто? — не понял Яков.

— Ну тот, святой?

— А-а, Антошка? Ничего о судьбе его не знаю. Слух прошел, что, вроде, его и пятерых мужиков расстреляли, потом говаривали, что генерал одел Антона в свое платье, навесил ему на грудь свои ордена, посадил в карету и повез к царю. А царь будто бы вместе с Антоном послал к народу своего брата Константина. И пришли они в губернию, где народ резал дворян. "Дети мои, — спрашивает Константин, — что вы делаете?" — "Хотим всех дворян порешить, ваше высочество". — "Покорнейше благодарю, что усердно исполняете службу царскую. Собаке — собачья смерть".

Один Бог знает, где правда, где кривда…

Васал, как мог, переводил Мачигу и Али рассказ Якова.

Наступила пауза. Каждый ушел в свои думы. Мачиг и Васал дымили цигарками. Арзу подкинжальным ножом стругал кизиловую палочку.

Берс листал книжку Руновского "Записки о Шамиле". Яков тоже молчал, глядя в одну точку. И был у него вид человека, освободившегося от непосильной ноши…

* * *

За разговорами время летит незаметно. Маккал глянул на небо — солнце стояло в зените. Наступил час полуденной молитвы.

— Знаешь, Андрей, — нарушил молчание Маккал, — слушал я Якова, и вспомнились мне события в Шали. Тебе, должно быть, известно о них. Посадили в тюрьму одного шейха, Кунту-Хаджи. Большая толпа народа пошла к укреплению с требованием вернуть шейха.

Из крепости открыли стрельбу. Ничего народ не добился, только увеличилось число напрасных жертв. Точно так же, как и в далекой Бездне. Бедный, скромный, праведный человек был Кунта-Хаджи. Одним словом, святой человек. Он глубоко сочувствовал нашему бедному, обездоленному народу, выступал в его защиту. Призывал сохранять нравственные устои, старался своими молитвами облегчить горе и несчастье людей. Народ верил ему, верит и сейчас, что он вернется, освободит его от гнета русских властей, вернет ему свободу, мир и спокойствие.

— Ох, если бы можно было всего этого добиться молитвами! — воскликнул Берс — К сожалению, свободу добывать нужно своими руками…

— Я сам знаю, Берс, что ни праведный Кунта-Хаджи, и никто другой не может освободить наш народ от царского гнета. Только человек, народ должен верить чему-то и кому-то. Человек, который не верит ничему и никому, становится хуже зверя.

Пойми, люди отчаялись, потеряли веру в то, что они сами могут добыть себе свободу своими силами, вот и положились на волю Всевышнего Аллаха. Верят и сейчас, что Аллах избрал Кунту-Хаджи исполнителем своей воли, что Аллах только через своего избранника даст людям свободу. Пусть хоть такая новая идея поднимет народ на борьбу за свою свободу, и это уже будет хорошо.

— Но приведет опять к слепой борьбе, Маккал. Народ нуждается в просвещении.

— Это в мечтах.

— Ну что ж, друзья мои! — Берс встал. — Пора нам, как говорится, и честь знать. Одним — на молитву, другим — за труд. Ты, Яков, не вешай носа. Если не мы, то наши сыновья отомстят за все обиды. Много русских солдат сражалось на стороне горцев, мечтая о свободе. Но мы все вместе жестоко обманулись. Не те люди возглавили борьбу. Хотя и мы не далеко ушли от них. Но придут другие, и народ поймет, кто ему враг, а кто друг. Сойдутся

обездоленные в один лагерь, вот тогда и произойдет великая битва. В той битве мы победим обязательно!

ГЛАВА VI. РЕШЕНИЕ

За горами горы тучами повиты,
Засеяны горем, кровью политы,
Вот там-то милостивцы мы
Отняли у голодной голи
Все, что осталось — вплоть до воли.
И травим…
Т.Г. Шевченко

В просторном очаге под медным котлом потрескивали толстые дубовые поленья. В кипящем котле бурлила рябая фасоль. Айза выгребла немножко углей и держала над ними сковородку, в которой на говяжьем жире жарился лук для подливки к фасоли.

Когда ужин был готов, Кюри и Кайсар сняли с толстой цепи котел и поставили его у двери. Айза вылила в него подливку.

Наполнила супом две большие глиняные чашки-ханги. Поставила их на круглые деревянные подносы, окружила толстыми кусками сискала и вынесла мужчинам. Затем дала есть и ребятам.

Алибек — гость, он приехал из Симсира, что за Зандаком, на самой границе с Дагестаном. Алибеку еще нет пятнадцати лет, но, тем не менее, он гость, а гостя почитают, независимо от того, молод он или стар. Он приехал не к братьям Али и Арзу, не к Маккалу. Здесь у него друзья — его родственники Кюри и Кайсар. Познакомились они в прошлом году в горах, когда проходило очередное учение.

Семья Алибека не бедная и не богатая — так себе, среднего достатка. У Олдама шесть сыновей, Алибек — средний. На горных учениях мальчик отличался смелостью, мужеством, показал себя искусным наездником, отличным стрелком, чутким и отзывчивым товарищем. В первые же дни учебы даже самые сильные и ловкие уступили ему первенство, и он стал признанным вожаком мальчишеского отряда.

Алибек был со всеми в добрых отношениях, но даже среди равных отличал Кайсара и Кюри. Какие-то невидимые нити связывали их сердца. Вечерами они подолгу засиживались на берегу бурной реки, говорили о героических подвигах предков и мечтали их повторить через несколько лет, повзрослев. А в последний день в горах они поднялись на высокую скалу и поклялись отдать жизнь борьбе за свободу своего угнетенного народа.

Вот и сейчас, вместо того чтобы провести вечер в кругу ровесников, они пришли в дом Али, послушать взрослых. Только здесь не просто взрослые, а очень интересные люди. Вот Арзу, широкоплечий крепыш, всегда с серьезным лицом, с орлиным взглядом. Ему нет еще и сорока, он был самым храбрым пятисотенным командиром у знаменитого наиба Нойбердинского Эски. Рядом с ним мулла Маккал. Хотя его и называют муллой, но он никогда по сути дела им и не был. Просто он получил высшее духовное образование, но все свои знания и свою жизнь посвятил делу свободы. Был в плену, увозили его в далекую Россию. Довелось ему ездить в Стамбул, повидать много разных стран и народов.

Но самый интересный — Берс. Сын богатого купца. Учился в Петербурге, в офицерской школе. Тоже был в других странах. За храбрость награжден орденами.

Все трое могут рассказать очень интересные истории. От них можно услышать и добрые советы, которые пригодятся на будущей стезе борьбы.

Айза давно убрала остатки еды. Подростки внимательно слушали Берса и Маккала. Может быть, для Кайсара и Кюри эти рассказы и не были новы, так как они жили с Арзу и Маккалом в одном ауле, а Берс часто наезжал сюда, но Алибеку, который родился и рос в дальнем захолустном ауле, в их рассказах сегодня открылся совершенно новый мир. Оказывается, в России и в других странах есть большие города и красивые дворцы. Там по рекам и морям плывут большие корабли, по железным дорогам ходят какие-то домики на колесах, передвигаемые не быками или лошадьми, а огнем и паром. И все эти чудеса сделаны

улемами, которые учились в большом медресе, где преподают много-много разных наук.

Но больше всего Алибека удивило то, что и в этих богатых странах большинство людей живут в бедности и бесправии, а богатство принадлежит совсем небольшой группе людей. Кто бы мог подумать, что те самые храбрые русские, которые с оружием в руках приходят в Чечню, на своей родине тоже живут в рабском положении? Говорят еще, что Россия такая огромная, что требуется два-три года, чтобы проехать ее на добрых конях от одного конца до другого. И вместе с тем, при таких просторах у мужиков нет клочка земли! Алибек не мог поверить тому, что в России какие-то помещики столетиями вершили над мужиками жесточайший произвол. Как может человек безнаказанно избивать, убивать, продавать людей? По своей прихоти насиловать женщин?

Почему же они не восстают против своих угнетателей?

Оказывается, восстают! Берс говорил, много было войн между богатыми и бедными. И в России, и в других странах мира. Но всегда верх одерживали богатые. Хотя богатые и составляют меньшинство, на их стороне и власть, и армия, и полиция, и тюрьмы. Армия — это сила. Она хорошо вооружена, ею командуют опытные генералы. А у мужиков-то что? Топоры да вилы! Конечно, руководили ими смелые и мужественные люди, но были-то они темными и неграмотными. А как трудно объединить мужиков.

Сегодня они здесь восстают, завтра там… Вот царские генералы и бьют их по отдельности…

Берс говорит, что в западных странах бедные выступают более организованно. Там много заводов, фабрик. И люди, которые работают на них, более сознательные и организованные. А в какой-то Германии появились даже два человека, которые учат любые народы тому, как бороться с угнетателями, как создать общество, где бы все люди и народы стали равноправными. У этих двух мудрецов много последователей не только на западе, но и в России. Их жайны переведены на русский язык. И в самой России, оказывается, есть немало защитников народа. Умных, смелых, мужественных. Они выступают против царя и помещиков, за свободу не только русского,

но и всех народов. Немало и таких, что подняли свой голос в защиту горцев. И Берс читал их жайны, переводя на чеченский:

Приветствую тебя, Кавказ седой!
Твоим горам я путник не чужой:
Они меня в младенчестве носили
И к небесам пустыни приучили —
И долго мне мечталось с этих пор
Все небо юга да утесы гор.
Прекрасен ты, суровый край свободы,
И вы, престолы вечные природы…

У Алибека дыхание перехватывало. Как здорово сказано: "Прекрасен ты, суровый край свободы!"

Там поразить врага не преступленье;
Верна там дружба, но вернее мщенье;
Там за добро — добро, и кровь — за кровь,
И ненависть безмерна, как любовь…
Темны преданья их. Старик-чеченец,
Хребтов Казбека бедный уроженец,
Когда меня чрез горы провожал,
Про старину мне повесть рассказал…

Берс читал и читал. И слушал его не один только Алибек, но и все. Маккал же, закрыв глаза, покачивался в такт стихов. Вот на горцев напал враг, и жители уходят из родных мест:

Но что могло заставить их
Покинуть прах отцов своих
И добровольное изгнанье
Искать среди пустынь чужих?
Гнев Магомета? Прорицанье?
О нет! Примчалась как-то весть,
Что к ним подходит враг опасный,
Неумолимый и ужасный,
Что все громам его подвластно,
Что сил его нельзя и счесть…

И горцы покидают могилы предков, уходят на чужбину:

Но вольность, вольность для героя
Милей отчизны и покоя.
В насмешку русским и в укор
Оставим мы утесы гор.
Пусть на тебя, Бешту суровый,
Попробуют надеть оковы…

Какой ум, такой талант! О, как непохожи эти байты[63] на печальные чеченские назмы[64].

— Кто написал эти прекрасные байты? — не вытерпел Алибек.

— Их написал один молодой русский офицер. Он глубоко сочувствовал горцам, осуждал царя за войну против них.

Аул, где детство он провел,
Мечети, кровли мирных сел —
Все уничтожил русский воин…
Горят аулы, нет у них защиты,
Врагом сыны отечества разбиты,
И зарево, как вечный метеор,
Играя в облаках, пугает взор.
Как хищный зверь, в смиренную обитель
Врывается штыками победитель,
Он убивает старцев и детей,
Невинных дев и юных матерей
Ласкает он кровавою рукою.
Но жены гор не с женскою душою!
За поцелуем вслед звучит кинжал.

В смелых глазах Алибека заблестели совсем детские слезы. Он бы ни за что не показал их людям, но сейчас забыл о присутствующих. Перед глазами мелькали битвы, сожженные аулы, мертвые женщины, старики.

Раз — это было под Гихами —
Мы проходили темный лес,
Огнем дыша, пылал над нами
Лазурно-яркий свод небес…

Опять Алибеку слышались грохот пушек, треск ружей, звон булата… А среди них тот же голос:

Я думал: "Жалкий человек.
Чего он хочет! — небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?"

Берс умолк. И все молчали. Затем Алибек внезапно нарушил суровую тишину, вслух повторил последний бейт и спросил:

— Действительно, почему люди враждуют между собой? Почему не все думают так, как этот славный русский офицер? Где он, этот герой?

Берс печально улыбнулся.

— Нет его, Алибек. Такие люди недолго живут.

— Умер?

— Нет. Его убили.

— Кто? За что?

— Он пал на земле Кавказа, которую любил как сын и как сын воспевал. Убили же его за то, что он любил свободу, любил людей, клеймил царя и его палачей. Да не только он один пал жертвой царя…

* * *

— Я вам, ребята, рассказывал, как мужики восставали против царя. Это понятно, мужики бедны и бесправны. Но против гнета и произвола богатых восстают и сами богатые. Таких мало, но они всегда были и есть. Да, они богатые, да, для них открыты двери к счастью, но они видят и несчастья своего народа. Они переходят на его сторону. Это настоящие сыны страны.

— Берс рассказал о таких. Начал с какого-то Радищева, который был приближенным царя, но тоже писал жайны. И в своих жайнах не восхвалял царя и его власть, наоборот, писал о бедствиях народа, о его тяжелой жизни, о бесправии и клеймил царя и помещиков. Царь его сослал в далекую холодную Сибирь. Выдержал Радищев, отбыл срок и вернулся. Тогда царь устроил на него гонения. И Радищев покончил свою жизнь самоубийством…

Лет сорок назад даже богатые русские офицеры сговорились свергнуть царя и его сторонников, чтобы освободить народ. Они подняли войска в Петербурге и других городах. Но их было мало, и с

ними жестоко расправились. Пятерых главных повесили, сотни сторонников сослали в Сибирь и на Кавказ. Умышленно погнали на войну с горцами. Ведь царь знал, что они с горцами воевать не хотят, но надеялся, что их здесь могут убить…

— И они сражались против нас? — спросил Кюри.

— Конечно, — ответил Берс — Им некуда было деться, ведь их разжаловали в солдаты. Были они полковниками, стали рядовыми.

Дали ружья и приказ: идите и стреляйте в горцев! Не будете стрелять — расстреляем.

— Почему они не перешли к нам? Как Васал, Жабраил и многие другие?

— От того не стало бы легче ни им, ни горцам.

— Почему?

— Потому что они были умными людьми и видели всю безнадежность борьбы горцев против могущественного государства. Знали, что рано или поздно нам придется покориться царю. Они призывали царя и генералов не проливать кровь горцев. Убеждали, что нас можно покорить не оружием, а добрыми, человеческими отношениями, создавая у нас школы и больницы, приучая торговать и использовать богатства края для расцвета здешних народов. Конечно, царь и генералы не послушались их. Если уж они не думают о счастье своего народа, то о других — тем более.

— А сейчас в России больше нет таких людей?

— Есть, конечно. И с каждым годом их становится все больше и больше. И они становятся умнее. Ведь ошибки предшественников показали им более правильные пути. Вот сейчас они призывают царя быть человечнее по отношению к горцам. Дать им такие законы, которые были бы совместимы с духом и характером нашего народа. Они призывают не сеять вражду между горцами и русскими, наоборот,

приложить все усилия, чтобы и те и другие забыли обиды и нанесенные войной раны.

Все задумались. Вой ветра доносился через широкую трубу очага.

Мороз проникал сквозь прорехи окон, затянутых бычьим пузырем.

Нещадно чадила коптилка, горящая на говяжьем жире. Все думали о героях, о которых рассказывал Берс, и о своем бедственном и безрадостном положении.

— Если бы все русские поступали и думали, как эти люди, — протянул Али. — Хотя, может, многие русские на самом деле так думают. Но какой толк от этого, если большинство народа молчит и не только молчит, но и позволяет, чтобы царь гнал его на войну против нас? Ладно, сейчас война кончилась и мы перестали убивать друг друга. Раз мы покорились, не сжигают наши бедные аулы. Но землю у нас отобрали? И на ней поселились не турки, а русские. Понастроили крепостей, а нас загнали в леса и ущелья. Мы обложены непосильными налогами. Больше того — на каждом шагу над нами издеваются, не считая за людей. Какому быть миру после всего этого?

Маккал вытащил четки, готовясь отчитать положенные молитвы.

Ребята смотрели то на него, то на Берса и Арзу. Что-то они скажут? Чем ответят?

— Не народ виноват в нашей беде, — сказал Маккал. — Народ есть народ. Его нельзя осуждать. Все зло исходит от царя и богатых.

Если завтра, Али, к тебе придет пристав с солдатами, заберет тебя, даст в руки ружье и погонит куда-нибудь за тридевять земель, чтобы ты там стрелял в мужиков? Что ты сделаешь, Али?

— Не пошел бы.

— Как так?

— Не пошел бы, и все!

— Тебя отправят в Сибирь.

— Ну и пусть!

— Нет, Али, ты пошел бы! — вмешался Берс — Ведь что бы ты смог сделать против властей? Ничего. Ты — пылинка, капля в людском море. Власти стравливают людей, народы идут друг на друга. Что знает о чеченцах русский мужик, который живет за тридевять земель? Ничего. Но власти говорят ему: чеченцы — злодеи и разбойники, это они нападают на русские аулы, грабят жителей и убивают их.

— Но это же неправда! — воскликнул Али.

— Ну и что из того, что это неправда? Мужик-то никогда нас с тобою не видел. Он нас не знает, его легко убедить.

— Но здесь-то он видит, что мы не такие?

— Видит. Только поздно: отступать уже некуда. Он в руках офицеров. За непослушание его изобьют. А если он не будет стрелять в чеченца, то его просто расстреляют. И волей-неволей он вынужден воевать. А на войне другие законы. Когда противники сошлись, они уже не рассуждают, кто прав, а кто виноват. Каждый старается убить, чтоб самого не убили. Потом к этому привыкают и даже стараются убивать побольше. Ведь тех, кто убивает больше, награждают орденами. Да еще их называют героями за то, что они убивали таких же мужиков, как сами.

Некоторым это даже приятно. Они ходят, гордятся своими подвигами… Видите, как все просто…

— Мне кажется, Берс, ты здесь не совсем прав, — сказал Арзу, который молчал все это время. — Вина народа прежде всего в том, что он слепо верит властям и идет у них на поводу. Народ не должен терпеть произвол своих правителей. Особенно, когда они притесняют и истребляют такие маленькие народы, как наш.

Допустим, что мы с тобой — убийцы, разбойники. Да еще тысячи, десять тысяч таких, как мы. Ну, а наши дети, женщины и старики? Ведь не может быть народа-убийцы, народа-разбойника?

И тот, кто поверит в это, — либо больной, либо слабоумный.

— Ты, Арзу, говоришь так, не зная, что происходит в мире.

Разве я не рассказывал, как в России клеймят царя и его правительство за несправедливую войну против горцев? За угнетение и притеснение других малых народов? Разве на нашу сторону не переходили сотни офицеров и солдат? Разве они не сражались вместе с нами против царских войск? Не гибли, защищая нашу свободу?

— Таких мало…

— А ты хочешь, чтобы весь народ немедленно встал за нас?

Сейчас это невозможно. Хотя наши предки с казаками жили, как родные братья. Вместе стояли против общих чужеземных врагов, поддерживая друг друга в беде. Потом на Терек пришла царская власть. И она нас не только разделила, но и сделала врагами.

Вместо братства между нами пролегли огненные годы братоубийственной войны. Нас отравили ядом вражды. Но пройдут годы, и народы узнают, поймут, по чьей воле возникла вражда и пролита кровь. Вот тогда они направят свое оружие не друг против друга, а против виновников их бедствий — против царей и помещиков. Али подкинул в очаг поленьев.

— Не впервые такое от тебя я слышу, Берс, — сказал Али. — Да и от Маккала, и от Арзу. Может, со временем все бы так и случилось, как вы говорите, если бы они не осели на нашей земле.

Маккал отчитал молитвы и спрятал четки в карман бешмета. Потом протянул руки ладонями вверх, зашептал заключительную молитву, провел ладонями по лицу.

— Своими необдуманными словами, Али, ты можешь ввести ребят в заблуждение, — сказал он сурово. — Русские мужики ничего не выиграли от войны с горцами. Остались такими же, какими были:

безземельными и бесправными, как сто, двести и триста лет назад. Что с того, что на наши земли поселили казаков? Царь может согнать их с наделов в любое время. Ведь земля принадлежит не им, а государству. И не станет казак служить царю — сразу лишится земли.

— Притом их и привезли-то сюда не по доброй воле, — добавил Берс. — Один русский старик, он живет под Кизляром, мне рассказывал, как они появились там. Царица подарила тамошние земли своим князьям, каждому по десять тысяч десятин. Земли много, а обрабатывать ее некому. В России у князей, наоборот, крестьян много, а земли мало. Вот тогда князья и стали свозить сюда своих крестьян. Дорога долгая, трудная. Ехали месяцами.

С женами, с детьми. Половина погибла в дороге и по прибытии на место. Уцелевшие живут там и поныне. Гнут спины на тех же князей. Вот так привезли к нам злополучных казаков.

Поленья, положенные Али, догорали. Во дворе начали кричать первые петухи. Давно пора было идти домой, но что-то держало еще здесь ребят.

— Скажу вам еще такую деталь. Мы виним казаков, а ведь большая часть земель находится в руках генералов и офицеров. У простого казака свой небольшой надел, а у другого и вообще его нет. Зато у начальника Аргунского округа Ипполитова земли свыше тысячи десятин.

— Это тот, который женился на чеченке? — спросил Алибек.

— Да какая разница! У полковника Беллика тоже более тысячи десятин. Полковник Свистунов из Буру-Калы урвал под Моздоком около пяти тысяч. В казачьих станицах разные там Фроловы, Федушкины, Камковы и прочие получили по пятьсот и более десятин.

— Причем не только русские, — сказал Берс — А князья соседних народов — Таймазовы, Бековичи? По семи тысяч десятин у каждого! Эльдаровы да Турловы захватили по три тысячи. Чьи это земли? Чеченские! Не отстали и наши собственные, чеченские офицеры — Бота, Орцу, Касум, Давлет-мирза и другие кровопийцы.

Каждый имеет по полтысячи. Даже самые маленькие чины — Чомак из Гордали и Хату из Гендергена — получили по полторы сотни.

Видишь, Али, разницу? Казаков посадили на наши земли насильно, а генералы и офицеры получили ее в награду. Вот той-то земли,

которой владеют последние, и хватило бы на десятки тысяч чеченских семей. Не казаков нам надо гнать, а генералов, офицеров и прочих богатеев. А об изгнании русских с наших земель думать не надо. Земли на всех с избытком хватит, если отберем ее у князей, генералов и офицеров. Жили мы с русскими в мире и дружбе до царской власти, значит, и дальше сможем жить. Да и как не жить? Ведь мы соседи! Тем более, если эти соседи могут сделать друг другу много хорошего. Увидите, будут и у нас заводы, фабрики, железная дорога. Богатство, на котором мы сидим, с помощью русских улемов используем для счастья нашего же народа. Будут свои врачи, учителя, инженеры.

Верьте, друзья! Но… не сегодня и не завтра. Со временем.

Тогда и друзей у нас будет еще больше. Среди всех народов.

Какой бы веры они ни были. Ну, пора спать! Откровенно говоря, устал после долгой дороги.

Все встали. Алибек подошел к Берсу.

— А возможно государство без богатых и бедных, без угнетателей и угнетенных? Как ты его назвал…

— Республика?

— Да.

— Конечно, возможно. Во всяком случае, так утверждают те два великих человека, которые живут в Германии.

— А мы увидим республику?

— Мы, более старшие, возможно, и не увидим. А вот вы до нее обязательно доживете. Ну, прощайте. Передай привет Олдаму!

Берс протянул Алибеку крепкую руку…

* * *

Бесконечной кажется долгая зимняя ночь. Неуютно в избе и холодно. Что-то скрипит за дверью, ветер воет и кидает пригоршни снега в окна, словно просится в дом. До чего же тоскливо слушать

одну и ту же песню. Забраться бы на мягкую кровать и забыться под теплым одеялом крепким сном, чтобы не слышать протяжного завывания метели и не ворочаться от тяжелых дум, терзающих душу. Нет, не найти Мачигу успокоения, как не найти ни теплого одеяла, ни мягкой кровати. Да что там кровать! Душевные муки куда страшнее холода. Холод перетерпеть нетрудно, а куда денешься от беды, которая висит над головой на тонкой ниточке, и стоит ей только оборваться — начнет тебя бить да бросать, как щепку в весеннее половодье. Как быть? Что предпринять?

Мачиг кинул на пол овечью шкуру, на которой обычно совершал молитву, под голову положил подушку, лег на спину, вытянулся.

В очаге догорали поленья, блики огня кровавыми пятнами ползали по стене. Но тепла не было в доме. Дверь перекосилась, и в образовавшиеся щели летели с улицы снежинки. Ветер трепал бычий пузырь на окне, и казалось, что это не дом, а какое-то нелепое сито…

Дети, подтянув колени к подбородку, беспокойно ворочались на нарах. Головы от холода спрятаны, а ноги торчат наружу.

Одеяло-то, может, и широкое, но не хватает его на всех. Мать уж детей и шубой старой прикрыла, и мешковинами, но они никак не могли согреться. Мачиг не мог ничего сделать, и это бессилие его угнетало. Что-то тяжелое вновь наваливалось на него и давило все сильнее и сильнее, не отпуская ни на минуту.

Мачиг чувствовал себя в тесной железной клетке: ни повернуться, ни согнуться невозможно. "Аллах, посочувствуй моему горю. До конца дней своих буду возносить тебе молитвы, себя не пожалею…" Если бы молитвы обогащали! Мачиг, пожалуй, стал бы самым богатым человеком в ауле. Кто знает, что ждет на том свете? И как быть на этом? Четверо маленьких еще как-то терпят… А старшие? Их двое. Зару вон какая уже вымахала, пора замуж отдавать. Кюри пошел пятнадцатый. Не могут они спать уже под одним одеялом, каждому нужна отдельная постель.

И одеться им хочется, чтобы не стыдно было появиться на улице.

Если бы еще хоть сила была… И родители Мачига сошли в могилу, мечтая о том же… Нужда — это все, что получил он от них в наследство.

Дети детьми, но Мачиг и сам полураздет. Взглянуть на его единственную шубу — так ее словно собаки рвали, латку не к чему приложить. И в дождь, и в снег, и днем, и ночью она неразлучна с ним. Пора бы ей и в тряпье, да замены пока нет.

Пока? Ой, да будет ли у Мачига когда новая шуба вообще? Если бы не власти… Тогда бы и Хорта не был бы старостой…

К утру, видать, ветер стихнет, и тогда Мачигу придется ехать на постройку дороги в Беной. Его об этом уже предупредили.

Плохая работа, неприятная. Поршни он поставил к очагу, чтобы к утру хоть чуть-чуть подсохли. Надо будет больше соломы подмотать. Не приведи Бог отморозить ноги! Десять дней придется жить под открытым небом. Летом еще ничего, но зимой!

В тех местах ветры особо задувают, нигде от них не укроешься, хотя вроде и лес кругом. Дорогу-то через лес прокладывают. А лес какой, отборный — чинара да дуб. Топором рубишь — только искры летят. Крепкое дерево. Как железо. И десять дней подряд Мачигу придется рубить его. Ради чего? Ради того, чтобы царским хакимам и войскам проложить дорогу в глубь Ичкерии?

Если бы завтра не ехать, то он бы за это время кое-что и для себя по хозяйству сделал. А так… Десять дней, считай, без пользы пройдут…

У очага на маленьких стульчиках примостились Зазу и старшая дочь Зару. Красноватые отблески освещают их головы. Зару уткнулась головой в колени, на противоположной стене отчетливо видна ее огромная тень. Из-под платка Зазу выбились редкие пряди волос. Они теперь цветом похожи на пепел в очаге. И лицо постарело преждевременно, сморщилось. А ведь ей нет и пятидесяти. И когда-то во всем Гати-Юрте не было второй такой видной девушки. Годы и нужда жесткой рукой прошлись по лицу, стерли былой румянец, оставили глубокие следы и обесцветили глаза. Ох, бедность, бедность!

На нарах зашевелились дети, сонно забормотали, стягивая друг с друга одеяло. Зару отложила шерсть, которую очищала от колючек, подошла к ним, поправила одеяло.

Мачиг снова прислушался к вою ветра. Кажется, за окном уже будто стонет кто-то. Вот и у Мачига так стонет, ох, как стонет сердце!

Чуть больше месяца прошло с тех пор, как в доме Шахби читали мовлад. Самые уважаемые аульчане решили тогда переселиться в Турцию. А Мачиг еще до сих пор не сказал своего последнего слова. Каждую ночь он обдумывает этот вопрос.

Только жена отмалчивается: ты, мол, хозяин, ты и решай.

Собственно, согласна она или нет, теперь уже и не так важно.

Сегодня Мачиг укрепился в мысли, что ехать нужно. Какая разница, где умирать: здесь или там. А там ему может еще и удастся к старости выбраться из нищеты. Да и не он один, а многие поедут. Конечно, нелегко покидать родной дом. Но ведь как ни крути, все равно его погонят на какой-нибудь другой край света. Страна у русского царя, говорят, очень большая.

И погонят под охраной. Солдат у царя тоже хватает. А здесь…

Хоть тысячу лет здесь живи, не стать ему на ноги. Власть русского царя не даст. Нет, Мачиг поедет в Турцию. Там хоть землю обещают. Без нее он пропадет. Только дадут ли? Конечно, дадут! Столько людей едет, всех обмануть никак невозможно. Не христианин же султан, он свой, единоверный. И Аллах не допустит обмана. Тогда Мачиг там новый дом поставит. В войну хуже бывало. Только отстроит новую избу, придут солдаты и сожгут ее. Отступят — Мачиг снова берется строить. Так и мучился.

Нет, нужно спасать семью от Сибири. Сам-то Мачиг не холода страшится, а надругательства над верой: ведь в Сибири заставят своему Богу молиться. А чтобы этого не случилось, надо переселяться в Турцию.

Протяжно заскрипела дверь, сильнее потянуло холодом, вошел Кюри. Мать подняла голову, попросила сына поплотнее закрыть дверь. Кюри стряхнул снег с одежды, черкеску и шапку повесил на гвоздь.

— Где пропадал? — спросил отец, чуть скосив на сына темные глаза под нависшими черными бровями.

— У Кайсара.

— Много народу было?

— Не очень.

— Что за парень приехал к ним?

— Сын Олдама, Алибек. Из Симсира. Прошлым летом мы с ним вместе в горах были.

Мачиг об этом парне слышал. Кажется, Арзу рассказывал, хвалил его.

Кюри разделся и ходил босиком взад-вперед, спать не ложился.

Мачиг чувствовал, сын хочет о чем-то спросить его, но молчал, ждал.

— Дада, завтра товарищи собираются в горы, на зимние ученья, — начал сын.

Мачиг уже понял, о чем пойдет речь.

— Ну и что?

— Мои сверстники учатся воевать, я же, как девчонка, сижу дома.

— И что?

Голос отца становился резче. Сын это чувствовал, но и остановиться уже не мог.

— Неудобно мне плестись в хвосте…

— Мы все постоянно плетемся в хвосте! — Мачига словно прорвало. — Бедный всегда в хвосте! Разве тебе это не известно? А коль стыдно, то заткни уши, чтобы не слышать, что о тебе говорят другие. Тебе с ними не равняться. Они все верхом поедут, а ты что, на хворостине поскачешь?

Кюри готов был уже сорваться на крик, только умоляющие жесты матери немного охладили его, и он спокойно обратился к отцу:

— Дада, попроси коня у Али…

Мачиг открыл было рот, чтобы отчитать сына, но в последнюю минуту остановил себя. "Удивительное дело, — подумал он, — взрослый парень, а не понимает, не хочет понять, в каком положении я нахожусь".

— Попросить можно, — сказал Мачиг, понизив голос — Али мне не откажет. Но подумай, удобно ли. Нельзя же каждый раз, когда тебе вздумается ехать в горы, тревожить человека одной и той же просьбой. Совесть надо иметь. И обижает меня твое легкомыслие: ведь ты уже не мальчик, Кюри. Нет у нас ни коня, ни быка. Плохо это, понимаю. Иначе я не таскал бы дрова на себе. Но меня больше беспокоит другое: как накормить и одеть вас? В доме-то у нас пусто. Если бы не Айза, дети легли бы спать голодными. Вот о чем нужно тревожиться. А ты — в горы…

В избе стало тихо. На нарах посапывали дети, да ветер тянул за окном все ту же песню, похожую на стон. Шипело в очаге сырое полено. Кюри молчал. Возразить ему было нечем. Отец прав. Действительно, живут они плохо, бедно. В прошлую весну он неделю работал на Товсолта, чтобы потом вспахать свое поле.

Посеял с грехом пополам, но едва появились всходы, как их пожгло солнцем. Корова и бычок — вот все их хозяйство. Продать корову — дети останутся без молока. Кюри знал, что в доме нет ни зернышка кукурузы. До сих пор соседи как-то помогали, не давали умереть с голоду. И сами в долг брали. А до весеннего сева целых два месяца.

— И вот еще что, — продолжил Мачиг после нескольких минут раздумий. — Не нравится мне твое поведение. У тебя много друзей, это хорошо. Но держись подальше от тех, у кого с языка не сходят слово "оружие" или призыв "освободим свою бедную родину". Это пустые разговоры, и они к добру не приведут. Мой дед Мааш, мой отец Мантак погибли в борьбе с русским царем.

Я сам потерял здоровье и постарел в такой же войне. Запомни это и будь осторожен.

Кюри подсел к очагу, опустившись на одну чурку и положив на другую закоченевшие на холодном полу босые ноги. Он был голоден, хотя и поел в гостях фасоли без хлеба. Кстати, еду эту там приготовили специально из-за гостей…

Мать молча глянула на сына и опять принялась за дело.

Преждевременно постаревшее лицо ее с землистым оттенком показалось ему безжизненным, застывшим в ожидании непонятно чего. Кюри очень любил мать, ему всегда хотелось хоть как-то облегчить ее жизнь, взвалив на свои плечи хоть часть забот.

Давно мечтал о том дне, когда ему исполнится пятнадцать лет и он сам сможет поговорить с отцом как взрослый со взрослым.

Теперь это время наступило…

— Дада, — нарушил тишину спокойный голос Кюри. — Мне уже пятнадцать…

Мачиг поднял голову и удивленно посмотрел на сына. Но Кюри не обернулся, хотя и чувствовал устремленный на него взгляд.

Поборов робость, он так же спокойно продолжал:

— Я знаю, как тебе трудно. Ты уже стар, да и здоровье твое неважное. Мы все время мечтаем о еде, смотрим на голых детей и на себя. Мать наша изводится, но она не может чем-либо помочь нам. Так вот, отец, до сих пор ты кормил меня, спасибо, но теперь позволь побеспокоиться о том и мне.

При последних словах сына угрюмое лицо отца просветлело. Два решения он принял сегодня: ехать в Турцию и определить Кюри до весны в работники к Хорте. Но об этом знает только он, Мачиг. Объявить семье о решениях он никак не мог отважиться.

Вернее, его пугало второе решение, касавшееся сына. Даже не столько пугало, сколько вызвало стыд. Послать своего любимого сына батрачить! У какого отца хватит духа на это: никто в их роду никогда ни на кого не батрачил. А вот теперь дожили, приходится… И это было унизительно для Мачига. Но это был единственный способ сберечь семью, спасти ее от голодной смерти. Разве ради семьи нельзя поступиться честью, забыть о достоинстве и гордости? Конечно,

Мачиг знал последствия такого шага. Но беда не в том, что на него будут указывать пальцем.

Ему это не так уж и страшно. Но детей было жаль, им труднее переносить позор…

Жена, не прекращая работу, прислушивалась к разговору мужа и сына.

— Что ж, Кюри, на тебя теперь вся моя, наша надежда. Умереть с голоду мы не должны. Нужно как-то продержаться до весны, а там недалек уже и день отъезда в Турцию.

— В Турцию! — Кюри вскочил, словно его обожгло огнем.

Ни Зазу, ни Зару не вымолвили ни слова. Мачиг отвернулся к стене и тоже молчал. Слова его застали всех врасплох. Но вот Зару вскрикнула и потянулась к матери. Зазу, еще не до конца осознав сказанное, машинально прижала ее голову к своей груди.

— Ничего, ничего, доченька, успокойся… Отец пошутил…

— Нет, дада не шутит, — сказал Кюри тихо, почти шепотом. Лицо его побелело, губы дрожали.

— До того времени один из нас — ты или я — наймется в пастухи к Хорте… — продолжал Мачиг. Он решил высказать все сразу, чтобы больше не возвращаться к тяжелому разговору.

— Батрачить? — вскричал Кюри.

Мачиг укоризненно покачал головой.

— Теперь уже и это все равно.

— Нет, отец! Нет, только не это!

"Батрачить на Хорту? Пусть из него душу вытянут клещами, но он не станет батраком. Какой стыд! Неужели отец не понимает?

Ведь люди никому из них проходу не дадут… И Ровза… Как же он тогда ей в глаза смотреть станет?.."

Он любил ее тайно. Но Ровза об этом догадывалась, знала. Ни слова не было сказано между ними, лишь взглядами объяснялись они друг с другом. Встречались на улице, молча проходили мимо, но Кюри не мог сдержать себя и не обернуться. Он подолгу глядел ей вслед, восхищался ее стройной, тонкой фигуркой. А она уходила медленно, гордо вскинув голову, словно тяжелая черная коса, сползавшая по гибкой спине, была тому виной. Хотя Кюри и робел при ней, но он успел заметить и ее длинные, черные ресницы, и веселые круглые глаза, и румянец во всю щеку, и красивые, чуть припухшие губы, и белую тонкую шею, и даже маленькую темную родинку на правой щеке. Короче, все, что было в ней так дорого ему и что виделось ему ночами. Он злился на нее, винил ее в чем-то, а в чем и сам не мог объяснить. Но оттого, что ничего не смеет сказать ей и объясниться, от собственной робости и стеснительности он ругал ее в душе за то, что не дает она никакого повода ему, Кюри, поведать о своем чувстве, сказать ей хотя бы раз одно только слово.

Такие слова он подбирал и заучивал наизусть, но заученные слова не произносились. Каждый раз при встрече он не только забывал их, он не мог рта раскрыть; единственное, на что хватило у него смелости — молча пройти мимо и робко взглянуть ей в лицо. Он знал, что сделать первый шаг нужно ему, иначе какой же он мужчина! И хотя ему исполнилось пятнадцать лет и он считал себя вполне взрослым, но перед этой девчонкой терялся и ничего с собой поделать не мог. Конечно, как мужчина он должен быть сильнее ее, тверже. Не приведи Аллах подать даже виду, что он, мужчина, теряет из-за нее голову. Но он терял. А оттого и злился, сам не понимая, на что. Ему доставляло удовольствие даже просто видеть ее. Ни о чем другом он пока не мог и думать. Только любить. Пусть даже так, молча.

Слишком уж велика между ними разница: он — бедняк, она же из состоятельной семьи. И стоило ему вспомнить об этом, как будущее теряло для него всякий смысл. И все же он тешил себя мыслью, что пройдет время, многое изменится, он повзрослеет и докажет всем, а ей — в первую очередь, на что он способен.

Работу-то можно найти, но что в ней толку. Отец вон, всю жизнь спину гнет, а обуть и накормить семью не может. Нет, он, Кюри, будет жить иначе. Вон, многие делают набеги за Терек. А разве ему туда дорога заказана? Опасно, конечно. И ранить могут, даже убить. Но живем-то один раз.

Смельчаков, отчаянных парней в их краях немало. Он подружится с ними. Кто знает, может, удастся им царскую почту отбить или обчистить банк в городе. Должно же повезти хоть раз в жизни, чтобы раз и навсегда снести тот высокий хребет, что встал между ним и Ровзой. Тогда он смело скажет ей о своих тайных чувствах! Но если он пойдет батрачить на Хорту, тогда прощай любовь! Даже не мечтать ему тогда о Ровзе. Да и запятнает он себя на всю жизнь…

Лишь Зару знала его тайну. Она мечтала погулять на его свадьбе и к Ровзе относилась как к будущей невестке.

— Дада, этого не будет никогда! — воскликнула Зару. — Даже если мы умрем с голоду — ни ты, ни Кюри не станете батрачить на Хорту! Чем ты хуже его? Разве моя мать менее добра, менее красива, чем его Альбика? По красоте и смелости мало кто сравнится с моим братом… И у меня тоже есть своя гордость…

Мачиг молча слушал, дымя самокруткой. Но даже не злился. Слова дочери доходили до его сердца. Ему казалось даже, будто он сам когда-то в далекой юности произносил их. И вот теперь, спустя столько лет, ему же напоминают о них, упрекают уже только за то, что осмелился произнести их вслух.

— Конечно, ты права, дочь! По смелости и мужеству они уступают нам. Верно. Но по бедности мы впереди всех. Как нам выехать?

Путь ведь далекий, и нужно хоть что-то заработать на дорогу.

— Не все же едут.

— Нет, не все. Едут те, кто победнее или самые богатые. — Как можно оставить дом… — запричитала Зазу.

Мачиг повысил голос:

— Хватит ныть! Каждую ночь одно и то же. Думаете, мне хочется батрачить на чужих людей? Но выхода у нас нет. Остается только или идти воровать, или собирать по дворам милостыню.

Кюри ходил по комнате, шлепая босыми ногами.

— Хорта едет? — спросил он, остановившись около отца.

— Куда?

— В Турцию.

— Ему-то зачем?

— А Товсолт, Ибрагим-Хаджи? — допытывался Кюри.

— Им и здесь неплохо.

— Тогда зачем едем мы?

— Мы не едем, нас нужда выгоняет, мой мальчик. Тесно людям стало здесь. Некуда нам податься. Может, в чужой стране найдем счастье…

— Почему же они разбогатели? На чем?

Мачиг тяжело вздохнул. Многого не знал сын. Да и откуда ему знать то, о чем сам-то Мачиг лишь смутно догадывался.

— На чужих бедах, — ответил Мачиг. Пусть сын сам поймет. К чему объяснения.

— Ты говоришь, дада, в Турцию? Я не согласен! Но против твоей воли пойти мы не можем. Только объясни мне все же, почему дармоеды остаются, а мы должны ехать? Одни пугают Сибирью, другие — Турцией. А если вообще никуда не ехать? Если нам здесь дадут землю?

Мачиг недовольно покачал головой.

— Парень, ты говоришь чужим языком. Конечно, Арзу, Маккал, Берс — хорошие и честные люди. Они большие друзья бедняков.

Но их красноречие до добра не доведет. Не слушай их!

— Нет, они говорят правду! — вспыхнул Кюри. — И в Сибири, и в Турции мы погибнем. Что там смерть, что здесь! Понимаешь, дада? Тогда зачем же я должен ехать? Пусть едут те, кому мы в тягость. Но сначала пусть отдадут нам нашу землю, а потом убираются на все четыре стороны. Мы никого силой не держим.

Но и мы хотим жить по-человечески. В мои годы вы уже с оружием в руках сражались. Вы свое дело сделали. Теперь вы постарели и не мешайте нам. Сегодня наша очередь.

— Эх, Кюри, что же вы хотите делать! — невольно вырвалось у Мачига. — Напрасно только погубите людей.

— Нет, не напрасно! Мы будем биться с угнетателями! Да! Пусть не забывают, что мы уже мужчины.

— С пустым желудком много ли навоюешь…

— Скоро и мы заживем. Я пойду на большую дорогу. То, что ты не добыл мотыгой, я добуду оружием!

— Я буду рад за тебя, сын мой! Рад! — воскликнул Мачиг. Но в глазах его было столько горя, что даже возбужденный Кюри заметил его.

— Ты заговорил моим языком, — уже спокойно продолжал Мачиг.-

Помню, я точно так же бушевал в твои годы. Молоды вы еще, Кюри. Можно сказать, только еще оперились. О войне не стоит говорить. Это ни к чему. Пустой разговор. Выбрось из головы эту дурь. У царя столько войска, что и счесть его невозможно.

Сколько солдат погибло в боях с нами, но всех мы так и не смогли убить. Мы просто устали. А от солдат и теперь покоя нет. И не будет. Лучше уж молчать и не дразнить зверя. Пока он не рвет тебя, жить как-

то можно. Кстати, когда мы воевали, на нашей земле не было врагов. А теперь посмотри вокруг — сколько их! Как муравьи расползлись по всей Чечне, одев ее в лохмотья. Заселили Чечню казаками, вооруженными до зубов.

Посчитай, сколько они крепостей понастроили, сдавив нас со всех сторон. Мы, как взнузданный боевой конь, в бешенстве мотаем головой, а сдвинуться с места не можем. Нам нечем стало дышать, так нас крепко ухватили за горло. И противиться этому невозможно. Напрасно Арзу и его друзья мутят вам головы. Прошу тебя, не слушай их, Кюри, если ты считаешь меня своим отцом.

Будем послушны устазу. Если не дал нам покоя Бог, не следует роптать. Живи мирно и работай, Всевышний нас не забудет.

Так была разрушена золотая башня, которую Кюри строил в своем воображении…

ГЛАВА VII. СХОД

Храбрость для защиты отечества — добродетель, но храбрость в разбойнике — злодейство.
А. Бестужев-Марлинский

Обойти все чеченские аулы и провести в них соответствующую разъяснительную работу — таков был приказ Лорис-Меликова, к выполнению которого полковник Муравьев приступил незамедлительно. Вместе с ним в Гати-Юрт прибыли начальник Ичкерийского округа полковник Головаченко и еще какой-то незнакомый офицер. Новый старшина Хорта принял гостей. Стол с резными ножками, покрытый зеркально-черным лаком, купленный Хортой специально для такого случая, был накрыт белоснежной скатертью и заставлен изысканной едой и дорогими винами.

Гости усаживались за стол, когда прибыл приглашенный в качестве переводчика наиб Качкалыкских аулов, майор милиции Бота Шамурзаев.

Во всем округе сегодня не было более счастливого человека, чем Хорта: надо же, такие гости. И где? У него в доме сидят, кушают, пьют. И для Хорты было высшим наслаждением обслуживать их. Он вертелся юлой, ничто за столом не ускользало от его взгляда, на правах хозяина он мог упрекнуть любого из гостей, не проявляющего особого аппетита.

— Кушай, пей, — то и дело напоминал он. — Один слов и молоко маленькой птичка карапчим[65]. Ваше благородие, кушай. Бери ножка. Надо вино пить.

Покончив с обедом, Муравьев сказал Боте:

— Не сочтите за труд, господин майор, помогите старосте собрать народ.

Муравьеву не пришлось дважды повторять свою просьбу исполнительному Боте.

— Кто этот чеченец, господин полковник? — спросил недавно прибывший в Чечню штабс-капитан фон Клингер. — У него и речь, и походка — кадрового офицера, русским он владеет в совершенстве…

— Позволю себе заметить, капитан, не только русским, но и польским, и французским, — живо подхватил полковник. — Вы угадали, он кадровый офицер. Вернее, бывший.

Фон Клингер удивленно посмотрел на полковника.

— Вам разве не доводилось слышать его историю? — удивился, в свою очередь, полковник Головаченко.

— Я здесь человек новый, — как бы извиняясь за свою неосведомленность, проговорил штабс-капитан.

— Легендарная личность! — полковник отхлебнул из бокала. — Это же Шамурзаев!

— Удовлетворите любопытство штабс-капитана. Расскажите, — попросил Головаченко. — Право же, мне столько раз уже приходилось излагать его историю, что это мне изрядно надоело.

— Будьте добры, расскажите, — в голосе штабс-капитана слышалась мольба.

— Ну, так и быть. Поведаю. Время у нас есть. Но прежде нужно промочить горло.

Фон Клингер немедленно наполнил бокалы.

— Итак, господа, — полковник залпом осушил свой фужер, — слушайте. Если же точнее, то мой рассказ исключительно для вас, штабс-капитан. Я уже сказал, что этот Шамурзаев — легендарная личность. И очень сложная. Сие абсолютная правда.

Для полной ясности вспомним времена Алексея Петровича. Как-то наши войска сожгли чеченский аул и перебили всех его жителей.

В живых остался один девятилетний мальчик, но он, правда, был ранен. Солдаты привезли его в крепость. Барон Розен, брат бывшего командира корпуса, отправил мальчика к своей семье.

Чеченцы — народ хотя и дикий, но должен вам признаться, умный и любознательный.

— Вы совершенно правы, господин полковник, — оживился вдруг фон Клингер и, чтобы блеснуть своими познаниями о крае, торопливо продолжал:- Я слышал, что и ранее точно при таких же обстоятельствах были взяты в плен два мальчика, сделавшиеся впоследствии широко известными.

Один из них — Александр Чеченский, генерал, герой тысяча восемьсот двенадцатого года, а второй — Петр Захаров, художник-академик.

— Так вот, — продолжал полковник, терпеливо выслушав тираду своего молодого собеседника. — В семье барона Бота получил образование, окончил военную школу и стал офицером. Должен подчеркнуть, способным офицером. Сам барон души не чаял в своем воспитаннике. Блестящий офицер, умный, смелый, он невольно бросался в глаза. Однажды Великий князь Константин — наместник Царства Польского — попросил барона отпустить молодого офицера в его личный конвой. Барон согласился. Вскоре Бота стал любимцем и августейшего наместника. Константин Павлович пожелал его женить на девушке из благородной семьи, для чего предложил Боте принять крещение. Бота поблагодарил, но от предложения решительно отказался и попросился на Кавказ, по которому не переставал тосковать.

— Смелый отказ и благородная просьба! — с жаром воскликнул фон Клингер. — Таких людей не часто встретишь.

— Цесаревич не стал препятствовать. Молодого офицера отпустили на Кавказ, — продолжал Муравьев. — Здесь Бота служил

переводчиком при начальстве левого фланга. Служба его в укреплении Таш-Кичу совпала с появлением на горизонте Шамиля.

Думаю, что о том, как Шамиль в Дагестане потерпел поражение и сбежал в Чечню, о восстании сорокового года, о наших первоначальных неудачах вы знаете. Бота внимательно следил за событиями в Чечне, но глубоко ошибся в своих предположениях.

Он решил, что сила на стороне горцев и что, прогнав нас, горцы смогут создать свое государство. Тот же, у кого умная голова и крепкая рука, может стать в этом государстве если не первым, то, во всяком случае, вторым лицом после имама. Неуемное тщеславие и властолюбие сыграли с ним злую шутку. Во время строительства Куринского укрепления он повздорил с начальством и, боясь взыскания, сбежал к Шамилю.

— Честолюбие… Вот что его погубило, — по-своему трактовал данный факт Головаченко, расправляясь с очередной куриной ножкой.

— Понятно, что означало для Шамиля заполучить такого ценного человека, — полковник отпил из бокала. — Еще бы, талантливый офицер, осведомленный обо всех наших делах, отлично знающий языки. Можно сказать, Шамилю несказанно повезло. Он тут же назначил его наибом и начальником разведки. Бота был смел, находчив, изумительно хладнокровен, не терялся в любых обстоятельствах и умел мастерски скрывать свои подлинные чувства. Все эти качества своего характера он проявил незамедлительно, что сделать было не слишком трудно, зная наши порядки, характеры и способности командиров, и вообще, все, что касалось нашего края и наших войск. Так вот, он нам вредил более всех остальных военачальников Шамиля вместе взятых.

Вскоре Шамиль назначил его старшим наибом Чечни. Боте подчинялся и знаменитый чеченский наиб Эски. Вот тут-то и начал проявляться тщеславный, самолюбивый характер Боты. Он так увлекся, что порой не считался даже с самим имамом. На него посыпались жалобы, против него начались интриги, в которых самое деятельное участие принял Эски. В конце концов Шамиль вынужден был лишить его наибства. Бота не скрывал своего презрения к невежественным наибам, считая себя намного выше и умнее их, и

ждал только подходящего момента, чтобы рассчитаться с ними. Да, звезда имама была близка к закату, и Бота чувствовал приближающуюся опасность. В 1851 году Шамиль, узнав о готовящейся против него экспедиции наших войск, начал принимать срочные контрмеры. Он разослал гонцов в разные концы Дагестана с просьбой прийти на помощь Чечне.

Боте же поручил закупить продовольствие. Бота, предвидя приближение трагического конца имамата, решил заранее застраховать себя, отдав личную судьбу на милость великодушных урусов[66], имевших слабость говаривать: "Кто старое помянет, тому глаз долой!" Явившись к князю Барятинскому, Бота обещал служить верой и правдой и в качестве бывшего наиба Шамиля принести нашему отечеству великую пользу сведениями о неприятеле.

— Фельдмаршал, конечно, принял его с радостью? — воскликнул фон Клингер.

— Разумеется. С распростертыми объятиями.

— Зря. Личности, подобные вашему Боте, в своих поступках часто непредсказуемы.

— Не резонно, капитан. В смутное время подобные люди просто клад. Его сиятельство — умная голова — сразу оценил свою удачу и не отпускал Боту от себя ни на шаг. По словам самого Барятинского, он не только был отличным проводником, но и весьма полезным советником, зная одинаково хорошо как образ действия неприятеля, так и наш. Он ввел нас в такие дебри, куда без него мы едва ли бы проникли. По словам Барятинского, Бота был для нас открытой географической картой неизвестной нам местности, компасом в море, опытным капитаном судна, которое, если бы он захотел, мог погубить вполне безнаказанно.

Полковник оборвал свой рассказ, замер, прислушиваясь к шуму на улице.

— Кроме всего прочего, господин капитан, он перешел к нам не с пустыми руками. Привел весь разведывательный аппарат Шамиля, —

добавил Головаченко.

— Шш-шш! Кажется, он идет…

Дверь распахнулась, вошел Бота, за ним, согнувшись, переступил порог Хорта. Бота доложил, что все мужчины аула собрались на площади перед мечетью.

— Благодарю вас, господин майор, — сказал Муравьев. — Присядьте, выпейте с нами рюмку.

Капитан довольно откровенно принялся разглядывать Боту.

— Говорят, в самую блистательную эпоху Шамиля вы были у него правою рукою? — спросил он.

Бота нахмурился, в голосе капитана ему послышалась ирония; он гордо вскинул голову, глянул в глаза капитана, но ничего не прочитав в них, кроме любопытства, успокоился. Все взоры обратились к нему. Такое внимание всегда льстит, теплая волна удовлетворенного самолюбия согревает душу.

— Да, я был одним из тех, кто его возвеличил, вознес…

— Но, господин майор, если верить слухам, Шамиль был великим полководцем и умным вождем. Не кажется ли вам, что такой талантливый человек мог бы и сам себя прославить?

Бота пожал плечами, скривив губы в презрительной улыбке.

— Безусловно, Шамиль был умным, беспредельно храбрым и мужественным человеком. Да еще и одним из крупнейших ученых в наших горах. Однако он отнюдь не был столь великим военным стратегом, как вы о том наслышаны.

— Как прикажете вас понимать?

— Шамиль не руководил ни одним сражением в Чечне, в котором горцы одержали свои блестящие победы. Он руководил государством,

был талантливым организатором, политиком и дипломатом.

— Позвольте…

— Еще раз повторяю: лично Шамиль не руководил ни единым сражением. Потому что не был ни военным тактиком, ни стратегом. Но был умным администратором и блестящим идеологом и имел огромный авторитет среди горских народов.

— Если так, то кто же добывал ему военную славу?

— Его наибы. Шоип Центороевский, Юсуп-Хаджи Алдинский, Талгик Шалинский, Соаду и Эски Мичикские, Хаджи-Мурат Хунзахский, Кибит-Магома Каратинский, Даниэл-бек Елисуйский и другие.

Юсуп-Хаджи Алдинский, если говорить европейским языком, был у Шамиля начальником генштаба, премьер-министром, его мозгом, его правой рукой.

— Да еще Сайдулла Гехинский, Атаби Шатоевский, Бойсангур Беноевский, Батуко Курчалоевский, — добавил Головаченко.

— По-вашему выходит так, что Шамиль словно и не участвовал в боях. В таком случае, где же он получил девятнадцать ран?

— Несколько — в боях, при взятии русскими Гимри и Ахульго.

Двенадцать ранений ему нанес слепой Губаш, чеченец из аула Чобеккинарой, рода Гухой.

— А слепой-то за что ранил Шамиля?

— Не знаю, — вздохнул Бота. — Одни говорят, что Шамиль хотел жениться на девушке-сироте против ее воли, по законам шариата.

Узнав об этом, брат ее матери, Губаш, поздно ночью проник в дом, где спал Шамиль, и в смертельной схватке нанес ему двенадцать ран и семь порезов. Другие говорят, что Губаш был свирепый разбойник богатырской силы и Шамиль по требованию народа хотел убить его, а тот сам напал на имама. Всякое говорят.

— Какова же дальнейшая судьба этого Губаша?

— Первых двух стражников, которые по призыву Шамиля ворвались в комнату, Губаш сразил насмерть. Потом сбежались муртазеки[67], связали его, увели и убили. Одни говорят, что его зажарили в медном корыте, другие — что его всю ночь держали в ледяной воде, пока он не умер. Дело-то было зимой. Не знаю, кто из них говорит правду…

Хорта налил всем чай.

— Много самых невероятных мифов создали вокруг имени Шамиля, — сказал Муравьев. — И порой даже трудно разобраться, где правда, а где выдумка. Но я знаю одно: Шамиль не был фанатиком.

Религиозный фанатик принимает смерть за идею своей религии не моргнув глазом. Шамиль же всегда избегал опасностей, а тем более — смерти. Мне кажется, что у него была другая цель; жить ради самой идеи борьбы за свободу, на путь которой он ступил в молодости. Он и сохранил свою жизнь ради этой идеи.

Например, в Ахульго и, наконец, в Гунибе. Везде и всюду у него хватало ума, храбрости и даже хитрости выходить живым из самого безнадежного положения.

На некоторое время в комнате воцарилась тишина.

— В истории человечества еще не было ни одного человека, даже самого гениального, лишенного недостатков и слабостей, не совершившего ошибок. — Бота поставил на стол опорожненный стакан. — Под разными предлогами мы прощаем цивилизованным правителям Европы, Азии, Америки не только их слабости и ошибки, но даже явные преступления. Но в то же время скрупулезно выискиваем ошибки и слабости у темного горца Шамиля, упорно распространяем о нем клевету, дабы во что бы то ни стало унизить его. Это несправедливо, господа. Каким бы он ни был, великий Шамиль по праву возглавил справедливую борьбу горских народов за свою свободу и независимость. И делал это весьма успешно.

Фон Клингер не был удовлетворен ни вопросами, ни ответами.

— Господин майор, вы весьма уважительно отзываетесь о Шамиле.

Если ваши слова идут от чистого сердца, почему же вы оставили и его, и свой народ в столь критический для них момент и перешли на сторону противника? Ответьте на этот вопрос, если это не тайна.

Бота презрительно усмехнулся. Вероятно, такой вопрос он слышал не впервые.

— Здесь нет никакой тайны, капитан, — равнодушно отозвался он.-

Когда мой народ поднялся за свою свободу и независимость против русских властей, я не мог не сочувствовать ему, не желать ему успеха, не встать в его ряды, в ряды борцов за свободу. Вы поймите, господа, я был и остаюсь сыном своего народа, хотя рос и воспитывался среди другого народа, в другом обществе. Потому я и перешел на его сторону, чтобы поддержать в справедливой борьбе, оказать помощь в силу своих возможностей. Но когда убедился, что эта борьба бесперспективна, что она ведет народ к физическому истреблению, что Шамиль и его окружение никогда не дадут моему народу свободу и просвещение, я покинул Шамиля и, перейдя на сторону русского командования, приложил все силы, знания и опыт для того, чтобы как можно скорее прекратить бесполезное кровопролитие, продолжавшееся десятилетиями, и установить мир и спокойствие в горах.

— Тем не менее вы же участвовали в войне против своего народа?

— Участвовать в войне можно по-разному. Кто-то истреблял людей, аулы, посевы, сады, сенокосы и совершал бесчеловечные жестокости. Я же всеми своими силами старался не допускать этого. Бог тому свидетель, — Бота подумал и добавил:- Имелась и еще одна серьезная причина тому, что я оставил Шамиля и перешел на сторону русских. Был у меня верный, смелый и благородный друг. Звали его Девлатуко. Его обвинили в несовершенных им преступлениях и приговорили к смертной казни.

Я доказал Шамилю невиновность Девлатуко и просил помиловать его, но имам не внял ни моим доказательствам, ни моим просьбам. Друга казнили. Я понял, что и меня ждет подобная участь, что рано

или поздно скатится и моя голова. Ибо имам, как и все правители мира сего, не любил, вернее, ненавидел тех, кто был умнее, смелее и благороднее его. Ведь не зря же от имама убежали впоследствии знаменитые Хаджи-Мурат Хунзахский и Юсуп-Хаджи Алдинский.

Фон Клингер с ухмылкой пожал плечами.

Полковник Муравьев встал.

— Господа офицеры, оставим этот разговор. Время и история рассудят, кто был прав, а кто не был. Осушим последние бокалы перед дорогой. Но прежде чем покинуть этот поистине гостеприимный дом, считаю своим долгом выпить за здоровье хозяина. Возьмите бокалы. Дорогой Хорта, да не иссякнет изобилие в этом доме, пусть сопутствуют вам удача и счастье и да сбудутся все ваши желания. За вашу усердную службу я благодарю вас от имени начальника области его превосходительства Лорис-Меликова!

— Баркалла[68], спасибо, ваше высокоблагородие! — от волнения Хорта совсем потерял голос, он то и дело откашливался.-

Сегодня мой дом — был большой счастье. Мой бедный дом — стал богатый дом. Их превосходительства Лорис-Мелик и Туман не беспокойся, наш Гати-Юрт самый верный и преданный русский власти.

— С вашего позволения, господин полковник, я благодарю и майора Шамурзаева, — произнес в свою очередь Головаченко. — Вы, дорогой майор, оказали огромную услугу в прекращении войны между горцами и Россией, в установлении мира и спокойствия в этом крае. Я уверен в том, что вы и впредь не пожалеете своих сил, знаний и энергии в благородном служении интересам родного народа и России. Да поможет вам Всевышний!

— Аминь!

Бурлит гатиюртовский майдан[69]. Все мужское население аула собралось здесь. Так уж повелось издавна: чуть что — и люди идут к

мечети, и здесь, около нее, сообща решают общие дела.

Но сколько помнят старики, на площади, как правило, всегда обсуждался один и тот же вопрос: защита Гати-Юрта. Значит, враг был рядом, и все население, способное носить оружие, вставало на защиту родного аула. Чего бояться гатиюртовцам смерти? Они давно к ней привыкли. Ибо появлялись на свет под свист пуль и под свист пуль умирали. Смерть неотступно шла с ними рядом, но никто от нее не прятал глаз, не убегал. Так было, пока шла война. Но когда сегодня закричал туркх[70], в сердцах людей впервые поселился страх. Что случилось? Какая новая беда обрушилась на их головы? Сразиться с врагом и погибнуть за отчизну — это удел молодца. Но умирать голодной смертью нищего — это позор. Как быть? Может, действительно податься в Хонкару. Но как быть с землей отцов? С могилами предков? Они же проклянут нас!

Видно, или нет счастья вообще, или не для них оно, хотя солнце светит всем одинаково и все живое с одинаковой радостью встречает и провожает его. Так жили и предки, пока русский царь не послал своих солдат в горы. Много лет прошло с тех пор, и два поколения сменились, так и не повидав солнца счастья. Только ночь была их постоянной спутницей. Ночь стоит и теперь, хотя солнце и светит… Что их ждет в Хонкаре? Да та же самая ночь…

В аул приходили все новые и новые вести. Люди терялись, не зная, чему верить. В последнее время слухов прибавилось. У Мачига голова шла кругом. Но толком никто ничего не знал.

Повсюду слухи, слухи и ничего определенного. Одни говорили, что весной их разоружат, а мужчин заберут в солдаты, другие — что будто бы царь издал указ, согласно которому всех чеченцев будут крестить, третьи утверждали, что всех сошлют в Сибирь, а земли отдадут русским. А это значит, что все умрут от голода, болезней, дети забудут родной язык, станут гяурами.

Сегодня в Гати-Юрт прибыл большой начальник — полковник Муравьев, посланник самого генерала князя Туманова. Его сопровождают начальник Ичкерийского округа полковник

Головаченко, наиб Качкалыкских аулов майор Бота Шамурзаев и еще один офицер.

Зачем они приехали? Что им нужно в Гати-Юрте? Какие они привезли новости: хорошие или плохие? Но разве можно ждать хороших новостей от таких начальников? Им легко говорить -

"поезжайте", а кому ухаживать за могилами отцов? И почему это русский падишах вдруг начал так заботиться о них и отпускает желающих? О судьбе их беспокоится? Нет, даже дети ему не поверят. Любой понимает — ему земля нужна, а не они. Хитрый падишах, очень хитрый…

Люди толпились на майдане, громко переговаривались. Когда сюда пришел Мачиг, площадь уже была заполнена до отказа. Даже древних старцев, которым сидеть бы дома да сидеть, и тех привели под руки. Попробуй-ка усидеть дома — столь высокое начальство не часто балует Гати-Юрт своим вниманием. В передних рядах, как и положено, расположились самые почтенные старики. Только там их законное место. Дальше — пожилые, потом и молодежь. Одеты все по-разному. У кого в доме достаток, того определишь сразу: и одежда лучше, и походка тверже, и подбородок поднят повыше. Основная же масса смотрится победнее. Есть и такие, кому и вовсе нечего натянуть на себя, кроме рваной черкески. Но пусть эти разодетые не поглядывают гордо по сторонам, не кривятся в брезгливой усмешке при виде своего оборванного соседа: там, где следует проявить мужество, он-то и делает всегда первый шаг. Но все без исключения подпоясаны серебряными ремнями, и у каждого дорогой, добротный кинжал.

Гости с любопытством оглядывали площадь, но о чем они думали, что говорили, угадать было невозможно. Их чисто выбритые лица оставались спокойными, в глазах не сквозило ни искорки участия, ни тени беспокойства о судьбе тех, кто сейчас с надеждой взирал на них. Впрочем, и не нужно было обладать особой проницательностью, чтобы хоть чуть-чуть заглянуть в души этих людей. Они выполняли чужую волю, чужие приказы и не задумывались, насколько те гуманны. Их задача — сначала ослепить своим внешним блеском, а

затем с высоты своего положения убедить собравшихся в правдивости всего ими сказанного. На это рассчитывают и они сами. На это рассчитывают и те, кто послал их сюда. А старики и молодежь смотрят на гостей тем взглядом, каким смотрит поверженный и тяжело раненный зверь на стоящего над ним охотника.

Свысока поглядывал на соотечественников Бота Шамурзаев. Лицо у него полное, круглое — видать хорошо кормят его власти.

Бороду он бреет, только черные усы торчат в разные стороны.

Мачигу он особенно понравился тем, что с начальством разговаривает непринужденно, чувствует себя свободно, не заискивает, как стоящий рядом Хорта. Этого не могли не заметить и другие жители Гати-Юрта. И достаточно было лишь взглянуть на Хорту, на его согнутые плечи и покорное лицо подхалима, чтобы понять, как никогда не должен себя вести всякий, хоть мало-мальски уважающий себя человек.

Полковник Муравьев что-то шепнул Шамурзаеву, тот передал Хорте. Хорта взмахнул рукой и закричал:

— Внимание, люди! С вами будет говорить полковник, который прибыл к нам из Солжа-Калы!

Полковник вышел вперед. Речь его продолжалась минут двадцать.

Он ужасно растягивал слова, словно пробовал их на вкус.

Собравшиеся слушали его внимательно, хотя мало кто мог разобрать и понять, о чем же говорил полковник. Но они не унывали: раз говорит по-русски, значит, кто-то переведет. Для того у них имеется Хорта. Хотя, пожалуй, такое серьезное дело Хорте не доверят. Правильно, так оно и есть! Кончив говорить, полковник повернулся к Шамурзаеву, словно приглашая его перевести сказанное.

Но прежде чем перейти к переводу, Бота объяснил, кто эти люди, с которыми он, Бота Шамурзаев, приехал сюда. Впрочем, собравшимся и без его объяснений стало ясно, кто и какой пост занимает, кто и откуда приехал. Но из учтивости молчали, какой ни есть гость, а его надо уважать и не перебивать, что бы он ни говорил.

Наконец Бота перешел к главному. Но опять все то же, о Хонкаре, о падишахе. О, этот падишах! Как же ему хочется, чтобы все отсюда уехали! Правда, Бота говорит, что слухи ходят в их ауле неправильные. Падишах никого не собирается выселять насильно: кто сам надумает, тот и поедет. Падишах никому и ни в чем препятствовать не будет. Но тогда, если верить падишаху, все получается правильно: земли казакам он не отдает, чеченцев в солдаты не забирает, а о Сибири и подавно вспоминать нечего.

Да и разве возможно выселить весь народ? Это же очень трудно, и падишах на такой шаг, конечно, никогда не пойдет. Это люди болтают почем зря. Не было ничего такого и не будет. Вон и Бота говорит про то же самое.

— От имени сардара полковник передает вам, — говорил Шамурзаев, — что подобные слухи не имеют под собой почвы.

Подумайте сами, какая выгода падишаху от переселения вас в Сибирь? Никакой! Разве у него других забот мало? А вот что касается земли, то тут вопрос другой. До падишаха дошло, что вы требуете землю. Падишах вам отвечает, что взять ее неоткуда…

— Есть! — крикнули из толпы. — Пусть нашу вернет. Мы чужой земли не требуем!

— Тише! Пусть говорит!

— Сардар понимает, как вам сейчас трудно. — Бота на выкрики и бровью не повел. — Но, как говорится, с бесштанника штанов не снимешь. Чего нет, того нет. Сочувствуя вам, Муса Кундухов решил и сам переселиться в Хонкару, взяв с собою добровольцев.

Одни уедут, другие останутся. Таким образом и вопрос с землей решится. Но, повторяю, и сардару, и падишаху абсолютно все равно — уедете вы или останетесь. Это решать вам!

— Даже если мы подохнем за одну ночь! — послышался все тот же голос.

— Ты бы сам, Бота, взял бы да отдал прежним владельцам отобранные у них и подаренные тебе царем пятьсот десятин земли!

Бота и эту реплику пропустил мимо ушей.

— Генерал Кундухов сам лично ездил прошлым летом в Хонкару, где имел разговор непосредственно с Абдул-Межидом, падишахом Хонкары. Муса объяснил ему, в каком трудном положении оказались чеченцы, и попросил турецкого падишаха приютить своих же братьев по вере, помочь им, на что падишах дал согласие. Кроме того, Абдул-Межид заверил Кундухова, что всех приехавших расселит отдельно и обеспечит их жильем. О своем разговоре с Абдул-Межидом Кундухов доложил сардару, который живет в Тифлисе. Люди! Еще раз повторяю то, что просил передать вам господин полковник. Землю у вас никто не отбирает, наоборот, она будет закреплена за вами. Но, к несчастью, земли пока мало, и не все чеченцы смогут получить ее. Вот почему русский падишах не стал препятствовать генералу Кундухову, но и понуждать никого тоже не будет. Вопрос должен быть решен на добровольных началах…

Бота сделал паузу, бросил взгляд на полковника и продолжил:

— Теперь насчет порядка. Вы, наверное, думаете, что все так просто: каждый из отъезжающих сел на подводу — и до свидания, поехал! Это не так. Каждый из отъезжающих должен иметь при себе паспорт той страны, куда он выезжает. А для этого требуется определенное время. Поэтому поедут не все сразу, а несколькими партиями. Этой весной — одни, а следующей — другие. Чтобы не повторилось того, что в прошлом году произошло с адыгами. Потому так и решили власти. Вот все, что хотел сказать вам полковник.

Бота смущенно улыбнулся и перекинулся несколькими словами с полковником.

— Есть ли у вас вопросы к полковнику? — спросил он.

Вопросов было много, и они давно уже вертелись на языке у каждого, но все пока молчали, выжидающе поглядывая на тамаду аула Бешту и стоявших рядом с ним Маккала и Арзу.

— Разве у вас нет никаких вопросов? — удивился Бешту.-
Давайте, спрашивайте!

Работая обеими руками, вперед пробился Мачиг.

— У меня есть вопросы.

Бота пристально разглядывал его сверху. Вид Мачига ему не понравился, и он нахмурился.

Мачига столь пристальное внимание к своей особе со стороны высокого начальника сильно смутило, и он робко спросил:

— Если я задумаю переселиться, то власти окажут мне какую-то помощь?

— Да, — ответил Бота. — И даже скот в дороге обеспечат кормом.
Кроме того, в Шали, Назрани и Червленой открыты базары, где уезжающие смогут продать или купить все необходимое.

— Говорят, что царь разрешил Кунте-Хаджи и его мюридам уехать в Хонкару. Правда это или нет? — крикнул кто-то из толпы.

— У падишаха есть такое намерение.

Поднялся шум. Людей словно прорвало. Заговорили разом, перебивая и не слушая друг друга. Одни спорили меж собой, другие, довольные предоставившимся случаем, обсуждали начальство.

— Кто говорит правду?

— Киши-Хаджи ни одному земному падишаху не подвластен! — Он, говорят, из тюрьмы ушел. Двери сами перед ним раскрывались, а тюремщики ему кланялись.

— О, Аллах всемогущий, он воистину святой человек!

— Земли не хватает? А казаков зачем здесь поселили? Пусть назад, к себе домой едут.

— Пока русские не пришли, земли всем всегда хватало.

— У Боты много земли. Попросите у него, может, выделит. — Мне чужой не надо.

— А он разве свою взял?

— Из кожи лез, выслуживался перед урусами.

— Тебе ведь, Мачиг, земли не дали? То-то. За один длинный нос падишах землю не даст!

— Тише! — крикнул Бешту. — Расшумелись! Смотреть на вас стыдно!

Кто бы он ни был — он человек, который приехал к нам. Разве станете вы обсуждать своего гостя? Ежели кому невмоготу, так подойдите к нему и поговорите. А оттого, что вы здесь галдите, дело не сдвинется… Довольно, Бота! Мы поняли, что сказал полковник. Кто захочет, поедет в Хонкару, кто не захочет — останется тут. Вопросов больше нет.

Где бы Бота ни появлялся, он слышал о себе одни и те же разговоры. Сначала внимают словам полковника, затем подбираются к нему. Так случилось и сегодня. То и дело слышишь

"свинья", "собака" и прочее. А то, что он искренне стремится помочь людям, они не хотят, не могут понять. Бота скрипел зубами, но поделать ничего не мог. Будь его власть, он бы и сейчас безжалостно прошелся плеткой по всем этим лицам. Но приходится терпеть. Дело прежде всего. Закончить бы его, да уехать отсюда скорее. Благодарности от этих оборванцев все равно не дождешься.

— Господин полковник, — промолвил, склонившись к Муравьеву, Бота. — Мы можем ехать.

— Чего они расшумелись? — спросил полковник Головаченко.-

Почему не расходятся?

— По глупости своей. Все об одном и том же говорят. Теперь до вечера не успокоятся. Такой народ.

— Как насчет транспорта?

— Все готово, господин полковник. Хорта, сани запряжены?

— Да.

— Пройдемте, господин полковник.

Народ же расходиться и не думал. Начальство ушло — невелика беда. Наоборот, без него спокойнее.

Маккал выступил вперед, поднял руку, призывая к тишине.

— Аульчане! — зычно крикнул он и, дождавшись, когда все смолкли, продолжил своим мягким голосом. — Давайте поговорим серьезно. Видит Аллах, нам теперь не до шуток. Что я хочу сказать… Да, действительно, живется нам очень трудно. Но ведь мы у себя, мы дома! — страстно проговорил мулла. — На земле наших отцов!.. Правильно, от слухов можно сойти с ума.

А уж какую только ерунду не несут! Мы же, развесив уши, слушаем всю эту чепуху. Хотя бы о том, что вот-вот погонят нас в Сибирь, а мужчин заберут в солдаты. Как же, мы ведь пуп земли! Все внимание на нас! Да кому мы нужны, я спрашиваю, чтобы нам уделять столько внимания? Два огромных государства, видите ли, спорят меж собой из-за нас. Русский падишах и турецкий. И тот и другой в один голос соглашаются: пожалуйста, решайте, дорогие чеченцы. Но спросить бы этого Абдул-Межида, почему он вдруг проявляет такую заботу о нас? Что, Аллах его надоумил? Как же, дождешься милости от падишаха! Рай он обещает? Так не верьте этому! Это вранье! И как вам не надоело слушать? Слухи специально рассчитаны на простаков. А многие им поверили. "Лучше к единоверным братьям, чем в Сибирь к гяурам!" Опустили руки и ждут весны. Нашлись и в нашем ауле такие. Они, видите ли, должны уехать, иначе свет перевернется.

И ведь не переубедишь их. Но попомните мои слова — жестоко они раскаются. Только поздно будет! Кто побывал на чужбине, тот

знает, что это такое, тот готов отдать все на свете, лишь бы хоть одним глазком еще раз взглянуть на родину. Даже врагу я не пожелаю такого. Я это знаю, потому что прошел через подобный ад. Верно, Хонкара — страна, где живут такие же мусульмане, как и мы. И падишах там — мусульманин. Но нам-то что от этого? Одной общей верой сыт не будешь. Молиться же нам и дома никто не запрещает. Хонкара не для нас, не для бедняков. Она хороша для Кундухова, Сайдуллы Успанова, Алихана Цугова, для Нуркиши и Мады, чьи карманы набиты золотом. А кому мы нужны там с пустыми руками? Так вот, пусть они едут туда, а нам лучше оставаться дома!

— Умрем же в Сибири, Маккал! — горько вскричал Мачиг. — И дети наши тоже…

— Не горюй, Мачиг, Аллах не допустит.

— Зачем же тогда солдат сюда нагнали?

— Раз земли не хватает… Солдат нагнали… В Сибирь отправят… Чего мы все ноем и ноем? Мы же, в конце концов, не стадо баранов, чтобы бежать туда, куда нас гонят. Почему не едет Бота Шамурзаев, Касум Курумов, Орца Чермоев, Давлетмирза Мустафинов и им подобные? Почему они спокойно чувствуют себя на нашей земле? Почему мы добровольно уступаем им свои кровные земли, а сами готовы отправиться неизвестно куда, чтобы просить подаяния? Или мы уже не мужчины? Нет, кенти! Мы не уйдем отсюда! Жили же наши предки в мире и дружбе с казаками, будем жить так же и мы. Нет, это не казаки виноваты, что отдали им наши земли. И их пригнали сюда силой.

И дали им силой, почему они и взяли. Потребуем от властей, чтоб землю перераспределили, чтобы уравняли нас в правах с казаками!

— А коли власти не сделают этого?

— Будем требовать с оружием в руках!

— Не та у нас сила, Маккал!

— Зато сердца те же!

Шахби, до сих пор молча перебиравший четки, повернулся к Маккалу и сказал:

— Не мути народ. Пусть каждый человек сам решает, как ему быть. Не сбивай их с толку. Я не меньше тебя люблю родину, но все же еду. Потому что жить здесь стало уже невмоготу. О бедности уже молчу. Хочу умереть мусульманином. А ты не старайся, пожалуйста, навязать свое мнение другим. Они не глупее тебя…

Когда тамада аула, а вместе с ним и почетные старики покинули майдан, спор разгорелся с новой силой:

— Да проклянут меня потомки, если я поеду!

— Зачем же ты тогда носишь папаху?

— Буду биться, не будь я мужчиной! А из аула ни шагу не ступлю.

— Ты убьешь, тебя убьют… А твою семью отправят в Сибирь.
Чего ты добьешься, глупец?

— У тебя нет семьи. А от чужого добра ты вон как распух. Куда же мне ты прикажешь деться с голыми детьми и с пустыми карманами?

— В Сибирь!

— Ах ты, лавочник паршивый!

— Собака вшивая!

— Брюхо ты свиное! Я кишки из него сейчас выпущу! — крикнул разгневанный аульский бедняк Дасу, выхватил кинжал и бросился на лавочника Мази. Стоявший рядом Ахмед, сын Акбулата, успел схватить его и отвести назад.

— Не горячись, Дасу. Убьешь дерьмо, а скажут, что человека убил. Да пусть едет, тебе-то какое дело. А мы никуда не поедем.

— Погонят, как баранов вас погонят! — не унимался Мази.

— Не рычи, собака!

— Все уйдем в горы и будем биться с войсками падишаха!

— Кенти! — крикнул Ибрагим. — Я еду в Турцию. Падишах лишил меня отца, братьев, свободы, земли. Теперь он хочет отнять у меня веру. С этим я не смирюсь. Даст турецкий султан землю — хорошо, не даст — переживу, земли у меня и тут нет. Но я хоть умру мусульманином, и дети мои останутся мусульманами.

Завтра все, что у меня есть, повезу в Шали на базар.

— Подумай, кому нужны твои тряпки, Ибрагим? — с горечью воскликнул Али.

— Кому? Тем же совдегарам[71], что уже рыщут по аулам, вынюхивая, где и чем можно поживиться,

— Правду говоришь, — согласился Али. — Несчастье одних служит лестницей к счастью для других.

ГЛАВА VIII. ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ АБРЕКА ВАРЫ

Чеченцев, как своих врагов, мы старались всеми мерами унижать и даже их достоинства обращать в недостатки. Мы их считали народом до крайности непостоянным, легковерным, коварным и вероломным потому, что они не хотели исполнять наших требований, несообразных с их понятиями, нравами, обычаями и образом жизни. Мы их так порочили потому только, что они не хотели плясать под нашу дудку, звуки которой были для них слишком жестки и оглушительны…

Генерал М.Я. Ольшевский

Приближалась холодная зима. Уж давно покрылся снегом Чеберлоевский хребет, а теперь и подножия гор за ночь выстилало белым инеем.

Холодно и тоскливо в голых лесах.

Холодно в древних каменных башнях, сырых пещерах.

Но у абреков других пристанищ нет. Одежда их обветшала настолько, что продувается насквозь, словно сито. Даже от грубой постели отвыкли абреки. Сегодня они здесь, завтра там.

В других башнях, в других пещерах. Только все они одинаковы:

холодные и мрачные. Люди зазывают абреков в аулы, оказывают им посильную помощь. Но абреки боятся останавливаться там.

Во-первых, если власти узнают, что абреки ночевали в каком-то ауле, то жителей его сурово наказывают. Во-вторых, теперь в аулах немало подлецов, явных или тайных царских прислужников, всегда готовых бежать с доносом к властям. Генерал же Туманов обещал за голову Вары пять тысяч рублей награды. Предатели посчитали такую сумму за голову знаменитого абрека оскорбительно низкой, на что генерал Туманов возразил, дескать, царь за голову самого Шамиля предложил всего десять тысяч. Что такое пять тысяч рублей, если

царские власти за один только день сдирают с Чечни более десяти тысяч? С аула, на территории которого найден труп убитого царского прислужника, взымается штраф в тысячу рублей. Вора или просто подозреваемого в воровстве, независимо даже от того, виновен он или нет, без суда отправляют на каторгу в холодную Сибирь.

Его же аульчан заставляют возмещать убытки от якобы похищенного им добра в пятикратном размере. Даже в том случае, если нет явных улик. Лишь бы был след на территории аула. А ведь дни без убийств или краж выпадают редко. У Туманова много денег. Очень много. А давать за захват грозного Вары — живого или мертвого — всего каких-то пять тысяч рублей… Что ж, пусть ждет… Сперва он обещал тысячу, теперь сумма достигла пяти тысяч. Пусть цена за голову Вары повысится до десяти и сравняется со стоимостью головы Шамиля. А мы пока потерпим.

Ведь не случайно говорят, что Бог любит терпеливых…

Вот так думают вероломные враги Вары, а значит, и враги народа.

Сегодня Вара, как это ни опасно для его жизни, идет в аул. Его семья живет в Малых Атагах. Вернее, еще находилась там два-три дня назад. И она должна быть там, если непредвиденные обстоятельства или опасность не заставили ее перебраться в другое место. Давно Вара не видел своей жены и детей. Давно он не был в родном ауле. Ему до смерти надоело, уподобившись голодному волку, скитаться по лесам и горам. Но и вернуться в родной дом уже нельзя. Он не сможет помириться с царскими властями.

Почему?

Ответ короткий: Варе, как и всему народу, нужна свобода. Ему тоже хочется, чтобы его родные горы были никому не подвластны.

Варе, как и всем, не хочется надевать на шею царское ярмо, быть рабом. Вот почему в течение восьмидесяти лет проливается кровь горцев и кровь тех, кто идет с оружием в руках на их родную землю. Никакой падишах, никакой инарла не имеет права вторгнуться в дом Вары, изгнать из него семью и стать в нем хозяином. А тем более — лишить народа, земли, отобрать у него свободу. Ведь ни Вара, ни его отец, ни его предки, да и весь его народ в целом никогда не вторгались

в чужие страны, на чужие земли, не лишали свободы других людей, другие народы.

Пока царские инарлы не пришли сюда, в горы, его предки жили тихо и спокойно. Мирно обрабатывали свои клочки земли, а кровь проливали только на охоте, добывая себе пищу, и всегда радушно принимали любых гостей.

Варе — пятьдесят. Он родился в войну и всю свою жизнь видел войну. Кровь. Пламя. Стоны. Крики. Варе не дали жить в своем собственном доме. Ему сказали: "Не ты хозяин этого дома, а мы". И тогда Вара взял в руки дедовское оружие. Но у Вары не хватило сил отстоять свой дом от царских инарлов, пришедших издалека и бесцеремонно расположившихся в нем, как в своем собственном.

Силен русский падишах. Не счесть его войска. И Вара не справился с ним. Как, впрочем, и его предки. Но Вара уверен, что рано или поздно народ отстоит свою независимость. Все надежды возлагаются на собственные смелость и мужество, на беспредельную любовь и верность родине, на густые леса и суровые горы родного края.

К сожалению, лишь смелости и мужества, беспредельной любви и верности родине оказалось недостаточно, чтобы устоять перед огромной силой могущественного падишаха.

В течение восьмидесяти лет сжигаются и разоряются аулы. Народ гибнет на войне. Вместо того, чтобы из года в год расти, народ с каждым годом приближается к вымиранию. Во главе с Бойсангуром, Атаби и Уммой народ последний раз вступил в смертельную схватку с царской властью, но и в этот раз его восстание жестоко подавили. Враг одержал очередную победу. И у народа уже нет сил вернуть себе землю и свободу. Такая сила осталась только у Аллаха. Устаз обездоленных Киши-Хаджи призывал народ возложить все свои надежды на Бога. Вара верил устазу. Верил устазу и весь отчаявшийся люд. Старики, женщины и дети. Верили в то, что Аллах вернет им отторгнутое — землю и свободу. Ибо устаз говорит им: оставьте оружие, не прибегайте к насилию. Обратите свои взоры к Богу. Молитесь ему днем и ночью. Только он может низвергнуть поработителей, дать народу свободу и установить справедливость.

Но инарла Туман арестовал Кунту-Хаджи и бросил его в тюрьму Солжа-Калы. Мюриды собрались просить инарлу выпустить их устаза, ибо некоторые улемы говорили, что если они обратятся к инарле, то Аллах подскажет ему, чтоб он возвратил им их устаза. Солтамурад и его соратники противились всей этой затее. Маккал утверждал, что если Киши-Хаджи находится в руках Аллаха, то он и сам сможет освободить его без вмешательства инарлы. Поскольку же Кунта-Хаджи находится в тюрьме падишаха, то никакие их молитвы, просьбы и жалобы не откроют перед ним железные двери. Маккал утверждал также, что подобное шествие лишь нанесет непоправимый ущерб их главному делу — борьбе за свободу.

Вара был набожным человеком. Поэтому он не поддержал своих боевых товарищей и пошел за улемами. Во время шествия Вара находился в первых рядах толпы, которая направилась к инарле с просьбой вернуть устаза. Впервые за всю свою сознательную жизнь Вара был без оружия. Он держал в руках мирный голубой значок и громко взывал к помощи всемогущего Аллаха, когда направлялся к редуту. Но с крепостных стен своими круглыми черными жерлами на него смотрели грозные пушки, рядом с которыми, держа в руках наготове дымящиеся фитили, стояли рослые солдаты. Перед крепостными стенами ровными, словно вкопанными рядами стояли пехота и кавалерия. Под холодными лучами зимнего солнца ослепительно сверкали их острые штыки и оголенные шашки. Взволнованно фыркали боевые кони.

Вместе с несколькими тысячами человек, громко призывая на помощь Аллаха, пророка и своего устаза, безоружный Вара шел на эту грозную, ощетинившуюся силу. Вара верил, что и Аллах, и пророк, и их устаз немедленно окажут им помощь, защитят от столь грозного врага. Ведь именно в этом убеждали улемы людей.

Они прямо сказали, что в эти критические минуты Аллах, пророк, ангелы и все святые придут к ним, а порох гяуров превратится в пыль.

Вара поверил. Поэтому и шел без оглядки, уверенно и спокойно.

На самом же деле, на помощь к ним никто не пришел, и порох гяуров не превратился в пыль. Как и все предыдущие восемьдесят лет,

ружья и пушки стреляли исправно, извергая смертельный огонь. Правда, тот день отличался от предыдущих: на сей раз навстречу вооруженному до зубов врагу шли безоружные люди — старики, женщины, дети…

Вот в тот памятный день Вара и потерял свою веру во всех и во все, даже в справедливость Всевышнего. Вара убедился в том, что народ его оказался бессильным. Но неужели и ему, и его детям, и его потомкам придется извечно влачить позорную рабскую жизнь? Терпеть поработителя в собственном доме?

Неужели придется спокойно смотреть на могилы отцов, братьев и сыновей, погибших, защищая родные очаги и поруганную родину, не склоняясь перед убийцами, которые теперь чувствуют себя здесь хозяевами?

Нет! Нет и нет! Пусть Вара не смог победить врага, но не покорится ему. Он вступит с ним в единоборство и будет лично мстить тем, кто принес горе его несчастному народу.

Вара оставил дом, семью, родное село и стал абреком. Именно он, Вара, атагинский Вара, первым вступил на тропу народных мстителей и стал первой восходящей звездой знаменитого впоследствии чеченского абречества.

Вара был беспощаден. Он мстил теперь уже своим личным врагам, невзирая на их национальную и религиозную принадлежность.

Отбирал их имущество и раздавал бедным горцам. Он забирался за Терек и в Сальские степи, совершал набеги на аулы и на военные гарнизоны, устраивал засады в лесах и ущельях. Везде и всюду у него имелись верные друзья: в казачьих станицах, в горах Грузии, Дагестана и Осетии. Но там же были и смертельные враги. Вара стал широко известным предводителем неуловимого, невидимого, но многочисленного войска мстителей, защитников бедняков не только своего, но и соседних народов, которые оказались под пятой царских властей и их местных холуев.

После шалинской бойни чеченские предводители разделились на два лагеря. Часть высшего духовенства засела в Автурах. Она

склонялась к миру с царскими войсками. Причем не без вознаграждения…

От этой части откололись, обосновавшись в Беное, такие боевые вожди Ичкерии, как Солта-Мурад, Шоип, Дада, Маккал, Берс, Арзу. Вара примкнул к беноевцам, однако прошлым летом они вызвали его в Беной и категорически запретили ему убивать царских хакимов-начальников. Они пытались объяснить Варе, что таким путем всех хакимов не уничтожить. На место убитого присылают другого, еще более жестокого. Но за каждого убитого Варой в Сибирь отправляют десятки невинных людей, а с аулов взымаются огромные штрафы. Им же сейчас дорог каждый воин, а потому ссылка в Сибирь и карательные меры в аулах со стороны властей наносят невосполнимый ущерб делу готовящегося восстания. Они просили Вару понять это. Если же он, Вара, не захочет подчиниться Совету, то им придется принять решительные меры. Ведь Вара клялся на Коране, что будет подчиняться Совету.

Нет, Вара не забыл клятву, данную им позапрошлой зимой в Беное, на очередном сходе. Вслед за Маккалом он повторял тогда слова этой клятвы:

— На этом священном Коране, ниспосланном Аллахом через своего пророка Мухаммада, я клятвенно утверждаю, что явился на Совет с чистой совестью, с твердым решением до последнего дыхания бороться за дело свободы, за освобождение поруганной родины.

Я клянусь не разглашать увиденное и услышанное здесь, сохранять тайну. Я клянусь беспрекословно подчиняться воле тех людей, которые поставлены надо мною, если их решения не идут вразрез с интересами моего народа, моей чести. Если я нарушу данную клятву, пусть мои товарищи совершат надо мною самый суровый суд, вплоть до смертной казни. Аминь!

После той клятвы мысли Вары несколько изменились. Оказывается, зло может завладеть и добрым сердцем. Завладело же оно сердцем Вары. Зло сеял не он, а жестокая царская власть. До сих пор покрыты сажей дома, сожженные царскими войсками. Не успели зарасти травой могилы погибших. Не успели затянуться раны на телах

оставшихся в живых. Но каждый день их, живых, продолжает угнетать несправедливая царская власть.

Вара и сотни тысяч других людей с радостью согласились бы жить мирно. Но зачем им такой мир, при котором их дети умирают от голода? Как могут они жить мирно, если у них отняли самые плодородные равнинные земли, а самих загнали в болотистые леса и в каменистые горы, где они вынуждены искать клочки земли и засевать их кукурузой. Но урожая с этих клочков не хватает даже до середины зимы. Как же кормить, одевать и обувать своих детей? Для того чтобы купить зерно, одежду и обувь, нужны деньги. А откуда их взять? Раньше предки скот содержали летом на горных пастбищах, а зимой на равнине.

Теперь и скот содержать нельзя, так как равнинные земли им уже не принадлежат. Есть пять реальных путей: торговать лесом, батрачить у богатых, воровать и грабить, попрошайничать и, наконец, умирать от голода.

Леса много. Но на месте никто не купит. А как везти его в Солжа-Калу, Орза-Калу[72], Чехкари, Кизляр? На собственном горбу?

Редко у кого есть пара быков или буйволов. Батрачить и работать на богатых вообще никто не согласится. Ведь они — кровные враги. Они — виновники всех их бед. Они нажили свое богатство на несчастье народа.

Кроме того, никому не разрешен свободный выезд и въезд в города, чтобы поискать себе работу, сбыть товары или сделать покупки. Для выезда и въезда требуется особый билет, выдаваемый приставом, наибом или старшиной. И если остановят где-нибудь без такого билета, то берегись! Мигом очутишься в каталажке. Вот такие порядки. Кстати, этот клочок бумаги, называемый билетом, ты не получишь без взятки. В городе работы много, но простому чеченцу жить в нем не разрешено.

Нет, просить милостыню Вара не собирался. У чеченцев и нищенство, и батрачество считаются равным позором. Но и умирать от голода Вара не желает. Что же ему остается? На такие случаи люди

избрали последний путь — грабеж. У равнинных богачей много скота. И прочее свое богатство они нажили не честным трудом, а за счет чеченского народа. Потому невелик грех грабить грабителей и предателей. К тому же обирать некоторых мулл — дело даже богоугодное. Ведь за помощь инарле Туману в шалинской бойне не только чеченские офицеры, но и некоторые муллы получили в награду от падишаха медали и земли.

Сам Вара уже не верит многим из них. Шариат они теперь толкуют в угоду властям. Если лет десять назад они говорили, что все гяуры — враги Аллаха и всех мусульман, то теперь падишаха и его ставленников от этих врагов они отделили. Сейчас они утверждают, что падишах — сардар Бога на земле, а все его хакимы управляют людьми по воле Всевышнего. Тот же, кто пойдет против падишаха, его хакимов и имущих, непременно сгорит в пламени ада. Тем муллам говорить легко. Но Вару они не проведут. Он уже убедился в том, что все имущие лгут, что они скрытые враги таким беднякам, как Вара.

Этим-то кровопийцам и мстят абреки, которыми полны чеченские леса. Но, с другой стороны, борьба одиночек и суровая лесная жизнь продлятся не вечно. Не могут же они все время скрываться в лесах и горах, подобно диким зверям? Кроме того, Вара уже несколько раз получал из Ичкерии строгие предупреждения о том, что если он не прекратит свою борьбу против властей, то Совет совершит над ним суд, как над нарушителем клятвы на Коране.

"Что ни говори, а Совет умнее меня, — думает Вара. — Маккал, хотя и молодой, но он один из самых образованных улемов в Чечне. Берс учился в Петербурге, хорошо знает науки и обычаи урусов. Оба они честные и благородные люди. Солта-Мурад, Арзу, Шоип, Дада и другие — прекрасные воины и мужественные предводители, которых народ уважает и любит. Куда я денусь от них? И не может быть, чтобы все они были глупее меня, а я один умнее всех их".

* * *

Вара остановился над левым берегом стремительного Аргуна и долго смотрел на родное село. Его настороженный слух ловил

малейший шорох. Много врагов у Вары. Самый опасный из них -

Гудантов Мудар из Чеберлоя. Эта вероломная собака является старшиной Чеберлоя, потому и власти на его стороне. Вара убил брата Мудара, такого же жестокого и такого же вероломного.

Мудар давно преследует Вару, но никак не может схватить.

Быстрый Аргун бешено бьется о крутые скальные берега. Но после выхода на равнину воды его становятся тихими и послушными. Как похож человек на эту горную неукротимую реку. В молодости своей он так же бурно пробивается к жизненным просторам, а перевалив за сорок, смиряется нравом, становится более степенным, не шумит и не бурлит. Иногда лишь услышишь его кашель да старческие стоны. Потом и они исчезают, а человек тихо уходит в мир иной… Взгляд Вары задержался на тусклом свете оконца в нижнем конце аула. В том доме, где горит этот огонек, живет его друг Вагин Паша. Он абрек тайный, но всегда помогает ему, а иногда по ночам совершает вместе с ним дерзкие набеги. Вара был уверен, что хорошо знает своего друга. Но Вара ошибался. Он не знал, что его друг, Вагин Паша, за золото уже продался Мудару. Не знал он и о том, что сегодня ночью, как только Вара войдет в его дом, Паша отправит к Мудару всадника, а Мудар приведет из Чахкари отряд казаков. Не мог знать Вара и о том, что после трехчасового боя, когда кончатся у него порох и пули, вынет он кинжал и, громко читая ясин[73], бросится на врагов, а те изрешетят его пулями, растерзают его на куски…

Нет, далекими от такого поворота были его мысли. Он думал, что скоро увидит свою семью, отчего в душе становилось так тепло. Мысленно он уже ласкал младшую дочурку Веди и даже ощущал, как он теребит ее мягкие черные кудри, а она улыбается ему, обнимая своими маленькими ручонками его колючую морщинистую шею. У него было трое дочерей, а вот сына Аллах ему не сохранил, и после него, Вары, в семье не останется мужчины, продолжателя его рода. Кто же после его смерти позаботится о женщинах? Ведь идет страшная молва, что скоро всех мужчин заберут в солдаты и сделают из них гяуров, которые будут глумиться над женщинами…

А ведь был, был у Вары сын, первенец. Но погиб он в бою шесть лет назад. Молодой, стройный, смелый, красивый. Пал Лечи в Ичкерийских лесах… Даже жениться не успел…

Неужели же жизнь всегда будет такой горькой и состоять только из потерь? Или у падишаха, его инарлов и хакимов нет собственных родителей, детей, жен и сестер? Или они просто не любят их, думают, что и Вара не способен любить своих детей и близких. Может, в груди царских хакимов вместо сердец камни?

Зачем, зачем они проливают слезы чеченских отцов и матерей?

Не первый раз задумывался Вара над этими вопросами. Они мучили его много лет.

Вара тихо тронул поводья. Конь понял всадника, вошел в бурный Аргун, разрезая реку своей мощной грудью, потом, перейдя на противоположный берег, остановился на мгновение, стряхивая с себя холодную воду.

Вара направил коня к аулу. Рука его лежала на рукояти пистолета, засунутого за пояс, а глаза по-волчьи бегали, вглядываясь в темноту. Мысли же по-прежнему были заняты семьей. Через несколько минут он увидит жену, детей. А через пять месяцев, возможно, придет конец и всем этим мучениям.

Чеченцы готовятся весной переселяться в Турцию. Со своей семьей Вара хотел отправиться в первой же группе переселенцев.

В этом ему должен был помочь Успанов Сайдулла. В былые времена они были друзьями. Все последние двадцать лет неразлучно сражались бок о бок против войска падишаха. Сайдулла стал большим наибом, а теперь сделался и хакимом падишаха.

Удивительное дело: многие из тех, кому было хорошо при Шамиле, отлично устроились и при падишахе. Некоторые наибы и муллы Шамиля сделались хакимами при власти гяуров. У них большое жалованье, много земли и скота. А горемыки, вроде Вары, и при Шамиле были обездоленными, и сейчас остались такими же. Может, в Турции найдутся для них мир, спокойствие да кусок хлеба.

Говорят, там, при мусульманском падишахе, будет лучше. Поедем, посмотрим. Здесь положение безвыходное. Во всяком случае, хуже,

чем здесь, не будет. Не должно быть…

С этими думами и вошел Вара во двор Вагина Паши, не подозревая, что не увидит даже восхода солнца…

ГЛАВА IX. ПОСЛЕ БАЛА

Военное положение страны предписывало меры, которые могли развивать в горцах дурные страсти, но полезны были для утверждения нашего могущества… Тогда поощрялось в чеченце корыстолюбие… Тогда нужно было разрушить в горцах враждебную нам любовь к родине и посеять в них раздоры и распри. Тогда нужно было военное шпионство и предательство… Отсюда уже видно, как необходимо устройство в покоренной стране правильной и благожелательной администрации…

Н.А. Добролюбов

На улицах Владикавказа, а особенно в той его части, где размещались штаб войск Терской области и резиденция командующего, царило редкое оживление. Празднично-нарядные дамы и офицеры в парадных мундирах разгуливали по тенистым аллеям, толпились у парадного подъезда. Их привело сюда событие, не часто случающееся в столь захолустном городе, каким был Владикавказ, событие радостное и знаменательное: по пути из Петербурга в Тифлис в городе остановился начальник Главного штаба Кавказской армии генерал-лейтенант Карцов.

Каждому не терпелось предстать пред очами столь высокопоставленной особы, читавшей незадолго до своего нового назначения лекции по военной тактике императору Александру II и брату его, Михаилу Николаевичу. Великий князь и сейчас расположен к нему. Кто знает, может, от случайного взгляда на твое лицо, от удачно произнесенной фразы или от другого случая благополучно решится вопрос о дальнейшей карьере…

Вчера Лорис-Меликов устроил гостю пышный прием. В честь него был дан бал. Веселье длилось всю ночь, а теперь отсюда во все стороны разъезжались фаэтоны и кавалькады всадников.

Начальникам отделов, округов и полковым командирам было приказано задержаться до вечера. Предстояло провести совещание.

К назначенному времени все собрались, хотя вид у всех был довольно усталый: сказывалась бессонная ночь. Только молодой командир 77-го пехотного Тенгинского полка флигель-адьютант полковник Святополк-Мирский удивлял своей неистощимой энергией. Он был как всегда свеж, бодр, говорил громко, а заразительный смех его и остроумные реплики вызывали невольную улыбку.

— Господа, господа! Должен признаться вам, что общество наших милых дам куда приятней, чем соседство этих полудиких чеченцев. В том я еще раз убедился сегодня ночью…

Разговор в основном вертелся вокруг бала, и ничего в этом не было удивительного, поскольку в таком захолустье и впрямь можно было сойти с ума от скуки. Человеку для душевного равновесия всегда требуется встряска, а здесь, вдали от столичной жизни, какое развлечение… Тоска одна. А потому бал явился событием исключительным.

— Такие мгновения… как звезды в темной ночи, — не унимался Святополк-Мирский. Казалось, он еще окончательно не протрезвел от вчерашнего.

— Кажется, вы скоротали вчерашнюю ночку, Николай Иванович, весьма недурно-с? — произнес с таинственным видом полковник Головаченко.

— Полноте, Николай Николаевич! В нашей жизни это такая редкость… Да, изумительно. А Мария Васильевна… богиня…

О женщины, я ваш раб. — Святополк-Мирский выбросил вперед руку, словно поднимая бокал шампанского. — Увы, тоска, милый Николай Николаевич, однообразие. А жизнь — мимо, мимо, как облака, плывущие по небу куда-то вдаль. Вот спровадим своих туземцев, угоним за тридевять земель, в тридесятое царство, тогда и заживем, Николай Николаевич. А что касательно туземок, — он оглянулся по сторонам, — то скажу я вам, они весьма прелюбопытнейшие создания, глазищи… огонь, устоишь ли разве, но…

— И как, удачно-с?

— Н-не совсем, должен признаться. — Святополк-Мирский досадливо махнул рукой. — Туземцы они и есть туземцы. Прав был наш славный Ермолов, без них спокойнее.

Стоявший неподалеку Кундухов резко обернулся:

— Вам лично, господин полковник, они перешли дорогу?

Святополк-Мирский сделал удивленное лицо, не понимая, в чем, собственно, он провинился.

— Вам-то что за дело до них? — продолжал Кундухов.

— Позвольте, я что-то не так сказал?

— Вот именно. Вы изволили… Прошу запомнить, господин полковник, люди, о которых вы столь пренебрежительно и двусмысленно отзываетесь, ничуть не хуже других. И понятие о чести, кстати, у них выше, чем у нас с вами, и гордости побольше.

— Я, признаюсь, не совсем понимаю вас, господин Кундухов.
Горцы были и остаются нашими злейшими врагами, и если, отозвавшись о них, я чем-то оскорбил вас, то покорнейше прошу меня извинить. Коли вы не удовлетворены…

— Полноте, полноте, господа, — вмешался командир Гребенского казачьего полка Беллик, — что за ребячество! Право же, Муса Алхазович, я вас не узнаю.

— Действительно, господа! — повернулся от окна и наказной атаман Терского казачества Христофор Егорович Попандуполо.-
Не разводите канитель. Стыдно-с…

В зал вошли начальник штаба полковник Свистунов и князь Туманов.

— Рассаживайтесь, господа, — громко сказал Свистунов.-

Александр Петрович будет через минуту.

Вскоре в дверях показался Карцов, за ним шел Лорис-Меликов.

Карцов грузно опустился в венецианское кресло во главе стола под массивным портретом Александра II, застывшего на огромном полотне во весь рост.

— Господа офицеры, — начал он густым басом, — обстановка в Терской области всем вам хорошо известна. В целях усмирения и умиротворения края правительство наметило ряд мероприятий.

Главное и самое важное из них — это удаление из края хотя бы половины чеченского населения, как нашего самого опасного и непримиримого врага.

При этих словах Святополк-Мирский, сидевший напротив Кундухова, повернул к нему голову и пожал плечами, словно говоря: "Ну что вы, голубчик, теперь скажете?" Кундухов заметил его движение, но никак не отреагировал.

К Святополк-Мирскому вернулось хорошее расположение духа. "Бог даст, совещание не затянется", — подумал он, и лицо его просветлело.

— …Будучи в Петербурге, я имел беседу с военным министром Милютиным по данному вопросу. Наш государь одобряет начинание кавказских властей. Ответственность за успешное завершение дела в первую очередь ложится на вас. Поэтому мне бы хотелось узнать о положении дел в Чечне. В общих чертах о ситуации мы знаем из записок начальника области. Окружных же начальников прошу остановиться на этом вопросе поподробнее. С вашего разрешения, предоставлю слово начальнику Среднего военного отдела.

Поднялся князь Туманов. Генерал-майор Попандуполо и полковник Беллик, сидевшие сбоку от него, одновременно чуть отодвинулись в разные стороны.

Туманов потянул книзу полы мундира, плотно облегавшего его стан, взял со стола исписанные листы.

— Ваше превосходительство, Александр Петрович, как всем известно, под моим началом находится Средний военный отдел Терской области, в которой живет чеченское племя, самое воинственное, самое мятежное и самое многочисленное из всех племен покоренного нами Кавказа. Хотя я регулярно и достаточно подробно делаю письменные доклады его превосходительству генерал-лейтенанту Лорис-Меликову, но поскольку вашему превосходительству это угодно, то изложу ситуацию во всех деталях.

"Этот не скоро кончит, — подумал Святополк-Мирский. — Ну до чего несносный народ эти грузины. Как заведет речь, так на два часа, как поднимет тост, так на час. Ну вот, я же знал, что он опять повторит то, о чем говорил уже дважды. Ничего не поделаешь, такая порода. Столько наговорят лишнего, второстепенного, пока до сути доберутся. У всех одна и та же болезнь — медом не корми, дай только поговорить".

У Николая Ивановича была веская причина беспокоиться. Она касалась младшей из трех дочерей Лорис-Меликова, с которой на сегодня у него было назначено свидание. Николай Иванович всего несколько раз виделся с девушкой, но был ею покорен. Он и сейчас словно видел ее смуглое курносое личико с черными, как две смородинки, глазами. Как не влюбиться в эту стройную веселую красавицу со смешанной русско-кавказской кровью! При воспоминании о вчерашнем бале у него вновь начала кружиться голова. Соня дарила ему и мазурку, и вальс, а ее прелестные губки были в непрестанном движении и то и дело раскрывались в радостно-счастливой улыбке. До сих пор он чувствовал нежный аромат ее редких духов.

А как была счастлива мать ее, Нина Ивановна! Как восторженно она следила за ними. О, это был прекрасный вечер. Единственный запоминающийся вечер из тех, что он провел на Кавказе.

Повторится ли он?

Туманов между тем еще не добрался до главного, с чего, по мнению Николая Ивановича, ему следовало бы начать.

— …Стесненное положение чеченского населения в поземельном владении вызывает меры к обеспечению в будущем быта этого племени — прикреплению их к земле, обратив в мирных граждан, — говорил Туманов с характерным грузинским акцентом. — Но эта последняя цель при громадном населении Чечни не осуществима, а посему единственным средством к разрешению вопроса нужно признать удаление из Чечни определенной части населения…

Однако, чтобы избежать необходимости прибегать к насилию, предоставляется возможность употребить другое средство — возбуждение в чеченцах желания к переселению в Турцию.

Начальник области возложил на меня обязанность по исполнению этой ответственной задачи, для коей я не жалею сил и времени.

Если нам удастся решить эту задачу, то последствия ее принесут двоякую пользу: ослабят враждебное нам население и навсегда отобьют охоту к новым волнениям…

"Господи, — взмолился Святополк-Мирский, — когда же он закончит!" Николай Иванович начинал нервничать. Его уже раздражал не только голос Туманова, но и густые жесткие усы, и горбатый нос князя. Он чуть было не чертыхнулся вслух. "Ну зачем столько слов, доказывая, что дважды два — четыре".

Головаченко увлеченно рисовал что-то на листе бумаги. Николай Иванович скосил глаза: всадники, женские головки и… он чуть не прыснул в кулак — лысая голова сидевшего в конце стола Комарова, командира 77-го Навагинского пехотного полка. Взгляд его задержался на рисунке внизу. На виселице, склонив голову набок, висел тощий бородатый горец без одной ноги и без одной руки.

"Похож на Бойсангура, — подумал он, — которого полковник раненым взял в плен и вздернул в Хасав-Юрте перед церковью".

— …Согласно данному мне поручению, через моих лазутчиков я слежу за расположением умов в Чечне. Пока сведения, получаемые мною, обнадеживающие. Полагаю, что переселение пройдет успешно. Однако я до сих пор не высказал чеченцам свой взгляд на этот предмет, даже иногда с осторожностью высказываюсь против переселения,

конечно, с одной целью: не обнаружить наше участие в данном деле. На всякий случай потребуются несколько человек, готовых переселиться, которые, став во главе партии, облегчат нашу задачу…

Карцов устало поднял голову, сдвинул на лоб очки в золотой оправе и заметил:

— Кажется, Михаил Тариэлович ходатайствовал перед его высочеством об отпуске денег для вознаграждения таких лиц, и мы эту просьбу удовлетворили.

Карцов посмотрел на Лорис-Меликова.

Тот ответил:

— Да, я отпустил десять тысяч серебром. Думаю, Александр Георгиевич расходует их на пользу дела.

Прерванный Туманов продолжал свою речь:

— … Мои агенты доносят мне о каждом шаге чеченцев. Все говорит о готовящемся восстании. Правда, подобные слухи ходят почти каждую весну. Но может быть, восстание спровоцируется подготовкой массового переселения. По сведениям, полученным мною, восстание приурочено к концу мусульманского праздника.

Наша задача — подавить мятеж в самом его начале. Для его подавления потребуется сила. На сегодня мы имеем в Чечне четыре полка регулярных войск, один драгунский полк, один стрелковый и двадцать восемь линейных батальонов, пять конно-артиллерийских батарей. Кроме этого, пять бригад терских казаков. Думаю, что этих сил для Чечни недостаточно. Если нам придется силой удалять чеченцев из края и предупреждать их восстание, нам необходимо, во-первых, расположить регулярные войска возле Воздвиженской, Грозной, Ханкалы, в сторону Бердикел. Во-вторых, оба эти отряда должны быть самостоятельны, готовы к быстрому движению и должны иметь особых отрядных начальников с чрезвычайными полномочиями.

Выдвинуть эти отряды на указанные позиции мы должны не позднее середины апреля. Чтобы не вызывать подозрений у чеченцев и у самих солдат, это надо сделать под видом очистки огромного пространства сенокосных мест возле Грозной и Воздвиженской, которые пропадают под бурьяном и кустарником, мешающими росту трав. И, в заключение, я думаю, пользуясь присутствием Кундухова, следует разрешить очевидные разногласия между майором Успановым и майором Ипполитовым.

Лорис-Меликов неодобрительно покачал головой.

— А есть ли в этом необходимость? — спросил он. — Донесения Ипполитова я передал Мусе Алхазовичу, от которого и получил исчерпывающий ответ. Эти слухи исходят не от Сайдуллы. Мы-то хорошо знаем, что у него много недоброжелателей как в лагере противника, так и в лагере единомышленников. Так не специально ли распускаются слухи, чтобы навредить Сайдулле? Обо всем этом нам и расскажет Муса Алхазович.

Святополк-Мирский беспокойно ерзал на стуле. Он уже потерял всякую надежду на встречу и от нечего делать принялся рассматривать плешивого начальника штаба Свистунова, удобно расположившегося слева от Лорис-Меликова. Длинное лицо, тонкие губы, маленькие, глубоко посаженные глазки говорили о жестоком характере этого человека. Жалости он и в самом деле не знал.

Он беспощадно и даже жестоко расправился с горцами, восставшими недавно в Ичкерийском и Аргунском округах. Это он через двенадцать лет торжественно проводит Лорис-Меликова с Кавказа, воздвигнет в его честь курган около Моздока, займет пост начальника области и год спустя потопит в крови последнее крупное восстание в Чечне… Генерал Кундухов, играя темляком сабли, презрительно следил за хитрым Белликом. Услышав свою фамилию, вскочил.

— Вырвать бы все языки, клевещущие на Сайдуллу! — сверкнул он глазами. — Какие основания жаловаться есть у Ипполитова? Сидит в Шатое и собирает бабские сплетни. Этой лисе преподнесли в дар более тысячи десятин земли. За что? За какие заслуги?

Перед всеми расстилается. Женился на чеченке. Отбирает последние клочки у горцев и раздает родственникам своей жены.

Майор Ипполитов сам сеет смуту в Аргунском округе. Все его донесения, которые, кстати, противоречат одно другому, вызваны лишь ненавистью к Сайдулле. Будь иначе, он не кормил бы нас сплетнями. Я вынужден заявить прямо: все, что Ипполитов пишет в отношении майора Сайдуллы, есть ложь и клевета. Я не только не сомневаюсь в нем, напротив, считаю своим долгом доложить вам, что успеху дела мы будем обязаны только ему, Сайдулле.

В скором времени вы в этом убедитесь. Крайнее мое негодование вызывают некоторые начальники округов. Они если и не противодействуют, то во всяком случае плохо понимают важность начатого нами дела, которое, кроме всего прочего, для меня является и делом престижа. Как и Сайдулла, я твердо убежден, что переселение состоится, и состоится именно так, как того мы желаем. Я никого не успокаиваю и делать этого не собираюсь.

Успокоиться сейчас — значит допустить непоправимую ошибку.

Чечня есть Чечня. Мы с вами ее хорошо знаем. Но знаем еще и другое. Ипполитов не одинок, таких вот Ипполитовых много. И если они и им подобные не испортят нам всю обедню, то в нашем крае водворится наконец долгожданный мир.

Полковник Экельн, друг Ипполитова, с трудом дождался, пока Кундухов сядет.

— Генерал, — сказал он, с ненавистью глядя на Кундухова, — в корыстных целях искажает истинное положение в Чечне. Как говорится, не так страшен черт, как нам его малюют. Кроме того, господа, меня оскорбляют слова: "Чечня — опасный и грозный противник". Это же курам на смех. Мы люди военные и хорошо знаем историю России. Нет на земле силы, способной противостоять русскому оружию! А здесь господин Кундухов разглагольствует о чеченцах, которых, откровенно говоря, можно и шапками закидать.

— Браво, господин Экельн, браво! — презрительно засмеялся Кундухов. — Вы преуспели в изучении России, но знаете ее лишь настолько, насколько это выгодно вам. Между прочим, людям, которые

приехали в страну ради денег, чинов и почестей, больше знать о ней и не требуется. Тем не менее я постараюсь пополнить ваши знания. Героический русский народ сбросил с себя татаро-монгольское иго. Дал по зубам тевтонам, шведам, шляхам и французам, которые посмели вторгнуться в его земли.

России понадобилось чуть больше года, чтобы покорить Казанское и Астраханское ханства. С небольшим казачьим отрядом Ермак завоевал Сибирь. Из Кавказа изгнали турок и персов.

Триумфальным маршем продвигаемся по Туркестану. Однако уже восемьдесят лет мы ведем беспрерывную войну за покорение маленькой Чечни. И говоря откровенно, она и по сей день не покорилась нашей империи. "Несчастным чеченцам" оказалось мало тех шапок, которыми мы закидывали большие города, а то и целые государства. Не хватило наших шапок для маленькой Чечни. Наше оружие и наши победоносные войска перед ней оказались бессильными, господин Экельн. Даже сегодня, в мирное время, мы постоянно держим в области сорок шесть батальонов пехоты, три полка донских казаков и один драгунский полк. На днях из Кубанской области сюда переведены еще два полка. Я уже не упоминаю о пяти бригадах терских и сунженских казаков. В случае внешней войны нам придется вывести из Чечни половину находящихся в ней войск. Излишне говорить, что может тогда произойти в Чечне. Думаю, меня не назовут льстецом, если скажу, что не будь во главе области Михаила Тариэловича, который хорошо знает край и его жителей, здесь постоянно лилась бы кровь. Экельн изучал историю Российской империи, но совершенно не знает историю Кавказской войны. Поэтому я посоветовал бы ему изучить для начала историю полка, которым он командует. Этот полк уже ровно сто сорок лет воюет в Чечне.

— Я не нуждаюсь в ваших уроках! — дрожа от злобы, выкрикнул Экельн.

— Кавказ учит глупцов, не считаясь с их желаниями…

— Господин Кундухов…

— Успокойтесь, господа! — вмешался Лорис-Меликов. — Мы собрались здесь не ссориться между собой. Эдуард Филиппович,

должен, однако, заметить, что если мы вашими глазами будем смотреть на чеченцев, то еще не один и не два года проканителимся с ними. Не вижу необходимости и в том, чтобы кто-то здесь защищал или обвинял майора Ипполитова. Он дельный человек и неплохой администратор. Возможно, Сайдуллу он не понял, а потому и ошибся. Но донесение его написано от чистого сердца. Среди народа усиленно распространяются слухи, согласно которым правительство якобы намерено разоружить чеченцев, сделать из них солдат, обратить в христиан и тому подобное.

Ваша первейшая задача, господа окружные начальники, решительно опровергать эти слухи и бороться с ними. Кстати, командированный мной полковник Муравьев с этой задачей справился. Не позже конца апреля нам предстоит отправка первой партии. Еще раз повторяю: переселить всех желающих за один год мы не сможем. Но в первую очередь попытаемся спровадить тех, чье присутствие здесь крайне нежелательно. Остальные же пусть приступают к весенним работам. Я думаю, Александр Петрович, вы скажете завершающее слово и мы сможем отпустить господ офицеров.

Карцов осторожно снял очки, положил их на стол, откинулся на спинку кресла.

— Итак, господа, — сказал он, — опасения наши не напрасны. Горцы покорились, но не примирились. У них достаточно сил, чтобы нанести нам удар. Кроме того, правительство крайне обеспокоено организацией зикристов, число которых возрастает с каждым днем, а также военно-спортивными играми, проводимыми в аулах.

Не будет нам покоя, пока мы не расселим среди горцев еще несколько казачьих полков, пока не укрепим старые крепости и не возведем новые. На это требуются время и средства. Но прежде нужно выдворить из края половину чеченского населения.

Куда? В центральные губернии России? Хлопотно. К тому же окажут сопротивление. Самый простой и надежный способ — переселение в Турцию. Уже почти год мы готовимся к нему. О наших замыслах горцы не должны даже догадываться. Напротив, местные власти пусть отговаривают их от намерения переселиться. Саму же суть дела следует хранить в глубочайшей тайне. Если они дознаются о

нашей заинтересованности, то никакими силами их уже не сдвинешь с места. А часть горцев в любом случае должна быть удалена. Это твердое решение правительства. Поэтому под видом тактического учения все воинские части области следует сосредоточить в Чечне. К вам же, любезный Христофор Егорович, такая просьба: на всякий случай срочно поставить под ружье казаков третьего запаса.

Придумайте сами какую-нибудь внешнюю угрозу. Теперь, господа офицеры, не смею задерживать вас более.

Карцов и Лорис-Меликов задержались и некоторое время сидели молча. Первым тишину нарушил Карцов.

— Сегодня мои догадки в отношении Кундухова подтвердились,-

Карцов вышел из-за стола, прошелся по кабинету. — Опасный он человек. Очень опасный. У него глубоко затаенная ненависть к России. И временами, вопреки его воле, она прорывается наружу.

Я рад, что он оставляет этот край. Вы согласны со мной, Михаил Тариэлович?

Лорис-Меликов не спешил с ответом.

— Интуиция не обманывает вас, Александр Петрович. Пока, хочет он того или нет, он оказывает России огромную услугу. Но рано или поздно он, конечно, изменит нам.

— А Сайдулла?

— То же самое. Надеюсь, что в самом скором времени они оба уберутся отсюда. Это меня несколько утешает.

Во второй половине дня погода внезапно испортилась. Солнце скрылось за плотными облаками, с севера подул холодный ветер.

Карцов выглянул в окно. Небо заволокли грозовые тучи. В случае дождя он не скоро попадет в Тифлис. Настроение у Карцева испортилось. Лорис-Меликов отлучился на несколько минут, оставив его одного. Александр Петрович вдруг вспомнил спор Кундухова и Экельна об истории Кавказской войны. В одном Кундухов прав: никогда нелишне оглянуться назад. Ведь впервые вулкан в Чечне

взорвался еще в 1708 году и с тех пор действует активно, затихая лишь на весьма короткие периоды…

* * *

Национально-освободительная борьба чеченского народа по своему характеру и движущей силе имела особенности, которые отличали ее от борьбы других горцев.

В длительной борьбе с татаро-монгольскими ханами и полчищами Тимура чеченцы, которые не хотели покориться им, несли огромные потери, пока, наконец, завоеватели не вытеснили их с равнины, загнав в горные ущелья. На захваченных землях впоследствии надолго засели калмыцкие султаны, ногайские ханы, кабардинские и дагестанские феодалы. Стремясь к расширению владений, они постоянно вели между собой ожесточенную борьбу за землю, вовлекая в свои кровавые распри подвластные народы.

Больше всех страдали чеченцы, которые находились в особо зависимом положении. Они переходили из рук одного чужеземного феодала в руки другого, но ни один новый владетель нисколько не пытался облегчить их участь. Чеченские общества выступали против пришлых феодалов, но выступали разобщенно, а потому их борьба кончалась безуспешно.

В начале XVIII века Кавказ стал ареной противостояния великих держав. Иран и Турция стремились расширить и укрепить на Кавказе свое владычество. Сюда же тянулись и щупальца западных держав. Особенно длинными были они у Англии. Всем хотелось стать не только хозяином прекрасного и богатого края, но и обладателем крайне важного стратегического плацдарма. Ведь Кавказ являлся своеобразным природным трамплином, с которого можно было совершить прыжок в Месопотамию, Индию, на Восток.

Именно тогда началась политическая и дипломатическая борьба, которая постепенно перешла в кровопролитные войны, и народы Кавказа оказались вовлеченными в их бурные водовороты. Иран и Турция, используя военную силу, политические и дипломатические маневры, убийства, подкупы и фальсификацию, стремились

переманить на свою сторону те или иные народы Кавказа, а точнее, их феодальных правителей.

В господстве над Кавказом не менее других, если даже не более, была заинтересована и царская Россия. Лишенная выхода к морю на юге, она, в случае покорения Кавказа, сразу становилась хозяйкой не одного, а двух морей, чьи порты становились воротами богатых восточных рынков.

В столь острой борьбе за Кавказ Россия имела ряд преимуществ.

Если феодальные Турция и Иран уже миновали период своего расцвета и начали загнивать изнутри, то Россия была молодой и великой державой, только начинавшей свое развитие. Если Иран и Турция продолжали оставаться во мраке средневековья и тисках клерикализма, то Россия делала головокружительные шаги по пути прогресса. Если Турция и Иран не только не способствовали экономическому и культурному развитию кавказских народов, а даже более того, пытались поддерживать их отсталость на целые столетия, то Россия могла дать им и то, и другое. Кроме того, многие кавказские народы уже испытали на себе последствия жестокого правления шахских и султанских завоевателей. Когда перед народами Кавказа встала реальная альтернатива — с кем им быть, — они без колебания приняли сторону своего великого северного соседа.

Кроме этих причин, чеченцев толкало к союзу с Россией и их стремление сбросить с себя вассальную зависимость от калмыцких, кабардинских и дагестанских феодалов. Однако в борьбе за владение Кавказом царизм применил уже знакомые, присущие всем колонизаторам средства: то натравливал друг на друга местных феодалов и правителей, то разжигал межплеменную вражду, то подстрекал подданных против своих властителей, а потом сам же помогал последним усмирять восставших против них холопов, то принимал в свои пограничные крепости беглых крестьян, и даже покровительствовал им, а потом выдавал их прежним хозяевам, добившись от горских феодалов политической или другой какой-нибудь уступки.

Но появилось немало феодалов, которые были недовольны политикой царизма. Их возмущало стремление властей взять под свой контроль горцев, а главное — стремление захватить их земли. Поэтому феодалы довольно часто оказывались в оппозиции к царским властям, а отдельные вступали даже на путь прямой борьбы с царизмом и искали для этого поддержку в Турции.

Власти же поступали соответственно действиям и тех, и других:

жестоко расправлялись со строптивыми и не скупились на чины, ордена, крупные жалованья и пожизненные пенсии для послушных их воле.

В начале XVIII века антифеодальная борьба в Чечне приняла одновременно и антиколониальный характер. Дело в том, что кабардинские князья и чеченские старшины, чувствуя, что они бессильны подавить сопротивление крестьян, обращались за помощью к царским воеводам в Терки, Кизляре и Астрахани и охотно помогали им в усмирении крестьянства. Но, поскольку царские войска не могли постоянно находиться в Чечне, а народ после ухода карателей немедленно выходил из повиновения, чеченские владетели и старшины добивались от царских властей разрешения на переселение вместе со своими крестьянами на реки Сунжу и Терек, поближе к крепостям и укреплениям Кавказской линии. В том и другом случае царские власти охотно пошли навстречу желаниям феодалов, но с одним условием — феодалы примут присягу на верность российскому царю.

Применял царизм и экономическое давление на горцев. Особенно на непокорных чеченцев, которым либо запрещалась свободная торговля с русскими городами на Тереке, либо для них устанавливалась слишком высокая пошлина; кроме того, им был запрещен вывоз соли и железа. Словом, всех торговых привилегий чеченцы были лишены.

Усмирение чеченцев и восстановление свергнутых ими владетелей сопровождались разрушением аулов, уничтожением посевов, угоном скота, взятием аманатов из аулов. Этих аманатов, по существу — заложников, содержали в ряде тогдашних пограничных крепостей.

Одновременно проводились конфискация земель в казну, постепенное вытеснение местного населения в предгорья и горы, возведение новых крепостей и военных укреплений.

Первое крупное антифеодальное и антиколониальное выступление чеченцев произошло в 1708 году. К восставшим присоединились не только соседние народы, но и казаки-раскольники с Кубани.

Восставшие осадили город Терки, но потерпели поражение в крупном сражении с войсками под командованием Вельяминова и Апраксина.

В течение XVIII века на усмирение народа Чечни направлялись крупные военные силы под командованием генералов Апраксина, Ветерани, Дугласа, Фрауендендорфа, де Медема, Потемкина, Якоби, были предприняты две экспедиции донских казаков, калмыцких войск, походы полковников Кека, Рика, Коха, Пьера, затем генералов Теккели, Бибикова, Булгакова, Розена, Гудовича.

Колонизаторская политика царизма и жестокость его генералов вызвали в 1785 году всеобщее восстание в Чечне под руководством известного шейха Мансура Алдинского, охватившее все народы Северного Кавказа от Черного моря до Каспийского.

С этого времени война между царизмом и горскими народами приняла систематический характер.

Поначалу разобщенные, выступления горцев впоследствии приобрели организованный характер и стали для царизма крайне опасными. Каждое выступление народных масс выдвигало талантливых предводителей. Вслед за шейхом Мансуром, умершим в заточении в Шлиссельбургской крепости, появились Бейбулат, затем Кази-мулла, Шамиль. Долголетняя Кавказская война выковала Чечне способных военачальников, таких, как Шоип Центороевский, Талгик Шалинский, Юсуп-Хаджи Алдинский, Сайдулла Гехинский, Батуко Шатоевский, Гойтемир Ауховский, Бойсангур Беноевский, Эски и Соаду Мичикские, Атаби и Умма Зумсоевские.

Многие годы жизни пришлось посвятить Чечне знаменитому проконсулу Кавказа Алексею Петровичу Ермолову и его окружению —

генералам Грекову, Лисановичу и Вельяминову.

В схватках с чеченскими наибами участвовали победители турок генералы Орбелиани, Бебутов, Бриммер, Тер-Гукасов, Лазарев, герои Крымской войны Лиддерс, Тотлебен. Покоритель среднеазиатских ханств Кауфман, будущие военные министры Милютин и Чернышев.

Здесь, в Чечне, получали практические навыки ведения боя в лесных и горных условиях генералы Граббе, Фезе, Розен, Врангель, Круковский, Слепцов, Бакланов, Гурко, Евдокимов, Барятинский. Причем многим из них не раз приходилось спасаться от чеченских наибов. Шоип и Талгик создали в Чечне новую для военной науки школу. Шоип считался непревзойденным мастером лесных боев в ночных условиях, он впервые ввел тактику рассыпного боя. Талгик создал "кочующую батарею".

Российский офицер, не воевавший в Чечне, не считался настоящим "кавказцем". В годы Кавказской войны в Чечню устремлялись молодые аристократы, авантюристы и отчаянные головы.

Вот такой краткий экскурс в историю Кавказа совершил мысленно Карцов и подумал, что хотя этот осетин Кундухов и был груб с Экельном, тем не менее он сказал правду. Во всем виновато правительство. Ведь эти дети природы уже помирились с Россией.

И в первую очередь помирились столь буйные чеченцы. Но налаженные было отношения испортила местная администрация, которая повела в корне неправильную политику. Особенно, как выразился Кундухов, "эти чужеземцы". Да, пришлые встали у руля правления всюду. И больше всего — немцы. Начиная от царского двора до провинциальных администраций и штабов мелких воинских частей…

Заметив вернувшегося Лорис-Меликова, Карцов поднялся.

— Михаил Тариэлоевич, я тут еще поразмышлял… Ведь если начатое дело завершится успешно, то мы окажем немалую услугу России. Немалую… И вы уж постарайтесь.

— Пока нет никаких причин для беспокойства, — отозвался Лорис-Меликов. — Хотя трудностей предостаточно. В основном, в силу географического положения Чечни. Море облегчает лишь переселение кубанских горцев. А для переправки чеченцев в Турцию мы имеем только одну Военно-Грузинскую дорогу. Думаю, Александр Петрович, нужно немедленно истребовать через нашего посла дополнительные письма от турецкого правительства, в которых непременно должна быть оговорена местность. Знаю, турки постараются расселить чеченцев вдоль наших границ, чего ни в коем случае нельзя допустить. С первыми же партиями переселенцев следует направить наиболее благонадежных офицеров. Как я уже писал вам, необходимо также заранее командировать в Константинополь особо доверенное лицо с чрезвычайными полномочными правами по делам чеченских переселенцев.

— В Эрзерум отправится капитан Генерального штаба Зеленый. Что же касается сопровождающих партии офицеров, то я полагаюсь на вас, Михаил Тариэлович.

— Их список уже составлен. Как мы и договаривались с вами, генералу Кундухову я обещал сорок тысяч рублей по проследовании первых десяти партий, а остальные пять тысяч рублей — при отправке его семьи. Пять тысяч рублей обещаны и Сайдулле, половину которых намечено раздать переселенцам в виде помощи. Не был забыт и Цугов. Однако его внезапная смерть несколько усложнила дело. Но на его место мы уже нашли человека. Его племянника — Шахмал-бека. Одним словом, все наши издержки по переселению не превысят и семидесяти тысяч рублей.

Еще одно обстоятельство, Александр Петрович. Желательно было бы ускорить переброску через Одессу в Трапезунд сосланных вместе с Кунтой зикристов. В народе мы уже распространили слух о том, что они находятся в Трапезунде и готовятся к возвращению в Турцию…

На пороге появилась хозяйка.

— Милые мужчины, как вам не стыдно! — притворившись рассерженной, она погрозила пальцем Карпову — Александр

Петрович, вы со вчерашнего дня в нашем городе, а так ни разу не удалось даже посидеть рядом с вами. — Она подошла вплотную, взяла обоих под руки и повела к выходу — Только и знают — дела, дела, дела… Днем и ночью… Бедные мы женщины! Идемте, идемте, — уже строгим голосом сказала Нина Ивановна, обращаясь к слегка упиравшемуся Карцову — Дамы скучают.

— Каюсь и повинуюсь, Нина Ивановна. С сей минуты я в вашем единоличном распоряжении. Идемте, Михаил Тариэлович. Оставим пока чеченцев. Да, чуть не забыл. В Петербурге я вручил записку Милютину. Полковник Черкасов передаст вам ее копию.

Ознакомитесь с нею на досуге…

ГЛАВА X. СБОРЫ

Все покажем! Только дайтесь
В руки нам, и тут же -
Как прочнее строить тюрьмы,
Плесть нагайки туже,
Кандалы ковать, носить их
В сибирскую стужу,-
Все поймете, лишь отдайте
Родимые взгорья.
Остальное мы забрали -
И поле, и море!
Т.Г. Шевченко

Весна наступила неожиданно. Ярко засветило солнце, а через день-два уже и следов зимы не было видно. Дороги высохли, ездить стало не так опасно. Но гатиюртовцы, раньше любившие разъезжать в эту пору (сколько забот прибавлялось с приходом весны), на этот раз сидели дома. Только Хорта да еще человека два-три изредка покидали аул, остальные же словно оцепенели в ожидании какого-то чуда, хотя прекрасно понимали, что никакого чуда не будет, что многим из них придется навсегда покинуть родные места. Будущее виделось им еще более беспросветным, безысходным, не сулившим ничего хорошего, кроме новых страданий. Обглоданная кость голода не утоляет, а только усиливает его. Гатиюртовцы уже ни на что не надеялись, им словно бы стало безразлично, куда подаваться — в Турцию ли, в Сибирь ли. Что поделаешь, коли они кому-то мешают и стали лишними даже на своей собственной земле. А раз так, то и остается им только подчиняться воле Всевышнего. Более десяти семейств во главе с Шахби готовились к переселению в Турцию.

Остальные все же пока не решались примкнуть к ним: кто знает, что ждет их в чужой и незнакомой стране? А если вдруг и случится так, что в Турции окажется лучше, то успеют уехать и потом, если же нет — то и мучиться напрасно не стоит…

Мачиг был из тех, кто в своих решениях остается твердым до конца. Он первым явился к Шахби и дал свое согласие. И без промедления стал готовиться в дорогу. Первое и самое важное, что он должен был сделать, — это получить паспорт. Трудность же состояла в том, что ни сам Мачиг, ни кто-либо другой не знали, что такое паспорт вообще, где его получать, как. К счастью, все заботы по оформлению документов взял на себя Хорта. Не ради Аллаха, разумеется, а за определенную мзду: по одному туману[74] с каждой семьи. Хотя никто и не протестовал, Хорта все же не преминул разъяснить людям, зачем нужны ему эти деньги. Высоких-то чинов много — пристав, начальник округа, а в городе есть еще начальники и постарше. И каждого необходимо задобрить. Не красивыми словами, деньгами. Если же останутся какие-то копейки, то их ему, Хорте, не хватит даже на дорогу.

Мачиг верил Хорте и со свойственной ему поспешностью, словно паспорт уже лежал у него в кармане, готовился к отъезду.

Продавать ему, собственно, было и нечего: корова да бычок — вот и все его добро, с которым ему предстояло расстаться, прежде чем тронуться в путь.

Корову и бычка Мачиг пригнал на базар в Шали. До Шали было значительно ближе, но и народу там было гораздо больше — из Грузии, Осетии, Дагестана. И все приезжавшие хотели нажиться на скудном добре несчастных переселенцев. В первый день Мачиг с раннего утра до позднего вечера простоял на базаре, но так и вернулся ни с чем. Никто за корову не давал ему даже и половины ее стоимости. Как будто все сговорились между собой.

Конечно, их можно понять: хочется-то купить подешевле. Ну, а ему каково? Они-то должны видеть, что коли уж такой, как он, продает свою корову, значит все, значит, нужда довела. Он же не барышник какой-нибудь, не скупает и не перепродает втридорога. Если бы не переселение, он бы ни за какие деньги не отдал ни корову, ни бычка. Правда, скотом на базаре в Шали торговали отборным: покупателей около себя он за весь день так и не заметил. Бойко торговали грузины и дагестанцы: им было что предлагать. А он и рта не раскрыл, чтобы зазывать покупателей. Вот почему на этот раз он пошел не в Шали, а в

Червленую. Здесь, правда, народу собиралось поменьше, но зато было больше надежды найти покупателя.

Из Гати-Юрта Мачиг отправился накануне. В Червленой он провел ночь у Андрея, а рано утром пришел на базар. Дорога из Гати-Юрта была долгая, скотина за это время изголодалась.

Бедный Мачиг уже и не надеялся продать их за настоящую цену.

Спасибо Андрею, от свежего сена животные приобрели к утру вполне сносный вид, и теперь Мачигу совсем не стыдно было выставлять их напоказ.

Мачиг стоял на базаре не один, вместе с ним пришел и Андрей.

Как ни отговаривал его Мачиг, Андрей настоял на своем.

— Мои заботы никуда от меня не денутся, подождут, — сказал он. — А тебе без моей помощи не обойтись.

Зная, что Мачиг не приспособлен к подобного рода делам, Андрей решил продать его скотину сам. Корова, хотя и невзрачная на вид, была хорошей породы. В прежние времена за нее дали бы и тридцать рублей. Однако сегодня больше пятнадцати никто не предлагал. А вот с бычком повезло. Сразу нашелся покупатель, и они отдали бычка за двадцать три рубля. Все покупатели давали одну и ту же цену. Андрей злился.

— Пятнадцать рублей за такую корову? С ума сошли!

— Пятнадцать, и ни копейки больше!

— Премного благодарен. За такую цену постарайся купить в другом месте.

Эти же покупатели отговаривали других, тех, кто давал больше.

Подожди, мол, потерпи немного. Скоро сам отдаст ее и за десять рублей. Не тащиться же ему со своей коровой в Турцию! Кроме нас, он покупателей все равно не найдет.

Андрей слушал их и качал головой:

— Какие же вы несчастные люди! Радуетесь чужому горю. Побойтесь Бога!

Мачиг стоял в стороне и не вмешивался. Да он и не знал, о чем там у них идет разговор. Но по мрачному лицу Андрея догадывался, что дела плохи. Стоять просто так ему было скучно, и он решил пройтись по базару: может быть, встретится кто-нибудь из знакомых. Чеченцев сюда приехало много, но почти все прибыли с берегов Терека. Мачиг долго кружил в толпе и уже стал возвращаться назад к Андрею, как вдруг увидел человека, лицо которого ему показалось знакомым. Тот тоже взглянул на него и радостно улыбнулся. Мачиг вспомнил его имя — Данча. Они виделись всего лишь раз, да и то очень давно.

— Ассалам алейкум! — воскликнул Мачиг.

— Ва алейкум салам!

Они обнялись как близкие знакомые.

— Ты зачем пожаловал сюда? — поинтересовался Мачиг.

— Купить кое-что нужно.

— Ты не торговлей ли занялся?

— Нет, я в Турцию собираюсь,

— И ты тоже? — удивился Мачиг. — А когда?

— С первой партией.

Ему показалось, что Данча шутит.

— Нет, Мачиг, к сожалению, не шучу.

Мачиг все не отпускал его руку.

— Как же так? Ведь твои друзья, Арзу, Берс, Маккал, всегда были против переселения.

Грустные глаза Данчи потемнели. Мачиг понял, что он напрасно затеял этот разговор. Не стоило лишним напоминанием бередить душу. Но и отступать уже было неудобно. Хотя, почему и не поговорить? Ведь люди при встречах делятся тем, что их больше всего волнует. А переселение в Турцию — разве сейчас это не самое главное, разве оно не волнует всех чеченцев?

— Не по своей я воле еду, Мачиг, — ответил Данча.

— Не по своей? — невольно вырвалось у Мачига. — Зачем же тогда ехать?

— Ты знаешь, наш устаз Кунта-Хаджи вынужден был переселиться в Турцию. И все мои родственники решили последовать за ним.

Я просил, умолял. Не помогло. Ослушаться же тамады рода не имею права. Да и как расстаться с родными и близкими?

— Все поедем! — зло выкрикнул безрукий чеченец. — Все до одного! Там нам уже земли выделили и дома построили. Ждут нас, не дождутся. А глупый народ еще размышляет о чем-то!

Несдержанность безрукого не понравилась Данче.

— Нет, Алха, — сказал он. — Я еду не потому. У каждого есть обязанности, долг. А ты напрасно горячишься, Алха. Едут-то не все.

— Не все… Не все… — Алха скрипнул зубами и насупился.

— На одних страху нагнали, других обманули. Мужчин нет! — заорал вдруг Алха.

Люди останавливались, прислушивались.

— Перевелись настоящие мужчины! Наши отцы умерли за эту землю.

А мы ее добровольно покидаем.

— Эй, конах, ты о чем говоришь? — вмешался стоявший неподалеку незнакомый человек. — Ты что, хочешь, чтобы здесь все с голоду поумирали? Или стали христианами?

Алха и незнакомец начали препираться друг с другом. Мачиг не стал дожидаться окончания спора, он распрощался с Данчей и вернулся к Андрею.

Мачиг уже издали стал искать то место, где была привязана его корова, надеясь в душе, что ее там уже не окажется. В просвете между рядами он заметил знакомые ввалившиеся черные бока и понял, что Андрей все это время простоял напрасно.

— Двадцать рублей за нее давали, — тяжело вздохнул Андрей. -
А ей цена, как минимум, двадцать пять.

— Отдал бы… Я же говорил, и за восемнадцать можно. Скот-то подешевел. Потом, конечно, снова цена поднимется. Но у меня же нет времени ждать.

— Для бедняка, у которого каждая копейка на счету, пять рублей — слишком большая потеря. Может, к вечеру кто-нибудь даст нам и двадцать пять.

Мачиг ничего не ответил. Он уже потерял всякую надежду выручить и восемнадцать рублей. Но чтобы не огорчать Андрея, решил ждать вечера. Временами его взгляд останавливался на паре быков, хозяин которых молча поглядывал по сторонам.

"Почему же он до сих пор не нашел покупателя? — подумал Мачиг. — У него ведь очень хорошие быки". И стал в уме прикидывать, сколько бы ему понадобилось денег, чтобы купить таких. В том, что дорога предстоит длинная, сомневаться не приходилось. Значит, в дороге быки оказались бы как нельзя кстати.

— Сколько бы ты, Мачиг, отдал за эту пару? — спросил Андрей, проследив направление его взгляда.

— Чуть пораньше их можно было бы взять рублей за сорок — сорок пять. Теперь быки подорожали, — вздохнул Мачиг. И философски заключил:- Так всегда — одного нужда заставляет продавать, другому нужда не дает купить.

— Сколько у тебя денег? — спросил вдруг Андрей.

— Из дому я взял пятнадцать рублей, за бычка мы выручили двадцать три.

— Мало!

С минуту Андрей стоял в раздумье, затем снова обратился к Мачигу.

— За сколько бы ты эту пару быков взял?

— Даже не знаю, — пожал плечами Мачиг. — Меньше чем за пятьдесят-пятьдесят пять их не отдадут.

— За эту цену ты бы их купил?

— Почему же не купить! В следующий раз они будут еще дороже.

— Тогда подойдем, поторгуемся с ним. Поторопись, — сказал Андрей, видя, что Мачиг не трогается с места. — Ими начинают интересоваться покупатели.

— Надо сначала корову продать, — растерялся Мачиг.

— Я оставляю ее себе.

Мачиг не понял. Ни жена Андрея, ни он сам даже не заикнулись о корове. Какой же смысл Андрею покупать ее?

— Видишь ли, — стал объяснять Андрей, — хотя и не дают за нее больше двадцати, но настоящая цена ей двадцать пять. Вот двадцать пять рублей я и даю тебе. Согласен?

Мачиг никак не мог прийти в себя.

— Чего молчишь? — рассмеялся Андрей. Убытка себе я не причиню.

Через месяц-другой коровы подорожают, и я верну свои деньги.

Понял? Пошли, а то пока раздумываешь, без быков останешься.

* * *

Данча и Алха, сделав кое-какие покупки, поболтав со знакомыми казаками, уже направлялись домой, когда неожиданно лицом к лицу столкнулись с полковником Белликом. Встреча их не обрадовала, хотя полковник и был необыкновенно обходителен и вежлив.

— Салам алейкум, мои кунаки-шалинцы! — с притворным радушием воскликнул он, протягивая обе руки. — Рад видеть вас!

— Радуйся, полковник, — сказал Данча, ответив на приветствие.-

Чеченцы же уходят в Турцию. Прощайте, господин Беллик!

"Слушая их, можно подумать, что они с удовольствием покидают родину. Но это далеко не так. Я их, мерзавцев, хорошо знаю.

Нужно выпытать, что же у них на уме".

Полковник пришпорил коня.

— Куда вы?

— Домой.

— Нет, так не годится, друзья мои. Я обижусь, если вы не отведаете у меня хлеб-соль.

— Баркалла. Мы должны к вечеру успеть в Илисхан-Юрт, — ответил Данча. — Ехать далеко.

— Посидим, пропустим по чарочке, — не унимался полковник. — Кони ваши за это время отдохнут. — И уловив загоревшийся взгляд Алхи, решительно добавил:- Поехали!

Продрогший на холоде Алха считал, что не будет ничего плохого, если они немного побудут у полковника и хотя бы согреются.

Убогая одежда — старый бешмет со множеством заплаток, надетый на голое тело, да такая же рваная овечья шуба — не защищали беднягу от злого ветра. Обрадованный предложением полковника, Алха не дожидаясь ответа Данчи, хлестнул коня.

— Трогай за мной. Неудобно отказываться.

— Ты с ума сошел! Пора ехать домой.

— Приедем часом позже — невелика беда.

Данча досадливо тряхнул головой, но последовал за Алхой.

Просторное помещение, куда полковник ввел гостей и где он обычно принимал посетителей, подавляло своим пышным убранством. Бессмысленное нагромождение дорогих вещей, роскошные ковры и различное оружие, начиная с турецкого ятагана и кончая кавказской шашкой, развешенное по стенам, отражали не характер края, а тягу хозяина к богатству, его неуемную жадность, безумную страсть плебея, который случайно вырвался из своего круга и стал на одну ногу с сильными мира сего. Данча, не видевший на своем веку ничего, кроме суровых красот гор да обстановки убогих хижин, был невольно ослеплен, и, цокая языком, удивленно крутил головой, оглядываясь по сторонам.

Полковник снисходительно улыбался, незаметно наблюдая за поведением гостей. Он внутренне наслаждался и своим положением, и произведенным на горцев впечатлением. Сытое лицо его сияло от удовольствия. Алхе же крупное тело полковника, втиснутое в тесный мундир, напоминало огромную пиявку, досыта насосавшуюся чужой крови. Полковник кинул взгляд на Алху, который насупившись смотрел на портрет на стене.

— Это кто? — спросил он, указывая на портрет пальцем.

— Его величество император Александр II.

— Валелай[75],- покачал головой Алха. — Зачем ему столько орденов?

— Он их заслужил.

— Все они похожи на детские черепа. С лент на них течет кровь. Ордена дают тем, кто убивает. А сколько ты убил за этот ордул? — спросил Алха, указывая на орден Святой Анны на шее полковника.

— Ты тоже, Алха, не ангел, — уклонился от прямого ответа полковник.

— Я убивал тех, кто пришел на мою землю, чтобы убивать наших жен и детей, делать нас рабами. Это не одно и то же. Почему ты пришел сюда убивать? Разве Бог велел ему, — Алха кивнул на портрет, — убивать нас? Мы ему ничего плохого не сделали.

— Государь требует от вас всего лишь послушания. Но вы не внемлете голосу разума. И гибнете.

В кабинет вошел солдат, неся на вытянутых руках поднос с вином и закусками.

Беллик подождал, пока он расставил на столе тарелки с едой. Когда солдат исчез, полковник разлил вино, оглядел гостей с чуть заметной брезгливой гримасой и жестом руки пригласил их к столу.

— Все наши соседи покорились царю, — продолжил Беллик, обращаясь к Алхе. — Даже ваши соплеменники — ингуши. Только вы одни и мутите без конца воду. Шамиля еще и на свете не было, когда шейх Мансур поднял против нас почти весь Северный Кавказ. Затем Бейбулат… А зачем? Живите смирно, как ваши соседи — кабардинцы, осетинцы, черкесы, грузины, кумыки. И не надо вам будет никуда переселяться.

— Не наших предков винить за долголетнюю войну, — произнес Данча. — Винить надо жестокость царей и хакимов, их несправедливые законы. Говорят, и мышь кусается, когда ее хватают за хвост.

— Хорошо! Не будем об этом, — засмеялся Беллик. — Возьмем бокалы. Выпьем за то, чтобы вы счастливо добрались до Турции!

Данча пить вообще отказался. Алха же, наоборот, пил много.

— Ну зачем вам ехать в Турцию? Оставайтесь, — Беллик с каким-то тайным злорадством поочередно обращался то к одному, то к другому гостю. — Но… смиритесь…

— Царь нашу землю уже роздал казакам, князьям соседних народов и чеченским офицерам, — заметил Данча. — Что нам теперь здесь делать? А скоро нас и вообще обезоружат, обложат податью и мужчин заберут в солдаты.

— Вранье! Царь никогда не пойдет на такое. Он любит вас.

— Я повторяю не сплетню с базара. Так говорят уважаемые люди Чечни: Сайдулла, Алихан, Альгуло, Боташ, Хадис, муллы и хаджи.

Им нельзя не верить. Они говорят правду. А в Турции нам выделили хорошую землю. Там правоверный падишах.

— А народ? — допытывался полковник. — Народ-то как смотрит на все это?

— Эх, Беллик, Беллик, — грустно вздохнул Данча, — кому охота покидать родину и могилы предков? Но бедному приходится делать только то, что решит русский царь, — жить или умереть.

Алха в разговор не вступал. Он молча пил, не обращая внимания на хозяина, но одновременно прислушивался к тому, о чем говорилось за столом. Лицо его приобрело землистый оттенок, а глаза постепенно налились кровью. Он скрипнул зубами и с размаху ударил кулаком по столу. Задребезжала посуда.

Недопитый хозяином бокал опрокинулся, и вино расплескалось по скатерти. В кабинет вбежал солдат. Но Беллик движением руки показал ему на стол: убери!

"Ослы длинноухие, — в сердцах выругался он про себя, вытирая платком обрызганный вином мундир. — Разве с ними можно по-хорошему? Скоты!"

Данча посмотрел на товарища, взглядом упрекая его за несдержанность.

— Разве так ведет себя гость в чужом доме? — как можно спокойнее проговорил Беллик, хотя спокойствие это давалось ему нелегко.

— Разве это я в чужом доме? — взмахнув своей единственной правой рукой, выкрикнул Алха. — Нет, господин Беллик, это ты в чужом доме! Это я здесь хозяин, а ты — гость! Непрошеный гость! И ты еще собираешься учить меня, горца, как вести себя?

— Он вплотную приблизил к полковнику свое лицо, и тот подался назад. — А кто лишил меня руки, научил пить водку, а потом и вовсе пустил по миру? Посмотри на меня! Кто сделал меня нищим?

Данча с силой дернул его.

— Нет, Данча! Ты же видел, как эта свинья обрадовалась, когда мы сказали, что уходим в Турцию. Они хотят выгнать нас. Но не бывать тому! Слышишь, полковник, мы не уйдем в Турцию и не пустим тех, кто собирается туда! Это наша родина, наша земля, здесь похоронены наши предки. Нас осталось мало, очень мало, но мы еще в силах скрестить с вами сабли.

Полковник едва сдерживал радость: "Наконец-то, голубчик.

Этого-то я и ждал от вас. Значит, хотите повторить сороковой год? Хорошо! Я еще посижу с вами немного ради приличия, а потом и выпровожу. Нужно срочно написать донесение Лорис-Меликову. Они готовят восстание. Это несомненно. Сами выболтали, дикари".

Данча вновь резко дернул Алху, и тот умолк.

Над столом повисла тяжелая, напряженная тишина.

— Россия огромна, — нарушил ее полковник. — И она не нуждается в ваших землях. Царь беспокоится о вашем будущем и желает вам только добра. Если вы не станете подчиняться нашим законам, нашим порядкам, то здесь никогда не будет ни свободы, ни покоя.

— Подчиняться вашим законам? — прохрипел Алха. — Это еще хуже, чем переселение в Турцию. Нет, не мы пришли на вашу землю. Мы даже не знаем, где она находится, так что уходите вы. Тогда у нас появится свобода и вернется покой.

— Я одно хочу сказать тебе, Алха, — проникновенным голосом произнес Беллик. — Когда-то, триста лет тому назад, казанские татары точно так же возмущались, когда Иван Грозный покорял их. Разоружать татар было не менее трудно, чем вас. И они тоже считали, что это равносильно смерти. А сегодня? Они даже забыли, как стрелять из ружья. И вам не нужно оружие. Живите мирно, а от врагов защитим вас мы.

Алха вскипел:

— Мы не женщины, чтобы нас защищать! Мы сами умеем это делать.

Мы еще скрестим с вами наши шашки. Он хотел сказать что-то еще, но Данча перебил:

— Беллик-сардар[76], не слушайте Алху. Он пьян. Возможно, мы тоже будем в положении казанских татар, будем отдавать своих детей в солдаты, туда, где заставляют есть свинину, — сказал Данча с грустью. И решительно добавил:- Но это случится не теперь, когда край, данный нам Богом, будет им же у нас и отнят, а мы из мусульман превратимся в христиан. Так вот, чем дойти до такого позора, лучше уж жить в Турции.

Данча поблагодарил Беллика за гостеприимство, встал и поднял Алху, который еле держался на ногах. Данча вывел его на улицу и с трудом усадил на коня. Они шагом выехали из Червленой. В предвечерней тишине еще долго слышался гортанный голос опьяневшего Алхи, который грозил расправиться и с русской армией, и с чеченцами, которые согласились на переселение в Турцию. Теперь угрюмый Данча даже не пытался унять разбушевавшегося товарища.

ГЛАВА XI. ГАТИ

Если б печаль я мог выплеснуть на землю,
Грудь бы земная великая треснула.
Так безысходна печаль моя тяжкая.
Если бы пламенем горя зажег бы я реки,
Иссякли б они многоводные,-
Так оно пламенно, горе мое!
Чеченская народная песня

Когда Гати вышел на крыльцо, солнце еще только-только показалось из-за гор. Утро было довольно прохладное, а после крепкого сна в теплой постели это ощущалось особенно. Гати потянулся, сладко зевнул и, немного постояв, направился под навес, где хранился весь инвентарь, с которым ему предстояло выйти на работу в поле. Осмотрев деревянный плуг, еще раз проверив его на прочность, он остался доволен. Чинара была срублена им еще зимой. До весны она так высохла, что по прочности вряд ли уступала железу — гвоздь в нее не входил.

Он с минуту полюбовался делом своих рук, затем осторожно поднял соху и перенес ее в арбу. Туда же положил лопату, вилы, топор. Оставалось только запрячь быков. Он вывел их из сарая, и застоявшиеся животные, точно соскучившись по работе, бегом припустили за ним, пришлось даже несколько раз прикрикнуть, чтобы остудить их преждевременный пыл.

Гати особенно любил эту пору с ее бесконечными заботами и волнениями. С весной и внутри него что-то обновлялось и томило. Его тянуло куда-то, ему не сиделось на месте, и, чтобы хоть как-то убить время, он постоянно искал, к чему бы приложить ему руки. И неудивительно, что сегодняшний день стал для него праздником. Позавчера прошел сильный дождь, земля стала мягкой и сама уже просилась под соху. Заранее предвкушая удовольствие от предстоящей работы, Гати любовно потрепал морду черного быка, своего любимца. Тот сердито мотнул головой, а довольный Гати засмеялся:

— Глупый, дождались ведь!

Гати еще раз обошел арбу, оглядывая ее со всех сторон. Делать дома было уже нечего, а время тянулось томительно долго.

— Скоро ты там? — крикнул он жене.

— Сейчас! — отозвалась Эсет в приоткрытую дверь:- Потерпи минутку.

— Женщина, она и есть женщина, — в сердцах буркнул Гати. -
Принеси склянку с топленым жиром, колесо смазать. — Он уже взялся за налыгач, чтобы выехать на улицу, как услышал голос племянника Хабиба.

— Чего тебе? — недовольно отозвался он.

— Дада зовет.

— Иду!

"Понадобился я ему именно сегодня, — подумал Гати. — Обязательно что-то выдумает".

— Жена, я загляну на минутку к брату и вернусь, — бросил он, проходя мимо окна, волоча за собою искалеченную на войне ногу.

Дом старшего брата резко выделялся среди других своей величиной и добротностью. В доме был полный достаток — мулла ни в чем не нуждался. Конечно, не бесконечные поклоны, которые мулла отбивал Аллаху, и не завидное усердие в молитвах были причинами такого достатка. Уж кто-кто, а Гати знал об этом лучше других. Он не питал особо теплых чувств к своему старшему брату, но тем не менее слушался его.

* * *

Гати переступил через порог и остановился. Он надеялся, что разговор не затянется, и через минуту-другую он уйдет.

Шахби, вероятно, только что совершил утренний намаз.

Он продолжал сидеть все в той же молитвенной позе на деревянных нарах, подстелив под себя небольшой коврик. Закрыв глаза, он левой рукой подпирал щеку и вполголоса грустно напевал, медленно раскачиваясь из стороны в сторону:

Бесплотен ты, но вечно во вселенной,
Не нужным стал твой лучезарный лик.
Ислам! Осиротел ты, правоверный.
Пришедший не на век и не на миг…

Гати впал в отчаяние. Он понял, что ему нескоро удастся уйти отсюда. В таком состоянии Шахби мог находиться очень долго.

Ты праведен, но нет тебе опоры.
Твоя надежда в жизни — это Бог.
Нет у тебя друзей, ислам, которым
В тяжелый час довериться б ты смог.
Могилы предков заросли травою,
И нету веры преданным друзьям.
Не ладят с братом брат, сестра с сестрою.
Сегодня ты осиротел, о праведный ислам!

Мягкий, проникновенный голос Шахби тронул душу Гати, и он невольно залюбовался братом. Потеплевший взгляд его остановился на скорбно опущенном лице, изрезанном глубокими морщинами, на его крючковатом носе с хищно трепещущими тонкими ноздрями. Но лицо брата не казалось безобразным: высокий белый лоб как бы говорил о пытливости ума, а серебристые виски и такая же седая борода лишь усиливали такое впечатление.

Они забыли, что им жить не вечно.
Возмездия их не пугает страх.
Жизнь коротка, обманна, скоротечна,
Глумятся над тобой, о праведный ислам!

Кончив намаз, Шахби некоторое время сидел в своей излюбленной позе, не меняя скорбного выражения лица. Но вот он очнулся, открыл глаза и только теперь, казалось, заметил брата.

— Говорят, ты пахать собрался? — тихо спросил Шахби.

— Пора уже…

— А как насчет того, о чем я говорил тебе? Наплевать, да?

"Снова затянул старую песенку", с раздражением подумал Гати, но вслух ничего не сказал.

— Я твои мысли знаю: езжай, дескать, старый дурень, туда тебе и дорога. Умирай в чужой стране, как собака, а я здесь останусь. Ты ведь именно так думаешь?

— Шахи, — так Гати называл брага, — тебя никго не заставляет.
Ты со мной не советовался, все решил сам. Теперь почему-то хочешь обвинить меня. Я ведь полутруп. А если я еще держусь бодро, то только потому, чтобы тебе не быть в тягость. Только я начал становиться на ноги, а ты — поехали! Куда поехали?
Зачем? Я этого никак понять не могу.

— Ты же мусульманин.

— Почему мусульманин не может умереть дома? Зачем мне обязательно ехать в Хонкару? Что я там оставил?

— Ты глуп или глупым притворяешься? — нахмурился Шахби. — По всей Чечне один разговор — о Хонкаре.

— Люди в огонь — и я за ними?

— Побойся Аллаха. Не принимай на себя столь тяжкий грех.

— Я не преступник, я перед ним чист.

— Значит, христианином хочешь умереть? Разве на свете есть больший грех? Ты об этом подумал?

— Поздно, Шахи, из меня христианина делать — ничего не получится. Кем я родился, тем и в могилу сойду. Смерть я уже не раз видел, и она меня не сломала. Так чего же мне еще бояться? И шашка моя пока не заржавела… Так что оставь меня в покое и поезжай, пожалуйста, один…

— А что люди скажут, тебя не тревожит? Ты знаешь, о чем они подумают? Оставить единственного родного брата… Почему?

Нет-нет. Один я не могу уехать. — И уже более миролюбивым тоном продолжил:- Верь мне: хуже, чем есть, не будет… А я и паспорт на тебя выписал. Дом твой Товсолт купит. Я с ним и насчет цены договорился. Много за него не дадут, но дело не в деньгах. Денег у меня достаточно. Нам с тобой до конца наших дней хватит.

Шахби искоса наблюдал за братом: что, мол, ты на это ответишь?

— Шахи, — тихо проговорил Гати, избегая пристального взгляда старшего брата. — Я не могу себя пересилить. Столько пролито крови. Нет, это невозможно… Пойми, Шахи… Я тогда умру…

— Умереть-то мы рано или поздно все умрем. Но умерший вдали от родины попадает в рай. Пора, пора подумать о завтрашнем дне.

Подобные разговоры не впервые велись между братьями. И который раз младшему приходилось выслушивать одно и то же. Хватит!

Надоело! Теперь Гати решил твердо.

— Я не поеду, — сказал он мягко, но решительно. — День ото дня я чувствую себя все хуже. Мне недолго осталось… Хочу и буду рядом с отцом лежать…

— Знаю я, где тебе удобнее лежать! — Шахби сурово глянул на брата. — Не могилы предков тебя удерживают и не родина. Не кривил бы душой, а прямо говорил — кто. По всему видать, Эсет… Боишься, что умрешь, если оторвешься от ее подола? А кто тебя женил на ней? Забыл? Не будь меня, не видать бы тебе ее, как своих ушей. Оторваться от женщины не можешь! Позор!

Никогда в нашем роду не было баб в черкесках. А вот на старости лет довелось увидеть… О Аллах!

Гати подскочил к брату. В глазах у него потемнело, лицо и губы судорожно подергивались. Ярость и бессилие, злость и отчаяние, — все перемешалось, подступило к горлу и мешало дышать. Голова закружилась. Он почти терял рассудок. Такого оскорбления ему еще никто не наносил.

— Не будь ты моим братом, — хрипло зашептал Гати почти в самое ухо Шахби, — я бы тебе показал, кто из нас баба. Другому за такие слова язык бы вырвал. Я не так упитан, как ты, не так здоров, но мне стыдиться нечего. Война искалечила мое тело, но не мою душу. А заячьи души есть и у белобородых… Таких, как ты… Хорошо! Я поеду с тобой! Пусть будет по-твоему.

Надеюсь, я не умру с голоду и там. Но поеду с тобой не так, как хочется тебе… Я не продам дом, где жил отец, и землю, которую он пахал… Только так мне будет спокойнее умирать на чужбине. Человек обязан иметь свой дом на этой земле!

Гати повернулся спиной и захромал к выходу. Но на пороге его вновь остановил голос брата:

— На кого же ты оставляешь свое… богатство? Детей от тебя жена не рожала…

— Найду.

— Теще?

— Мое дело.

Гати с такой силой грохнул дверью, что Шахби от неожиданности подскочил.

— Оборванец… молокосос, — прошипел он и с ожесточением принялся листать жейны.

Эсет давно собралась и ждала мужа, но Гати задерживался, и это ее беспокоило. Она уже не раз выбегала за калитку, и с каждой минутой сердце ее щемило все сильнее, словно в предчувствии беды. Стоило же ей увидеть мужа, как она поняла, что ее самые худшие опасения оправдались. Заглянув в его лицо, она испуганно задрожала: таким страшным оно ей сейчас показалось.

— Что? — спросила она, и голос ее осекся.

— Все! Распрягай быков! — резко бросил он и, не останавливаясь, прошел в дом.

Эсет распрягла быков и загнала их обратно в сарай. Ноги ее подкашивались. Она прислонилась к стенке и разрыдалась. Только окрик мужа привел ее в чувство.

— Жена! Где ты там запропастилась? — еще более раздражаясь, крикнул он.

— Я здесь, — отозвалась Эсет, торопливо вытирая лицо концом платка. — Что ты хотел?

— Я передумал, — ответил Гати. — Едем в поле!

— Передумал? — машинально переспросила она, медленно приходя в себя. Сердце ее учащенно забилось, затрепетало, глаза радостно сверкнули. Она чуть ли не бегом бросилась обратно в сарай.

Гати не разделял восторга жены. Наоборот, он все сильнее хмурился и все больше мрачнел.

Муж молчал, и Эсет старалась не нарушать ход его мыслей. С первого дня ей стало известно о разногласиях братьев. Когда старший впервые заговорил о переселении, Гати все рассказал ей. Какое решение примет муж, Эсет не знала, но всякий раз, когда он возвращался от брата, сердце ее замирало. Вот и сейчас она временами оборачивалась и бросала тревожные взгляды на него.

А Гати мучился. Он тяжело переживал свое увечье. Эсет по возможности старалась облегчить его страдания. Она помнила его другим. Он всегда славился своей храбростью и мужеством, был ладно скроен и пригож лицом. Все девушки в ауле были в него влюблены и завидовали Белите, избраннице его сердца. Эсет тоже иногда поглядывала на него, но без волнения, потому что сердце ее принадлежало Арзу.

Не раз вражеские пули и штыки испытывали живучесть и прочность тела Гати. Но он, превозмогая боль, оправлялся от самых тяжелых ран и снова брался за оружие. Лишь страшная рана на бедре выбила его из седла. "Калека. Навсегда калека", — твердил он постоянно, словно желая смириться со страшной действительностью. Храброе сердце продолжало биться в его груди, но это, пожалуй, все, что осталось от прежнего Гати.

В своем несчастье он не винил никого. Эсет не припомнит ни одного случая, чтобы он нагрубил ей или накричал на нее. И не будь его, одному Аллаху известно, что сталось бы с ее семьей.

А он помогал всем, насколько хватало его сил. Благодаря ему мать, сестры и братья Эсет не испытывали нужды. Да ведь потому она и вышла замуж за калеку, чтобы не обречь их на голод. Но как она ни старалась возбудить в себе хоть какое-то чувство к мужу, если и не любовь, то хоть что-то похожее на нее, ничего не выходило. Она только напрасно растрачивала свои силы. Эсет любила Арзу. Он был и оставался ее первой и единственной любовью. Но раз она сама, по своей доброй воле выбрала подобную участь, следовало забыть об Арзу и смириться с судьбой. И ей постоянно приходилось следить за

собой, чтобы муж не знал и даже не догадался об ее истинных чувствах. Но он как-то мало обращал внимания на их отношения. Казалось, ему она была безразлична. Если бы у них родился ребенок, то возможно, и отношения складывались бы по-иному. Но Эсет знала, что ребенка у них никогда не будет. Знал о том и Гати, а потому в душе и страдал еще сильнее.

Гати восхищался Эсет. Он знал, что она любит не его, а Арзу, и что вышла за него не по любви, а из-за того, что нужда заставила. И если бы не предчувствие скорой кончины, он давно предоставил ей свободу, но, как на беду, продолжал жить…

— Эсет, — обратился Гати к жене. Он уже распряг быков и пустил их пастись. — Нам с тобой нужно серьезно поговорить. Я сегодня дал слово брату, и мы переселяемся в Турцию.

— Ты… — голос ее предательски дрогнул и сорвался. Она замолчала. Темнота подступила к глазам. Сердце Эсет сжалось, будто кто-то невидимый сдавил его, посягая на ее жизнь.

Значит, все рухнуло… Значит, ей предстоит покинуть родную семью и вместе с нелюбимым мужем ехать в чужую страну. Ради чего же она тогда пожертвовала и своей молодостью, и своей любовью?

— Зачем нам тогда пахать? — невольно вырвалось у Эсет. — Все уже свое имущество давно продали. Ты-то почему его не продаешь?

— Крепись, жена! — в тон ей ответил Гати. Ему ли не понимать, что творится в ее душе. — Ты знаешь, я никогда тебя не обижал.

Надеюсь, не обижу и впредь. Хотя, женившись на тебе, уже тем обрек тебя на несчастье…

Эсет удивленно посмотрела на него. Гати печально и ласково покачал головой.

— Да, да, Эсет! Это же правда. Любить одного, а выйти замуж за другого. Да еще по собственной воле. Не каждая женщина на это способна. Но беда-то еще и в том, что оба мы оказались в одинаковом

положении. Я ведь тоже любил другую… — Гати сделал паузу и отдышался:- Ты знаешь, что я противился нашему браку.

Я же любил… Белиту. Но она погибла, когда в последний раз горел наш аул. Если бы она осталась жива, мы бы непременно поженились. Только ты не подумай, что я не люблю тебя.

Люблю… Очень люблю! Как друга, верного и преданного!

Выражение лица Эсет ежесекундно менялось. Впервые за все эти годы муж раскрыл, распахнул перед ней свою душу. И она со все возрастающим любопытством вслушивалась в его слова:

— Сказать о том, что Шахи принудил меня к женитьбе — было бы неправильным. Я сам того хотел. Я не мог больше жить в его доме. Я мечтал жить отдельно, иметь свой угол. Но для этого нужно было жениться. Скорее даже, мне требовалась женщина, которая бы готовила пищу да смотрела за хозяйством. Ведь жить в пустом доме одному, а тем более с моим здоровьем, было невозможно. Где-то в душе я все же надеялся, что ты меня со временем полюбишь. Даже калеку… Мне очень хотелось, чтобы ты меня полюбила… И тебе тогда было бы легче. Но… потеряв такую надежду, я решил даже развестись. А вот здесь мужества мне не хватило. Я привязался к тебе. Думал, вот-вот умру, и тогда все наше хозяйство перешло бы к твоей семье. Я оставил завещание… Вопреки шариату…

Эсет сидела неподвижно. Слезы текли по ее мертвенно-бледным щекам.

— Почему мы сегодня вышли в поле? — Гати, лежавший на земле, приподнялся и обратил свое лицо к жене. — Дом, поле, имущество — все, чем мы владеем, я оставляю тебе. До отъезда я позову Маккала, Арзу, Чору и в их присутствии оформлю все как положено, чтобы потом не было лишних разговоров. И объявлю им о своем разводе с тобой. После этого и Шахи не сможет домогаться моего имущества, тем более, что мы вместе едем в Хонкару…

Эсет, не в силах больше сдерживать себя, с криком отчаяния бросилась к мужу и уткнулась лицом в его грудь.

— Не плачь, Эсет, не плачь, дорогая… Все забудется со временем. Твое счастье я разбил, а своего не нашел. Прости меня. Арзу человек благородный. Другого такого вряд ли найдешь. Вместе вы… будете счастливы. Ну, перестань, перестань… Иди, пригони быков, — Гати мягко отстранил жену.

Но она еще теснее прижалась к нему.

— Я не оставлю тебя, Гати! Я поеду с тобой. Только смерть разлучит нас! — выкрикнула она, судорожно всхлипывая.

Задыхаясь, почти теряя сознание, он с силой прижал ее к себе, чувствуя, как горячие слезы обжигают теперь уже и его щеки…

ГЛАВА XII. НА ПОСЛЕДНЕМ СОВЕТЕ

Всякий народ есть нечто целое, особое и индивидуальное. У всякого народа своя жизнь, свой дух, свой характер, свой взгляд на вещи, своя манера понимать и действовать. Мы думаем, что лучше оставлять всякому свое и, сознавая собственное достоинство, уметь уважать достоинство других.

В.Г. Белинский

Нохчмохк занимает восточную горную часть Чечни, покрытую вековыми густыми лесами, прорезанную глубокими ущельями, бурными реками.

Нохчмохк в переводе с чеченского языка означает "Страна чеченцев". Здесь историческая колыбель чеченцев. Десятки тысяч лет назад здесь обосновались их древние предки, впоследствии расселившиеся на равнине, вдоль поймы реки Терек вплоть до Каспийского моря. В течение тысячелетий чужеземные завоеватели не раз вытесняли чеченцев с равнин, загоняли в горы, но каждый раз они возвращались обратно.

В историю Кавказской войны Нохчмохк вошел под названием Ичкерия. После шейха Мансура, со времен Бейбулата Таймиева, Нохчмохк стал центром национально-освободительной борьбы не только чеченцев, но и народов Дагестана.

В годы имамства Кази-Муллы здесь впервые огнем и мечом прошел генерал Розен 1-й.

Первым в Чечне под знамена Шамиля встал опять-таки Нохчмохк.

Именно здесь, сначала в Дарго, а зачем в Ведено, Шамиль, изгнанный из Дагестана, создал свою резиденцию.

Выходцами из Нохчмохк были и знаменитые наибы Шамиля — Шоип-мулла Центороевский, Соиб Эрсеноевский, Батуко и Талгик

Курчалоевские, Эски Пойбердипский, Гойтемир и Уллубай Ауховские, Соаду Мичикский.

Нохчмохк дал чеченскому народу руководителя крестьянского восстания 1877 года молодого Алибека Симсирского, а в начале

XX века — знаменитого чеченского абрека Зелимхана Харачоевского.

Здесь в 1842 году генерал Граббе за один день потерял убитыми тысячу семьсот солдат и офицеров, а спустя три года князь Воронцов завершил свой печальный поход в горы, который вошел в историю под названием "Сухарной экспедиции", или

"Даргинского похода".

После 1845 года, вплоть до 1859 года ни один русский солдат не ступил на землю Нохчмохк.

Аул Беной был последним селением Чечни, сдавшимся русским войскам в июле 1859 года. В 1860 — 1861 годы он стал центром восстания во главе с Бойсангуром, а потом и восстания 1877

года под руководством Алибека Симсирского.

* * *

Аксай и Ямансу разделены крутым извилистым хребтом с густыми вековыми лесами. К юго-востоку от хребта ответвляется Терга-Дук. Вот на его-то отлогих склонах и раскинулись все постройки аула Беной. Беноевцы хорошо известны и в Ичкерии, и за ее пределами своим буйным и мятежным нравом. Не удивительно, что и теперь центром восстания избран именно Беной. Улиц в ауле нет, дома разбросаны по склонам лесистых холмов и оврагов. И это обстоятельство играло немаловажную роль.

Был поздний вечер, и казалось, все вокруг уже погрузилось в мягкий глубокий сон. Лишь кое-где мерцали огоньки, да слышался лай одичавших собак. Луна выбралась из-за туч, и на высоком холме в ее свете ясно обозначились силуэты двух всадников. Они стояли, оглядывая окрестности. Отсюда им хорошо был виден Беной-Ведено,

чуть выше Дарго, а еще дальше, у самой вершины Центороой, родина прославленного Шоипа, и гордалинские аулы.

Всадники медленно спустились в глубокий овраг, за которым уже начинался аул. Из лесу доносился терпкий аромат распустившихся почек. Резкий окрик остановил всадников:

— Кто идет?

— Мы — нохчи[77], - ответил Арзу, сдерживая коня.

— Пароль?

— Свобода!

— Иначе?

— Смерть!

На тропинку, залитую лунным светом, вышли, держа ружья наперевес, двое, зорким взглядом осмотрели всадников.

— Откуда?

— Из Гати-Юрта.

— Следуйте за нами.

Их повели по узкой тропе, которая то забирала круто вверх, то снова ныряла в овраг, коих на пути было великое множество.

Дом, к которому наконец их привели, стоял отдельно на другом конце аула. Слышно было, как где-то журчит ручей.

И снова пикет:

— Кто такие?

Арзу ответил.

— Пароль?

— Свобода!

— Иначе?

— Смерть!

— Проходите.

Они подъехали к калитке. Здесь у них приняли коней и куда-то повели через пустой двор. Стояла мертвая тишина. Казалось, что вокруг нет ни единой живой души. Но, приглядевшись повнимательней, приезжие заметили тени, мелькавшие где-то в глубине двора, за сараем. Люди занимались своими делами молча, привычно. Стройный юноша, шедший впереди, отступил в сторону.

Просторное помещение, куда они вошли, было заполнено до отказа. При тусклом свете коптилки, стоявшей в нише дальней стены, вдоль которой чинно восседали почтенные старцы, оба спутника стали различать знакомые лица. Переступив порог, они громко поздоровались. За исключением стариков, все поднялись в знак уважения и приветствовали прибывших стоя. Их попросили пройти вперед, на более почетные места, но Арзу и Маккал поблагодарили и остались у двери среди своих сверстников. Так им было удобнее.

Люди сидели на полу, застеленном войлоком. Когда глаза окончательно привыкли к полумраку, Арзу осмотрелся. Он увидел голые, черные от копоти, потрескавшиеся стены, дверь, затянутую старым паласом, прибитым к порогу двумя деревянными гвоздями. Крохотные оконца затянули бычьи пузыри. Ветер шаловливо стучал в них, словно хлопал в ладоши. Взгляд Арзу задержался на противоположной стене, покрытой войлочным ковром с незатейливым орнаментом и увешанной оружием: серебряными шашками, кинжалами, ружьями и пистолетами.

В большом очаге слегка потрескивали поленья, пламя облизывало массивный котел, висевший на толстых цепях.

Среди почетных гостей были всем известные Солта-Мурад из Беноя, Болатха из Регити, Богало из Зандака, Залма из Дзумсоя.

Ближе к порогу расположились более молодые гости — это Дада из Зумсоя, Берс из Шали, Губха из Гуноя, Тозурка из Алероя, Шоип из Майртупа, Тоза из Харачоя, Сулим-Хаджи и Сайдул-Хаджи из Беноя.

Солта-Мурад сказал что-то на ухо Болатхе, и тот объявил пятый намаз. Все поднялись, скинули с себя черкески, шубы и, расстелив их перед собой, пристроились за спиной Болатхи.

— Аллаху акбар[78]… - повторяли вслед за ним остальные, то и дело опускаясь на колени и отбивая поклоны.

Намаз длился долго. Исполнив все молитвенные ритуалы, Болатха воздел руки:

— О всемогущий Аллах, помоги и возвысь своих сыновей и дочерей, погибших в борьбе за родину и правоверный ислам…

— Амин!

— Аллаху амин!

— О всемогущий Аллах, будь опорой нам, освободи нас от гнета неверных…

— Амин!

— Аллаху амин!

— Фатиха!

Прошептав первый стих Корана, все одновременно провели ладонями по лицу и оделись. После чего в комнату вошли двое юношей, сняли котел, продев деревянную палку через ручку, и унесли его. А вскоре перед гостями появились низкие круглые столики, заставленные гурмой и сискалом.

* * *

— Кенти, — косматые рыжие брови Солта-Мурада поползли вверх.-

Почти все наши товарищи собрались. Не явилось всего лишь несколько человек. Будем ждать их? Или начнем? Как считаете?

— Начнем.

— Не будем терять время.

— В таком случае попросим Берса, сына Рохмада, коротко рассказать о положении дел в крае. Затем каждый из вас выскажет свое мнение по двум вопросам: как нам поступать с теми, кто изъявил желание переселиться в Хонкару, и когда лучше начать восстание — этой весной или подождать более удобного момента? Но прежде хочу вот о чем спросить. Есть ли здесь, среди вас, люди, которые потеряли веру в наше дело или же решили остаться в стороне?

Все переглянулись. — Нет.

— Если есть, то пусть они потихоньку уйдут.

— Нет таких, Солта-Мурад, нет.

— Тогда, — сказал радостно Солта-Мурад, — послушаем, что нам скажет Берс.

Берс начал издалека. Он вспомнил о долголетней борьбе народа за свою свободу, о жестокости царских генералов и чиновников.

— Тогда дальнейшее наше сопротивление было бессмысленным, — голос его окреп, — ибо грозило нам полным истреблением. Мы вынуждены были поверить обещаниям генералов, которые и не думали выполнять их. Нам не только не вернули наши земли, но и задавили непосильными поборами, несправедливостью. Народ недоволен новыми порядками. Он слышит лишь грубые окрики и брань. Как терпеть это? Смириться? Нет. Власти знают, что мы не смирились, и вот что они задумали: переселить половину населения

Чечни в Россию, отделить горные аулы от равнинных новыми казачьими станицами, построить новые крепости от Грозной до Ведено и по Аргуну до Шатоя. Если им удастся осуществить этот план, то тело нашего края будет разделено на пять частей. В результате мы лишимся не только внешней помощи, но и поддержки друг друга.

— Покарай их Аллах!

— Мы поднимемся все, как один!

— Поэтому, — продолжал Берс, — было решено стянуть сюда войска, арестовать вожаков, разоружить население, непокорных же отправлять в солдаты. Но от этого нас, кажется, спасло желание некоторых переселиться в Турцию. Ведь падишаху все равно, куда мы денемся, лишь бы подальше убрались с его глаз. Но есть здесь серьезное недопонимание. Многие считают, что раз турки мусульмане, значит, они наши братья. А разве вы не слышали о страшной судьбе адыгов, уже переселившихся в Турцию? Они продают своих детей, умирают от голода и болезней, нанимаются в турецкую армию. То же самое ожидает и нас, но люди словно потеряли рассудок и не хотят внимать голосу разума. А удержать их мы не можем, у нас нет сил. Вот такое положение на сегодняшний день.

На некоторое время воцарилась тишина. Нелегкие мысли охватили каждого. Солта-Мурад задумчиво гладил пушистого кота, устроившегося у него на коленях. Болатха, глядя на пол, перебирал четки.

— Разрешите мне, — попросил Залма, убедившись, что пока никто не собирается говорить. — Война — это единственное, что может остановить переселение в Хонкару. Надо немедленно начинать восстание.

— Нет, нельзя! — возразил Берс — Мы только погубим себя. Да и как поднять людей, уверовавших в турецкий рай? И в наших рядах, к сожалению, нет единства. Лучших наших людей сослали в Сибирь. Восстание в Польше подавлено, русских крестьян усмирили. Отношение России с другими государствами мирные.

Россия ни с кем не воюет. Многие наши люди, польстившись на дорогие подарки, переметнулись к царским властям. Так что своим выступлением мы сейчас только развяжем руки падишаху и начнем лить воду на его мельницу.

— Значит, никакого выхода нет? — подскочил тощий, долговязый харачоевский Тоза. Он весь подался вперед, словно намеревался напасть на Берса. Сильно вытянутая голова его дергалась на длинной жилистой шее с выпирающим кадыком. — Так какого черта мы теряем время? Нужно бросить клич по всей Чечне. Чем жить курицей, лучше погибнуть петухом! Аллах нам поможет.

— Не шуми, Тоза, не шуми! — оборвал его Маккал. — В Шали тоже уповали на Аллаха, а чем все кончилось? Твои воззвания к харачоевцам не приведут к добру. Ты вредишь общему делу, и твое поведение требует осуждения.

— Что ты хочешь этим сказать? — Тоза положил руку на рукоять кинжала.

— Я говорю, надо иметь голову на плечах и не своевольничать.

Речь идет не только об одной твоей жизни. Ты ставишь под удар всех нас и дело всего народа.

Тоза дернулся, как будто его ударили по лицу, но Солта-Мурад жестом остановил его и сказал:

— Сядь и успокойся, Тоза. Маккал прав. Кто еще желает высказаться?

— Вы затыкаете мне рот. А я говорю правду. Убьем Алхазова Мусу, Успанова Сайдуллу, Хадисова Женарали и других собак, склоняющих народ к переселению в Турцию, и тогда никто не отважится на переселение. Газават нужен! Газават!

Солта-Мурад отмахнулся от него, как от назойливой мухи, и обратился к Болатхе:

— У тебя есть что сказать, Болатха?

Болатха неторопливо сложил четки и положил их в карман бешмета. Пропустил сквозь кулак седую бороду.

— Я внимательно слушал вас. Да, наших людей ссылают в Сибирь.

И там они пропадают. Людям нечего есть. Нет земли. Ходят слухи о нашем предстоящем насильственном переселении в Россию. Одни уже собираются в Хонкару, другие пребывают в растерянности.

Мы теряем людей. Нас становится все меньше. Властям потом будет еще легче расправляться с нами. Нас ожидает участь осетин и татар. Их крестили. У нас отняли все, теперь отнимают веру. Одно из двух: или Хонкара, или газават. Третьего я не вижу.

Болатха был ярый кунта-хаджиец и стоял близко к устазу.

Конечно, его точка зрения опасна. И все-таки они доверяли ему.

По своей природе Болатха не был способен на предательство.

Кроме того, за ним стояла сила. И его участие в совете могло поднять авторитет всего дела.

Тоза был человек недалекого ума и не состоял в числе векилей Кунты-Хаджи. Непомерно честолюбивый, он тем не менее умел своим красноречием расположить к себе мюридов. Сам он даже считал, что может стать преемником устаза! Но мысли свои вслух не высказывал. Однако присутствующие поняли, на что намекал Маккал, и это приводило Тозу в бешенство. Кроме того, ходили слухи, что Тоза наделен необыкновенным пророческим даром.

Слухи, разумеется, распускались не без его помощи. Харачоевцы сделали вид, что поверили.

— Твоя очередь, Залма, — напомнил Солта-Мурад.

Но тот ловко уклонился:

— Послушаю, что скажут молодые.

— А ты, Арзу?

— Пусть сначала выскажутся муллы Богало и Маккал. Они мудрее меня.

Богало — личность в Ичкерии известная. Оратор. Слушать его — одно удовольствие. Никто не может состязаться с ним в красноречии, кроме разве что Нуркиши из Билти. Вначале Нуркиши горячо агитировал народ переселиться в Турцию, когда же дошло до дела — ушел в кусты. Коварный, хитрый, он умел ладить со всеми. И у властей был в почете. Правда, в последнее время к нему уже не было прежнего доверия. Богало же резко отличался от него. Он, как и гатиюртовский мулла Шахби, глубоко ненавидел царских служак и их власть. Богало открыто призывал народ к переселению, и сам готовился выехать с первой же партией.

— Болатха прав, — сказал он. — Хонкара или газават!

Видимо, сам он уже запасся паспортом, а судьба ближнего его мало интересовала.

Богало опять принялся за четки. Впрочем, ничего другого от него и не ожидали. В сердце этого человека не было боли, ненависть к русским лишила его и разума, и ясности мысли. На него не обижались. Его занимали лишь хлопоты, связанные с домочадцами, все же, что выходило за этот круг, было для него делом второстепенным.

Маккалу была понятна причина — слово Богало, поэтому он никого не стремился переубедить, говорил обо всем ровно, без лишней горячности, как о чем-то обыденном, но и в каждом его слове чувствовалась правда и выстраданная боль, слова его шли из глубины сердца. Ему невозможно было не верить еще и потому, что его тревоги и его переживания были обращены не на себя, а на народ, на его настоящее и будущее.

— Кому ведома тоска по родине, тот знает, что такое чужбина, — говорил он мягким голосом. — Грушевое дерево под родным окном дороже любых земных богатств. Сейчас же не одна-две семьи покидают родину, а целый народ. Это несчастье, это большое горе. Одна только мысль об этом уже разрывает мне сердце. Я не верю

никому, не верю ни падишаху-мусульманину, ни падишаху-христианину. И тот и другой преследует свои цели, и никого из них нисколько не волнует судьба несчастных горцев.

В Хонкаре нет клочка свободной земли. Нас же рассеют по всей стране. Если и не умрем от голода, то наши потомки через два-три поколения забудут родной язык и обычаи предков. То есть, они станут турками. То же самое ожидает нас и в России.

Но тут наши внуки станут христианами. Вы говорите — вера. Я не против. Но к чему она нам, если наш народ исчезает с лица земли? А что можно придумать страшнее этого? Мы не вынесем жестокости турок. Там мы лишимся даже тех прав, которые нам даны русскими властями. В Турции нет свободных людей. И там один угнетает другого. И там богатый делает с бедным что захочет. Не лучше и в России. Я бывал там и своими глазами видел российскую действительность.

— Значит, тебе безразлична судьба нашей веры? — перебил его Богало.

Холодная усмешка пробежала по лицу Маккала. Он сверкнул глазами, но ни одним движением не выдал своих чувств. И также спокойно продолжил:

— Люди поддались обману. Их зовут за собою богатеи и муллы.

Обещаниями земных благ они затуманили мозги беднякам, но им нет дела ни до кого из них. Богатые едут туда с набитыми карманами и надеются и там неплохо устроиться. Могу поклясться на Коране, что они уже договорились об этом с турками и каждый подыскал себе теплое местечко. А за ними слепо потянулись их бедные родичи, которые не имеют сил переехать не то что в Турцию, а из Беноя в соседнее Дарго. Вот кого жаль. Вот о ком нужно беспокоиться. Но их невозможно удержать, и посему лучше отпустить их. Пусть побудут в турецком раю. Я уверен, что они прозреют и побегут обратно. Тогда оставшиеся не тронутся с места.

— Так что ты конкретно предлагаешь, Маккал? — прервал его Солта-Мурад.

— Предлагаю не мешать переселению в этом году. Пусть едут.

— Как ты считаешь, нам этой весной следует начать восстание?

— Наше мнение с Арзу высказал Берс. Начало восстания необходимо отсрочить до более удобного момента. Кроме того, мы категорически против газавата. Одно это слово отпугивает от нас даже ближайших наших христиан-соседей, не говоря уж о дальних христианских народах. Это тянется со времен Кази-Муллы. Пора отказаться от ставшего сегодня вредным призыва. Тогда мы найдем поддержку у сочувствующих и в Грузии, и в России. Мы не должны повторять ошибки наших отцов. Вот что я хотел сказать.

— Надо полагать, ты высказал не только свое мнение, но и Арзу, и Берса?

— Да.

— Что ты скажешь на это, Залма?

— Я согласен с ними.

— Тозурка?

— Молодежь права.

— Губха?

— Они дело говорят.

— Сайдул-Хаджи?

— Умереть мы всегда успеем. Подождем.

— Шоип?

— Я не против. Но я вот о чем думаю. Война России с другими государствами может начаться в любой момент. А нас мало, Маккал и Берс правы. Своими силами нам не победить. Думаю,

воспользовавшись переселением, стоит попросить помощи у турецкого падишаха.

— Как же, дождешься от него помощи!

— Так или иначе, ждать нам придется.

— Можно и помощи попросить. На всякий случай.

— А чем мы заплатим? Бесплатно тебе никто не поможет.

— Вообще-то попытаться следует. — подал голос Берс. — Вражда между царями никогда не утихнет. На случай войны каждый заранее создает себе опору в стане противника. Россия ищет эту опору среди турецких христиан, а турецкий султан — среди российских мусульман. В прошлом султан не раз предлагал нам свою помощь. Но взамен требовал нашу землю и нашу свободу, на что, конечно, мы не могли согласиться. Теперь турки и в нас потеряли надежду. Здесь укрепилась Россия. Но в стране султана тоже нет мира. Христианские народы, жестоко угнетаемые турецкими властями, доведены до отчаяния. Если там начнется заваруха, то русские непременно поддержат своих единоверцев.

И тогда султан попросит нас ударить в спину русским. Он будет рад заключить с нами союз.

— Русские и турки все время били и бьют друг друга. Это правда. Но зачем нам встревать в их ссору? Чтобы уподобиться зернышку между двумя жерновами? Война в конце концов кончится.

Не думаю, что победят турки.

— Ты, Берс, много ездил по свету, учился в русской школе.

Посоветуй, что нам делать, стоит ли начинать восстание?

— Нет, — ответил Берс. — Оно погубит нас. Одни мы ничего не добьемся. Подождем, когда поднимутся другие народы России.

Тогда только мы сможем победить.

— Сколько же ждать? Берс пожал плечами.

— А как жить?

— Ведь жили наши отцы в мире с казаками. Неплохо жили.

— Да, то было давно, — сказал Шоип из Майртупа. — Тогда еще не было царя на Тереке. Теперь на Тереке, Сунже, Ассе живут другие казаки, которых царь специально расселил на наших землях. Червленские и гребенские казаки — это наши кунаки.

С ними-то наши предки всегда в мире жили. А вот с другими мы никогда не поладим. Во всяком случае, пока они не вернут нам наши земли.

— Их вины в том нет: им приказали жить, и они живут.

— И все же с ними придется мириться, — сказал Берс — И люди в этих станицах не все одинаковы, Шоип. Есть богатые и бедные, хорошие и плохие… Если начнется переселение в Малую Кабарду, народ восстанет. Вот это восстание мы поддержим. При всех других обстоятельствах с русскими нам надо жить в мире. Я уверен, что этот мир для нашего народа будет полезным. Не забывайте, что на наших землях сидят не только казаки.

Соседние князья — Турловы, Эльдаровы, Алхазовы или наши собственные чеченские богачи — Бота, Орцу, Давлетмирза, Чомак, Хоту и другие, чем они лучше казаков? Нам предстоит борьба не с казаками и русскими, а теми, кто нас угнетает, в чьих руках власть. И это — единственный правильный путь.

Каждый уже высказал свое мнение, и теперь Солта-Мурад дал волю поговорить меж собой. Сам в разговор не вмешивался. По возрасту только Болатха был старше его. Солта-Мурад пользовался среди населения большой популярностью.

Прославленный воин, бывший наиб Шамиля, он как никто другой чувствовал, что пришло совсем другое время, а вместе с ним и другое поколение. Поколение, ни в чем не уступающее старшим, поколение умное, трезвое и способное продолжить начатое ими дело. Он сидел молча, восхищаясь молодежью. Он гордился ею.

Сам же старался весь свой богатый жизненный опыт передать молодым, учил их выдержке, терпению, умению трезво оценивать

обстановку. Он уважал молодых и никогда не пользовался правами старшего, не переходил на жесткий тон, не допускающий никаких возражений. Нет, он был такой же собеседник, как и все остальные, лишь с несколько большими заслугами и большим опытом.

— Расскажи, Берс, — попросил он, — как обстоят дела в Польше и России? Что там нового?

— Все по-старому, Солта-Мурад. И, видимо, не скоро мы дождемся новых волнений в России.

— Все-таки мы должны быть в курсе. Думаю, будет правильно, если мы пошлем одного-двух человек для переговоров с султаном, а одного — в Польшу, чтобы установить связь с поляками.

Средства на такие расходы имеются. Как вы, согласны со мной?

— Согласны, согласны, Солта-Мурад.

— Значит, договорились. Люди, которые поедут к султану, должны выступить в роли переселенцев. Их задача — переговорить с султаном и доставить нам точные сведения об участи переселенцев. Прошу вас хорошо подумать и назвать имена тех, на кого мы смогли бы возложить эти нелегкие обязанности.

В Польшу единогласно решили послать Берса. Но вокруг кандидатур для поездки в Турцию разгорелся жаркий спор. Тогда слово попросил Арзу:

— Люди, чьи имена были названы здесь, — сказал он, — безусловно, достойные, мужественные, готовые на любые жертвы. Но тот, кто отправится в Турцию, вернется оттуда не скоро. И вполне может случиться, что и вовсе не вернется. У них же дома есть семьи, дети. Кто вспашет землю, посеет кукурузу, заготовит корм? А я и Маккал оба холостые, детей не имеем, плакать по нам некому. Мы и отправимся в Турцию. Кроме того, Маккал человек грамотный, знает арабский, турецкий и неплохо говорит на грузинском и русском языках. Так что лучшего посла к султану и отыскать трудно. Я же буду его сопровождать.

Так и договорились.

— Вас я тоже имел в виду, — сказал Солта-Мурад. — Но хотелось, чтобы вы были здесь рядом. Мало ли что может случиться. Но ничего не поделаешь. Поезжайте. Учить вас не нужно, вы сами знаете, как и что делать. Думаю, и мы здесь не будем сидеть сложа руки. Пока не разошлись, вот еще о чем хочу сказать. На дворе весна. Народ в панике. Многие не сеют хлеб. Это опасно.

Нам грозит голод. В Хонкару поедут не все, но остающиеся пусть думают о завтрашнем дне, пора приступить к севу. Заботу о них поручите нашим людям в мулах, пусть разъясняют всем, что к чему. Но ни в коем случае не ослабляйте подготовку к восстанию. В нем ведущее место займет молодежь. Молодых людей следует готовить и духовно, и физически. Все наши планы должны храниться в тайне. Маккал, проследи, чтобы все поклялись на Коране.

Вопрос о принесении присяги на Коране после каждого заседания — кхеташо — был решен с первого же дня. Но тогда мюридов Кунты-Хаджи оскорбило привлечение к присяге Болатхи, ближайшего сподвижника и возможного преемника их устаза.

"Таким людям нужно верить на слово", — требовали они. Но тогда еще живой Вара из Атаги резко оборвал их:

— Безгрешен один Аллах.

Маккал принял из рук молодого человека Коран, завернутый в кусок атласа; первым произнести слова клятвы он пригласил Солта-Мурада. Тот положил правую руку на раскрытый Коран.

— Аузу биллахи мина шайтони ражийм. Бисмиллахи рахмани рахийма, — затянул Маккал бархатным голосом.

Солта-Мурад повторял за ним:

— На этом Коране, ниспосланном нам всевышним Аллахом через своего посланника пророка Мухаммада, клянусь, что услышанное, увиденное, сказанное, совершенное здесь сегодня и раньше, я ни устами, ни письменно, ни жестом, ни от себя, ни через других не

передам никому, сохраню все это в тайне. Клянусь беспрекословно выполнять приказы вышестоящих баччи. Клянусь ни ради земных богатств, ни ради других благ и не из страха не предавать честь и интересы своего народа; пока бьется сердце, бороться за свободу и за правоверный ислам. Для меня свобода моего народа превыше интересов родителей, братьев, сестер. Если я нарушу эту клятву мою, я прощаю свою кровь присутствующим здесь товарищам и тому, кто их приговор исполнит.

После того как было покончено с клятвой, собравшиеся прочитали еще одну, заключительную, молитву. Разъехались уже на рассвете.

ГЛАВА XIII. КАПИТАН ГУСАРСКОГО ПОЛКА

Международная политика русского царизма — одна сложная цепь самых неслыханных преступлений и насилия, самых грязных и подлых интриг против свободы народов, против демократии, против рабочего класса.

В.И. Ленин

Восход солнца застал Берса и его товарищей, возвращавшихся из Беноя, на живописном хребте Кожелк-Дук. Впереди, под ними, виднелся аул Саясан. Он уже пробудился. Отовсюду слышался петушиный крик, где-то жалобно скрипнула калитка, затем другая, донеслись редкие голоса. Постояв немного, путники спустились вниз и проехали в сторону кладбища, где был похоронен один из знаменитейших вождей освободительной борьбы чеченского народа — шейх Чечни Ташав-Хаджи. Его захоронение сразу же бросилось в глаза. Среди множества надмогильных памятников, красиво расписанных сложной арабской вязью, возвышалось четырехугольное строение, крытое оцинкованным железом. В такой гробнице и покоились останки неукротимого Ташав-Хаджи.

До сих пор Болатха, Шоип, Берс, Маккал и Арзу ехали вместе, но дальше двигаться группой было уже опасно. Чтобы не привлечь внимания лазутчиков властей, они разделились. Болатха и Шоип завернули к гробнице Ташав-Хаджи, а остальные доехали до левого берега Аксая и там распрощались. Арзу и Маккал спустились вниз по реке. Берс отправился через Шуани на запад.

Оставшись один, Берс погрузился в тяжелые раздумья. Так с ним было всегда, поэтому он и стремился к людям. Но все равно получалось так, что он, подобно вечному страннику, ездил почти всегда один. Нет, никто не сторонился его, не чуждался, наоборот, все его встречали приветливо, везде ему были рады.

А в том, что ему приходилось разъезжать одному, была простая и жестокая необходимость. Вот почему и без спутников он не чувствовал себя одиноким.

Солнце поднималось все выше, и в согретом воздухе уже заливался жаворонок, которого горцы назвали "птичкой пахоты".

"Точно сказано, — подумал Берс, — прилетел жаворонок — запрягай плуг". Но пахаря этой весной увидишь редко, хотя и холмы уже накинули зеленые шали, и деревья покрылись липкими почками.

Весна… Берс поднял голову. Убогие аулы лепились к склонам, точно ласточкины гнезда. Они только-только начинали оживать.

Чье сердце не дрогнет при виде их? И он, Берс, тоже виноват перед ними. Чувство вины ни на минуту не оставляло его. Люди гибли, защищая эти аулы. А где был он? Далеко. Очень далеко от родных гор. И не испытывал ни горя, ни ужаса. На его теле нет ни одного шрама, ни одной раны. И родители его не стали жертвами войны, так как она не коснулась их. Братьев же и сестер Берс не имел. Но разве те, кто лежат в этой сырой земле, не его кровные братья и сестры, а горе живых — разве не его горе?

Недалеко от Джугурты повстречался Берс с худым и тощим стариком, казалось, высушенным на солнце. Он еле-еле ковылял, согнувшись под тяжестью вязанки дров на спине. Не доезжая до него, Берс спешился.

— Ассалам алейкум! Пусть пошлет Аллах мир и счастье твоему очагу.

— Ва алейкум салам! Да благословит и тебя Аллах, молодой человек, — ответил старик, не поднимая головы.

За тяжелой ношей Берсу не было видно его лица.

— Устал, старик?

— Если сказать правду, то силы уже на исходе.

— Давай я понесу, а ты садись на коня.

— Не стоит, мне теперь недалеко осталось. Спасибо тебе.
Поезжай. Я уж как-нибудь сам.

Берс не мог проехать мимо и тем нарушить обычай горцев. Так заведено: повстречается на пути старец, всадник, не доезжая до него шагов пятидесяти, спешивается и, лишь отойдя от него на такое же расстояние, вновь садится на коня. А если догнал его, то уступает ему коня, сам же идет пешком. Старый горец, конечно, не заставит молодого долго идти пешком. Самое большее, проедет с полкилометра, возвратит коня и скажет:
"Спасибо, молодой человек. Пусть Аллах продлит твою жизнь".

Старик сбросил вязанку, разогнул усталую спину. Землистое лицо его со впалыми щеками вспотело, слезящиеся глаза по-доброму глядели на Берса. Тот помог ему взобраться на коня, а сам пошел рядом, взвалив на себя дрова.

— Быки-то у тебя есть?

— Есть одна старая коза. И больше ничего нет из живого, что с четырьмя копытами.

— Почему сам пошел за дровами? Не послал сыновей?

Лицо старика исказилось болью. Берс пожалел, что задал этот вопрос.

— Были, — промолвил старик чуть слышно. — Шестеро. И все шестеро захоронены вон на том кладбище, — старик рукой махнул вниз, на холмы, утыканные деревянными шестами, — такие шесты ставили у изголовья погибших на войне.

— Пятеро пали еще при Шамиле, они воевали в моей сотне. Шестой примкнул в Бойсангуру и тоже погиб. Вот один я и остался…

Возле аула старик попытался было сойти с коня, но Берс ему не разрешил и донес дрова до самого дома. Жилище, представшее его глазам, лишь с большой натяжкой можно было назвать домом.

Убогая лачуга, севшая на один бок, стояла в глубине заброшенного двора. С крыши свисали кукурузные стебли. Позади виднелся бывший сад, теперь наполовину обгоревший, обнесенный оградой из колючих кустарников. Молодая женщина подметала двор, а старуха доила, видимо, ту самую козу, о которой упоминал старик.

По двору верхом на хворостине скакал мальчишка лет семи-восьми, одетый в бешмет явно с плеча взрослого и таких же больших размеров баранью шапку, закрывавшую почти всю голову. Увидев их, мальчик отбросил хворостину, подбежал и взялся за повод коня. Женщины, перестав работать, с любопытством приветствовали гостя.

— Только один сын и успел жениться, — проговорил старик, заметив, как внимательно Берс разглядывает мальчика.

— Он и его мать — единственная отрада. Что бы мы делали без них? Аллах, прости за такие мысли! Заходи, заходи в дом, кусок сискала у нас найдется, а старуха сварит нам чай с молоком.

— Извини меня, я очень тороплюсь.

— Нет, так мы гостя не отпустим, — подала голос старуха. — Ты непременно должен выпить в нашем доме чаю.

— Желаю вам всяческих благ, — Берс взял из рук мальчика повод.-
Не горюйте. Счастливы те, что погибли в боях за родину. Живые им завидуют. Кто остался, тот допьет чашу горя до дна. Дай вам Аллах силы и мужества.

— Да продлит он и твою жизнь, — сказал старик. — Счастья тебе в жизни. Да сбудутся все твои мечты.

Берс вел коня на поводу, пока не выбрался из аула. Перед ним распахнулась Чеченская равнина. Черные горы с дремучими лесами, постепенно снижаясь, отступили. В лицо приятно ударил ветер. Чистый воздух был наполнен пересвистом и гомоном птиц.
Уже расцвела алыча. Она так густо разрослась, что казалось, весь лес покрылся инеем. Как хорошо, как свободно дышится.

Какое бесконечное богатство вокруг. И тут же Берс одернул себя: "Нет уже той свободы. И люди здесь не хозяева. Они лишь ищут приюта, пристанища в этих лесах, скрываясь от жестокой власти…"

Перед Берсом встали иные картины. Он словно вновь воочию увидел панораму родного аула. Насколько хватало глаз, раскинулся перед ним родной аул. Фруктовые сады закрывали дома по самые крыши, лишь кое-где виднелась черепица, да из длинных труб валил дым. Даже в мыслях приметы и запахи родного очага обостряли его душевное состояние. Вспомнились слова Данчи, сказанные при прощанье: "Какой ни есть, а он все же твой отец, Берс…"

Да, если оглянуться назад, то, пожалуй, не было человека счастливее Берса. Хотя, опять-таки, какими глазами смотреть…

* * *

…В те времена пятнадцатилетний юноша никак не мог понять, почему его отец бежит из родного аула? Каждый здоровый мужчина на вес золота, а ему вроде до того и дела нет. Почему? На свой вопрос Берс получил ответ лишь спустя много лет. Тогда же он безропотно следовал за отцом, чей отъезд из родного аула вызывал у него лишь любопытство и недоумение.

Крепость Грозная обрастала домами, хотя строили их наспех, не заботясь о прочности и удобствах. Люди прибывали сюда отовсюду. Под стенами русской крепости прибывавшие чувствовали себя спокойнее.

Рохмад давно уже пристрастился к торговле, но дела его в Шали шли неважно. Теперь же, с помощью царских властей, он надеялся и расширить свою торговлю, и увеличить свой капитал. Не прошло и трех лет, о нем заговорили. Успехи его впечатляли. Но…

впечатляли лишь непосвященных. Берс же им не удивлялся, так как стал догадываться и понимать, каким именно путем течет золото в карман отца.

Шамиль запретил торговлю с русскими. Исключение делалось только для тех, кто закупал железо, в котором очень нуждалось его войско. Отец сразу же смекнул: вот она, выгода! Только в железе! Он закупал его и вез в горы. Но по возвращении, прежде чем навестить семью, Рохмад направлялся в русский штаб. Почему отец ходил туда так часто, Берсу было сначала невдомек, но потом он понял и это. Отец оказался не только трусом, но и предателем. Он предавал, а вернее, продавал свой народ.

Посещая аулы, собирал сведения для царских войск, за что ему тоже неплохо платили. Но и наибы Шамиля не оставались в долгу, щедро вознаграждая за "русские секреты". Рохмаду было безразлично, кого и кому предавать, лишь бы за это хорошо платили.

Богатство распахивало двери и открывало дорогу к счастью и личному благополучию. Рохмад легко устроил своего единственного сына в школу прапорщиков. Так Берс очутился в Петербурге. Не каждому горцу удавалось увидеть русскую столицу, но что не сделают деньги! Берс вел вольную жизнь и предавался веселью, благо, деньгами отец снабжал его регулярно. Ничего не жалел для сына. Жизнь Берса приобрела иной смысл, наполнилась иным содержанием: веселые друзья, молодость, разговоры только о войне и женщинах. Но особенно часто — о мятежном Кавказе. Его товарищи мечтали о том дне, когда окончат школу и поедут на Юг сражаться с дикими горцами.

Им снились героические подвиги, слава, суровая кавказская экзотика. Великодержавный зуд не давал покоя молодым дворянам.

Коснулась сия болезнь и Берса. Однако искренняя любовь к родному краю, к своему маленькому и бесстрашному народу, поднявшемуся с оружием в руках отстаивать свою землю и свободу, была неизмеримо выше юношеских честолюбивых устремлений. Он мечтал вернуться на родину. Подвиги же и славу он отыщет в другом месте. И не подозревал тогда юный Берс, что через много лет кровь чужого народа, пролитая им, черным пятном ляжет на всю его жизнь, станет вечным укором его совести. А тогда он продолжал с наслаждением предаваться беззаботной столичной жизни и не испытывал никаких угрызений совести.

В те годы на Западе созрела и разразилась мощнейшая революционная буря, совершенно непроизвольно втянувшая и его в свой водоворот. С Запада Берс вернулся уже другим человеком.

…Виллагош, 13 августа 1849 года. Главнокомандующий венгерской революционной армией генерал Гергей сложил оружие.

Отряд казаков, в котором находился и Берс, отконвоировал пленных венгерских офицеров в стан австрийских войск. Позже стало известно, что офицеров, вероломно преданных русским царем, постигла ужасная участь: одиннадцать генералов казнили, а триста пятьдесят шесть офицеров бросили в тюрьмы.

Даже столь краткое пребывание в Венгрии на многое раскрыло ему глаза. Он увидел: повсюду народы героически борются за свободу и независимость. С удивлением и радостью узнал также о том, что слава о беспримерном мужестве его соплеменников гремит уже далеко от кавказских гор — в Европе и Азии.

Только находясь за пределами России, Берс получил истинное представление о русском царизме. Вопреки воле и желаниям своего народа монарх-самодержец устраивал одно за другим кровавые побоища на полях Европы. Берс увидел искреннее сочувствие многих офицеров и солдат к кавказским горцам и всем другим народам, борющимся за свободу. Навсегда в памяти его остался день окончательного пробуждения. Все же, что было до него, ему тогда представилось кошмарным сном. В тот день арестовали русских офицеров за тайную помощь полякам — участникам венгерского восстания — в возвращении на родину.

С одним из них, Алексеем Гусевым, благородным и добродушным офицером, Берс был близко знаком. И Берс оказался в числе тех, кому был поручен арест Гусева.

Гусев даже не подозревал о грозящей ему опасности, коротая время за карточным столом.

Полковник, шедший впереди, остановился за его спиной и отчеканил:

— По приказу главнокомандующего вы арестованы, господин капитан. Прошу сдать оружие.

— Позвольте узнать, господин полковник, за какие грехи? — спросил Гусев, бросив карты на стол.

— Вы обвиняетесь в измене его императорскому величеству и родине.

Гусев резко поднялся из-за стола и, глядя в упор на полковника, процедил сквозь зубы:

— Да, я против бесчеловечной политики его величества. Но это вовсе не означает, что я изменник. В любую минуту я готов пожертвовать собой ради отчизны.

— Господин капитан, я пришел сюда не для того, чтобы вести с вами политические дискуссии, а чтобы выполнить приказ главнокомандующего.

Гусев вытащил клинок из ножен, сломал его о колено, протянул полковнику.

— Капитан Барзоев, — скомандовал полковник, — отведите арестованного в крепость и примите меры, чтобы с него не спускали глаз.

Гусев с высоко поднятой головой направился к выходу в сопровождении Берса и двух солдат. Когда они подошли к комнате, которая временно должна была стать его тюремной камерой, Гусев на секунду задержался.

Господин капитан, вы позволите мне несколько слов, так сказать, тет-а-тет? — спросил он по-французски.

— Секрет?

— В некотором смысле, да.

Берс огляделся. По длинному коридору беспрерывно сновали штабные офицеры.

— Люди кругом…

— В таком случае прошу ко мне…

— Как это расценят? — смущенно забормотал Берс — Ведь по уставу… наши взаимоотношения… о последствиях нельзя забывать…

— Ну, коли у вас уже душа в пятках… — Гусев толкнул дверь и шагнул в сырое полутемное помещение. Берс вздрогнул, как от пощечины. Кровь ударила в голову. Он схватил Гусева за руку.

— Господин капитан, надеюсь, вы помните, чья кровь течет в моих жилах? — Берс задыхался от бешенства.

— Успокойся, Берс. Я просто хотел проверить, действительно ли ты чеченец. Потому что часто сомневался в этом… Берс толкнул Гусева в камеру и сам ворвался вслед за ним.

— Хочешь испытать мое мужество? Хочешь бежать, Алеша? — заговорил он горячо. — Видишь, я с тобой! Моя жизнь, мое оружие — в твоем распоряжении.

Гусев крепко обнял Берса, расцеловал в обе щеки.

— Твое оружие, твоя жизнь… Нет, Берс, и то и другое тебе в скором времени пригодятся самому. Смелый ты парень, Берс.

Но… глупый. И кажется мне порой, что из тебя выбили все твое родное, горское.

— Господин капитан, опять вы меня оскорбляете?

— Как хочешь, так и понимай. Говоришь — горец? А где тому доказательство? Тот, кто действительно любит свой народ, кто верен ему, никогда не оставит его в беде! А ты? Где ты, Берс?

Берс растерялся. Он почувствовал, как краска стыда залила лицо, и радовался тому, что в потемках Гусев не видит этого.

— Ты не обижайся, мон шер, — Гусев дружески хлопнул его по плечу. — Друзья на то и есть друзья, чтобы говорить правду в глаза.

Берс молчал. Он от всей души хотел помочь товарищу, но выхода не находил.

А Гусев между тем продолжал:

— Ты здесь был, ты здесь все видел. Как бок о бок с венграми сражались поляки, немцы, австрийцы, французы, итальянцы. И все знали, за что умирают. Великие люди! Я восхищаюсь ими. А сто сорок тысяч русских солдат выполнили позорную роль палача до конца. Мы победили! Какой героический подвиг! Нет, это не победа, Берс! Это еще одна позорная страница в истории России.

Из коридора донеслись голоса, и Гусев умолк. Некоторое время оба стояли прислушиваясь. Затем, когда за дверью вновь стало тихо, Гусев продолжил:

— Хотелось бы многое сказать тебе, Берс. Кто знает, возможно, что это наша с тобой последняя встреча.

— Не говори так, — прошептал Берс — Мы с тобой еще повоюем.

— Ладно, это я так, к слову. Тороплюсь, вот сразу и не соберусь с мыслями. Пойми, Берс, когда ты стрелял в венгров, то ты стрелял и в своих собратьев. Нет-нет, не спорь со мной.

Кто такой фельдмаршал Паскевич? Преемник Ермолова. А Лидерс?

Генерал, руки которого обагрены кровью горцев. Твоих же чеченцев. Но, слава Богу, и чеченцы не остались в долгу. Они его изрядно потрепали. Так что ты, Берс, в стане врагов. И ты пока служишь им преданно…

Берс стоял молча, словно лишившись дара речи. Да и что ему было сказать?

— Берс, ты слышал, в чем меня обвинил полковник? — словно издалека доносился до него голос Гусева. — В измене. Смешно, правда? Я же чувствую, какое наказание меня ожидает, но не сделаю и попытки, чтобы убежать, уж пощады просить и вовсе не стану. Ты же останешься на свободе. И вот тебе мой наказ, — он сделал паузу, голос его вдруг изменился, в нем послышалась ничем не прикрытая ирония. — Преданно служи его величеству!

Беспрекословно выполняй приказы Паскевича и ему подобных!

Помоги им поскорее поработить Кавказ и твою родную Чечню.

Может, и генеральский чин отхватишь, а то и графский титул.

Ладно, хватит с тебя. Иди!

Берс с горечью обнял товарища, посмотрел ему в глаза, повернулся и выскочил в коридор. Бросил мимоходом караульным, чтобы те повесили замок на двери.

Берс и Гусев больше не виделись. Спустя некоторое время стало известно, что по приговору военно-полевого суда Алексея Гусева и еще шестерых товарищей расстреляли во дворе Минской тюрьмы…

С этого дня у Берса было лишь одно стремление — вернуться в родные горы. Он строчил рапорты, писал прошения, требовал перевода на Кавказ. Теперь он стал внимательнее слушать рассказы офицеров-кавказцев, как они сами себя именовали.

Немногие говорили правду о горцах, чаще кичились своими подвигами, всячески понося "отъявленных разбойников". Тем не менее все услышанное впитывалось им. Одновременно пристрастился он к чтению. Читал все, что писалось о Кавказе, восторгался Лермонтовым и Бестужевым-Марлинским. Как ему хотелось обнять и поблагодарить от всей души этих истинных сыновей русского народа, поднявших свой голос в защиту его собратьев. К несчастью, и тот и другой пали в тех же самых горах Кавказа…

* * *

Вернулся Берс на Кавказ лишь в 1858 году. В самое тяжелое для горцев время, когда они, доведенные до отчаяния, сдавались целыми аулами. Было ясно, что они уже не победят, что хищный двуглавый

орел железными когтями вцепился в свою добычу, так что уже не было сил вырваться из его страшной смертельной хватки. Берс растерялся. Перебегать к горцам теперь уже не имело смысла. Он ничем не сможет им помочь. Изменить или поправить что-либо было уже невозможно. Правда, война еще продолжалась, и до последнего выстрела было еще далеко. Уйдет он к ним, что от этого выигрывают горцы? Ничего! Зато он теряет все: и карьеру, и будущее. "Что делать? Как поступить?"

— спрашивал себя Берс, собираясь в первый поход в составе гусарского полка.

Сражение у аула Гельдиген вконец разрешило все его сомнения:
он своими глазами, воочию, впервые увидел в бою своих братьев.
Плечом к плечу сражались седые старики и безусые юнцы.
Середины уже не было…

"Разве это не мои отцы и братья?" — спрашивал себя Берс, глядя вниз с холма, где стоял в резерве его полк, еще не вступивший в бой.

Но вот и ему горнист проиграл сигнал "в атаку". Берс выхватил саблю и, крикнув: "Сотня, за мной!", пустил коня вниз по склону. Поддавшись общему неистовому порыву, он размахивал саблей и, как безумный, что-то кричал, как будто диким этим криком хотел заглушить тупую боль в своей груди. И вдруг он отчетливо услышал знакомый внутренний голос: "Что ты делаешь, Берс? Пока не поздно, остановись!" На него надвинулось лицо Алеши Гусева. Голубые глаза его печально смотрели на Берса.

Черной стеной над чеченскими завалами вставал пороховой дым.

Бой кипел. Залпы орудий, звон стали, крики и стоны раненых, ржание коней — все смешалось в общем грохоте. Лавины атакующих накатывались на позиции чеченцев одна за другой, как волны, и как волны, наткнувшись на могучий утес, откатывались обратно, дробясь на мелкие группы.

Завалы чеченской обороны еще не были взяты, но за ними то там, то здесь уже вспыхивали сабельные рубки. Чувствовалось, защитники вот-вот дрогнут. Дело должен был завершить резервный полк Берса. Первые ряды его уже ворвались в стан неприятеля.

Берс тоже понесся туда. Он заметил, как на скаку полковник нанес лихой удар слева направо вниз, и седая голова старого чеченца покатилась под копыта бешено несущихся коней…

В ту же секунду Берс бросил своего коня в сторону и крикнул срывающимся голосом: — Нохчи! Братья! Я с вами…

ГЛАВА XIV. БРАТЬЯ

Горят аулы. Нет у них защиты.
Врагом сыны отечества разбиты.
И зарево, как вечный метеор,
Играя в облаках, пугает взор,
Как хищный зверь, в смиренную обитель
Врывается штыками победитель,
Он убивает старцев и детей,
Невинных дев и юных матерей
Ласкает он кровавою рукою…
М.Ю. Лермонтов

Арзу и Маккал остановились на сопке, возвышавшейся над Гати-Юртом. Внизу, у Черной речки, где раскинулось их поле, Арзу заметил запряженную пару быков и Али, хлопотавшего над плугом.

— Разузнаю, что у него там, — сказал Арзу, тронув коня рысью.
— А ты отправляйся домой.

Маккал поехал шагом. День выдался погожий, по-весеннему грело солнце. То здесь, то там по холмам и низинам двигались фигурки людей. Издали они казались крохотными, едва заметными.

"Хлопочет, хлопочет человек, надеется на что-то, а в конце концов все равно приходит к неизбежному, так и не разобравшись толком, ради чего и кому понадобилось его присутствие в этом мире. Неужели без него нельзя было обойтись? Прожить десятки лет подобно кроту в норке, чтобы в положенный срок уйти, так и не узнав, стоило ли жить такой жизнью вообще. Что они видят?

— размышлял Маккал. — От зари до зари труд. Домой придут усталые, еле доплетутся до постели, а с рассветом все повторяется сначала. И так до тех пор, пока не явится смерть и не избавит их от бесконечного и тяжкого однообразия".

Оставшись один на один с девственной природой, Маккал почувствовал, что его охватывает глубокая печаль. Не потому, что скоро придется разлучаться с родиной. Ему не раз приходилось странствовать вдали от нее. Раз вместе с Юсупом-Хаджи месяц он был в Стамбуле, где от имени Шамиля вел переговоры с турецким султаном. Около года провел в русском плену. Так что ему не впервые расставаться с родиной. Без всяких на то причин он часто задумывался над своим одиночеством. Особенно, когда поднимался на этот хребет, откуда открывалась широкая Чеченская равнина на западе.

Вопреки его воле мысли уносились в далекий родной аул и трагическое детство.

Маккал хорошо помнил своего отца и трех братьев. Погибли они в один день; ему тогда было шесть лет. Мать умерла еще раньше, а сестер у него вообще не было.

Родился Маккал в Герменчуке, одном из самых старинных и больших аулов Чечни. Его отец Абдурахман был одним из немногих высокообразованных и уважаемых мулл в Чечне. Его медресе, в котором дети бедняков обучались бесплатно, считалось лучшим в Чечне. После смерти жены несмотря на уговоры близких Абдурахман не женился вторично: не хотел, чтобы у детей была мачеха.

Маленький Маккал был свидетелем трагической гибели отца и братьев. В тот летний день вместе с соседскими мальчишками он купался в речке недалеко от родного дома. Внезапно на западной окраине аула раздались ружейные выстрелы, вслед за ними тревожные крики и призывы. Дети хорошо знали, что последует за ними. Вооруженные мужчины, выбегающие из саклей, быстро выводили детей и женщин из аула. Женщины носили детей на спинах, на руках, вели за руки. Один из старших муталимов пробежал мимо Маккала, ведя за собой детей младщих классов.

Не успели жители покинуть аул, как загрохотали пушки.

Раскаленные докрасна пушечные ядра падали в аул. Высохшие под знойным летним солнцем дома, сараи, стога сена загорелись. В дыму и пламени, обезумев от страха, кричали дети, истошно вопили

женщины. Крики несчастных тонули в грохоте пушек и треске ружей. Ища спасения, по аулу метались собаки, куры, скотина.

Застигнутые врасплох аульчане не успели организовать отпор, но шестьдесят один человек засел в помещении медресе. Среди них находился и старый Абдурахман с тремя старшими сыновьями.

Благодаря внезапному нападению и отсутствию серьезного сопротивления в аул ворвался Московский пехотный полк. Узнав, что в медресе засели защитники аула, майор Филиппов дал команду сломать дверь. Однако защитники меткими выстрелами из окон не подпускали солдат близко к зданию. После первых же выстрелов майор был убит.

Шестьдесят один защитник поклялся не сдаваться живым. Когда офицер, принявший команду, предложил сдаться, они ответили боевой песней:

О, Аллах, нас к себе приближай,
Благослови наш священный газават,
В судный день нас возвышай,
Открой нам райские врата!
Наступает мгла черная без ночи,
И в ясный день грозовые тучи,
Идет война на невинных людей.
О, Аллах, вражескую силу одолей!
Павшего на газавате не омоют,
Саваном его тело не оденут,
У могилы мулла заам не прочтет,
И ангелы допросу не подвергнут…[79]

Маленький Маккал и его товарищи, затаившись в канаве за соседним домом, с ужасом наблюдали за всем происходившим. Трое солдат с охапками сена подобрались к задней стороне медресе.

Но сено догорело, не причинив вреда глинобитным стенам.

Высокий толстый офицер бегал, сердито размахивая шашкой и о чем-то крича на своем языке. Вскоре подкатили орудие на высоких колесах, установили напротив медресе. Пушку зарядили, а солдат в

высокой шапке с козырьком поднес к стволу дымящийся фитиль. Грохнуло так, что Маккал свалился на дно канавы. Когда же он пришел в себя, то увидел огромную дыру в передней стене медресе, зиявшую между окном и дверью. Теперь отстреливались осажденные и сквозь нее. Пушка грохотала раз за разом, но ружейные выстрелы и песня не умолкали.

Тогда в дом полетели гранаты. Они рвались, сотрясая стены.

Горцы отстреливались с отчаянием обреченных. Метко посланные пули косили солдат. Разъяренный офицер еще яростней кричал и размахивал шашкой. Подъехал генерал — позже, спустя много лет, Маккал узнал, что это был генерал-майор Волхонский. Офицер отрапортовал ему и получил от генерала какие-то приказания.

Солдаты рассыпались, а вскоре появились с охапками дров и соломы. Солому связывали жгутами, поджигали и бросали в дымоход. Туда же полетели и сухие поленья. Дом загорелся. Из окон, двери и пробоин в стенах валил густой дым. Стрельба прекратилась, раздавались лишь отдельные редкие выстрелы. Но песня не умолкала:

О братья, творите молитву,
С кинжалами ринемся в путь,
Ломай их о вражью грудь…
По трупам — бесстрашного путь.
Слава нам! Смерть врагу!
Аллах, Аллах, Аллах!..

Выкрикивая слова песни, осажденные выскакивали из горящего дома и с кинжалами бросались на солдат, но натыкались на острые штыки и падали замертво. Отца и братьев Маккала среди убитых не было, они сгорели заживо…

Черби, друг отца из Ичкерии, приютил осиротевшего Маккала

(мать свою он не помнил: она умерла, когда ему шел второй год). Черби, заменивший мальчику отца, отдал его учиться к лучшему мулле Ичкерии, и через несколько лет Маккал превзошел своего учителя, в совершенстве овладев арабским и турецким языками. Но муллой

Маккал так и не стал. Он жаждал мести. И потому вступил в войско мичикского наиба Эски.

Здесь Маккал и встретился с Арзу. Ему понравился этот всегда спокойный и бесстрашный сотник. И Арзу, в свою очередь, полюбился молодой богослов. Так завязалась их дружба, а вскоре Маккал стал правой рукой командира. Малограмотный Арзу не переставал восхищаться его знаниями. Маккал был незаменим: он выполнял обязанности и врача, и писаря, и муллы. После того как Арзу вызволил Маккала из русского плена, они стали побратимами.

Произошло это так. Лет тринадцать назад в Большой Чечне у аула Автуры собрались все наибы и улемы судить изменника Хаджи-Мурата. Возвращаясь оттуда, Маккал наткнулся на отряд русских. В перестрелке его тяжело ранили и взяли в плен.

Генерал Вревский, узнав, что пленник человек образованный, бывал на советах у Шамиля, отправил его в Грозную в госпиталь.

После выздоровления Маккала увезли в поместье Вревского на Псковщину. Вревский сделал это отнюдь не из милосердия и не из любви к Маккалу. Генералом руководили иные мотивы. Да, если в руки ему попадался более или менее известный и образованный горец, то генерал обходился с ним достаточно мягко из следующих соображений: во-первых, дешевая рабочая сила;

во-вторых, в случае нужды можно совершить выгодный обмен. И такой случай вскоре представился. Арзу очень тяжело переживал потерю друга и искал его по всей Чечне. Спустя несколько месяцев он узнал, что Маккал жив, но находится в России. Арзу не стал долго раздумывать. Взяв в помощники Али и Чору, днем и ночью он стал охотиться за генералом и его друзьями. Наконец им удалось захватить полковника, близкого приятеля генерала.

Арзу привез его в Гати-Юрт, а генералу направил письмо:

"Генерал Вревский! 14 ноября мой побратим возвращался из аула Автуры. В пути он столкнулся с твоим отрядом и раненый попал в плен. Зовут его Маккал, левая рука без пальцев. Ранен в правое плечо насквозь. Я похитил твоего друга, чтобы выкупить своего. Если не вернешь его мне ровно через два месяца, то душа твоего друга улетит

на тот свет. Дашь мне ответ через подателя сего письма. Обмен произведем на том месте, где пленили моего побратима.

Арзу, сын Абубакара из аула Гати-Юрт".

Ниже плененный полковник приписал:

"Дружище Ипполит Александрович! Человек, который захватил меня, — пятисотенный командир, прославленный в Ичкерии воин, хотя и из племени дикарей, но характера рыцарского. Здоровье мое не сказать превосходное, но чувствую себя хорошо, относятся ко мне неплохо. А жизнь моя в твоих руках. Извини.

До могилы твой. Саша".

Через два месяца обмен состоялся.

Короткое пребывание в России и поездка через Грузию в Турцию приоткрыли перед Маккалом неизвестный дотоле мир и расширили его кругозор. В России, в Грузии и в Турции он внимательно приглядывался ко всему, но всюду видел одно и то же: бесправие и нищету одних, роскошь и своеволие других. Будучи в России Маккал убедился в том, что не русский мужик, жестоко страдающий под игом крепостника-помещика, виновен в гибели его отца и братьев. Много передумал Маккал за это время, многое ему стало понятно.

Все предыдущие годы Маккал был верным воином газавата. Теперь же он не только отрекся от идеи газавата, но и решительно осуждал ее. Он призывал теперь и других руководителей использовать народные выступления против царя в любой части России для установления тесных связей с их предводителями для совместных действий, для налаживания добрых взаимоотношений с иноверцами. Поворот в его взглядах вызвал решительное сопротивление со стороны многих горских предводителей, боровшихся с царскими войсками. Но

особенно много врагов появилось у Маккала среди духовенства. Они прозвали его

"мунапиком". Долгое время у Маккала не было сторонников, кроме Арзу. Лишь значительно позднее появился, наконец, Берс.

Когда-то в молодости Маккал преклонялся перед Шамилем, чье имя было для него символом борьбы за веру и свободу. Но в последние десять лет войны, особенно после выступлений главных богословов Дагестана и Чечни — Магомед-Кадия, Сулейман-Муллы и Джемал-Эддина, беспредельная вера Маккала в святость Шамиля заметно поколебалась.

Эти богословы осуждали имама за то, что он сбился с пути шариата, что шариат он приспособил для своих личных и государственных целей, что его наибы и мюриды грабят народ, а беспорядки в Дагестане и Чечне, война и вражда — все это результат неправильных действий имама…

Потом письмо Сулейман-Муллы Шамилю, вроде, было напечатано в русской газете[80].

Мысли Маккала опять вернулись к Шамилю.

"Что бы ни говорили о нем эти ученые-алимы, — думал Маккал,-

Шамиль был великим человеком. Мудрым, мужественным, храбрым, неповторимым. Только он один смог объединить несколько десятков разноязычных, разнохарактерных народов в единый кулак, организовать их, в течение двадцати пяти лет успешно руководить их борьбой против могущественного русского царя.

Мог ли Шамиль не допускать ошибок, будучи руководителем этих буйных, разнохарактерных, разноязычных народов в двадцатипятилетней беспрерывной войне? Ведь Шамиль, каким бы умным ни был, остается лишь человеком, а не пророком. Разве бывает человек без ошибок?"

Потому такой героической и трагической была вся жизнь Шамиля.

Вообще жизнь великих людей не бывает иной: их убивают или изгоняют из отечества, они умирают на чужбине, влача нищенскую, голодную жизнь.

Не зря говорится, что нет пророка в своем отечестве.

Великий чеченец шейх Мансур был первым имамом горских народов, живущих между двумя морями. Но чеченцы в первый же год вынудили его оставить родную Чечню и уйти к западным горцам.

Там в течение шести лет он возглавлял борьбу адыгейских народов против русского царя, благодаря чему стал известен на всем Кавказе и далеко за его пределами. Говорят, когда русские окружили турецкую крепость Анапу, в которой находилось десятитысячное войско, и турецкий паша хотел сдать крепость русскому генералу, шейх Мансур заставил пашу отказаться от своего намерения и продолжать сопротивление еще несколько дней. Но паша в конце концов капитулировал. Когда русские солдаты ворвались в крепость, шейх Мансур с горящим факелом бросился в пороховой погреб, чтобы взорвать крепость. Однако солдаты настигли его, свалили, связали и увезли на север России, где он и пропал без вести[81].

После шейха Мансура борьбу чеченцев против русского царя в течение нескольких лет возглавлял знаменитый Бейбулат Таймиев.

Чеченцы никак не признавали его своим имамом и избрали имамом другого. В старческом возрасте больного Бейбулата убил его кровник — один из кумыкских князей[82].

Героической смертью в Гимрах пал великий сын аварского народа Кази-Мулла.

Но величайшим среди великих сынов Кавказских гор был аварец Шамиль. Даже он, после первых пяти лет своего имамства в Дагестане, вынужденный уйти из родных гор, нашел убежище в Чечне. Будучи имамом Чечни и Дагестана в течение двадцати пяти лет он и его семья разделили с рядовыми горцами все горести и беды. На войне погибли его жена, сын, сестра. Старшего сына в восьмилетнем

возрасте взяли в аманаты, увезли в Россию и возвратили Шамилю молодым офицером, который, однако, вскоре умер от чахотки.

После пленения вместе со всей семьей Шамиля увезли в Россию, томиться вдали от родных гор. Говорят, там уже умерли несколько членов его семьи. И вряд ли русский царь разрешит ему вернуться в родной Дагестан или Чечню…

Вырвавшись из блокады Гуниба, Бойсангур вместе со своими соратниками Атаби и Уммой поднял восстание против царских властей. После подавления восстания брошенный всеми Бойсангур со своей семьей скрылся в пещере вблизи Беноя. Однако его нашли, взяли в плен и повесили в Хасав-Юрте. Двух его сыновей отправили в Сибирь на двадцать лет, а Атаби и Умму — в ссылку…1

1 Восстание в Нагорной Чечне под руководством Бойсангура Беноевского началось в июне 1860 года. 17 февраля 1861 года в пещере вблизи аула Беной он был взят в плен. Однако восстание продолжалось до ноября 1861 года. Атаби и Умма добровольно сдались в плен генералу Святополк-Мирскому соответственно в ноябре и декабре 1861 года и были сосланы на север России.

Сослали на север России святого шейха Кунту-Хаджи, который проповедовал людям мир, братство, выступая против войн, насилия, неуклонно следовал по пути, завещанному Аллахом и его пророком Мухаммадом.

Теперь Маккал и его товарищи готовят новое восстание. Но чтобы возглавить его, у них нет таких умных, мужественных и просвещенных людей, какими были шейх Мансур, Бейбулат, Кази-Мулла, Шамиль…

Нет тех благородных и смелых воинов, которые воевали против могущественной России в течение последних восьмидесяти лет.

От них остались только заросшие травой надмогильные холмы.

Чем же закончится их затея? Смогут ли они завоевать свободу или это опять кончится напрасными жертвами?..

* * *

Оглядываясь назад, Маккал как бы заново переосмысливал пройденный им путь. Лет пятнадцать назад он стал ярым противником газавата, видя, какой непоправимый ущерб он наносит делу свободы. Газават призывал горцев к борьбе против всех иноверцев, а значит, вбивал клин между мусульманскими и немусульманскими народами Кавказа. Мешал им объединиться, распылял их силы.

Короткий русский плен на многое раскрыл ему глаза. Горцев в России считали непримиримыми врагами всего русского. Разжигали в народе ненависть к горцам. Но кто спрашивал русского мужика или горца, чего они-то хотят? Да никто и никогда!

Конечно, размышлял Маккал, горцы не желали покориться русскому царю. Ни один уважающий себя человек, а следовательно, и народ не наденет добровольно на свою шею ярмо рабства. Противились этому и горцы. Во времена Мансура и Бейбулата горцы еще верили в свои силы, верили в победу. Но уже при Шамиле начали сомневаться, узнав, какой могущественный противник им противостоит. И ничего не было бы в том постыдного, если бы вовремя отступили. Повоевали бы да и помирились с русскими.

Ведь сколько жили до того дружно и мирно. Кто знает, со временем, может, и объединились бы. Да и теперь сделать это еще не поздно. В душе Маккал верил, что когда-нибудь все угнетенные будут сражаться на одной стороне. Верили этому и Арзу, и Берс. Они-то лучше кого-либо знают, сколько иноверцев сражалось на стороне горцев. Вот и нужно убедить всех в том, что свобода — общее дело всех угнетенных. Убедить не только горцев, но и русских.

Много лет назад Маккал предложил эту идею Шамилю и его дивану, сплошь состоявшему из духовных лиц. Что тогда было! Какой поднялся гвалт! Называли его и безбожником, и предателем…

Что же! Теперь нет Шамиля, нет его сподвижников. Пришли другие времена и другие люди. Вот они и поднимут новое знамя, не газавата, а знамя общей борьбы за свободу…

Маккал не заметил, как въехал в село. Пустым показался ему Гати-Юрт. Улицы как будто вымерли. Только кое-где, прижавшись к заборам, сидели на бревнах старики и тихо переговаривались.

Ни смеха не было слышно, ни острой шутки. Даже собаки не лаяли, а высунув языки, печально взирали на прохожих.

* * *

Аржхи переводится с чеченского как Черная река. В сущности же это крошечная речушка на дне глубокого оврага, заросшего пустым лесом и кустарником. Она почти незаметна, только в тихую погоду и услышишь ее неторопливый говорок. Летом вода в ней ледяная, а зимой теплая, так как много родников питает ее. Она и образовалась-то из них. Основной же источник находится на горе Шал-Дук, он выбивается из-под многовекового бука. К одному из таких родников и направился Арзу, чтобы напоить коня и совершить полуденный намаз. Он спешился, бросил повод на шею коня и по крутой узкой тропинке сбежал вниз.

Вороной конь с белой звездочкой на лбу и белыми чулками на ногах, не отставая от него ни на шаг, тыкался мордой в спину, звенел серебряными стременами.

У родника Арзу заметил женщину и остановился в раздумье.

Приподняв черное платье до колен, женщина мыла у ручья ноги.

Взгляд его на миг задержался на гибкой спине, на оголенных смуглых икрах. Вороной, словно угадав намерение хозяина, фыркнул. Женщина испуганно вскрикнула и обернулась. Арзу узнал Эсет. Глаза его расширились, а брови, как крылья черной ласточки, взлетели вверх. На красивом лице — и испуг, и удивление, и… радость. Арзу растерялся. Эсет опустила платье и спрятала голые руки за спину. Арзу подумал, что она нисколько не изменилась, по-прежнему хороша, только глаза немного потемнели, вернее утратили прежний блеск.

— Эсет? — он не смог скрыть своего замешательства. — Извини, я… не думал… пришел коня напоить… Не буду мешать…

пойду…

Он уже взялся было за поводья, но, услышав голос женщины, замер.

— Арзу, не уходи! — прошептала она.

Ему же показалось, что Эсет крикнула. Он обернулся. Эсет потупилась:

— Побудь… немного… рядом со мной.

— Что скажут люди? — спросил он.

— Я тебя много дней ждала… хотела поговорить…

— Будь разумней. Ты же замужем…

Голос его дрогнул. Зарубцевавшаяся было рана открылась вновь.

Ведь уже пять лет прошло. Он старался не думать об Эсет, выкинуть ее из сердца. За все эти годы он ни разу не встретился с ней, ни разу не услышал ее голоса. Он стал вроде бы забывать ее, и на время утихла сердечная боль, прошла и обида.

— Прошлое не вернешь, Эсет. Ты чужая жена…

— Но ты ведь не знаешь, почему? — с отчаяньем в голосе воскликнула она, и слезы выступили на глазах.

— Знаю… — жестко ответил Арзу. — Только и я бы не меньше помогал твоей семье, чем помогает Гати…

— Ты не мог! Не мог! Ты был далеко… С Бойсангуром… А у меня не было другого выхода. Но пойми, какая мука жить с нелюбимым человеком! Меня утешало, что ты все-таки был где-то рядом, иногда я могла тебя видеть… Теперь и эту радость у меня отнимают…

— Судьба, Эсет… Но и Гати не виноват, что он стал калекой…

— Я не потому его не люблю. Ты… был у меня и ты остался…

Только одного тебя…

— Терпи… Но не оскорбляй Гати. Он хороший человек.

Эсет встрепенулась. Она гордо вскинула голову и в упор посмотрела на Арзу.

— Как ты мог подумать, что я изменю мужу! Да сгореть мне в огне… Я верю тебе. Поверь и мне… Прощай, Арзу! Возможно, на том свете Аллах и соединит нас.

Резким движением Эсет поправила съехавший платок, взяла кувшин и, ступая босыми ногами по камням, направилась в аул.

— Я не хотел тебя обидеть! — крикнул ей вдогонку Арзу. — Я верю тебе… Мы будем вместе… Я ведь тоже еду… туда…

Эсет вздрогнула, уронила кувшин и опустилась на колени…

* * *

Приход весны — праздник для всего живого. Весна несет с собой любовь и счастье. Только сердце Али оставалось равнодушным к весне. Чему радоваться? Жизни, похожей на холодный пасмурный день? Хотя к кому-то, наверное, пришли с весною и счастье, и радость, и любовь…

Над головой его широко раскинулись ветви бука. Между крепкими корнями могучего дерева бил родник. Кто-то заботливо обнес его деревянной оградой, а рядом повесил на колышек глиняную кружку. Видавшее виды дерево особенно дорого Али. Тридцать четыре года назад он родился под этим буком.

…Однажды весенним днем пушечные залпы нарушили тихую и мирную жизнь аула. Это генерал Розен сеял смерть в верховьях Аксая. Женщины и дети укрылись в лесу. Мужчины защищали аул.

В их рядах находились его отец и старший брат, четырнадцатилетний Леми. Лишь спустя несколько лет Али узнал, что тогда оставшиеся в живых защитники аула, захватив с собою убитых и

раненых, отступили в лес, оставив перед матерью бездыханное тело отца и тяжело раненного Леми. Мать закричала, забилась… В этот страшный день и родился преждевременно Али… Леми заменил ему отца. Но прожил он недолго.

С противоположного склона донеслась протяжная песня:

…А я в плену тюремного засова,
Закован я в булатные оковы.
За то, что полюбил свободу я,
Врагами воля связана моя.
Оповести ж, порхающая птица,
Что царская меня сковала власть…

Не допев песню, голос оборвался.

Да, ему сейчас всего только тридцать четыре года. А кажется, что три жизни прожил. Здесь впервые увидел он небо, здесь началась его жизнь. И всегда чувствовал он себя под открытым небом. И всегда шагал по жизни, как по краю пропасти. А если остался жив, то благодаря бесстрашию и хладнокровию. Больше половины жизни провел в лесах и сраженьях… Война преждевременно состарила его поколение. А детства-то у него почти и не было. Только иногда смутно, как в тумане, проступает в памяти утопающий в зелени аул, над ним бездонное голубое небо, где, распластав широкие крылья, парит орел, высокий обрывистый берег бурного Аксая, где гнездились стаи птиц и где он со своими сверстниками пропадал целые дни. Было ли все это когда-то? Не верится… Долгие годы войны стерли в памяти слишком многое, оставив в душе лишь тяжелый осадок горечи и безысходности…

Конечно, хорошо без войны. Какой бы тяжкой ни была жизнь, но она дана человеку для радости. А чему радоваться сейчас, когда не слышно ни стука топора, ни крика пахарей, ни радостных песен молодежи. Пришла весна, а земля лежит невспаханной.

Многие даже не выходят в поле, не собираются сеять. Одни готовятся ехать в Турцию. Продали пожитки, получили паспорта и ждут известий от инарла Кундухова, который, говорят, тоже едет

вместе с ними. А куда деваться тому, кому и продать-то нечего? Таких в ауле немало. И до Турции им не добраться. Что же ждет их здесь? Сибирь? Новая война?

С противоположного склона вновь донеслась протяжная печальная песня. И вновь оборвалась, и вновь наступила тишина, прерываемая лишь пением птиц.

А что делать ему? В последние дни он все чаще задумывается об этом. "Уехать вместе со всеми? — Попробуй, скажи о том старшему брату, Арзу и слушать не желает. Разве в Сибири лучше будет? — который уже раз спрашивал себя Али. — Оттуда живыми не выпустят. Неужели его Умар и Усман станут христианами? О Аллах, благодарю тебя, что дал ты мне сыновей! А если бы дочерей? Что бы с ними случилось после моей смерти…"

— Али!

Он узнал голос брата.

— Ва-а, Али!

— Ва-а-вай! — отозвался Али.

— Где ты?

— Здесь, под буком.

— Подожди, я спущусь.

Али заметил на тропинке спускавшегося к нему брата, побежал ему навстречу, взял из его рук ружье и саблю. Легкой бесшумной походкой Арзу подошел к роднику и, опустившись на корточки, сполоснул волосатые жилистые руки, потом набрал воды в пригоршню и отпил несколько глотков. Обмыл лицо студеной водой, вытерся полой черкески и, отойдя в сторону, присел на искривленный корень бука.

Али молча поглядывал на брата. Он заметил, как сильно похудело его лицо за последние дни, заметил и две новые глубокие морщины,

которые пересекли высокий лоб. Арзу тоже молчал.

"Значит, недобрые вести принес", — подумал Али.

— Почему не пашешь? — спросил Арзу.

— Чорин бык захромал.

— Надо было комья разбить. Айза где?

— Отправили домой.

— Тишина тут, — шумно вздохнув, промолвил Арзу — Птицы поют, а людей не слышно. Ехал, смотрел вокруг — ни одной души. Это во время пахоты! Разговоры о Турции и Сибири совсем сбили людей с толку.

— Люди не виноваты. Было время, когда и я осуждал даже тех, кто уходил за Терек.

— Если суждено умереть, то не лучше ли умереть свободным человеком? Но люди не слушают меня. Возможно, они и правы, кто знает.

Оба долго сидели молча.

— Что слышно в Беное? — спросил Али, чтобы хоть как-то нарушить гнетущее молчание.

— Ничего там нового нет. Солта-Мурад, Шоип и Берс справлялись о тебе. Привет передавали.

— Спасибо. Я думал, ты вернешься поздно.

— Делать там больше нечего было. — И, немного помолчав, добавил: — Я и Маккал едем в Турцию…

Али сразу и не нашелся, что ответить брату.

— То вы сами же отговаривали народ, а теперь…

— Да, теперь и мы едем. Но, не думай, я не переселяюсь. Нас посылает Совет. Мы с Маккалом должны заручиться поддержкой турецкого падишаха. Чтобы в случае восстания он поддержал нас.

Попутно мы должны узнать, как настроены грузины, абхазы и прочие наши соседи. Берс же едет на север. Мы отправимся с переселенцами, чтобы не возбудить подозрений у властей.

Приедем туда, увидим, как люди будут устраиваться, тогда станет ясно, одобрять переселение или любым путем остановить.

Никто о нашем задании не должен знать. Если тебя станут спрашивать, почему не уехал вместе со мной, отвечай, что поедешь после, когда устроюсь там я. Сейчас мы с Маккалом отправимся в Солжа-Калу за паспортами. Я же заехал сюда, чтобы тебя предупредить.

— Почему именно вас посылают?

— Так надо.

— Обо мне ты забыл? — спросил Али.

— А при чем тут ты?

— Мне тоже нужен паспорт.

— Тебе-то зачем?

— Поеду с тобой! — Али вскочил, словно сей момент собирался ехать.

— Куда? — удивленно спросил Арзу.

— В Хонкару.

— С ума сошел!

— Ты что, собираешься ехать без меня?

— Я же вернусь.

— Вот и хорошо. Вернемся вместе.

— Али!

— Нет, без меня ты не уедешь! Я тебя не отпущу.

— Ни слова об этом. Я только что встретился с Чорой, он мне не давал покоя, теперь ты…

— Вот видишь. Друг, и тот боится отпускать тебя одного, а ты брату родному запрещаешь. Нет, Арзу, я поеду с тобой.

— У меня нет времени заниматься с тобой пустыми разговорами,
— Арзу повысил голос — Кто о семье позаботится, если мы оба уедем? Дети должны вырасти, иначе угаснет наш род.

— Арзу, — твердо сказал Али, впервые в упор взглянув на брата. — Я поеду, если даже буду знать, что на второй день после моего отъезда они все сгорят. У меня один-единственный брат — это ты!

— У тебя дети.

— Дети? — воскликнул Али. — Детей Аллах может еще дать. Но мать наша уже не даст мне второго брата… — Он перевел дух и спросил: — Арзу, скажи правду, ты бы сам отпустил меня одного в чужую страну?

— Да, если… в интересах дела.

Али рассмеялся.

— А глаза, Арзу, глаза? Они же другое говорят!

— Замолчи, сопляк! Из дома — ни шагу! Я запрещаю! Понял?

— Война кончилась, Арзу. Ты мне больше не командир.

— Я старше тебя. Этого достаточно! — гневно выкрикнул Арзу.-

Говоришь, война кончилась?.. Нет, брат, она продолжается. И будет продолжаться до тех пор, пока мы не вернем себе свободу и землю. И до тех пор я твой командир, а ты в боевом строю.

Я подчиняюсь Совету вождей, ты — мне!

— Правильно, — согласился Али. Озорное выражение не сходило с его лица. — Ты мой старший брат и командир. Вот поэтому и не могу отпустить тебя одного. Иначе кому выполнять твои приказы?

— Тебе нужен паспорт…

— Возьми.

— Нет!

— Что ж, обойдусь без него…

— Али, не выводи меня из терпения, — взмолился Арзу. — Клянусь Аллахом, поступлю с тобой, как с непослушным буйволом.

Лицо младшего брата вдруг исказилось, шутливое выражение слетело с него. Али бросился к Арзу и, обняв его колени, торопливо заговорил:

— Арзу! Я не могу тебя покинуть. Ты был мне отцом, матерью, сестрой. Как я буду без тебя? Я не вынесу разлуки. Ради Всевышнего, создавшего нас, возьми меня с собой. Пойми, ты едешь в далекую страну. Там может случиться всякое. Неужели ты не хочешь, чтобы я был при тебе?.. Арзу… Я ни разу не ослушался тебя… Не вынуждай меня и не лишай жизни…

— Встань, Али, — тихо сказал Арзу. — Пойми и ты: оставлять детей одних нельзя!

— Отец Айзы возьмет их к себе, — с надеждой в голосе ответил Али.

Сердце Арзу не выдержало. Тронутое братской любовью, оно сдалось. Арзу показалось, что перед ним и сейчас тот же ребенок,

которого он когда-то качал на коленях, потом провел с собой через горнило войн, пока он не достиг совершеннолетия.

На какое-то мгновение к нему словно вернулось прошлое.

— Али! — вскрикнул он и, судорожно прижав к себе брата, стал ласково гладить его голову. Как в давние-давние времена…

ГЛАВА XV. МУХАДЖИРЫ

Я здесь первый и один по сие время восстал против пагубных военных действий на Кавказе и от этого вынужден покинуть край… Наши действия на Кавказе напоминают все бедствия первоначального завоевания Америки испанцами, но я не вижу здесь ни подвигов геройства, ни успехов завоеваний Пицаро и Кортеца. Дай Бог, чтобы завоевание Кавказа не оставило в русской истории кровавого следа истории испанской.

Н.Н. Раевский

Печаль и траур пришли в дом Мачига. Нет, в семье никто не умер, все были живы и здоровы, просто правоверный мусульманин совершал благочестивый поступок — покидал страну гяуров, что на том свете непременно зачтется ему и откроет дорогу в царствие небесное. Так поступил и пророк Мухаммад… Вот это-то прощание с родиной и несло на себе траурную печать.

К его двору пришла добрая треть аула. В большинстве своем женщины, что Мачига особенно раздражало. Он носился между ними то в дом, то из дому, загружая арбу, хотя, собственно, и грузить-то особенно было нечего. Тем не менее арбу следовало набить, пусть хоть рухлядью, закрыть сверху войлоком.

Попробуй, догадайся потом, что там под ним?

Быки стояли, понурив головы, косили глазом на приунывших женщин.

— Вас видеть такими — счастья не будет, — бурчал Мачиг, сердито поглядывая на женщин. — Вы что, хоронить меня собрались? — Он юркнул в дверь и тут же показался вновь, чтобы подать Кюри деревянный поднос и медный котел, почерневший от копоти.

Наконец Мачиг раза три обошел арбу, осмотрел, ощупал поклажу и вроде остался доволен.

— Ну, — крикнул он, — теперь садитесь!

Васал пристроил ребятишек. Средний малыш громко заплакал.

— Ты что, разве мужчины плачут? — прикрикнул на него Мачиг.

Женщины вышли на улицу. Зазу задержалась.

— Ну, все оплакала, женщина? — спросил Мачиг жену.

— Что же с нами будет? — сдавленно вскрикнула Зазу и кинулась на грудь Кабират, самой старшей из женщин, пришедших на проводы.

— Успокойся, Зазу, — утешала Кабират. — Бог не допустит несчастья… Не должен допустить…

Женщины заголосили.

— Хватит, Кюри! Выводи быков на улицу, — сморщившись, словно от боли, крикнул Мачиг.

Арба протяжно заскрипела и медленно тронулась со двора.

В последний раз Мачиг переступил порог родного дома. При виде пустых стен, горло Мачига перехватило. Здесь родились его отец, дед, прадед. Вот из этого окна впервые увидел мир и он, Мачиг. Теперь этот ветхий домик похож на покойника, и окна его напоминают пустые глазницы. Мачиг прошел в сад. На деревьях уже появились цветы, но большинство их стояло подобно скелетам. На их стволах виднелись черные зарубки, сделанные топорами солдат во время разгрома аула.

С другого конца аула до Мачига донесся протяжный распев мужских голосов.

— Прости, Аллах! — Мачиг смахнул со щеки скупую слезу. Утром он уже сходил на кладбище и простился с могилами предков.

— Простите меня! — теперь шепотом произнес он.

Тело Мачига отправлялось в Турцию, душа же навеки оставалась здесь, в родном доме. Кинжалом Мачиг вырезал кусок земли, завернул его в чистую тряпицу и спрятал за пазухой.

— Вот теперь все, — проговорил Мачиг, взглянув на поджидающею его Васала.

Васал потупился. Он понимал Мачига. Тоска по родине не умерла в Васале. Она жила в нем и вместе с ним должна была сойти в могилу…

— Я провожу тебя до хребта.

— Не стоит. Двери, окна и калитку закроешь потом, после нас.
Если не трудно будет, присматривай за домом. Кто знает, как все обернется. Если через год не вернусь, распоряжайся домом по своему усмотрению: хочешь — оставь себе, нет — продай.

Мачиг подошел к женщинам и простился с каждой отдельно.

— Провожайте нас улыбками, — приговаривал он. — За счастьем едем!

— Прощайте!

— Доброго пути!

— Да поможет вам Аллах и пророк его!

— Не забывайте нас!

— Зазу, счастья тебе!

— Счастья всем вам!

Из-за поворота показалась кавалькада всадников. Впереди в высокой каракулевой шапке, низко сдвинутой на лоб, на белом коне важно восседал мулла Шахби. Белоснежная черкеска из дорогого сукна и серебряная сбруя его коня говорили о том, что мулла собрался в дальнюю дорогу. Чуть поодаль от него ехали Арзу, Маккал, Чора и

Али. За всадниками тянулись повозки. И здесь арба муллы была первой. Грузная Бежу гордо восседала на ее передке. Рядом с арбой, погоняя волов, ехал Хабиб. За второй волочил искалеченную ногу мрачный Гати. Эсет все никак не могла оторваться от многочисленных братьев и сестер. Все они безудержно рыдали. Наконец она догнала повозку и, не переставая рыдать, пошла с ней рядом.

Арба Мачига пристроилась последней и, немилосердно скрипя колесами, медленно потащилась по пыльной дороге. Угрюмый Кюри шел впереди, ведя быков за налыгач. В повозке среди испуганных детей сидела Зазу с опухшими от слез глазами. Рядом, прикрыв лицо черным платком, семенила Зару. Позади, завершая эту необычную процессию, закинув руки за спину, шли Мачиг и Васал.

— Не послушался ты меня, Мачиг, зря, конечно, едешь, — говорил Васал, — что ж, дело твое.

— Не надо, Васал. Все уже решено, — отвечал Мачиг, не поднимая головы и бессмысленно глядя себе под ноги. — Говорим…
говорим. А душа горит… Не надо…

— Я не верю, что у турок будет легче. Но дай Бог, дай Бог…

— Ты настоящий друг, Васал. Спасибо тебе.

— Если что, то возвращайся сразу.

— Ладно, Васал.

— Без родины — не жизнь, Мачиг. Здесь трудно ли, нет ли, но ты в своем родном доме. Не зря говорят: свой ад лучше чужого рая. Правильно говорят.

— Согласен, Васал, согласен. Лучше жить нищим на родине, чем падишахом на чужбине. Слышал. Но как жить? Ты видел русских здесь; о том, что они творили, тебе не надо рассказывать. Но и Андрея, и Яшку, и Корнея ты знаешь. Очень хорошие люди! Если бы и другие русские были на них похожи, я бы не уехал…

— Не говори так, Мачиг. Ну хорошо… Только ведь из русских-то ты кого видел? Солдат да офицеров. Но русский народ не видел.

И как живет, не знаешь. Ты забыл, что Яшка рассказывал? И про свою судьбу я тебе говорил. Богатые есть везде, они не разбирают, кто ты — чеченец или русский. И в Турции точно так же. Сам убедишься скоро. Не найдешь ты правды, нет ее на свете, Мачиг.

— Мне больно слушать тебя, брат.

— Прости Мачиг.

Минуту-другую они шли молча.

— Как приедешь, обязательно напиши, Мачиг.

— Через кого?

— Может, кто надумает обратно?

— Напишу, Васал.

— А за твоим двором я присмотрю. Сердце подсказывает, недолго вы там задержитесь.

— Все в руках Аллаха.

Передние повозки уже взбирались на вершину балки, откуда провожающие и вернутся обратно. Каждый шаг приближал минуты расставания.

Дорога круто забирала вверх; в том месте, где она переваливала через хребет, Васал заметил пароконную повозку. Около нее стояли трое: один в архалуке и с картузом в руке, двое других в обычной кавказской одежде.

Это были Корней, Андрей и Яков. Вчера, когда в Червленую приезжал Данча, они совершенно случайно узнали от него, что гатиюртовские друзья уезжают сегодня в Турцию. В полночь выехали из станицы и вот еле-еле успели.

Али первым узнал их.

— Арзу, гляди! — радостно закричал он.

— Андрей приехал!

— И Корней!

— А вон и Яков!

Они пустили коней вскачь и вскоре оказались в крепких объятиях друзей.

— Надо же! Не ожидали вас!

— Тайком хотели уехать?

— Как дома, как семьи?

— Наташа и Маруся живы-здоровы?

— Слава Богу. Но я не верю глазам своим. Так это правда, Маккал?

— Да, Андрей. Правда.

— Али, а где же Айза? — спросил Корней.

— Она осталась дома.

— Почему же так?

— Едут только мужчины.

— Но почему не всей семьей? Гляди, ведь все с семьями уезжают.

— Бросил я ее. А там женюсь на турчанке…

Корней посмотрел на Али, как на сумасшедшего.

— Ты шутки-то брось! Скажи прямо, почему мою сестру оставляешь?

Али рассмеялся.

— Она сама так решила, — продолжал он поддразнивать друга.
Корней принял игру.

— Вообще-то она молодчина. Отделаться от такого олуха — это же счастье! Умная женщина. А покинула бы дом — была бы дурой.
Но ты все же ответь мне, почему один?

— К осени вернусь.

— Это другое дело.

Гатиюртовцы окружили их. Все хорошо знали Андрея и Якова. Ведь только в прошлом году они дважды приезжали в Гати-Юрт подработать. Почти половину работы выполнили бесплатно. А что было взять с голодных и нищих гатиюртовцев? Весь инвентарь, который они теперь с собой увозили, был сделан руками русских кузнецов: топоры, косы, вилы, лопаты, мотыги. Один за другим подходили они проститься.

— Дарасти, Андри!

— Хонкар едем, Хонкар!

— Досудани, Яшка!

— Хорош человек Анри. Большой пасиба.

— Досудани, Андри!

Подошли и Васал с Мачигом.

— Хорошо, что приехали, — сказал Васал.

— Мачиг, почему такой пасмурный? Ты же мужчина?

— Валлахи-биллахи, Анри… — Мачиг махнул рукой и смолк.

— Василий, и ты с ними? Не ожидал.

Васал покачал головой.

— Нет, Андрей Никитич. Мне отсюда только в могилу. Одну родину потерял, не хочу терять вторую. Просто провожаю вот… Ой, Никитич, горе-то какое…

— Яков, Корней, разворачивайтесь, поедем за ними.

— А вон и Мовла, — кивнул головой Корней. — Ты-то куда, дьявол однорукий?

Заткнув пустой рукав за наборный ремень, к ним приближался Мовла. Увидев друга, он просиял.

— В Хонкар, абрек, в Хонкар! — бросил он, единственной рукой обнимая Корнея.

— Тебе-то чего здесь не сидится?

— Люди едут, и я еду. У нас не случайно говорят: "Горе всех — свадьба для всех".

— Ничего себе свадьба! Кто же еще из вашего аула едет?

— Я один.

— Действительно! Я не забыл совсем, что в вашей деревне других дураков нет.

Мовла беззвучно смеялся, показывая ровный ряд крепких зубов.

— Турецкий падишах не позвал бы дурака в гости.

— А тебя позвал? — не понял шутку Корней. — Султану что, нужны головорезы?

— Лично мне написал. Просит: приезжай, Мовла, сделаю тебя падишахом нищих.

— Эх ты, остряк, дьявол однорукий!

— Вот так, Корней. В Мескетах один дурак — я, в Орза-Кале один дурак — ты, жаль, что не поедем вместе.

— Так ты в самом деле едешь?

— Конечно.

— Мало мы с тобой погуляли. Вон, сколько еще богатых станиц. Добра сколько. С кем теперь делить?

— Все, абрек, — серьезно и решительно проговорил Мовла, — век грабежами не проживешь. Рано или поздно ухлопают или в Сибирь погонят. Позор! Да и скучно становится здесь. Среди казаков абреки совсем перевелись. На Орза-Кале только шестеро.

Остальные же — мыши. Они котов боятся. Вот дед мне рассказывал, как они в старину жили. Тогда были казаки! Во всем вместе. Помогали друг другу! На войну вместе ходили.

Кунаками были. А теперь? Царь им стал родней отца. На своих добрых соседей, на своих братьев войной пошли. Испугались…

Нет, лучше уж подальше быть от таких соседей. Вот пошли бы тогда за нами казаки, мы бы солдат до самого Петербурга погнали. Теперь нас гонят. Потом возьмутся за вас. Эх, Корней, поздно мы на свет родились. Вот бы лет восемьдесят назад жить нам. Ты был бы атаманом, я — имамом. Ох, как били бы мы инарлов! А теперь поздно. Не тот стал казак, не тот стал чеченец. И те, и другие выродились. Все! В Хонкар ухожу. Там я найду себе дело.

Корней слушал внимательно. Слова Мовлы били больно, никогда раньше Мовла не заводил подобных речей. Но сказал правду.

Разве сейчас в станице те же казаки, что были когда-то? Царь, конечно, отцом им не стал, но сумел скрутить их и сделать своими наемниками.

— Шальная твоя голова, что ты в Турции сделаешь с одной рукой?

— О Бойсангуре слышал?

— Ну, слышал…

— Он был и однорукий, и одноглазый, и одноногий. А как бил инарлов!

— Бойсангур был наибом Шамиля. У него было собственное войско.

— Во мне злость кипит. Не даст султан землю — я и там абреком стану. Только грабить буду уже турок.

— Детей бы своих пожалел.

— Им своей судьбы не миновать.

Вскоре они догнали ушедших вперед товарищей. Между Андреем и Маккалом тоже шел спор. Андрей корил друга:

— Люди обманулись. Им простительно. Но вас-то глупыми никак не назовешь. Вы-то почему решились?

— Турецкий падишах письмо действительно прислал. Впрочем, я сомневаюсь, от него ли оно. Обман ведь. Мы объясняли это людям, уговаривали их, что только ни делали. Но нам они не поверили, а поверили бумаге. И искренне рассчитывают, что турецкий султан ждет их и не дождется. Надеются на уготованный им в Турции рай. Часть людей знает, что несладко будет на чужбине. Но тоже следует туда же. Бегут эти люди от царской власти, от неволи. Наши отцы и деды сложили свои головы на этой земле. А те, кто остался жив, вынуждены покориться судьбе. Царь и сардар обещали не трогать наши земли, сохранить наши обычаи, не притеснять нашу веру. Но обманули. Сам видишь, как нас унижают и оскорбляют. Если нищету еще можно стерпеть, то унижения — нет. Хотя бы уравняли нас в правах с русскими!

Так нет же! Для нас придумали особые законы. Вот и бегут люди от нищеты и несправедливости. Им теперь, что русский царь, что турецкий султан — разницы нет. Везде угнетают нашего брата.

— Все так, Маккал, но вы покидаете родину, другую родину не найдешь нигде. Крыша над головой будет… А вот родина… Она у человека только одна.

— Мы вернемся. Поглядим, как там дела, и вернемся.

— Ну, слава Богу, хоть тем утешил, — улыбнулся Андрей. — А то сердце разрывается.

Они добрались до места, откуда дорога уходила на Мичик и дальше, к Шали. Али отвел Андрея в сторону.

— Андрей, я еду потому, что едет брат, — торопливо заговорил он, не отпуская руку Андрея. — Я боюсь за него. С нами и Маккал и Чора. Мы вернемся обязательно. Но вот когда — пока неизвестно. Может, к осени, может, через год. Айза с детьми остается. Родители ее уже старики. Близких родственников у нее нет. Правда, в случае чего люди не оставят в беде. Но, прошу, будет время, будет у тебя возможность, заглядывай к ним.

Может, сумеешь чем по хозяйству помочь.

— Брат мой! — обиделся Андрей. — Требуются ли мне такие вот твои напоминания?

— И за Васалом пригляди. Я за него боюсь. Пусть оставит свои набеги за Терек. Вот, кажется, все.

Андрей достал из кармана платок, свернутый узелком. Протянул другу.

— Возьмите на дорогу… Здесь тридцать рублей. Мы с Яшкой для вас собрали. Золото — оно везде золото. Бери!

— Нет, нет, Андрей, — замахал руками Али. — Вы сами в нужде живете. Разве можно?

— Бери, мы остаемся дома. И как-нибудь перебьемся. Мачигу дашь рублей пять. Бери, не обижай.

Али взял узелок и спрятал его в карман бешмета. И Корней тоже протягивал что-то Мовле.

— Вот, нес для Али, — говорил он. — Я же не думал, что и ты поедешь. Держи, здесь пятнадцать рублей.

— Оказывается, ты богач, Корней, — засмеялся Мовла. — А как же твоя Маруся и детишки? Тебе же их кормить!

— Ничего, на хлеб хватит. А я не сегодня, так завтра снова буду иметь эти деньги. Черт возьми! А кому же я теперь буду сбывать свой товар?

— Гони в Беной, к Далхе. Ну, попрощаемся!

Грустными были эти минуты.

— Боже ты мой, — говорил Яков. Голос его срывался, а губы дрожали. — Как же так?.. Зачем?..

Маккал хлопнул его по спине ладонью.

— Держись, Яшка! Мужчины слез не льют.

— Господи, люди добрые, да вы же родину свою покидаете…

— А разве ты и Васал не покинули родину? Но ведь живы, слава Богу, Бог поможет и нам.

Яков замотал головой:

— Совсем не то, дядя Маккал, совсем не то. Тут русские везде проживают. А вы — на чужбину, где чеченов нет. К чужим людям.

Прощайте! Арзу и вы, дядя Мачиг, не поминайте лихом!..

Яков отвернулся…

Арзу первым вскочил на коня. Его примеру последовали остальные.

— Братья и сестры! — во весь голос крикнул Арзу, подняв руку и делая всем знак остановиться. — Дальше нас не провожайте.

Лишь Ахмед, Янарка, Абкар, Солта, Султи и Сулим поедут с нами до Буру-Калы. Они вернутся и расскажут вам о начале нашего пути. По возможности будем извещать вас обо всем. Но прошу, пока не получите от нас вестей, не покидайте аул, не срывайтесь с места. Если все, действительно, обернется хорошо, то мы непременно сообщим вам. О нас же не беспокойтесь. Не столь далекая страна Хонкар. Не горюйте, это нам не к лицу.

Пусть хоть все муки ада низвергнутся на нас, но мы должны оставаться мужчинами, достойными славы предков, что следят за нами из могил. Маккал, скажи и ты свое слово людям.

Маккал тронул пятками гнедого коня и въехал в середину людского круга. С минуту помолчал, окидывая взглядом родные места, а потом неожиданно запел:

Ва-а-а!
Горького детства чашу испившие с нами,
Войны прошедшие пламенный бег,
И горе, и радость делившие с нами,
Братья и сестры, прощайте навек!

Ва-а-а!
Бездомных нас теплом согревала,
Терпевшим голод пищу нам дала.
Удобрена ты нашей кровью алой,
Прощай навек, отцовская земля!

Ва-а-а!

Вы воспитали нас, родные горы.
И закалили в тучах грозовых.
Уходим мы, но судьбам не покорны -
Мы не забудем вас в краях чужих…

Повозка уже съезжала к речке Мичик, когда Кюри, пристроившийся сзади, сквозь скрип колес и стук их о камни различил дробный топот копыт. Оглянувшись, он увидел всадника, в котором тотчас узнал своего друга Алибека, сына Олдама из Симсира. Под ним был белый в яблоках конь. Где-то далеко позади мчались и другие товарищи по военной учебе. Его ровесники. Поравнявшись с повозкой Мачига, Алибек на полном скаку спрыгнул с коня.

— Алибек! — радостно вскрикнул Кюри, соскакивая с арбы и бросаясь к другу.

Алибек обнял Кюри.

— Ты хотел уехать, не попрощавшись со мной? Я как услышал о проводах, немедленно вскочил на коня и вот… я здесь…

— Что ты… Зачем?

— Значит, уезжаешь?

— Такова воля отца, — Кюри вздохнул.

— А вот и мы! — закричал подъехавший вместе с остальными товарищами Кайсар. — Уезжаешь?

— Да, Кайсар, еду.

— Быстро мы тебя догнали. А то ведь готовились скакать до самой Хонкары.

— Спасибо вам, друзья, — серьезно, по-взрослому произнес Кюри.-

Нелегко мне расставаться с вами… Алибек, я не забуду нашей клятвы. Устроимся там, и я вернусь. Мы вновь будем все вместе. — Кюри смутился от своего порыва и опустил голову.

Алибек пристально смотрел на Кюри, как будто видел его впервые. Да так оно и было. Собственно, только сейчас он заметил, как бедно одет его друг. "И он приезжал в горы… — мелькнула мысль. — А конь-то был чужой".

— Выше голову, Кюри! — хлопнув друга по плечу, бодро вскричал Алибек. — Конахи, как волки, рыщут по белому свету, дома же сидят только женщины. Поезжай. Там ты научишься многому, только горы наши не забывай. И честь нашего народа держи высоко. Ведь говорят, что горцы у турок в почете. Поступай к ним на службу, не упускай такой возможности. Научишься военному делу, а нам в скором времени это очень пригодится.

Отцы разуверились и принялись за молитвы. Но молитвами не завоевать свободы. Мы докажем, что в нас течет все та же горячая кровь предков. Мы же с тобой об этом говорили, помнишь?

Кюри согласно кивнул.

— Постарайся попасть в военную школу. Ты Хаджи-Юсуфа помнишь?

Так вот, он получил военное образование в Истамбуле. Строил имаму крепости, привел в порядок его войско. А Бота, хотя и изменил, но поначалу был правой рукой Шамиля. Нам нужны такие офицеры, как Берс, — преданные, образованные, но отчаянные и готовые на смерть за святое дело. Поэтому учись! — Алибек свистнул, и его конь, щипавший траву, подняв голову, подбежал к молодому хозяину. Алибек обнял его за шею, потерся щекой о горячую морду, потрепал его влажные губы и что-то шепнул ему на ухо. Потом подвел коня к Кюри:
— Попроси жизнь — я отдам.

Но тебе моя жизнь не нужна. Этого коня я люблю больше жизни.

И дарю его тебе! Держи повод, Кюри.

Кюри даже покачнулся. Такого коня! Не сошел ли с ума его друг? — Алибек…

— Держи, держи, Кюри, — настаивал Алибек.

— Ни за что!

— Да перестань ты в самом деле!

— Я… Я… не могу…

— Почему?

— Другого такого ведь во всей Чечне не сыщешь.

— Ну и что?

— Слишком дорогой подарок.

— Но ты же мой друг…

— Ты сам не сможешь жить без него. И конь тебя любит.

— Вот потому и бери. Как ты явишься к туркам? В каком виде?

— Не возьму, Алибек.

Алибек обиделся:

— Кюри, ради всего святого, ради нашего дела, которому мы поклялись, не обижай меня!

— Остопиралла. Не говори так…

Вмешался Кайсар:

— Скажи, Кюри, а разве ты на месте Алибека не поступил бы так же?

— Ну… хорошо… Спасибо…

Кайсар расстегнул на себе тонкий ремень и вместе с кинжалом в серебряных ножнах подал его Кюри.

— Вот, а это пусть будет и от меня память.

— Друзья, ей-богу…

— Ладно, ладно… А теперь обнимемся на прощанье.

Кюри вскочил на коня. Почуяв чужого седока, конь захрипел, взвился на дыбы, потом взбрыкнул и неожиданно понес… Кюри не растерялся и полностью отпустил поводья. Сделав круг, конь вернулся обратно и остановился, роняя с губ пену.

— Ничего, Серый! Все в порядке. Терпи! — Алибек потрепал его холку, затем оттолкнул и взобрался на круп коня Кайсара.

— Кюри, скорее уезжай! — крикнул Алибек. — Ты же, Кайсар, спой!

Кайсар не заставил себя упрашивать:

Мы родились той ночью,
Когда щенилась волчица,
А имя нам дали утром
Под барса рев заревой.
А выросли мы на камне,
Где ветер в сердце стучится,
Где снег нависает смертью
Над бедной головой…

Еще не окрепшие юношеские голоса подхватили:

Но поля там ты не встретишь,
Не будешь овец пасти ты,
Мы дрались с врагами жестоко,

Нас не одолели враги.
Как ястреба перья, уступы
Рыжеют, кровью покрыты,
Мы камни на них уронили.
Но честь уронить нам нельзя.

Возможно, со стороны они выглядели немного наивными, бессознательно повторяя действия старших. Возможно. Но и в пылу мальчишеской запальчивости, подражательства они были искренни. И угадывался в них характер будущих воинов.

…И мы никогда не сдадимся,
Накинем ветер, как бурку,
Постелью возьмем мы камни,
Подушками — корни сосны.
Проклятье царям и рабам их,
Собакам лохматым и бурым.
Их кровью заставим мочиться,
Когда доживем до весны.

— Выше головы, кенти! Свобода или смерть!

…Костры мы поставим в пещерах.
И наших шашек концами
Усилим огонь их, и пулями
Пробитые башлыки
Накинем на сыновей мы.
Пускай они за отцами
С врагами схватятся в битве,
Когда умрут старики…

Песня неслась вслед за Кюри, пустившим коня вскачь через Мичик. Поднявшись на противоположный берег, он осадил коня.

Кюри вытащил пистолет и тоже поднял его над головой.

— Свобода или смерть! — крикнул он и нажал на курок.

Голоса друзей все еще звучали в ушах Кюри, во весь опор скакавшего по дороге к Шали.

С этой песней уходили в бой их отцы, с этой песней пойдут в бой и они.

Алибек смотрел вслед Кюри до тех пор, пока тот не скрылся из виду. Лишь только тогда пухлые его губы дрогнули, а по щекам скатились две слезинки.

И кто бы мог предположить, что именно вот этот смуглый мальчишка с круглым добродушным лицом через двенадцать лет встанет во главе последнего, самого крупного восстания, освободит горную Чечню, вот здесь, на этом самом месте, перейдет Мичик, выйдет на равнинную Чечню и после длительной борьбы будет разбит и повешен в Грозном…

…Мутная Мичик текла так же спокойно. Она уже не раз слышала и эту песню, и грохот орудий, и лязг железа и стали, и стоны раненых, и умирающих. Все слышала и видела эта маленькая речушка. И удивить ее было уже нечем…

Часть третья. ЧЕРНЫЕ ДНИ

ИЗБОРОЗДИЛ Я МНОГО БУРНЫХ ВОД,
БЫВАЛ У ТУРОК, ЕЗДИЛ Я К АРАБАМ.
БЕДНЯК ПОВСЮДУ КАК БЕДНЯК ЖИВЕТ,
И СИЛЬНЫЙ ИЗМЫВАЕТСЯ НАД СЛАБЫМ.
Кязим Мечиев

ГЛАВА I. ПЯТЫЙ КАВКАЗСКИЙ ВЕЧЕР

(Вместо пролога)

Преступление властителей нельзя вменять в вину тем, над кем они властвуют…
В. Гюго

В то время, когда пять тысяч чеченских семей были в дороге на чужбину, на другом конце империи, в блистающем роскошью и ужасающем нищетой Петербурге, в доме героя Кавказской войны генерал-майора Викентия Михайловича Козловского собрались его боевые товарищи.

У парадных дверей выстроились ряды фаэтонов и карет, кучера с любопытством поглядывали на окна генеральского дома и тихо переговаривались между собой, переминаясь с ноги на ногу.

У входа гостей встречали слуги в пышных ливреях. В гостиной в позолоченных канделябрах и люстрах горели сотни свечей.

Столы ломились от яств и напитков. Французское шампанское и коньяк, русская смирновская водка, вина во всевозможных бутылках и графинах. Все — для гостей. Гости были одеты соответственно торжественному случаю. Бравые генералы — в парадных мундирах, штатские — в черных сюртуках и фраках, о дамах и говорить нечего.

Сегодня на свой очередной, уже пятый, вечер собрались герои Кавказской войны. Бывшие наместники Кавказа: Михаил Семенович Воронцов, Николай Николаевич Муравьев, Александр Иванович Барятинский, Григорий Дмитриевич Орбелиани; бывшие начальники Терской области: Николай Иванович Евдокимов, Дмитрий Иванович Святополк-Мирский, военный министр Дмитрий Алексеевич Милютин, генералы Бебутов, Тер-Гукасов, Лазарев, Геймам, Засс, князь Дондуков-Корсаков, братья Николаи.

Пришли историки-летописцы Кавказской войны — тайный советник, академик Российской академии Адольф Петрович Берже,

Николай Федорович Дубровин, Арнольд Львович Зиссерман, Ростислав Андреевич Фадеев, художник князь Гагарин, ученый-нумизмат генерал-лейтенант Бартоломей, полковник Вейденбаум и другие.

Общество украшали величественные дамы и блистательные, искрящиеся юностью барышни.

Наступила торжественная минута.

Инициатор и организатор кавказских вечеров, их бессменный председатель и тамада, известный писатель граф Владимир Александрович Соллогуб грузно поднялся со своего места и взял со стола сверкающий хрустальными гранями бокал с вином.

— Милостивые государи! Милостивые государыни! Сегодня минуло ровно два года с того памятного дня, когда наше собрание имело честь провожать в этой комнате царственного наместника на достославный подвиг. Уже тогда все мы единодушно предрекали ему громкую славу, а Кавказу — покой и мир. Я вновь слышу сказанные тогда слова нашего уважаемого Дмитрия Алексеевича Милютина, обращенные в тот вечер к царственному наместнику:

"В горных трущобах, где прежде лилась кровь, ныне устроено правильное управление, открыты суды, пролагаются великолепные дороги, свирепые лезгины бросили оружие и страстно предались земледелию, торговле, впервые горцы начали учиться писать и читать на своих языках. Но осталась западная оконечность Кавказских гор, где еще льется русская кровь, где еще не укрощена первобытная дикость обывателей тех далеких мест.

Положить и там конец кровопролитию, окончательно завершить тысячелетнюю непрерывную войну и посеять в том краю семена гражданственности — вот та задача, решение которой провидением предназначается Вашему Императорскому Высочеству! Вождь оправдал доверие! Предсказание сбылось! Кавказская война окончилась. Прежние надежды уже обернулись явью. На Кавказе — мир. Но куплен он дорогой ценой. Все долины Кавказа, все кавказские ущелья засеяны русскими костями. Теперь на Кавказе нет ни одного места, ни одного уголка, где бы русский воин ни написал своей кровью

строки великого урока неустрашимости и самоотверженности. С именами великих Цицианова, Котляревского, Ермолова, Паскевича, Розена, Воронцова и Барятинского нами связываются незабвенные военные и гражданские подвиги, имевшие один общий источник — любовь к Кавказу.

Все встали, обратив восхищенные взоры к некоторым присутствующим на вечере героям и аплодируя их достославным подвигам.

Между тем Соллогуб продолжал.

— Кавказ и мир — вот два слова, привыкнуть к которым пока никто из нас еще никак не может. Как-то даже не верится, что ныне Кавказ — без войны, а война без Кавказа! Но отчего же к нашей радости примешивается и какое-то скрытое сожаление? Мы торжествуем победу, но вместе с тем нам кажется, что мы расстаемся с чем-то привычным, дорогим, любимым, что мы хороним в себе непередаваемое и странное чувство ушедшей светлой молодости. Рассудок радуется, сердце — печалится. На то оно и сердце, оно печалится потому, что привыкло стремиться к вечно новым и необычным впечатлениям. Оно предугадывает, что за нынешними мирными заботами поблекнет и исчезнет прежняя удаль боевой жизни. Оно заранее тоскует, что ничто уже не заменит той опасной, дикой увлекательной и самобытной поэзии, той широты острых ощущений, которыми была наполнена вдосталь вся долгая Кавказская война.

Лица мужчин подернулись глубокой печалью. Дамы горестно вздыхали и прикладывали к глазам надушенные платочки.

— Кому из нас не памятна живописная батальная хроника сей шестидесятилетней драмы… Вот вдоль отвесных обрывов узкими тропинками тянутся отряды. По склонам гор карабкаются цепи, лишь изредка горнисты подают сигналы. Вдруг на опушке изумрудного леса заклубились серые дымки. Щелкнули винтовки горцев. Грохнули солдатские ружья. Завязалась перестрелка.

Впереди брызжет огнем и сверкает сталью завал горцев. Ударил барабан. Раздалось "Ура!" Гикнули и горцы. Пули посыпались все

чаще, чаще, чаще… Все громче и громче крики. Блеснули штыки, скрестились шашки. И вот уже ревет и стонет рукопашная схватка! Льется кровь, иные падают, но русские уже на завале.

Мюриды отброшены, они рассыпались по кустам. И снова водворяется тишина, и снова тянутся отряды по лесам и оврагам, вдоль скал и обрывов, над бешеными потоками, под нависшими шапками суровых снежных вершин…

Не верится, что можно было покорить такую страну, где на протяжении тысячи ста верст каждый куст был засадой, каждая каменная глыба — крепостью. И тем не менее, чудо свершилось!

Кавказские горы взяты! На Кавказе мир… Так что же завоевало Кавказ? Кого благодарить? Кому воздать славу? Так вот, славу, милостивые государи и государыни, следует воздать прежде всего великому чувству русского самоотвержения! Вот оно-то и завоевало Кавказ!

Худая эксцентричная баронесса Николаи пронзительно воскликнула:

— Кавказскому воинству слава!

— Слава!

— Браво!

— Виват!

И вновь гром дружных аплодисментов.

— Когда император Александр I покровом своей порфиры прикрыл обнаженную и измученную Грузию, он от имени России дал обет самоотверженного заступничества. Вот с того дня русское воинство в течение шестидесяти лет оправдывало царское слово, — продолжал вошедший в патриотический раж оратор. — С того дня русская кровь лилась непрерывно по кавказским долинам, кавказским рекам, кавказским ущельям. Там шли поколения героев, там шли героические битвы. Там слагалась славная летопись молодецких подвигов,

кавказская Илиада, еще ожидающая и своего Гомера, и своего песнопения. А в горном безмолвии осталось много безвестных жертв, много людей, имена коих и заслуги известны одному только Богу. Но все они, прославленные и безвестные, имеют равное право на нашу глубочайшую благодарность. Ибо там все — от простого обозного солдата до самого наследника Российского престола — храбро бросались вперед, не думая об опасности! Впереди них было российское знамя, сзади на них смотрела вся Россия!

Лица сидящих за столом светились гордостью.

— В этом навеки достославном исходе шестидесятилетнего побоища нельзя не видеть, милостивые государи и государыни, глубоко знаменательного урока не только для нас, русских, но и для всего человечества. Здесь проявились наше единство, наше сознание долга, наша дальновидность, наша способность к подвигам и упорство в достижении цели. Вот явный, несомненный смысл, вот окончательный вывод из взятия Кавказа. Вот поучение, завещанное нам Кавказской войной. Недаром поэт сказал:

И ты, Ермолов незабвенный,
России — слава, горцам — страх,
Чье имя, как завет священный,
Штыками врезано в горах…

Вся горная цепь, где еще недавно раздавались выстрелы, теперь умолкла. Но она навсегда останется исполинским памятником русскому самоотвержению, и, глядя на него, любой путник, пораженный его величием, невольно скажет, призадумавшись:

"Здесь жили, здесь дрались, здесь положили свои головы сотни тысяч русских, честно исполнивших свою обязанность". Памятник, достойный подвига! Этому памятнику издали поклонится вся Россия и повторит с нами: "Вечная благодарность наставникам!

Вечная благодарность всей русской земли сынам — и знаменитым, и безвестным, которые оправдали слово царское, которые не постыдились имени русского. Вечная память Кавказской войне!"

Под гром аплодисментов Соллогуб отпил глоток из бокала.

— Этими словами можно было бы заключить и речь мою на данном ежегодном собрании. Но в нашем кругу проглянуло, как слышал я, мнение, что раз война окончена, то, вроде бы, и нет нам уже более смысла собираться на нашу кавказскую годовщину. По их мнению, сегодня следовало бы нам в последний раз сойтись всем вместе, проститься с былой жизнью и затем разойтись молча порознь, как расходятся после погребения испытанного старого друга. Против такого решения, милостивые государи и государыни, нельзя не возвысить голоса. Да, Кавказская война окончена! Но она не окончилась ни в сердцах наших, ни на самом Кавказе. Кавказский крест, многими вами заслуженный, не напоминает ли он вам, что вы были знаменосцами святой хоругви, рыцарскими поборниками двух начал: долга и самоотвержения.

А потому, не расходиться должно теперь кавказским крестоносцам, а еще теснее сблизиться, соединиться, сомкнуться людям, которые ищут, где их долг, и понимают, что такое самоотвержение. В минуту общего похода к духовному завоеванию знающие тайну победы не имеют права скрываться. Кому не ясно, что вся Азия ожидает того, чтобы Россия скорее заврачевала свои язвы и просветила их разум? Кому не ясно, что вся Азия уже прислушивается к голосу просвещения? Кто знает, а не была ли Кавказская война лишь вступительным словом к оживлению изнывающего Востока. И как христианство озарило просвещением нас, так и мы, в свою очередь, должны просвещением осветить Восток. Неужели перед такой картиной, перед такой будущностью, перед еще не до конца исполненным долгом мы разойдемся и скажем, что мы уже более не кавказцы? Нет! Такого быть не может. Все мы по разным стезям, но хоть раз в год будем сходиться на это подворье в ознаменование того, что мы служим новому кавказскому делу и свято исполняем заповедь кавказского креста!

Итак, милостивые государи и государыни, не заупокойным возгласом, а заздравным тостом позвольте мне заключить свою речь. Позвольте поднять бокал во имя начала долга и самоотвержения уже

покоривших непокоримое, и имеющих просветить, возвеличить наше драгоценное отечество. Да воскреснет Восток от благоденствия России! Да процветет и возблагоденствует наш милый, дорогой, незабвенный Кавказ вдали от нас, его любящих и помнящих, и готовых служить его законам, его будущности и вместе, и отдельно, где бы мы ни находились!

Пусть здравствует и славится Кавказ на веки веков!..

Раздался дружный и долгий перезвон хрустальных бокалов.

Оркестр заиграл "Боже, царя храни!".

Очередной кавказский вечер завершился танцами…

* * *

И улыбались, и головами качали, вспоминая пышно-патриотическую речь Владимира Александровича. Завернул, закрутил, дескать, но от души… Прав был истинно дворянский писатель граф Соллогуб: дорогой ценой обошелся мир на Кавказе. Но не сказал он, что во многом лишь ради благоденствия буржуазно-помещичьего класса империи в течение шестидесяти лет по долинам, рекам, ущельям и кручам гор Кавказа потоками лилась кровь народная. Что не во имя своих интересов сложили там головы сотни тысяч переодетых в солдатские шинели русских крепостных крестьян и бессчетное количество простых горцев.

А интерес-то был. И какой! Даже после войны, чтобы именно тем господам, к кому было обращено славословие Соллогуба, жилось на Кавказе привольно и без опаски, изгнали из родных гор на чужбину полмиллиона горцев, а на остальных защелкнули наручниками цепкие и прочные когти двуглавого орла.

Да разве только горцев! Столетиями поднимались и русские крестьяне, и другие народы России за свои человеческие права, но каждый раз топили их в собственной крови. Расстреливали, вешали, гноили в тюрьмах и на сибирских каторгах лучших сыновей народов. А оставшиеся на безвольной воле, не находя себе клочка земли, куска хлеба, глотка свежего воздуха на родине, уходили для поиска всего этого на чужбину. Те же, кто не мог последовать за ними или боялся

оторваться от родной земли, с нищенскими торбами за спиной, с посохами в руках, сопровождаемые голодными и полураздетыми детьми, пешком обходили восточные и южные просторы великой империи в поисках подачки, оставляя за собой бесчисленное множество безымянных могильных холмиков с деревянными крестами, а то и без.

Велика Россия! Но вольготно было в ней только господствующим классам. Для миллионов же простых тружеников, на плечах которых держались сила и мощь империи, Россия была злой мачехой…

ГЛАВА II. СТО ПЕРВАЯ НОЧЬ

Ах, черен, неведом, тяжел этот путь!
Все дольше бреду, не чувствуя ног.
Не зная, ни где отдохнуть, ни свернуть.
И что там — в конце бесконечных дорог?
О. Туманян

Поздним вечером по склону хребта, что высится над речкой Мурат-чай, карабкалась группа людей. Четверо с трудом тащили носилки, на которых укрытый черной буркой лежал больной.

Поднявшись к вершине, все остановились, осторожно опустили носилки.

Один из них, высокого роста, широкоплечий, с густой черной бородой вокруг скуластого продолговатого лица, на котором, как орлиный клюв, выдавался тонкий хрящеватый нос, стоял молча, устремив неподвижный взгляд вниз, в сторону долины Мурат-чая.

— Отдохнем, Арзу. Еще один переход, и мы доберемся до лагеря, — обратился к нему один из товарищей.

Арзу не отозвался.

Внизу светились огоньки Муша, к склонам противоположного хребта прилепились армянские и турецкие села, оттуда доносится протяжный собачий лай, кое-где горели костры перед курдскими шатрами. Небо в бесчисленных звездах стало постепенно бледнеть и серебриться — это только что поднявшаяся луна спорила с беспросветным мраком. Невдалеке тявкали шакалы, откуда-то неслось тоскливое завывание одинокого волка. Ранняя ночь была полна голосов. Но не к ним прислушивался сейчас Арзу.

Из долины, где на огромном пространстве пылали язычки костров, едва доносилась протяжная мелодия, полная скорби и печали.

Казалось, звучал не человеческий голос, а голос самой земли:

О темная ночь, по-волчьи наступаешь ты,
О темная ночь, сколько горестей несешь ты,
Сколько друзей разлучаешь ты,
Как долга и печальна ты, ночь темная…

Арзу слушал. И готов был слушать эту песню бесконечно, несмотря на то, что ее скорбный мотив и горькие слова выворачивали душу, говорили, кричали о безысходности человеческой судьбы. От страшного отчаянья и горя песни хотелось кататься по земле и биться об нее головой. Но вместе с тем в песне слышалось что-то до боли родное, знакомое, теплое. И крайне далекое и от этих огней, от этих холмов и долин, от собачьего лая и волчьего воя, даже от этого неба и звезд. Короче, от всего, что его окружало сейчас. Этот голос, словно голос родины, наполнял его душу, заставлял жить, придавал силы. И Арзу готов был преодолеть любые преграды, перенести все несчастья, пережить любое горе во имя того, чтобы никогда не умолкали и вечно звучали вокруг него родная речь и любимые голоса…

Три месяца прошло с того дня, как покинули они родные места.

И уже в который раз Арзу приходится мысленно возвращаться к первым горестным дням начала переселения. Двигались повозки и конные, шли пешие. Казалось, нет конца этому людскому потоку. Горцы шли, разделившись на двадцать восемь партий. Во время всего пути до границы их сопровождал конвой из солдат и офицеров. 23 мая Арзу, Маккал и Али, шедшие с последней партией и находившиеся еще во Владикавказе, вновь тронулись в путь. От родной земли, от могил отцов. А сколько уже было пролито крови, чтобы отстоять свою землю, чтобы дышать на ней свободно. Неужели, напрасно? Нет, не напрасно! Рубцы и шрамы и на теле, и в душе всегда будут напоминать об отчизне и требовать верности ей. Просто их вынудили покинуть родную землю, заставили отправиться в неведомую страну.

Просторы Российской империи необозримы. Сколько дней и ночей проведено в пути, а конца дороги не видно. Но и бодрость еще не покидала людей. От лесов и гор, от аулов, видневшихся по сторонам

дороги, от горцев, встречавшихся на пути, веяло знакомым и родным. И вот настал тот день. День, когда зарыдали в голос женщины, а мужчины украдкой смахивали слезы. 28 июня у Хазапинской заставы их передали турецким офицерам.

Кавказские горцы ступили на землю чужой страны, сделали шаг в неведомое будущее.

Теперь они шли по турецкой территории. Они видели и безводные степи, и зеленые долины. Когда перед ними распахивались тучные нивы, когда их взорам представали цветущие сады и богатые села, им начинало казаться, что они ступили на землю обетованную. И тогда вспыхивала надежда: а вдруг и их поселят в таком же месте. Но турки вели их все дальше и дальше, в глубь страны.

Начал сказываться многодневный путь. Люди уже двигались с трудом. Они устали. Начали болеть. Нечем стало кормить скот.

Тогда шедшие первыми переселенцы раскинули лагерь в долине Мурат. Последующие партии присоединялись к ним. Таким образом, у Муша скопилось более восемнадцати тысяч человек. Еще пять тысяч переселенцев расположились у Эрзерума.

Лагеря возникли стихийно, вопреки планам турецких властей.

Горцев из России просили перебраться в Диарбекирский виллает[83].

Причем как можно скорее. Потому и каймакамы[84] ежедневно приходили в их лагеря. Но то ли жалость удерживала от решительных мер, то ли боялись они отчаявшихся людей, только к силе пока не прибегали. А в беседах убеждали горцев, что к юго-западу от Диарбекира им уже выделены плодородные земли и построены дома. Осталось лишь дойти туда. Что это, правда или обман? Как в Чечне, так и здесь, в Турции? Ведь местные армяне утверждали совершенно другое, что у Диарбекира даже трава не растет. Десять человек во главе с Арзу отправились в Диарбекир, чтобы увидеть все своими собственными глазами. И вот теперь они возвращались обратно с недобрыми вестями…

Армяне не обманывали. В Диарбекире — громадная тюрьма с крепкими каменными и высокими башнями, где полно узников. А за

Диарбекиром — пустыня…

Так где же земля, дома и желанная свобода? Их не было. Ни здесь, в долине Мурат-чай, ни в ожидавшем их Диарбекире. И здесь и там переселенцев ждала смерть.

На исходе последний месяц лета, а впереди — холода. Если сейчас знойное южное солнце выжигало все вокруг и под его палящими лучами начали гибнуть люди, то что будет зимой?

Запасы продуктов иссякли. Все, что представляло хоть какую-то ценность, люди уже обменяли на кусок хлеба и на горстку ячменя…

Вести, которые везли Арзу и его спутники, лишали пославших их людей последней надежды. Пусть и была она крохотной и робкой, но она все же была и придавала людям силы, поддерживала в них интерес к жизни. Как сказать правду. Правду горькую, разрушающую розовую мечту. Никогда, даже в минуты смертельной опасности, Арзу не терял самообладания, и никогда сердце его не замирало в предчувствии близкого конца. То было хладнокровие человека, всегда готового поставить на карту собственную жизнь. Жизнь, которая зависела только от него самого, от его воли и мужества. Он нес ответственность за свою жизнь. Но эта ответственность — ничто по сравнению с тем, что ему пришлось сейчас добровольно взвалить на свои плечи. Взять ответственность за жизни других — это значит больше не принадлежать себе, отрешиться от всего, быть до конца твердым в принятых решениях. Но тогда и говорить следует только правду, какой бы горькой она ни была… А как сейчас сказать ее? Как?

— Что будем делать, Арзу? — тихо спросил Чора и, словно испугавшись собственного вопроса, сразу же замолчал.

Глядя на Арзу, он надеялся, что друг отыщет выход. Такая мысль, хотя и не давала полного успокоения, но удерживала от отчаяния.

— Муш или Диарбекир… — Арзу как бы размышлял вслух.

— Нет, выбирать нам не дано. Но кто нам запретит выбрать смерть? А ведь на это нас и толкают…

— Умирают один раз. А где и как — в том существенной разницы нет.

— Ты не прав, Чора, разница есть. И — существенная! Я проливал кровь не для того, чтобы умирать с голоду или просить подаяние в чужой стране. Но кто задумал весь этот обман? И во имя чего?

Что и кто стоит за всем происходящим? Нужно узнать. Нужно вернуться обратно и отомстить, жестоко отомстить тем, кто обрек людей на столь невероятные страдания и лишения.

Невидимая в темноте грустная улыбка тронула губы Чоры.

— Месть? Что она нам даст, Арзу? Лишь новые беды и новые страдания. Сила русского царя велика. Земля его безгранична.

Войско несметно. Нашу же Нохчичо можно за день на хорошем коне проскакать из конца в конец. Теперь я даже удивляюсь, как это мы столько лет смогли продержаться.

— Да, мы дорого платили за право и желание жить свободно. Но в одном ты прав: самим нам не завоевать свободу. Нас осталось немного, да и среди оставшихся нет единства. Но опять-таки в том не наша вина, а результат действий власти. Многому меня научили нынешние скитания. Я теперь словно пробуждаюсь от какого-то долгого сна и начинаю понимать мир, действительность. Впервые мы увидели и здесь, в Турции, таких же обездоленных, как и мы. Воочию убедились, что нет на земле справедливости для всех, удел бедных — кормить богатых.

— Так предначертано Богом…

— Да, все мы в его власти. Он создал нас, но почему-то забыл сделать настоящими людьми. Разве он не видит наши страдания и беды? Скажи мне, за что, за какие грехи наказал он вот этих несчастных? — Арзу протянул руку к долине Мурат-чая.

Чора испуганно глянул на небо: слова Арзу были, на его взгляд, кощунственными.

— Роптать на судьбу — грех. Все исходит от Аллаха, и мы ему повинуемся.

И Чора, обратив лицо к югу, стал читать короткую молитву.

Теперь Арзу смотрел в другую сторону, туда, где у подножия горы редкими огнями светилось турецкое село. Он думал не о молитвах. Неизведанное и непривычное чувство охватило его: он чувствовал себя так, словно за спиной начали вырастать крылья, сердце защемило от нежности: ведь где-то там, в этом селе, под одной из крыш живет Эсет. Что с ней? И жив ли… Гати?

Он испугался, что произнес свои мысли вслух, и растерянно взглянул на Чору. Но тот еще продолжал молиться.

Арзу положил руку ему на плечо.

— Молитвами уже не помочь, — сказал он. — Пора!

Послышался стон. Арзу подошел к носилкам.

— Данча… Как ты?

— Воды. Дай попить…

Чора подскочил с небольшим бурдючком и, осторожно подняв голову больного, поднес отверстие к губам. Данча судорожно глотал воду, тянулся к бурдючку, как младенец к материнской груди, словно боялся не успеть утолить жажду, не успеть насытиться влагой. Напившись, откинулся, тяжело дыша, потом отвернулся и затих.

Путники начали спуск в долину. Луна освещала путь, бликами играла на оружии, украшенном серебром. Шли молча, только стоны больного изредка нарушали тишину.

…По поляне, где только что отдыхали путники, уже рыскали шакалы и, не найдя поживы, затрусили по тропе вниз, за людьми.

Крадучись проследовали за ними до самого лагеря…

…Ночь была уже на исходе. Из ущелий и оврагов веяло прохладой. Сырой туман пополз из низин, цепляясь за кусты, взбираясь все выше и выше. Несмотря на столь позднее время, лагерь бодрствовал. Люди безмолвно сидели вокруг костров, понурив головы, прислушивались к треску сучьев. Тишину не нарушали ни крики петухов, ни лай собак, ни мычанье коров.

Только трещали дрова. Пламя костров выхватывало из тьмы худые фигуры детей, женщин и стариков с изможденными застывшими лицами. И невозможно было сосчитать, сколько их, похожих на живых мертвецов, с запавшими щеками, с безысходной болью в безжизненных глазах.

Костры горели всюду, по всему лагерю. Старый Жонсу полулежал на ветхом войлоке у шалаша, сооруженного из повозок, и бездумно перебирал самодельные четки. Обратившись всеми мыслями к Богу, он молился, просил у него помощи, надеялся на нее и ждал. Но день сменялся ночью, на смену ей приходил новый день, а все оставалось по-прежнему, проблески надежды гасли, как искры от костра.

Он прислушался, как спят внуки. "Наверное, сны нехорошие, вот и стонут", — подумал Жонсу. Их у него шестеро. От двух сыновей, погибших на войне. Жонсу похоронил обоих на родине, на берегу Мичика. Теперь он растит внуков. Но выживут ли они, об этом ведает один лишь Аллах. А старуху свою похоронил уже здесь, на чужой земле. Перед смертью она ему простила все.

Двухмесячный путь, который она проделала по его воле, увел ее далеко от родины. Жена в час кончины не сожалела об этом, делала вид, что смирилась, дабы не причинять еще большей боли ему, Жонсу. Но себе теперь он не может простить принятого им решения…

В соседней землянке сегодня праздник. Мовла откуда-то принес ячмень. Может, украл, может, выменял на что-то из оставшегося.

Дети суетятся вокруг котла над костром. Жонсу слышит их радостные крики. Как мало нужно детям, чтобы забыться хоть на час. Ведь им, детям, может быть даже труднее приходится, думает Жонсу. Но они, взрослые, лишили их родного дома, привезли непонятно куда

и непонятно зачем. Читать этот неосмысленный безмолвный укор в детских глазах мучительнее любых адских мук…

— Что же делать?.. Что теперь делать? — шептал Жонсу, механически перебирая четки.

Горел огонь и перед землянкой Данчи. Семья еще не ложилась, в маленькой кастрюле варился ячмень. Это Мовла поделился с ними. Сорокалетняя Хеди, жена Данчи, хотя на вид ей дашь все пятьдесят, сидя на корточках, большой деревянной ложкой помешивала ячменный кулеш. Тут же у огня примостились и двое ее детей. Глаза ребятишек прикованы к кастрюле. Им не терпится, они убеждены, что ячмень уже давно сварился, а мать, не попробовав, все размешивает и размешивает его. Наконец Хеди разложила еду по мискам, и дети с жадностью голодных волчат набросились на нее. Болат, как ни был голоден, а нет-нет да и вылавливал зерна из своей миски, бросал в ложку младшей сестры. Поев, Болат отправился проведать своего друга Соипа.

Човка ушла в землянку спать, а Хеди долго еще сидела у огня, вороша хворостиной догорающие угли. Она чутко вслушивалась в ночную тишину, пыталась уловить звуки шагов и ждала, не раздастся ли голос мужа. Утомленная напрасным ожиданием, скрылась в землянке и прикорнула возле Човки.

Над речкой, у самой воды, скособочилась избушка из прутьев, обмазанных глиной. У входа ее, уткнувшись лицом в колени, сидел двенадцатилетний Соип. Чтобы хоть как-то спастись от назойливых комаров, он обмотал голые ноги травой. Мохнатая отцовская шапка была ему слишком велика, но он несказанно рад и такой. Соип поминутно хлопал себя то по коленкам, то по щекам, отгоняя кровопийц-комаров: из него и высасывать-то нечего, так нет же, все равно садятся. А на сердце и без них тошно. У Соипа умерли отец и две сестры. Один он остался теперь у матери, которая стонет сейчас больная в землянке. Да и сам он чувствует себя плохо. Голоден. Поел травы, теперь вот резь в животе.

Сходил сегодня Соип в соседнее село. Красные яблоки видел в садах, желтые груши. Так бы и впился в них зубами. С одного двора

хлебом вкусно пахло. Напрасно вспомнил сейчас — слюнки потекли. Лучше бы не ходил, не смотрел, не вспоминал…

Соип не слышал, как к нему подошел Болат и тронул за плечо.

— А, это ты…

— Держи, Соип, — сказал Болат и что-то сыпанул ему в руку.

— Что это?

— Мать ячмень пожарила…

— Откуда?

— Мовла принес чашку. Ешь!

Соип поднес было руку ко рту, но тут же опустил ее.

— Ты что? — спросил Болат.

Соип заплакал. Никто и никогда еще не жалел его так, как Болат. Хороший друг!

— Ты ешь, ешь, — уговаривал Болат. — Половину я сам съел, половину тебе принес.

Соип потянулся и свободной тонкой рукой прижал к себе друга.

— Нельзя… Я отнесу матери… Мать умирает… от голода…

Болат знал. Только чем он мог помочь? Постоял, помолчал и ушел…

А Соип забрался в непроглядную темноту землянки.

— Нана[85], - позвал он.

— Что тебе, сынок? — чуть слышно откликнулась мать.

— Я. Вот… покушай.

Соип нашел руку матери и высыпал ей на ладонь ячменные зерна.

— Ты сам бы съел.

— Я уже.

Соип вынырнул из землянки. Постояв некоторое время на воздухе, вернулся.

— Поела? Полегче теперь?

— Да, сынок. Завтра бы тоже так поесть, глядишь, и на ноги бы встала… Ох, винограду бы… хоть одну кисточку… Тогда бы совсем поправилась. Да ниспошлет Аллах тихого счастья. А как винограду хочется…

У одного из костров собирались люди. Много людей. Человек двадцать. Среди них сидел и рыжий Касум. Красивый мужчина был когда-то. Да только война обезобразила его красу. Без глаза домой вернулся. Но Касум не унывал. Одним глазом видел лучше других с двумя глазами.

А у Мовлы пустой рукав. Левый. Осколком снаряда руку снесло.
Как ветку. Мовла сразу и не почувствовал тогда…

Маккал рассказывал что-то интересное. Маккал много знает, в разных странах побывал, среди русских долго жил. О том, что слышал, и рассказывает. А людям интересно. Слушают его внимательно. Маккал счастливчик — ему на войне повезло: всего лишь три пальца на руке потерял…

Горит костер. Вокруг люди. У всех сейчас одна радость — огонь и тепло. Одежда на всех одинакова: старая, поношенная, в заплатках. И оружие у всех. А как же без оружия, да еще в чужом краю! Пистолеты, ружья, кинжалы. Вдруг что-нибудь случится? Их защитить некому. Потому без оружия им нельзя.

Просто невозможно.

Горят костры. Люди сидят вокруг костров. Много костров… Много людей…

ГЛАВА III. У КОСТРА

Не навязывайте здешнему народу не соответствующих его нравам и обычаям законов, которых никто не принимает.
А.С. Грибоедов

На лагерь опускалась ночь. Небо чуть бледнело, вспыхивало миллиардами звезд. Млечный путь туманным сиянием протянулся над головой. Но небо это чужое. И ночь чужая. И чужие люди вокруг на этой чужой земле…

Но нельзя беспрестанно лить слезы, не пристало горцу простирать руки, взывая к небу. Не мужское дело поддаться горю и жить, опустив голову и разучившись смеяться. "Эге-ей, кенти!

Вы что, приуныли? Тогда зажигай костры!" Робкие язычки огня облизывают сучья. И вот уже слышится смех то здесь, то там.

И тьма отступает перед пламенем костра.

— Расскажу-ка я вам, что случилось под Аллероем, — слышен звонкий голос. — Жил в нашем ауле здоровяк по имени Бута.

Шестигирдовыми мешками играл, как пуховыми подушками. Да. Но силою был — богатырь, а душой — настоящий заяц. Как услышит стрельбу — мгновенно в лес. И сидит там вместе с женщинами рядом. Женщины речи заводят, дескать, какие у них мужчины, смелые да храбрые, да какие они сильные. Бута соглашается:

"Да, мы такие!" Женщины и дальше языками чешут, дескать, какие же несчастные мужчины, ни сна они не знают, ни отдыха, все в седле, все в походах. "Такова наша доля", — заявляет Бута.

Однажды, отсидевшись в лесу, возвращаются они в аул. И вдруг где-то совсем рядом раздался выстрел. Бута как стоял, так и рухнул. "Аллах, убили меня!" — только и успел воскликнуть.

Женщины засуетились, бросились к нему, спрашивают: "Что с тобой? Куда тебя ранило?" — "Пуля попала в самое сердце!" -

"Ой, несчастный, берег-берег свою душонку, да так и не сберег". Обнажили женщины его богатырскую грудь, а раны-то не находят.

Только жука нашли ночного у него за пазухой. Женщины и навалились на Буту: "Держи свою пулю! Трус и от такой может подохнуть".

Дошла очередь до зандаковца.

— Однажды приехал в наш аул гость из Гойты, — начал он. — Гостит день, другой. Пора бы и домой уже ему собираться. Но он вот с чем обратился к хозяину: "Говорят, тут где-то живут еще одни наши сородичи. Сам подумай, приеду я домой, а меня спросят, видел ли я их? Что мне ответить? Покажи их мне, пожалуйста".

Вышли гость и хозяин на улицу, а навстречу идет хромой. "Вот человек вашего тейпа[86]", — показывает хозяин. Гость промолчал и прошел мимо. Хромой ему не понравился. Идут дальше.

Встречается горбун. "Вот тоже ваш человек". Гость покрутил головой и отвернулся. И тут впереди появился высокий, статный, добротно одетый мужчина, но немного косой. "А этот как, тоже наш?" — спрашивает гость. "Ваш", — отвечает хозяин. "Слушай, — говорит ему гость, — ты теперь ноги напрасно не бей, возвращайся, а своих сородичей я теперь и сам как-нибудь распознаю".

Когда смех затих, разговор незаметно перекинулся на военные темы. Вспомнили о временах шейха Мансура, Бейбулата, вспомнили чеченских наибов, истории их побед и поражений. И снова вернулись к настоящему дню.

— Напрасно пролили мы столько крови, — тяжело вздохнул молчавший до сих пор Касум. — Сколько людей погибло, сколько пропало без вести! Не счесть. А во имя чего? Что мы получили взамен? Как вспомню день, когда решился поехать сюда, застрелиться хочется. Да накажет Аллах бесчестных, надоумивших нас забраться в такой ад. Жену и троих детей Аллах по дороге прибрал. Двое теперь осталось, но и к ним уже стучится смерть.

Даже голод на родной земле — еще не голод, кенти. Дома хоть какой, а найдешь выход. А где и как его искать здесь? Куда пойти? Что предпринять? Подаяния просить? Не смогу!

Единственный выход — грабить по дорогам да воровать по домам…

— Ты прав, Касум, придется все добывать силой, — поддержал его Мовла, своровавший ночью полмешка ячменя с гумна турецкого бека. — Здешние турки и армяне поначалу нам помогали. Спасибо им. Теперь перестали. Может, надоело, а может, у самих ничего не осталось. Они будут теперь нас грабить, а мы — их. Как говорят, не тот хозяин башни, кто ее построил, а тот, кто ее завоевал.

Али недовольно поморщился.

— Плохие твои слова, Мовла, — упрекнул он. — Ты слышал, какая молва уже пошла про нас? Но разве мы воры? Нет. А отдельные грабежи и кражи позорят всех, создают неправильное представление о нас.

— Али, ты о чем? Да разве нас здесь хоть кто-нибудь за людей принимает?

— Грабят и воруют не от жира. Ты что же, советуешь с голоду подохнуть? Хватит, терпение-то почти уже иссякло. Издевались дома, теперь пригнали сюда для издевательств. Еще более худших.

— А обещали рай!

— Вон, наш мулла Нуркиши как спроваживал нас. Горы золотые сулил. А сам остался, не поехал с нами. Он наперед знал, что нас тут ожидало.

— А нас обманули Успанов Сайдулла, шалинский Хадиз и майртупский Жанар-Али. Тоже сладко пели, что султан Хонкары ждет нас, не дождется, — возмущались гехинцы. — Поверили, потащились за ними следом. А где они сейчас?

— Подпевать хозяину, на чьей арбе едут, они умеют. Муллы и наибы при Шамиле жили припеваючи, а при царских стали жить еще лучше. Они и тут как сыр в масле. Помните муллу Шахби? Он живет теперь в турецком ауле, шею отъел не в обхват, живот, как у женщины на сносях. Вокруг головы — девятиаршинная чалма, в руках — пятисотенные четки. Ни дать ни взять — ангел Божий.

И какое его собачье дело до нас? Он родного брата не пожалел.

— Говорят, он, бедняга, умер?

— Шахби его голодом уморил.

— Да трижды будь прокляты эти муллы! Научились читать Коран и водят нас, темных людей, за нос.

Мачиг, притулившийся под боком Маккала, нервно заерзал и дернул головой.

— Не говори так, Мовла, — он сделал предостерегающий жест рукой. — Не все муллы подлецы.

— Я согласен с тобой, Мачиг, и не говорю, что все муллы одинаковы, — устыдился Мовла Маккала. И поспешно добавил: — Вот ты совсем другой человек.

— Али прав, Мовла, — ответил Маккал. — И шариат, и наш обычай запрещают обижать слабого. Грабежи и воровство к добру не приведут. Вот вы напали на Муш. И чего же вы в результате добились? Да только того, что теперь местное население от нас отвернулось. Мы лишились и его помощи.

— Какая там была помощь? Крохи какие-то со стола…

— А ты ждал, что они восемнадцать тысяч душ безропотно возьмут на откорм? — спросил кто-то.

— Валлахи ва биллахи[87], турки и армяне — еще терпеливые народы!

— горячо воскликнул Маккал. — Ведь мы самовольно заняли их огромное пространство, где мы сейчас сидим. Берем у них, что приглянется. Как у родных дядей. Они нас жалеют и терпят. А вот мы терпеть не умеем. Нам даже не хватило терпения дождаться возвращения Арзу. Предупреждали вас, вы не послушались…

— Э-э, Маккал, голодный желудок не уговоришь. Ему не до проповедей. Он своего требует.

И Касуму не понравились наставления Маккала. Обезображенная правая щека его начала дергаться, а глаз налился кровью, что было первым признаком сильного волнения.

— Ты, Маккал, сказки здесь не рассказывай, — выпалил он.-

Нам их уже рассказали и жизнь сказочную посулили. Что же вышло на деле? А то, что мы стоим сейчас на краю могилы. Ни у тебя, ни у Арзу семей нет, потому вам легче не только терпеть, но и поучать других. Послушать вас, так нам одно остается: лишь умереть. Да еще воспеть славу выгнавшим нас с родной земли. Значит, со мной можно поступать, как с последней собакой, а я не имею права защитить себя? Меня приговаривают к медленной голодной смерти, и я должен говорить за то спасибо? Они люди, а я — червь? — крикнул Касум, ударив себя кулаком в грудь. — Нет! Во мне сидит зверь! И я буду беспощаден к тем, кто предал меня и наплевал мне в душу!

Маккал спокойно смотрел на Касума. Человек разуверился во всем, и ему было искренне жаль его.

— Да продлит Аллах твою жизнь, Касум. Только почему свою ненависть ты направляешь не в ту сторону? Причем здесь армяне и турки? Ты не знал их раньше. Точно так же и они ничего не знали о тебе. Нет, не турки и не армяне виноваты в твоем сегодняшнем несчастье.

— А кто же? Кто лишил меня глаза? Мовлу — руки? Усмана — ноги?

Кто нас забросил сюда? Ты думаешь, Маккал, если я не улем, то я дурак? Разве я не знал о существовании русских еще до того, как они со штыками ворвались в мой дом? Что я им плохого сделал, чем не угодил? Я сбежал не от счастья. Меня унижали и оскорбляли, отбирали последний кусок хлеба. За куском хлеба я приехал сюда. И вышло, что убежав от воды, попал под мельницу. Теперь я уверен, что в Сибири мне было бы лучше, чем здесь. — Касум умолк, уставившись горящим глазом на Маккала.

Все молчали.

Мачиг подбросил дров в костер. Через минуту огонь вспыхнул с новой силой. Мачиг отодвинулся назад.

— Что тебе ответить, Касум? — проговорил наконец Маккал. — Я такой же человек, как все. И я многого не понимаю. Но все мы в положении дичи, убегающей от охотника. И не только мы.

Вы видели здешние аулы. Они мало чем отличаются от наших.

Такие же, как у нас, лачуги. Но и среди них есть настоящие дома. А кто в них живет? Старосты, муллы, кадии, торговцы. Это в аулах. В городах — князья, генералы. Драконы, одним словом.

Но я-то о чем спрашивал? Кого из вас бедняк тронул хотя бы пальцем, обидел, оскорбил? С кем он не поделился своим последним? Так кто же тогда наш враг? Одно выходит — богатей.

И неважно, чьи они, наши или турецкие. Наверное, это им надо мстить, Касум.

Касум задумчиво глядел на пламя костра. Гнев его уже остыл.

— А кто такие мы, чтобы мстить царям и генералам?

Ничтожества… — Он поднял голову от колен. — Да и времени для этого у нас нет. Лично я, например, не знаю, доживу ли до завтра. Но жить рабом и нищим я больше не хочу.

Так теперь думали все переселенцы, Касум же лишь выражал их общее мнение. Маккал подыскивал слова утешения, но не находил.

— Согласен, наше положение, действительно, незавидное.

Возможно, через месяц-другой нас некому будет даже и оплакивать. Но, если успеют вернуться наши товарищи, мы все вместе найдем выход.

— Нам только один выход, — бросил кто-то, — в могилу.

— Клянусь Аллахом, знал бы, что турецкий рай горше нашего ада, ни за какие деньги не перебрался бы через речку Мичик.

— Надо было в свою Сибирь ехать. Откуда и вернуться можно было бы.

— Стыдно, кенти! Даже женщины так не ноют! Мы что, не дрались с русским царем? Или мы смерти боялись? Что-то не припомню такого! — Мовла вскочил. — Клянусь грудью матери, если дойдет до того, буду рубить головы и турецким янычарам.

— Смерти, Мовла, никто и не боится. Позор — вот что страшнее смерти. Лучше тысячу раз в день умереть, чем тысячу дней скитаться бездомным бродягой.

— Тогда и горевать не о чем. Ружья наши не заржавели, сабли не затупились. Будем драться. А смерть-то, вон она из темноты глаза на нас таращит. Выбирает, к кому бы ей сегодня ночью явиться в гости. Впрочем, не хочу даже думать об этом. Ты мне, Маккал, вот на какой вопрос ответь: если я какому-нибудь паше турецкому отсеку при случае голову, на том свете как благодеяние… зачтется мне это Аллахом?

В глазах Маккала заиграли веселые огоньки. Лицо тронула улыбка, он лукаво подмигнул:

— О сын Адама, раб Аллаха, нищий турпал[88] Мовла! Внимать священному писанию пристало лишь сытым и бездельникам. В наших же желудках гуляет ветер. Но времени у нас хоть отбавляй. А потому я отвечу на твой вопрос. Священное писание предписывает: цари, князья, приставы и все прочие кровопийцы поставлены над тобой Аллахом, а потому ты должен их терпеть и помалкивать. Далее святое писание говорит так: "О верный раб Аллаха, Мовла! Все гяуры — твои враги. Убьешь их — и Аллах тебя возвысит, убьют тебя — он и в этом случае возвысит тебя.

И пред тобою откроются райские врата, прекрасные гурии поведут тебя в чудесные сады, где текут молочные реки".

— Заманчиво, черт возьми! Но как-то хитро. При любом исходе в рай идти предстоит одному мне. А когда же неверный сможет попасть туда?

— Ха-ха-ха! Никогда! Это же будет несправедливо!

— Не везет гяурам!

— Подожди, Зарма. И у меня есть к мулле вопрос. К примеру, есть среди мусульман люди и похуже гяуров. Если они примут смерть от моей руки, попаду я в рай?

— Конечно бы, следовало. Да только в писании об этом ничего не сказано.

Мовла огорченно зацокал языком:

— Серьезную ошибку сделал тот, кто писал эту жейну.

— А нельзя ли вписать пару строк о том, что и убийце самых подлых мусульман в раю тоже найдется местечко? Ха-ха-ха!

— Придумал!

Маккал выждал, пока прекратится смех.

— Я другое тебе скажу, Мовла. Среди христиан добрых людей немало. И добрых христиан после их смерти, говорится в писании, будут перевозить в рай на белых верблюдах, а подлых мусульман на черных ишаках — в ад.

— Сколько же работы у ангелов!

— Бог даст, скоро собака Шахби подохнет. Тогда я через неделю открою его могилу и, может, увижу в ней своего друга Егора, — с серьезным выражением на лице проговорил Мовла. — Конечно, клянусь Кораном, есть и среди гяуров очень много хороших людей. Маккал правду сказал, солдаты воевали с нами не по своей охоте. Заставили их — и куда им деться было. Они и живуг-то хуже нашего. Я видел, когда два года в плену провел.

Вместе с мужиками Рангал-инарлы[89] работал. У мужиков земли мало, можно сказать, совсем ее нет. Вся она у богатых. Да и

собственная жизнь-то не им принадлежала. Князь его мог продать, обменять, проиграть в карты. Стоило мужику провиниться, как с него сдирали штаны и по голому заду охаживали прутьями или палками. А с мужицкими женами и дочерьми что вытворяли? Мужики рассказывали, что когда у князя сдохла ощенившаяся сука, то князь заставил только что родивших мужицких жен в первую очередь кормить грудью щенят, а потом уже младенцев.

— О Аллах, да допустимо ли это? Неужели у русских мужиков руки отсохли?

— Валлахи ва биллахи, да если бы кто заставил кормить щенка молоком жены, я бы ему снес голову и ее бы дал щенку.

— Мужики сопротивляются, но царь на стороне помещика, и в его руках войско.

— Короче, у мужиков жизнь хуже собачьей.

— Лучше раз погибнуть, чем терпеть такой вот позор.

— Видно, на земле нигде правды нет. А разве здесь, у турок, не то же самое?

— Тихо! Тихо! Вы послушайте меня дальше, — призывал к спокойствию Мовла. — Был у меня друг, Егор. Старый уже. В молодости любил он одну девушку, но у них был закон: без разрешения князя мужик не имел права выдать свою дочь замуж.

И пока Егор ждал такого разрешения, его и забрали в солдаты.

А через год ему отписали, что ту девушку изнасиловал княжеский сынок, она же, не выдержав позора, повесилась. Вы, наверное, слышали, что в русской армии служба длится двадцать пять лет.

И Егор вернулся домой почти стариком, он так и не женился. Вот он мне и помог бежать. А когда прощались в лесу, сказал: "Ты, Мовла, если доберешься до Кавказа, то по возможности руби головы тех и стреляй в тех, кто носит золотые погоны. Солдаты же, сам видел, — это несчастные люди".

— Он по-нашему говорил?

— Да нет. Я русский язык знал.

— Поклянись!

— Валлахи ва биллахи, знал!

— Переведи, как ты сказал?

— Да это совсем не трудно, — Мовла окинул всех гордым взглядом. — "Наш барин Рангал изнаешь?" — спрашивает он.

"Изнай", — говорю. "Йо, башка долой, золотой пагон эпсар башка долой. Висе золотой пагон эпсар саббак. Салти-мужиги, один биднак". А я ему: "Яхши, Егор, яхши. Висе золотой пагон башка долой изделаем".

— Ну и Мовла! — зацокали со всех сторон.

— Настоящий урус!

— Вот только нос у него другой.

— Длинноват, точно!

— Ничего, зато они ему одну руку подрезали.

— Мовла, а ты сдержал данное слово?

— Аллах помог мне добраться до Нохчичо. И как замечал золотой погон, так сразу Егора вспоминал. И ни одного случая не упустил. Так что свое слово я сдержал. Вот почему мне и интересно будет заглянуть в могилу Шахби. Если верить Маккалу, то Шахби должен попасть в ад, а Егор — в рай. Они же и могилами должны поменяться.

— Ошибаешься, — впервые мрачно засмеялся Касум. — Шахби — мулла, значит, его поменяют только на русского попа…

Костер догорал. Люди стали понемногу расходиться. Усталость и недоедание брали свое.

— И сегодня они не вернулись, — тихо проговорил кто-то. Ему не ответили.

Из ближайшей землянки до них доносится жалобный голос ребенка:

— Нана…

Мать не отозвалась. — Нана…

— Что тебе, моя хорошая?

— Я сискал хочу…

— Где ж его взять, радость моя?

— Нана, хоть немножко…

— Вот рано утром пойду в село и принесу много-много хлеба. А сейчас спи, спи… пока.

— Нана…

Девочка замолчала. В землянке стало тихо. Потом в этой тишине послышалось рыдание матери…

Мужчины, опустив головы, хмуро глядели на догорающие угли костра. Они, закаленные в боях войны, давились слезами, вспоминая своих собственных детей, кого уже мертвых, а кого живых, но таких же голодных, как эта плакавшая в ночи девочка…

ГЛАВА IV. МАТЕРИНСКОЕ СЕРДЦЕ

Журавль пролагает свой путь в небесах,
Из черного облака кличет "курлы",
Изгнанника гонят надежда и страх,
Что может он в мире, где люди так злы?
О. Туманян

Путники вошли в лагерь, соблюдая полную тишину, словно сопровождали покойника на кладбище.

И лагерь молчал, но это не означало, что все люди в нем спали.

Вот и Тарам стал с недавних пор страдать бессонницей. Как ни заставлял себя, а уснуть никак не мог. Впрочем, оно и понятно, какой может быть сон на голодный желудок. Где же в конце концов эта самая справедливость? Да и существует ли она вообще? Тарам в периоды ночных бдений проклинал весь белый свет, настолько опостылела ему жизнь. Жену и четверых детей схоронил Тарам, и разве уснешь, если вопрошающие глаза ни в чем не повинных детей постоянно преследуют тебя, а особенно, в ночные часы.

Тарам глядел в темноту, и жизнь казалась ему такой же беспросветной, как и эта окружавшая его ночь. Жгучая ненависть все сильнее и сильнее овладевала им, разгоралась с небывалой дотоле силой. И рука невольно судорожно стискивала холодную рукоять кинжала. Раньше с такой же ненавистью он рубил своих врагов на поле боя, и скольких врагов! Не щадя никого. Но тогда Тарам видел их в лицо. Это они разоряли аулы, убивали, грабили, уничтожали посевы. Потому Тарам и бился с ними насмерть. А теперь здесь, сейчас враг невидим. И с ним не вступишь в бой, хотя его соотечественники, земляки Тарама, все гибнут и гибнут по вине этого скрытого врага-невидимки…

Дважды не выдерживал Тарам и дважды водил людей на штурм Муша.

Разграбил его окрестности, и на душе вроде полегчало. Но что он скажет теперь Арзу? Как и чем будет оправдываться перед ним? А Арзу рассвирепеет… Да, Аллах с ним! Зато Тарам хоть чуть-чуть душу отвел…

Темные силуэты каких-то людей показались на дороге к лагерю.

Во мраке и не различишь — свои это или чужие. Вот они поравнялись уже с землянкой Тарама.

— Ассалам алейкум, да послужит добру твой ясный ум,-

Арзу чуть замедлил шаг, приветствуя Тарама.

— Ва алейкум салам! — чуть не подпрыгнул от неожиданности Тарам. — Да будет добрым ваш приход. Не унесла ли кого из наших неумолимая смерть?

— Слава Богу, пока все живы. Только вот Данча захворал, — Арзу указал на носилки.

— Да поможет ему Аллах! — сказал Тарам и присоединился к группе.

Уже издали они заметили высокую худую женщину, застывшую у входа в землянку. Это Хеди, заслышав знакомые голоса, вышла встречать мужа.

Данча попросил опустить носилки. Встал сам, оттолкнув попытавшегося поддержать его Чору, медленно пошел к своей землянке. Принесли бы его на носилках, вся семья бы переполошилась. Нет, этого Данча не мог допустить.

Но Хеди все видела и поняла, что мужу очень худо. Но виду не подала.

О том, чтобы зайти в землянку и посидеть всем вместе, не могло быть и речи. Ни в одной не уместилось бы столько людей сразу.

Поэтому, поговорив немного с Хеди и успокоив ее, все разошлись по своим землянкам.

Данча прилег на постланный в углу войлок. Состояние его было тяжелым, но он не стонал и старался дышать как можно ровнее.

— Тебе очень плохо? — тихо спросила Хеди.

— Ничего… Может, и пройдет, — чуть помедлив, ответил Данча.

Хеди растерянно сидела у его ног, не зная, что же ей предпринять. "Может, он голоден?" — подумала она.

— У меня сыру немного осталось. Нам одна армянка принесла. Для тебя сохранила. Покушаешь?

— Не хочется. Устал я с дороги.

Хеди на своем веку немало повидала и мертвых, и тяжелобольных.
Но видеть, как мучается самый близкий человек, было для нее невыносимо.

— Жена, ты что плачешь? — спросил Данча, расслышав сдавленный стон и рыдания.

И тогда Хеди заплакала, уже не сдерживаясь.

— Ну вот тебе и встреча! — попытался шутить Данча. — Муж устал, прилег с дороги, ну, прихворнул немного, а она уже и хоронить его готова… Нет, жена, будь мужественной! Ты же не плакала, когда меня насквозь проткнули штыком, выломали четыре ребра, и я был без сознания? Почему же ты тогда не плакала? Ну…
ладно, ладно… А то детей разбудишь…

— Я и тогда плакала, — всхлипнула Хеди. — Потихоньку от тебя.

Данча помолчал. Потом окликнул жену:

— Хеди!

— Что?

— Ты успокоилась?

— Да.

— Вытри глаза… Нам с тобой нужно поговорить… Но первая моя просьба к тебе — не плакать, что бы со мной ни случилось.

Надеюсь, тебе ясно? — Данча выдержал паузу. — Интересный вы народ, женщины! На войне всегда были рядом с нами, с мужчинами, не моргнув глазом принимали любую смерть, всего насмотрелись. А здесь, на чужбине, вы вдруг стали женщинами, причем чувствительными: чуть что — сразу в слезы… Не забывай, что чеченская мать должна быть смелой и стойкой. Ибо ее сыновья принадлежат не ей, а народу, родине. Ты знаешь, Хеди, никогда не думал и не говорил о смерти, но сейчас приходится… Конечно, я надеюсь на лучшее, но кто знает, что может случиться. Поэтому и хочу тебе сказать все заранее…

Хеди почувствовала всю серьезность положения. Если муж так говорит, то… надежд у него нет никаких…

— В жизни я совершил одну-единственную ошибку — привез вас сюда. Берс меня убеждал не делать этого. Арзу и Маккал уговаривали. Но живя среди людей, ты уже не принадлежишь только одному себе. Все мои родичи поехали, значит, и я с ними. Конечно, будет очень обидно умереть здесь. Мне следовало бы лежать в той земле, за которую пролил кровь. — Данча передохнул, провел языком по пересохшим губам. — Из родственников уже почти никого нет. Те же, что остались, думают только о себе. И вот какая моя вторая, главная просьба к вам: будете живы, любой ценой уезжайте отсюда. Здесь ни в коем случае не оставайтесь, даже если тебе посулят золотые горы, а сына сделают пашой. Дети должны помнить, откуда они и чьи они, и говорить на родном языке… Если не сможете вернуться домой сразу, постарайтесь сперва добраться хоть до Грузии. Она начинается сразу же за чертой границы. Пусть грузины и другой веры, но они все же горцы, можно даже сказать, одной крови с нами. Я буду считать, что вы уже почти на родине… — Данча вздохнул. — Наверное, я оказался плохим мужчиной, Хеди, если покинул родину. Что я искал? Лучшей жизни? Но вдали от родины она невозможна… Нет, невозможна!

А я слишком поздно это понял. Хотя предвидел, что и здесь не рай. Пусть никогда не забывает об этом Болат. Рассказывай ему все, что ты увидела, что услышала, попытайся объяснить, почему мы уехали из родного дома, вспомни подробности нашей жизни, жизни наших отцов и дедов. Пусть все это он передаст и своим детям. Потомки обязаны знать и помнить о нас.

Тяжело дыша, Данча повернулся на правый бок, Хеди поправила на нем бурку.

— Хеди, ты все поняла?

— Да, Данча…

— Не забудь… А теперь ложись и отдыхай… Пусть Бог нам поможет…

Хеди легла, но успокоиться, а тем более уснуть не могла. "Что делать? Что делать?" — спрашивала себя, а ответа не находила…

Хотя не одна она задавалась этим же вопросом…

* * *

Многое повидал, ко многому привык Маккал. Но то, что ему пришлось испытать в последние дни, невозможно передать словами. Каждое утро он чуть свет поднимал на ноги всех умевших читать ясин, чтобы похоронить покойников. Похороны на чужбине — дело тяжелое и изнурительное, и основная тяжесть их организации и проведения ложилась на его плечи. По вечерам он так уставал, что еле добирался до своей землянки. Пальцы не сгибались, тело ныло и болело, как после жестоких побоев.

Он укладывался, но сон не приходил к нему. В душе его беспрестанно росла тревога. Он более других ждал возвращения Арзу с товарищами. Месяц назад отправились они в Диарбекирский виллает осмотреть предназначенные для переселенцев земли. А Маккал еще раньше уехал в Стамбул на переговоры с султаном.

Вернувшись, он уже не застал Арзу. Выходит, что почти два месяца не виделся со своим побратимом.

Поехать в Стамбул вместе, как было решено на Совете старейшин в Беное, им не удалось. Обстановка требовала присутствия в лагере хотя бы одного из них для поддержания порядка.

Отправить в Стамбул одного Арзу? Нельзя. Во-первых, он человек прямой, резкий, горячий, и кроме родного, другого языка не знает. Во-вторых, лагерю требовался человек, способный твердой рукой сдерживать голодных, разоренных и доведенных до отчаяния людей. Это было под силу только Арзу. Он умел подчинять себе людей. Арзу и Чора остались в лагере, Маккал же и Али отправились в Стамбул, тем более, что Маккалу уже довелось побывать в турецкой столице…

Али уже спал, когда наконец сон сморил и Маккала. Но сон всегда один и тот же. Сначала ему виделись родные горы, потом всплывало прошлое: плен, далекий север, пленение Шамиля, Бойсангур, предсмертная агония Жабраила, кровопролитие у Шали.

Видел и друзей: Солта-Мурада, Залму, Берса, Дада…

Проснулся Маккал от шума и топота. А потом услышал зычный голос Арзу. Маккал вскочил и, еще не совсем веря своим ушам, подумал, что это продолжение сна.

— Есть здесь кто живой?

Маккал кинулся к побратиму, потом к Чоре.

— Опять страшный сон видел. Случилось что-нибудь?

— Данча приболел.

Вошел Али. Обнял Чору, с любовью посмотрел на брата.

Тарам и здесь не отстал. Он вынул из кармана бешмета видавшую виды трубку, набил ее душистым табаком. Потом долго прикуривал, высекая огонь обломком кинжала из кремня и рассыпая в темноте снопы искр.

— Как съездили, Арзу? — у Тарама уже иссякло терпение.

— Плохо, Тарам, — ответил Арзу. — Нас обманули.

— А Нурсет-паша[90] говорил, что там самые плодородные земли.

— Врал Нурсет-паша. Как врали и все остальные.

— Но люди-то там есть? Живет хоть кто-то?

— Люди живут везде. И там тоже. В основном курды, кочевники племени эшират. Говорят, они разбойники и грабят армян. К востоку расположен Диарбекир, по словам проводника-армянина — "турецкая Сибирь". И еще проводник говорил, что в Турции живут народы разных национальностей и что молятся они самым разным богам. Так что, Маккал, не одни мы такие храбрые. Не только мы поднимем оружие против властей, многие народы мечтают о свободе. И в самой Турции воюют против султана, особенно христиане, живущие за морем. В Диарбекире имеется огромная тюрьма с круглыми башнями. В нее бросают всех: и турок, и христиан. Я еще подумал, а не гонят ли нас специально поближе к этой тюрьме?

Нет! Невозможно было слушать слова Арзу. Ум отказывался понимать, сердце отказывалось верить. В Турции еще хуже, чем в России. Пленных горцев в России отправляли в Сибирь или в имения помещиков. Пусть в оковах, но там можно было дышать свежим воздухом и греться на солнце. В крайнем случае не так уж трудно было и сбежать. Турецкая же тюрьма по рассказам походила на зиндан Шамиля, если даже не хуже.

— Как ты считаешь, Арзу? — спросил Маккал. — Нам следует отправляться туда?

— Один я ничего не решаю. Спросим людей.

— Лично мое мнение такое, — заворчал Тарам. — В набахти я всегда успею. А потому останусь здесь. Земля тут плодородная. Если нечего будет есть — заберем силой. А то, что Нурсет-паша нас

обманывал, я заранее чувствовал. И непонятно, чего мы ждем дальше. Кто нам отдаст хорошую землю? Таких дураков на свете не найдется. Почему нас выгнал русский падишах, ясно. Он — гяур. Но турецкий! Он же мусульманин. А поступил хуже гяура.

Свинья! — возмущался Тарам.

— Любой царь хорош, когда он мертв. А что слышно из Эрзерума? — спросил Маккал.

— Там наших собралось около пяти тысяч. И их тоже гонят в Диарбекир, сказав, что мы туда уже ушли. Более двух тысяч человек снялись с мест и отправились к Диарбекиру. В Чубакчуре мы с ними встретились и рассказали всю правду. Они немедленно повернули назад. Но уже не в Эрзерум, а сюда к нам. Дней через десять они будут здесь.

— Их нам только и не хватало!

— Они тоже голодают?

— Там еще тяжелее. Нурсет-паша безвыездно сидит в Эрзеруме. Со всех соседних виллаетов туда стянуты войска.

— Может быть, нам лучше расселяться группами, — нерешительно произнес Али, — Тогда мы и прокормиться сможем.

— Этого нельзя делать ни в коем случае, — решительно возразил Маккал и с грустью добавил:- Конечно, всем вместе было бы лучше. Легче язык свой сохранить, обычаи. Видно было бы и лицо народа.

Уставшие Арзу и Чора начали дремать сидя. Тарам вычистил трубку.

— Несчастный народ на земле, — ворчал он. — Начинить бы всю землю порохом да взорвать! Столько прожить и не увидеть ни одного радостного дня! Что мы сделали, чтобы над нами так измывались? Вот ты говорил, Маккал, дескать, нападение на Муш — позор для нас. Я и

сам сперва удерживал народ, а потом пусть нехотя, но повел. Но теперь! Сам призову и сам поведу на Муш.

Кто станет сопротивляться — отправится на тот свет. Нас не жалеют, и мы никого жалеть больше не должны.

Возмущение Тарама перерастало в ярость. В темноте глаза его заблестели, как у озлобленного голодного волка.

— Успокойся, Тарам, успокойся, — обратился к нему Али. — Не мути словами своими народ. Ему и без тебя тошно. Вы скверно поступили, напав на Муш. Теперь туркам ничего не стоит собрать войско и уничтожить нас. У них есть зацепка. А ее им дали вы.

— Кто турок боится, пусть держится за подол жены.

— Не забывайся! Здесь ты не у себя в горах. Здесь совсем другая ситуация. А с нами женщины и дети. Их ты куда денешь?

От турок пощады ждать нечего.

— Тем лучше для всех нас. Сразу подохнем и не будем мучиться.

На том свете нас даже предки не признают, если предстанем пред ними такими скелетами. И райские гурии отвернутся от подобных мужчин. Правильно я говорю, Маккал?

— Все ты говоришь верно. Но пойми и другое. Нельзя сейчас накликать на себя еще большую беду. Ваше нападение на Муш…

Ну что я теперь скажу Арзу?

— Слова-то ты какие хорошие говоришь: долг, благочестие, благородство… — Тарам словно рассуждал сам с собой, — Я всегда поднимался на гору и смотрел оттуда, как турки и армяне работали на полях, а курды, разбив шатры, пасли овец. Не знаю, может быть, зерно, что они убирают, и овцы, которых они пасут, им не принадлежат. Может быть, эти люди, как ты говоришь, и работают не на себя. Но у них есть все же свой клочок земли, есть своя кровля над головой, и они могут трудиться. А вот я двадцать лет мечтал о такой же мирной жизни: о праве пахать, о праве сеять, о праве убирать зерно. Мечтал, будучи в неволе.

Захотел я убежать из нее. И куда попал? Но все-таки я им завидую. И скажи ты мне, ну в чем моя вина, за что меня преследуют столько лет? Маккал, я хочу мирной жизни, а приходится грабить и убивать. Так вот, пусть Аллах потом и рассудит, кто в том виноват. Я или он.

— Не пори горячку, Тарам. Потерпи. Да и отдохнуть всем пора.

Эти двое до смерти устали. И нам спать уже хочется.

От громкого голоса Тарама Арзу проснулся. Он подождал, пока Тарам уйдет, потом спросил:

— А что ты привез из Стамбула?

Маккал вздохнул.

— Говорил с Абдул-Межидом и Али-пашой. Им не до нас. С русскими у них мир, и затевать с ними ссору они пока не собираются. Если же такое случится, то мы должны будем ударить русским в спину. Теперь же нам следует набраться терпения и ждать… Короче говоря, все обстоит так, как и предсказывал Берс. По мнению турок, сильнее их нет никого на свете и только они одни способны защитить нас от русских. Только все это одни слова. Реальной пользы от них нет никакой. Порядок в Стамбуле отсутствует, всюду произвол. Народ доведен до полной нищеты.

Все малые народы уже поднимаются против владычества турок.

Западные христиане, курды и арабы от Багдада до Алеппо.

Восстание вот-вот перекинется на Сирию. А тут мы со своей просьбой о помощи пожаловали. Турки сами сейчас нуждаются в ней. Отряды, созданные из переселенных черкесов, брошены на заморских христиан. По своей жестокости они даже превосходят своих хозяев. Вот и нас, видимо, турки хотят использовать в том же качестве.

— Не допустим, — отрезал Арзу.

На время в землянке воцарилась тишина, нарушаемая лишь мерным похрапыванием Чоры.

— Куда же все-таки решено расселять нас?

— В Диарбекирский виллает.

— Это все равно что обречь нас на смерть… Мусу или Сайдуллу не встречал?

— Видел их. В Эрзеруме. Муса уже стал пашой. Сайдулла пока официальной должности не имеет. Оба живут неплохо.

Арзу облокотился о подушку.

— А как жизнь в лагере?

— Нас осталось уже шестнадцать тысяч. Две тысячи человек лежат на кладбище. Я подсчитал, в среднем в сутки умирает по сто человек.

— Новых заболеваний нет?

— Болезни все те же — дизентерия, малярия, тиф.

— Сколько зерна осталось?

— Вчера считал. Получилось меньше двадцати мешков кукурузы.
Мы распорядились сделать из нее крупу, чтобы кормить больных и детей супом. Остальные пусть позаботятся о себе сами.

— Как наши гатиюртовцы?

— У Мачига умерли жена и двое детей. Похоронили мы и Ибрагима.
Последнего в семье.

— Упокой его душу Аллах.

— Аминь.

Арзу надолго замолчал. Думая, что он уснул, начал укладываться и Маккал. Однако Арзу не спал.

— Мне послышалось, будто Тарам говорил что-то о нападении на Муш. Это было?

— Было. Воспользовались вашим отсутствием, сбились в группу и дважды штурмовали Муш. Слава Богу, обошлось без крови.

Высокие каменные стены защитили город. Но дома тех, кто жил вне его стен, разграбили дочиста.

— Остопиралла! — невольно вырвалось у Арзу. — Как же мы теперь им в глаза смотреть будем?

— История очень неприятная.

— Кто зачинщики?

— Этого я не знаю. Говорят, какие-то люди мутили народ.

Призывали идти, чтобы добыть еды или погибнуть с оружием в руках. Когда же дошло до дела, во главе оказались Тарам и Довта.

— Сволочи! Все испортили, представили нас ворами и разбойниками. Если мы еще могли надеяться на хорошие земли и на мирную жизнь, то теперь все пропало. Кому захочется иметь дело с грабителями?

Арзу долго не мог успокоиться.

— Как настроены люди в целом? — спросил он, немного остыв.

— Большинство намерено вернуться. Кое-кто уже тронулся в обратный путь.

— А твое мнение?

— Я согласен с ними.

— Да, для нас теперь это единственно возможный выход, — твердо сказал Арзу. — До весны нам не дотянуть. Вернемся. Уж лучше в Сибири прожить год, чем один день здесь… Собери завтра аульских старшин и начальников отрядов. Будем решать все вместе…

Последние слова Арзу произнес почти засыпая. Но заснуть им не дал отчаянный мальчишеский крик:

— Арзу! Маккал! Дада умирает…

Болат уткнулся в горячее плечо Арзу и затрясся всем телом.

Данча умирал…

ГЛАВА V. ДАНЧА

Путь добрый тебе, мой милый журавль,
С птенцами, с подругой летишь прямиком,
Весной, как в родимую гавань — корабль,
К чинаре своей с прошлогодним гнездом…
О. Туманян

О ночь! Как длинна ты бываешь и жестока! Ни жалости в твоем мраке, ни милосердия. Холодны и безжизненны твои объятия.

Когда же ты кончишься, ночь? Под покровом твоей мглы раненый взывает о помощи, умирающий смотрит в бездушные глаза смерти.

Слышишь, как кричат больные дети, стонут безутешные матери, воют голодные звери. Почему же ты так безмолвна, ночь? Почему нет в тебе ни капли сострадания к голодным и измученным людям?

Может, ты знаешь, в чем вина их? Скажи, ибо люди о том не ведают. Вольную волю добывали, лучшую долю искали. Уповая на Бога, ютились в холодных саклях, мечтая о хлебе насущном.

Простирали к солнцу свои руки, но и небо над ними жестоко надсмеялось. Так кто же выведет их к свету? Обогреет?

Обласкает? Наполнит души новой надеждой? О ночь!

Нет, не по собственной воле устремились эти несчастные в неизвестный край, где им рай на земле посулили. И они черным людям поверили на слово. Черные люди сюда и загнали их обманом, сюда, под твой покров. О ночь!

Как ты холодна! И горячая кровь не струится по жилам, и сердце бьется все медленнее, потому что нет у ночи родины.

Прислушайся, ночь, к стонам мужчин, в безысходной тоске вопрошающих: "Аллах всемогущий, за что так жестоко, за какие грехи мы тобою наказаны? Смерть пощадила нас в бою справедливом, но обрекла на гибель позорную на чужбине. Приди же на помощь, всемогущий Аллах…"

О долгая черная ночь!.. Ты долга и тяжела, как думы о родине.

О страшная ночь! Избавь скорее от мучений того, кто ждет доброго солнца, глядя в лицо умирающего…

А Данча умирал… И он знал, что умирает. И что-то странное привиделось ему то ли в бреду, то ли наяву… Он один стоит живой и невредимый, а вокруг лежат тела товарищей. Какие-то белые облака ползут по земле и все ближе и ближе подступают к нему. Нет, это не облака, это солдаты. Стройными рядами наступают они на него, с головы до ног одетые во все белое.

И руки, и лица у солдат тоже белые. Только штыки черные. А Данча один. В стороне горит аул. Языки пламени извиваются вокруг него. Вот солдаты ускорили шаг. Они уже бегут. Данча размахивает саблей, но помочь ему некому. Он один. На всем белом свете. А из-под тел товарищей ручьями течет кровь. Данча видит лужи крови. Потом целое озеро. И по поверхности кровавого озера плавают тела воинов. И Данча стоит уже по колено в крови. Он оглядывается, но вокруг ни одной живой души. Поднимает глаза к небу. Вон Арзу летит на белом коне.

А кровь все поднимается и уже достает ему до подбородка.

— Арзу! Арзу!.. — закричал Данча и открыл глаза. Холодным потом покрылось тело. Дыхание перехватило. Он протяжно застонал, и лицо его исказилось от боли. Данча судорожно пытался схватить воздух открытым ртом.

— Болат, Болат! Скорее зови Маккала! — страшно закричала Хеди.

Но жизнь, видимо, не желала так быстро покинуть тело Данчи.

Данча за всю свою жизнь ни разу не болел, если не считать ранений, заставлявших его подолгу лежать в постели. Но на чужбине болезнь настигла его…

Теперь Данча перестал метаться и лежал тихо. Прибежавшие Маккал и Арзу по его дыханию определили, что конец уже близок…

Маккал занял свое место у изголовья и начал шептать ясин.

Арзу подошел к окаменевшей Хеди.

— Не печалься, Хеди, — сказал он. — Данча крепкий. Он еще нас с тобой переживет.

— Ему ведь было лучше. Я думала, он уже поправляется.

— С помощью Аллаха поправится…

Хеди лишь горестно покачала головой.

— Мы уже приспособились, — с грустью выдохнул Маккал. — Снесем его в рощу. Передай Хеди, чтобы воды нагрела. И еще спроси у нее, может мыло найдется. Обычно на такой час каждый бережет для себя кусочек мыла и бязь для савана.

Тело Данчи положили на носилки и вчетвером — Маккал, Арзу, Мачиг и подоспевший Чора — понесли к роще. Там переложили его на дубовые ветки, освободили от одежды. Открылось тело, сплошь покрытое шрамами. На спине — две глубокие вмятины от сквозных ударов, полученных в штыковом бою. Одному Аллаху известно, как Данча остался жив после них. На правом боку резко проступали выломанные ребра.

— Он был мужчиной.

— Настоящий воин.

— Тело-то какое чистое, — проговорил Маккал с таким спокойствием, словно омывать покойников стало для него обычным делом. — Сколько их прошло через мои руки, да простит мне Аллах такие слова. Попадаются такие, что от него на десять шагов отойдешь, но все равно еще дальше бежать хочется. Что творится в бороде, под мышками. Представить столько насекомых и то жутко. Как муравьи кишат. Одного мне даже ножом пришлось скоблить. Столько этих паразитов развелось. Потом и на еду смотреть невозможно: тошнит. Неплохое средство при голоде, верно?

— Маккал, — Арзу поморщился, — давай о другом?

— Гляди, какой чувствительный! Уже тошнит? От одних моих слов?

Ай-яй-яй. А мне каково? Значит так, с сегодняшнего дня ты будешь главным моим помощником. Хеди, саван готов? — Маккал повернул голову, встретил переполненный горем взгляд женщины и потупился. — Не стану успокаивать тебя. Ты и не такое видела… Что поделаешь, Данча, Валлахи, настоящим конахом ты был, верным другом и добрым человеком. Счастье твое, что ты ушел раньше нас. Ибо, какие мучения ждут нас впереди, одному Аллаху известно…

Недолго собирали Данчу в последний путь. И в чужую землю опустили отважного воина. А та земля, которую он двадцать лет отстаивал и поливал своей кровью, так и осталась в его несбывшихся мечтах…

* * *

Тот день был особенно трудным. За ночь умерло слишком много, и мужчины, взявшие на себя заботы о захоронении, работали с самого рассвета, не разгибая спин и не выпуская из рук лопат.

Солнце уже стало клониться к закату, когда они, еле волоча от усталости ноги, потянулись к лагерю. Шли молча, отрешенные от всего, измученные и отупевшие, словно они и себя вместе со своими близкими похоронили там, на нежданно выросшем кладбище.

Ведь и они не чувствовали больше ничего, и у них не было уже сил ни думать, ни разговаривать. Правда, мертвым легче — завтра их уже никто и ничто не потревожит; ни слез, ни горя не знать им больше. Счастливые они! А вот им, мертвым от усталости, но еще двигающимся, и завтра предстояло делать то же самое…

Арзу, как всегда, шел впереди. Устал он не меньше других, и сил у него не больше, но о спасительном конце даже подумать не имеет права, потому что именно он, а никто другой, взвалил на себя бремя всей ответственности за жизни близких ему людей.

А раз так, значит, должен он устоять во что бы то ни стало.

Нечеловеческим усилием воли и безграничным мужеством он гнал от себя не только муки усталости и голода, но и болезни.

Железная стойкость этого человека помогала и остальным, служила примером, образцом. Благодаря ему люди не только держались на ногах, но и находили в себе силы продолжать бороться с подстерегавшей каждого смертью.

Заметив на майдане посторонних людей, Арзу постарался ускорить шаг.

— Что за люди? — спросил он вышедшего навстречу Мовлу.

— Местные. Тебя дожидаются.

— Откуда они меня знают?

— Сказали, что есть разговор к главному. Я объяснил, что ты скоро вернешься. Они и ждут тебя.

Арзу встревожился. В течение последнего месяца местные жители ни разу не показывались в лагере. Причин тому было множество;

главная же заключалась в том, что даже малейшее проявление доброжелательства к переселенцам со стороны местных жителей жестко наказывалось властями.

Помощь, оказываемая ранее, прекратилась. Несчастным же переселенцам, чтобы не умереть с голоду, ничего другого и не оставалось, как воровать да грабить. И в последние дни такие случаи участились…

— Не узнавал, зачем они пришли? — спросил Арзу, хотя о целях визита догадывался и сам. Предчувствие его не обмануло.

— Жители жалуются, — ответил Мовла, бросив взгляд на Довту и Тарама. — Обвиняют наших в грабежах.

— И у нас для таких же жалоб поводов не меньше, — съязвил Тарам.

— Только нам не к кому обращаться…

Мужчины подошли к гостям и с каждым поздоровались за руку.

— Такие же простые люди, как и мы, — сказал Маккал, посмотрев на утомленные лица и убогую одежду гостей.

Арзу понимающие кивнул.

— Который из вас главный? — спросил пожилой турок с симпатичным лицом и седой бородкой.

— Люди выбрали меня, — сказал Арзу, шагнув вперед.

— У нас к вам дело.

— Прошу извинения, — развел руками Арзу. — У нашего народа есть обычай: прежде чем говорить о делах, следует накормить гостей.

Однако сейчас мы не в состоянии не только угостить вас, но даже пригласить в дом. У нас нет ни продуктов, ни крыши над головой. Поэтому придется беседовать прямо здесь, на траве.

— Нам трудно говорить о нашем деле, — начал пожилой турок, усаживаясь поудобнее. — Но мы…

— Правильно, — пришел на помощь Маккал. — Мы должны поговорить откровенно, чтобы зло не затаилось в сердце. Чтобы вы нам ни сказали, никто вас здесь не обидит.

Гость слегка склонил голову и прижал руку к сердцу.

— Аллахом предначертаны судьбы людей, — ободренный словами Маккала, продолжил он. — Ему было угодно разлучить вас с родиной то ли за грехи ваши, то ли чтобы подвергнуть испытанию. Нам это не известно. Но мы никак не виновны в постигшем вас несчастье.

— Упаси Аллах! — воскликнул Маккал. — Наоборот, это мы виновны перед вами!

— Мы верим, вам и дома жилось очень трудно. Иначе разве вы бы покинули родину? Каждый человек мечтает о лучшей доле, надеется на счастье. Мечты и надежды и загнали вас в наш край.

Бедные всюду одинаковы, поэтому мы от всего сердца сочувствуем вам, и нам очень трудно видеть, как вы страдаете и терпите лишения на нашей земле. В первые месяцы мы по возможности помогали вам. Приходили друг к другу в гости. Пусть мы и бедны, но мы делились последним куском.

— Ты правду говоришь, ага[91], правду, — закивал головой Маккал.-

И вашу доброту мы будем помнить всегда.

— Посмотрите на них, — турок протянул огрубевшие жилистые руки. — От зари до зари мы гнем спину на богатых, чтобы наши семьи не умерли с голоду. Чтобы хоть как-то выбиться из нужды.

Но она все сильнее и сильнее давит нас. Мы не считались с этим, что-то отрывали от себя и старались помочь вам.

Горцы слушали, опустив головы. Турок говорил правду, и им стыдно было смотреть ему в глаза. Вдвойне неловко чувствовал себя Арзу. Но он не прятал взгляда, ибо вынужден был снести весь позор за то, что натворили здесь в его отсутствие соплеменники.

— Мы бы и теперь были рады хоть чем-то помочь вам, но нам это запрещают. Запрещают к себе позвать, запрещают к вам прийти.

Повсюду мудуры[92], которые следят за нами. Они и нас наказывают, избивают, давят штрафами, бросают в тюрьмы. Люди запуганы и теперь боятся даже взглянуть в вашу сторону. Вот поэтому в последнее время мы и старались избегать вас.

Арзу кивнул головой.

— Спроси его, если уж они такие добрые, то почему убивают наших людей, как только им подворачивается удобный случай? — вмешался Тарам.

— Мы гораздо худшего заслуживаем, — грубо оборвал его Чора.

Но Маккал все же перевел вопрос Тарама.

— В каждом народе есть подлецы, — просто ответил босоногий армянин, сидевший рядом с пожилым турком. — Но из-за нескольких негодяев нельзя винить всех.

— Тогда почему укрываете убийц?

— Если бы власть была в наших руках… — проговорил армянин, устремив грустный взгляд на Тарама. — Умирать-то никому не хочется. Вот и приходится молчать.

— Теперь и вы притесняете нас, — молвил пожилой турок.-
Последней скотины нас лишаете…

— Мы даже в город теперь боимся ехать, — бросил еще кто-то. -
На всех дорогах разбойничают ваши люди.

— Но больше всех достается нам, — вмешался худой армянин с повязкой на голове. — Потому что мы — иноверцы. Только что мы сделали вам плохого? Разве перед Богом не все люди одинаковы?
Делились и мы с вами, чем могли. И теперь бы рады, но и нам запрещают власти.

Арзу молчал и согласно кивал головой. Все, в чем местные жители обвиняли их, было чистой правдой. Ни спорить, ни возражать он не мог. Лишь Тарам старался свалить вину на турок.

Он то и дело склонялся к Маккалу, говорил ему что-то и просил перевести туркам.

— Мы грабим только богатых. Понятно, без убийств не обходится.
Случается, и бедных ненароком обижаем. Ну а как нам прикажете поступить иначе? Умирать голодными псами на дорогах? Это ведь ваш султан и русский падишах обрекли нас на голод и мучения.
Потому и вынуждены брать, у кого что есть. Или вам больше по нутру, коли все мы ляжем лицом к Каабе?

— Зачем ты еще больше расстраиваешь этих бедняков? — разозлился Чора.

— А я, по-твоему, кто? Князь?

— Ты все время лезешь не в свое дело.

— Я у тебя совета не прошу!

— Перестаньте! — прикрикнул Маккал. — Хорошо, Тарам, я переведу и эти твои слова.

Пожилой турок спокойно выслушал Маккала.

— Добрый ты человек, да разве повинны мы в вашем несчастье?

Что нам-то с вами делить? Бедность? Так ею полны и наши, и ваши дворы. Но кого бы ты ни ограбил, добрый человек, бедного ли, богатого ли, а расплачивается за это все равно бедняк. С него тогда дерут не две, а три шкуры. Вот напали вы на Муш, а кто пострадал? Тот, кто ютится на окраинах. А богачи-то живут в центре, и возмущаться тем, что мы сопротивляемся, когда нас грабят, по-моему, уж вовсе некрасиво. Ведь мы целыми днями гнем спины, чтобы прокормить своих детей. Скажите, кто добровольно уступит кусок хлеба, заработанный с таким трудом?

Все молчали. Гости, видимо, высказали все, что было на сердце.

Горцам же нечего было сказать в свое оправдание. Да и не подобало мужчине изворачиваться, когда в лицо говорят правду.

— У вас все? — спросил Арзу, нарушив затянувшуюся паузу.

— Вроде все, — ответил все тот же турок. И чтобы хоть как-то сгладить резкость своих слов, поспешно добавил:- Прошу, поймите нас. Мы и теперь готовы помочь вам, но мы бессильны.

— Мы рады, что вы пришли к нам, — сказал Арзу, — и откровенно высказали все, что у вас было на душе. Да, мы очень виноваты перед вами. На вашу доброту мы ответили черной неблагодарностью, что

тягостно вдвойне. Но поймите, среди стольких тысяч людей, изгнанных с родины и брошенных на произвол судьбы, обязательно найдутся и такие, у которых быстрее иссякает терпение и ожесточается сердце. Передайте своим: и армянам, и туркам, и грузинам, и курдам, что мы бесконечно благодарны за их помощь и сочувствие. С сегодняшнего дня грабежей больше не будет. И теперь задержимся мы здесь недолго. Или вернемся домой, или уйдем на запад. Во всяком случае, мы так хотим. Как решит Аллах, не знаем.

Расстанемся друзьями. Простите нам наши грехи. Не по злому умыслу мы вас обидели.

— Не ходите за Диарбекир, — посоветовал босоногий армянин, подходя к Арзу. — Там вы погибнете.

— Спасибо, друг! — с чувством воскликнул Арзу, крепко пожимая его руку и обнимая на прощание. — Спасибо!

* * *

Мачиг обычно просыпался ни свет ни заря. Он садился у входа в землянку и затягивал мелодию зикра. В то утро, когда умер Данча, он сидел на своем привычном месте, уткнувшись головой в колени, и даже не заметил, как к нему подошел Мовла в сопровождении высокого незнакомого человека.

— Я центороевец, — сказал незнакомец. — Васал из Гати-Юрта попросил меня передать тебе это письмо. — И протянул пакет.

В коротком разговоре выяснилось, что центороевец прибыл с последней партией. Не успели Мовла и гость отойти от землянки, как Мачиг опрометью бросился к Маккалу. Но тот был занят умершим Данчой. Мачиг набрался терпения и решил ждать.

Когда возвращались с кладбища, Мачиг попросил Маккала задержаться.

— Вот, от Васала, — Он вынул из-за пазухи письмо. — Прочти.

Маккал развернул сложенный вчетверо пожелтевший лист грубой бумаги:

"Да пошлет тебе Бог утешение, прими от нас братский салам, наш дорогой брат Мачиг!

Шлем мы также салам и поклон нашим братьям Арзу, Маккалу, Чоре, Али, сестре Зазу, детям…

Брат мой, Мачиг, после разлуки с тобой и аул, и весь свет кажутся мне пустыми. Каждый день я вижу ваш опустевший двор, где вы ходили, и сердце мое сжимается от боли. Вы уехали, и жизнь наша стала еще горше, неизвестность мучает нас, тоскуют по вам высокие горы, плачут зеленые леса. Мы не получаем от вас вестей, не знаем даже, живы ли вы?

Что случилось с вами? Какова ваша участь? Как доехали? Все ли так хорошо, как говорили? Трудно поверить в счастье вдали от родины, и все-таки от души желаем вам мира и покоя. Я знаю, Зазу будет очень скучать по дому. А как там Зару, Кюри? Как поживает семья Ибрагима? Знать бы нам, что у вас все хорошо, так от сердца печаль отлегла бы…"

Горло Мачига сдавила спазма, часто-часто заходил его острый кадык. Перед ним словно живые встали жена и дети…

"…Прошло четыре месяца, как вы уехали, а у нас все по-старому. Только жизнь с каждым днем становится труднее и невыносимее. Произошел неприятный случай. Тоза Акмурзаев из Харачоя объявил себя имамом и поднял несколько аулов. Но власти легко расправились с ними. Многих арестовали. По этому поводу ходят разные слухи, но правду никто не знает. Люди ждут вестей от вас. Если вы хорошо устроились, то и они последуют за вами. В противном случае все решили погибать на родной земле. Лично я аул не покину. Один раз я

уже оставил родину, и горы стали моим вторым домом, а чеченцы родными братьями.

Год нынче засушливый, но ты, Мачиг, не тревожься, на твоем поле хороший урожай. Я уже два раза делал прополку. Вокруг дома поставил новую ограду. Кто знает, может, ты еще вернешься, тогда все это тебе понадобится. Если не вернешься до осени, то я кукурузу уберу и засыплю в сапетки.

Передай Чоре и Али, что и у них дома все благополучно. Пусть не беспокоятся за своих — в беде не оставим. Помните Нуркиши и Маду? Так вот, они не поехали за вами и живут припеваючи.

Все новости изложил. Других нет. Пиши о себе. От всех нас, от родных гор братский салам всем аулъчанам и землякам.

Тоскую и проливаю слезы по братьям своим, остаюсь всегда ваш

Васал, сын Лапи, из Гати-Юрта".

Маккал сложил письмо и вернул Мачигу.

— Добрая душа у Васала, — сказал Маккал. — Он страдает. Но если бы он знал, в каком мы оказались положении…

До Мачига его голос доносился словно издалека. Тоска, горе вдруг согнули Мачига.

— Не раскисай, мой храбрый волк! — Маккал хлопнул его по плечу. — Родные леса, высокие горы. Эх, Мачиг, нам бы сейчас пополоть кукурузу, покосить траву, съесть сискал, запивая родниковой водой…

— Валлахи, Васал мне говорил, много раз говорил: "Куда ты, Мачиг, едешь, что ты потерял в Хонкаре…"

— Не только Васал, многие так говорили, — прервал его Маккал.-
А вам тогда как будто уши заложило. Но что было, то было.

Теперь уже не стоит ворошить прошлое. Да и слезы делу не помогут. Ну-ка, Мачиг, разогнись! Подними голову да закрути обвислые усы. Не унывай и шагай смелее. Пробьемся! Найдем свое счастье.

Мачиг покачал головой.

— Ты иди, Маккал. Я пока посижу, отдохну…

Мачиг остался один. Так ему было лучше. Никто его не видит, и можно полностью отдаться тяжелым раздумьям. Он долго вертел в руках письмо Васала, разглядывая арабские знаки, в которых ничего не понимал. Но оно было ему дорого. В письме он видел не чужие знаки, а родные горы, зеленые хребты и густые леса.

Слышал журчание родников, шелест кукурузных полей, видел заброшенный двор, калитку, осиротевший домик с забитыми окнами. Слышал, как говорит Васал, странно коверкая чеченские слова…

Затем вспомнился Данча, и его тихий голос: "…Помнишь, Мачиг…"

Так он сказал? Да, так и сказал: "…Помнишь, Мачиг…" Эх, Данча, Данча… удалая голова…

Мачиг сидел, обхватив голову руками. Он не торопился обратно в лагерь — тяжело, невыносимо было смотреть на измученных голодом и болезнями людей. Бежать хотелось, куда глаза глядят.

А куда бежать — кругом все чужое: город, земля, люди. Одно и осталось — уединиться где-нибудь и помечтать. Мачиг и тому рад. Бурная река, что бежала внизу, напомнила Аксай, а далекий хребет — родные Черные горы. Нет, почему же ему не сиделось дома? Родной аул, родные горы, всех близких оставил и сюда вот приехал. А жена предупреждала, люди предостерегали. Все говорили: "Мачиг, у тебя есть плечи, а на плечах имеется голова. Подумай!" Нет, не подумал старый ишак. Плечи-то были.

На плечах сидела голова, наполненная чужими мыслями… И Мачиг приехал.

"Помнишь, Мачиг…" Эх, Данча, Данча… Ну как же не помнить.

Тот день на базаре в Орза-Кале… И товарища твоего Алху…

Горячий он был, словно пламя. Кричал, дураками называл тех, кто едет. Правильно называл. И я дурак был. Глупее старого ишака.

Но и ты, Данча, приехал сюда. Ладно, тебя старшие заставили.

А его, Мачига, никто не заставлял. Сам решил. Нет, шайтан попутал. Семью увез, теперь ее почти и нет. Четверых Аллах забрал. Как тогда Зазу плакала! А самая младшая? Какой она крик подняла. Мачиг и сейчас его слышит, никогда не забудет.

Теперь Зару скоро умрет. Мачиг подумал об этом спокойно, и ничего в нем не шевельнулось. Казалось, он давно уже смирился с таким исходом. И если, придя домой, застанет Зару мертвой, то не опечалится, а наоборот, подумает, что так для нее даже лучше. Но закипит внутри и ударит в голову сознание того, что никто другой, а только он виноват во всем и смерть всех его детей лежит теперь на его совести. И страшнее такой вот пытки Аллах придумать не мог.

Мучительно видеть страдания Зару, как она тает, угасает на глазах. Сердце Мачига словно сжимали раскаленными щипцами.

Кюри стал мрачнее черной тучи и теперь избегает его. Если и разговаривает, то через силу… Что же, он прав, Мачиг сына не осуждал…

Ах, какой большой и великий человек этот Мачиг! Настоящий мужчина, хозяин, глава семьи… Пять слов произнес в родном доме у родного очага он в ту ночь. Всего только пять. А сколько жизней унесли эти пять слов? Лучше бы ты, Мачиг, оставался тогда маленьким и незаметным Мачигом, а не большим и великим…

"Помнишь… Мачиг…"

Данча, Данча… Мачиг, печально качая головой, смотрел вниз на реку и видел… Аксай…

Вот так сидел и думал несчастный Мачиг. Думал о том, что принесет день следующий. Ясный, солнечный, южный для местных жителей, но хмурый и беспросветный для него и для его земляков.

Над тем же думали и все переселенцы. А вот правительства двух государств не спешили с решением судьбы отверженных. Летели письма: Стамбул — Тифлис — Петербург. И обратно. Без конца…

Было среди них и такого содержания:

"Эрзерумскому вали[93] Императорскому Комиссару генералу Нусрет-паше.

Господин Комиссар!

Я узнал, что одна часть эмигрированных чеченцев должна жительствовать в Ване, Муше и Джиджи. Устройство чеченцев в этих местностях противоречит точной статье, заключенной нашими уважаемыми правительствами. Вследствие этого устройства, содержание которого было сообщено официально кавказским властям его сиятельством генералом Игнатьевым, министром России в Константинополе, эмигрированные чеченцы должны быть колонизированы за Эрзинганом и Диарбекиром. Кроме того, Ван, Муш и Джиджи ближе к нашей границе. Я должен официально протестовать против устройства чеченцев в указанных местах, а также вообще против всякой колонизации чеченцев в пашалыках, пограничных с Россией, таких, как Трапезунд, Карс, Ван, Баязет. Ибо в таком случае колонизация будет иметь более близкое место к нашей границе, чем Диарбекир или Эрзинган. Ни одна партия еще не покинула Эрзерум, почему я и спешу доставить Вашему Сиятельству сие разъяснение.

Русский комиссар капитан Зеленый.
24 июля 1865 года. Карс".

ГЛАВА VI. СТО ВТОРАЯ НОЧЬ

Сколько джигитов в ущельях скитается,
И обжигает их солнце нещадное.
Что же за горе им горькое выпало?
Что за печаль их сердца источила?
Чеченская народная песня

В центре лагеря расположилась квадратная площадка. Это — майдан. На нем каждую пятницу все взрослое население лагеря одновременно становилось на намаз. Здесь же заседал Совет и вершился суд.

На третий день после возвращения делегации из Диарбекира на майдане собрались начальники отрядов, члены Совета старейшин, выборные от аулов и до захода солнца совершили предвечерний намаз.

Теперь в лагере был установлен строжайший порядок. Арзу, после того как его единогласно избрали старшим, прежде всего взялся за дисциплину. Каждый тейп имел своего старшего и беспрекословно подчинялся ему. Из всей массы людей Арзу отобрал наиболее здоровых и свел их в военные отряды, которыми командовали тысячные, пятисотенные и так далее. Это войско насчитывало пять тысяч человек.

Сегодня на майдане предстояло решить, что делать дальше: идти ли к Диарбекиру или возвращаться домой. Прежде чем направиться на майдан, старейшины переговорили со своими родичами и узнали их мнение. И вот сейчас расположились, кто на деревянных чурках, кто прямо на голой земле. Сидели тихо, опустив головы.

Арзу еще раз пробежал взглядом по лицам. Вон, в заднем ряду сидит Мовла. Всегда неунывающий, жизнерадостный Мовла. Но в последнее время и у него погасли и уже не искрятся веселым задором светлосерые глаза. Рядом с ним пристроился беспокойный, не в меру горячий Тарам. Чуть сбоку от них — суетливый и неугомонный Гарей, мрачный Касум, степенный и немногословный Довта. И Мачиг не

вытерпел, пришел незаметно и тихо, пристроился в самом последнем ряду. Только нет больше среди них верного Данчи. Нет и никогда уже не будет.

— Братья! — Арзу резко вскинул руку, требуя внимания. — Какие вести привезли мы из Диарбекира, вы уже знаете. Земля, выделенная нам султаном, для жизни непригодна. На ней нет ни воды, ни лесов. Это совершенно голые, безжизненные сопки. А что касается обещанных домов, то здесь нас просто обманули.

Никаких домов нет и не будет. Я уверен, если мы окажемся там, то до весны не доживем. Мы все погибнем.

— Не пойдем туда.

— Но сколько можно оставаться здесь?

— Отберем лучшие земли и на них начнем строиться.

— Кто тебе их отдаст?

— Возьмем силой.

— Тогда зачем они нас позвали к себе? Чтобы погубить?

— Тебя лично пригласил турецкий падишах!

— Будь он проклят до седьмого колена!

— Эй, не все сразу. Давайте говорить по одному.

— Все! — отрезал Тарам. — Желающих нет!

— Верно, Тарам.

— Кто еще?

— То же самое скажет любой из нас, — посыпалось со всех сторон.

Встал Довта из Шали.

— Арзу! Люди! Сколько можно говорить об одном и том же? Там — плохо, здесь — плохо. Людям это уже понятно. Вернуться домой — вот чего они хотят. Одни уже отправились обратно, другие ждали твоего возвращения, Арзу. Теперь, когда ты здесь, пора трогаться и нам.

Так же думал и Арзу. Но имеет ли он право вести их… на верную смерть? Ведь многими еще не понята вся двусмысленность, шаткость их положения.

— На нашем обратном пути встанут турки. Русские, в свою очередь, не пропустят нас через границу. К Эрзеруму уже стянуты войска, чтобы заставить наших братьев переселиться в Диарбекир насильно. Потом войска примутся и за нас.

— Попросим русского падишаха! Пусть он поможет вернуть нас домой, — с надеждой в голосе проговорил Довта.

— Можно подумать, что этот гяур сидит здесь, в Муше. Он же на другом конце света.

— Не забывай о комиссаре в Эрзеруме.

— В Стамбуле тоже сидит векил от белого падишаха.

— Вот он и мог бы оттуда сообщить…

— Братья! — прервал выкрики Арзу. — Переговоры больше ни к чему не приведут. Мы только потеряем зря время. Гарей прав, царь не сидит в Муше. И пока наше письмо через комиссара в Эрзеруме и посла в Стамбуле дойдет до Петербурга, пройдет год. Кроме того, я не уверен, что падишах разрешит нам вернуться. Идея и смысл нашего переселения весьма глубоки и изощренны.

— Нужно спешить! Тронемся сейчас — возможно, до наступления зимы и доберемся домой.

— Раздумывать дальше у нас нет времени.

— Что ж, — Арзу подождал, пока все успокоятся, — решение, можно сказать, принято. Теперь нам необходимо составить план.

Одновременно всей массой возвращаться нам будет трудно. Потому предлагаю разбиться на небольшие группы и каждой из них придать по отряду воинов человек в триста. Командиры отрядов будут отвечать за дисциплину и за жизнь доверенных им людей.

Думаю, в этом со мной все согласятся.

Старейшины дружно закивали головами и снова заговорили все вместе. Арзу вновь поднял руку. Разговоры смолкли.

— Меня очень огорчило, что в мое отсутствие совершены нападения на Муш. Братья! И наши предки, и мы сами до последнего времени славились не только мужеством и храбростью, но человечностью, милосердием и благородством. Эти качества передавались из поколения в поколение. Не было у нас рабов, не было и князей. Мы не кичились заслугами, не плакали в дни горестей. Терпели голод, не дрожали перед смертью. Покидая родину, каждый поклялся свято беречь честь своего народа.

Теперь на наше доброе имя легло пятно. Нападения на город, грабежи обесчестили всех нас. Братья! Вы избрали меня старшим и доверили мне свои жизни. Потому я сейчас спрашиваю вас, кто и кому дал право совершать набеги на чужой город? За это отвечать придется командирам.

Над майданом нависла тишина. Четверо сидевших низко опустили головы. Только Тарам, вроде, чувствовал себя, как ни в чем не бывало. Он криво усмехался, глядя на Арзу: какая тут еще может быть дисциплина, когда люди дохнут как мухи.

— Я отвечу! — проговорил он. — Таково было наше общее мнение.

— Не могло такого быть!

— Могло! Мы не хотели и не хотим умирать голодной смертью.

— Ну и как, грабежи спасли вас?

— Арзу! — вспыхнул Тарам. — Посмотри вон туда. Ты видишь сидящих там детей? А знаешь ли ты, почему они не заходят в шалаш? Им страшно! Там лежит покойник… Как детям нашим в глаза смотреть? Мы оказались в таком положении, когда приходилось выбирать: или просить подаяние, или грабить, или умирать от голода. Иного выхода я не видел. Если у тебя имеются другие соображения, то поделись ими. Обвинять легче всего. Но когда трупный запах преследует людей, они звереют.

К тому же месть придает силы.

— Но при чем тут турки? — вырвалось у Арзу.

— Турки убивают наших, как только подворачивается удобный случай. Люди же отчаялись. Они бы и без нас напали на Муш.

Если же ты считаешь, что мы виновны, наказывай нас!

Арзу нечем было возразить Тараму. Но и распускать людей нельзя. Особенно теперь.

— Причины случившегося понятны, — сказал Арзу. — Но если у нас не будет твердой дисциплины, мы погубим людей. Я требую прекратить грабежи и навести в лагере жесткий порядок. Впереди лежит труднейший путь. Турки нас не выпустят, русские закроют границу. Не исключено, что прорываться придется с боями.

Тарама и Довту я отстраняю от руководства. Вместо них командовать отрядами будут Маккал и Чора. Поскольку дисциплина должна быть железной, за каждый проступок буду наказывать лично сам. Такое право вы мне дали. На снисхождение, заранее предупреждаю, не надейтесь. Чтобы навести в лагере порядок, мне потребуется помощь. Маккал, выделишь мне сто человек…

Раздался топот коня. Арзу обернулся. Яростно нахлестывая коня, к ним мчался всадник.

— С добрыми ли вестями? — не выдержал кто-то.

Всадник на всем скаку соскочил с седла и подбежал к Арзу.

— Что случилось, Гара? — нетерпеливо выкрикнул Арзу.

— Эмин-паша прибыл в Муш и завтра будет здесь.

— Дальше?

— С ним Сайдулла и Шамхал-бек, племянник Алихана.

— Какова численность их отряда?

— Три тысячи всадников.

— С какой целью прибыли?

— Гнать нас за Диарбекир.

— Что еще?

— Переселенцы из Эрзерума движутся сюда. Они на расстоянии одного дня перехода.

— Где расположилось турецкое войско?

— В городе. На частных квартирах.

— Орудия имеются?

— Да. Шесть.

— Что за орудия?

— Четыре пушки и две мортиры.

— Молодец, Гара! Спасибо. Дозоры увеличить. Будьте бдительны. Пароль: "Горы зовут". Продолжайте наблюдение.

Дозорный резко повернулся и, придержав рукой шашку, вновь вскочил на коня и помчался в сторону Муша. Люди молчали.

Ждали, что скажет Арзу. Арзу встал перед товарищами.

— Вы все поняли, что завтра решится наша судьба! — громко сказал он. — Если мы не пойдем добровольно, то нас попытаются силой погнать на запад. И там, и здесь нас ждет неминуемая смерть. Так как нам быть, если нас силой заставят покинуть эти места?

— Арзу, в этот Диарбекир понесут только мой труп, — быстро выкрикнул Мовла. — Живым Мовла туда не пойдет!

— Оставим шутки.

— Я и не шучу, Арзу. Кто хочет, тот пусть идет. Но некоторые из нас, я уверен, окажут сопротивление. Или пойдут в абреки.

— Что скажут остальные?

В круг вошел Довта.

— Можно мне? Привязалось к нам горе, и не вырваться нам из его пасти. Если вдобавок попадем под пяту турок, то никогда нам из-под нее не выбраться. Не только нам, но и детям, и нашим потомкам. Рождаются только раз, и умирают — столько же. Здесь мы долго не протянем. На запад живыми отсюда лучше не уходить.
А коль так, то и будем биться на смерть.

— Есть еще кому что сказать?

— Сперва попробуем решить вопрос мирно. А уж коль не удастся, будем драться до конца.

— Кто видит другой выход?

— Нет другого выхода.

— Нас думы уже с ума сводят, так что думать больше не о чем.
Объявляй свою волю, Арзу.

Арзу помолчал, вглядываясь в лица сидящих.

— Хорошо, друзья. Постараемся до последней возможности решить все мирным путем. Если же турки не захотят нас даже слушать, нам придется оказать сопротивление.

— Другого выхода нет.

— Тогда посоветуемся, что нам и как делать. Вот мой примерный план. От моста дорога идет между двух хребтов. Обе стороны дороги покрыты густыми лесами. Если вали прибудет сюда со своим войском, то в лагере станет тесно. К тому же лагерь — крайне неудачное место для боя. Женщины, дети и больные попадают под удар. А потому думаю, что лучше нам встретить и принять вали с его войском на поляне за кладбищем. Гайрак, сколько у нас всего лошадей? — обратился Арзу к Гайраку, остававшемуся на время его отсутствия старшим в лагере.

— Вместе с истощенными две с половиной тысячи.

— А сколько пригодных к бою?

— Две тысячи.

— Воины и оружие в каком состоянии?

— Правду сказать, бойцы уже не те, какими они были перед твоим отъездом. Многие умерли, появились больные. Ну, а если мы вооружим и молодежь, то наберутся и все пять тысяч боеспособных. Пороха и свинца хватит примерно на неделю.

Арзу задумался.

— Слушайте приказ! На поляне, где мы примем вали, построить в боевом порядке полторы тысячи всадников. Тремя отрядами по пятьсот человек в каждом. Лучших всадников на лучших конях поставить в первые ряды. Командовать этими отрядами будет Чора. Вдоль леса, под горой, поставить пятьсот пеших воинов под командой Мовлы. Ты же, Довта, возьмешь самых лучших триста всадников и самых лучших коней, займешь с ними позицию в овраге, по эту

сторону кладбища. Ты, Гайрак, с пятьюстами всадниками встанешь в балке у моста. Тарам со своими сотнями спрячется в лесах вдоль всей дороги от моста к лагерю. Касум с остальными людьми останется в лагере. Ты, Касум, мобилизуешь всех здоровых женщин и детей и наведешь в лагере полный порядок. Все оружие, вплоть до кухонных ножей, осмотри, подготовь и раздай женщинам, детям и старикам. Далее. Пусть каждый командир выделит по два бойца для поддержания постоянной связи со мной. Если турки сделают хоть один выстрел — открывайте огонь. В первую очередь постарайтесь захватить орудия и немедленно повернуть их против турок. Ни одного солдата не выпускать живым в Муш. На рассвете сам лично проверю готовность каждого. Переговоры с вали я поручаю Маккалу. Смотрите, не растеряйтесь. Лучшее спасение — это забыть о спасении. Ну, за дело, братья!..

* * *

Соип осторожно пробирался узкими улочками турецкого села.

Дорогу он присмотрел заранее — еще днем наведался сюда. Дойдя до огромного сада, он притаился в ожидании удобного момента.

Людей в этот час на улице было много. Соип поминутно слышал шаги. Кто ехал на осле, кто шел пешком. Проходили мужчины в красных фесках и широких шароварах, женщины, закутанные до глаз темной чадрой.

Порой шаги прохожих стихали, и Соип уже готов был к прыжку через ограду, но опять кто-то появлялся на улице, и ему снова приходилось ждать. Да и в доме хозяина все не гас свет.

Видимо, богатый человек жил здесь: и виноградник у него огромный, и дом такой красивый, что другого такого в селе не найти.

Кто-то прошел совсем рядом. Соип слышал его тяжелое дыхание и еще сильнее прижался к ограде. Беспокоили мальчика и собаки в соседнем дворе. Они, по-видимому, учуяли постороннего и злобно рычали.

Выглянула луна, вокруг стало совсем светло. Соип расстроился.

Сейчас он глядел на луну с ненавистью. А в Шали любил отыскивать на ней пастуха с посохом…

Виноград… Ему представилось белое, как диск этой луны, лицо матери. Некогда румяное и полное, оно теперь стало таким, что Соип с трудом узнавал его. А умирающая мать бредила виноградом…

Соип ходил в село, просил. Но его отовсюду гнали. Никто не дал ни единой грозди. Что же ему теперь оставалось? Только украсть. Не доведи, Аллах, чтобы мать умерла, так и не поев винограда. Соип всю жизнь стал бы мучиться. "Лучше бы днем не ходил и не унижался", — подумал он. Даже вспоминать теперь было неприятно, как ходил он по дворам, объяснял, рассказывал, просил, словно нищий.

Соип вновь прислушался. Собаки перестали лаять, да и шагов на улице больше не было слышно. Значит, пора! Мальчик поднялся, проверил, на месте ли отцовский кинжал, и мигом вскарабкался на ограду. Огляделся еще раз, нет ли кого, кошкой спрыгнул вниз и опять прислушался. Выждал, пока глаза привыкнут к темноте, вытащил кинжал из ножен и, крепко сжимая его в правой руке, бесшумно пошел вперед…

Неяз-бей был первым богачом в своем селе. Кроме красивого дома и виноградника, имел еще лавку и кофейню. На всех посматривал свысока: Неяз-бей мало с кем считался. Да и кто на селе мог потягаться с ним?

Прежде чем отойти ко сну, Неяз-бей решил осмотреть виноградник, проверить, на месте ли сторож. Только за последний месяц у Неяз-бея увели корову и отличного скакуна.

Старый хрыч Узун-боба клялся всеми святыми, что он в ту ночь глаз не сомкнул. Врал, конечно. Вот и сейчас наверняка спит без задних ног, старый ишак. А за чеченцами нужен глаз да глаз. Они, как всем известно, весьма ловкие воры. Где уж с ними дряхлому Узун-бобе справиться. Голодные, они злее волков.

На беду Неяз-бея в горах объявилась и шайка разбойников, состоящая из турок, армян и курдов. Говорят, теперь у них новый атаман, какой-то однорукий чеченец. Всех богачей тиранит. Тут Узун-

бобе и подавно не справиться. Пока с одного конца сада до другого добежит, все добро растащат. Поэтому теперь Неяз-бей и второго сторожа нанял, поставил его у лавки и ружье ему дал.

Действительно, Юсуп-боба с ружьем под мышкой важно расхаживал вокруг лавки, и Неяз-бей остался доволен. За него можно было не волноваться. А вот Узун-бобу нужно проверять да проверять.

Вернувшись во двор, Неяз-бей отвязал овчарку, пустил ее в сад, и сам поплелся вслед за ней.

Подбежав к винограднику, овчарка остановилась и навострила уши. Неяз-бей тоже почувствовал какую-то опасность.

Собака бросилась к кустам. Он же, вырвав кол, поддерживавший виноградные лозы, побежал за собакой. Уже издали он увидел чью-то тень, метнувшуюся к ограде…

* * *

…Соип бежал к забору. Третью гроздь он сорвать так и не успел, но две лежали у него за пазухой. На бегу Соип ударился головой о подпорку и упал. Поднялся и, превозмогая боль, добежал до самой ограды и уже было вскочил на нее, как разъяренная собака схватила его за ногу и рванула на себя.

Соип упал. Стоявшая над ним овчарка, разинув пасть и злобно рыча, пыталась вцепиться мальчику в горло. Тогда Соип ловко выхватил кинжал и вонзил лезвие меж лопаток озверевшего пса.

Собака жалобно заскулила и медленно повалилась на землю.

Мальчик снова бросился к ограде и полез на нее. Но он не помнил того места, где перелезал в первый раз и теперь только ранил руки об острые колючки, разложенные по верху широкой каменной ограды. Кроме того, боль в ноге от укуса не позволяла ему действовать быстро. Он вновь сполз обратно в сад и осмотрелся.

Лазейка, которую он расчистил от колючек, пробираясь в сад, находилась левее. Он бросился туда. Но в этот миг чьи-то цепкие руки схватили его за воротник. Соип понял, что схватил его сам хозяин и он

не пощадит: или убьет сразу или будет бить до смерти. И Соип решился держаться до конца. Он вырвался из сильных рук, прижался спиной к ограде, как разъяренный тигренок, и замер, обнажив кинжал.

Неяз-бей поднял кол, но Соип мгновенно пригнулся. Сильный удар чуть не выбил кинжал его руки. Руку пронзила острая боль. И тогда Соип бросился на своего врага. Неяз-бей отскочил, и Соип уже предвкушал свободу, как вдруг что-то тяжелое обрушилось ему на голову, и он, словно подкошенный, рухнул на землю.

— Что здесь случилось, бей-эфенди? — испуганно вскричал подоспевший на шум Узун-боба.

— Это я у тебя должен спрашивать, бездельник! — вне себя от ярости орал Неяз-бей, указывая пальцем на труп собаки. — Вот, любуйся! Из-за твоей лени, из-за трусливой душонки погибла такая собака! Я ее щенком купил за две лиры!

— А кто же убил ее, бей-эфенди?

— Да вот тот чеченский оборванец, — Неяз-бей кивнул головой на распростертое тело Соипа.

Только теперь Узун-боба увидел окровавленного мальчика. Он встал на колени и осторожно приподнял его голову. Череп был пробит, из огромной раны широкой струей стекала кровь. Старик перевернул мальчика на спину, расстегнул на нем черкеску и приник ухом к груди. Сердце не билось!

Подняв смятую гроздь винограда, он горестно вскинул голову и тихо сказал:

— Бей-эфенди, ты убил ребенка.

Глаза старика наполнились слезами. Таким же худым и бледным от постоянного недоедания был и его внук, которого теперь тоже нет. Его забрали в аскеры, и он погиб в последней войне с русскими. Разве

Узун-боба знал русских? Почему его внук должен был с ними воевать? Какое ему было дело до них?

— Бедняга, зачем ты забрался в это логово зверя? Хозяин здесь ведь хуже зверя. Разве ты не знал? Пришел бы ко мне и сказал: "Узун-боба, узюм берин[94]". И старый Узун-боба не отказал бы. О, Аллах, пусть отсохнет рука у того, кто совершил столь черное дело!

— Ты что бормочешь? — рявкнул Неяз-бей.

Старик промолчал.

— Да сгорит он в аду! — кричал Неяз-бей. — О, как было бы хорошо, если бы все чеченцы лежали мертвыми! Иди быстро за Юсуфом.

Старый Узун-боба, проклиная в душе хозяина, сгорбившись, исчез в потемках.

Неяз-бей был настолько же труслив, насколько и жаден. Он мгновенно сообразил, что, если чеченцы узнают, кто убил их мальчишку, пощады от них не жди! Мстили чеченцы жестоко, и об этом Неяз-бей знал. Поэтому, принимая сейчас решение, он не обращал никакого внимания на двух стариков, пришедших и молча стоявших поодаль.

— Слушайте меня, — наконец обратился он к ним. — Вынесите его за село, найдите обрыв, под которым есть густой кустарник, и сбросьте его туда. А утром похороните мою собаку. Как я любил ее! — Он присел на корточки и провел рукой по мягкой шерсти.-
Только что говорить не умела, а сама понимала все.

Старики продолжали стоять молча.

— Ну, чего стоите? — рявкнул на них Неяз-бей.

Узун-боба, собрав всю свою смелость, сказал с упреком:

— Разве можно так, бей-эфенди? Ведь он такой же мусульманин, как и мы…

— А ты бы чего хотел? — Неяз-бей подступил к нему — Чтоб завтра я собрал все село и пригласил чеченцев хоронить этого идиота по всем правилам?

— Неужели он хуже твоей собаки?.. Хоть ночью, тайком похороним его, как положено мусульманину…

— Молчи! — замахнулся бей на Юсуф-бобу, заступившегося за товарища. Потом, одумавшись, сбавил тон:- Ослы вы безмозглые, разве вы не знаете чеченцев? Пронюхай они о случившемся, не только нас троих укокошат, но и наши семьи перережут. Мне-то, собственно, и бояться нечего. У меня в хозяйстве два сторожа.

Они ночью стерегут мое добро, я же ночью сплю. Вам и отвечать за то, что случилось. Вся вина лежит на вас. Станете оправдываться? А кто поверит вам, оборванцы? Старые ишаки!

Хотите, забирайте этого выродка к себе домой, хотите, сбросьте под обрыв. Я ничего не видел, я ничего не знаю, я спал.

Неяз-бей ушел.

— Не знаю, Узун-боба. Никак не могу еще сообразить. А ты-то как думаешь?

— Что бы ни орала эта свинья, мальчика надо похоронить по всем нашим правилам.

— Успеть бы. Ночь сейчас коротка. Пока мы с тобою найдем лопаты, кирку, носилки, пока мы его вынесем за село, рассветет. И яму надо копать, — бормотал Юсуф-боба. — Ладно.

Может, успеем до утра. Я сейчас принесу лопаты и кирку, а ты иди за лестницей. У вас, кажется, в саду есть. Сойдет за носилки.

Юсуф-боба подошел к Соипу, склонился над ним.

— Бедные дети, вас-то за что наказывают, — погладил он холодную щеку мальчика. — Да покарает Аллах того, кто поднял на тебя руку, всех, кто угнетает бедняков.

* * *

Недалеко от лагеря переселенцев, на противоположном берегу реки Муш, раскинулось еще одно турецкое село. В тот час, когда погиб Соип, там, в одном из домов, который по красоте своей, пожалуй, не уступал дому Неяз-бея, ярко светились два окна…

По убранству комнат нетрудно было догадаться, что хозяин дома — горец: по стенкам развешано оружие, у стены на деревянных нарах сложены постельные принадлежности. В углу, возле двери — скамейка из длинной, широкой доски для кудалов[95], рядом стоит круглый медный столик на трех коротких ножках.

На нарах, по-восточному скрестив ноги, сидел старик с пышной седой бородой и жадно ел чепалгаш. Тучное, рыхлое его тело, казалось, раздувалось еще больше по мере того, как в черном провале его рта один за другим исчезали мягкие куски чепалгаша. Только тогда, когда на дне тарелки осталось лишь несколько маленьких кусочков, он наконец выпрямился и, вытерев жирные руки о шаровары, с трудом произнес:

— Алхамдуллила, алхамдуллила[96]…- После чего обратил свой взор на молодую женщину, сидевшую на полу у порога. — На, Эсет, поешь, — сказал старик, отодвигая от себя тарелку. Женщина встала, взяла тарелку и, повернувшись к старику спиной, съела пару кусков. Затем накрыла тарелку миской и поставила ее в нишу стены около печки.

— Ты совсем не ешь, — ласково упрекнул старик.

— Я сыта…

— Ты не стесняйся, — все так же нежно продолжал он. — Благодаря Аллаху мы ни в чем нужды не терпим, нам надолго всего хватит.

Что понравится — одень, что захочется — скушай.

Молодую женщину неприятно удивляла перемена, происшедшая с деверем. В последнее время он стал что-то уж слишком предупредителен и необычно вежлив. И перед ней не то — смущался, не то робел. Странно. Ведь она знала и помнила его совсем другим: злым, грубым, вечно чем-то недовольным.

Ему просто невозможно было чем-либо угодить. Потому раньше один даже взгляд деверя приводил ее в трепет. Что бы она ни сделала, он ни разу не похвалил ее. Что же с ним случилось теперь? Может, сердце смягчилось после того, как он похоронил жену и брата, а сына своего, Хабиба, отправил в армию?

Иначе, в чем же причина его доброты и мягкости?

Шахби, а это был он, недолго прожил в лагере переселенцев. Он удачно купил у богатого турка дом, обставил его, как подобает состоятельному человеку, после чего приступил к осуществлению своей самой заветной мечты — устроить Хабиба на службу в турецкую армию. Он свел знакомство с Кундуховым, а через него Хабиба определили на службу в чине младшего офицера. Сам же Шахби с помощью все того же Кундухова стал кадием села.

Словом, как и предвидел старик, деньги и в Турции не теряли своей магической силы. И Аллах не забывал о рабе своем Шахби.

Но уж больно часто отвлекался Всевышний от своих главных дел и забот во имя этого благочестивого мусульманина. Его самого Аллах сделал кадием, а его сына — офицером. Как тут не возблагодарить всемогущество, для чего Шахби, разумеется, лез из кожи. Правоверным приходилось лишь удивляться, наблюдая, как благочестиво исполняет он все Божьи предначертания. В этом Шахби был силен. Как говорится, умел пустить пыль в глаза.

Но Шахби был уже стар. Все его надежды — на сына. Хабиб молод, здоров и, что самое важное, храбр. Кто знает, может, через несколько лет он станет и пашой. Иншалла, тогда он поведет свое войско в Чечню, освободит ее от гяуров и сделается имамом. Дальше этого воображение Шахби пока не шло.

Правда, лично для него не все складывалось благополучно. Он похоронил свою дородную, пышную Бежу, затем брата Гати. Но Шахби не особенно убивался. Он прочитал Коран в честь усопших, но не пожертвовал на них ни одной копейки. Мирские дела казались ему важнее.

После пятого намаза Шахби поудобнее развалился на нарах, подложил подушку и попросил Эсет подать ему четки.

— Сядь поближе, Эсет, — обратился он к молодой женщине, принимая из рук ее четки. — У меня есть к тебе дело.

Шахби быстро перебрал четки, прошептал молитвы. Все это время взгляд его из-под тяжелых бровей был обращен на сноху.

Отложив, наконец, четки, он придвинулся к Эсет и взял ее ладони в свои.

— Потрескались, посинели руки твои, — зашептал мулла.-

Огрубели. Разве черная работа им под силу? Вон как потрескались… И волосы спутались…

"Еще бы, — подумала Эсет. — Гнуть на тебя спину с утра до вечера… А волосы… Ради кого мне теперь наряжаться…"

— Трудно тебе, знаю, — продолжал мулла. — Все хозяйство на твоих плечах. Но я решил положить этому конец. Наймем служанок.

Заплатим, сколько попросят. Они будут делать все, ты же только пищу станешь готовить. Ты очень красива, Эсет, тебе надо беречь красоту…

От таких слов деверя Эсет совсем растерялась. Внимание старика тронуло ее до слез. С того дня, как она покинула дом и рассталась с матерью, ей не довелось больше видеть ласки.

Гати, хотя и был добр и заботлив с ней, но нежности от него она так и не видела. Эсет высвободила руки и концом платка прикрыла заплаканные глаза.

— Не плачь, дорогая, — еще проникновеннее заговорил Шахби, сделав безуспешную попытку оторвать ее руки от лица. — Я больше не допущу, чтобы из твоих глаз упала хоть одна слезинка. И я это сделаю, если ты… согласна, — Шахби, казалось, сам испугался своих слов и тревожно глянул на сноху.

Но Эсет их и не слышала. Она опять вспомнила Гати-Юрт и расставание с матерью. Братья и сестры умоляли ее остаться, худыми ручонками обнимали ее ноги… Но что она могла изменить: Гати уезжал. Нет, не видать ей больше родного аула, Гати-Юрта… Разлука с родиной и свела преждевременно мужа в могилу. Пусть он был калека, но все-таки — муж. И человек был хороший. Теперь же она совсем одна осталась… А Арзу? Сердце ее сладко замерло. Она все еще любила и где-то в глубине сердца не теряла надежды. Теперь же им ничего не мешает. Они оба свободны…

Молчание снохи Шахби понял по-своему. Предположив, что его расчеты оправдываются, старик решил немедленно продолжить начатый разговор. Если бы мулла умел читать чужие мысли! О, он, несомненно, воздержался бы от этого! Но Шахби хотя и был муллой, в конечном счете оставался простым смертным. Потому и продолжил так:

— Вот, Эсет, опустели наши гнезда. Злой рок и беспощадные ветры времени разорили их. Жена оставила меня, найдя вечный покой. Единственный сын мой, услада старости, навещает меня редко. Но я на него не в обиде, у него свой путь. Отделим его, женим на знатной турчанке. Иначе ему не пробиться наверх.

Словом, он свою жизнь устроит. А вот наши с тобой гнезда разорены… Ты не смотри, Эсет, что я уже стар.

Под старость мужчине особенно необходима подруга. Мне трудно без жены. Ты и сама видишь. Все мне Аллах дал: и дом, и сад, и деньги. Но к чему мне теперь все это? Никакой радости… В лагере подходящей жены мне не найти, хотя любая девушка оттуда с радостью согласится прийти в такой богатый дом. Но как я могу жить с человеком, не зная, какого он роду-племени? Не знаю, Эсет… Не было еще на земле случая, чтобы мертвые возвратились… Я

похоронил жену, ты — мужа. Вторично выйти замуж гораздо труднее, чем жениться. И потом наших людей скоро переселят в другое место, да и мрут они сейчас как мухи. Если ты уйдешь к ним, тоже погибнешь от голода.

Эсет никак не могла взять в толк, к чему же клонит старик.

— Так вот, я думаю, лучший выход для нас с тобой — это соединить наши судьбы. Шариат не только не запрещает, а наоборот, даже поощряет женитьбу на вдове брата. И если ты согласна…

— Что ты сказал, кант? — прошептала пораженная Эсет.

— Если ты согласна, говорю, стать моей женою… то мы… будем… счастливы.

Эсет отскочила от него, как от змеи, и замерла посреди комнаты. Мелькнула мысль, а уж не рехнулся ли деверь? Нет, вроде бы он в своем уме. Она пристально посмотрела на его рыхлое тело, на дряблые отвислые щеки и бесцветные слюнявые губы, искривленные ехидной усмешкой… Посмотрела и брезгливо поморщилась: таким омерзительным он ей показался.

— Ты… шутишь?

— Нет, Эсет.

— Мой муж… был твоим братом…

— Мы живые, нам и нужно жить…

Так вот почему он прикидывался ягненком! Вот почему так заигрывал, обхаживал да всякие ласковые слова говорил ей…

— А когда люди узнают об этом?

— Никто и не узнает. Мы же тихо, тайно…

— Но я-то буду знать! Куда же ты мою совесть спрячешь? Нет, не бывать такому, Шахби! — вскричала Эсет, впервые называя деверя по имени.

— Я не тороплю. Ты сперва подумай хорошенько.

— Подумаю, но все равно ничего не изменится! — твердо произнесла Эсет.

— Тогда убирайся с моего двора! — закричал, брызгая слюной, Шахби. — Чтобы ноги твоей, духа твоего здесь больше не было!

Слышишь? Подыхай там! — И Шахби ткнул пальцем в ту сторону, где, по его мнению, находился лагерь. — Ты очень скоро на коленях приползешь обратно…

— Не надейся! Скорее брошусь в огонь…

ГЛАВА VII. МУХЛИС ЭМИН-ПАША

Перспектива присоединения к Турции, стоящей на самой низкой и варварской ступени феодализма, мало воодушевляет их.

К. Маркс и Ф. Энгельс

Жители Муша ликовали. Наконец-то Аллах услышал их молитвы и послал им вали Эрзерумского виллаета Мухлис Эмин-пашу. Храбрый воин Эмин-паша. Бесстрашный. Теперь побегут чеченцы, только пятки их засверкают. Три месяца покою не давали, проклятые.

Грабили, убивали… Впрочем, ходили слухи, что они виноваты далеко не во всем, что грабежами под видом чеченцев занимались курды и сами турки. Ну да теперь все равно. Тех прогонят, и эти перестанут.

В церквях и мечетях попы и муллы слали проклятия на головы чеченцев и бесплатно угощали аскеров. Наиболее воинственные жители даже записались в отряд добровольцев, который к утру имел уже численность около тысячи человек.

Над славным армянским городом Мушем возвышается гора Сэв-Сар — один из отрогов армянского Тавра. С Сэв-Сара открывается чудесная Мушская равнина, посередине которой протекает река Мегрегет. На юге с запада на восток тянется горная цепь Армянского Тавра. С востока через вершины Немрута и Гергура дуют свежие ветры озера Ван. Вытянув свою подошву на равнину, застыл Сэв-Сар, за ним высится отрог Канасар, подковой окруживший город Муш, отделив его от окрестных сел.

На гребне горы Берд виднеется полуразрушенный замок, принадлежавший некогда основателю города Мушеги Мамиконя ну, а над самим городом взметнулись ввысь островерхие купола православных церквей, свысока поглядывая на чешуйчатый минарет недавно построенной мечети Аллаудин-бея.

Рассекая город на две части, с шумом несет свои воды река Карасу. Сегодня город пробудился рано. И хотя сегодня не воскресенье и не пятница, с раннего утра уже звонят колокола Сэв-Авэтерана, Шек-Авэтерана, Сурб-Маринэ, Сурб-Киракоса и других церквей. Как только замолк их звон, с минарета Аллаудин-бея разнесся протяжный голос муэдзина.

И христиане, и мусульмане — все шли сегодня на молитву просить Христа и Аллаха ниспослать удачу Мухлис Эмин-паше.

Раньше мушцы избегали аскеров, как заразы, сегодня же они встречали их с признательностью и радушием.

На городской базар съехалось множество жителей Сасуко, Багэша, Вана, Хнуса и Эрзерума. Здесь же и крестьяне окрестных селений.

Со всех сторон доносились призывные крики:

— Сладкие груши! Сочные груши!

— Купите кишмиш! Мутский кишмиш!

— Кому газпа!1 Сэв-Сарская газпа!

1 Газпа — мед (турецк.).

Всадники Эмин-паши степенно и важно прохаживались по базару.

Их бесплатно угощали фруктами и овощами, лепешками, густо смазанными медом и сдобренными кишмишем.

На следующий после приезда день под звон колоколов и крики муэдзинов Эмин-паша во главе трехтысячного отряда выступил из города. Рядом с ним на белом коне ехал Сайдулла. Мрачен был бывший наиб Шамиля, лицом темнее черной ночи. Нет, не сбылись его мечты. Муса, сын Алхаза, крепко его надул. Насулил золотые горы, а Сайдулла и развесил уши… Что ж, впредь ему наука.

Правда, живет он в Эрзеруме, имеет свой дом и хороший сад. И родственников пристроил, может, не особо блестяще, но в сравнении с

другими жизнь у них, можно сказать, райская. Но Сайдулле оттого не легче. Он-то ехал сюда за властью, настоящей, большой властью. О чине паши мечтал Сайдулла и был уверен, что дадут ему этот чин. Но чин дали только Кундухову, его же назначили и бригадным генералом. А Сайдулла остался никем. Назначили его, правда, кем-то вроде надсмотрщика над чеченскими переселенцами и, как нищему, кинули ничтожное жалованье. Сейчас пообещали дать чин паши, но потребовали от Сайдуллы, чтобы он набрал пять тысяч воинов. Легко сказать — набери. А где набрать-то? Эрзерумские чеченцы и слышать о том не захотели. Посмотрим, что здесь получится.

Честно говоря, затея эта ему не нравилась, и не по своей воле ехал он сейчас рядом с Эмин-пашой. Сам себя винил сейчас Сайдулла. Надо же было ему поверить! И кому! Кундухову!

Нет, прав был Алихан, что не верил осетинам. А Сайдулла поверил…

Счастливчик Алихан. Его похоронили перед самым отъездом, и лежит он сейчас спокойно и тихо в родной земле. Не мучается.

Он ведь предупреждал: "Сайдулла, не ввязывайся в это дело.

Свой ад лучше чужого рая". Почему он, Сайдулла, всегда оказывается в проигрыше! Кто он здесь? Никто! Раб вот этой жирной турецкой свиньи. Рабом был и у русских. Служить он им, видите ли, пошел! Отказались же Талгик, Батуко, Соаду, Эски, Эдил, Атаби, Бойсангур и многие другие. И он мог отказаться. Ан, нет…

В лагере было тихо, словно весь он вымер. Но нет, народ в лагере был. Просто без обычного шума и гама люди возле землянок и шалашей занимались своими повседневными делами: кто зашивал одежду, кто расчесывал волосы, кто стирал, а кто просто сидел и любовался синим небом. И только женщины, дети и старики. Ни малейшего внимания с их стороны к турецкому отряду. Как будто они его и не видят. Но Сайдуллу не проведешь — они его видят и все подмечают. И лишь одному Сайдулле понятными сигналами передают сведения от шалаша к землянке, от землянки к шалашу. Уж ему ли не знать характер Арзу и Маккала. Ведь наверняка что-нибудь да придумали.

Эмин-паша довольно улыбался. Кругом чистота и порядок.

Молодцы! Правда, он утром присылал сюда своих людей, наказывал привести все в порядок и ждать его. Порядок есть, а людей не видно…

— Где народ? Почему не собрались? — набросился он на подъехавшего чеченца. — Я же приказал…

— Народ собран и ждет, — ответил тот по-кумыкски.

— Где? Не вижу!

— На поляне. За кладбищем.

Турецкий отряд повернул лошадей и поехал по направлению, указанному чеченцем.

"О Аллах, сколько могил! — чуть криком не вырвалось у Сайдуллы. — Тысячи. Больших и маленьких… Все без надмогильных памятников. И я, я повинен во всем этом. Боже…" — с запоздалым раскаянием думал он.

* * *

Картина за поворотом открылась самая неожиданная: внизу, в долине, примыкавшей к густому лесу, застыла конница, выстроенная по всем правилам боевого порядка. Словно почуяв родные запахи, конь Сайдуллы громко заржал.

— Сайдулла-эфенди, что это такое? — удивленно спросил паша и тревожно нахмурился.

— Не могу знать, Эмин-паша.

Сайдулла в душе ликовал и втайне любовался соотечественниками.

"Да, здесь совсем не то, что у Эрзерума. Эти молодцы или умрут, или добьются своего, — восхищался про себя Сайдулла.-

Чувствуется рука Арзу".

— Эфенди, спроси своего земляка. Они собрались слушать меня или со мной драться? Похоже, им сейчас достаточно одной команды, чтобы ринуться в атаку. Нет, эфенди, я не пойду к ним. Я еще не выжил из ума.

— Не бойтесь, Эмин-паша, — успокоил чеченец-проводник. — Нам стало известно, что вы любите воинскую дисциплину. Это мы в вашу честь постарались.

Эмин-паша бросил острый взгляд на него, уж не делают ли здесь из него дурака? Но лицо чеченца было серьезным и непроницаемым.

От конницы отделились два всадника и поскакали навстречу отряду. Всадника на белом коне Сайдулла признал сразу — это был Арзу. Другой, на гнедом — Маккал. Шагах в десяти от Эмин-паши они спешились. Сайдулла, Шамхал-бек и Хабиб Шахбиев сошли с коней.

Эмин-паша растерялся. Он не знал, как себя вести. Держаться на равных не позволяла гордость, а потому он надулся, как индюк, и даже забыл ответить на приветствие. За него это сделал Сайдулла.

— Кто из вас говорит по-турецки? — спросил Эмин-паша.

— Я говорю немного, — ответил Маккал.

— Мне доносили, дескать, вы умираете с голоду. Но я вижу совсем другое. Вы довольно неплохо чувствуете себя, если сумели собрать такую силу, — вали указал на стройные ряды всадников.

— Вы слышали правду, — ответил Маккал. — Наши люди гибнут.

Самодовольное лицо паши скривилось в презрительной усмешке.

— Нет, не похоже. Столько лошадей, столько оружия. Для чего все это вам?

— Какими же вы хотели бы нас видеть?

— Здесь вам не от кого защищаться. Гяуров у нас нет.

— А они зачем здесь? Для вашей охраны? — Маккал кивнул в сторону турецкого отряда.

Он вновь сел на коня. Его примеру последовали и остальные.

Арзу и Сайдулла тихо заговорили между собой.

— Да… Жуткая картина, — покачал головой Сайдулла.

— Ты мог это предвидеть, — сказал Арзу — Ты ведь проехал мимо кладбища. Мы не успеваем хоронить умерших.

— У эрзерумских дела не намного лучше.

— Потому они и едут к нам. Но вам-то что здесь понадобилось? Вы-то зачем приехали?

— Не с доброй вестью, — вздохнул Сайдулла. — Вам надо уходить отсюда.

— Куда?

— Вы знаете.

— Ты сам там был?

— Нет.

— Так вот, туда никто не поедет.

— Заставят. Русский посол требует, чтобы вас переселяли на запад. Согласно договору между падишахами.

— Почему же вы пели совсем о другом? Чуть ли не рай здесь обещали.

— Нас тоже обманули.

— Вы, во всяком случае, не прогадали. Вы устроились. Вам что здесь, что там — все едино. Бедствуют-то другие.

Расплачиваются ни в чем не повинные люди. И вам думать надо было головой. Кому поверить! Мусе Кундухову… Мало он нашей крови пролил. Теперь еще на вашей совести лежат тысячи погубленных жизней. Клянусь Аллахом, ответ за них держать вам придется!

Чтобы избежать ссоры с Арзу, Сайдулла счел за лучшее молчать и не оспаривать очевидное. Ему, Сайдулле, сейчас придется сносить любые оскорбления, он их заслужил. Он поверил Мусе, а люди поверили ему. Для людей главным виновником является он, Сайдулла. Да они и правы!

А Эмин-паша тем временем любовался чеченской конницей. Какие кони! Какие мужественные лица у всадников! С такими молодцами сам черт не страшен. Будь его воля, он бы их всех оставил в Муше. Сколько бы с ними побед он одержал. Нелегко пришлось бы русским. К сожалению, использовать их нельзя. Русские догадались о замысле и требуют вести переселенцев дальше, на запад. Султан хитрил, хитрил, но и он был вынужден сдаться.

Видимо, ссора с гяурами пока не выгодна…

А как они одеты! Как вооружены! Удивительный народ! И ведь удалось после стольких бедствий сохранить силы… Это вам не стадо и не случайно собранные всадники. Это регулярное войско.

Это закаленные в огне и битвах бойцы.

— Мне поручено, — начал Эмин-паша, не спуская восхищенного взгляда с боевых коней, — от имени султана и главного визиря поговорить с переселенцами.

— Человек, которому доверили слушать вас, ваш покорный слуга.-

Маккал слегка поклонился, по-восточному приложив руку к сердцу.

— Мне поручено, — торжественно продолжал Эмин-паша, — в течение трех дней очистить от вас весь этот район.

Маккал, улыбнувшись, слегка склонил голову.

— Кроме того, ходят слухи, что вы во всех своих несчастьях обвиняете нас, турок. И в чем же, по-вашему, мы виноваты? В том, что приняли своих единоверных братьев, когда гяуры выгнали их из своих домов? Хотя считается, что вы ушли добровольно. Но это одно и то же. Если бы русским было угодно, они бы ни за что не отпустили вас. В самом крайнем случае вас бы ожидала Сибирь. Что это значит, объяснять не нужно. И по просьбе Мусы-паши правитель всех мусульман великий Абдул-Межид согласился дать вам у нас приют на одинаковых правах со всеми…

Эмин-паша сделал паузу, потом продолжил:

— Вам выделили земли за Диарбекиром и уже месяц убеждают, уговаривают переселяться туда. Но вы упорно отказываетесь от этого. Более того, вы постоянно грабите и убиваете местных жителей, из-за чего население пяти виллаетов не может спокойно спать. У вас появились опасные заболевания. Из вашего лагеря они перекинулись теперь в ближайшие города и села. Вот такова ваша благодарность за доброту султана. Поэтому я даю последний, недельный срок, по истечении которого вы должны будете отправиться на запад.

Эмин-паша резко взмахнул рукой и замолчал.

— У вас все, рейс-эфенди? — спросил Маккал.

— Да, я сказал все.

— Осмелюсь заметить, рейс-эфенди, в одном вы несомненно правы, — учтиво начал Маккал. — Наш народ не желает находиться под игом русского падишаха. Иначе мы не оказались бы здесь.

Но никто из нас не знал о переговорах, которые вел Муса Кундухов. Мы его, во всяком случае, на то не уполномочивали.

И вот он привез письмо от султана Абдул-Межида, в котором было сказано, что султан зовет нас к себе и выделяет нам лучшие земли. Говорилось в письме и о том, что к нашему приезду будут готовы

жилища, что на первых порах турецкие власти окажут нам материальную поддержку. Письмо такого содержания распространял находящийся рядом с вами Сайдулла. Письму мы поверили. Пять тысяч семей покинули свои дома, родину и приехали сюда. Но что же мы здесь видим? Обман. Да, самый настоящий обман! Нам обещали чуть ли не золотые горы, а на самом деле обрекли на голодную смерть. Ни мы, ни наши предки не заслужили подобного издевательства. Между двумя нашими народами никогда не было вражды. Так за что же мы сейчас расплачиваемся? Люди в отчаянии, потому и озлоблены. Они просто вынуждены были убивать и грабить. Вот вы предлагаете нам очистить долину.

Однако позвольте вас спросить, как мы это сделаем? Нам некуда идти.

— Вам выделили земли, вот и отправляйтесь туда.

— Там земли нет.

— Как так?

— Там одни камни. Я ходил по ним.

— Вы что же, надеялись получить самые лучшие участки?

— Так нам обещали.

— Ничего подобного!

— А как же письма султана?

Эмин-паша уставился на Маккала.

— О каких письмах вы мне постоянно говорите? Это русские распространили подложные письма.

Арзу и Маккал одновременно взглянули на Сайдуллу.

— Клянусь Кораном, я ничего не знал! — растерянно выкрикнул Сайдулла. — Мне передал их Муса. Но откуда он их взял, мне не

известно.

— А ваше обязательство? А слово, которое вы дали Кундухову?
— спросил Маккал.

— Обещание свое мы выполнили, — ответил паша. — Мы вас приютили.

Но русские настаивают на том, чтобы вы находились подальше от границы. Это, во-первых. Во-вторых, здесь нет свободных земель.

Маккал вопросительно посмотрел на Арзу.

— Дальше мы не сделаем ни шагу, — решительно отрезал Арзу.

— Это как же понимать? — повернулся к нему Эмин-паша. -

Безрассудное упрямство может вам очень дорого обойтись. Я лично не собираюсь играть с вами в кошки-мышки, как Нусрет-паша. Со мной три тысячи всадников и тысяча добровольцев. Не пожелаете добром, заставим силой! — И, чтобы еще сильнее разжечь ненависть к русским, добавил: — На этом настаивают русские, не мы. В Карее находится русский комиссар.

Уберите, говорит, чеченцев живыми или мертвыми, но как можно дальше от нашей границы.

Арзу был наслышан о жестокости турок: не дай Бог попасть им в руки побежденными.

— В таком случае придется биться до конца. Раз другого выхода нет…

Эмин-паша посмотрел на этого сурового чеченца и не прочитал в его глазах ничего утешительного для себя. Не выдержав тяжелого взгляда Арзу, Эмин-паша отвернулся и вновь стал рассматривать всадников. Суровые у всех лица. Пожалуй, добродушный эфенди прав… Сердца этих людей очерствели. Они доведены до отчаяния. Эмин-паше даже показалось, что руки их вот-вот потянутся к саблям. Конечно, им теперь лучше погибнуть в бою, чем сдохнуть от голода. Да, с ними шутки опасны. Их здесь не менее трех тысяч. Возможно,

где-то стоит еще и пехота. Кроме того, говорят, что во время схваток их женщины и дети дерутся наравне с мужчинами…

Эмин-паша зло сощурился и сжал тонкие губы. "Будь у меня здесь еще тысяч десять, я бы показал этому оборванцу, как со мной положено разговаривать. Но, увы, сейчас сила на его стороне.

Чеченским головорезам отступать некуда, и они будут биться до последнего. Это ясно как день".

— Значит, таково ваше последнее слово?

— Да, оно окончательное.

— Пойми, Арзу, — вмешался Сайдулла. — Вновь прольется кровь…

— Не твоя же! — взорвался Арзу. — Слишком уж ты дорожишь своей шкурой, хотя она и ломаного гроша не стоит.

Сайдулла вскипел.

— Ты не забыл, с кем говоришь?

— Клянусь Кораном, не забыл! Разве ты не тот самый Сайдулла, сын Успана из Гехи, который в черный для родины день стал рабом русских? Разве не ты, когда дела твои пошатнулись, продал русских и перебежал к туркам?..

Эмин-паша нахмурился, жестом руки приказывая спорящим замолчать.

— Даю вам ровно неделю. Еще раз посоветуйтесь меж собой и не вынуждайте меня прибегать к крайним мерам.

— Вы уже слышали наш ответ. Другого не будет. Зачем же повторяться?

— Это неразумно.

— Перебраться на плодородную землю мы согласны.

— Такой здесь нет.

— Значит, мы поворачиваем назад.

— Куда?!

— Домой, рейс-эфенди. Домой! Куда же нам еще?

Потерявший терпение Эмин-паша был поражен:

— Домой?.. Но обратной дороги для вас больше нет. Русские закрыли границу. И мы не можем позволить вам вернуться.

— Да возвысит Аллах того, кто поможет заблудшим и укажет им путь к спасению, — протяжно пропел Маккал, закатив глаза, словно читая молитву.

— Но вам и еще один путь указан, — тихо и задумчиво сказал Эмин-паша. — Путь не такой уж и сложный… Идите под знамена султана. Ваши воины нам нужны…

— Благодарю вас, рейс-эфенди, — прервал его Маккал. — Только наш народ никогда не был палачом. Мы вернемся на родину! И наше право никто у нас не отберет: ни вы, ни русские!

— Не говорите за всех. Возможно, часть людей согласится с предложенным мной путем. Ведь они получат отличную возможность отомстить русским.

— О том спросите людей сами.

Лицо Эмин-паши просияло. Он обернулся к Цугову.

— Шамхал-бек, поговори с ними. Передай, что тот, кто согласится служить в нашей армии, будет щедро награжден.

Шамхал-бек низко поклонился паше и поскакал к отряду.

— Нохчи! — обратился он к воинам. — Не от радостной жизни покинули мы родину. Нелегко всем нам было отправиться на чужбину. Турки для нас не родные дяди. Все мы думали, что это они нас пригласили сюда, но это вовсе не так. Теперь, как ни крути, мы находимся в чужой стране. И сейчас нет ни крыши над вами, ни земли, где можно было бы построить свой дом. Голод и болезни косят вас, как острая коса зеленую траву. Губит вас и глупая гордость и самолюбие вайнахов. Местные жители не имеют сил и возможностей помочь вам. Кроме того, своим разбойничьим поведением вы отпугнули их, и теперь они уже готовы сами пойти против вас. Из-за вашего неповиновения пострадал Нусрет-паша. Вот почему сегодня и прибыл сюда эрзерумский вали Эмин-паша, которому приказано миром или силой, но освободить от вас это место. Если вы не уйдете добровольно — вас погонят с оружием в руках, и тогда пострадают невинные женщины и дети. Арзу и Маккал от вашего имени отказались отправляться на запад. Вы все согласны с их решением?

Шамхал-бек всматривался в лица всадников и ждал ответа. Но они молчали.

— Все мы вскормлены одной землей, все мы братья одной крови, — продолжал он. — Поэтому не стану скрывать от вас тех ужасов, которые ждут вас впереди. Эмин-паша привел три тысячи всадников. В его распоряжение переданы и все вооруженные силы Мушского виллаета, которым активно помогут жители окрестных сел и городов. Турецкие власти приняли окончательное решение поселить вас за Диарбекиром. Другого места не будет. Эмин-паша определил недельный срок, чтобы вам сняться отсюда и отправиться на запад. В противном случае он прикажет войскам гнать вас силой оружия. Конечно, вы окажете сопротивление. Но все мужчины до последнего человека погибнут в столь неравной битве. И что станется с женщинами и детьми? Вы подумали? Мой совет: выкиньте из головы глупую мысль о сопротивлении и делайте то, что вам предлагают. Земли там не такие уж и плохие, как вам их обрисовали. Да, вообще, нужно ли вам выбирать какие-то земли? По своей натуре и природе вы не земледельцы. Потому-то перед вами открываются и иные пути к счастью, и вы сможете жить по-княжески, ни разу не берясь за ручки

сохи. Падишах всех мусульман султан Абдул-Ме-жид из рода Курейша призывает вас служить под свое знамя! Султан знает, чеченцы были самыми храбрыми воинами ислама на Кавказе. Он знает, как притеснял и истреблял вас царь неверных. Поэтому он и допустил нас в свою страну. Долг и традиции обязывают платить за добро добром.

Увлеченный собственной речью Шамхал-бек шагом проехал перед рядами неподвижно стоящих всадников.

— Черкесы и адыги, прибывшие сюда раньше вас, уже находятся в войсках султана. Из них создано несколько полков. Каждому воину бесплатно дают коня, обмундирование и оружие. Харчи тоже бесплатные. А кроме того, им платят жалованье. Короче говоря, здесь мы имеем такие условия, о которых на родине мы могли только мечтать. Счастье большинства из нас сидит на кончиках наших сабель, на мушках восьмигранных стволов наших ружей.

Особо отличившиеся по службе получают чины и награды. На первых порах нам придется заниматься пустяками: усмирять христиан, поднявшихся против султана. Черкесы и адыги занимаются христианами, живущими к западу от Стамбула. Мы же должны растоптать этих проклятых грузин и армян, которые помогали русским в войне против нас. Вы знаете, что особо жестокие генералы и хакимы, управлявшие Чечней, были выходцами из армян и грузин. Добыча в бою — ваша. Вдумайтесь. Мы получаем тройную выгоду: мстим нашим заклятым врагам, наживаем богатство и заслуживаем милость Аллаха. По секрету скажу, что в скором времени, когда турки начнут войну против России, у нас появится и реальная возможность освободить нашу Чечню от господства гяуров. Вот в этом султан Абдул-Межид обещал нам свою самую крепкую поддержку и помощь. Кто согласен стать под знамя падишаха всех мусульман, пусть выезжает вперед!

Когда Шамхал-бек поравнялся с Чорой, тот громко бросил ему:

— Убирайся отсюда, ишак, пока я сейчас на глазах у всех не срубил твою поганую шакалью голову!

Шамхал-бек вспыхнул, как от удара, и схватился было за пистолет. Но вовремя опомнился и поскакал прочь.

— Онемели они все, что ли? — зло процедил Эмин-паша.-

Подождите, скоро запоете… Теперь я понял, кто здесь мутит воду, — Эмин-паша ткнул пальцем в сторону Арзу и Маккала…-

Итак, сегодня у нас четверг. Если к следующему четвергу вы не уйдете отсюда, я за последствия не отвечаю. Отвечать будете вы! Все…

Эмин-паша натянул повод, и его конь уже слегка подался вперед.

Но голос Маккала остановил Эмин-пашу.

— Паша-эфенди! Вам легче. Ваш падишах дал вам силу, чтобы расправиться с нами. Вы действуете у себя на родине. Но не забывайте, если по приказу падишаха вы прольете кровь несчастных людей, то все равно Аллах строго взыщет с вас. Нас же всего двое, и мы не имеем права по своей воле решать судьбу этих людей. Дело же доходит до кровопролития. Дайте нам десять дней. За это время мы решим окончательно, что нам лучше:

принять ли ваши условия, умереть ли здесь, не уходя с этого места, или же отправиться обратно на родину.

— Хорошо, — важно согласился Эмин-паша, внутренне торжествуя неожиданно легкую победу — Даю вам десять дней. Но предупреждаю, я не Нусрет-паша и не Исмаил-паша. Я вовсе не желаю из-за вас попадать в немилость его величества…

* * *

Когда последний воин турецкого отряда скрылся за холмом, на котором раскинулось кладбище, к Арзу рысью подъехал Кюри.

— Ну, ты не раздумал? — спросил Арзу — А что сказал Мачиг?

— Он согласен, — зарделся Кюри. — Арзу, я же обещал Алибеку…

Может, стану офицером… Как Шамхал-бек говорил… И тогда я обязательно вернусь…

— Мы об этом уже не раз говорили с тобой. Не надо повторяться. — Арзу глубоко вздохнул. — Кто с тобой едет еще?

— Один беноевец…

— Что ж, раз Мачиг отпустил тебя, то я не вправе удерживать.

Но, смотри, этот Шамхал-бек — хитрая лиса. Не дай обмануть себя! Не подписывай никаких обязательств, пока не окончишь школу. Да поможет тебе Аллах!

ГЛАВА VIII. ВЕСТИ С РОДИНЫ

Мила нам добрая весть о нашей стороне:
Отечества и дым нам сладок и приятен.
Г.Р. Державин

Болат внимательно наблюдал за турецкими всадниками. Но не успели они еще скрыться из вида, как вслед им промчались Кюри и Габа. Болат громко окликнул Кюри, но тот даже не оглянулся.

"Куда они?" — удивленно подумал Болат.

Чеченский отряд возвращался в лагерь. Арзу и Маккал ехали впереди. За ними Чора и Али, в руках которого развевалось зеленое знамя с вышитыми на нем шестиконечной звездой и полумесяцем.

— Лаилаха илаллах, лаилаха илаллах… — пели они, покачиваясь в такт зикра.

Болат долго следил за ними, потом тихо поплелся к своей землянке.

Как надоел ему лагерь, его сырые землянки и эти вонючие шалаши. И дождь, и ветер проходят сквозь их стены, как через сито. И какая уж тут чистота, когда нет отхожих мест.

Здоровым, конечно, полегче, но каково больным, которые даже встать с постели не могут? Конечно, никто не предполагал, что им столь долго придется задержаться здесь. В жаркие дни всем особенно тяжело, в воздухе стоит невыносимая вонь. А еще вши донимают. Их столько развелось, что просто ужас берет. Уж лучше бы сразу умереть. Но что тогда станет с матерью и сестренкой, если он умрет? Нет, ему сейчас никак нельзя умирать. Он должен жить, должен!

У входа в землянку мать перешивала ему отцовские брюки. Болат осуждающе нахмурился.

— Не вечно хранить их, сынок, — оправдывалась Хеди. — Смотри, как твои износились. Новых же купить здесь и негде и не на что.

Болат медленно опустился рядом с сестренкой. Несмотря на знойный день, та куталась в шаль.

— Бота, — тихо позвала она.

— Что, Човка? — склонился к ней Болат.

— Отец девочки, которая живет вон в той землянке, принес вчера из лесу меду и орехов. Я у нее попросила один орех, она не дала. Теперь, когда принесешь орехов ты, я ей тоже не дам…

Болат притянул к себе ее маленькую головку и ласково погладил.

— Какая же ты еще малышка, Човка! Будут и у тебя орехи. Не плачь только.

Болат поднялся и скрылся в землянке. Он опоясался маленьким кинжалом, наполнил газыри черкески зарядами, заткнул за пояс кремневый пистолет, подаренный ему Арзу, и, прихватив глиняный кувшин, снова вышел на улицу.

— Ты куда, сынок? — забеспокоилась Хеди.

— Пойду, похожу по лесу.

— Будь осторожен. Ворованное всегда приносит несчастье. Могут и убить.

— Я не маленький, нана, — сказал он, чтобы успокоить мать. -
И воровать ничего и ни у кого не собираюсь. Может, в лесу диких плодов нарву.

— Говорят, там медведи водятся, смотри, далеко не заходи…

Болат улыбнулся словам матери.

— Здесь все чужое, даже медведи.

— Не беспокойся, нана.

И Болат широко, по-взрослому, зашагал между землянками.

— О Аллах, вручаю твоей воле моего единственного сына, — взмолилась Хеди, провожая Болата взглядом измученных глаз.

* * *

"Бог милостив, — радостно думал Болат, возвращаясь из лесу.

— Он мне поможет прокормить семью". Его вылазка оказалась удачной, кувшин наполовину наполнен газпой, за пазухой — орешки. Човка-то как обрадуется.

Солнце уже село, но верхушки деревьев все еще золотились в отблесках заката. Со стороны турецкого села доносились блеяние овец, мычание коров, топот лошадей, слышался чужой говор.

Точно так же бывало вечерами и в Шали: собачий лай, крики мальчишек, голоса пастухов, возвращавшихся с пастбищ. Но там звуки были родные и близкие. Свои! Чего бы только не отдал сейчас Болат, чтобы вновь услышать их. Ни забот он тогда не знал, ни горя не ведал. Играл с мальчишками, дрался. Сегодня подерутся — завтра помирятся. Так и проходили незаметно дни со своими радостями и огорчениями. Теперь же они вспоминались как нечто сказочное, давным-давно и навсегда ушедшее. С трудом даже верилось теперь, что когда-то все было по-другому, небо было родное, и дом был родной. От таких вот мыслей и воспоминаний в душу закрадывались тоска и жалость. Ему даже было жаль не себя, а скорее те далекие улицы, по которым он бегал; холмы и овраги, где они с товарищами по примеру взрослых пели зикр; чужие сады и собак, чьи острые клыки не раз испытывали на прочность его штаны и ягодицы, за что мать постоянно ругала его. Отец же, наоборот, только усмехался в бороду, ты, мол, жена, смотри, какой храбрый конах растет! Ему было жаль мать, но попробуй сберечь штаны, когда вокруг столько соблазнов.

Теперь и отца не стало. Похоронили его в чужой земле. Как ему в ней? Может, душа улетела домой? Дай-то Бог! И остались они втроем. Човка-то еще малышка, мало что соображает. Ей все только дай. А как

взять, откуда, ее пока не интересует. Вот на него-то и все надежды. Он старший. Он обязан кормить семью.

Но если им здесь дадут землю, кто ее вспашет? Арзу и Маккал.

Они только и смогут помочь, пока сами живы…

Чтобы не идти через турецкое село, Болат двинулся в обход, через кустарник. Хотя, конечно, через село было ближе. Но лучше все-таки избежать разных неприятностей. Например, дети начнут кидаться камнями и кричать вдогонку: "Шешень! Вшивый шешень!" Их-то он не боится, но не станешь же гоняться за каждым.

Болат сполз с обрыва и пошел по дну оврага. Повеяло сыростью и прохладой. Уже надвигались сумерки, и он заспешил, чтобы до темноты вернуться в лагерь. Мать, наверное, уже волнуется.

Вдруг внимание его привлекли какие-то звуки, похожие на рычание собак. Он остановился. Стая ворон, взлетевшая при его появлении, посеяла в нем подозрения. Птицы упорно кружились над одним и тем же местом и не улетали. Потом вообще расселись по деревьям, выжидая, пока незваный гость уйдет. Их хищное и нетерпеливое карканье пугало. Собаки же, наоборот, не обращали на него никакого внимания, они злобно рычали, как будто не могли поделить единственную кость. Болат знал, что местные жители имеют обыкновение сбрасывать в овраг дохлый скот.

Переселенцы не раз приходили сюда и перетаскивали туши околевших коров и овец в лагерь.

Что же там выбросили сейчас, раз так остервенело грызутся собаки, а воронье даже и не помышляет улетать отсюда?

"Может, найду чем поживиться. А вдруг целая туша коровы, да хотя бы ягненка, — мысли роились в голове мальчика, предвкушавшего восторг родных и близких. — Он бы тогда уберег их от голодной смерти. А как обрадуется Човка… — Болат сам давно забыл вкус мяса. — Вот будет праздник…"

Болат срубил кинжалом ветку что потолще, чтобы разогнать собак, а то ведь пока он раздумывает, они и костей не оставят.

Но подойдя поближе, он убедился, что опасения его были напрасны: собаки только что приступили к своей трапезе.

Разогнав их, Болат приблизился к тому месту и остолбенел:

перед ним была разворошенная могила и труп мальчика.

Первое желание, возникшее от увиденного, было бежать, бежать не оглядываясь. Но какая-то невидимая сила удержала его, и он продолжал стоять как вкопанный. В следующий миг ему стало стыдно за свой страх, за непрошеную слабость. Что он, мало видел мертвецов? Не только здесь, в Хонкаре, но и дома, в Шали. Правда, он не был ни разу наедине с мертвецами — рядом находились взрослые. Это здесь он на исходе дня, в глубоком овраге, среди одичавших собак, рядом с покойником.

"Ты же мужчина, Болат, — говорил ему внутренний голос. — Иди, не трусь. Разве не учили тебя мужеству твой отец, Арзу, Маккал. Еще несколько шагов! Ты же горец, сын бесстрашного воина. Вглядись, видишь рваную черкеску, ножны кинжала, босые ноги… Может, это твой единокровный брат…"

"Конечно, — подумал Болат, — ведь турки своего не сбросят с обрыва. Должно быть, это наш человек… О Аллах! Эти облезлые ножны… ремень…"

От страшной догадки кровь застыла в жилах. Со вчерашнего дня он не видел Соипа: утром выполнял поручение Арзу, а потом, не найдя Соипа и в полдень, не стал беспокоить его больную мать, Жовхар, отложив свой визит на более позднее время.

Болат поставил кувшин и склонился над покойным другом. С окровавленной головы Соипа слетел целый рой зеленых мух, в ране копошились черви. Он осторожно перевернул труп и в страхе отпрянул — на него смотрели остекленевшие, застывшие в ужасе, круглые карие глаза друга…

Это было так неожиданно, так неестественно, будто происходило в каком-то страшном сне. Смутно сознавая, что делает, Болат провел рукой по глазам, закрыл другу веки. Он долго приходил в себя, а когда,

наконец, сознание прояснилось, почувствовал неотвратимость случившегося, ком подкатил к горлу, он затрясся всем телом и громко разрыдался.

"Соип, друг мой, что они с тобой сделали… Соип, если бы мы не приехали в чужую страну, ты был бы жив, отец твой не лежал бы в холодной могиле и братья… Нам тяжело было на родине, но мы были счастливы… Соип, кто убил тебя так безжалостно, кто оставил твою мать одинокой, кому мне мстить за тебя. Или когда-нибудь и мне придется разделить твою участь. Тебя нашел твой друг, он похоронит тебя. Неужели мой труп растерзают злые собаки, глаза мои выклюют вороны…"

Могила была неглубокой, видимо, копали ее наспех, и собакам не стоило особого труда разрыть ее. Болат поднял на поверхность тело друга, руками выгреб землю и осторожно уложил покойника обратно, затем прикрыл травой и засыпал землей. И когда все возможное было сделано и ничем он уже не мог помочь другу, Болат словно очнулся вдруг и оглянулся. Только теперь он заметил, что сгустились сумерки и потемнело небо. Стало страшно от того, что в такой темени ему не трудно будет и заблудиться. Но прежде чем покинуть могилу друга, он, забыв все страхи, постоял еще с минуту, устремив глаза на маленький холмик.

"Даст Бог, и я доживу до утра, заберем тебя, Соип, отсюда и похороним рядом с отцом твоим", — мысленно решал он, пробираясь по дну оврага, заросшего густым кустарником.

* * *

После ухода турок, остаток дня ушел на погребение умерших.

Вечером Арзу вновь собрал старейшин, сообщил о переговорах с Эмин-пашой.

— Оставят у Муша, Вана и Карса — останемся. Нет — уйдем обратно, — в один голос отвечали старейшины.

— Русский сардар против. Он требует убрать нас подальше отсюда.

— Проклятые гяуры! И в чужой стране спокойно жить не дают!

— Не надо было свою отдавать.

Решено было Арзу и Маккала послать в Эрзерум к русскому комиссару. Что из этого может получиться, одному Богу известно. Но измученные и исстрадавшиеся люди надеялись, что не каменное сердце у русского комиссара, может, и пойдет навстречу.

Уставшие и голодные вернулись Арзу и Маккал домой. Была поздняя ночь. Али и Чора сразу же завалились спать, накрывшись буркой. Арзу не спалось. Не спалось и Маккалу. Он зажег свечку и поставил на сундук. "Наверное, читать собирается", — подумал Арзу. Маккал достал у турок какую-то книгу и зачитывался ею ночами. Но сегодня он почему-то не раскрывал ее. Маккал достал чернильный прибор, разложил чистую бумагу.

— Кого мы возьмем с собой? — спросил Арзу, прежде чем Маккал взялся за колам[97].

— Куда?

— В Эрзерум.

— Чору и Али. Достаточно, думаю.

На этом их беседа прервалась. Маккал склонился над листом бумаги. Арзу одолевали горькие думы. Он думал о прошлом и о будущем. Думал о своих братьях и сестрах по крови, что гибли вдали от родины, забытые людьми, царями и богачами, даже Богом. О чем только не думал, какие только мысли не приходили, а выхода как не было, так и нет. Думали избежать Сибири, а получилось еще хуже… Хотя ночь была спокойной, но не спалось Арзу. Сон не шел…

Маккал отложил колам, взял в руки исписанный лист.

— Может, послушаешь, что я написал, — обратился он к Арзу, чувствуя, что последний не спит.

— Читай, — отозвался Арзу.

Маккал откашлялся.

"Великому Сардару, брату русского царя.

… Мы находимся в весьма печальном положении и просим: будьте милосердны, разрешите нам возвратиться на родину… Мы узнали, что Кундухов ухитрился обмануть нас, говоря, что переселение делается по общему согласию двух государей, а здесь ничего нет. Нам уже отвели место в Турции. Кундухов желал, чтобы он один жил, а мы все умерли. Он же желает переселить сюда и остальных горцев… Мы гораздо охотнее пойдем в Сибирь, чем будем жить в здешней Сибири… Мы можем избавить многих горцев от гибели своим возвращением. Из нас и так погибла одна треть.

Турки говорят, что нам укажут место для жительства, а на указанном месте можно только умереть".

Маккал прервал чтение, прислушался. Незнакомый мужской голос, доносившийся с улицы, спрашивал:

— Где мне найти Арзу и Маккала?

— Вон в той землянке, — отвечал женский голос. Через минуту легкий конский топот послышался совсем близко.

Али, вышедший на зов незнакомца, вернулся обратно.

— Вас спрашивает.

— Пусть войдет.

Высокий статный мужчина, полусогнувшись, переступил порог.

— Ассалам алейкум, всего доброго вам!

— Ва алейкум салам, да будет добрым и твой приезд!

Арзу и Маккал поочередно пожали гостю руку и усадили его на почетное место.

— Как здоровье нашего гостя, как поживает семья? — спросил Маккал.

— С помощью Аллаха все живы-здоровы. Горе народа — наше горе.
Как у вас?

— Алхамдуллила, все от Аллаха.

Гость и хозяева внимательно изучали друг друга. При таком свете это нелегко было сделать. Но все же Арзу сумел разглядеть его. На смуглом бородатом лице невольно бросается в глаза длинный нос, похожий на орлиный клюв. Высокий чистый лоб, смелый взгляд карих глаз, черные усы. Одет прилично. На наборном ремне серебряный кинжал, два пистолета. Никаких сомнений не было в том, что он в лагере впервые. "Или он один из тех, кто свою душу и саблю запродал туркам, или он прибыл сюда недавно", — решил Арзу, не спуская с гостя проницательных глаз.

— Скажи нам: кто ты, что тебя привело в наш дом и чем мы можем помочь тебе?

Гость погладил бороду.

— Я от двоюродного брата Солта-Мурада. По решению Дивана направлен с последней партией переселенцев к вам.

Арзу и Маккал насторожились.

— Али, выйди, посмотри за землянкой, — сказал Арзу и повернулся к гостю. — Почему ты уверен, что мы именно те люди, которые тебе нужны?

Гость от души рассмеялся.

— Я не впервые вижу вас.

— Возможно. Но мы не знаем, кто ты. Как поверить тебе на слово?

Гость осторожно снял с пальца серебряный перстень и протянул его Маккалу.

— Наш условный знак, — медленно проговорил Маккал, внимательно рассмотрев перстень и передав его Арзу.

— Да, перстень, несомненно, принадлежит Солта-Мураду.

— Но ведь это только часть условного знака. А пароль?

— Родина зовет своих сыновей… — гость назвал пароль до конца.

— С благополучным прибытием, посланец славного Солта-Мурада!
— облегченно и радостно воскликнул Арзу.

— Как твое имя?

— Деналха.

— Давно прибыл?

— В Муш сегодня, в Эрзерум — две недели назад.

— В дороге все было благополучно?

— Аллах оберегал.

— С чем же связан твой приезд? Что встревожило Солта-Мурада?

— Ваша задержка и судьба переселенцев.

— Что нового у вас?

— Вот письмо от Солта-Мурада.

Деналха расстегнул на груди бешмет, и в руках у него оказался массивный талисман треугольной формы, подвешенный на шнурке.

Кончиком ножа Маккал разрезал шов чехла и вытащил тонкие листки бумаги, исписанные мелким, убористым почерком. Он пересел ближе к светильнику и стал читать послание.

"Бисмиллахирахманирахийм. По воле Всемогущего Аллаха, его пророка Мухаммада, асхабов и всех святых пишу это письмо моим братьям по крови и вере, дорогим друзьям Арзу, сыну Абубакара, и Маккалу, сыну Абдурахмана.

Да благословит вас Всемогущий Аллах и его пророк Мухаммад!

В первую очередь сообщаю, что мы все живы-здоровы, единственное же наше горе — это горе разлуки с вами и полная безвестность о судьбе наших единокровных братьев, отправившихся на чужбину. Безвестность и терзает наше сердце.

Рассказывают, что однажды старый лев заболел и залег в пещере.

Звери со всех концов собрались навестить царя, но никто не осмеливался зайти в пещеру, ибо лев съедал каждого посетителя.

Вот так и наши люди — покидают родные горы, отправляются в Хонкару, но никто не возвращается обратно. Даже вы не подаете вестей, мы же уподобились слепым, потерявшим поводырей, ибо не знаем, что говорить новым добровольцам, задумавшим покинуть землю отцов. Как вы доехали? Выполнили ли вы наше поручение?

В каком положении люди?.."

— Странно, неужели туда не доходили вести из этого ада? -

Маккал прервал чтение и посмотрел на горца.

— Поступали. Но противоречивые. Толком ничего не поймешь: одни говорили, что в Турции очень плохо, другие — наоборот, хвалили жизнь в Хонкаре.

"…У нас хорошего мало. Берс вернулся. На помощь с севера рассчитывать нельзя. Там все тихо.

После вашего отъезда отличился Тоза из Харачоя, чего, откровенно говоря, мы и боялись. Он объявил себя имамом и разослал по соседним аулам свои письма. Вот одно из них, полученное мною: "От имама брату нашему Солта-Мураду и всем мусульманам салам. Приготовьтесь к войне по изгнанию из земель наших неверных. Сообщите о нашем намерении другим аулам по рекам Аксай и Ямансу. Настало время войны, заповеданной нам Всемогущим Аллахом через своего пророка. Время сбора — завтра, место — у аула Харачой на возвышенности Кеташ-Корт". Мы прочитали его письмо и еще не успели выразить своего недоумения по поводу такого решения, как до нас дошли слухи, что Тозу сразу же по выходу из Харачоя власти схватили и увезли…"

— Остопиралла! — покачал головой Арзу. — Какой удар нанес нашему делу этот дурак!

"…Короче говоря, арестовали его и вместе с ним сыновей Хазин — Тозуку и Шахгери, Наулха — сына Новки, Нога-Мирзу — сына Баги, Эбети — сына Абубакара, Киси — сына Умхана, Тагира — сына Хаму, Исха — сына Хусена и многих-многих других. Лишь по милости Аллаха среди них не оказалось наших людей. Тоза же поступил как предатель.

Но, с другой стороны, всеми получен хороший урок. Напуганный Тозой полковник из Ведено запросил из Чахкары срочную помощь.

Но через день-другой понял, что помощь ему не потребуется. Все сколько-нибудь имущие лица из соседних аулов явились к полковнику и покорно заявили, что они не только не пойдут за Тозой, но готовы идти против него, поймать его и передать в руки властей.

Полковник понял, что нет ничего легче, чем вызвать братоубийственную войну среди чеченцев. Так он и поступил.

Боясь, что восстание может перекинуться на равнину, власти закрыли все пути в Ичкерию. Сюда же прибыли во главе отрядов чеченских добровольцев полковник Муравьев, с чеберлоевцами и тот русский офицер[98], который женился на чеченке. Девлет-Мирза Мустафинов и князь Чергез-бек[99] тоже привели с собой около тысячи вайнахов и предупредили харачоевцев, что всякого, кто спустится с гор с целью возмутить равнинные аулы, они арестуют и передадут в руки властей. Прибывший из Чеберлоя Дуба Джукаев занял дороги к Аргунскому ущелью. На случай, если Тоза вздумал бы двинуться через Беной вниз по рекам Аксай и Ямансу, по просьбе ауховцев войска из Хасав-Юртовской крепости перебросили в укрепление Кечень. Отряд из укрепления Бердикел перебросили в Эрсеной. Короче говоря, теперь мы знаем, откуда в случае нашего восстания мы можем ждать удара, знаем, что наш враг — это не только русские войска, но он ко всему находится и среди нас…"

— Что среди нас есть предатели, было давно известно, — возмутился Арзу. — Только мы не предполагали, что их окажется много. Поганое семя размножается быстро.

"…После случая с Тозой власти совсем озверели. Людей хватают по малейшему подозрению. Сперва Тозу приговорили к смертной казни, но потом смерть заменили ссылкой в Сибирь. Теперь в Сибири все арестованные. У харачоевцев с каждого дома взяли по 10 рублей штрафа, а элистанжинцев выселили на Терек. Хотя восстание Тозы было по сути дела лишь безобидной хлопушкой, испуганные власти стянули в Харачой войска.

Вы все помните, как в прошлом году Орцу Чермоев, Девлет-Мирза Мустафинов, Вахаб Адуев, муллы Абдул-Кадыр Хордаев, Идаг Исламов, Мустафа Абдулаев, Махмуд Боршиков с рабской преданностью прислуживали генералу Туманову, когда он у Шали расстрелял наших безоружных мужчин и женщин. Тогда русским помогли все самые продажные свиньи — торгаши, сколько-нибудь имущие люди из Шали и окрестных аулов. На сей же раз властям

удалось собрать со всей Чечни самых последних отщепенцев и с их помощью расправиться с Тозой. Впрочем, здесь активно действовали и Девлет-Мирза Мустафинов, Дуба Джукаев, Бота Шамурзаев, Хату Мамаев, Чомак Ойшиев, а также муллы Бача Кухуев, Арсанука Хадуев…"

— Да будет им судьей Аллах!

"…Говорят, что Хату, Чомак, Бача и Арсанука представлены в Петербург для награждения…"

— Вот мунапики!

"…В первую же ночь после отправки наших мухаджиров произошло сильное землетрясение. Особенно ощущалось оно в окрестностях Ведено. Но серьезного ущерба оно, слава Аллаху, не нанесло.

Улемы объясняют его двояко. Одни говорят, что землетрясение произошло из-за того, что наши люди оставляют родную землю и уходят на чужбину. Другие объясняют его тем, что мы покорились гяурам и смирились с их властью, землетрясение же подсказывало народу, чтобы он оставил землю, опоганенную гяурами, и отправлялся в Хонкару, где правоверный ислам полностью свободен. Я бы тоже сказал, что наша земля мстит нам за то, что и она оказалась под пятой русских. Я даже удивляюсь, почему она до сих пор не разверзлась под нами, а синее небо не обрушилось на нас сверху. Знаю, что вы там задержались не по своей воле. Потому и посылаю к вам нашего верного человека.

Если какие-нибудь непредвиденные события будут держать вас и далее, то расскажите этому человеку все, что следует передать нам, и срочно отправьте его назад. Не знаю точно, но говорят, что брат царя, большой сардар, который находится в Тифлисе, скоро приедет в Чечню. Все начальники готовятся к его приему.

Многие надеются, что с его посещением жизнь народа изменится в лучшую сторону. Я же уверен, что его приезд ничего нам не принесет, кроме новых бед.

Передайте от нас привет Чоре, Али и всем нашим несчастным мухаджирам.

Да поможет им и нам всем Всемогущий Аллах.

Письмо это написано Солта-Мурадом, сыном Солум-Гери Тураева из Беноя, в 18-й день месяца раджаба 1285 года".

— Да, наворочал дел Тоза, — глубоко вздохнул Маккал, складывая письмо. — Я предупреждал Солта-Мурада, что Тоза человек ненормальный и его в наше дело втягивать опасно: он может все испортить. В конце концов Солта-Мурад отстранил Тозу, но было уже слишком поздно.

— Откуда берутся только такие вот смутьяны, — негодовал Арзу.

— Обязательно кому-нибудь нужно испортить дело! Мы и тогда отговаривали людей, но все-таки муллы и хаджи устроили шествие к князю Туманову, в результате — пролилась кровь невинных людей. Теперь этот безмозглый Тоза… Новых войск больше не привели в Чечню?

— Привели. Из Дагестана и Кабарды.

— Зачем им новые войска? — зло сказал Маккал. — Мы же сами готовы друг друга перебить. Стоит только русскому офицеру показать нам серебряный кружочек, как мы тут же готовы перерезать друг другу горло.

— Солта-Мурад больше ничего не поручал тебе? — обратился Арзу к Деналхе.

— Нет.

— Когда тронешься в обратный путь?

— Здесь я в вашем распоряжении. Хотя меня просили как можно скорее вернуться домой.

Арзу достал из нагрудного кармана бешмета серебряные часы, нажал на кнопку, крышка часов откинулась. Стрелки давно перевалили за двенадцать.

— В каком положении наши люди в Эрзеруме, ты уже видел, — сказал Арзу, — а с положением здесь ознакомишься завтра. Твои впечатления мы дополним. Если же кратко, то люди решили возвращаться домой. Что из этого выйдет, я пока не знаю.

Завтра или послезавтра с этим же вопросом Маккал и я поедем в Эрзерум к русскому комиссару. Вот после нашего возвращения ты и отправишься обратно. А теперь отдохни. Али, ты ложись у входа, а заодно и покараулишь коня Деналхи. У входа в шалаш появилась чья-то тень.

— Болат? Ты? — удивился Арзу — Что случилось? Почему так поздно?

— Соип убит…

— Соип? Кто его убил? Где? За что?

Арзу и Маккал вскочили одновременно. Болат рассказал все.

— Мать его болела. Наверное, это и вынудило его пойти в турецкое село. Я знаю, он ради себя никогда бы не притронулся к чужому… Но его мать умирала… И он пошел…

Арзу и Маккал молчали. Это был уже не первый случай, когда трупы переселенцев находили у турецких сел.

— Чем же мы можем теперь помочь и ему, и тебе? — нарушил молчание Арзу.

— Не знаю… Если бы я вернулся пораньше, то организовал бы товарищей и забрал его… Я же заблудился и пришел в лагерь только сейчас…

— Да, сейчас уже поздно, Болат. Если же к утру сами будем живы, то привезем твоего друга сюда и похороним вместе с матерью… А теперь иди, ложись и постарайся уснуть…

ГЛАВА IX. ИМПЕРАТОРСКИЙ КОМИССАР

Чего только мы не умеем? -
Считаем звезды, гречку сеем,
Браним французов. Продаем
Или за карточным столом
Проигрываем крепостных -
Людей крещеных… но простых,
Мы не плантаторы! Не станем
Мы краденое покупать,
Мы поступаем по закону…

Т.Г. Шевченко

Итак, вопрос о переселении чеченцев был решен окончательно, и кавказское начальство направило своего наблюдателя в Эрзерум. Шел уже пятый месяц, как штабс-капитан Генерального штаба Александр Семенович Зеленый приступил к исполнению своих обязанностей.

Годы службы на Кавказе оказались, пожалуй, самыми трудными в жизни штабс-капитана. Развлечения, если они и случались, вызывали в его душе, скорее, горькую досаду, нежели радость и удовольствие. С грустью и недоумением вспоминал он то время, когда его одолевала романтика Кавказа, его экзотика. Обычаи и законы гор и поныне тревожили фантазию северян. К тому же, никому не известный захудалый дворянин из захолустья мог сделать здесь неплохую карьеру и даже стать в этих горах большим начальником. На Кавказе такие ловцы удачи довольно легко взбирались по административной лестнице. Тем более, что ни исключительных достоинств, ни особого ума для этого не требовалось.

Требовалось быть жестоким, коварным, не давать пощады никому из местных жителей, но одновременно уметь угождать и тонко льстить начальству.

Не обладая даже этими, столь простыми качествами, Александр Семенович, естественно, не мог рассчитывать на особенно высокий чин, а потому, дослужившись до штабс-капитана, как бы достиг своего потолка. Несмотря на это, он продолжал оставаться образцовым офицером. Даже Великий князь Михаил не раз выказывал ему свое расположение, и остальное кавказское начальство ничего не имело против Александра Семеновича. Он аккуратно, не задумываясь, исполнял все приказы сверху.

Александр Семенович считал себя человеком незаметным и бессильным что-либо изменить. Хотя некоторые его родственники и занимали высокие посты в правительстве, сам он по воле судьбы и характера всегда ютился на задворках. Александр Семенович сам изъявил желание служить в "жалкой Сибири", будучи в душе якобинцем, он, тем не менее, вынужден был выполнять приказы. А потому штабс-капитан Зеленый постоянно чувствовал себя охотничьей собакой, которую безжалостный и хитрый хозяин пустил по следу нужного ему зверя. И зверя весьма опасного.

"Что поделаешь, — с горечью думал Александр Семенович. — Раз надо, то мы и пострадать готовы ради России. Пусть себе высокопоставленные сановники набивают ненасытную утробу царскими подарками. Преподнес вон царь своему генерал-адъютанту князю Святополк-Мирскому подарок в две тысячи триста шестьдесят семь десятин лучшей земли Кутаисской губернии. За какие такие воинские подвиги? Во многих уголках Азии и Европы проливают кровь русские солдаты, но ведут их не святополк-мирские, а такие же простые офицеры, как и я…

Значит, так устроен мир. Так предписано свыше".

Занятый подобными мыслями Александр Семенович отодвинул от себя бумагу, бросил на стол карандаш и подошел к окну. Небо заволокло тучами, холодный туман стлался по земле. Неуютно и мрачно. И оттого стало еще тоскливее и горше на душе.

С первого же дня пребывания чеченцев в Турции у него возникли разногласия с местными и центральными властями. Через русских консулов, находящихся в Трапезунде и Эрзеруме, Зеленый узнал, что в

нарушение договора между двумя правительствами турки решили поселить чеченцев в Ванском пашалыке[100]. Удивленный и обеспокоенный полученными сведениями Александр Семенович немедленно заявил генералу Нусрет-паше о допускаемых нарушениях договора. Но тот никак не отреагировал на демарш штабс-капитана.

— Господин комиссар, вы что, принимаете меня за дурака? Разве бы я взялся своей волей решать столь серьезные вопросы? В инструкции же, данной мне моим правительством, местопребыванием чеченцев указаны Битлис, Муш, Гинджа, Карпут, Эрзиган и этот самый Ван, — сказал он весьма спокойно.

— Но я тоже имею инструкцию моего правительства, — Зеленого сильно задел тон турецкого генерала. — И в письме посланника Российской империи генерала Игнатьева Главному штабу Кавказской армии весьма определенно сказано, что по соглашению с вашим правительством чеченцы никак не должны быть водворены в местах к востоку от Диарбекира и Эрзинджака. Поэтому я решительно протестую.

— Сожалею, что мои действия для вас столь неприятны, но ничем не могу помочь, — Нусрет-паша артистически развел руками. — Я тоже вынужден скрупулезно и точно выполнять данные мне инструкции, где Ван и Муш указаны как места поселения чеченцев в ряду других аналогичных мест. Потому я уже сделал распоряжение об отводе там земель, на которые направляется более полутора тысяч чеченских семейств. В Ванском пашалыке мы построили им хорошие дома. Других горцев поселят в сторону Карпута, а в Диарбекире их располагать никак нельзя. Однако чтобы не нарушить наши с вами добрые отношения, я сделаю запрос из Эрзерума в Константинополь по разъяснению всех этих мелких недоразумений.

Александр Семенович приободрился: сказанное генералом походило на уступку.

— Кроме того, — бросился штабс-капитан в новую атаку, — я должен предупредить, что до сих пор ни одна партия переселенцев так и не перешла за Эрзерум. Направьте новые партии в Карпут, а не к

Мушу и Вану. Я это говорю, дабы избежать недоразумений в дальнейшем.

— Хорошо, хорошо, господин комиссар. Пока я не получу из Стамбула новых инструкций, я не направлю ни одной партии к Мушу или Вану.

На второй день после этого разговора Зеленый вручил Нусрет-паше письменный протест. Быстрый ответ, полученный от генерала, его немало удивил. Нусрет-паша писал, что все без исключения чеченцы будут поселены в Ване и Муше.

О направлении первых партий к Карпуту и о получении новых инструкций от Порты даже не упоминалось. Зато в письме было прямо сказано, что размещение чеченцев за Диарбекиром или Эрзинганом приведет к их гибели.

Вот тут-то Зеленый разгадал скрытую хитрость плана Кундухова:

поселить чеченцев сплошной полосой от Назчи через Муш и Битлис до южного берега озера Ван.

Вскоре после этого в Эрзерум пожаловал и сам Кундухов.

Александр Семенович имел с ним длительную беседу по поводу поданного протеста и изложенных в нем фактов. Но Кундухов стоял на своем.

— Я не уверен, дорогой Александр Семенович, что коль Россия так покровительствует чеченцам, что даже разрешила им это переселение, то вряд ли она согласится на их гибель здесь, — вкрадчиво говорил он Зеленому — Нельзя же гнать людей на верную смерть. Диарбекир — это же самое страшное место.

Безводная, каменистая пустыня с нездоровым климатом. Нет, господин капитан, я решительно не могу согласиться на расселение чеченцев в столь гибельном регионе. Не могу я принять на себя грех, посылая на верную смерть несколько тысяч человек. Нет, я поведу их в Ванский пашалык мимо Муша и Назчи.

Если же начальство не согласится на поселение горцев у Муша и Битлиса, то я вынужден буду написать в Чечню и, чтобы больше не

вводить горцев в заблуждение, прямо сказать, что русские их обманывают.

Поверьте, я считаю это своим священным долгом перед чеченским народом и перед своей совестью.

Столь категоричное заявление Кундухова смутило Александра Семеновича.

— Я предвижу немалые затруднения в деле расселения чеченцев в Ванском пашалыке, особенно около Вана, — попытался возразить он. — И до получения мною новых инструкций я убедительно прошу вас оказать содействие Нусрет-паше по направлению первых партий в Карпут.

Но Кундухов об этом и слышать не хотел.

— Простите меня, капитан, этого я не могу сделать, — твердо ответил он и покачал головой. — Чеченцы уже достаточно наслышаны от местных жителей о гибельном климате Диарбекира.

Поэтому содействовать их движению в Карпут я никогда не решусь. Более того, я даже уверен в том, что кавказское начальство не станет возражать против поселения чеченцев у Муша и Вана. Скорее даже — одобрит. Иначе сорвалось бы дальнейшее переселение чеченцев в будущем году, что для России вовсе нежелательно. Напишите в Тифлис о здешней обстановке.

А пока вы получите оттуда ответ, я задержу чеченцев на некоторое время в этих местах.

— Не думаю, что Тифлис ответит положительно, — вяло сопротивлялся Александр Семенович. — О моих переговорах с Нусрет-пашой я уже туда сообщил. И даже не получив еще новых инструкций, могу с уверенностью сказать, что в настоящее время весь Ванский пашалык, Муш и Битлис исключаются Тифлисом из мест поселения. Лучше отпустите чеченцев в Диарбекир. Учтите, если мы своевременно не устроим каждую новоприбывшую партию, если все эти пять тысяч семейств соберутся в одном месте, то последствия

будут непредсказуемы. Ведь их надо кормить, им потребуется кров. А откуда все это взять? Кто будет заботиться о них?

Кундухов молчал и, казалось, вовсе не разделял опасений капитана.

— Что ж, если в Муше и Битлисе окажется достаточно места, то я постараюсь не посылать их в Ван, — ответил он после долгого раздумья. — В Карпут же можно поселить ограниченное число людей.

С тем они и расстались. Теперь Зеленый окончательно убедился в том, что категорический отказ чеченцев отправиться в Диарбекир — дело рук Кундухова. Нет, не из любви к чеченцам стремился он поселить их в одном месте, вблизи российских границ, а для каких-то своих личных целей. Но для каких именно?

С тех пор прошло два месяца. Вопрос об устройстве чеченцев так и остался открытым. И случилось именно то, чего больше всего опасался Александр Семенович. Из двадцати восьми партий чеченцев, прибывших из России, восемь остановились в Эрзеруме, а двадцать — около Муша. И турки пускались на самые неожиданные уловки, чтобы чеченцы оставались именно там.

Теперь уже и самим чеченцам это внушало непонятную тревогу.

Александр Семенович отлично видел суть турецкой политики.

Турецкое правительство хотело любой ценой привлечь на свою сторону чеченцев, хотело овладеть этим могучим и гибким оружием Кавказских гор, воспользоваться им и против России, и против национально-освободительной борьбы внутри своей империи. Черкесы уже отличились на этом поприще. Теперь Кундухов, Сайдулла и Шамхал-бек прилагали все усилия, чтобы из чеченцев создать карательный отряд. Но попытки их были пока безуспешными, хотя, кто знает, как развернутся события в дальнейшем?

Преследуя собственные цели и осуществляя свои планы по устройству чеченцев, турецкие власти вначале всячески препятствовали их отправке на запад. Но потом, убедившись, что поселить их в приграничных районах не удастся, попытались взяться за дело как положено. Но было уже поздно. Получив от великого

визиря султана категорический приказ о немедленной отправке чеченцев в Диарбекирский виллает, комиссар по устройству чеченских переселенцев генерал Нусрет-паша, в свою очередь, настоятельно потребовал от Эрзерумского вали Исмаил-паши отчета о движении партий из Эрзерума в Карпут.

Исмаил-паша взялся за дело с исключительным равнодушием и тем самым совершенно парализовал действия Нусрет-паши. За провал дела Исмаил-пашу отстранили от должности, а вскоре та же участь постигла и Нусрет-пашу.

Устройство чеченцев возложили на нового Эрзерумского вали Мухлис Эмин-пашу. Новый комиссар уверенно и весьма ретиво взялся за исполнение своих обязанностей. Две недели назад, имея три тысячи всадников, он отправился в Ванский пашалык, чтобы прогнать чеченских переселенцев, остановившихся у Муша, дальше на запад, но здесь-то и столкнулся с непредвиденным.

В тот же день он телеграфировал в Стамбул, что чеченцы добровольно эти места не оставят, что ему требуется разрешение на применение оружия против них и что он нуждается в подкреплении. Разрешение на применение оружия ему было дано.

"Хорошо, если все дело окончится так, как мы договорились, — думал Александр Семенович. — Кто знает, может, они под видом больных и истощенных оставят там до весны слишком много переселенцев. Весной же заявят, что чеченцы не хотят уходить из этих мест. От турок всего можно ожидать…"

Зеленый отправил в Тифлис два рапорта с подробным изложением своих переговоров с Нусрет-пашой и Кундуховым, приложив к ним также письма Нусрет-паши и свой ответ ему.

Александр Семенович слышал, что осторожный Карцов, ничего не решая и не предпринимая лично, переправил их во Владикавказ генерал-лейтенанту Лорис-Меликову.

Конечно, стремление русского правительства любой ценой, любыми средствами переправить горцев в Диарбекирский виллает было вопиющей, бесчеловечной жестокостью. В каждом письме в

Тифлис Александр Семенович выражал свое мнение и личное недовольство по этому поводу, хотя прекрасно понимал, что все его добрые намерения, все доводы — глас вопиющего в пустыне.

Появление помощника, щеголеватого поручика Шелковникова, вывело его из задумчивости.

— Почта из Тифлиса, Александр Семенович, — сказал он своим медовым голосом. — Пакет из Главного штаба.

Зеленый бросил взгляд на казенный конверт с пятью сургучными печатями — четыре по углам и одна в середине.

— А нам нет писем? — спросил он.

— Забыли нас, Александр Семенович, забыли. Ведь взбрело же кому-то в голову заслать меня сюда. Жил я среди тифлисских барышень, словно птичка в райском саду. Хочешь нашу, русскую, люби, хочешь — грузиночку или армяночку. Цветочки! Я как пчела перелетал с цветка на цветок и собирал с них нектар.

Теперь это кажется сказочным сном…

— Ну, это вы зря, господин поручик! — засмеялся Зеленый. — Ты, кажется, и здесь не теряешь времени даром? Порхаешь вокруг консульской дочки, как мотылек вокруг горящей свечи. Будь осторожен, крылья обожжешь! Поберегись!

— Это как посмотреть. Порой это я чувствую себя лампой, вокруг которой вьются мотыльки… Знаете, Александр Семенович, вчера я имел счастье познакомиться с одной турчанкой. С дочерью паши. Если бы вы видели ее глаза! Агат. А брови? Нет, словами не передать. При случае я покажу ее вам.

— Позвольте, позвольте, господин поручик, а что же будет с мадемуазель Жабо?

— О, это уже прошлое! — махнул рукой поручик. — Будут ли срочные поручения на сегодня?

— Нет. А что?

— У меня тут… свиданьице с одной…

— В таком случае не смею задерживать…

Поручик выскользнул за дверь, оставив в комнате легкий аромат дорогих духов. "Странный человек. Любит прихвастнуть. Но офицер неплохой! Интересно, что там пишет Тифлис?"

Зеленый ножницами вскрыл пакет.

"Эрзерум. В русское консульство.
Капитану Генерального штаба А. С. Зеленому.

Господин капитан!

Копия вашего письма Нусрет-паше, его ответ вам от 25 июня, а также копия ваших рапортов Главному штабу за № 8 и 10 от 25
и 26 июля по воле Его Императорского Высочества направлены начальнику Терской области генерал-лейтенанту Лорис-Меликову, дабы узнать его мнение по вашему запросу, т. е. по решению турецких властей водворить чеченских переселенцев к западу от Битлиса, по южному склону Шамского хребта.

Предлагаем вам в дальнейшем при устройстве чеченских переселенцев в Турции руководствоваться указаниями генерал-лейтенанта Лорис-Меликова.

Полковник Богуславский".

Во втором пакете был ответ Лорис-Меликова начальнику Главного штаба Карцову.

"Милостивый государь Александр Петрович!

На письмо вашего превосходительства от 30 июля № 40, полученное мною сегодня, имею честь уведомить: возникновение вопроса о месте водворения переселенцев вновь, особенно после того, как он уже был разрешен окончательным соглашением и обещанием, данным турецким правительством посланнику нашему в Константинополе, имеет особое значение, причем независимо даже от тех соображений, кои были мной изложены в докладе по этому делу, поданному Его Императорскому Высочеству 15 ноября прошлого года.

В настоящее время уже не подлежит никакому сомнению, что приходящее к концу переселение нынешнего года выполнено таким удовлетворительным образом и дает такие результаты, что громадные труды и значительные денежные расходы, на это потраченные, окупятся. Я не говорю уже о выгодах, полученных за счет оставшихся земель, которые так необходимы и для населения, и для казачества. Достигнуть таких результатов можно было только при одном условии — надежно удерживать весь процесс в своих руках, и первоначальные предположения о месте водворения переселенцев в Турции давали тому полную гарантию.

Но дальность перехода и доходившие сюда сведения о некоторых невыгодах местности, им предназначенной, заставляли большую часть населения колебаться в окончательном решении; пользуясь этим, мы могли действовать по своему усмотрению и удалять из края тех, кого желали сами, т. е. личностей, наиболее беспокойных и вредных делу, предпринятому здесь правительством. В этих условиях кроется, без сомнения, и одна из причин, почему переселение шло до настоящего времени таким мирным путем. Но нет никакого сомнения, что с изменением предположения относительно мест водворения переселенцев характер дела извратится совершенно. Узнав, что водворение их в Турции состоится в местностях, о которых хлопочет Муса Кундухов, получая сведения о действительно благодатной почве этой земли, увлеченное близостью переезда и соседством наших кордонов, население может всецело предаться идее переселения, и тогда, конечно, последствия такого стремления вынудят нас прибегнуть к таким мерам, на избежание которых употреблено было кавказским начальством в последнее еще время столько усилий. Тогда не только будущее переселение не представит ныне тех удобств, в

видах которых был поднят весь этот вопрос, но нельзя не предвидеть, что и настоящее движение далеко не принесет той пользы, которую оно должно оказать при удалении переселенцев от границ наших в места, первоначально предназначенные…"

— Какое неслыханное двуличие! — возмутился Зеленый. — Намного приличнее выглядело бы их насильственное изгнание с родины.

Какой произвол творят с этими несчастными!

"…Смею уверить Ваше Превосходительство, что в основании всех заявлений моих относительно водворения переселенцев вдали от границ наших лежит твердое убеждение, что без этого коренного условия переселение, предпринятое в Терской области, только усложнит разрешение вопроса о введении здесь прочного благоустройства. В этом случае я не могу не прийти к убеждению, что после выполнения со стороны главного кавказского начальства всех условий, которые были поставлены турецким правительством, на обязанности посланника нашего в Константинополе лежит неуклонное требование, дабы Портой строго выполнены были основания, на которых состоялось соглашение по переселению, и что в этом случае на него же должна пасть и вся ответственность за последствия, к которым неизбежно повлечет удовлетворение турецким правительством желаний Кундухова. Что касается требуемого от меня мнения о возможности водворения чеченцев западнее Битлиса, то хотя означенная местность и не вполне мне знакома, но я должен, во-первых, доложить, что условие это, как высказанное Нусрет-пашой словесно, ничем не гарантировано, и, во-вторых, зная хорошо условия турецкой администрации, как я имел честь доложить в письме от 21 февраля № 73, Битлис послужит только номинально точкой водворения, которая, вместо того чтобы направиться на запад от этого пункта, неизбежно начнет распространяться и на север к нашей границе, особенно при дальнейшем переселении. Мне кажется, что генерал-адъютант Игнатьев и для защиты значения поста своего, и для достижения тех государственных интересов, в силу которых кавказское начальство обратилось к содействию его в деле

переселения, не может и не должен допустить тех изменений в назначении местности для переселенцев, которых добивается Муса Кундухов.

Генерал-лейтенант Лорис-Меликов.
№ 61. 1 августа 1865 года".

— Да, если Лорис-Меликов — лиса, то Карцов — хвост этой лисы, — невольно усмехнулся Александр Семенович. — Ответ на мой запрос поручил Лорис-Меликову, сам же отошел в сторону. Но если когда-нибудь придется отвечать за содеянную жестокость над этими несчастными людьми, то отвечать будете оба вместе. А вообще, было бы хорошо обоих вас сейчас взять да и вздернуть на первом попавшемся суку. Вместе с инициатором всего этого ужаса тупым генералом Евдокимовым…

Выругав всех таким вот образом, он успокоился. Затем, собрав бумаги, положил в специальную папку с надписью: "Переписка с Главным штабом Кавказской армии".

Короче говоря, работа ему предстоит трудная. Эмин-паша со своими головорезами пошел в Муш, испросив разрешения в случае чего применять оружие. Надо полагать, согласие визиря он получил. Следует держать ухо востро с этими басурманами. Они говорят одно, а делают совсем другое. Доверять им нельзя ни в коем случае…

* * *

Как всегда бесшумно вошел денщик Ефим Чеботарев. При одном взгляде на штабс-капитана солдат понял, что его господин чем-то растревожен. Поэтому и застыл у двери в ожидании, когда обратят на него внимание.

— Тебе чего, Анисимыч? — повернулся наконец к нему штабс-капитан.

— Ваше благородие…

— Случилось что?

— Александр Семенович, чеченцы пришли…

— Опять чеченцы? О господи! Никакого сладу с ними. Сколько их?

— Четверо.

— Анисимыч, ну будет ли когда-нибудь конец твоему добродушию?

Ты уже растратил все свое жалованье за три месяца вперед. И на что же, спрашивается? Пойми, всех голодных ты все равно никогда не накормишь. А нуждающихся чеченцев сейчас столько развелось, что позаботиться о них теперь никому уже не под силу. А ты и одежду всю раздал…

— Виноват, Александр Семенович!

— Виноват, виноват, — махнул рукой Зеленый. — Я не осуждаю тебя, Анисимыч. Наоборот, мне очень приятно, что ты искренне и от всей души стремишься помочь им. Желание твое благородно, оно и чисто по-человечески прекрасно, только они-то как воспринимают все это. Такой народ никакими подачками не задобришь.

Пока офицер в раздумье мерил комнату, солдата вдруг прорвало:

— А как вы мне еще прикажете поступать, Александр Семенович?

Пусть чеченцы и басурманы, и противники наши, но они люди с достоинством и смелостью. Если ты им друг, то и они тебе друзья. А уж если откровенно говорить, то правда-то на их стороне. Это же мы сами к ним сунулись. Нам что, больше места не было? Разве они первыми напали на наши линии? Линии-то ведь находились на их земле. Они дрались за свою землю, за свое отечество, свободу свою отстаивали. А мы взяли и враз лишили их всего. Землю отобрали — терпи. Отцов поубивали — терпи. Из дому выгнали — тоже терпи. Вы только на меня не сердитесь, Александр Семенович, за слова мои, но нам, беднякам, делить с чеченцами нечего. Теперь вот подались они в Турцию. Коли правду сказать, так ведь их насильно заставили идти

туда. Не нравятся им наши порядки. А деться-то некуда. Крепко мы их схватили за горло. Вы же сами видите, что здесь делается:

голод, нищета. Сердце же у нас, у русских, не каменное… Как не пожалеть. Ведь дети и женщины мучаются… А ведь кто довел их до такого состояния? Конечно, не мы! Мы только помогали!

Не понимали многого, Александр Семенович, а служили верой и правдой, долг вроде бы свой исполняли…

Слова денщика звучали как упрек. Зеленый слушал его молча, ни разу не перебив и не подняв глаз. Ему говорили правду.

Впрочем, он и сам так думал. И денщик о том знал. Будь иначе, разве посмел бы солдат при нем, при офицере, высказывать подобные мысли?

Заложив руки за спину, штабс-капитан мелкими шагами ходил взад и вперед. Шесть шагов туда, шесть — обратно. Таково было расстояние от стола до солдата.

А Чеботарев торопился выговориться, словно боялся, что его остановят, потребуют замолчать. И говорил он, не отводя взгляда от своего хозяина. Круглое лицо Зеленого не было ни злым, ни добродушным: небольшой широкий нос, грустные синие глаза, красиво закрученные усы, немного наклоненная набок голова. Ему не было еще и тридцати, а выглядел он значительно старше. Около четырех месяцев они знакомы, и Чеботарев за это время успел полюбить штабс-капитана. С первой встречи он понял, что Зеленый — человек с чистой и доброй душой. А поговорив с ним один раз, убедился в том окончательно.

Зеленый все так же размеренным шагом продолжал ходить по комнате, глядя куда-то мимо солдата. Он словно бы стыдился поднять на него глаза. Каждое слово, сказанное Чеботаревым, было искренним, было правдой, а потому и вызывало в нем острую боль.

"То ли еще будет, господин штабс-капитан, — думал Чеботарев, наблюдая за ним. — Трудно тебе. Но кто виноват? Боишься карьеру испортить? Думаешь-то одно, а делаешь другое".

Наконец штабс-капитан остановился перед солдатом, поднял на него взгляд и по-дружески положил руку на плечо.

— Который год ты в армии, Ефим Анисимович?

— Двадцать седьмой, — ответил Чеботарев.

— А сколько воюешь?

— Двадцать три.

— И все двадцать три в Чечне?

— Да. Я же рассказывал вам об этом, Александр Семенович.

— Помню, помню. А вот ответь-ка мне на такой вопрос, — офицер снова взглянул в глаза Чеботареву, — за что тебя судили в крепости Внезапной?

— Ничего секретного в том нет, ваше благородие. Все о том знают. Судили за то, что я помог трем нашим солдатам перебежать к чеченцам…

— Почему?

Солдат было задумался, но тут же махнул рукой, дескать, была не была, и спокойно ответил:

— Видите ли, Александр Семенович, солдатам надоело воевать в горах. Здесь только и слышишь: война, война, война. Три поколения русских солдат проливали в горах свою кровь. А за что? Чеченцы понятно — они свое отечество отстаивают. А мы?

И какая же благодарность нам? Да никакой! После стольких лет на Кавказе — и опять к помещику! Вот и все, что ожидает нашего брата. Мы это хорошо поняли. И что бы там ни было, что бы ни говорили, но здесь в горах больше свободы человеку.

— Так почему же ты сам не ушел вместе с ними? — допытывался Зеленый.

Чеботарев пожал плечами.

— Понимаете, Александр Семенович, у каждого своя голова на плечах. Это все-таки не так просто — перебежать к чеченцам, и дело с концом. Отказаться от своей веры и забыть родину не всякий сможет. Я не мог так поступить. Как бы трудно ни было в России, но там я у себя дома. Чеченцы ведь тоже покидают горы не добровольно.

Офицер одобрительно похлопал солдата по плечу.

— Правильно, Анисимыч, правильно! Отечество! Хорошее ли оно, плохое ли, но оно наше отечество! Так ведь? И никуда ты от него не убежишь. Вот бы власть почеловечней, Анисимыч. Не знаю когда, но придет время, и люди вздохнут свободно, перестанет напрасно проливаться кровь. А пока скажу тебе, что и у меня не меньше, чем у тебя, Анисимыч, болит душа за чеченцев. Будь моя воля, не трогал бы я их. Но как ни бейся, Анисимыч, а не в нашей воле это…

Чеботарев не уходил, ждал.

— Ваше благородие, Александр Семенович, они ведь не за милостыней пришли. По-моему, с какой-то просьбой к вам.

— Ежели так, пусть войдут.

Солдат отдал честь, повернулся и вышел. Через минуту Чеботарев появился вновь.

— Вот, ваше благородие, привел, — доложил он. — А двое остались сторожить коней.

Шедший впереди горец со спокойным лицом и голубыми глазами поздоровался по-русски. Офицер подошел к ним и пожал каждому руку, затем пригласил к столу.

— Прошу, — Зеленый пододвинул стулья, — располагайтесь, Анисимыч, — обратился он к денщику, — всем известно твое кулинарное искусство. Так постарайся и на сей раз, не ударь перед

гостями лицом в грязь. А тех, кто на улице, проведи на кухню и тоже накорми.

— Александр Семенович, не так это все делается, — покачал головой солдат.

— Почему?

— Обычай у них другой.

— Не понимаю…

— Гость сначала должен поесть, и только потом хозяин может спросить его о деле.

— Ну, так действуй, — махнул рукой офицер.

Денщик обернулся быстро: поставил на стол белый хлеб, сладкий чай, хурму и бутылку вина.

Штабс-капитан разлил вино по стаканам, взял свой и встал.
Поднялись и гости.

— Выпьем за знакомство, — сказал Зеленый, протягивая через стол руку со стаканом.

Но гости к вину не притронулись.

— Простите нас, господин офицер, — на довольно правильном русском языке произнес высокий чеченец с голубыми глазами.-
Мы готовы пожертвовать жизнью за этот дом, но вина мы не пьем.
Спасибо!

— В таком случае, — Зеленый поставил свой стакан обратно, — будем пить чай.

Гости ели молча. Двумя пальцами отламывали кусочки хлеба, не спеша клали в рот и медленно разжевывали. Зеленый незаметно изучал гостей. Он успел заметить, что на левой руке одного из них не хватает

пальцев. Во всем облике этого горца чувствовались решимость и воля. Не нужно было обладать особой проницательностью, дабы понять, что этот человек — политик и таковым его сделала война. Кроме того, Зеленый уже отметил острый ум и чистоту души будущего собеседника. В том же, что именно он явится главным действующим лицом в предстоящем разговоре, штабс-капитан нисколько не сомневался. Вид второго был суров и внушителен. Скроен ладно, надежно. Лицо строгое и слегка печальное. Держится с достоинством, подбородок чуть приподнят, а потому кажется, что он вот-вот наговорит дерзостей. И как-то особенно неловко чувствовал себя Зеленый именно под его быстрыми, изучающими взглядами. Словно Зеленый набедокурил и его вот-вот должны наказать за это.

— Мы приехали из Муша, господин офицер, — как штабс-капитан и предполагал, первым нарушил молчание человек с голубыми глазами.

— Из Муша? — встрепенулся Зеленый.

— Да, господин офицер, из Муша.

— В такую даль?..

— Несчастье далеко может гнать человека, господин офицер. Оно погнало нас туда: думали там найти покой. Ошиблись. Да, возможно, вы и сами понимаете, каково нам. Что пережили — рассказать трудно. Говорят, есть на том свете геенна огненная.

Так вот, мы через нее уже прошли.

Александр Семенович кивнул головой в знак согласия. Чеченец говорил правду. Положение у них сложилось, действительно, безвыходное.

— Наши предки жили в горах, — бесстрастным голосом продолжал тот. — Жили они свободно, никого не трогали. Пришли русские и поселились у Терека. Отцы наши сказали: "Земли на всех хватит". И стали жить как родные братья. Вместе делили радости, помогали друг другу. Горя не знали. Друг к другу ходили, как к себе

домой. И никого в обиду не давали. И одна лишь власть была — справедливость. Она и споры разрешала, и мирила, и наставляла на путь истинный. Но вот явились царские войска, и с той поры словно черная кошка пробежала между чеченцами и русскими. Стали отдаляться друг от друга. И отдаление такое превратилось, наконец, во вражду. Чеченцы оберегали свой дом, свои семьи, свои жизни, а прежние друзья старались лишить их всего этого. Той вражде уже восемьдесят лет. Восемьдесят лет льется кровь, и конца ей еще не видно.

Я не виню в том ваш народ, господин офицер. Каждому чеченцу хорошо известно, что с русским человеком можно жить в мире и дружбе. Хоть и недолго, но мне довелось быть в России, и даже за столь короткое время я понял, что русскому мужику чужая земля не нужна. Но тем не менее кровь лилась. Кто в том повинен — Бог видит и знает. На вашей стороне сила. Нас же слишком мало. Потому царь и победил.

Зеленый, склонив голову, молча слушал.

— Да, вы победили, — продолжал Маккал. — И вы отобрали у нас самое дорогое — свободу. Если вам довелось бывать в аулах, то наверняка обратили внимание на наших голодных детей и оборванных стариков. Люди пухнут от голода. Власти разоряют аулы, забирают все, что попадется. Кому-то понадобилось распускать слухи о том, что нас сошлют в Сибирь и превратят в христиан. Кому понадобилось? Теперь-то мы поняли, кому. Но тогда посчитали слухи правдой. И вот пополз уже другой слух:

дескать, турецкий падишах зовет нас к себе, дает нам землю.

Кто об этом говорил? Кундухов Муса и Успанов Сайдулла. Причем клялись, что все это правда. Приходилось ли нам выбирать?

Остаться дома и умереть с голоду? Стать в Сибири христианами?

Или же податься в Турцию? Многие избрали последнее.

Собственно, другого выхода у них и не было. Теперь только стало ясно, как они ошиблись, как цинично и жестоко Кундухов и Сайдулла обманули нас. Земли, выделенные нам в Турции, оказались непригодными, мертвыми, и жить на них невозможно.

Кончив говорить, Маккал облизнул пересохшие губы. Видно было, как нелегки были ему воспоминания. Лицо его напряглось и побледнело, у виска вздулась вена. Александр Семенович налил из графина воды в хрустальный стакан и подал ему. Сделав несколько глотков, Маккал продолжил:

— Люди не хотят идти туда за своей погибелью, господин офицер.

Они совершили огромную ошибку, поверив специально распространенным лживым слухам. За Диарбекиром переселенцев ждет голодная смерть. То же самое и у Муша. Который месяц мы стоим там. Под палящим зноем, под проливными дождями.

Надвигается осень. За ней последует суровая зима. А у нас над головой нет крыши, нет одежды, нет хлеба. Пользуясь столь тяжелым положением, турки предложили нам стать наемниками.

Если мы дадим согласие, они нам обещают золотые горы. Но чеченцы не хотят становиться наемными убийцами. Если бы нам разрешили поселиться вокруг Муша, Вана и Карса, к весне, с Божьей помощью, мы бы что-нибудь придумали. Но говорят, ваш царь против. Неделю назад в Муш с тремя тысячами войск прибыл Эмин-паша. Встретился с нами, предупредив, что если мы не уйдем оттуда добром, то он нас заставит сделать это силой. И дал неделю на раздумья. Люди поклялись умереть, но не сделают ни одного шагу на запад. Отпущенный нам срок истекает сегодня.

Если не нынче, то завтра-послезавтра польется кровь. Умереть готовы все: и женщины, и стар, и млад. Что нам делать, господин офицер? Как поступить? В чьих руках наша жизнь? С этими словами Маккал вынул из нагрудного кармана лист бумаги и протянул его Зеленому. Тот повертел листок в руках, но прочитать не смог — лист был исписан мелкой арабской вязью.

— О чем здесь идет речь?

— Тут вся наша боль, все наше горе. Или мы поселимся у Муша и Вана, или же вернемся назад, домой. Одно из двух.

Александр Семенович вышел из-за стола и минуты три в раздумье ходил по комнате. Гости молчали. В тишине раздавался только скрип начищенных до блеска офицерских сапог. Штабс-капитан

непроизвольно ссутулился, словно огромная тяжесть легла на его плечи и не давала ему распрямиться. Он то останавливался, рассеянно глядя куда-то в угол, то ускорял шаги. Маккал и Арзу отлично понимали, что творилось в его душе. "Конечно, он человек честный, но что в его силах?" — думали оба, чувствуя, что сейчас, возможно, решается судьба многих тысяч людей.

Русскому офицеру излишне было объяснять всю трагичность сложившегося положения, что отчаявшийся человек готов пойти на любые крайности. Пусть все будет ясно, определенно, им не надо больше ни пустых обещаний, ни красивых слов.

— Как же мне помочь вам, друзья мои? — проговорил наконец Зеленый. — Все ваши требования вполне законны и чисто по-человечески оправданны. Но, — Александр Семенович развел руками, — лично я бессилен что-либо предпринять. Выполнять указания сверху — вот и вся моя власть. Решает Тифлис, я же исполнитель его воли.

— Мы просим вас, господин офицер, отошлите вот эту бумагу в Тифлис, — обратился молчавший до сих пор Арзу. — Может, узнав о нашей беде, там и помогут нам.

Александр Семенович невесело рассмеялся и покачал головой.

— Они там не хуже вашего осведомлены о ситуации. Я самолично писал туда дважды.

— И что они вам ответили?

— Нельзя, мол, нарушать договор…

— Не верю, — покачал головой Арзу — Не верю, такого не может быть. Как бросить на гибель столько людей? Договор — договором, но люди-то при чем? Разве у властей в Тифлисе нет жалости? Ведь они обрекают всех нас на верную смерть. Если сардар прочтет нашу бумагу, неужели не дрогнет его сердце? О Аллах!

Александр Семенович тяжело опустился в кресло и сидел молча, задумчиво постукивая пальцами по столу. Взгляд его вновь

остановился на бумаге. Он взял ее, растерянно вглядываясь в чужие, незнакомые буквы.

— Как бы долго мы ни говорили здесь, что бы мы ни предлагали, — промолвил он наконец, — никак делу не поможешь. Я еще раз повторяю, что это, к сожалению, не в моих силах. Я всем сердцем сочувствую вам и сделал бы все возможное, что могло бы хоть как-то облегчить вашу участь. Но, увы. Я слишком маленький человек, чиновник…

— Что вы посоветуете нам делать?

Офицер пожал плечами. Он очутился в крайне нелепом и двусмысленном положении: два чеченца видели в нем своего спасителя, он же только разводил руками. Если их сейчас чем-то обнадежить? Это значит вновь обмануть их.

— Послушайте меня. Вы жестоко обмануты. Я не вправе говорить вам такое. Но, понимая всю критичность положения, не стану о том умалчивать. Ваше прошение я, конечно, передам. Но со всей ответственностью смею заверить вас, что ничего путного из вашего прошения не выйдет. Не надейтесь зря. Правительство не впустит чеченцев обратно. Не для того оно переселяло вас. Но и туда, куда вы хотите, вас тоже не поселят. Во-первых, царь не даст на то своего согласия, а во-вторых, даже если бы и разрешил, то расселить вас там просто некуда. Вы думаете, Эмин-паша приезжал на прогулку? Разумеется, нет. Открою вам большее: он уже телеграфировал великому визирю и просил разрешения на применение оружия. Кроме того, потребовал прислать дополнительные войска. Просьбы удовлетворили. Что из всего этого следует — вам должно быть понятно.

Они все это понимали и все это видели собственными глазами.

Тогда зачем же было ехать в такую даль? В самую последнюю минуту, когда казалось, что нет уже иного выхода, они и написали это прошение. И была у них робкая надежда, что сардар пойдет им навстречу. Теперь этот карточный домик рухнул.

Больше надеяться было не на кого. Следовало рассчитывать лишь на самих себя…

Маккал выжидающе глянул на Арзу, полагая, что он скажет что-либо еще, попытается еще хоть что-то сделать, предпринять.

Но Арзу хлопнул ладонями по коленям и встал.

— Что ж, — сказал он горестно, — нам остается либо погибнуть в Турции, либо попытаться вернуться обратно.

— Обратно вам ходу не дадут, — покачал головой Зеленый. — Турки не подпустят вас к границе, а если вы и прорветесь, откроют огонь наши войска. На то есть приказ.

— У нас нет выхода… — медленно протянул Арзу. Потом спокойно добавил:- Все же вы отошлите наше прошение, господин офицер.

Кто знает, может, сердце сардара не из камня.

— Раз вы настаиваете… Я сказал вам, что думал. Поступайте, как сами сочтете нужным. Подождите! Куда же вы? — воскликнул штабс-капитан, видя, что вслед за Арзу поднялся и Маккал.

— Нам пора.

— Вы сейчас далеко?

— Возвращаемся обратно.

— Но время-то к ночи.

— Выедем за город, где-нибудь в поле и переночуем.

— Нет-нет. На ночь глядя я вас не отпущу. Правда, другой комнаты у меня нет. Но зато есть теплый сарай и свежее сено.

Анисимыч все устроит и накормит вас. А на рассвете и поедете.

Гости поглядели друг на друга.

— Если мы вас не затрудним… — сказал Маккал. — Кони бы наши отдохнули… И места, конечно, здесь нам незнакомые…

* * *

А на родине им уже готовили "торжественную встречу"…

"Начальнику среднего военного отдела Терской области генерал-майору князю А. Туманову. № 2244, 18 августа 1865
года.

Милостивый государь, Александр Георгиевич!

За уходом 17-го сего августа последней партии переселенцев и за прекращением уже в нынешнем году дальнейшего переселения туземцев вверенной мне области в Турцию, я предлагаю Вашему сиятельству сделать немедленное распоряжение, дабы с настоящего времени отнюдь не дозволять жителям вверенного вам отдела ни под каким предлогом следования в Турцию, в случае их возвращения на родину без билета канцелярии моей, были немедленно препровождены под караул во Владикавказ даже в том случае, если бы лица эти имели при себе визированные паспорта наших консулов.

Вместе с этим считаю необходимым предупредить вас, что в случае укрывательства возвратившихся из Турции лиц вся строгость ответственности падает на наибов, а старшина, не объявивший о возвращении переселенца, будет выслан в Россию.

Генерал-лейтенант Лорис-Меликов".

ГЛАВА X. ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

Ты, Боже, дал птицам своим по гнезду,
Лишь я заблудился, изгнанник, во тьме…
Мое разорено гнездо, я устал,
Скитаюсь без сил, скитаюсь без сил…

О. Туманян

Черные грозовые облака сгустились над лагерем, сверкнула молния, и первые капли проливного дождя ударились о сухую землю, вздымая пыль. Гроза набрала силу. Со склонов хлынули потоки воды и по узким отводам, вырытым между землянками, устремились вниз к реке Мурат.

Землянка Мачига, считавшаяся самой прочной в лагере, и та в конце концов не устояла перед таким ливнем. С потолка потекло, и Мачиг топтался теперь внутри, подставляя под струйки воды всю имевшуюся в хозяйстве посуду. Впрочем, она почти не помогала, однако Мачиг не успокоился до тех пор, пока окончательно не убедился в тщетности всех своих стараний.

На возвышении, лицом к Каабе, лежала Зару. Она долго болела и час назад скончалась. Умирала она тихо и безропотно: не страдала, не мучилась, не причитала. Просто молча закрыла глаза и словно отошла ко сну. Лишь две маленькие слезинки выкатились из глаз и скользнули по впалым щекам. И Мачиг остался один.

Из травы и тряпья Мачиг соорудил нечто вроде постели посередине землянки, где текло поменьше, потом, взявшись за концы войлока, перенес его вместе с трупом дочери туда. Сверху покрыл тело Зару буркой. А чтобы под Зару не подтекала вода, топором прорубил канавку и вывел ее за дверь.

Вода из посуды лилась через края, но Мачиг уже не обращал на это внимания. Он отыскал себе более или менее сухое местечко, и

сжавшись в комок и накрывшись мешковиной, заплакал.

Плакал Мачиг, и сколько он себя помнил, это был лишь второй случай в его жизни, когда он не смог удержать слез. В первый раз такое случилось в далеком детстве, еще во времена Бейбулата. Тогда генерал Ярмол-сардар[101] заманил триста стариков из ближайших аулов в крепость Герзель и безжалостно всех истребил. Среди них были дед и отец Мачига. Мачиг остался один. Вот тогда и заплакал он впервые.

Очар-Хаджи Майртупинский отомстил убийцам, заколов двух генералов[102], но жестокий Ярмол-сардар в отместку за смерть двух генералов истребил множество аулов. С тех времен почти сорок лет прошло, и все эти долгие годы ни одной слезинки не уронил больше Мачиг. А сегодня он снова плакал. И не было у него сил сдержать слезы. Сколько их накопилось за сорок лет!

Выплакался Мачиг, успокоился немного. Но на сердце легче не стало. Мысли перенесли его теперь в родные горы. Он словно наяву бродил по берегам бурного Терека, шального Аксая, по густым лесам. Ох уж эти родные леса! Сколько в них плодов, сколько птиц и зверей! В самый голодный год леса утоляли и голод, и жажду. Здесь же совсем не то. Здесь и земля, и лес принадлежат кому-то. Идешь за ягодами, словно на чужой двор за бараном.

Земля-то здесь, вроде, и неплохая, но вот люди! Жестокие они тут какие-то, бездушные. Кажется порой и не люди это совсем, а какие-то похожие на людей звери. За кусок хлеба глотку друг другу перегрызут. Совсем не так было у них дома. Там и соседи помогали. Пусть все были не одной веры, и языки имели разные, но ведь все равно относились-то друг к другу по-человечески и из беды друг друга выручали. Чеченцы всю жизнь враждовали с царем, но с русскими бедняками жили как кунаки. Сказать по правде, Мачиг всегда был убежден, что нет на свете людей честнее и добрее, чем русские. Белобрысые, с румяными круглыми лицами, с чистыми прозрачными глазами, спокойные и немногословные. Как не любить их и не дружить с ними! Да разве сравнишь этих русских с теми другими, которые хоть

и называют себя тоже русскими, а на самом деле сами точно не знают, чья кровь течет в их жилах.

А чем плохи грузины? Что из того, что они участвовали в войне против чеченцев, все равно чеченцы считают их своими братьями.

А вот здешние грузины и армяне совсем иные. Словно они и не дети гор Кавказа. Какие-то придавленные, запуганные. Турки, видать, их здорово поприжали.

Да и людей, похожих на Андрея, Яшку, Корнея, Васала, Мачиг больше нигде и никогда не встречал. Васал в поисках справедливости бежал в горы. И он правильно говорил: "Не ищи, Мачиг, правду, не найдешь! Ибо нет ее на земле". Нет, не послушался Мачиг добрых советов Васала, Арзу и Маккала. Не послушался! Все казалось, во вред ему люди советуют… И вот дожил! Только один Кюри у него и остался от прежней большой семьи. Хотя и он сейчас неизвестно где находится…

А гром продолжал греметь. И дождь лил, как из медного таза.

Совсем близко, почти над головой Мачига сверкали молнии. Мачиг весь промок, но сырости не чувствовал. При вспышке молнии виделись ему его дети: изнуренные, худые, беспомощные… И снова плакал Мачиг… Плакал, держась обеими руками за голову и раскачиваясь, словно исполняя зикр. Плакал Мачиг от горя, от сознания полного своего одиночества, без крика, без слез.

Сердцем плакал Мачиг…

* * *

Возвратившись из Эрзерума, Арзу доложил старейшинам о результатах поездки. Ни обсуждать, ни спорить никто не стал:

надвигалась гроза, и уже где-то над Циран-Катарой сверкали молнии. Да и о чем спорить. Вопрос-то уже решен: надо возвращаться домой.

Арзу внес некоторые изменения в свой прежний план. Люди покидают лагерь организованно, небольшими партиями. К партии прикрепляется отряд из пятисот всадников, командир которого несет

ответственность за жизнь каждого. Отряды, в свою очередь, делятся на сотни, закрепленные за определенной группой переселенцев. Пока первая партия не перейдет границу, вторая не должна двигаться с места. Следующие группы отправляются с интервалами в два дня. Все, что имеется в наличии, — лошадей, волов, продукты — разделить поровну между всеми партиями. Решили, что первую партию сопровождать будет отряд Чоры. Трогаться в путь, не мешкая…

С первыми каплями дождя люди разошлись. Ушли в свою землянку Арзу с Маккалом, Али и Чора.

Частые вспышки молний выхватывали из темноты мрачный силуэт храма на Севсарской горе. Гром грохотал с такой силой, что казалось, это рушатся горы.

Все четверо сидели, накинув бурки, и каждый думал о своем. При близком раскате грома Чора шептал короткую молитву.

Завязалась тихая беседа.

Арзу в разговор не вмешивался. "Вот мы сидим все четверо, все четверо живы и достаточно здоровы, — думал он. — Пройдись же по землянкам, и не найдешь ни одной семьи, не потерявшей близкого человека. Каждый день начинается с похорон. И завтрашний начнется с того же…"

Арзу размышлял и о завтрашнем дне. Он представлял, насколько более трудным окажется обратный путь. Голодные, истощенные, измученные болезнями люди без еды и почти без транспорта практически пойдут пешком… Но если бы только это! Русские уже закрыли границу, как и предсказал комиссар, и царь не пропустит чеченцев обратно в Россию. Как же быть? Ладно, лишь бы перейти ту черту. Там, считай, дома…

Мысли Арзу перекинулись на другой берег реки. Где-то там в селе живет Эсет. Он ни разу больше не разговаривал с ней после той памятной встречи у родника, хотя и видел ее в пути довольно часто. А как она обрадовалась, узнав, что и он едет в Турцию.

"Что с ней стало? — спрашивал себя Арзу. — А Гати, говорят, умер… Шахби же, хотя он и мулла, но человек подлый, и от него можно ожидать любой гадости".

— Один из нас отправится с первой партией, — услышал Арзу голос Маккала.

— Что? — встрепенулся он, отрываясь от собственных мыслей.

— Говорю, что обратный путь будет в тысячу раз труднее.

— Мы поедем вместе с первой или с последней партией.

— Нет, Арзу. Нам придется разделиться. Если мы уедем оба с первой партией, то кто организует остальных? Во втором же случае, если мы останемся, кто поведет первую партию? Ведь на нее все основные надежды. От того, как она пройдет, зависит передвижение всех остальных партий.

В душе Арзу согласился с Маккалом. Друг был прав. Муса, Сайдулла и Шахби устроились здесь припеваючи и о возвращении не помышляют. Бедные, темные люди, кто же поведет их, если и они с Маккалом останутся здесь? Нет, пусть уж Маккал сам и решает, кто пойдет завтра, а кто останется. Так будет лучше.

— Как ты планируешь? — спросил Арзу.

— Ты идешь с первой партией. Я пока остаюсь.

— Хорошо. Я уеду с Чорой, Али побудет с тобой.

— Нет. И он уедет.

— Нет, Маккал.

— Почему?

— Я не могу оставить тебя здесь одного! — повысил голос Арзу.-

Что скажет народ — что я бросил побратима и со своим родным братом уехал домой. Только такого позора мне и не хватало.

— Что же ты предлагаешь?

— Останусь я и Али.

— Я все твердо решил, Арзу.

— Ты решил, а мы? Разве мы лишены права голоса?

— Если ты считаешь, что оставаться опаснее, то ошибаешься.

Опасность грозит лишь самой первой партии. И турки, и русские бросятся на нее. Потому-то я и хочу, чтобы вы были вместе.

Кроме того, мы же расстаемся не навечно.

— В таком случае, я и останусь, а поедешь ты вместе с Чорой и Али, — почти крикнул Арзу.

— Да потише ты! — осадил друга Маккал. — Среди переселенцев у тебя гораздо больший авторитет. Потому ты и обязан ехать первым.

— А злые языки? — не сдавался Арзу. — О них не забывай! Не допусти Аллах, вдруг с тобой что-нибудь случится. Как я людям в глаза посмотрю?

Маккал махнул рукой.

— Кто нас знает, Арзу, тот про нас худого не подумает. Но пойми, ни ты, ни я не имеем права бросать этих несчастных на произвол судьбы. Ни тех, кто едет первыми, ни тех, кто последними. Или ты, Арзу, забыл, с какой целью мы направлены сюда? Когда дело касается родины и народа, всегда приходится чем-то жертвовать.

Арзу успокоился. Он знал: раз Маккал уверен в своей правоте, он не отступится.

— Конечно, Арзу, — продолжал Маккал, — всякое может случиться.

Смерть ходит по пятам, но когда она настигнет — не знает никто. Я с детства воспитывался у чужих. Ни братья родные обо мне не позаботились, ни сестры. Потому что их у меня не было.

Даже двоюродных. Но все равно я оставил семью, которая меня воспитывала, и родной аул, где были похоронены мои родители и братья, и поселился у тебя.

И то ли от того, что он вспомнил свою сиротскую долю, то ли от того, что ему предстояла разлука с другом, голос Маккала неожиданно дрогнул. Он помолчал, откашлялся и спокойно продолжил:

— Ты заменил мне родного брата, Арзу. Говоря о тебе, я имею в виду и Чору, и Али. В детстве все мы как-то легче переносим несчастья. Но если с вами что-то случится, я этого не переживу. Потому, в первую очередь, простим друг другу обиды.

Лично я от вас ничего плохого не видел.

В сердце Арзу закралась тревога. Если Маккал уверен, что оставаться безопаснее, то почему он завел сейчас такой разговор?

— Конечно, при расставании и родители, и дети прощают друг другу и явные, и предполагаемые обиды, — сказал он. — Пусть Аллах простит всем нам, как мы прощаем друг другу. Умрешь ты, Маккал, — мы лишимся брата, останешься жив — у нас будет брат.

Но смерти никому не миновать. Как ты знаешь, на протяжении двадцати лет я ни разу не пошел против твоей воли, против твоего желания.

— Да, Арзу, и я благодарен Богу, что он послал мне такого брата.

— Тогда позволь, Маккал, хоть один-единственный раз ослушаться тебя…

Заговорили молчавшие до сих пор Али и Чора.

— Оставив тебя, мы поступим неблагородно.

— Арзу прав.

— Не горячитесь, друзья мои. Вопрос решен, и незачем повторяться. Помните, первой партии предстоят особенно большие трудности. Будьте осторожны. Не допускайте ни разбоев, ни грабежей. Не давайте повода для стычек и не идите на обострения. Все предвидеть невозможно, но будет лучше, если впереди каждого отряда верст на пять-шесть выдвинется группа из двадцати всадников. В каждом городе или селе имеются представители власти. Найдутся и среди них хорошие люди. Свет не без таких. Связывайтесь с ними. Помогут. Ни при каких условиях не ввязывайтесь в драку, ради Аллаха. Оружие применяйте в самом крайнем случае. Помните, что в наших руках жизни тысяч людей. Любой ценой постарайтесь перейти границу.

Там грузины, они уже не дадут вас в обиду.

— Добраться бы только, — вздохнул Чора.

— Что сказать Солта-Мураду и Берсу, вы лучше меня знаете. О дальнейшем выселении и речи не может быть. Пусть не надеются на турок.

— Странные ты ведешь разговоры, — опять не выдержал Арзу -

Словно умирать собрался. Или тебе рай по-турецки так пришелся по сердцу, что ты решил обосноваться здесь?

Маккал рассмеялся.

— Я говорю все это на всякий случай. Кто-то ведь должен добраться до наших гор и рассказать правду.

— Кто-то должен, — грустно подтвердил Чора. — Но и там нам придется несладко… Неужели мы покоримся русскому царю?

Вопрос повис в воздухе. Ибо никто не знал, что ответить.

При вспышке молнии все заметили стоящего на пороге человека.

— Али… — послышался голос.

Али сбросил с плеч бурку и, согнувшись, пошел к выходу.

— Кто здесь?

— Это я… Эсет…

* * *

Ливень прекратился, но где-то отдаленно и глухо еще продолжал перекатываться гром. Небо прояснилось, и стало чуть светлее.

Эсет как переступила порог, так и застыла в углу, опустив голову. Вода струйками стекала с ее платья, а лицо пылало. Она не стыдилась своего поступка, но в последнюю минуту решимость покинула ее. Словно откуда-то издалека доносился до нее голос Маккала, который о чем-то спрашивал, но о чем он спрашивал, она просто не в состоянии была понять…

— Я… мне… больше некуда идти, — наконец выдавила она. И сбивчиво рассказала о подлом предложении Шахби.

Это известие потрясло мужчин. Но они пока молчали, с трудом сдерживая гнев.

— Эсет, мы выйдем на свежий воздух, — нарушил наконец тишину Маккал, — а ты переоденься в сухое. Вот тебе черкеска и башлык.
Сойдут, пока твоя одежда не высохнет.

Мужчины вышли.

— Друзья мои, — начал Маккал. — Время сейчас очень тяжелое. Даже самые близкие не могут помочь друг другу, а Эсет одинока. Кто приютит попавшую в беду женщину?..

— Да все мы! — воскликнул Чора. — Мы все станем ей братьями…

— Ты прав, Чора… Но мне кажется, что Аллах направил ее к нам совершенно с другой целью… Да-да, Чора, ты не удивляйся…

Не секрет, что Арзу и она давно любят друг друга… Если все вы не против, я хотел бы обвенчать их…

— До чего же умная у тебя голова, Маккал! — вскричал Чора.-
Вот почему тебе первому приходят правильные мысли.

Арзу, нахмурившись, молчал.

— Ты-то что скажешь, Арзу? — спросил Маккал.

— Я запрещаю вам говорить на эту тему.

— Почему?

— Я еще не пал так низко, чтобы воспользоваться беззащитностью одинокой женщины.

— Ты только чушь не городи… Весь Гати-Юрт знает, как вы страдали и страдаете… Ведь жить друг без друга не можете…

— Тем более. Я стану ей любящим братом…

— Как это… любящим братом? А она… твоей любящей сестрой?
Что-то не пойму я. Ты смешишь людей, Арзу!

— Соглашайся, Арзу, — вмешался Чора. — Маккал прав. Не будете вы братом и сестрой перед людьми и Аллахом, а злые языки непременно найдутся. Чего же ждать?.. Поженитесь, и все встанет на свои места.

— Гати совсем недавно умер, — упорствовал Арзу.

— Три месяца минуло. Все законно, все по шариату.

Арзу сдался.

На следующий день Маккал, пригласив двух свидетелей — Касума и Тарама — обвенчал влюбленных.

— Клянусь Аллахом, давно я не испытывал такой радости, — говорил Маккал, обнимая молодоженов. — Живите счастливо…

* * *

Выписка из рапорта наместника Кавказа, главнокомандующего Кавказской армией, генерал-фельдцейхмейстера Его Императорского Высочества, Великого князя Михаила Николаевича военному министру Милютину:

"№ 1874. 28 декабря 1865 года.

По принятому Портой на себя перед началом переселения обязательству чеченцы не могли быть выдворяемы в ближайших к нашим пределам пашалыках.

…Как я и ожидал, турецкие власти с самого начала стали уклоняться от принятия надлежащих мер к безотлагательному удалению чеченских партий от наших пределов, и в результате этого почти половина всех переселенцев сосредоточилась в окрестностях Муша, а остальные вновь прибывающие партии стали располагаться в Эрзерумской равнине.

…Чеченцы, оставаясь на открытом поле, стали страдать от холода и жалеть о покинутой ими родине. При таком положении дел часть их направилась по дороге к Александрополю с намерением возвратиться в наши пределы.

Побуждаемые, наконец, из Константинополя местные турецкие власти очнулись от бездействия, но тогда чеченцы, в свою очередь, начали оказывать сопротивление к оставлению Муша и Эрзерума. Они потребовали предварительной посылки некоторых своих старшин для осмотра предназначенных для поселения их мест. Вали согласился на эту посылку, но старшины, доехав только до Чубакчура, возвратились, не увидев назначенной для них земли, и объявили, что земля плоха. Впечатление было произведено, и эрзерумские партии, двинувшиеся через Чубакчур к Палу, возвратились в Муш. Некоторые из достигших

уже Эрзингана самовольно прибыли обратно в Эрзерум. После этого на новые требования турецких властей двинуться из Мушского округа чеченцы, число которых возросло там до 18–20 тысяч человек, несмотря на то, что из Муша до Чубакчура всего 18 часов езды и что при выходе из Чубакчура их ждали 3 тысячи войск, посланных диарбекирским генерал-губернатором с провиантом для них, отказались оставить Муш и ознаменовали пребывание там воровством, грабежом, убийствами и разорением христианских деревень. В довершение всего они дважды пытались атаковать Муш, и только благодаря распорядительности местного начальника войск предупрежден был открытый бой населения Муша с чеченцами. Несмотря на такое положение дел, вали употреблял те же полумеры, в которых обвинял своих предшественников. Так прошло время до начала октября, и только на категорический запрос Эмин-паше, сделанный капитаном Зеленым, намерен ли тот или нет вывести горцев из окрестностей Муша, вали обратился к великому визирю за разрешением употребить против чеченцев силу оружия. 7 октября получил просимое им разрешение и приказание водворить главную массу переселенцев в Диарбекирскую область, а остальных расположить на зиму в Ване, Муше, Эрзингане, Байбурте, Эрзеруме и Чильдыре. Капитан Зеленый протестовал против занятия Вана, Карса и Чильдыра…"

ГЛАВА XI. МУСА КУНДУХОВ, СЫН АЛХАЗА

Сестры нет оплакать тебя -
Здесь вражья страна,
И матери нет причитать -
Здесь вражья страна.

Чеченская народная песня

Бесконечные дожди и непролазная грязь на дорогах вынудили переселенцев укрыться в старой заброшенной башне на склоне горы. Уже несколько дней они жили под сводами старинного холодного каменного храма в ожидании нормальной погоды.

Наконец тучи рассеялись, выглянуло солнце. Подождали день, чтобы подсохла грязь, и только тогда снова тронулись в путь.

Вел переселенцев Арзу. Люди шли за ним молча, безропотно, покорившись его воле, силе и стойкости. Им казалось, что этот высокий и стройный человек послан им самим Богом, чтобы он привел их к родному очагу. Они были в том уверены, и эта уверенность помогала им переносить трудности пути, болезни и лишения. Люди верили Арзу, тянулись к нему, спрашивали совета.

Да и сам он старался ничего не предпринимать, не посоветовавшись с людьми, не получив их согласия.

Арзу ехал впереди десятка всадников. Лица у всех похудели, осунулись. Они тихо переговаривались и часто останавливались, поджидая отставших.

Сзади послышался глухой топот копыт. Арзу оглянулся. Турецкие всадники, разделившись, заходили с двух сторон, окружая колонну переселенцев.

— Стой! — закричал во все горло скакавший во главе отряда чернобородый офицер. — Поворачивай назад!

Всадники, размахивая плетками, врезались в толпу. Мужчины остановились, вскинули ружья и взяли всадников на прицел. В руках женщин блеснули широкие кинжалы.

— Не стрелять! — крикнул Арзу.

Любой ценой нужно было предотвратить кровопролитие. Турок слишком много, имеющимися силами их не одолеть.

О чеченцах среди местного населения уже ходили дурные слухи.

Их намеренно распространяли местные власти, чтобы разжечь вражду, а потому мелкие стычки бывали довольно часто.

Переселенцы просили, чтобы им дали немного хлеба и не мешали двигаться на север. Тогда бы они никого не трогали. Арзу был против грабежей, но и он порой ничего не мог поделать: голод диктовал людям свой девиз: "Не дают хлеба миром — отнимай силой".

"Неужели же дело дойдет до побоища, до кровопролития?" — с тревогой подумал Арзу и тут заметил, как тощий всадник с перекошенным ртом взмахнул плетью над головой пожилой женщины.

Она инстинктивно пригнула голову и выбросила вперед руки, как бы стремясь перехватить удар, но не успела — плеть обожгла ее спину. В ту же секунду стоявший рядом с Арзу паренек поднял ружье. Арзу резко ударил по стволу, но выстрел все же прогремел. К счастью, пуля никого не задела. В этот самый момент на дорогу, идущую из лесу, выскочил одинокий всадник на белоснежном коне. Он несся галопом и что-то кричал.

Заслышав его, турки опустили плети. Из лесу появился еще один отряд и последовал за всадником. Тот был одет в турецкую форму, но Али сразу же признал в нем кавказского горца.

— Ассалам алейкум! — поприветствовал он всех разом, резко осаживая коня и не обращая внимания на склонившихся перед ним турецких всадников. Быстро пробежал взглядом по лицам людей и на ломаном чеченском языке спросил: — Кто из вас старший?

— Я, — ответил Арзу.

Турецкий паша пристально всматривался в лицо Арзу, стараясь припомнить, где они могли встречаться ранее.

— Плохая у тебя память, Муса, сын Алхаза. Знакомых не узнаешь?

Кундухов долго вглядывался в человека, невозмутимо стоявшего перед ним. Да, где-то он уже видел эту гордо вскинутую голову и мужественное лицо, густо заросшее черной бородой, знаком ему был и яркий блеск этих темных глаз под низко нависшими бровями. Но что это за человек, как он ни напрягал память, вспомнить все же не смог.

— Нет, — коротко бросил Кундухов. — Знаком, но не припомню тебя.

— Неудивительно, — усмехнулся Арзу. — Нас теперь все стараются не узнавать. Палачу ведь необязательно знать, чью голову он рубит. А помнишь тот год, когда ты и Орцу Чермоев сожгли дотла беноевские аулы?

Черная тень пробежала по красивому лицу Кундухова. Он соскочил с коня, бросил повод на луку седла и, сказав что-то стоявшему рядом офицеру, подошел к Арзу.

— Давай, отойдем, — произнес он и первым направился в сторону леса.

Арзу молча последовал за ним. Офицер и еще один турецкий всадник стремглав помчались вперед, спешились на зеленой лужайке, расстелили ковер и бросили на него две подушки.

За Кундуховым последовал еще один человек. Заметив его, Али пристроился к нему сбоку.

— Это мой брат, Афако, — сказал Кундухов, усаживаясь на ковер.

— Я знаю его, — ответил Арзу.

Некоторое время оба сидели молча.

— Упрек твой несправедлив, — наконец вымолвил Кундухов.-

Трагедия беноевских аулов — вина Бойсангура, Солта-Мурада, Уммы и Атаби.

— Да, но кто был виновен в том, что чеченцев загнали в горы?

— Не следовало восставать против царя, — резко ответил Кундухов. — Все покорились судьбе, одни вы хотели дикой свободы. Это за вами поднялись другие народы.

— Только слабой женщине простительно подчиниться силе без сопротивления. И то не всякой. Ты знаешь, что такое свобода?

Мы, например, знаем. Потому и умирали за нее. И о том не жалеем, хотя и обошлось нам все это очень дорого. Но когда знаешь, за что гибнешь, гораздо легче умирать. Цари, генералы и князья умеют лишь обманывать, изменять и продаваться. Только им всегда хочется более слабых сделать собственными рабами.

Почему? Потому что они сами рабы… Никогда свободный человек не станет угнетать другого, ибо он знает высокую цену свободы, а благородный не прольет кровь порабощенного народа ради земных благ и собственного честолюбия.

При этих словах Кундухов побледнел и в упор взглянул в лицо Арзу. Но тот абсолютно спокойно продолжал:

— Нет, я не обижаюсь, что ты меня не узнал. Четыре года назад в беноевских лесах ты дал слово никогда не поднимать оружия против чеченцев. Так вот, я и есть один из тех, кому ты давал слово. Ты тогда сказал: "Когда падает дерево, оно опирается на соседнее, — гласит осетинская пословица. В счастье и горе мы не можем не опираться друг на друга. Клянусь, что с сегодняшнего дня никогда не подниму на вас руку, никогда не сделаю вам плохого". Однако мы узнали, что ты нарушил данное тобой слово, и чтобы напомнить тебе о том, в прошлую зиму к тебе в Скут-Кох приезжали двое. Одним из них был я.

— Не помню, — надменно произнес Кундухов. — Сколько ваших переселенцев приходило ко мне, разве всех теперь узнаешь?

— Ты прав, — согласился Арзу. — Всех волновал вопрос переселения. Но мы приходили совсем по другому делу. Мы лишь хотели напомнить тебе, что ты обязан держать данное тобой слово.

— Как тебя зовут?

— Арзу.

— Сейчас тебя трудно узнать.

— За эти три месяца мы выстрадали больше, нежели за все последние двадцать лет войны.

— Так вот! Слово свое я сдержал, — твердо ответил Кундухов.-
С тех пор я не участвовал ни в каких действиях против вас.

— Сын гор не может стать клятвоотступником. Закон предков суров.

— Я повторяю еще раз…

— Ты помог русским обмануть нас, — прервал его Арзу. — Люди тебе верили, думали, что ты настоящий мужчина.

"Вот подлец! — выругался в душе Кундухов. — Как же он смеет так со мной разговаривать! Даже турецкий ад не выбил из этих чеченцев их проклятую гордость. Связать бы его да отправить в диарбекирскую тюрьму! Но нет, применить к ним сейчас силу — значит навредить самому себе. Тогда придется проститься с моими мечтами и планами. Не для того я потратил столько сил, времени и энергии, чтобы сейчас из-за этой вот кучки несчастных оборванцев провалить все дело. Ни за что! Вид турецкого войска их не пугает, и они будут с ним драться.
Воздействовать следует только добром".

— Я попрошу не говорить со мной в таком тоне, это вопервых,-
Кундухову стоило немалых усилий такое вот дипломатическое спокойствие. Усилием воли он подавил вскипевшую ярость и говорил

хотя и быстро, но не повышая голоса. — Во-вторых, я никогда не приглашал вас в Турцию. Ваши старшины попросили у меня совета, я им высказывал свое личное мнение, но никому его не навязывал и никого ни в чем не убеждал.

— Да, сам ты не приезжал на беседы с чеченцами, это правда.

Но вот твой брат наведывался к нам часто. Нет, он не произносил твоего имени, все слухи распространял якобы от себя.

— Я хотел только добра. Если веришь Аллаху, верь и мне. Не мог я такое предвидеть! Вы находились в трудном положении, и я хотел помочь. У вас было два пути: либо пойти по миру, либо силой оружия вернуть свои земли… Вам по душе был последний.

Но этого нельзя было допускать, ибо любая стычка окончилась бы вашим поражением. Царь знал, что, пока вы находитесь в своей стране, мира там не видать, а потому и решено было переправить вас за Терек и рассеять там среди казачьего населения. На вашей же земле расположить несколько десятков новых станиц.

— Нам это было известно.

— Я также знаю, что вы с Маккалом прибыли сюда просить у турок помощи. Только никогда не дождетесь ее. А теперь турки тем более не в состоянии оказать ее. Пойми, Арзу, и чеченцы стали уже не те, что были двадцать лет назад. Половина мужского населения перебита. А кто встанет рядом с вами?

— Ах, спасибо тебе! Ведь ты, действительно, очень здорово помог нам, — зло усмехнулся Арзу. — Посмотри на них, — указал он рукой в сторону своих собратьев. — Это твоя жалость и плоды твоей помощи довели их до такого состояния. Это все, что осталось от пяти тысяч семей. Вот их страданиями ты и достиг сначала чина генерала, а теперь получил и чин паши. Я вижу тебя насквозь. Ты замышляешь что-то еще более грандиозное, иначе ты бы не разговаривал со мной так мирно и спокойно, не стал бы выслушивать меня. Так тебе сейчас выгоднее. Но помни:

больше тебе не удастся обмануть нас.

— Ты говоришь так, словно я один и виновен во всех ваших бедах!

— Да, ты! — отрезал Арзу. — Твой сладкоречивый и лживый язык сделал свое черное дело!

— Хорошо. Всю вину я беру на себя, ибо напрасно сейчас доказывать обратное. Но неужели, Арзу, ты думаешь, что этого бы не случилось, если бы не было Мусы Кундухова? Ты умный человек, Арзу, а простые вещи не желаешь понимать. Участь твоего народа решилась не по моей воле и не по воле ваших старшин. В конечном итоге результат был бы таким же, что бы ты ни предпринимал. Сила была не на вашей стороне. А слабым распоряжается сильный. Так было, есть и так будет. Но ни ты, ни весь твой народ не хотите этого понять. Вы ищете виновника своих несчастий. Что ж, искать его нужно, этого я не отрицаю, так же как не отрицаю части своей вины. Но пойми, есть человек куда более могущественный, чем я. Вот в его-то руках и находились ваши судьбы. И как он распорядился, так все и произошло. Допустим, вы опять бы взялись за оружие, но и оружием ничего бы не изменили. Страна русских в сотни, в тысячи раз больше вашей, а потому противиться ей бесполезно и бессмысленно. Мы это поняли раньше вас. Конечно, могли и мы бунтовать, сопротивляться. Тогда и нас уничтожили бы точно так же, как теперь уничтожают вас. Но зачем умирать раньше времени? Кому это нужно? Причем умереть на поле боя не так уж и трудно, труднее научиться выживать. Наш народ понял эту истину. Потому-то наши предки и решили до поры терпеть гнет царя. Я считаю, что они рассудили правильно: быть битым и вдобавок ничего не иметь — это не выход. Гордость в таких случаях обходится слишком дорого. И вы просто обязаны были понять, что вам одним никогда не удержать в горах свою свободу и независимость. К сожалению, вы и теперь этого не понимаете или не хотите понимать. Русский царь в наших народах не нуждается. Ему не мы нужны, а наш край и наши горы. Не отдадим добровольно — нас уничтожат. Такой приказ он и отдал своим генералам. Лучшие ваши земли и теперь розданы в награду офицерам. Русским и горским. Но большинство их отведено под казачьи станицы. Остальные же земли объявлены казенной собственностью. Где вам теперь жить? Ведь чтобы человеку жить — ему требуется земля. А таковой у вас теперь

нет. Вы будете стремиться вернуть ее, но царь никогда не согласится с вашими требованиями. И чтобы окончательно отбить у вас охоту хвататься при каждом удобном случае за свои кинжалы, русские решили теперь переселить вас в глубь России. А через несколько лет вы бы уже присмирели, как овцы, и приняли бы их веру, обычаи и язык. И чеченский народ как таковой исчез бы с лица земли. Однако все знали, что добровольно вы на это не согласитесь. И решено было переселять вас силой. А это — новая война. Я же стремился не допустить ее. И все без исключения мои поступки были продиктованы только одним желанием — помочь вам.

— Знаю, Муса. Ты сделал все, что было в твоих силах, чтобы нас не отправили за Диарбекир, а оставили около Муша, Байбурта, Эрзерума и Карса. Чеченцы тебе за это благодарны, но я не могу пока понять, что руководит поступками, нет, не Мусы, а генерала Кундухова. Что заставило его четыре года назад в Беное войти с нами в сговор и почему он так печется о нашей судьбе? Какую цель он преследует? Не кроется ли за всем этим какая-то чудовищная интрига? Мы вправе сомневаться, зная обо всех твоих деяниях. И если наши сомнения и догадки подтвердятся, тогда берегись, Алхазов Муса. Мы найдем тебя даже под землей.

Кундухов молча глядел на толпу переселенцев, расположившихся вдоль дороги: кто сидел, кто лежал на сырой земле в окружении турецких всадников, которым одного его знака было бы достаточно, чтобы с саблями наголо ринуться на этих изнуренных людей. И если он подаст сейчас такой знак, то не совершит никакого преступления, так как лишь выполнит приказ командования. Но чеченцы обвинят в жестокости только его одного. Ведь он руководит операцией. Так уже бывало не раз.

Но сейчас он сделает все возможное, чтобы избежать кровопролития. В глазах чеченцев он обязан остаться благородным человеком, желающим им одного только добра. А кровь пусть проливают турки, они на это мастера. Кто-то из переселенцев тихо затянул протяжную песню. Десятки мужских голосов тут же подхватили ее:

Мусульманский царь к себе нас звал,
Царь русский — остаться просил,
Без огня и ветра Чечня запылала:
Огнем был Алхазов Муса,
Вихрем подул Успанов Сайдулла.
Пророчили муллы нам страшный суд,
Мы видели: родные бросают родное.
Вот он, день страшного суда,
Вероломные муллы нас подло обманули,
Они нас в земной ад загнали…

Каждое слово песни глухой болью отдавалось в сердце Кундухова.

Вскочить бы сейчас на коня да умчаться подальше от этих фанатичных людей и их душераздирающей песни. Или проще заставить их замолчать? Но как? Они же замолчат только став мертвыми…

— Самое тяжкое наказание для человека — презрение народа. Меня проклинают сейчас и проклянут в будущем. Я это хорошо знаю, Арзу, — задумчиво проговорил Кундухов, подняв глаза к небу, будто испрашивая у Бога прощения. — Я, как и вы, лишился родины. Но у вас есть хоть какая-то надежда вернуться и увидеть хоть на миг родные горы. Честно говоря, я вам завидую немного. Ведь мне возвращаться нельзя. — Кундухов глубоко и горестно вздохнул. — Если желаешь, объясню почему. Одновременно это ответ и на твой вопрос о том, какую же цель я преследовал, сговариваясь с вами в ичкерийских лесах. Так как, рассказать?

Арзу утвердительно кивнул.

— Ты отлично знаешь, что мы не были обижены жизнью. Когда я говорю "мы", то имею в виду Сайдуллу Успанова, Алихана Цугова, Мусу Уцмиева и Атажукина. В своих руках мы держали власть и одновременно были на хорошем счету у начальства. Нас хвалили и даже награждали за усердие. Но нас всегда возмущали унизительное положение, в котором всегда и везде находились горцы, жестокость и бесстыдный грабеж русских властей. И потому мы впятером

поклялись освободить наш край от русского владычества. Но для того нам понадобилась бы сила. Чтобы накопить такую силу, требовалось определенное время. Однако сделать мы ничего не успели. Среди нас оказался предатель.

Атажукин на нас донес. Заговор раскрылся. Уцмиева сослали в Россию. Нас почему-то пока не трогали, хотя мне было точно известно, что Атажукин в своем донесении назвал меня, как организатора, первым. Я ждал ареста, ибо я был генералом русской армии и присягал на верность царю. Но время шло, а со мной обращались так же, как прежде, будто ничего и не случилось. Только позже я узнал, почему так с нами поступали.

Начальник Терской области был хорошо осведомлен о нашей деятельности и решил покарать нас по-своему. Однажды он вызвал меня к себе и категорически заявил: или же вы вместе с недовольными русской властью чеченцами уходите в Турцию, или же мы вас стираем с лица земли…

При этих словах Арзу вскочил. Не ожидавший столь бурной реакции от своего собеседника Кундухов даже растерялся, но быстро пришел в себя и, схватив его за руку, попросил дослушать до конца.

— Сейчас с тобой говорит не царский генерал и не турецкий паша, — заторопился он, глядя на Арзу снизу вверх. — С тобой говорит такой же горец, как ты, как все они…

Резким движением Арзу вырвал свою руку из руки Кундухова и долгим пронзительным взглядом в упор разглядывал бывшего генерала.

Али, стоявший рядом, весь подобрался, словно тигр, готовый в любую минуту прыгнуть на врага. Али видел, как медленно сходила краска с лица брата, как он, закусив нижнюю губу, сжал в кулаке белую рукоять кинжала. Али не спускал с него глаз и ловил каждое движение, хорошо зная вспыльчивый характер брата.

Страшные оскорбления вот-вот готовы были сорваться с его языка. Но Арзу только скрипнул зубами. И промолчал…

— Говори! — не выдержал тогда сам Кундухов. — Что ты хотел сейчас произнести?

— Я хотел сказать, — Арзу перевел дух, злость мешала ему, — что ты — собака. Но сказать так, значило бы оскорбить собаку, потому что она намного благороднее тебя. Она всегда и всюду верна своему дому, своему хозяину. Ты же изменил своему хозяину — царю, своему дому — родине, изменил всем, кто в тебя верил. Будь я один, я бы вывернул ваши черные, грязные души.

И твою, и твоего братца Афако.

— Слушай, Арзу, ты уже не упрекаешь, не угрожаешь, а просто оскорбляешь. Если ты забыл, что и мы родились и выросли в тех же горах, что и ты, и что в храбрости и верности слову мы стоим не ниже тебя, а в благородстве, возможно, даже и повыше, то я это все могу тебе напомнить, вызвав на дуэль, — гневно выпалил Афако.

Недобрый огонек молнией сверкнул в глазах Арзу.

— Нет, вы не трусы. Это мне известно. Но только не надо говорить о благородстве. Смотрите, до какого состояния довело ваше благородство этих вот людей. Вы обманом и подлостью толкнули их к гибели. И вот это вы называете благородством?

Твой брат, Афако, шагал к чину генерала по трупам чеченцев, а теперь за то, что он сумел обмануть нас, турки сделали его пашой, — от напряжения лицо Арзу покраснело, и он рукавом черкески вытер вспотевший лоб. — Слово за тобой, Алхазов Муса,

— вызывающе произнес он. — Решай, что будешь делать. Мы торопимся.

— Наберись терпения и выслушай меня до конца! — взмолился Кундухов.

— Я не ребенок и не баба. От красивых слов я не таю.

— Клянусь Аллахом, я говорю правду!

— Чтобы русский генерал или турецкий паша сказал правду? — рассмеялся Арзу. — Не надо нам сказок, Муса.

— Пойми же ты наконец, что перед тобой сидит такой же горец-изгнанник, как и ты, как все они, — Кундухов кивнул головой в сторону переселенцев и с минуту помолчал, ожидая, пока Арзу вновь усядется на коврик рядом. — Согласен, ты прав, — продолжил он ровным голосом, словно тяжелые оскорбления, только что брошенные ему в лицо, не имели к нему никакого отношения. — Честолюбие, действительно, не оставляло меня.

Согласен, воспользовался в какой-то мере вашим несчастьем.

Положение чеченцев было безвыходным: вы просили вернуть вам ваши земли, правительство же на это никогда бы не пошло. И оно избрало более жестокий путь — выселить половину вашего народа с тем, чтобы другая его половина все же имела клочок земли.

Я знал, что чеченцы добровольно горы не покинут, поэтому и согласился с Лорис-Меликовым. Мне казалось, что своим согласием я делаю доброе дело. Вняв его совету, я рассуждал так: во-первых, освободятся земли и люди смогут жить в более или менее нормальных условиях; во-вторых, что, пожалуй, самое главное, будет предотвращена новая война. Да, я решил вместе с добровольцами переселиться в Турцию. В свои планы посвятил только Сайдуллу и Алихана. Но никто из нас даже предполагать не мог, что конец будет столь трагичным. Правда, я видел черкесов, абазинов, убыхов и шапсугов, которые находились в еще более ужасных условиях. Но на этот раз меня подвела моя доверчивость. Турецкий султан торжественно заверил, что чеченцам будет оказан особый почет и уважение.

Так оно и должно было быть, для вас даже построили дома. Но вмешались русские и заявили, что они категорически против расселения чеченцев вдоль границ России. Тогда для вас отвели другие земли — те земли, от которых вы отказались. И я на вашем месте поступил бы точно так же. Земли-то эти безводные и неплодородные. Пока вы стояли здесь, я прилагал все усилия, чтобы вас не трогали, чтобы оставили у Эрзерума и Муша. Но убедить в том турецкого султана мне не удалось.

Кундухов взял травинку и пожевал ее. Втайне он надеялся, что Арзу рано или поздно заговорит, но тот упорно молчал, подперев рукой щеку.

— Ты прав, Арзу, прав, — продолжал Кундухов. — Отчасти вы гибнете по моей вине. За все, что происходит с вами, и я в ответе. Просите Бога, чтобы он продлил мне жизнь, — более тяжкого наказания мне вы не придумаете. Ведь жить, сознавая, сколь непоправимая и тяжкая вина лежит на твоей совести, мечтать о родине и не иметь права вернуться туда — ты лучше меня знаешь, какие это испытания для человека, родившегося в горах…

Али, хотя и не верил ни единому слову Кундухова, услышав последнюю фразу, невольно проникся к нему жалостью. Сам сполна испытавший горечь изгнания и тоску по родине, он чутьем улавливал то, что действительно шло из глубины души. То, самое сокровенное, что как бы ты ни старался, никакими красивыми словами не прикроешь. И даже когда молчишь, это сокровенное все равно проглядывает сквозь непроницаемую маску, надеваемую тобой, чтобы не прослыть слабым и не умеющим скрыть свои чувства мужчиной. Это сокровенное не скроешь, когда твои глаза, лицо, голос, когда все твое существо тоскует и страдает, бьется, как птица в клетке, ищет и не находит выхода, мечтая постоянно о голубом прозрачном небе…

— Пойдем с нами! — вырвалось у Али, и он сам почувствовал, как краснеет.

— Рад бы, да не могу. Я не волен поступать согласно моим желаниям. Турки во мне еще нуждаются, а русские — нет. Да и не впустят они меня обратно. Так что дорога назад для меня отрезана. Если кто-то из вас и вернется на родину, то он сможет затеряться в горах. Мне же останется одно: жить, тоскуя по родине, и умереть на чужбине.

— Ты очень много и хорошо говорил сегодня, Муса, — сказал Арзу, — но я не поверил ни одному твоему слову.

Кундухов не стал противиться.

— Я и не осуждаю тебя за это, — миролюбиво согласился он.

— Ты научился продавать себя, и тебе неплохо живется здесь, — бросал Арзу жестокие слова, словно хлестал его ими по щекам.

Но Кундухов принимал удары безмолвно, только лицо его поминутно менялось, что свидетельствовало о внутренней борьбе, пламя которой сжигало его, о том невероятном напряжении рассудка, которым этот внешне спокойный человек охлаждал готовую закипеть кровь и сдерживал бушующие страсти.

— Довольно, — наконец прохрипел он, сраженный прямотой суждений собеседника. — Я тоже человек, а не железо. И пришел не для того, чтобы выслушивать от тебя оскорбления. Да, я богат. Да, у меня много денег. Но ты говоришь это так, словно завидуешь. Но что деньги и богатство? Они не могут заменить родины. Все, что имею, я бы отдал за возможность умереть в родных горах. Пусть даже нищим, это уже неважно… К несчастью, я осознал это слишком поздно…

— Что ж, Бог тебе судья! — Арзу встал. — Пойдем, Али.

— Подождите! — спохватился Кундухов. — Мне же приказано вернуть вас обратно…

Арзу остановился.

— Тогда ты напрасно теряешь время, Алхазов Муса. Решай, как тебе удобнее поступить. Что же касается нас, то ни один чеченец не вернется живым.

— Не следует горячиться, Арзу. Русский царь не пропустит вас через границу.

— Мы придем к границе и будем просить сардара, родного брата царя, чтобы он пропустил нас домой. И будем стоять, пока нам не откроют границу.

— Сардару вы тоже не нужны, как и царю.

— Прорвемся в таком случае с боем.

— Вас перебьют, а если прорветесь — сошлют в Сибирь…

— В Сибири будет не хуже, чем здесь.

— Там вы станете христианами, ваши женщины будут ходить без шаровар и спать с гяурами, а внуки забудут и родной язык, и обычаи, и веру!

— Один раз ты уже помог нам, Алхазов Муса. Теперь как-нибудь мы сами сумеем побеспокоиться о себе, постоять за себя и за свою веру. Решай скорее: или мы едем дальше, или ты везешь назад наши трупы…

Впервые в жизни Кундухов заколебался, не зная, что ему предпринять. Перебить их или отпустить восвояси? Какое решение будет правильным? Ясно было одно, что повернуть их не удастся.

Но и драться с ними не имело смысла. Все же он сделал еще одну попытку остановить их.

— Не наговаривай лишнего, Арзу, — сказал он. — Если бы я надумал применить силу, то не стал бы вести с тобой такой длинный разговор. Я отпускаю вас. Идите с Богом! Но что случится с вами там, — Кундухов махнул рукой в сторону границы, — могу предсказать заранее. С обеих сторон к границе стянуты войска.

Там вас просто перебьют. Я прошу: вернитесь обратно, пока не поздно. Нет, я не подниму оружия против измученных людей. Но там с вами не посчитаются. Сейчас вы просто не видите выхода.

А выход-то есть. Просто необходимо согласиться на предложение, поступившее от турецких властей.

Арзу презрительным взглядом окинул бывшего генерала и покачал головой.

— Наверное, твои хозяева, а вместе с ними и ты, думают, что чеченцы, подобно хищным зверям, только и жаждут крови? Нет, Алхазов Муса, в наемники мы никогда не пойдем. Так и передай

своему султану, — и дав понять, что разговор на этом закончен, Арзу не оглядываясь зашагал к своему коню. Али неотступно следовал за ним. Чеченцы поднялись. По знаку Кундухова турецкие всадники расступились…

…Переселенцы продолжали медленно продвигаться на север. Они уже прошли довольно большое расстояние, когда их нагнали две подводы, сопровождаемые турецкими всадниками. Присмотревшись, в одном из них Али узнал Афако. Колонна остановилась.

— Мой брат Муса послал вам все эти продукты, — сказал Афако, подъехав к Арзу. — Он просит принять их. И еще он хочет, чтобы все вы простили его. Не думайте о нас плохо. Мы действительно хотели и хотим вам добра. Но вышло не так, как мы предполагали. Да услышит Аллах ваши молитвы! Да не лишит он вас своей милости!

Сказав все это, Афако хлестнул коня и галопом поскакал обратно, не дожидаясь разгрузки подвод…

ГЛАВА XII. МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ХАРИБДОЙ

Правительства подчас бывают бандитами, народы же — никогда.

В. Гюго

Уже две недели прошло с тех пор, как первая партия переселенцев приблизилась к границе и замерла без движения в ожидании ответа Великого князя. И вот вчера делегация во главе с Арзу вернулась наконец из Тифлиса. Как и предсказывали, наместник Кавказа прошение чеченцев отклонил. Таким образом, исчезла последняя надежда на мирный исход дела.

Да, вот она, желанная граница. За тем вон полосатым столбом начинается родина, свидания с которой ждут ее заблудшие дети.

Она всегда стояла перед их глазами. И в первых лучах солнца, и в тусклом свете луны. Голос ее слышался им в нежном посвисте ветра, в журчанье ручья, в шуме леса, в радостном пении птиц, в шелесте трав. Во всем ловили они зов родных гор и с нетерпением ждали момента, когда вновь увидят дорогие сердцу места. Но невидимая стена отделила их от родины. Как теперь преодолеть эту стену?

Границу охраняли солдаты. Много солдат — и султанских, и царских. Неужели с ними придется воевать? Хватит ли на борьбу сил? Ведь люди до предела истощены, стали похожи на тени.

Семь дней чеченцы бросали шапки и платки перед русскими и турецкими генералами. Это было унизительно, но на это вынуждали обстоятельства. Никогда и никому не кланялись чеченцы, ни перед кем не становились на колени, обнажали головы только в том случае, если обращались к кому-то с величайшей просьбой. Турки возвращению не противились, ибо отлично знали, что русские не пропустят чеченцев на родную землю. Но как договориться с русскими? Они не соглашались ни на что. Переселенцы заверили русского генерала, что не станут нарушать законы, будут жить мирно и покорно, подчиняться всем указам, если он разрешит им вернуться домой. Горцы соглашались

даже поселиться не в самой Чечне, а там, где будет угодно русскому правительству.

Но никакие жалобы не трогали сердце русского генерала.
Приказано — не пропускать! И он не пропустит…

Оставался самый последний, крайний выход: перейти границу самовольно. Решаясь на столь рискованный шаг, люди все же надеялись, что стрелять в них не станут…

17 октября 1865 года две тысячи шестьсот чеченских переселенцев двинулись к границе, решив или дойти до родных гор, или умереть здесь. В первой десятке шли Арзу, Чора и Али с белыми флагами в руках. Их послали вперед, чтобы в последний раз попытаться решить вопрос мирным путем. Остальная масса людей, выдерживая небольшой интервал, шла вслед за своими векилами. Парламентеры были безоружны. Белый флажок, привязанный к длинному шесту, Арзу нес, высоко подняв над головой. Следом за ним, почти наступая ему на пятки, шел Али.

Ровно четыре месяца назад Али впервые увидел эти вот места, эту заставу. 28 апреля они вышли из Владикавказа, а 17 июня здесь первыми ступили на турецкую землю. Хазапинская застава встречала их и провожала в турецкий край, из которого до сих пор они никак не могут выбраться…

Граница надвое рассекала высокий холм. И вот на этом холме теперь застыли в боевом строю всадники и пехотинцы. Вперед выдвинули пушки, стволы которых направлены точно на дорогу, по которой предстояло идти переселенцам. "Неужели турки будут в нас стрелять?" — с тревогой думал Али.

Каждый шаг в сторону границы приближал к смертельной опасности. Шаг, еще шаг, еще… Уже различимы лица солдат. Но что это? С полсотни всадников отделились от основных войск и помчались навстречу переселенцам.

Тридцать четыре года прожил Али на белом свете и никогда за все эти годы не испытывал чувства страха. И вот только теперь, при виде

хищных лиц скакавших всадников, он почувствовал, как неприятный холодок страха пробежал по его спине. Живая стена до зубов вооруженных солдат перекрывала путь на родину.

Мужчины сняли с себя оружие и передали его женщинам в знак того, что намерения у них самые мирные.

Летите в Нохчичо, птицы быстрокрылые,
К собратьям нашим и поведайте им,
Что мы без крова и без Божьей милости
Жизнь на чужбине малую влачим.
В ночном сумраке родных лесов
Унылый крик филина заслышав,
Пусть вспомнят о нас, — без поста и молитвы
Бродящих на чужбине и не видящих исхода!
Бывало, волк воет холодной ночью.
Мы думали, он воет с голоду.
Нет, он выл, что отбился от стаи.
Мы походим на того одинокого волка,
Оторванные от родины и могил предков…
Скорбим ночами черными и глухими.
Чужбины хлеб нерадостен и крут.
И грезим все мы горами родными,
И в час кончины нас они зовут…[103]

Нет, не за себя волновался сейчас Али. Он переживал за Арзу.

За своего единственного брата. Из всего их рода только они двое и остались в живых. И, не приведи Бог, случиться чему-нибудь с Арзу. На кого опереться тогда Али? Кто в трудную минуту встанет рядом с ним? Без Арзу Али будет, как бескрылый орел. В течение шестнадцати лет они и жили, и бились бок о бок, не разлучаясь ни на час. Первыми неслись в атаку, последними отходили. Все эти годы над ними витала смерть, и Али без страха смотрел ей в лицо. Он знал: враг пришел на его землю, чтобы отнять у него дом, родину, лишить его свободы и воли. Поэтому Али не боялся смерти и готов был ко всему.

Ловкий и сильный, он всегда оказывался в гуще боя и всегда выходил из него невредимым. Родина-мать была неиссякаемым

источником, из которого в течение многих лет черпал силу и он, и его народ. "Неужели мы навсегда лишились этой матери? — подумал Али. — Аллах, помоги нам!"

Так что же решили предпринять турки? Поднимется ли у них рука на своих братьев по вере? Да и можно ли стрелять по безоружным? Поверить в это трудно. А если…

Али инстинктивно выдвинулся вперед, чтобы в случае чего заслонить собой брата. Сердце, казалось, вот-вот выскочит из груди.

Арзу покосился на него, и Али виновато опустил голову.

Неприлично быть впереди старшего брата, в порыве чувств Али забыл об обычае…

Забывшие о бритве волосы Арзу выбились из-под мохнатой папахи.

За эти четыре месяца они побелели. А ведь совсем недавно на голове брата не было ни единого седого волоса. Трагедия народа легла тяжелым камнем на его сердце и словно острым лемехом плуга прошла по его лицу, оставив после себя глубокие морщины.

Глаза запали, но огонь их не потух. Они, как и прежде, горели отвагой.

"Тяжело тебе, — подумал Али, глядя в затылок брата. — У меня хоть дома жена и сыновья. А ты и поседел преждевременно, даже не вкусив женской ласки, любви… Всемогущий Аллах, сбереги для меня моего единственного брата!"

— Стой!

Группа всадников с кривыми саблями наголо встала на их пути.

Впереди три офицера.

— Куда? — крикнул один из них, и его неопределенного цвета глаза остановились на Арзу.

— Мы возвращаемся на свою родину. Разве вы не знаете об этом?

— ответил Арзу по-кумыкски.

— Разрешение есть?

— Мы две недели ждали разрешения, но так и не дождались. А за это время успели здесь многих похоронить.

— Значит, прождали напрасно?

— Да.

Два офицера захохотали.

Третий, значительно моложе их, сморщился как от боли и осуждающе взглянул на старших товарищей.

— Стыдно смеяться над человеческим горем, — не выдержал Арзу.-

К границе вернулась только половина тех, кто переходил ее.-

Арзу вынужден был играть до конца роль парламентера. — Но и тех, кто идет за нами, разве можно назвать живыми? Вы видите их. Человек, оторванный от родины, — мертв! Даже если он еще пользуется какими-то земными благами. Голод, болезни, тоска по родине гонят нас. Нас обманули и вы, и русские. Мы это поняли и теперь возвращаемся домой.

Второй офицер, тощий, с крючковатым носом, махнул рукой в сторону холма.

— Посмотрите вон туда, — противно улыбнулся он. — Видите там пушки и солдат? Так вот, им дан приказ открыть огонь, если вы сделаете еще хоть один шаг к границе! А вон там стоят и кавалеристы. Их более пяти тысяч, и они готовы порубить вас на куски. Помните, только по нашим трупам вы сможете ступить на землю гяуров.

Али нисколько не сомневался в правдивости слов офицера. О жестокости турок и раньше ходило немало слухов, а побывав среди них, многие убедились в ней воочию. Если они совершенно

безжалостно обращались со своими соотечественниками, то на что уж могли рассчитывать несчастные переселенцы, не имевшие с турками ничего общего, кроме веры? Чеченцы были для них чужеземцами, без крова, без родины, скитавшимися по их стране в поисках пристанища, так можно ли было ждать пощады? И все-таки Арзу на что-то еще надеялся…

— Господин офицер, мы не имеем намерения ссориться с кем-либо.

Какой толк нам от ссор? Вы видите, мы безоружны, мужчины сняли с себя даже кинжалы. Мы никому не желаем причинить зла. К тому же, среди нас не найдется и сотни человек, способных сейчас использовать оружие. Люди ослабли. И тем не менее, — решительно закончил Арзу, — или мы умрем здесь, или вернемся домой.

— Я еще раз повторяю, — повысил голос офицер, раздраженный твердостью Арзу. — При малейшей вашей попытке перейти границу, мы откроем огонь!

— Я тоже повторяю, — раздельно и громко произнес Арзу, — что люди решили или двигаться дальше на север, или умереть здесь у границы.

— Так умирайте!

— Неужели у вас, воинов, хватит совести стрелять в безоружных?

— не выдержал Чора, стоявший рядом с Али. — Мы с вами единоверные братья, у нас один Бог. Так для чего вам нужна наша кровь? Побойтесь Бога и отпустите нас.

— Куда?

— На родину.

— Теперь у вас нет родины! Теперь вы бездомные нищие! — офицер еле сдерживал гнев. — Трусы! Гяуры хозяйничают в ваших домах.

Причем вы сами пустили их туда. Кому вы нужны у русских? Царь гяуров жалует лишь своих единоверцев. Армяне и болгары, которых он приютил у себя, забрав от нас, не стремятся вернуться обратно к нам. Вы же, наоборот, не захотели жить у нас.

— Мы идем домой. Там наша родина. А законы ваши ничуть не лучше законов русского царя.

— Ты забыл о Боге, паршивец?

— Вы должны нас понять, — сказал молчавший до того молодой офицер. — Не в наших силах изменить что-либо. Тем более, что-то сделать для вас вопреки приказу. В любом случае вам не удастся перейти границу. Если не будем мы, то стрелять будут русские.

Мой совет: вернитесь и не доводите всех до греха. Вы же знаете, царь не оставит вас в покое. Отправит в Сибирь и превратит в христиан. Значит, вы лишитесь не только благ сего мира, но и милости Аллаха после смерти.

— Что ж, пусть наказывает нас Аллах, — раздался голос за спиной Арзу. — Но мы на все готовы, лишь бы вырваться из этого ада.

— Замолчи, свинья! — крикнул тощий офицер. — Почему вы не хотите стать в ряды нашей непобедимой армии? Горцы, пришедшие до вас, оказались гораздо благоразумнее. Кроме жалования вы будете получать бесплатное питание и хорошую одежду. А в объятиях женщин-гурий вообще забудете о всех своих несчастьях.

А разве плохи женщины у христиан? Они ведь отличаются особой красотой. Усмирите их мужчин, и эти женщины — ваши. А потом мы вместе освободим вашу родину от гяуров.

Спокойный Арзу, не скрывая, правда, презрительной улыбки, вынужден был терпеть сей полупьяный бред турецкого офицера.

Но горячий Чора не выдержал:

— Довольно! — крикнул он. — Мы уже от многих слышали эту песню!

Сперва ее пел нам! Нусрет-паша, затем Алхазов Муса-паша -

Хватит! Надоело! Что вы нам обещаете? Золотые горы? Но мы никогда не станем наемными убийцами. Мы не палачи. Мы умеем только защищаться. Защищать свою родную землю, свою свободу.

Порабощать других мы не желаем. "Поможем вам освободить вашу родину от гяуров". Где же вы раньше были? Разве нельзя было помочь нам тогда, когда мы защищали свои горы? Слава Богу, теперь узнали цену и вам.

Вы не только не способны помочь нам, вы сами нуждаетесь в помощи. Сейчас же мы хотим вернуться домой и жить в мире с христианами-русскими. Не мешайте, уйдите с нашего пути!

Арзу толкнул его в бок.

— Не затевай скандала. И не груби. Нужно все решить миром.

Чора отрицательно покачал головой.

— Разве не видишь, Арзу, что на мирный исход нет никаких надежд. Пощады от них не жди. Ты это знаешь лучше меня. Зря мы теряем время. Посмотри, войска, наготове, всадники обнажили сабли, а солдаты с горящими фитилями стоят около пушек. Так на что нам еще надеяться?

Али оторвал взгляд от брата и от трех офицеров, к которым было приковано все его внимание, посмотрел туда, куда Чора указывал пальцем, и понял: для многих его собратьев сегодняшний день станет последним. Понял и ужаснулся…

— Стойте! Остановитесь, поганые собаки! — во все горло орал тощий офицер, напрягая худую длинную шею.

Али обернулся.

Основная масса переселенцев уже успела подойти к ним. Людской поток походил на гигантского смертельно раненого зверя, стремившегося заползти в свою пещеру, чтобы в ней и умереть.

У людей запавшие глаза, высохшие лица. Лохмотья свисали с тощих плеч. Они еле брели, с трудом передвигая ноги, равнодушные к крикам турецких офицеров, к солдатам, к наведенным на них пушкам и вообще ко всему, что творилось вокруг. Они не в силах были остановиться, они просто шли…

Сейчас, глядя на них, не верилось, что несколько месяцев назад это были самые сильные, самые крепкие, самые выносливые и бесстрашные воины. Полуживые дети сидели на руках и спинах женщин.

Люди шли молча, словно несли на кладбище множество покойников сразу. Даже тощий офицер, на своем веку повидавший всякое и безжалостно расправлявшийся со многими непокорными, и тот застыл как вкопанный при виде переселенцев. Пистолет со взведенным курком в его руке опустился. Али посмотрел в сторону границы. Оттуда, держа штыки наперевес, четкими шагами к переселенцам двигалась турецкая пехота. Впереди каждой роты ехал конный офицер с оголенной шашкой. С флангов и позади пехоты располагалась кавалерия, по первому знаку готовая броситься на несчастных.

— Братья и сестры! — крикнул Арзу, повернувшись к толпе. — Вы видите наступающую на нас пехоту. Видите и кавалерию, готовую растоптать нас. Орудия уже наведены на нас! Последний раз спрашиваю: вернемся назад или пойдем вперед?

— Вперед, Арзу!

— Нет пути назад!

— Родина или смерть!

— Как быть с женщинами, детьми и больными? — Арзу старался перекрыть голос многочисленной толпы.

— Все ляжем здесь мертвыми!

— Газават!

— Не теряй времени, Арзу!

Арзу вскочил на коня, которого подвел ординарец. Его примеру последовали остальные командиры.

Турецкие офицеры, видя, что дело идет к схватке, огрели коней плетьми и ускакали к своим отрядам.

— Братья! — раздался теперь уже грозный голос Арзу. — Друзья мои! Сейчас мы сделаем несколько последних шагов, и турки откроют по нам огонь. Сотники! Готовьте свои группы к бою!

Пусть женщины и дети вместе с больными отойдут в безопасное место. Нас отвергли и люди, и Бог! Потому обратимся к нашим славным предкам, и как они, примем героическую смерть! Прочь белые флажки! Теперь это знаки беспомощности и трусости!

Касум! Подними красное знамя наших древних предков! Вперед, славные чеченцы!

И над головой Касума мгновенно появилось алое знамя, древнее чеченское национальное знамя. Раскачивая его над головой, Касум своим зычным голосом запел песню:

О братья, творите молитву.
С кинжалами ринемся в путь,
Ломай их о вражью грудь…
По трупам — бесстрашного путь.
Слава нам! Смерть врагу!
Аллах! Аллах! Аллах!

Через несколько минут около трехсот всадников стояли в боевом порядке и ждали приказа Арзу. Женщины и дети уходили в лес и овраг.

Али прикинул свои силы. Триста всадников. Истощенные люди на истощенных конях. С ружьями наперевес построилось более пятисот пеших воинов. Но и они больше похожи на привидения.

А на них готовы броситься сытые и крепкие пехотинцы и кавалеристы турецкого войска.

— Сотники! По-шоиповски вперед! Чора! С кавалерией…

Грохот пушек и одновременный треск ружейных выстрелов заглушили последние слова Арзу. Али увидел, как исказилось вдруг лицо брата, как он схватился за грудь. Увидел, как Чора резко откинулся назад, а потом медленно сполз с коня на землю…

Вновь услышав за несколько лет забытый грохот боя, конь Арзу сперва рванулся вперед, но тут же, почуяв беду с хозяином, остановился и громко заржал. Али соскочил со своего коня и подбежал к Арзу, успев подхватить падающего брата. Неожиданно рядом с ним появилась Эсет с обнаженным кинжалом в руке.

Они бережно сняли Арзу с седла и положили на землю.

А залпы турецких пушек продолжали сотрясать воздух. Всюду вокруг сеяли смерть снаряды и картечь. Со свистом летели турецкие пули. С обеих сторон слышались призывы:

— Аллах!

— Аллах!

Стоявшие в стороне старики продолжали петь боевую чеченскую песню:

…О братья, творите молитву.
С кинжалами ринемся в путь…

Но Али и Эсет не слышали и не видели происходившего вокруг них. Они сидели рядом на земле и бережно поддерживали смертельно раненного Арзу…

* * *

Через несколько дней после описанных событий Карпов представил Михаилу Николаевичу прошение переселенцев,

принесенное когда-то штабс-капитану Зеленому делегацией во главе с Арзу, и записку, в которой излагались подробности приграничного столкновения.

Михаил Николаевич вздохнул с притворным сочувствием и размашистым почерком наложил следующую резолюцию:

"Кровопролитие мне крайне прискорбно, сожалею, что не нашли возможным предупредить оное. Если бы возможно было мне следовать влечению моего сердца, я бы немедленно впустил несчастных чеченцев в наши пределы".

Затем, вызвав писаря, продиктовал ему рапорт для военного министра Милютина:

"Между тем, 17-го прошлого октября прибыли на нашу границу к Арпачаю, близ Александрополя, 200 душ чеченских переселенцев с просьбой о пропуске их обратно в наши пределы на каких бы то ни было условиях, а вслед за тем число прибывших к Арпачаю переселенцев возросло до 2600 человек.

… Узнав о движении чеченцев к нашей границе, эрзерумский вали послал Мусу Кундухова с кавалерией для отклонения переселенцев от предпринятого ими намерения, но Кундухов не смог остановить их. Хотя переселенцы эти находились в крайне бедственном положении, но имея в виду, что пропуск через границу даже нескольких семейств повлек бы за собой обратное движение к нам всей массы чеченских переселенцев, я приказал усилить пограничный надзор и притянуть к Арпачаю ближайшие части войск для воспрепятствования самовольному прорыву чеченцев в пределы империи. При первом известии о движении чеченских партий к нашим границам капитан Зеленый заявил эрзерумскому вали, что очищение нашей границы должно быть произведено в течение недельного срока. Вследствие этого заявления турецкие власти двинули войска для удаления чеченцев от Арпачая и только пушечными выстрелами заставили

чеченцев оставить нашу границу и направиться в Карсу под конвоем турецких войск".

ГЛАВА XIII. ЗАВЕЩАНИЕ АРЗУ

Удерживать в своей зависимости чужое племя, которое негодует на иноземное владычество, не давать независимости народу только потому, что это кажется полезным для военного могущества и политического влияния на другие страны, — это гнусно.

Н.Г. Чернышевский

День был сырой, пасмурный. Казалось, что сама природа страдает вместе с ним. Густой, вязкий туман выползал из оврагов и речных излучин. Еще недавно зеленые деревья поспешно сбрасывали с себя летний праздничный наряд. Глухо, словно откуда-то из-под земли, доносились предрассветные крики петухов и злобный лай невыспавшихся собак.

У природы свои законы, и она живет сообразно им, ежегодно удивляя нас последовательностью и постоянством. В определенное время ночь становится днем, в определенные сроки на смену осени приходит зима. Никто и ничто не в силах изменить этот порядок, который вот уже тысячи лет повторяется изо дня в день, из года в год. Вон и в той деревне, что лежит внизу, в самой долине, начинается жизнь нового дня. Одни еще объяты крепким сном, а другие уже полны трудовыми заботами. Наступает утро, и одним оно несет радость, другим — горе. День начинается смехом одних и слезами других. Одни добросовестно трудятся в поте лица своего, другие безжалостно отбирают плоды их труда. Только ночью, хоть на какое-то время, затихает эта страшная борьба. Но с наступлением дня она возобновляется с еще большим упорством и яростью.

Так было испокон веков. И кто может подсказать, как изменить столь жестокий характер жизни, заведенный самим же человеком?

Как бороться против им же посеянной несправедливости? Ответить на все эти вопросы Али пока не мог. Только в одном он был твердо убежден: несчастье одних всегда является счастьем для других…

Сюда, под искалеченное человеческой рукой ореховое дерево на склоне горы, они пришли ночью и расположились на поляне, которую кто-то очищал от камней. Камни были сложены в кучи, но меньше их на земле и в почве не стало.

Вчера, на закате дня, Арзу потерял сознание. Али и Эсет просидели около него всю ночь, не смыкая глаз. Али облегчал страдания брата, как только мог. Разорвал последнюю рубашку и ее полосками перевязывал рану. Черкеску постелил на толстый слой листьев, собранных Эсет, а под голову ему положил свою папаху. Так и провел он эту ночь полураздетый, склонившись над братом, прислушиваясь к его тяжелому и хриплому дыханию. Нос Арзу заострился, лицо побледнело и приобрело желто-зеленый оттенок, бескровные губы растрескались, вокруг рта появилась частая мелкая сыпь. Ночью было довольно холодно, но Али этого даже не ощутил. Горе своей огромной тяжестью придавило его, и ему временами казалось, что умирает не Арзу, а он сам.

Али, прижимая к груди отяжелевшую голову брата, тихо шептал молитвы. В нескольких шагах от них, покрытый старой буркой, лежал уже застывший труп Чоры. Из его рваных лаптей выглядывали черные потрескавшиеся пальцы ног.

"Неужели Арзу вот так и умрет?" — с ужасом подумал Али, и ему опять стало невыносимо жарко в груди. Мысли его то и дело путались. Он ни о чем не мог думать. Только об Арзу. Хорошо, что он вместе с братом отправился в Турцию. Он уже тогда словно предчувствовал, что должно произойти что-то страшное.

И на протяжении всего их совместного пути это чувство ни на миг не покидало его, и он постоянно молил Бога об одном:

отвратить от брата надвигающуюся на него беду. Но молитвы не помогли, и свершилось то, чего больше всего боялся Али: Арзу умирал. Как? Как помочь ему? Если бы было возможно, Али не задумываясь отдал бы ему свою жизнь, а сам бы вместо него умер. Как же это все-таки страшно: умирает самый близкий тебе человек, и ты ничего не можешь для него сделать.

Эсет тоже сидела у изголовья умирающего, прикладывала мокрую тряпку к его горячему лбу, смачивала его пылающие губы.

— Арзу, родной мой, — шептала она, заглядывая в лицо с таким трудом обретенного и так страшно уходящего от нее мужа. — Не бросай меня. Не оставляй меня снова одну. Ты должен жить.

Пусть лучше умру я, коли уж Богу так угодно, чтобы один из нас обязательно умер… "Всемогущий Аллах, будь милосерден, пощади моего мужа ради нашего будущего ребенка…"

Неподалеку послышались удары кирки и мотыги о камни. Это начали копать могилу для Чоры. На рассвете Касум и Мачиг спустились в армянское село и доставили оттуда все необходимое.

Вместе с ними пришли местные крестьяне. Кто нес носилки, кто лопату, кто мотыгу. Принесли воду и еду. И как ни уговаривал их Касум. как ни протестовал, убеждая, что им ничего не нужно, что они справятся и сами, крестьяне не захотели его даже слушать.

— Не мешай им, — сказал тогда Мачиг, — они хотят помочь нам в нашем горе от чистого сердца.

Крестьяне кивали головами, мол, правильно говорит старик, и молча двинулись за ними к поляне. Изъяснялись мимикой и жестами. Старый армянин пояснил, что мертвого они похоронят, а вот раненого заберут в свое село и найдут ему табиба[104]. Он поднял палец вверх, показывая, что, мол, дождь пойдет, туман осядет.

Двое крестьян остались помочь рыть могилу для Чоры, а четверо ушли в сторону ущелья. Там их помощь, возможно, требовалась больше. Но только они успели скрыться за ближайшими деревьями, как появились новые люди. Али поднялся им навстречу.

— Баркалла, совбол, — говорил он, путая чеченские и кумыкские слова, растроганный до глубины души. — Могилу уже копают. А раненого мы у вас оставим. Баркалла…

Слышался плач, разноголосые причитания:

— Вай, лми![105]

— Вай, мэ![106]

— Вай, худай![107]

— Вай, дада![108]

Казалось, люди самых разных национальностей, живущие здесь на холмах и в низинах, переживают одно большое, общее для всех горе. Тяжелая рана брата лишила Али всего — и мужества, и физических сил, и даже разума. Он смотрел вокруг безумными глазами. Дома он бы достал лекарств, лечил бы брата травами.

Чеченские горы и леса были его родным домом, в котором он знал все, что есть, и нашел бы то, что ему нужно.

Арзу застонал и вновь начал бредить, как бредил всю ночь. И так же, как ночью, вновь звал Маккала, Берса, Солта-Мурада, Умму, Атаби, Шоипа. Ругал Мусу, Сайдуллу и Эмин-пашу.

К полудню жар несколько спал, а дыхание стало более ровным.

Неожиданно Арзу открыл глаза и попросил пить. Али поднес к его пересохшим, растрескавшимся губам бурдючок, заполненный холодной ключевой водой. Арзу выпил его до дна и долго выжидающе смотрел в глаза Али. Казалось, он молча просил рассказать о всех событиях вчерашнего дня. Но Али молчал. Брат не должен был знать тех страшных подробностей. И потому Али даже сидел так, чтобы Арзу не увидел мертвого Чору, своего ровесника, своего друга детства, своего боевого товарища, с которым он до самой последней минуты делил горе, радость и надежды. Конечно, скрыть совсем его смерть было невозможно, но Али стремился оттянуть тяжелую для брата минуту.

— Чора уже ушел? — спросил вдруг Арзу.

Али растерялся.

— Не скрывай, Али. Сердце подсказывает мне, что его уже нет в живых… И он еще не похоронен… Я чувствую его где-то рядом с собой…

Али продолжал молчать.

— Не пытайся утаить от меня правду, Али… Я же по твоему лицу вижу, что произошло. Ты за меня не бойся… Мы столько вынесли на своих плечах, столько пережили, что нас теперь ничто уже не может ни потрясти, ни привести в отчаяние… А вот тебе сегодня предстоит тяжкое испытание… Но ты будь мужественным… Когда силы начнут покидать меня… я сделаю завещание… Чора… Вы еще не похоронили его?

Сдерживая рыдания, Али покачал головой. — Еще нет…

— Что стало… — последние слова Арзу прошептал неразборчиво.

— С кем?

— С людьми…

И Али не мог в эту минуту обмануть брата, не рассказать ему всю правду. Иного выхода у него не было.

— Турки открыли очень сильный огонь. Большинство наших погибло. Из оставшихся в живых одни успели разбежаться по лесам, других тут же окружили и под конвоем повели обратно.

Убежавших ищут. Турецкие солдаты прочесывают вокруг и леса, и горы.

Арзу тяжело и протяжно застонал:

— Я это предвидел… Пушки… против женщин… детей… Мы не могли пробиться… Но я сделал… что просили люди… Убито много?

— Да. Но сколько, точно не знаю… Часть людей скрылась, унося с собой убитых и раненых…

— Лучше было сразу умереть… раз нам не суждено вернуться домой… Али, помоги мне взглянуть на него… Прежде чем уйти из этого несправедливого мира.

— О ком ты? — встрепенулся Али.

— Хочу увидеть Чору… Позови… Мачига и Касума…

Оставшись с мужем наедине, Эсет глухо застонала, зарыдала и прильнула лицом к его груди.

— Арзу… Арзу… — только и вскрикивала она, покрывая его лицо неистовыми поцелуями…

— Коротким оказалось… наше счастье, Эсет… — тихо прошептал Арзу. — Ты вернешься домой… Ты молода… Может, еще найдешь…

— Нет! Нет! Не говори так, — задыхаясь от слез, кричала Эсет.-
Это ты должен жить… Ради меня… Ради… нашего ребенка…

— Неужели? Эсет…

— Да… да… дорогой мой… — Эсет улыбнулась сквозь слезы вымученной улыбкой и горячо поцеловала мужа в губы. — У тебя будет сын… Я уверена…

— Сын… — повторил Арзу, и глаза его влажно блеснули.

Вернулись Али, Мачиг и Касум. Втроем они поднесли поближе к Арзу мертвого Чору. Арзу попросил помочь ему приподняться. Али опустился на колени, поддерживая брата за плечи. Арзу протянул руку и коснулся пальцами холодного лица своего друга.

— Чора, что же ты так… покинул меня… Смерть сильнее?
Двадцать лет мы боролись с ней… и побеждали… И пришел ее черед… почувствовала нашу беспомощность… не на поле брани… Прости, мой верный друг… ты погиб из-за меня…
Как я уговаривал тебя не ехать со мной, но ты не послушался…
Прости… Ты ушел раньше. Но не долго мы будем в разлуке…

Арзу уложили. Мачиг стал утешать его:

— Не отчаивайся, Арзу. Аллах милостив. На моем теле нет живого места. Одни шрамы. А все-таки видишь, я еще живу. И ты будешь жить. Твои же слова терзают сердце брата.

— Али не первый, кто лишается брата…

— Али страшно терять единственного…

Губы Арзу тронула чуть заметная улыбка.

— Не утешай, Мачиг… Конечно, прощаться с близкими тяжело…
Тебя постигло это несчастье. И никто его не сможет избежать…
Не все ведь умирают в один день сразу. Самый несчастный покинет этот мир последним. Жребий же пал на тебя, Али… Но ты не падай духом… Если бы мы раскисали перед трудностями и потерями, то давно вымерли бы все… Теперь слушай меня внимательно…

Он замолчал, переводя дыхание и собираясь с мыслями.

— Али, — снова обратился он к брату.

— Отдохни немного, — отозвался Али.

— Отдыхать мне уже некогда, — тяжело вздохнул Арзу. — Ты последний в нашем роду, кто остался в живых. Удел незавидный.
Одна теперь надежда на Умара и Усмана. Я хочу верить, что они продолжат наш род, а тебе будут утехой. Как бы трудно тебе ни пришлось, будь мужественным и стойким. Не сворачивай с пути, указанного нашими предками, не склоняйся ни перед кем, сойди в могилу с гордо поднятой головой. Если упадешь, то встань и вновь продолжай идти вперед. Никогда не проси у врага пощады и не мирись с участью раба. Не теряй надежду на свободу. Приди ко мне и к своим предкам, сохранив мужество, смелость и силу воли. Теперь же постарайся вернуться домой к Айзе и сыновьям.

Огонь в нашем очаге не должен гаснуть. Помни, Чора погиб из-за твоего брата, а потому замени его детям их отца. Любыми путями ты обязан возвратиться домой.

Холодный ветер, подувший с севера, разогнал туман, и в его разрывах на противоположном склоне стали видны курдские шатры.

Стада овец паслись вокруг. Снизу, из ущелья, ветер доносил теперь стук топоров и кирок.

Касум взял кувшин, собираясь спуститься к роднику.

Арзу удержал его.

— Подожди, Касум, — попросил он. — Дальнейшая часть моего завещания касается вас троих. Война, которая началась, когда наши деды были еще молоды, не кончилась. Она продолжается. И будет продолжаться до тех пор, пока русский падишах не вернет нам отобранные у нас земли и свободу. Я впервые серьезно задумался над пройденным и понял, что мы были слепы. Во всех наших бедах и несчастьях всегда обвиняли христиан, в первую очередь — русских. Муллы убеждали нас, что война, которую мы ведем, это война правоверных с неверными и звали нас к газавату. И мы верили, что поднялись на газават. Но мы обманывали себя. Скажи, Касум, разве в душе хотелось тебе ценой своей жизни заслужить себе рай? Ведь каждый мечтал умереть естественной смертью у себя дома, среди родных и близких. Но царь насылал на нашу страну своих солдат, и мы вынуждены были вставать на защиту своей жизни, своей семьи, своей родины… Никакого газавата в том не было…

Касум слушал, захватив ладонью подбородок. Когда же Арзу прервал свою речь, чтобы отдышаться, он воскликнул:

— Ты правду говоришь, Арзу! Газават! Кому он был нужен? Кто о нем думал? Ни один чеченец не ворвался в страну христиан ради газавата и не унес ни одной человеческой жизни. Не приди царская власть на нашу землю, не было бы войны. Я имел родителей, трех братьев и взрослого сына. Никого теперь из них нет. Все погибли. И я никогда не смогу забыть свою мать, которая сгорела вместе с домом,

когда конники Баклан-инарлы[109] жгли наш аул. Отец и братья погибли раньше. Спрятавшиеся в лесу аульчане рассказали мне, что моя старая мать отказалась покинуть дом, и они были вынуждены оставить ее в горящем ауле.

Я помчался в аул, кишевший солдатами, бросился в горящий дом.

Мать каталась по полу в пылающей одежде. Я схватил ее на руки и вынес во двор. Сорвал с нее горящее платье, а огонь добрался до ее седых волос. В этот момент ко мне подскочили два казака.

"Касум, родной, оставь меня, спасайся сам!" — закричала мать.

Уложив одного казака выстрелом из пистолета, я оглянулся на мать. Пламя безжалостно жгло ее седую голову. Из моей груди вырвался звериный рев. Я бросился к ней. Воспользовавшись этим, второй казак взмахнул надо мной саблей. Я вовремя подставил свое ружье. Лезвие скользнуло по стволу и рассекло щеку. Казак замахнулся снова, и на этот раз я не мог отразить удар. Кровь залила мне лицо. Но и казак вдруг выронил саблю и, схватившись за голову, опрокинулся на круп лошади, которая унесла его прочь. Казака сразил мой сын Лечи. Мой единственный сын спас меня от смерти, а сам погиб. Такова история вот этой раны, навсегда обезобразившей мое лицо. Каждый раз, когда пальцы касаются шрама, я вспоминаю тот страшный день. Я остался в живых и думал, что большего горя мне не дано увидеть. Но оно ждало меня впереди. Здесь я похоронил и жену, и детей.

Касум еще ниже склонил голову. Изуродованная щека его задергалась.

— Так разве газават толкнул меня в горящий дом? — продолжал он. — Нет, я спасал жизнь своей матери! А мой сын? Разве он думал о газавате, когда прискакал следом за мной в аул? Нет, он спешил на помощь отцу. О каком газавате мог я подумать в тот день? Да я забыл не только про тот, но и про этот свет, а если говорить откровенно, то и самого Аллаха, да простит он меня. Нет, ни дед, ни отец, ни братья, ни сын, никто из нас не стал бы проливать кровь христиан ради газавата! Прости, Арзу, речь моя затянулась.

— Спасибо, Касум. Ты высказал все то, на что у меня уже не хватило сил. Мы ошибались, думая, что все без исключения

мусульмане — наши друзья, а все иноверцы — враги. В прошлую зиму около Шали на поле Убитого Быка нам устроили бойню. И тогда в безоружных людей, что шли в крепость с прошением, тоже стреляли. Но среди русских солдат, стрелявших в безоружных мужчин и женщин, были не только христиане. Рядом с Туманом[110] стояли и чеченские офицеры, и муллы, готовые исполнить любой его приказ. И вчера нас расстреливали из пушек и ружей те же… мусульмане… Жестокие и вероломные люди есть среди любого народа. Маккал и Берс правильно говорили, что несправедливость исходит от немногих людей. Разве не стонут под гнетом богатых здешние турки, курды, армяне и другие? И я верю, что время свершит справедливый суд над угнетателями.

Но вы вернитесь домой. Обязательно вернитесь. Не знаю, перейдут ли на нашу сторону русские и грузинские бедняки, как уверяли Берс и Маккал. Должны перейти, ибо нас всех давят одни и те же враги. Но если ты, Али, брат мой, если ты останешься жив и не отомстишь нашим врагам за все наши страдания, знай:

я прокляну тебя. "Свобода или смерть" всегда было завещанием наших отцов. Теперь это и мое завещание. Передай его и своим детям, Али. А теперь накрой мне чем-нибудь ноги, что-то сильно морозит. Хотя я знаю, к чему это… Но, не падай духом. И ты тоже, Эсет… Вам еще придется и не такое увидеть…

Похороните нас с Чорой… вместе… в одной могиле… В моих газырях… спрятана горсть… родной земли… Подсыпь ее… под наши головы… Передай… Маккалу… Берсу…

Взгляд Арзу остановился на Эсет, и лицо умирающего исказилось острой болью. Он рванулся, как от судороги, но тут же вытянулся и затих…

— Арзу! — закричал Али. — Арзу!

Он тряс брата, отказываясь верить случившемуся.

— Арзу! Брат!

"Нет даже муллы, чтобы прочитать ясин, — подумал Мачиг. — Это погибшим в газавате не обязательно, чтобы муллы отпевали их.

Мункар и Накир их не станут допрашивать в могиле. Тот, кто умер в газавате, придет прямо в рай, райские гурии встретят его… Неплохое утешение тому, кому еще предстоит умереть. Но как быть тому, кто пал не от руки гяура? — сомневался Мачиг.

И какая, собственно, разница между мусульманскими и христианскими солдатами, если и те и другие одинаково проливали нашу кровь и не щадили нас? Нет, не стоит сомневаться в том, что наши братья и сестры, павшие здесь, приняли газават. Они погибли вдали от родины, и Аллах зачтет им это".

Но на всякий случай Мачиг все же придвинулся к изголовью покойника и шепотом стал читать те несколько коротких сур из Корана, которые когда-то заучил наизусть…

Мачиг не слышал криков Али, не видел вздрагивающих худых плеч Эсет и скупых слез, скатывавшихся из единственного глаза Касума. Мачиг сделался безучастным ко всему, что творилось сейчас на земле. Он читал все новые и новые суры, словно отпевать покойников стало теперь для него обычным делом…

* * *

Эсет, больше не сдерживая себя, громко рыдала. Али, сжавшись, молча прижимал к груди седую голову брата. Ему бы заплакать и выплеснуть разом все горе, накопившееся за долгие годы. Но он не мог… Слез не было, а крик застревал в перехваченном болью горле. Побелевшие губы его мало чем отличались сейчас от губ мертвого Арзу. Али снял свою шапку и, словно боясь разбудить спящего, осторожно опустил на нее голову брата.

Ласково и нежно повел ладонью по его лицу, ощупывая пальцами теперь уже безжизненные глаза, лоб, щеки…

"Зачем мне жить на свете? — клубком кружились в голове мысли,

— не лучше ли самоубийством положить конец этой проклятой жизни?"

Али провел рукой по пояснице. Там было пусто.

"Даже нечем убить себя. А куда же делось мое оружие? Да, мы же отдали его женщинам, когда в роли послов шли к единоверным братьям… Но, говорят, что нет большего греха, как самоубийство. И нет такому надежды на рай. Совершить такой поступок может человек, который отрекся от веры, Вера!

Благочестие. Где они? Кто разбирается в этом мире в правде и несправедливости, в праве и бесправии, в чести и бесчестии?

Хватит, пережитого мной на этом свете достаточно, чтобы простить мои грехи. Не нужна мне жизнь без Арзу. Жизнь? Да разве я жил? Я ходил по земле, переживал все горести. Но как умереть? Может, спрыгнуть вон с той высокой скалы?.."

Али направился прямо на скалу. Он шел, не видя перед собой ничего, устремив глаза на скалу. То спотыкаясь в ухабах, то цепляясь за колючие кусты. Оставшиеся товарищи смотрели вслед Али, стараясь не мешать ему уединиться со своим горем. Но можно было поклясться на Коране, что о том, что задумал Али покончить жизнь самоубийством, что вот-вот он кинется вниз со скалы, — об этом не могло быть и речи. Самоубийство у чеченцев случалось раз в сто-двести лет. К тому же на такой шаг мог пойти только трус или безвольный человек, не щадящий не только свое имя, но и честь семьи, рода, селения, в котором он жил.

Ведь столетиями нельзя смыть этот позор…

Али поднимался по крутому склону горы. С каждым шагом перед ним вставали черные дни ушедших суровых лет. Детство. Рассказы стариков. Огненные годы. Сабли, штыки, молниями сверкающие под лучами солнца. Горящие аулы, стянутое черным дымом небо.

Крики, вопли женщин и детей. Вой собак, рев скота. Новые и новые сотни, тысячи могильных холмов. Лес надмогильных шестов.

Трупы, кровь, кровь ручьями. Голод, болезни. Жестокость царских властей. Пять тысяч семейств, которые переселились в Турцию, надеясь найти здесь хотя бы немножко мира, хотя бы естественную смерть. Этот турецкий ад…

Перед ним снова и снова проходили картины ужасов той жизни, в которой он продолжал жить. Вспомнились родные, друзья, ровесники,

боевые товарищи. Истребленные войной женщины и дети. Словно призраки. И они же упрекали его в минутной слабости.

"Почему думаешь, что ты останешься одиноким после смерти брата? — словно кто-то спрашивал Али откуда-то издалека. — Кто в этом мире одинок? Мужественный, благородный, честный человек не бывает одиноким. Все подобные ему люди — его братья и сестры. А одинок трусливый, вероломный, бесчестный человек, даже если он брат семи братьев. Понял ты, Али, вернись!"

"У тебя не хватило мужества отомстить за нас, — слышался ему плач женщин и детей. — Поэтому ты идешь на самоубийство. Легко умереть, спрыгнув со скалы. А мстить врагам, пройти до конца по пути борьбы требуется мужество. Трус! Трус!"

"Посмотри на нас, как мы приняли смерть! — показывали ему свои изуродованные ранами тела давно погибшие его боевые товарищи и седые воины. — Или забыл, как мы погибали?"

"Нет, это не мой сын, — где-то в облаках показался, затем, отмахиваясь руками, скрылся призрак его отца. — От моей крови не может родиться трусливый, жалкий сын…"

"Али, мой маленький Али, куда ты идешь? — преграждал ему путь призрак матери. — Разве не видишь ты своих сестер, преждевременно унесенных в эти страшные годы? Не видишь меня, убитую боязнью за ваши жизни. Если ты исполнишь задуманное, я прокляну свою грудь, которой вскормила тебя. Вернись, Али, вернись назад!"

"Когда меня привезли домой мертвым, мне не было и двадцати лет. Тебе же тридцать четыре. Ты испугался, бежишь к смерти?

Нет, Али, ты не брат мне…" — сказал на миг показавшийся окровавленный Леми.

"Ты не пережил даже тысячную долю пережитого мной! — воспротивился ему Али. — Ты воевал только четыре года, а я шестнадцать лет. Ты умер от второй раны, а на моем теле их девять. Ты погиб вслед за отцом, а я пережил горечь смерти всех вас. Я же

ведь всего лишь человек, нет у меня сил дальше терпеть, я с ума схожу…"

"Стой, куда ты идешь? — услышал он властный голос Арзу. — Как быстро ты забыл мое завещание! Как быстро ты сдался. Если я сказал тебе: "Свобода или смерть", это не значит, что если у тебя не хватило сил и мужества бороться за свободу, так ты должен умереть, сбросившись со скалы. А значит, что ты должен умереть как мужчина, с оружием в руках, в борьбе за свободу.

Слышишь, Али? Свобода или смерть! Разве я не говорил тебе, что нет тебе моего братского позволения встать передо мной, не отомстив тем, кто повинен в наших страданиях? А ты… спешишь за мной, даже не предав меня земле…"

Али вдруг очнулся от этого безумного забытья, посмотрел вниз, где на небольшом холме жители копали могилы. Рядами лежали на осенней холодной земле трупы убитых мужчин, женщин, стариков и детей. Возле них хлопотали в разноцветных одеждах турки, армяне, курды, грузины. Последние скромные почести. Дань уважения мертвым от совершенно чужих людей. Ни один Али был убит горем в этот день, как говорил Арзу: не он первый, не он последний. Теперь он сам ужаснулся от своих мыслей. Сделай он еще несколько шагов — и от него не осталось бы ничего. Он, Али, который тысячу раз видел светопреставления, чуть было не сбросился со скалы! Да что же он придумал? Неужели забыл, что у человека-самоубийцы нет имени…

— Арзу! Я возвращаюсь! — крикнул он, сбегая вниз. — Свобода или смерть.

Али спустился вниз. У подножия скалы наткнулся на труп женщины. Она лежала, скорчившись, придерживая мертвой рукой окровавленную грудь. Над ней роем кружились большие зеленые мухи. Али почудился сзади чей-то тонкий вскрик. Он оглянулся.

К нему, протянув тонкие ручонки, спотыкаясь, бежала маленькая худенькая девочка. Она кинулась к Али, обхватив его ноги. Али погладил грязные, взлохмаченные волосы девочки, затем подошел к мертвой женщине и закрыл старой шалью ее лицо с застывшими в ужасе глазами.

— Нет, мне умирать еще нельзя. Рано! — прошептал он. — Надо жить, и жить долго, чтобы сполна отомстить всем тем, кто сделал нас бездомными изгнанниками, нищими и сиротами. Тем, кто в чужой стране лишил эту беспомощную девочку ее матери.

"Свобода или смерть!"

Али поднял охваченного ужасом ребенка на руки и твердым шагом направился к своим…

А тем временем по ту сторону границы Великий князь Михаил Николаевич писал очередное донесение своему царственному брату Александру II:

"…В настоящее время все эти переселенцы уже проследовали обратно через Саганлуг, за исключение 180 семейств самых бедных и больных, не имеющих возможности продолжать движение до наступления теплого времени и поэтому оставленных на зиму с согласия нашего комиссара в Карском и Олътынском пашалыках.

Одновременно с посылкой войск для возвращения переселенцев от нашей границы турецкие власти, вследствие упомянутых грабежей и своеволия переселенцев, решились приступить к обезоружению их…

…Одновременно с известиями о событиях в Муше и близ нашей границы помощником моим было получено письмо по этому же предмету от генерал-адъютанта Игнатьева, из которого видно, что Порта крайне обеспокоена этими событиями, что к Мушу и Эрзеруму отовсюду стянуты войска, даже из столицы, и что для устранения вредного влияния Кундухова на переселенцев он уже вызван в Константинополь, оттуда получит дальнейшее назначение. И, наконец, что по случаю такого неудачного исхода последнего переселения Порта не считает возможным согласиться на новое переселение в Турцию в будущем году массами чеченцев или каких-либо других кавказских горцев…

Главнокомандующий Кавказской армии

генерал-фельдцехмейстер Михаил".

И Тарам написал своим землякам в Чечню о трагедии, разыгравшейся по ту сторону границы:

"…Мы возвращались из Муша по причине близости зимы и потому, что в Муше умерла уже одна треть наших людей. Мы направлялись к пределам владений царя Московского. Тут турецкие войска вышли нам навстречу, и погибло приблизительно по тридцать человек с обеих сторон. Когда же навстречу вышел Аскер-паша, то он и обезоружил нас у Муша и Гасан-Капы под предлогом, что нас будто бы боятся жители. Если бы от нас требовали оружие там, где религия позволяла бы нам сражаться, то мы бы его не отдали до тех пор, пока не погибли бы все. Теперь же мы расселялись по самым разным местам. Это — Диарбекир, Чабакчур, Муш, Гасан-Кала, Арзурум…"

* * *

Шесть лет спустя, возвратившись на родину, Маккал рассказывал своим товарищам:

— Вскоре после нашего прибытия в Турцию весь скот погиб от недостатка кормов, имущество распродали, чтобы дети не умерли с голода. На протяжении первых четырех лет турецкое правительство еще давало нам муку, иногда рис, но в крайне недостаточных количествах, а в последующие годы они лишили нас и этого. Голод, эпидемии, непривычный нам климат косили людей, как траву… Из чеченцев, по распоряжению турецкого правительства, сформировали в Диарбекире конный полк в тысячу человек. Полковым командиром был назначен Шамхал-бек Цугов, племянник Алихана Цугова, бывшего орстхоевского старшины. При подавлении вспыхнувшего в то время в Аравии возмущения участвовал и Диарбекирский чеченский полк…

…Наконец-то и Оттоманской Порте все же удалось хоть в какой-то мере осуществить свои честолюбивые мечты!..

Конец первой книги.

Мескеты — Москва — Мескеты
1962 — 1970

Ожившие страницы истории

Эльбрус Минкаилов

В истории каждой национальной литературы есть периоды, в которые те или иные жанры, в силу различных обстоятельств, выходят на первый план. В чеченской литературе 60-70-х годов прошлого века таким жанром стал исторический роман. Чеченцы, возвратившиеся на родину из тринадцатилетней ссылки, начинавшие новую жизнь, были крайне заинтересованы в знании своей истории, ее наиболее драматичных страниц. Поэтому естественно, что писатели старшего поколения обратились к историческому роману. Саид-Бей Арсанов в своем романе "Когда познается дружба" начал художественное исследование жизни чеченского народа конца XIX — начала XX века, но роман остался незаконченным. Халид Ошаев в своей трилогии "Пламенные годы" охватил события, имевшие место с 40-х годов XIX века до завершения Гражданской войны, на судьбах представителей четырех поколений рода Шапиевых показал процесс продвижения чеченского народа от противостояния России до совместной с другими народами борьбы за новую жизнь. Магомет Мамакаев в своих романах "Зелимхан" и "Мюрид революции" дал широкую панораму жизни чеченского народа первых двух десятилетий XX века, создал образы героев двух типов — героя-одиночки абрека Зелимхана и руководителя революционной борьбы чеченского народа Асланбека Шерипова. Все эти обозначенные произведения, несомненно, явились значительными художественными достижениями для литературы тех лет, но, написанные в рамках жестких идеологических доктрин того времени, не содержали и не могли содержать ответы на многие вопросы.

Для писателей старшего поколения, к которым относятся С.Арсанов, Х.Ошаев, М.Мамакаев, важно было показать, что чеченцы — это такой же народ, как и другие народы нашей страны, что он испытывал гнет царизма, что в революционной борьбе участвовали и отдали свои жизни за светлое будущее лучшие представители нашего народа. Конечно, в последнее время отношение к революции 1917

года, к ее значению, изменилось радикальным образом, но именно к этой мысли подводили, да и не могли не подводить все названные выше исторические романы, написанные в соответствии с требованиями метода социалистического реализма.

Абузар Айдамиров является представителем нового поколения чеченских писателей, того поколения, чье детство было омрачено ссылкой, которое росло вдали от родины, перед которым ежедневно вставал вопрос о своей вине, о вине своего народа — за что, почему он репрессирован? Это поколение выросло с обостренным восприятием всего того, что относится к Чечне, чеченскому народу, к его языку, которого они не изучали, истории, которую они не знали, культуры, которой их лишили.

Именно это привело в литературу конца 50-х — начала 60-х годов прошлого столетия и Абузара Айдамирова, а также Шайхи Арсанукаева, Ямлихана Хасбулатова, Шиму Окуева, Хусейна Сатуева, Мусбека Кибиева и многих других.

Абузар Айдамиров родился в 1933 году в селе Мескеты Ножай-Юртовского района. Его детство закончилось в феврале 1944 года, в тот холодный зимний день, когда он вместе со всем народом отправился в далекий Казахстан, безвинный, но с клеймом изменника Родины, врага народа. На его еще слабые плечи легли тяжелые испытания, которые он мужественно, с упорством и постоянством преодолевал, работая, учась. Ему пришлось побыть учетчиком полеводческой бригады, школьным библиотекарем. Возвращение помешало закончить Пишкекский сельскохозяйственный техникум, в котором он обучался, но не работа бухгалтера отвечала его духовным запросам. С 1 сентября 1957 года он начинает новую страницу своей биографии, став учителем в Мескетинской школе. В 1958 — 63 годах он заканчивает заочное отделение историко-филологического факультета ЧИГПИ, вскоре становится директором школы и многие годы совмещает тяжелый труд учителя и писателя. Он стал поистине народным учителем и народным писателем, даже если бы не получил эти звания официально.

Творческий путь Абузара Айдамирова начался в 1956 году, когда он отнес свои первые произведения в редакцию газеты "Знамя труда", которая начала издаваться в Алма-Ате с 1956 года.

Именно вокруг этой газеты начали собираться чудом уцелевшие в годы репрессий писатели старшего поколения, которые прошли все муки ада сталинских лагерей — Х. Ошаев, М. Мамакаев, А. Мамакаев, С. Арсанов, а также представители нового поколения, к которому принадлежал и сам А. Айдамиров.

Его первые стихотворения и рассказы мало чем отличались от подобных произведений других авторов того времени и по содержанию, и по форме. В рассказе "Письмо" ("Дружба", 1959. № 2, 3) молодой писатель создал образы двух молодых людей, Солты и Дадаш, счастью которых помешала сначала война, а затем ссылка. В стихотворениях тех лет преобладает тема родного края, в те годы характерная для поэзии всех репрессированных кавказских народов. В эти же годы он пишет целый ряд прекрасных лирических стихотворений, на слова некоторых из них позднее были созданы песни ("Тебе", "Говорил, быть желая с тобою счастливым" и другие).

Плодотворными для писателя стали 60-е годы. Одна за другой выходят его книги "Сердце матери" (1961), "В родных горах" (1962), "Свет в горах" (1963), "Подвиги Генарсолты" (1965), "В нашем ауле" (1966), "Именем свободы" (1968). Его стихотворения, рассказы, повести становятся известны широкому кругу читателей. Но всенародное признание писателю принесли не эти произведения, а историческая проза.

Впервые к исторической теме Абузар Айдамиров обратился в повести "Именем свободы", которая вышла в свет в 1963 году в сборнике "Свет в горах". Именно в ней находится исток всех последующих исторических романов писателя.

Герой повести Али — участник кавказской войны, а также последнего массового выступления горцев за независимость под руководствам Алибека в 1877-78 годах, возвращается в родной аул после двадцатипятилетней каторги. Вокруг Али собираются те здоровые силы общества, которые стали на путь борьбы, для которых

он становится учителем и наставником, связующим звеном с центрами революционного движения на Кавказе. Али погибает во время боевых действий в период первой русской революции 1905–1907 годов. Таким образом, писатель попытался охватить наиболее важные события в жизни Чечни и России почти пятидесятилетнего периода, но дать их развернутую картину в одной небольшой повести было невозможно. Это проявилось и в значительно расширенном варианте этой повести — одноименном романе, изданном в 1968 году. Осознавая это, Абузар Айдамиров приступил к трилогии "Долгие ночи", над которой проработал более тридцати лет. В нее вошли романы "Долгие ночи" (1972), "Молния в горах" (1989) и "Буря" (1999).

Пожалуй, во всей истории чеченской литературы нет такого произведения, которое имело бы такой успех у читателей, как роман "Долгие ночи". 5000 экземпляров книги разошлись в считанные дни, о нем говорили, спорили. Десятки и сотни людей специально научились читать по-чеченски, чтобы только прочитать этот роман. И такой интерес к нему проявлялся вплоть до событий последних лет. В чем же была причина такого успеха?

Несомненно, одной из важных причин этого являлось то, что Абузар Айдамиров несколько раздвинул временные рамки своего романа, обратился к событиям, о которых до него не было написано. Кавказская война, изображенная в романе ретроспективно, через воспоминания ее участников, массовое переселение горцев в Турцию в 1865 году — эти темы в чеченской литературе до него оставались почти не тронутыми. Тема мухаджирства привлекала к себе внимание кавказских писателей и до А. Айдамирова, и после него — достаточно вспомнить такие произведения, как очерк "Горцы — переселенцы" Инала Канукова, романы "Из тьмы веков" Идриса Базоркина, "Последний из ушедших" Баграта Шинкубы, повесть Михаила Лохвицкого "Громовый гул" и другие. Абузар Айдамиров заполнил этот пробел в чеченской литературе своим романом, что и обусловило его успех.

Как мы уже отмечали выше, все три романа Абузара Айдамирова вытекают из повести "Именем свободы". Темы, пунктирно намеченные

в ней, были развернуты писателем в широкую панораму в новых произведениях.

В романе "Долгие ночи" основные события разворачиваются в 60-е годы прошлого века. События, происходившие в то время на Кавказе, писатель рассматривает в контексте европейской и мировой истории, что обусловило появление в романе не только образов вымышленных героев, типичных представителей чеченского народа, но и десятков реальных людей, исторических деятелей, от Шамиля и его наибов до русского царя и его генералов, вплоть до Маркса, руководившего зарождавшимся тогда коммунистическим движением. Но читателю запомнились и пришлись по душе не эти герои, а Телхиг, Юсуп-хаджи, Бойсангур и им подобные, так как о них многие ничего не знали. В истории чеченского народа не хватало личностей, фигурировало лишь несколько фольклорных героев — Адиев Сурхо, Таймиев Бейбулат и некоторые другие. На страницах романа "Долгие ночи" ожили новые герои, о которых в свое время знали во всей Европе, военачальники и мыслители. Писатель вложил в их руки оружие, а в уста — речь, вернул их народу, тем самым обессмертив в памяти народной. Приученный советской пропагандой и массовой культурой к мысли о том, что "в каком году б с тобой мы ни родились, родились мы в семнадцатом году", читатель осознал, что наша история начинается не с этого времени, а уходит своими корнями значительно глубже, знаменательна своими яркими страницами и выдающимися личностями. В этом было значение романа, воспринятого, скорее всего, как исторический документ, а не только художественное произведение.

Появление романа "Долгие ночи" в печати в те годы, которые позднее были обозначены как годы застоя, стало возможным из-за того, что идеологи местного масштаба не совсем поняли смысл этого романа. Спустя некоторое время, в конце 70-х — начале 80-х годов, когда некоторые ученые, выполняя партийный заказ, начали пересматривать историю, роман подвергся многочисленным нападкам, был фактически запрещен. Так, например, в 1983 году, когда отмечался пятидесятилетний юбилей писателя, на торжественном вечере нельзя было произносить даже название романа — об этом была спущена

соответствующая директива и за ее соблюдением зорко следили "компетентные" органы. Но это только подогревало и до того существовавший интерес к нему со стороны читателей. "Реабилитация" романа "Долгие ночи" произошла только в годы перестройки, в 1990 году, когда Абузар Айдамиров был уже депутатом Верховного Совета СССР, и она проявилась в его переиздании на чеченском языке, а позднее, в 1992 году, был, наконец-то, переведен и на русский язык.

Драматично сложилась и судьба второй книги трилогии — романа "Молния в горах". Автор завершил работу над ним к столетию восстания под руководством Алибека Алдаева, но издать его смог только в 1989 году. Еще до появления в свет по заказу партийного руководства этот роман многократно рецензировался, был сделан его подстрочный перевод, чтобы его могли прочитать партийные боссы республики. В 1993 году, к пятидесятилетию писателя, он уже был подготовлен к печати, но в последний момент набор был рассыпан и вместо него выпустили книгу "Сердце матери", в которую вошли более безобидные произведения — стихи, а также рассказы и повести о современности.

Роман "Молния в горах" тематически связан с "Долгими ночами", в нем встречаются герои, которые уже встречались в первой части трилогии, в том числе и Алибек. Основное внимание писателя в новом романе привлекают события 1877–1878 годов, когда, воспользовавшись тем, что основные силы России были отвлечены на войну с Турцией, горцы подняли восстание, которое было через некоторое время жестоко подавлено — сам Алибек и четверо его ближайших сподвижников были повешены, а многие десятки других участников отправлены в тюрьмы и на каторгу.

Восстание 1877–1878 годов было последним массовым выступлением горцев. На рубеже веков на Кавказе широкое распространение получило абречество. Как отмечал в своем предисловии к переводам чеченских песен Асланбек Шерипов, "власти терроризировали население, а абреки терроризировали эту власть". Наиболее ярким представителем абречества является Зелимхан

Гашмазукаев, державший в страхе администрацию области более десяти лет, вплоть до своей гибели в 1913 году.

Сложные политические и социально-экономические проблемы конца XIX — начала XX века, события первой русской революции, а также последовавшей после ее поражения реакции нашли отражение в романе "Буря", вышедшем в свет в 1999 году. Эта книга по-настоящему до сих пор не дошла до читателя. Изданная мизерным тиражом фондом Зелимхана Гашмазукаева непосредственно перед началом военных действий она уже стала библиографической редкостью.

Надо отметить и ряд других книг Абузара Айдамирова, вышедших в 70 — 90-е годы, — "По горным дорогам" (1975), "Вершины" (1986) и "Один день судьбы" (1993).

В первую из них вошли эпические произведения малых жанров - "В день смерти сына", "Рассказ разведенной женщины", "Хорошие" люди", "Соперник", а также историческая хроника о Шамиле. В рассказах писателя в центре внимания были нравственно-этические вопросы, проблемы духовности. Абузар Айдамиров начал освещать в них ставшую одной из ведущих в его творчестве в последние годы проблему национального характера.

Писатель с болью говорит об этой проблеме, он не только констатирует факты, но и вскрывает причины, предлагает пути выхода из кризисной ситуации, в которой оказалось наше общество именно из-за духовного кризиса. Все эти размышления писателя легли в основу вышедшего в этом году нравственно-философского трактата "Наши нравы".

Роман "Вершины", посвященный изображению жизни чеченского села, многими был воспринят как попытка примирения с властью.

Образ исключительно положительного героя Тумсоева, первого секретаря райкома партии, естественно, не вписывался в ряд полюбившихся читателю героев других произведений писателя.

В книгу "Один день судьбы" вошли одноименная повесть, а также повести "Сыновья свободы" и "Калужский пленник". Первая из указанных повестей была написана А. Айдамировым еще в начале 60-

х годов, но тогда издать ее не удалось, так как она была написана на тему, многие годы остававшуюся запретной — в ней изображен один день из жизни чеченского народа, день годовщины выселения. Своеобразная композиция, напоминающая киносценарий, позволяет писателю показать множество эпизодов, десятки образов, достигнуть тем самым самого широкого изображения жизни народа, поставленного властью вне закона. Повесть полна трагического пафоса, но в то же время наполнена оптимизмом, верой в человека, который даже в нечеловеческих условиях все-таки остается Человеком. Писатель посвятил эту повесть своему отцу, она, несомненно, носит автобиографический характер.

В повести "Калужский пленник" А. Айдамиров вновь обращается к исторической теме. В ней писатель изобразил последние годы жизни имама Шамиля. В отличие от других своих исторических произведений, в которых на первом плане стоят события, в ней писатель отразил внутренний мир своего героя, создал глубоко психологический образ.

В последние годы А. Айдамиров опубликовал в периодической печати большое количество публицистических произведений, в которых осмысливаются происходящие в настоящее время в Чечне события, предлагаются пути выхода из затяжного кризиса, в котором оказался наш народ. Глубоко переживает писатель трагедию, связанную с военными конфликтами, унесшими многие человеческие жизни, о чем написано в статье "Корни чеченской трагедии", вышедшей отдельным изданием в 2002 году.

О своей жизни, творческом пути он написал книгу воспоминаний "Мой жизненный путь", отдельные фрагменты которой вышли на страницах журнала "Орга" (2003. № 7).

Многие годы А. Айдамиров работает над составлением хроники истории нашего народа. В 1991 году вышла в свет его "Хронология истории Чечено-Ингушетии", в которой отмечены наиболее значительные события, начиная с древнейших времен и заканчивая 1917 годом. Над этой хронологией работа еще не завершена, автор

значительно расширяет и углубляет свое исследование, включая в него и события последнего столетия.

Это огромный труд ученого-историка, ценный вклад в развитие исторической науки.

Произведения Абузара Айдамирова больше переводились на арабский язык, чем на русский — в Иордании изданы его книги "По горным дорогам" (1985), "Завещание брата" (1988) и "Долгие ночи" (1988). На русском языке до сих пор издан лишь один роман — "Долгие ночи". Данная публикация на русском языке всей трилогии является, несомненно, хотя и запоздалым, признанием таланта писателя.

Эльбрус Минкаилов,
главный редактор литературно-художественного журнала "Орга",
доцент кафедры чеченской литературы и фольклора
Чеченского госуниверситета

21.1.2006

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке Royallib.com
Оставить отзыв о книге
Все книги автора

Примечания

1

Наиб — военачальник.

2

Газават — священная война.

3

Гяур — человек немусульманского вероисповедания.

4

Устаз — религиозный, духовный наставник.

5

Мюрид — послушник, последователь шейха.

6

Зикр — радение мусульманских сектантов.

7

Кадий — духовный судья у мусульман.

8

Зиндан — глубокая яма, подземная тюрьма.

9

Адат — обычай, традиция.

10

Дечиг-пондар — чеченский трехструнный музыкальный инструмент.

11

Харчу — в борозду.

12

Герка — чеченская мера веса, равная 400 г.

13

Гирда — чеченская мера веса, равная 12 кг.

14

Галнаш — галушки.

15

Юртда — аульский старшина.

16

Тезет — поминки, место, куда приходят родственники и знакомые умершего для выражения соболезнования.

17

Чепалгаш — чеченское национальное блюдо, лепешки наподобие блинов, начиненные творогом.

18

Жайн — богословская книга.

19

Кенти — от слова "кант" — мальчик, удалец.

20

Гали — куль, мешок.

21

Муталим — ученик духовной школы-медресе.

22

Солжа-Кале — чеченское название г. Грозного.

23

Векил — доверенное лицо, сподвижник руководителя секты.

24

Сура — глава из Корана (арабск.).

25

Темир-Хан-Шура — ныне г. Буйнакск в Дагестане.

26

Чинара — дерево из рода платановых.

27

Улем — образованный в исламе, ученый человек.

28

Диван — совет при имамате Шамиля, при необходимости — и суд.

29

Бир-кез — одноглазый (кумыкск.).

30

Уч-кез — трехглазый (кумыкск.). Так горцы прозвали генерала Евдокимова.

31

Мовлад — религиозный обряд, посвященный рождению пророка Мухаммада.

32

Сискал — печеный хлеб из кукурузной муки.

33

Конах — молодец, благородный человек, рыцарь по духу.

34

Салти — солдаты.

35

Инарла — генерал.

36

Настоящее имя основателя новой религиозной секты в Чечне — Кунта-Хаджи. Члены секты, или мюриды, не называют своего духовного вождя по имени, дают ему другое имя. Кунта-Хаджи и Киши-Хаджи — одно и то же лицо.

37

Набахти — тюрьма.

38

Ваши — дядя.

39

Орга — река Аргун в Чечне.

40

Дада — отец, дедушка.

41

Мичик — река в Чечне.

42

Мунапик — безбожник, вероотступник (арабск.).

43

Падишах — царь, правитель.

44

Намаз — молитва.

45

Шалинцы — жители с. Шали в Чечне (ныне — город Шали).

46

Вайнахи — самоназвание чеченцев и ингушей.

47

Генералы Ермолов, Бакланов, Слепцов, Врангель, Николай.

48

Хаким — начальник, руководитель.

49

Буру-Кала — ныне г. Владикавказ.

50

Нохчичо — Чечня.

51

Алдар — князь (осет.).

52

Аманат — заложник.

53

Архалук — кафтан.

54

Аба — накидка.

55

Али-паша имеет в виду грузин и армян, живущих в северовосточной части Оттоманской империи.

56

Имеется в виду Лорис-Меликов.

57

Гурма — жаркое.

58

Шун — низкий столик для еды.

59

Лахта — ниша в могиле, куда мусульмане укладывают покойника.

60

Хонкара — Турция.

61

Поршни — чувяки из сыромятной кожи.

62

Баччи — вождь, предводитель.

63

Байт — стихи, стихотворение.

64

Назм — религиозное песнопение.

65

Карапчим — достанем (ломан, чеч.).

66

Урус — русский.

67

Муртазек — стражник.

68

Баркалла — спасибо.

69

Майдан — площадь.

70

Туркх — глашатай.

71

Совдегар — купец, торговец.

72

Орза-Кала — чеченское название станицы Червленой.

73

Ясин — 36-я сура из Корана, отходная молитва (арабск.).

74

Туман — десять рублей.

75

Валелай — возглас удивления.

76

Сардар — управитель, наместник.

77

Нохчи — самоназвание чеченцев.

78

Аллаху акбар — Аллах велик (арабск.).

79

По мусульманскому верованию, в первую же ночь после смерти человека в могилу приходят ангелы Мункар и Некир, которые допрашивают его о вере. Поэтому мулла после погребения умершего у изголовья могилы читает заам, в котором содержатся ответы на всевозможные вопросы ангелов. Погибшие на священной войне — газавате не подлежат омовению, их не допрашивают ангелы.

80

Сулейман-Эфенди. Описание поступков Шамиля, противных шариату. Сборник газеты "Кавказ". Т. 1. 1847, Тифлис.

81

Шейх Мансур был взят в плен генералом Гудовичем 21 июня 1791 года и заточен в Шлиссельбургскую крепость, где 13 апреля 1794 года умер таинственной смертью.

82

Согласно одной из версий, убийство Бейбулата, о котором в своем "Путешествии в Арзрум" так тепло и восхищенно писал А.С. Пушкин, было организовано русскими властями на Кавказе.

83

Виллает — область (турецк.).

84

Каймакамы — полицейские (турецк.).

85

Нана — мать, бабушка.

86

Тейп — род, племя, родовая община.

87

Валлахи ва биллахи — клятва именем Аллаха (арабск.).

88

Турпал — богатырь, герой.

89

Генерал Врангель.

90

Искаженное Нусрет-паша.

91

Ага — уважаемый (турецк.).

92

Мудур — офицер полиции (турецк.).

93

Вали — правитель. В данном случае — губернатор области (турецк.).

94

Узюм берин — дайте виноград (турецк.).

95

Кудал — медный кувшин с узким горлышком.

96

Алхамдуллила — слава Аллаху (арабск.).

97

Колам — карандаш.

98

Имеется в виду майор Ипполитов.

99

Бекович-Черкасский.

100

Пашалык — владение паши (турецк.).

101

Имеется в виду генерал Ермолов.

102

16 июля 1825 года царские генералы Греков и Лисанович для переговоров в крепость Герзель вызвали 318 старшин чеченских аулов. В ходе переговоров они стали издеваться над старшинами. Один из них схватил за бороду Очар-Хаджи, жителя с. Майртуп. Тот внезапно заколол кинжалом обоих генералов. В отместку царские солдаты перебили 200 старшин.

103

Перевод стихов Умара Яричева.

104

Табиб — доктор, врач (турецк.).

105

Вай, лми! — О, боже! (курдск.).

106

Вай, мэ! — Горе мое! (груз.).

107

Вай, худаи! — О, боже мой! (турецк.).

108

Вай, дада! — Ой, мама! (груз.).

109

Имеется в виду генерал Бакланов.

110

Имеется в виду генерал Туманов.